КОНТИНЕНТ

2001

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 107

Защелкнуть, записать, запечатлеть, на пленке ли, бумаге ли, холсте ли, пусть не вполне, наполовину, треть, не мир, не край, а благодать... Чур, чур меня, Кавказ запечатлеешь, устанешь запечатлевать, устанешь, вымрешь и окаменеешь.

Аркадий Пахомов

В мечтах о будущем, которое снимет все запреты и ограничения, Пастернак строил планы широкой помощи людям, писавшим ему со всего света.

Елена и Евгений Пастернаки

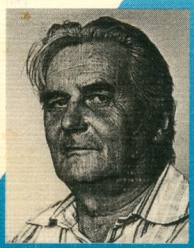

Чем больше пространство больной социальности навязывает себя нам, тем меньше у нас оснований поддаваться его домогательствам. Этот мир беспощаден к нам, но без нас он лишен смысла.

Евгений Ермолин

Однако Сталин отнесся к Лепину с большой серьезностью. А то! Эти зарвавшиеся интриганы, авантюристы, черносотенцы сегодня объявят Ленинград столицей РСФСР, а завтра развалят Советский Союз...

Евгений Федоров

Настоящей либеральной реформы в России не было и, похоже, в ближайшее время не предвидится.

Лариса Пияшева

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи
Григория Марка
Повесть
Ирины Васюченко
Беседу
Инны Александровой с грозненской беженкой Маликой Хашумовой
Статьи
Марины Аптекман, Игоря Виноградова, Марка Пераха
А также наши постоянные разделы
Хроника общественно-политической жизни России — в зеркале прессы и с комментариями «Континента»
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА КОНТИНЕНТА

Редакция «Континента»
выражает искреннюю признательность

Маргарите и Виктору Бернштейнам, Жану Бонамуру,
Лидии Брон, Катерине Герасимовой, Герберту Данзеру,
Изабель Депре, Клоду Кастлеру, Михаилу Копелиовичу,
Ирене Лесневской, Веронике Лосской, Марине Микитянской,
Мишелю Окутюрье, Жоржу Нива, Эдуарду Саруханяну,
Валентине Синкевич, Валерию Сойферу,
Кэтрин и Славе Термер-Непомнящим,
Татьяне Хоффер и Маргарите Якимец

за финансовую поддержку журнала,
способствовавшую, в частности,
и выходу настоящего номера.

Мы благодарим также ректора Университета Истории Культур
Нелли Александровну Попову
за большую техническую и организационную помощь,
оказываемую Университетом
редакции «Континента» в ее работе

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

107

2001, № 1
январь — март

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатели:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТТ

Адрес редакции: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 22, строение 1
E-mail: dzirl@cityline.ru (Москва)
E-mail: continent@home.com (США)

Телефон редакции:
(095) 924-91-51
Internet: http://www.members.home/net/continent

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АВЕРИНЦЕВ
Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНЕВ
Виктор АСТАФЬЕВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Ценко БАРЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Георгий ВЛАДИМОВ
Густав ГЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Яков КРОТОВ
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Лариса ПИЯШЕВА
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Юлия АРОНС
Kaltenhoferstraße 2,
86154 AUGSBURG, BRD
☎ (821) 42-26-58

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Джулия ФИЛИППЕЛЛИ
Via Olmetto, 5
20100 MILANO, ITALIA
☎ (02) 29-00-88-87

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
217 4th ave.
GARWOOD, N.J. 07027 USA
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
26 rue de la Paroisse
78000, VERSAILLES, FRANCE
☎/fax (1) 30-21-64-37

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Аркадий ПАХОМОВ
Чуть-чуть погодя. *Стихи* 9

Евгений ФЕДОРОВ
О Кузьме, о Лепине и завещании Сталина
и не только. *Повесть* 13

Григорий МАРК
Три стихотворения 88

Ирина ВАСЮЧЕНКО
Искусство однобокого плача. *Повесть* 90

РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Хроника общественно-политической жизни России —
в зеркале прессы и с комментариями «Континента»
(Октябрь, ноябрь, декабрь 2000 г.) 183

Беседы в редакции

Лариса ПИЯШЕВА
«Либеральной реформы в России не было
и в ближайшее время не предвидится...» 224

Портреты

Игорь ВИНОГРАДОВ
Парадокс Михаила Горбачева, или Попытка
исторической апологии последнего Генерального Секретаря
Коммунистической Партии Советского Союза 257

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Елена и Евгений ПАСТЕРНАКИ
Переписка Пастернака с Фельтринелли 278

Письмо в редакцию

«То, что происходит в Чечне, очень нужно кому-то».
Разговор с беженкой 317

РЕЛИГИЯ

Марина АПТЕКМАН
Фантастическая каббала и ее роль
в истории русского оккультизма: великое тайное
учение или успешное шарлатанство? 325

ГНОЗИС

Марк ПЕРАХ
Разумный замысел или слепая случайность?
Схватка двух мировоззрений 338

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Сиюминутица. *Поэт в постклассическом мире* 363

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» 381

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОГОДЯ

Крым

Вечер. После дождя.
Черно-бурая пашня,
а за нею, чуть-чуть погодя, —
крест и старая башня.

Слева был виноградник,
пашня — справа,
вдоль не сухие ограды,
речка и переправа.

А над всем этим рос закат,
возвышался плавно и строго,
из него-то, из далека,
вытекала дорога.

На дороге был мягкий иней,
он сгущался, но еле-еле.
Мы несли виноград и дыни
и смеялись, и что-то пели,

и смотрели по сторонам
и вперед на широкое взгорье,
где закатная тишина,
а за всем этим было море.

Дорога

Ушла в себя дорога, залегла
В пучки травы сухой, в шипучий гравий
И в корни, разоренные дотла
Колесами в расхристанной оправе.

Аркадий ПАХОМОВ — родился в 1944 году. Учился на филологическом факультете МГУ. Стихи публиковались в «Знамени», «Континенте», альманахе «Поэзия». Живет в Москве.

Ушла в себя дорога — в дальний путь,
Ведомая неведомым порывом,
Успевшая чуть выгнуться, свернуть
И набок лечь у самого обрыва.

И выпрямиться, вытянуться в нить,
И продолжаться гладко и покато,
Не упуская вдруг над речкой взмыть
И обернуться мостиком горбатым

Затем, чтоб тут же, в следующий миг
Расположиться на опушке леса
И под его развернутым навесом
Забыться и не помнить дней своих.

Ушла в себя, осмыслив каждый сдвиг
И поворот найдя и пересилив, —
Одна из множества живучих и кривых,
Которые куда ни выводили.

Песенка

Нынче ночью погасла верба,
нынче зябко в пустых аллеях.
Я смотрю на зеленое небо,
я лежу на твоих коленях.

Ты меня гладишь долго слишком,
ты мне кажешься много старше,
у тебя есть плюшевый мишка,
ты его гладишь точно так же.

Кавказ

Защелкнуть, записать, запечатлеть,
на пленке ли, бумаге ли, холсте ли,
пусть не вполне, наполовину, треть,
не мир, не край, а благодать...

Чур, чур меня, Кавказ запечатлеешь,
устанешь запечатлевать,
устанешь, вымрешь и окаменеешь.

Вологодские стихи

Повседневное лето, июль, долгополая даль,
комариному зною мерещится полдень сосновый.
по озерной глуши разошлась луговая печаль,
что ни день камыши, сыроежки, гнилушки и снова
толковище ручьев и дождями размытая гать,
а по вечному, вещему, сущему пастбищу неба
опускается к нам сокровенная та благодать,
что бывает сродни каравaю лучистого хлеба.

Хорошо или нет, если полдень дубовый горбат,
если солнце, как пень на попа, на орла и на решку
и, как стадо волов, все холмы разбрелись наугад
и лежат с облаками и круглой водой вперемежку.

Ни забот, ни тревог, в омутах кочевряжится лень,
от мостков к переправе бредут тополя-одногодки,
и кружит поневоле, и тонет за парусом тень,
и вот-вот опрокинет смоленую выскочку-лодку.

А вокруг тишина будоражит и точит виски.
Углубившись в лощину, деревья застыли в обнимку.
И, рыдая от счастья своей допотопной тоски,
молодые волчата грызут сыромятную дымку.

Дождь

В линейку, а лучше в клетку,
глухо, как будто в кадку,
по жалюзям и решеткам
и по кирпичной кладке
срываются полные капли
на деревянный цоколь,
размеренно — оп-ля, оп-л —
простуженный, хриплый цокот.

На происшествие это
смотрю сквозь железное сито
и привкус дождя пресноватый
губам ощущать приятно.

* * *

Не промолвлю я ни слова
и к руке не припаду,
в Новый год и в Старый Новый
не приеду, не приду,

с плеч твоих не сброшу иней,
чтобы таял он в горсти,
никакой во мне гордыни —
что ты, Господи прости...

Я свою гордыню прожил,
как в ангине, как в бреду,
как во сне прожил и все же
не приеду, не приду,

лучше будет или хуже —
не положишь на весы,
слишком сам себе не нужен
я в последние часы.

О КУЗЬМЕ, О ЛЕПИНЕ И ЗАВЕЩАНИИ СТАЛИНА И НЕ ТОЛЬКО

I. Что есть гений?

Раскинешь умом, начнешь ретиво мозговать о Кузьме, о его житии, тут без Бердяева никак нам не обойтись, это точно (кстати, и Кузьма любил выразительные цитаты, его рассказы и весь дневник нашпигованы, перегружены, пестрят цитатами, то Маяковский, то Цветаева, не удивительно, простительная слабость: современный постмодернизм держится на обширных цитатах из чужих текстов, в этом весь Джойс).

В одной из ранних книг Бердяева «Смысл творчества» есть пронзительные, царапающие, удивляющие слова: «Гениальность — (по существу) трагична, она не вмещается в „мир» и не принимается миром... Гениальность не может объективизироваться в творчестве дифференцированной культуры, она не относится ни какой специфической форме культуры, не производит никаких специфических ценностей... В таланте воплощается дифференцированная функция духа, приспособленная к поставленному миром требованию. Гениальная натура может сгореть, не воплотив в мире ничего ценного...» Читаешь эти строки, радуешься, как ребенок, прикидываешь. Как это верно! Не в бровь, а в глаз. Как это все о Кузьме. Если не с самим пассажем Бердяева, то с нашей безудержной увлеченностью Кузьмой (я на всю жизнь отравлен, болен, уязвлен Кузьмой, и не один я) и тем, как мы его интерпретируем, уж наверняка, это как пить дать, согласился бы Розанов, поддержал, одобрил, поощрил бы нас (Бердяев, Розанов несовместимы, по отношению к Бердяеву — Розанов на противоположном философическом полюсе,

---

Евгений ФЕДОРОВ — родился в 1929 году в Иваново. В 1949 году, студентом 1-го курса филологического факультета МГУ (искусствоведческое отделение), был арестован по обвинению в групповой антисоветской деятельности и приговорен к 8 годам исправительно-трудовых работ в лагерях общего типа. В 1954 году реабилитирован. Окончил МГУ в 1959 году. Автор книг «Жареный петух», куда, кроме одноименной повести, вошли еще две: «Былое и думы» и «Тайны семейного альбома», а также цикла повестей «Бунт». Печатался в журналах «Нева», «Новый мир», «Континент». Лауреат парижской литературной премии имени Вл.Даля и финалист Букеровской премии 1995 года. Живет в Москве.

целиком и полностью вне романтизма, вне гностического бунта против великой пошлой серятины, называемой жизнью), вот почему мы так уверены и что имеем ввиду: этот самый Розанов своих друзей Шперка, Руца, надо же! считал даровитее, самобытнее, оригинальнее Льва Толстого («Толстой...Когда я говорил с ним, между прочем, о семье и браке, о поле, — я увидел, что во всем этом он путается, как переписывающий с прописей гимназист между «И» и «І» и «Й»), вот те раз! вот те два! как вам это нравится (мне: ужасно!), кто Толстой, мы вроде знаем, в школе проходили, «Война и мир», «Маша и медведь», а кто такие Шперк, Руц, сие знают лишь специалисты по Серебряному веку, они научные комментарии пишут, они вообще все знают, что имело место быть в ту эпоху (это их хлеб).

II. Хотим мы этого или не хотим, но Кузьма тоже гений

Что же было главным в Кузьме, моем, нашем друге? Так и тянет, трактором тянет, заявить: — Гениальность! Дар понимания другого человека, проницательность, особая восхищающая всех интуиция, как ни странно, хочется даже сказать, женская, колдовская, обволакивающая, пленяющая, ранящая, поражающая тебя. Вот это да! Особый дар общения. Во всяком случае в ипостаси благочестивости и святости он никак и никому не откупоривается (гениальность и святость, Пушкин и Серафим Саровский — у цитируемого выше Бердяева резко противопоставлены). Да, так, в счастливые, лучшие моменты своего бытия Кузьма был гениален, личность великая, неповторимая, живое воплощение гениальности, запросто мог выдернуть и извлечь вас из пучины банальности: рядом с ним вы ощущали себя как бы в сфере воздействия Святого Духа, ваша душа как бы истончается, что-то вроде своеобразного гипнотического воздействия, вы сами становились умнее, ярче, талантливее, дерзновеннее, и вы, естественно, нескончаемо благодарны Кузьме за эти мгновения, минуты, часы, на всю жизнь их запомнили. Кузьма — наше незаходящее солнце, его оригинальная, необыкновенная, яркая индивидуальность оказала мощное влияние на многих представителей творческой интеллигенции (проза, поэзия, литературная критика, кино). О нем, как об исключительном явлении нашей жизни, писали П. Гольдштейн (Израиль), Г. Лесскис, Г. Лепин, Т. Янушевич (Новосибирск).

III. Штрихи к портрету Кузьмы

1. Гений, парадоксов друг

Самое время, да и давно пора, дать краткую биографическую справку, Кузьма (Анатолий Иванович Бахтырев), 1928 — 68, москвич, связь и тесная с деревней Будыльцы, это где-то, если не ошибаюсь, Владимирская область, **«далеко кругом видать»**, **«я люблю деревню»**, красота нео-

писуемая, из Будыльцов тетя Маня, о которой любил художественно распространятся Кузьма, отец — чуть ли не герой гражданской войны, кавалер ордена Красного знамени, *помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки*, вроде не апокриф, размахивал шашкой, не был врагом бутылки, хухры-мухры, все само собой разумеется, умер своей смертью в 31-м, помнится, рассказывали, от туберкулеза, нормальная болезнь девятнадцатого века, сейчас, говорят, научились лечить, сильные лекарства придумали; такие, как он, не нужны оказались в тридцатые годы, их оттеснили, оттерли от пирога буржуазные специалисты, беспартийные умелые, конструктивные, ловкие хозяйственники, а 37-й год вообще поубавил амбиции этой никчемной публике, оказавшейся невостребованной жизнью, оказавшейся не у дел; надменный, так ничего и не понявший Троцкий, полетевший стремглав под каток истории, усмотрел во всем этом перерождение, измену революции и делу пролетариата, мыслители типа Федотова оценивали сдвиги положительно, тихо радовались, чуть злорадствовали (отметить следует, что напрасно недальновидные радовались); в Будельцах, кажется, встретились отец с матерью, она из простых; мальчик рос без отца, сирота, пороть некому, отсюда — семилетка (образование Кузьмы — семь классов, вообще-то может и шесть, парадокс, «гений, парадоксов друг» (Пушкин), хе-хе! разгильдяй, шалопай, народен, эдакий самородок, неуч, а мыла не ест! как же так? а влиял, а вертел, как хотел, лидер интеллектуалов!?

Снова свистнем и призовем на помощь спасителя Бердяева: «...тот, кто вступает на путь... гениальности, тот должен пожертвовать тихой пристанью жизни, должен отказаться от своего домостроительства, от безопасного устроения своей личности... В гениальности всегда есть какое-то неудачничество перед судом «мира», почти ненужность для «мира»». В 46-м умерла и мать, стал круглым сиротой, сердобольные соседи помогали, за квартиру, газ, электричество они платили, их надо уразуметь, пожалеть, у него отдельная комната в общей квартире, у Красных ворот это, Кирова 20, второй этаж, направо, входишь, первая дверь опять направо, устраивались интеллектуальные сборища и побоища, шайка-лейка, вертеп, треп, безмерный треп, компания длинноволосых, дым коромыслом, прокуренная комната, вечно хлопает дверь, вечно кто-то ночует, пакостят, не тушат свет в уборной, управы и удержу нет, кошмар какой-то, ночные бдения, интеллектуальное напряжение, споры до одурения о Наполеоне (не о пирожном: в те годы, карточная система, в нашем, хлебнувшем войны, голода, поколении никто не знал, даже и не слыхивал, что есть пирожное «Наполеон»), Ромен Роллан, индийская философия, Рамакришна, определение материи, что такое материя? ум за разум заскакивает, выход в астрал, нам казалось, этому способствовал климат кузьмовской комнаты, что ось мира прон-

зает эту славную комнату, огненную, даже наверняка так оно и было, мемориальную доску давно следовало прибить, *денег все не соберем*; естественно, чем это махровое безобразие должно было кончиться и кончилось, загудели, как миленькие, время такое было; для Кузьмы это — 1948 год, самый конец, три года терпели соседи — ангелы во плоти; Кузьму сначала забрили в армию, *не ходи-ка ты, Ванек, во солдаты*, на проводах мы напевали, подпевали, взяли из армии, признанный вожак студенческой компании...

2. Опять двадцать пять

(Кононов, наш следователь, на подначку другого следователя, зачем-то заглянувшего, зашедшего майора, почему-то все они там были, как на подбор, майорами, мол, у тебя опять детский сад, ответил:

— Университет чистим!),

... в лидерство и МГБ верило, признавало, и Сталин верил...

(в данном случае они не промазали, Кузьма — лидер, а вообще-то эту публику истина не больно волновала, шили дело — и все тут, на этот сюжет заслуживает внимания одно тонкое и ядовитое наблюдение Солженицына: кто-то, побывавший во многих переплетах, имел возможность сравнить ГЕСТАПО и МГБ, методы дознания и там и здесь были грубыми и суровыми, но рассказчик отдавал все же предпочтение ГЕСТАПО: когда выяснилось, что он ни при чем, не виновен, его освободили, ГЕСТАПО волновала истина, наше следствие истина вовсе не интересовала, за арестом железно следовал лагерь, никого не колышет, виновен ты или нет)

... огреб 10 лет ИТЛ, максимум, что можно было получить по нашим статьям, а нам, его подельникам, мелкой сошке, влындили по 8, вообще-то не мало, на параше не просидишь, загнуться можно, запросто. В 1954 году всех разом, чохом, выпустили, реабилитированы, еще до Хрущева, еще при Маленкове. Опять — двадцать пять, ничему не научились! Все началось сначала к ужасу моих бедных родителей, завертелось, закрутилось. Опять этот Кузьма!

3. Братья по крови

Диапазон литературного внимания Кузьмы достаточно обширен; особое пристрастие — Маяковский, «Я себя под Лениным числю, / Чтобы плыть в революцию дальше», Олеша, его несравненные блестящие метафоры, всякие там *синие груши*, Цветаева, вермут 1 р. 22 к., целебный, отменный, достойный, сладко-терпкий, привкус полыни, звезда-полынь, чернобыль, ямшан, масштаб хрущевских цен... (грех не вспомнить Довлатова, шпилька, острая, это на замечание, что, мол, враги человеку домашние его, хороша шпилька, не в бровь, а в глаз, жена есть жена, на-

сквозь нашего брата видит: «Твои враги дешевый портвейн и блондинки»), Кузьма предпочитал брюнеток, **«я люблю деревню и брюнетку»**, то бишь, Лену Диксон, от нее без ума, бенгальская любовь, о которой он густо, безудержно, безвкусно хвастал на каждом шагу, редкая физиологическая удача, редкая и полная симфония, дающая душевный комфорт, которого не хватало, чуть ли не в глаза вам заглядывал, суетился саморекламно, бесстыдно, непристойно, не мог держать себя в руках, неловко за него, глупая стыдливая улыбка, глупо сюсюкал, *гори, гори прощальный свет,* а ведь это неистово ненавидимый, преследуемый и презираемый за геттингенство Тютчев! прокол! *любви последней, звезды вечерней*, сновидения, неправдоподобная, неомраченная, романтическая, вне быта, заокеанская дива; впрочем, отнюдь не брезговал и блондинками, почему-то в этом месте изложения на ум приходит, само лезет, просится на бумагу А. Франс, его аббат Жером Куаньяр, «то, что вы ищете в женщине, есть в каждой из них», любил Кузьма очаровывать, любил утешить, широк был, некоторые милые дамы, например, Гедда Шор, Эн в «Агараки» («Независимая газета», 26 марта 1999, «Кулиса», публикация Гедды Шор), вели совместное хозяйство, терпела (— Есть предел пролетарскому терпению! — Бухарин, оправдывая НКВД, которое явилось, не запылилось, за ним) эгоцентризм и его разнузданные художества восемь лет, зело обижалась, шипела, на стенку лезла, выкладывалась (а ведь предупреждали нас: *Не верь, не верь поэту дева, его своим ты не зови...*), находила, что слишком широк, неплохо бы обузить, и, нам кажется, была права)

... Хлебников, Корбюзье, дом Центросоюза, дегуманизирующая, крутая поэтика двадцатых годов, жесткая, убедительная, выразительная форма, выявляющая функционально оправданную структуру, репрессивная, добавил бы Б. Парамонов, сдерживающая, организующая разбегающуюся материю, материал, шаг вправо, шаг влево считается побегом, вологодский конвой шутить не любит, не цацкается, быстроногий Маяковский, Малевич, Эйзенштейн, авангард, все его прелести (Борис Михайлович вообще считает, что НКВД это лишь отдел кадров при «Черном квадрате» Малевича и рьяном конструктивизме, иначе говоря, перефразируя Ницше, репрессивная система ГУЛАГа родилась из духа эстетики двадцатых годов, кстати, и у Т. Манна фашизм рождается из музыки немецкого композитора Леверкюна), нарочитая простота, лаконизм, утилитаризм, мода на примитив, на лубок, на архаику; а отношение Кузьмы к Пастернаку — ревнивое, мутное («Удивительно, меня каждый раз охватывает зло от эстрадного певца Пастернака» — дневник, 28 июня 1964 г.), чересчур удавшаяся, чем-то мешающая жизнь (несмотря на... — возражения знаем), «счастливчик» (Ахматова: — Борис счастливчик, у него и на похоронах хорошая погода), «небожитель» (Сталин, произнести с грузинским акцентом), дачник, на ранних поездах, от зависти можно лопнуть, Переделкино, лауреат Нобелевской премии, вот бы нам с

вами читатель, облизнулся бы Достоевский, тот, кто в неумеренном восторге от Цветаевой, кто монополизировал ее (влияние Цветаевой вполне ощутимо в рассказе «Агараки»), необузданную, безмерную, насквозь ультраромантичную, иступленную, оголтелую, того должен удручать, огорчать Пастернак, откровенно и тенденциозно не любил Кузьма Пастернака, видимо шестым чувством улавливал в нем профанацию и искажение своего отношения к жизни, пародию на евхаристический пафос, лишь использовал стихи для пояснения достоинства вермута за 1 р. 22 к., «я жизнь, как Лермонтова дрожь, как губы, в вермут окунал», нельзя не вспомнить его участие в похоронах Бориса Леонидовича, жарища несусветная стояла, *палящий зной в сто сорок солнц бездонным небом целился*, Кузьма был с Геддой, вообще масса знакомых, весь андеграунд тут как тут, кроме Алика Гинзбурга, бедняга сломал ногу, зачем-то выпрыгнул из окна; гроб с телом великого поэта чинно вынесли из дома дачи родные, близкие, чистая публика, культурная, до автобуса литфондовского донесли, по протоколу полагалось погрузить гроб в автобус, чистые сядут в автобус, отвезут на кладбище, захоронят, тихо, мирно, но тут у автобуса нечто произошло, возникла напряженка, тут случилось, если говорить красиво, «восстание масс» (Ортего), а если по-русски («Аркадий, не говори красиво»), хулиганство, Кузьма, именно он, каланча, гибок, отличные стати, «люди смелого роста, улыбаемся грустно» (Панченко, «Тарусские страницы», Кузьма любил, со вкусом цитировал эти строки), умел подчинить себе, своей воле ситуацию, задать тон, жутковатый гипноз, мистика и шаманство, **руки на меч!** возглавил злое хулиганство, хамство, прямоговорение, оттянул по-лагерному, знай наших, показали себя, Кузьма придал действию иной вектор, динамизм, энергию, пущено насилие, нарушен протокол, и мы отобрали гроб безобразной революционной силой у почтенных, солидных родственников, устроили неуместное безобразие, отпихнули, оттолкнули, как водится в подобных случаях на Святой Руси, пристойных, чистых, приличных, культурных, метафорических Рихтеров, оголились, нагло, вызывающе заявили, что понесут любимого поэта на плечах, как в свое время несли от станции к Ясной поляне гроб с телом Толстого, и понесли на согнутых, чувствовали свою высокую правоту и высокую правду, гордились собою, гордо, демонстративно, как эмблему, как символ, несли до кладбища, теперь уже нечистые боролись между собою за честь нести гроб, менялись, несли бодро, несмотря на жару, молодые, задиристые, здоровье позволяло, сын поэта примкнул к хулиганам и хамам, нес гроб, я просил его уступить хоть на минуту, оказать честь, не уступил, счел меня недостойным, а Кузьма меня не забыл, и я сподобился сей высокой чести.

В Израиле опубликован сборник рассказов и литературных заметок Кузьмы под названием «Эпоха позднего реабилитанса» (1973, название не авторское, публикация посмертная, тираж мизерный, смехотворный,

спасибо Гольдштейну и за это; в предисловии Гольдштейна есть слова: «Дорогой друг, я поклялся перед Вашим прахом и перед самой преданной Вам женщиной...», под «самой преданной» Гольдштейн по-видимому, есть основание это предполагать, имел ввиду Гедду Шор, ее выделил, вперед выдвинул: подготовка, корректировка рукописей), в журнале «Континент» (№95) напечатаны пять его рассказов, в их числе блистательная «Белая уточка», умер в 1968 году от сердечного приступа на сороковом году жизни, это случилось 31-го марта, а 1-го апреля, хороша первоапрельская шутка, «весь мир узнал о его смерти и был почтительно потрясен» (из Т. Манна, «Смерть в Венеции», старый перевод), ложный след, самоубийство, не подтвердился, а след сильный, у Т. Манна в конце 2-го тома «Волшебной горы» появляется великий, царственный Пеперкорн, «яркая индивидуальность», ценитель «классических даров жизни», образ сродни Кузьме, они братья по крови горячей и густой, Пеперкорн предчувствует, что может оказаться не на высоте требований жизни, возможно греховное поражение, и — последовало отречение, самоубийство; Есенин, Маяковский, Цветаева кончают самоубийством; твоя жизнь — поэма, балет, танец среди мечей, коррида, фиеста, праздник, который всегда с тобою, плюс — установка на истину (само собой — Истина с большой буквы), «кто с истиной, тот слушает гласа моего», «приидите ко мне страждущие и обремененные, и я научу вас» не догматическому богословию, а жизни...

(ее *глубине, подлинности, интенсивности!*)

4. Нет панциря лучше

... и вместо серьезного, честного разговора в этом месте обычно слышится ехидный смех, а сам-то ты, Кузьма, на высоте своих требований? смолкнул веселия глас, уже и возбудительные напитки не действуют, пробила усталость, «среди разорванных колод, дремал усталый банкомет», хмарь, сумерки, распутица, плачевное состояние, не до фиесты, веки их отяжелели, и они уснули, святой Антоний, притомившись, облокотился, возлег на рога дьявола, когда тот несся с ним над миром (Флобер. «Искушение Святого Антония»), вот здесь-то, начинаются пошлые подковырки, плоть немощна, гений общения, врач, вылечи самого себя, а затем учи нас танцу среди мечей, высоко паришь, где сядешь, жадно ждем поражения, посрамления, падения праведника, дождались, а ведь что-то было в том, как он жил, попробуйте опровергнете Кузьму, философию жизни, как чистую идею, как проблему, нет, не удается критика Кузьмы как экзистенции, как Платоновой идеи, как очищенной от мути антропологической истины, мелко плаваем, коечто видно; смерть всегда является итогом, загадкой, тайной, что тут можно добавить, остается правой рукой чесать за левым ухом, что в духе постмодернизма, а постмодернизм — дух, душа современности; кончился

весенний карнавал, «и дышат почва и судьба», русская судьба, очень русская, русские тяжкие недуги, русские слабости, не поймет и не оценит «гордый взор иноплеменный»; в футляре, в гробу, который стоял в крематории, нет слов, глазам больно...

(там, впереди — огненное погребение, гиена огненная, гиена, пожиратель трупов, санитар леса, полосатая, водится у нас, длина около метра, отменный, занятный хвост, около тридцати сантиметров, имеет легкий, едва заметный фиолетовый оттенок, ночью слегка фосфоресцирует — ничего не скажешь, современно, гигиенично, «без церковного пения, без ладана, без всего, чем могила крепка», в духе суровой, настырной, оглушительной, агрессивной, экстремистской, транснациональной, революционной эстетики двадцатых годов)

... он был красив, чисто, прилично выбрит, прилично подстрижены усы, на мертвом лице, почти неузнаваемом, просто не узнать, нет раздрызганности, нет амбивалентной, двусмысленной, блудливой улыбочки (сплошь да рядом, робкое, срывающееся, изолгавшееся, *сколько дадите*, неуверенность, трусливая неопределенность, наивная аморфность сознания, воля к аморфности, сумрачный, блудливый контрапункт: **«Я знаю, что сего комплимента не стою, но молчу, потому что знаю, что комплимента стою»** — «Агараки»), которую он вечно себе приклеивал, напяливал, за которую улиткой прятался — желтая кофта Маяковского; специфическая, агрессивная, пугающая красота мертвого лица, покоя, жесткость, футлярность, эманация чистой сухой, педантичной формы, лишенной жизни, эманация небытия, определенность, завершенность: объективизация. Танатос, от Кузьмы, можно и должно сказать, *ничего не осталось* (и вот рождается любопытный и, может быть, ой как может быть! поучительный плод: никому не известно, Кузьма, где твоя могила? ради бога и всего святого, не усмотрите в этом густопсовый, беснующийся романтизм, гофманиану, мистику, подоплека более чем банальна, это лишь наши постпохоронные сложности, муть, дрязги). Оговоримся, то что осталось, рассказы, эссе, дневниковые записи, не складываются в цельный, спокойный, полный образ Кузьмы, *гениального Кузьмы*, но не хотелось (и не хочется!) опошлять, говорить, что это просто неудавшаяся жизнь, вообще не идет о нем говорить в терминах пьянства, банального русского случая, в терминах неудавшейся жизни. В этой прямолинейной, пошлой правде проглядывает хула на поэтов и пророков всех времен, хула на Святого Духа

За все благодарю (предсмертный возглас Иоанна Златоуста)! *Аллилуйя*!

Кузьма — знаковая фигура, *это Россия, русская идея*! и мы на него порою киваем в свое оправдание. А история России удалась? революция не удалась, социализм не удался, перестройка не удалась, рынок не удался, дума не удалась, почему нас каверзно преследуют неудачи? плакать тянет! а там, у них, Европа, страна святых чудес, неужели Вебер

прав, все дело в протестантизме, его этике, честность, точность, аккуратность, труд — кормит, лень — портит, протестантские страны богаты, трудяги, а у нас — так, странницы, странники, вместо того, чтобы работать, ходят от одного святого места к другому (Толстой, «Отец Сергий», неточная цитата), самовар изобрели, спутник запустили, сельское хозяйство запустили, блоху подкуем, а вот лошадь не сумеем, «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти» («Повесть временных лет»)! Страшно, если Вебер говорит дело, следует — европоцентризм. А без Германии нет Европы. «Германия — мое безумство,/ Германия — моя любовь» А мы, Россия, вне истории. А, значит, ничего не попишешь, никуда не денешься: Гитлер прав, на территории среднерусской равнины живут неандертальцы, которые даже сортиром не умеют пользоваться, гадят, пачкают стены, «стиль души» (Шпенглер), посмотрите их уборные на вокзалах, посмотрите уборные в деревнях, хотя бы и в северных, нет уборных, под ветер ходят, хлев используют. Зачем истреблять, будем держать в резервациях, китов, тигров не уничтожает наступающая, новая цивилизация. Не следует быть математиком, логичным, и вот уже 30 лет, каждый год 31-ого марта мы собираемся, поминаем Кузьму («кузьминки»), чтим память нашего фельдмаршала, последние годы это случается после панихиды в церкви «Живоносный источник», затем стремглав летим к Гришке Натапову, младшее поколение тоже чтит Кузьму, в этом году Кузьме было бы — страх и трепет! — семьдесят лет, тосты, за светлую память! накачиваемся, его рассказы читаем, мертвые остаются молодыми.

В эссе «О времени» Кузьма наградил нас перспективной и выразительной формулой, что-то вроде символа веры, заповедей блаженства или на худой конец — воскресной проповедь, раскрывающая евхаристическую тайну:

«И ни в коем случае, если ты поэт, нельзя писать».

«Мысль изреченная есть ложь».

Это — волки от испуга скушали друг друга. Попытка статикой выразить динамику, Члено(да, да)вредительство. Мир это Храм, а не мастерская.

Без чуда нет мира, как нет его без поэта. Без влюбленного.

Остальные — циники, иначе — бессильники. Боятся и разлагают собственную любовь — признак ничтожедушества, невлюбленности. Капитуляция, трусливое признание несоответствия, а не: «Вот я весь, я вышел на подмостки» (Ба, погодите, так ведь это тобой нелюбимый Пастернак? «Гамлет»? основной вариант: «Зал затих, я вышел на подмостки» Еще прокол!) **«Опять безумной девы стон, опять победа Фортинбраса»** (Это — Муравьев, «Гамлет»).

Нет панциря лучшего, чем тельняшка (все время язык чешется, тянет возразить тебе: а деревянный бушлат не лучше?).

Тютчев решил историческую задачу, но на всем его решении отложилось геттингенское образование.

Недаром немцам так удаются книжки о гигиене брака. «Любимые притом», и Майданики (удар ниже пояса, но удачен! восхищение!).

Не в Марбург надо ехать, а на Кавказ!...

5. Для мудреца как собеседник...

(на эту тему вроде можно читать его «Агараки», сулит, описывает рай и нечто. «**Сегодня, утром пытался (заметьте, в час гулянья** — заметили, запомнили) **достать собаку (хотелось словом перемолвиться**»— (с аппетитом углядели нечто, на ус намотали, неужели больше не с кем словом перемолвиться? ты вроде там с Эн? Гамлет у Шекспира с черепом разговаривал, «для мудреца как собеседник, он стоит головы живой», еще вспомнили несчастную Анну Каренину, вспомнили ее внутренний монолог: — «Ничего вам не весело! и собака вам не поможет!» Так-то. Получается, рай-то рай, скорее потуги на рай, все помехи, изнанка, мура и мурашки, чача, пиво, нечто гложет, девальвация, какая-то кошка под дождем, он в Агараки с Эн, с самой Эн, абсолютный вкус, гениальный имитатор, что еще, казалось бы, требуется для счастья, Ахматова, правда, говорила об «одиночестве вдвоем». Не будем вникать, копаться, заглядывать бессовестно в чужие окна, горько всплакнем по другому поводу: *Отъездились!* На Кавказ, господа хорошие, отъездились! Грустно вздохнем, что нам остается, разведем руками, воздержимся от безумных и сбивающих с толка сумбурных, сложных речей...

(запустим кино-глаз в духе Дос Пассоса, — А. Серба, «Независимая газета», Содружество №4, апрель 1999:

«Так же абсурдны притязания Грузии на Абхазию, вошедшую в 1810 г. в состав Российской империи, что было закреплено на международном уровне в 1812 году Бухарестским миром. Так откуда у какой-то крохи Грузии, которую ее уроженец Сталин назвал «маленькой территорией России, именуемой себя Грузией», которая в 1810 г. была на грани уничтожения и слезно молила Россию о защите и о которой при заключении Бухарестского мира не было и речи, — откуда у нее притязания на Абхазию, включенную помимо ее воли в состав Грузии в 1931 г.? Когда и на основании каких нормативных актов у Грузии появились права на Абхазию, которая, согласно нормам международного права, вошла в состав России, с оружием в руках вышвырнула из своих пределов насильственно навязанного ей коммунистическим режимом «старшего брата-грузина» и, подтверждая незыблемость своего исторического выбора в 1810 г., желает вновь быть с Россией?»)

... в этом деле мы мало петрим (а кто кумекает? кто Спиноза?), а раз мы мало петрим, легко надсадиться, не то или лишнее сморозить, лучше помолчим, плесканем чашу с молчанием, подольем молчания укло-

нимся от ответа, от случайных, безответственных, опрометчивых высказываний. Помянем Лейбница, может, прав Лейбниц, все к лучшему в этом лучшим из возможных миров; поспешно вернемся к пассажу Кузьмы, есть позыв, как следует одернуть Кузьму, перебить, окрикнуть, свиснуть, гаркнуть: «— *От себя не уедешь*!» вот это-то стало до боли ясно все той же Анне Карениной, и она стремглав сиганула под поезд; кажется, помнится, что-то подобное и близкое говаривал мудрый Сократ в Афинском суде, раскрывая, почему он не идет на изгнание из Афин, предпочитает казнь, смерть)

... **Тот, кто не охотник — тот не любит природы. А Хемингуэй — это какой-то северный вариант испанца. Коррида, видишь ли, ему, гуманисту, понадобилась!**

«А он говорит: в Марселе
такие кабаки,
такие там ликеры, такие коньяки»

6. Почему «зубная боль»?

Кузьма не больно религиозен, эпоха такая стояла на дворе, какой-то галопирующий восторг перед 20-и годами, они вламывались в жуткую моду, опять же Маяковский, Цветаева, с ее экстатической, утомительной, романтической игрой, опять же левацкий революционный авангард, Малевич, за ним конструктивизм, пытаемся связать нить, разорванную Сталиным, завещание Ленина, театр Современник, повальное увлечение, *уберите Ленина с денег*! — довольно смело, прогрессивно, культурно, просвещенно, восстановление ленинских норм, ленинщины, новый левацкий смелый поход против официозного, казенного, фундаменталистского, реакционного православия, массовое закрытие Хрущевым церквей, вычеркнем и проклянем сталинскую эпоху, 37-ой год, договор с Гитлером, дело врачей, до Сталина все было хорошо, левацки славно, левацки здорово, Сталин пришел и все опошлил; это мироощущение живуче, отражено в книге Рыбакова «Дети Арбата». Книга имела бешеный успех, общий тираж фантастичен, около 6-и мл., сопоставим с Библией, а какой гонорар! если поверить на слово Парамонову, что «истина есть гонорар» (Пушкин: «Что слава? — Яркая заплата на ветхом рубище певца, / Нам нужно злато, злато, злато; / Копите злато до конца!»), от Рыбакова нельзя просто отмахнуться: явление.

Сказать, что Кузьма был не религиозен, ничего не сказать: он был придирчиво, обидчиво, воинственно, до страсти антиправославен. Из эссе — «**Другу Прохорову**» (М. Ремизова, она дотошная, все знает, считает, что в «оригинале» стоит — Федорову): «**От пасхального елея** (не очень ясно, что все же имеется ввиду, возможно, праздничный стол на Пасху) **пахнет карелинским** (намек, читай — *предательским*: Феликс Карелин посадил кузьмовскую компанию, агентурные материалы, кото-

рыми огорчал нас следователь во время ночных допросов и сокрушил, все Карелина; этот был не просто банальным стукачом, а провокатором; сложность ситуации в том, что он запутался и сам проходил по нашему делу) **ладаном — он первый формализовал** (крестился; Кузьма полагает, что Карелин крестился первым, пусть так, а что из этого?) **религиозные бредни 48-го года** (бредни? что сие значит? Рамакришна, индийская философия, философские искания, бдения молодежи, комната Кузьмы, Кирова 20, это у метро Красные ворота?! твое каждое слово дышит ядом! перегибаешь палку, Кузьма, что на тебя нашло?), **первый сохранил верность убеждениям** (и Александров сохранил, да и ты, Кузьма, сохранил! любишь стихию революции, еще как! великие Будельцы, там кавалер ордена Красного знамени гулял, заваливал в овраге девок, рубал всё и вся модной, авангардистской, романтической шашкой, **нам хоть паралич, но прогрессивный**, левизна, левизна всяческая, Маяковский, альтер эго, ощущаешь себя, переселение душ, эдаким непобедимым, вечным, не памятником на площади, а живым, во плоти Маяковским), **первый увидел звезду** (у Феликса, его версия, были какие-то мистические видения, недоступные уму, никто из нас, кроме Феликса, звезду не видел: Феликс первый и последний) **в ночь на 1 апреля, правда, насколько помню, по новому стилю Я забыл древнерусскую пословицу: Не то «Иван Кузьме не товарищ», не то Ну, ка*** (может — как: вообще-то смысл один и тот же), **Андрей, ешь чечевичную похлебку?»**

Юпитер, ты сердишься!

Ты пишешь (6 января 1964):

«Я не хотел встречать Новый год по теме идейных соображений, но поддался ортодоксу наклонностей.

К числу соображений относительно бешеная, как зубная боль, неудовлетворенность, как я уже говорил, конструктивными друзьями»

Неужели главное и демоническое зло мира, не дающее тебе жить и дышать, «конструктивные друзья»? Шмаин, Федоров? Крайне подозрительно, что ты так раздраженно, неугомонно, сердито пишешь, срываешь голос, петуха даешь, сплошные обгоняющие, опережающие неувязки. Почему ты попал в капкан мутных, темных чувств? почему «зубная боль»?

Непростой вопрос, и мы не будем его до конца прояснять, в каждом из нас много темных глубин, и не они определяют человека.

IV. Лепин первым стал писать о Кузьме, но он прямой антипод Кузьмы: шибзик, сухарь, чужд, чужероден

Первым о Кузьме взялся писать Лепин; он лепит образ Кузьмы, используя термины — «*русский странник*», к каликам перехожим Кузьма причислен. Лепин пишет:«Было *мужеством* остаться с открытым

* В цитатах из Кузьмы сохраняется авторская орфография и пунктуация

вопросом о Боге... не менять (в тексте «не менее», видимо опечатка) его ни на какой *богословский, догматический*, человеческий ответ»... «православное возрождение повернулось к Кузьме Карелиным...»

Для полноты картины и к месту вспомнить одно замечание Кузьмы, слова в некотором смысле пророческие: «**Я своим долгом, своей обязанностью почитал написать воспоминания об Р. Г., чтобы не написал *дурак или чужеродные***» («Другу Прохорову»). Можно сказать и со всей несомненной однозначной определенностью, что Лепин для исключительно художественной, исключительно гениальной натуры Кузьмы и был таким «чужеродным»: пустобрехом, человеком скудных чувств, пресной эмоциональной жизни, одни фокусы и пустые выкрутасы чистого разума, раздражающие, профанирующие истину, скучно-заумный «**геттингенский**» (простите — любимое словечко Кузьмы) подступ, мертвящий, высушивающий, убивающий все живое. Могу свидетельствовать (могла бы и Гедда Шор, вообще-то очевидцев более чем достаточно), Кузьма был во всем полярен, во всем антипод Лепину и плохо переносил его, видел в нем засохшее древо жизни, удавленное механической рассудочностью, неаккуратной легкомысленной приблизительностью, образчик коротких замыканий, абстрактной пустой заумности, несуразности, белого шума, ветра, близорукости, деревянных, дубовых, пустопорожних псевдоглубокомысленных разглагольствований, да в этом весь Лепин (позже Солженицын лихо, по-конармейски, слету и на веки веков, как он это умеет, наградил, обозвал нашего Гришу «образованцем»); Кузьма гадливо морщился при одном упоминании имени Лепина — вступала в права и силу неаппетитная физиология и прочие напасти, словно взял в рот омерзительную живую французскую устрицу, издающую пронзительные писки, когда ее травят лимоном, чересчур уж разные группы крови (Кузьму в данном случае принял бы Розанов, вспомните отношение Розанова к Венгерову).

V. А все-таки именно Лепин учуял фашистский заговор, во главе которого стояли черносотенец маршал Жуков и черносотенные ленинградские партийные функционеры, намеревавшиеся восстановить в России монархию со всеми ее прелестями, как то — кишиневский погром, еврейское гетто. Лепин забил тревогу, написал честное бескомпромиссное мужественное письмо Сталину

1. Царица полей

Мне не раз приходилось защищать Лепина от злых и несправедливых наскоков Кузьмы, треплемся во всю, балды балдеем, говорю что-то, обеляю в меру сил Лепина — мой лагерный единомышленник, лагерный *керя*, одним бушлатом накрывались, одну баланду хавали, одного

клопа кормили, брат мой во клопе, люблю! с нашим кругом Лепина познакомил я, вроде несу за него некоторую ответственность. Говорю, мол, это благороднейший, добрейший человек, бессребреник, прелесть, трогательный чудак, Донкихот, его жизнь — сплошная клоунада, словно Донкихота читаешь, такие чудаки украшают мир, а Ромен Роллан говаривал и сдваивал: — «Донкихот это лучшее, что можно сказать о человеке». Весело травлю баланду и про то и про это, рассказываю, что этот Гриша прямо-таки чучело гороховое, ходячий анекдот, нет, не мелкая букашка, а большой оригинал, уникум, своеобразная, самобытная, подлинная личность, говорю разные разности, с энтузиазмом рассказываю, как и почему Лепин пострадал и оказался с нами в одном лагере, не чета многим, он же взвалил на свои плечи подвиг необыкновенный, впрочем все было просто и естественно, новая мысль разворотила кокон, выскочила, выпрыгнула, захватила, полонила сердце и ум, держала по-бульдожьи, крепко, не отпускала, при всей своей невозможной, ужасной близорукости он все прозрел! стучи и откроют, дерзай, прямо сама судьба собственной персоной постучалась в дверь и призвала, и вот тут-то наша «царица полей» — так в те годы он себя именовал, утверждают злые пересмешники, только так и не иначе, а еще эти мелкие людишки любили дразнить Гришу, все спрашивали, расскажи откровенно, как на духу, людям, в какое место тебя немец подстрелил? — так эта самая «царица полей» состряпала и предъявила Сталину вдохновенное письмо, Лепин вынужден был предъявить, таково требование его природы, здесь начинается характер, а характер есть внутренняя суть личности, ее экзистенциальный аспект, а это вам не жук чихнул, не перчатка, не сменишь просто так, зов предков и есть его миссия на нашей грешной земле, подчинен всецело роковому безумию, как сказал поэт, «он знал одной лишь думы власть, / одну, но пламенную страсть», и таким образом мощно заявил о себе, порыв и прорыв, а что оставалось ему делать со своими твердыми, выверенными убеждениями? цельная натура, резв и пылок, как замечательный герой Сервантеса, норовист, боевой, бесстрашный склад ума, подналег, преисполнился усердием, четыре месяца без передыха и не покладая рук работал, то был зов честной молодой революционной совести и веление сердца, во всю накручивает, гонит перо, слова на бумагу мечет и улыбается, крылья выросли. Черпает отвагу в архетипических глубинах своей психики, ляпнул сгоряча и по молодости много лишнего, лукавый за язык дергал, тянул, ловкие, эквилибристые подобы и метафоры самозарождаются, как юркие блохи, выскакивают на поверхность сознания, лови, вот она! ой! ай! поспевай, разошелся, на одном дыхании нашмулял, так расписался. Не *слова, слова, слова,* (Гамлет), а ***слово***! Логос! *звезды жались в ужасе к луне, если, словно розовое пламя,* ***слово*** *проплывало в вышине.* Прямо и бесстрашно вопрошал. А что же такое, скажи-

те на милость, получается? еще вчера авангард, штурм небес, революция, еще вчера апофеоз беспочвенности, интернационализм, а тут, здесь и вокруг, такое пошло и идет? вляпались! погоны, министерства, гимназии, аттестаты зрелости, пьяное офицерство, грязища, страшно в уборную войти; мыслил честно и откровенно, премудрость так и сыпалась на листок бумаги, как из рога изобилия, переписывал, пережевывал, шлифовал стиль, достиг могучей власти над формой, местами это было вкрадчивое, все исподволь, тихое, нашептывающее слово, местами переходил на нахрапистый, пророческий, масштабный, сокрушающий библейский тон, форма выверена от века и на века, главное и наиболее совершенное его творение.

Закончил, свершилось!

2. Крик души

Оно, видать, погибло в архиве Сталина, во всяком случае канонический текст погиб, горят рукописи, еще так ладно горят, нет закона сохранения информации, правда некий старец Афонский, отец Силуан, позволил себе дикой смелости мысль, утверждал, если бы Евангелие было уничтожено, не дошло до нас, случилось бы чудо, оно восстановилось бы Духом Святым. Текст письма Лепина можно лишь частично реконструировать по протоколам допросов, а из протоколов, которые Лепин внимательно прочитал и подписал, следует со всей наглядностью, что на допросах он не вилял, не петлял, не наводил тень на плетень, дудки, не отделывался отвлеченностями и общими рассуждениями, не ограничивался соображениями узкого профессионализма, вот в результате чего получился умный, с огоньком и настоящей убедительностью, дерзновенный, с сумасшедшинкой в интонациях, сенсационный текст, апеллирующий к вечности, изобилующий великими мыслями, в послании (message!) к Сталину он выступил как восторженный певец русской интеллигенции и как бесстрашный заклинатель и проклинатель русского хама, хама и неискоренимого черносотенца, метафизического врага, это был крик души, протест, гневный, бескомпромиссный, разоблачал армейские порядки, послевоенный быт, беспробудное пьянство офицеров, идет разложение армии, армия должна стать другой, подлинно революционной, возвратить ей немедленно старое название, у нас была Красная армия, была, есть и будет! вернуть армии революционный дух и изгнать дух Щербакова, Жукова, Кузнецова, вернуть улицам Ленинграда, колыбели революции, революционные названия, не Невский проспект, а улица 25 октября, пусть будет! отменить погоны, долой погоны! отличной изюминкой этого документа был беспардонно смелый выпад против Жукова, крепко и разнообразно бодал, здесь он пускался во все тяжкие, проявил бойцовые качества, на войне, как на войне, не стеснялся, письмо изобиловало намеками и

ядовитыми словами о зазнайстве, самодурстве, самоуправстве маршала. Лепин своим провидческим, подозревающим и подозрительным умом глубоко раскусил эту темную лошадку и теперь опытной рукой выводил на чистую воду, крепко приложил, припечатал, нашел нашептывающие, последние, исчерпывающие, сокрушающие словеса, сумма суммарум: мы имеем дело со страшным, нахрапистым крокодилом! крайне опасен! притаился, ждет своего часа для прыжка, нет, нет, он не от нашего доброго революционного корня, рассмотрите внимательно портрет работы художника Корина, невыносимо отвратительные, осатанелые глазища, бонапартьи, полны термидоров и кулацких контрреволюций, привлечь для убедительности портрет работы Корина — сильный, ловкий ход, нашептывающий, затем ввернул цитату из Ленина, дальнобойная снайперская цитата, неплохо легла («В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, самый глубокий»), похоть теургического пыла, распалялся, быстро строчит письмо, не переделывает, подхлестывающее вдохновение, чем меньше работает над текстом, тем лучше получается, понесло, понесло, резво выскочила на поверхность сознания особенно навязчивая идея, пошел вразнос, заговаривается, выкладывается, час гнева, полон самого что ни на есть благородного негодования, необуздан, распоясался совсем, тут и сами явились выражения вроде того, что Жуков — враг рода человеческого, отвратительная рептилия, шовинист, откровенный черносотенец, антисемит, поднимает голову бонапартизм, правокулацкий, националистический уклон, а темный, черный многомиллионный русский люд, которому приписывается особая интуиция всеединства и соборности, какая соборность, ксенофобы опупелые, жопу подтереть не умеют, в уборных на полу гадят, на потолке! свиньи, свиньи, хуже трефных, грязных свиней, войти страшно, грязь, дерьмо! весьма в сапожках не пройдешь, а туда же, всеединство! это черносотенная, византийская мгла, темное мещанство, темное мутное дремучее мужицкое царство недочеловеков, слепо любит маршала, считает, вопреки фактам, великим полководцем, выигравшим войну, Суворовым, *наука побеждать, быстрота, глазомер и натиск, пуля — дура, штык — молодец, ура, Варшава наша!* готовы идти за ним в огонь и воду, всегда готовы встать под грязные, источающие вонь хоругви пресловутого православия, одичание великое, отвратительное, неисправимая, гнетущая серятина, обывательщина, дикое, безнадежно костное бескультурье, вот чего навалом в русском народе, вот чего воз и маленькая тележка, и его желчная неприязнь к интеллигенции, к образованным людям, к культуре вообще, к экуменизму. И это неискоренимо! Маршал тайно крест нательный носит, не стыдно? член партии! что-нибудь одно, либо крест и почва, либо партия; послабление, чуть гайки ослабили, несколько вонючих

попов из лагерей отпустили, им уже руки целуют, как это негигиенично, тошнотворно физиологически, рвотно, они уже умами владеют, нива зла, распространяют миазмы, растлевают юношеские души, пионеров ловят, кресты на них вешают, даже на некрещеных, даже на еврейских мальчиков, а это уже равносильно физическому покушению на еврея! как такое возможно после Освенцима? было уничтожено шесть миллионов евреев только за то, что они евреи, в том числе и дети, маленькие дети, весь мир должен содрогнуться и стать иным после Освенцима, тревогу бью, в этой стране только и слышишь, православие, самодержавие, народность, Россия остается темной крестьянской страной, народ чужд пролетарской, марксистской идеи мировой революции, наметилась смена скрижалей, почва! на ней, как грибы после дождя, вырастают почвенники, тихо, незаметно, подспудно идет полным ходом восстановление царского режима, дореволюционной России, идет уклонение от революционной космической эры, и этой реставрационной, адовой тенденции не видно конца и края, никогда она не сгинет, не сойдет на нет (энергично подчеркнуто два раза), влетели в густое облако абсурда, завтра начнется праздник откровенной непристойности, восстановят храм Христа Спасителя, патриарх уже есть, молебны творит, коммунисты того гляди со свечами будут стоять рядом с попами, и все они, включая пионеров, понесут хоругви, иконы Богородицы, пойдут дружно и хором петь «Боже царя храни». Вот что серьезно, опасно!

3. Идиот

Нынче и присно есть все необходимые и достаточные основания величать Лепина *первым подписантом*, всех переплюнул, предвосхитил наше демократическое движение шестидесятых годов, много звезд на небе нашего диссидентского движения, видимо-невидимо, но Лепин звезда смелая, самая яркая, звезда первой величины из всех видимых звезд, будет правильным прямо сказать, что Лепин, надо помнить, господа хорошие, задолго до Якира и Красина поднял диссидентское, бунтарское, гордое знамя, определил все то, что случилось в 60-е годы, при этом не был анонимом, как Синявский и Даниэль, как некоторые, даже не мало таких развелось одно время. Алексеевой следовало бы с Лепина начать и вести историю «инакомыслия» и диссидентства, если она желает быть объективной и не тенденциозной, в ее книге «История инакомыслия в СССР» роль Лепина слабо прописана.

Спросим себя, а чем в те годы, когда Лепин начал борьбу, занимался Сахаров, авторитет, главный диссидент, главный пряник, наш заступник и великий современник? А вот чем: создавал для преступного режима преступное оружие, водородную бомбу! Разве не так? Хорош гусь, а где же совесть? Не видно никакого настроения к раскаянию, к самобичеванию, к самораспятию, не мучается угрызениями совести, судя по тому,

что о нем пишет вдова, не из тех, у кого больна и свербит совесть, да и у нас с вами на его месте не свербела бы: ловко человек устроен. Получается, разработал и создал преступное оружие для преступного режима, технарь гениальный («уж такой не Ландау!», Исаак Яковлевич Померанчук не раз говаривал: «Андрей Дмитриевич не столько физик-теоретик: он — гениальный изобретатель»), нахватал орденов и премий, а мы с вами им восхищены до идолопоклонства, готовы наше время, семидесятые, восьмидесятые годы, назвать «сахаровским», так во всяком случае полагает В. Корнилов. Где-то в августе 1953-о года, вскоре после смерти неожиданной Сталина, происходит испытание водородной бомбы, крепко хлестнула, на удивление, в затылках чесали, Маленков на радостях звонил Курчатову, поздравлял, спрашивал, чье это творение, разошелся на радостях, ликовал, кричал в трубку, «обнимите его за меня, расцелуйте», пригвоздил *жирным поцелуем несчастного к позорному столбу*! закроем тему, она татуирована; знаем, позже, в шестидесятые, Сахаров завязал, так надо было! Но вопрос повисает, кто создал большевикам преступную бомбу? Пушкин? Папа Римский? Мы не против Сахарова, мы лишь горой за Гришу, ведь вон когда, в те самые годы он дерзает, с открытым забралом помчался в безумный бой, летит на брань с возрождающимся византизмом, национализмом, бескультурьем, обскурантизмом, мракобесием, за это пострадал, угодил в лагерь. Чем не герой? Силен, а? да такое и не снилось в те годы Сахарову. Не будем забывать, кто наш истинный пряник! когда думаешь об историческом письме Лепина, приходишь в восторг, начинаются сплошные охи! будем же чтить героя и отдадим ему положенные по праву почести. Не случайно Сталин обратил внимание на письмо Лепина. Оно роковым образом, как и письмо Капицы о русских талантах — напомним, Капица в простых словах, но настойчиво подсовывал и очень рекомендовал Сталину опубликовать книгу Гумилевского «Русские инженеры», писал, «книга о наших талантах в технике, которых немало... картина развития нашей передовой техники за многие столетия... обычно мы недооцениваем свое и переоцениваем иностранное...», в письме речь о наших замечательных умельцах, припоминается Можайский, который сконструировал еще в 1881 «прообраз» самолета, Розинг, в 1911 осуществил первую лабораторную телепередачу, эти изобретения определили лицо двадцатого века, но реализация изобретений произошла во Франции и США — определило судьбы послевоенной политики в сфере идеологии, нацелило вектор абсолютной державной воли, постулировало знаменательные, достопамятные трагические события. Так не будем уподобляться хитрожопому обывателю, цыпленок тоже хочет жить, который знай одно твердит, *живи тихо, не залупайся*, а, услышав жуткие подробности исторического письма, неистово возопит:

— Полное безумие! Князь Мышкин! Идиот! О тебе, идиоте, Женева плачет горькими слезами! нам дурно! Сам на себя донос написал!

VI. Кузьма ничего кроме дури и патологической еврейской мнительности не увидел в судьбоносном письме Лепина

1.Страсти по Лепину

В который раз увлеченно и с энтузиазмом, захлебываясь, рассказываю трагикомическую, обескураживающую и порядком душещипательную историю, святое предание Каргопольлага о том, как наш Лепин влюбился слету и насмерть в одну юную зэчку, уборщицу на подсобном хозяйстве, где *пряники перебирают*, по ОЛПу бродил, как зачумленный, не пожелал выходить из лагеря, и его пришлось выставлять за зону, ну — шекспировская драматургия, и все на наших глазах, в театр можно вовсе не ходить, страсти по Лепину (на какое только словоблядие не пускаются друзья, чего только не трепят друг о друге, и все это за глаза, страшно и вообразить! Тяжелый случай! Как только косточки не перемывают! Ах, ой, как нехорошо! каюсь, каюсь)...

У Кузьмы хоть глаз сугубо наметан, набит и уловист на всякие там психологические ляпсусы и казусы; в этом Кузьма безгранично смел и гениален, как никто, но и он первоначально потерялся и растерялся; лишь спустя некоторое время прозрел Лепина, как идею (Лепин, как социально-психологический тип), и вот вновь тычет мое робкое, растерянное, растерзанное, разорванное сознание в уродливый, жаренный фортель, который так преспокойно, так чисто учудил наш распрекрасный гегельянец, призывает к честному, объективному, объемному виденью мира, разбирает, детализирует эпизод, преподносит его, как козырь, как неслучайный символический акт в широком и даже метафизическом плане, как некую бесценную улику, пытается снять покрова с абсурдной действительности, призывает, зовет меня смело войти в непонятную, шокирующую и пугающую истину, а я сокрушен, растерян, труслив, слеп (известно, что подлинные слепцы не те, кто не видит, а те, кто не хотят видеть); Кузьма гнет свое, давит, угнетает наводящими вопросами, как Сократ в сочинениях Платона — саморегулирующийся, самоуглубляющийся диалог, рождающий и обнажающий истину.

2. Назвался груздем...

Кузьма не сильно верит в фантастическое письмо к Сталину, да было ли оно? Не блеф ли? Предлагает и настойчиво рассмотреть эпизод, в котором весь Лепин, вся его натура, как на ладони. А эпизод знаменателен! Было, было, случай из самой жизни, дело было где-то в середине 50-х, давно, уже предания старины глубокой, живых свидетелей нет, собиралась компания, Кузьма был, Колька Смирнов, я был, Ирина Игнатьева, ну и Лепин, намеревались провести вечер, настроение было, поболтать, почесать языки, поддать немного, самую малость,

как же без этого. К выпивону не приступали, еще не махнули по одной (— Со свиданьицем!), не крякнули. Лепин одарил нас тирадой о Гегеле, велемудро загибал что-то об инобытии духа, о напряженности неразвитого принципа, словоохотлив, славно хвост распустил, летал в философские дали, припадок краснобайства, заслушаешься (заливается соловьем (Зощенко: — Милый, почему так сладко соловей поет?), его тема, карты в руки, не лыком шит, современный усовершенствователь Гегеля; в разгаре речи, без всякого внешнего повода, видать, что-то вспомнил, случайная залетка, ассоциация, а то какой-то там постоянный зуд, что-то чешется, буравит, сверлит, свербит и не дает философской душе покоя, прервал бесстрашный лет свободной мысли, перебил самого себя, брякнул ни к селу, ни к городу, что в жизни не встречался ни с одним христианином, жаждет о встрече. Колька Смирнов возьми и скажи, словно за язык кто дернул: — Ну, я христианин. Сказал совсем бездумно, не опасаясь подвоха, не придавал особого значения сказанному; а Лепин весь напрягся и сосредоточился, набрался силы, духа, напорист, динамичен, реактивен, он в новом агрессивном качестве, у нас не заржавеет, вдруг, стремглав, словно с цепи сорвался или еще с чего-то там, весть такой порывный и истребительный, сорвался с места, распустил крылья, оторвался, летит, неожиданная атака, развивает ускорение, в два холеристических прыжка подскочил к Кольке, весь как до чрезвычайности самоуверенная, мощная зарница, молния, хлобысть по физиономии Кольке, вот так так! ручка маленькая да удаленькая, жилистая, видавшая виды, шелапугу в тридцать пудов держит, есть чем похвалиться, посрамила, попрала Гитлера, попрала антисемита маршала Жукова, глубоко посрамила начальника карантина Шилкопляса (это — в нашем лагере, не только заушил, но и постарался, удачно, метко, как верблюд, плюнул прямо в зенки сучьи этому гаду невыносимому, антисемиту позорному), попрала самого гражданина начальника комендантского ОЛПа Кошелева, антисемита, бросала на ковер (разумеется, на идеологический ковер) опасного Солженицына, империалиста, византийца до мозга костей, каким является всякий русский патриот (и Сахаров обвинял Солженицына в «религиозно-патриотическом романтизме»), накачал мускулы, литая ручка, да как крепко, предельно брутально, всамделишно, впечатлительно, чувствительно, громоподобно, с оскорбительным, победоносным смаком обалденно звезданул, гоп-доп, не вертухайся: — Подставляй другую щеку!

У Кольки в глазах аж темно стало, все преизрядно запрыгало и поплыло, лицо приметно, интенсивно теряет краски, делается совершенно мертвенно серым, как мертвая штукатурка, кровь в сыворотку сворачивается, внутренняя шерсть разом стала дыбом, станет, если вам как следует, зубодробительно в морду угодят путево, поставьте себя на его место, сопереживаете, вчувствуйтесь, желваки у Кольки заработали,

ходуном ходят, задыхается, задохнется того гляди, прерывистое дыхание, громко забулькал (вообще-то есть такая поговорка, русская, между нами говоря, не заморская, лакейская, *назвался груздем, полезай в кузов*, вообще-то сказано, заметано, завоевано и записано, да, заметано, знаем, помним, эта важная, первая, нагорная инструкция Христа вызывает улыбочку у цивилизованного современного человека и ощущение неловкости: Мф., 5. 39: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую»: Лк. 5. 39: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую»), совладел с собою, а ему это было отнюдь не просто, до чрезвычайности пробрало, переломил все же себя (любопытно знать, как бы вел себя наш незабвенный Александр Сергеевич Пушкин, если бы какой-нибудь там Дантес прогулялся по его вывеске, прогулялся — потешился? пушкинисты, ученые дошлые, уважаемые склонны улавливать, прослеживать эволюцию Пушкина, развивался, тихо, мирно дрейфовал он от афеизма и декабризма масонского, звезды пленительного счастья, к суровому византийскому христианству — «Отцы пустынники», 1836, с другой стороны — дворянство, все такое, гордость, «мой предок Раче мышцей бранной Святому Невскому служил», спесь, предубеждения), подставил, как глупый олень, на слове пойман, классно подсечен, другую щеку. Лепин, дождался своего часа, озабоченность почти сексуальная, руки давно чесались, приспичило, нашел простака, в другой раз фортуна не подвернет! лови мгновение, оно прекрасно!

А Колька тужится на христианское смирение, из последних силенок тужится. А что ему оставалось делать? А Лепин очень раззадорился и по другой щеке прошелся, хлобыстнул тыльной стороной, может не так полновесно, но с большим вкусом (подлинная, классическая пощечина!), затем отпал, как клоп, крови напившись, или там паук, выполнил завет, можно расслабиться, признал довольно спокойно, незаинтересованно, охотно Кольку истинным христианином. Потирал демонстративно миниатюрные ладошки. Улыбка кривит еврейские губы. (Если бы Эренбург был свидетель этой сцены, он с удовлетворением констатировал бы подтверждение своей мысли о «не приглядевшихся к жизни племенах».)

Ай-ай-ай! — дружно, хором мы промолчали. Вот и приехали с орехами, вечный громыхающий, режущий стыд, мы от стыда не знали куда глаза девать, мы в оцепенении, втянули головы в плечи, сократились, укротились, сошли на нет, удручены, перекошены, перекорежены, эмоциональный шок, страх в пятках, карабкается все выше, выше, уже спину щекочет, жарит, захватывает сердце, немного отпустил, перед нами, при честном при всем народе, безукоризненно категорично, спокойно творится вопиющее небу знатное неприличие и зло! вечер скомкан, закруглился, накрылся. Вскоре вся наша порядком расклеенная рать разбежалась, захвачены лавиной малодушия, последовавшей за шоком, испытываем паническое, подловатое желание улизнуть, улепетнуть, поскорей

вырваться, бежать, бежать, спасаться бегством, выскочить на свежий воздух: опять и скоропалительно манифестируется пограничная ситуация, Лепин в своем репертуаре, Боже милостивый, ой, идиот, сущий идиот, бесчинствующий, блистательный, трам-бам-бам твою мать! фантасмагория, на Аргентину это стало не похоже, жуткий, позорный вечер.

На этом кончилось последнее танго. И вот обида, «шишил вышел», как сказал бы Хармс, стол был накрыт с размахом, тут праздник жизни (Ирина Игнатьева в отличии от некоторых, лучше не вспоминать, забыть, вычеркнуть, любила гостей, не все такие, как она, пальцем не будем указывать, глаза злющие, змей на яйцах, шип змеиный, о водке ни полслова, а кое-кто нашего Гришу сравнивал с чеховской Душечкой, ядовито, не лишено меткости и остроумия: не в бровь, а в глаз), представляете, «я скажу тебе с предельной прямотой», фон события, примечательный, на столе мирно скучали бутылки заморские, честные, шери-бренди в них, сколько их, пузатых, брюхатых было, ой, залейся, остались неоткрытые, даже не пригубили хмельного, так-таки не распотешились, желанных, вожделенных не пробовали, а как тянуло мирно вкусить, вдумчиво, не спеша, тихо, без безобразий, во всем основательно разобраться, знатоки утверждают, что то был «душевный напиток», изумительное, незабываемое послевкусие, коварен, незаметно и ладно берет, представляете, это прославленное поэтом вино на какую-то неделю мелькнуло в наших магазинах и исчезло, по усам даже не текло, а тем паче в рот не попало, где попасть, так и не знаем вкуса, не знаем, чем так восхищался Мандельштам.

3. Достоевский — но в меру

Кузьма умело препарирует эпизод с пощечиной, вновь и вновь выскакивает, наскакивает пытающее, прожигающее меня слово и интонационно зависает большой, жирный детективный знак. Как же так? Почему? Не «из ничего» же возник пережитый нами вопиющий небу сюжет, неспроста же так этот сухарь возгорелся, воспламенился, охваченный жаркой страстью, нанес Кольке стильное, безобразное оскорбление, не есть ли это плод определенным образом и внятно артикулированного сознания: перед нами — фирменное блюдо. Где и в чем источник энергии, которая питала и воодушевляла в тот вечер душу Лепина (Аристотель считает душу источником движения, формой форм, впрочем, таково мнение и Платона: душа это то, что «движет само себя», кстати, говорят, это чуть ли единственное содержательное определение души, которое есть в философии)? Не имеет ли рычаг, определивший темную, неразгаданную мифологему тяжелого, запомнившегося, фантастического вечера, фатальной, наследственной, твердой опоры в глубинах психики этого человека? Почему у Лепина руки чесались и он оказался похотлив на зло, скоропалительно превратился в сгусток, квант зла, а мы ведь не успели

опомниться, ахнуть, а Колька в тот же миг (готово!) словил по роже? Откуда прыть? Где первопричина? Где первопружина и почему она жестко выпрямилась? Что нашло? Как это могло приключиться? Как такое он смог? Как смел? И как все это я разумею?

А я ничего не разумею, ничего такого не понимаю, не улавливаю, да я вовсе, если хотите знать, не рвусь к истине. Но на меня продолжает давить, наваливает, — почему Лепин возгорелся, сладострастный садистический порыв, страстью прихвачен, не потому ли что в бедном Кольке в тот момент персонифицировалось и сгустилось липкое черносотенное абсолютное зло? Что стоит за этим? А мы, сырые спички, почему не воспламенились, не протестовали, не возвысили голос: — Остановись, безумец! Остановись идиот! А он преспокойно крутит ситуацию, спокойно, одной левой, владеет ею, одолел нас, околдовал, развивает успех, торжествует; мы даже не дистанцировались, не обособились от кромешного безобразия «царицы полей». Чего так перетрусили? Почему муть и стынь в душах? Где стынь, там и болезнь медвежья возможна, запросто прошибет. Что нам помешало одернуть «царицу полей»? Чего всегда боимся? Почему кляп во рту? Почему малодушно, бесповоротно расклеились, ознобились, мандражили, криводушничали, уши подло прижали? Почему стали соучастниками неприкрытого, голого, внятного хулиганства? Как это назвать иначе?

В вопросах Кузьмы звучит серьезная нота, от таких заноз мозги начинают киснуть и пухнуть. Да, я тогда сплоховал, дурак дураком, говорю, говорю, а в голове не шлендает никакой порядочной, умной догадки, никак из серого вещества мозга нужное слово не выдавлю, пребывал, а это в духе времени, в легковесной, благодушной, либеральной тьме; а я, ленивый тугодум, не кумекаю толком, в мозгах царит непролазная либеральная неразбериха, даже приблизительного понятия не имею, о чем таком эдаком так настойчиво, настырно свидетельствует Кузьма.

М. Ремизова очень даже права, возражает Лепину, пишет («Новой мир», №11, 1998 г.): «...Бахтырев не был так прост, чтобы принимать или не принимать что бы то ни было в зависимости от персоналий». Нелепо думать, что все дело в Карелине, Лепин наивен, принял слова Кузьмы за чистую монету.

Нет, не прост Кузьма!

Я уже перестаю рыпаться, отдаюсь всецело Кузьме, отдаюсь магии доверительного разговора, магии доверительных интонаций, хотя еще по инерции отвечаю, гоню, порю что-то не то, что-то мелкое, тривиальное, поверхностное, пустое. Не находчив. Не берется верный след.

А, собственно говоря, в чем дело, о какой улике ты говоришь? На что намекаешь? Ничего такого я не вижу.

Да и что я мог сказать, оставаясь на почве либерального, просвещенного миропонимания? Продолжаю говорить, что это, мол, лишь

досадное недоразумение, ляп, увлекся, забодай его, дурака, комар, Лепин, ну, не велика важность, бывает, со всяким может случиться, может быть мы столкнулись с невразумительной для нас природой интеллекта, воспитанного на Гегеле, на агрессивной немецкой зауми («От Канта к Круппу» — эта горячая лекция была нам вовсе незнакома, а тем паче «От Лютера к Гитлеру», современное, новенькое), на штудирование Гегеля ухлопал массу сил и времени, даже в лагере долбал, нет, нет! все люди из одного теста, такие же, как мы; скорее стряслось умственное помрачение, затмение, ку-ку, оказался во власти давящих мутных сил подсознания, какого-то ритуально-роевого архетипа, стряслось ку-ку, но в этом ку-ку, сказал бы Шекспир («Гамлет»), есть система (какая? вопрос вопросов!). Сказалось поручение и пагубное, вредное влияние Достоевского, по существу мы имеем дело с философическим экспериментом в духе героев Достоевского, имеют место досадные издержки эксперимента, жизнь-то не литература, а он лихо, он же не от мира сего, князь Мышкин, все одно идиот, даром не проходит безумное увлечение Достоевским (Т. Манн: «Достоевский, но в меру»), наказуемо, сознание оказывается отягощено его образами и их трюками, вот он и пошел экспериментировать в духе Раскольникова, Ивана Карамазова, Кириллова, одержимых безумными императивами, безумными идеями. Герои Достоевского интеллектуально бесстрашны, ведут себя порою неподобающе, непристойно, скандально, что возмущало, не далеко ходить за примером, корректного, приличного, нормального Чехова (Гиппиус о Чехове: «И болезнь у него какая-то нормальная»), Ставрогин и не такое откалывал, еще и почище, читайте «Бесы»! У всех нас бывают заскоки, закидончики, причуды, наплывает, накатывает. Бзик, моча в голову ударила, и он нанес устремленный, свирепый, оскорбительный удар, расстарался, выложился, словно на свет Божий родился для этого подвига! Да, сухарь, да дуб, пусть кожа, как у слона, психика без изъяна, встанет вам на ногу, будет стоять, не заметит, не почувствует, что вам больно, чрезвычайно здоровый человек! простодушен, наивен, прост, даже примитивен, ну — дурил, случается, психическое расстройство, следствием всего этого глупейшая шутка. Прискорбно. Такие шутки нам не надобны. Соглашусь без оговорок. Но не было злого, коварного умысла, не было коварного подтекста, для меня Гриша вне всяких подозрений. Все мы немножко монстры, немного сумасшедшие, а зато Гриша шибко умный, интеллектуал первых ролей, ума палата, всезнайство, в загашник за словом не лезет, эрудицией кроет вопросов рой, вообще играет среди нас прогрессивную роль, сеет разумное, доброе, вечное, лошадиная память, все знает, ум переполнен, бездна эрудиции, неудержима воля к умствованию, к рефлексии, хлебом не корми, мощно, свободно, неодолимо взмывание круто вверх, титан духа (будем крепко помнить его знаменитое историческое письмо Сталину, надрывные интонации, оно

было квалифицировано прокурором как очернительство армии, разбившей Гитлера), фигура сродни Прометею, Фаусту. Скоро о нем заговорит все прогрессивное человечество. Притом — необыкновенно скромен, смиренномудр. Да, смиренномудр!

Кузьма аж взвыл и выплеснул всполох, услыхав, что Лепин смиренномудр. О чем ты говоришь! Выбрось дурь из головы! Ты давно его знаешь, но так и не раскусил. Да у твоего Лепина сатанинская гордыня! И уши выше головы растут, высокомерен, нос воротит, непереносим!

4.Лебедь большого полета

Вопросы Кузьмы еще долго тлели в моем сердце, зерно заронено, позже не раз я вспоминал этот содержательный, важный, значительный разговор. Сейчас хочется сказать, что Кузьма не был прав, когда так судил о Грише, но со временем его слова оказались пророческими. Гриша эволюционировал в неприличнейшую русофобию, к старости в нем развились те черты, которые раздражали и возмущали Кузьму. Пришло время и мне пришлось переубедить самого себя: смиренномудрия в Лепине нет! Читайте «Записки гадкого утенка». В своих воспоминаниях Лепин отождествляет себя с «гадким утенком» сказки Андерсена, а гадкий утенок гадок по недоразумению и глупости тех, кто не понимает, кто за птица перед ним, а мы-то знаем, что это лебедь, знаем, это мифическая птица большого полета! да это одно из зооморфических воплощений Зевса, царя богов, подателя жизни, «вершитель судеб» — надпись на жертвеннике в Олимпии; в храме Зевса Олимпийского в Афинах над головой статуи Зевса находилось изображение трех великих прях, сестер мойр — Лахесис, дающая жребий, Клото прядущая судьбу, Атропос, неотвратимо приближающая конец и обрывающая нить жизни, и всякому было ясно, что «предопределение и судьба повинуются одному Зевсу»; под видом лебедя Зевс проникает к Леде, Леда рождает яйцо, яйцо символизирует черт-те что, все живое из яйца, вся космогония, из яйца рождается прекрасная Елена. В скромности не откажешь! давно чувствует себя в нелиняющем прекрасном оперении лебедя. Головка, правда, у нашего Лепина странно работает, почему-то до сих пор не ясно, почему в тот бесконечно печальный вечер глаза наши сделались малодушными, лживыми и в бок куда-то поползли, поползли и уползли, все мы стремглав рванули в разные стороны, петляли как зайцы. И не объяснишь ничего (представляете, ничего такого не помнит, все это выдумки злопыхателей, каяться не в чем, раз не помнит, нас призывает к покаянию! устроился!). Мы столкнулись с цельным человеком, у которого чистая солнечная совесть, на зависть искренен, чисты, незамутнены его чувства! на губах ангела хранителя всегда чистая, ясная улыбка, нет и заведомо не может быть никакой пены, дивное психическое здоровье такого человека и всегда занима-

емые им прогрессивные позиции вызывают восхищение. Он (в отличие от Кузьмы, а что вы хотите, Кузьма пил, порабощен бутылкой) удался, справляет победу!

VII. Еще и еще штрихи к портрету великолепного Кузьмы

Где-то в первой половине шестидесятых, *Кухня*, «среди девушек нервных,/ В остром обществе дамском», одним словом, «у наших», очередной интеллектуальный пир во время очередной чумы, нет, пожалуй не на *Кухне* то было, а в другом месте, на пиру у Маши Житомирской, Кузьма читал свое, вечная кривенькая диалектика на лице, двусмысленная, блудливая улыбочка, жест категоричен, правит бал, стильна отмашка, навязчиво державный, *царственный,* угнетающий, высокомерный, квазиритуальный, гипнотизирующий жест, давил бульдозером на настроение компании, тиранствовал, держал всех в черном теле, не возразишь, не преступишь, властвовал, артистический, затейливый жест, извольте вскочить по его сигналу, пить стоя, когда отдан приказ, организовывал, утомлял, кровь всем портил, тиранствовал, магия, любил читать свое, ой, любил, «хлебушком» («Рюмка была налита так полно, что «хлебушко» стекал со всех сторон на тарелку» — «хлеб очищенный», «божественный». — Т. Манн) не корми, большой артист, ораторские излишества, опасное амплуа, зависишь от настроя аудитории, заигрываешь с ней, сползаешь к блядскому предательству, «Лайм-лайта позорное пламя/ Его заклеймило чело» (Ахматова), за хвост да палкой. Церковь с подозрением смотрела на скоморохов, на скоморошество, божественный Платон изгнал имитаторов, лицедеев из идеального государства, заражающее, гипнотизирующее, непосредственное воздействие устного слова, «в начале было Слово», устное, наверняка устное, «да будет Свет»! **ой-ля-ля**! душу раздирающее, магическое, демоническое, шаманское: **Руки на меч**! приказ, щелчок кнута, мы же, выдрессированные, натренированные, шелковые, вскакиваем с мест, кладем руки на воображаемый, романтический меч, последним кладет он свою длань и целует, таков тяжкий ритуал, а глаза пьянее водки, взвинченность, утрата стержня, мутная бесовщинка, непреходящий архетип российского зла, предвещавший печальную, скучную, беспросветную, русскую поездку в Петушки, эх, остановись! остановите, добрые люди! унять! унять! не остановишь, нет удержу, выдавал ларингитные, картавые коленца, курица снесла яйцо, кудахчет, Кузьма только что закончил «Уточку», повадился, не отвадишь, читать ее во всех домах, слушали не раз, читал, как бог, а тут друг, кореш, подельник Красин...

(припомним для сущего порядка знаменитый, громкий, нас ошеломивший, эпохальный процесс над нашими дорогими и незабвенными диссидентами, славно шумели, Якир, Красин, гордость наша, слава наша, светлые личности, стоило постучать Александровскому по столу кула-

ком, взбодрил, потекли герои, «Петьки-забияки», «ничто нас так не радует, как падение праведника и позор его» — Достоевский; важно, уместно и полезно будет отметить, диссидентом Кузьма никогда не был, не мог быть, притом отнюдь не потому, что диссидентство обернулось к нему Красиным (не будем повторять справедливое возражение М. Ремизовой против Лепина); в диссидентстве — сектантская узость, партийность, зашоренность, занудство, серость, скудость мысли, всякие там права человека, пошлое высокомерие и опять же, извиняюсь, с большим избытком пошлое чванство, а тут бьет ключом живая жизнь, аукнемся на этот раз с Пушкиным, не тем, который «Подумай, как смешно / с водой — молдавское вино», которого Кузьма неточно в дневнике цитирует, что не существенно, а с поздним (говорят нам умные люди, что есть два Пушкина: ранний, «Гавриилиада», и поздний, помудревший: Гершензон — «мудрость Пушкина»): И мало горя мне, свободно ли печать / Морочит олухов, иль чуткая цензура/ В журнальных замыслах стесняет балагура...»)

... этак развязно, надменно, наступательно, бунтарски, сами с усами, долой утомительную, устали от коленопреклонения, неправедную тиранию Кузьмы, затемняющую путь к правде, самоуверенно, бесспорно, домашняя заготовка, нацелено пустил, укус змеи, ядовит:

— ***Гора родила мышь!***

Эффект ложки дегтя. Славно, профессионально задрал.

Легкое замешательство! Кто-то выдал гнусненькое: — Хи-хи. Кто-то мелкими смх.ечками прыснул. Похмыкивание. Ну — срезал. Пафос сбит. Каково такое слышать автору? Легко сказать, *«не оспоривай глупца»*. Автор всегда честолюбив. С тоски можно и в удавку голову сунуть, отсюда гримасы, ужимки, корчи, неоднократно, зуд какой-то! отраженные в дневнике: **«От неудовлетворенности конструктивными друзьями — не хочу заполучать любовь»**. Друзья нас не больно балуют теплым, нужным, умным, своевременным словом, поддеть норовят, пустить вредное, парализующее словечко, заушить, ядом дышат, так было всегда, в кругу Пушкина так бывало, в кругу Белинского, так будет, жало ядовитое знает дело злое, посмеяться над ближним, пустить шпильку, подколоть — одно удовольствие, «человек человеку бревно» (Ремизов), зело и успешно наподдала Достоевскому, приземлила, унизила компания Белинского, веселая находчивая компания злоязычных молодых блестящих литераторов, и Достоевский до конца жизни не мог затереть в памяти, забыть своего унижения и простить им издевательств, злопамятен, свойство души, от нашей доброй воли не зависит; следует (надо!) и Витьку Красина взять в толк, понять его естественные претензии, ведь, от Кузьмы, фельдмаршала нашего, властного, гегемона, надежды России, мы близоруко ждали другого, чего-нибудь (уж будь любезен! «И буду тем *любезен* я народу») грандиозного, сногсшибательного, бронебойного,

ураганного, насыщенного гражданским пафосом, гражданской скорбью, что-нибудь эдакое вроде солженицынского «Архипелага ГУЛАГа, а — тут, осталось печально развести руками, печально улыбнуться, сознаться следует, что проза его была воспринята превратно, шокировало игровое ой-ля-ля, неортодоксальное изображение лагеря, странные артикуляции, нет темы великих страданий, нет пафоса страданий и социальной риторики, друзья не поймали, не просекли, драматического, бунтарского вызова эстетики его рассказов, разрушения непререкаемого абсолюта шаламовских догм, ведь эти рассказы имели сложную подоплеку и являли собою пощечину общественному вкусу, а углядели лишь (святая простота! к таким глухим глухарям не достучишься) измену делу жизни, самому себе.

Нет измены!

Есть собственная, оригинальная, смелая интерпретация темы, есть подлинность, чувствуются запах и дыхание лагеря. Возьмем его рассказ «На семь метров» («Континент», №95), ударяет вас свежак в лицо, дерзкий, строптивый рассказ, полный живых красок, поносное заболевание лагеря, отравление, смешно, прямо-таки либретто к современному модернистическому балету, никто еще музыку не написал, где Шнитке? нарочитость, почти хохма, фарс («Я трагедию жизни превратил в грезофарс»), дегероизация, бывает, бывало, с кем ни случалось, денди, романтик Байрон умер, говорят, от фатальной холеры, на язык лезет, само говорится, так тебе и надо! кузьмовский персонаж живет легко, не тужит, новый, антишаламовский взгляд на лагерь, хорошо-то хорошо, да завершается рассказ слишком нарочито, хвастливо, высокопарное хлесткое **красное словцо**, если не понимать это как чистую условность, как сугубую поэтику, как хитрый литературный прием (любил Кузьма под конец рассказов что-то эдакое подпустить, что и делает рассказ рассказом, см. к примеру, «Случай из жизни», там же в «Континенте»), показуха, ловите, пущено под конец эффектное:

«Думаю, что меня комиссовали правильно».

Где ж правильно?

Но это уже претензии не от литературы, а, так сказать, от грубой, пошлой жизни, значит, абсолютно незаконные претензии. Сам же я плел в своих писаниях и не раз буду до одурения талдычить, что поэзия, *«нас возвышающий обман»,* выше и много выше правды! И все-таки! Вот ему дали 1-ую шахтерскую, хотя следовало бы дать инвалидность, пусть временную, в ОП положить на месяц, хорошо в ОП на чистых простынях полежать. А он хвастается, выпендривается, фигуряет, почему не пофигурять, если ты поэт в жизни, почему не попудрить мозги нервным, экзальтированным, внимательным девочкам, которые уши развесили, хлебало разинули от удивления: герой, тяжеловес, античный Геракл, ему, мол, по плечу и 1-ая шахтерская! Сила, молодость, стати, хемингуёвость,

ухарство. Лагерь он сдюжил, одной левой отпихнул, молод был, выстоял, выкрутился, так, все так получается по его рассказам, интонационно так, лагерь это время «широких дружб и бескомпромиссности». Ой-ли? Весьма спорно. Не нарушен ли принципиально закон высшей правды? Где ж ты, романтик, вневременной поэт, нашел все это в лагере? приснилось? проснись, «чадо, трезвись и бодрствуй»! Позыв, тянет спросить, используя Хемингуэя, неужто опять «снились львы»?

Да, сами знаем, в лагере, как в Греции, все есть, все было и всякое, все, как в жизни. И еще кое-что! Смущу, душу вашу смущением наполню: лагерь — обитель чудес! у нас на ОЛПе навалом было чудес, примеров полно и сколько угодно, вспомним хотя бы Лепина, его приключения, донкихотские подвиги, все это чудесным образом сошло ему с рук, еще раз вспомним его немыслимое письмо Сталину, с этого письма начинается какая-то фантастика и черт знает что! Вообще-то многие в те годы писали Сталину, искали последнюю правду, а тут явилось это феерическое, огненное письмо, блюдечко я те дам, событие, даже веха.

VIII. Однако Сталин отнесся к Лепину с большой серьезностью. А то! Эти зарвавшиеся и обнаглевшие интриганы, авантюристы, черносотенцы сегодня объявят Ленинград столицей РСФСР, а завтра развалят Советский Союз. Товарищ Сталин — не антисемит. Введем Лепина в ЦК на XIX съезде партии — пусть курирует госбезопасность!

Сталин стоял у окна, он только что еще раз пробежал по диагонали письмо Лепина, которое вот уже несколько лет держал у себя на столе, возвращался к нему, заглядывал в свое сердце, что-то его свербело и смущало в письме, все никак не мог сформулировать и определить свое отношение, с придирчивым, напряженным вниманием перечитывал письмо, подчеркивал отдельные места, возвращался к ним, ощущал себя в былинном распутье. Все спешат, торопятся, нетерпение, а он должен одергивать, хватит, наломали дров, напоминать, каждый следующий шаг надо делать крайне осторожно, осмотрительно: скучный, средний путь — царский путь; а некоторые горячие головы, Лепин, Джилас любят пафос, высокопарный, экстатический вздор. Югославы везде и всюду видят революционную ситуацию, в Греции, в Италии, во Франции, мировая революция, мировая революция! кавалерийский наскок, а товарищу Сталину расхлебывать, *погубишь великое царство*, предупредил и одернул нас, зарвавшихся политиков, мудрый оракул, а я не волшебник, не чародей, не маг, не колдун, товарищ Сталин лишь трезвый политик: а вокруг него одни нетерпеливые обезумевшие комсомольцы, *мы раздуем пожар мировой*, романтики рвутся в бой, *церкви и тюрьмы сравняем с землей*, словно белены объелись! где она, мировая революция? Товарищ Сталин не может по щучьему ве-

лению, по своему хотению создать из ничего и на пустом месте мировую революцию, товарищ Сталин не всемогущий Бог, это Бог Израиля создал из *ничего* небо и землю, всяческих зверей, всяческую чертовщину. Нет революционной ситуации, нет мировой революции, как нет. Где этот призрак коммунизма, который якобы бродит по Европе? он лишь в раскаленных, догматических, тухлых, обрезанных мозгах законченного клеветника Лейбы, Змия Горыныча, да в мутных, незрелых опилках губошлепа Джиласа: договариваются до того, что товарищ Сталин впал в оппортунизм, что СССР стал препятствием на пути прогресса, мешает социалистическим преобразованиям в Европе, не поддерживает революционные движения Франции, Греции; серчают, обижаются на историю, а товарищ Сталину приходится грубо одергивать экстремистов, буду, буду, полоскать свой х.й в ваших поганых, догматических, тухлых, помраченных, засраных мозгах. Когда вы повзрослеете? Когда станете трезвыми политиками, реалистами? Не следует самим себя обманывать: мир оказался не таким, каким он представлялся гениальному уму Маркса. И это понял Ленин. И Плеханов знал, да помалкивал в тряпочку. И Каутский знал. А маршал Тито, маршальская форма ему к лицу, помалкивал, дипломат, лукав и скрытен, в кусты уходил, крепкий орешек, думал его сделать своим наследником, все одно, не получилось бы; зазнался Тито, решил, что лучше быть первым парнем на деревне, чем вторым в городе, а как время бежит, словно вчера эти откровенные разговоры вели, а Джилас попроще, юн разумом, мастер кудрявых фраз, мальчик резвый, кудрявый, всегда с дымящимся, всучивал нам, старым большевикам, цитаты из Маркса, щеголял, блистал, образование показывал, товарищу Сталину хотел понравиться, эх вы, кабинетные идеологи, любите красивую фразу и всякий высокопарный ходульный вздор, с Джиласом интересно было бы поработать, и с Лепиным! научить уму-разуму, в облаках витаете, зачем идеализировать Красную армию, мы под ружье поставили весь народ, заключенных из лагерей вызволили, мобилизовали, да что такого, если солдат, прошедший от Сталинграда до Берлина, что-то там возьмет, с девочкой побалуется, нет, я этого не поощрял, но поднимать скандал из-за такой чепухи на весь мир не следует, все можно решить тихо, келейно, а Маркса эти югославы знают от корки до корки, от арбуза до Ямайки, штудировали крепко, основательно, читать-то читали, да не в коня корм: жизни, ее сложности, противоречий не хотят и боятся видеть, талмудисты, талдычат с отвратительной последовательностью, базис, надстройка, прокрустово ложе! повторяют могучие, непреклонные догмы марксизма. А куда следует язык отнести, к базису или к надстройке? А искусство? А Тициана, Рембрандта? А Сурикова и Репина? Идиоты, одни идиоты вокруг, талмудисты и начетчики! Скажите на милость, полезен или вреден дождь для урожая? На дворе засуха — полезен, завтра, увы, вреден. Вроде проще пареной репы. Простых истин не могут

осознать, усвоить, а в этом вся диалектика, ее азы: нет общего рецепта! Сменились обстоятельства, меняется подход, меняются требования, а товарищ Сталин чисто видит, потому и осторожен, он отнюдь не против мировой революции и построения коммунизма во всем мире, терпение, терпение и еще раз терпение, все будет хорошо, вспомним, что изрек Достоевский устами своего героя: *рано*!

Да, рано!

Всем, чем я являюсь, я обязан не победам, а горьким урокам поражений, ошибкам, прорехам, промахам, помню промахи и днем, и ночью, риск должен быть оправдан, недостаточно правого дела, сила солому ломит, горек опыт моей жизни, а они размечтались о третьей мировой войне, последней, *за вечный мир в последний бой летит стальная эскадрилья* — глупость несусветная! медь звенящая! а по сути авантюризм, пустозвонство, подлый романтизм! Такое кино получается: Чапаев в кальсонах, получается, улепетывал, стрекача дал! Отличная сцена! Гениальная! Очень поучительно! Да, товарищ Сталин знал не только радость побед, но и горечь поражений, не забыл и никогда не забудет, как в 20-м из Польши летели, выметались, легендарная Первая конная, *даешь Варшаву*! помню, как вы, комсомольцы, поэты, буденовцы, Бабели, много вас, романтиков, вся легендарная Первая конная уносила ноги, а Испания, Франко! а война с белофиннами, подлая, коварная линия Маннергейма, морозы, нелетная погода, позор, позор, хвастались, Ворошилов на коне, е.и его мать! бахвалился, зазнался, война будет малой кровью и на чужой территории, а финны подвели нам муде к бороде. А первые злые месяцы этой войны, великой и страшной, в конечном счете доказавшей всему миру преимущество советского строя! Нибелунги двинулись с Запада, вся Европа перла, Гитлер! силища! какое месяцы, год, больше, до Сталинграда и приказа 227 от 28 июля 1942 года драпали, улепетывали, пятки сверкали, блиц драп! Позор, незаживающая психологическая травма! Общий глас народа, глас Божий: — Просрали большевики Россию! Мерзкий ропот: — Просрал Сталин Россию! А враг, трам-бам-бам, е.и его мать! оглянуться не успели, уже под Москвой. Все бежало. В безнравственном бессилии приходилось созерцать безнадегу, весь этот жгучий позор, это безобразие, за месяц состарился на десять лет, буквально на глазах состарился, руки непристойно тряслись, ком в горле, очень тоскливо, досадно и неинтересно, когда рука не слушается, конвульсивно, прединсультно гуляет сама по себе, пересохло горло, стоял перед микрофоном, бутылка боржоми расплескалась, о стакан неприлично билась, да, было, у товарища Сталина нервы сдали, выдавил из себя чужим, замогильным голосом «Дорогие братья и сестры», ужасно! не дай Бог второй раз такое пережить! еле смог продолжить «в тяжелую минуту для нашей родины к вам обращаюсь, друзья мои!» Вот когда рухнула легенда, что товарищ Сталин всегда спокоен, всегда владеет собою, всегда на высоте, а звезд-

ный час — заседание ЦК: в него стреляет сама Крупская, жена великого Ленина, товарищ Сталин спокойно перевернул страницу доклада, лишь тихо, гася раздражение, в усы буркнул, *у старушки припадок, уймите старушку*, вот это да! класс! учитесь, пока жив! а тут приключилось, товарищ Сталин во власти ураганного страха, вся страна услышала и как бы это увидела, усвоила, поняла правильно, дела плохи, совсем дрянь. Вникали, почему Сталин назвал войну *отечественной*? Почему так сразу и *отечественная*? Народ по своему решил ребус, большевики наладились Москву сдавать! Пришлось и это пережить, *прорван последний рубеж обороны Москвы! столица нашей родины в смертельной опасности!* В том-то и гениальность товарища Сталина, что он учится на ошибках, не упорствует в догматизме!

Никаких кавалерийских наскоков и революционных войн! дудки! И не придумывайте! Не будет вторжения в Югославию. Только через мой труп!

Заболеешь, уйдешь, как все люди в отпуск, обязательно что-нибудь случится, нашкодят, одних нельзя оставить: на тебе — война в Корее, только этого мне не хватало! ведь говорил, сколько раз, кол на голове теши, говорил, что Ким Ир Сена надо, как злую собаку, на коротком поводке держать, в намордник держать, Политбюро не собирали, келейно как-то решил, кто решил, не ясно? Следов нет. Выходит, всё за войну в Корее, энтузиасты, революционеры! оправдываются, им казалось, что это и мое тайное желание, всем казалось! виноваты, говорят, коллективное решение, мы, мы! спросить не с кого, никто не виноват. Тогда, идиоты, зачем в ООН дверьми хлопали! надо же, вышли из Совета безопасности, глупость несусветная! Вышинского пора снимать! война идет теперь под голубыми знаменами ООН, кретины! засранцы! Хрущев, этот всегда за войну, большого революционера из себя корчит, беспросветный ленинец! Не изжил троцкистских иллюзий, троцкистское нутро сказывается. И Микоян революционер. А Молотов, этот непременно! старый большевик, с Лениным работал, уникальный опыт! Вляпались! Комсомольцы безмозглые, сраные утописты, чернь, пламенные ленинцы!

За всем этим нетерпением, романтизмом, агрессивным словоблудием, шухером и безоглядным авантюризмом стоит неумение и нежелание повседневно честно работать, честно строить новую жизнь, новую государственность, опирающуюся на обобществленную собственность. Если не торопиться, все получится, все природно и подобающе встанет на свои места, Жизнь вносит коррективы в теорию. Пора разбить и выбросить за мельницу старые, 19-ого века, в свое время хорошо послужившие, но ныне отжившие скрижали, следует распроститься с ориентацией на пролетариат как передовой революционный класс. Факт: международной, космополитической буржуазии *удалось в извес-*

тной мере отравить души рабочего класса ядом сомнения и неверия. И это не коварная измена марксизму, а крутой реализм, смелое развитие теории. Где 4-й Интернационал? Лейба болтал, что товарищ Сталин коварен, нет, нет, товарищ Сталин объективен, прост, открыт, даже простодушен. А далеко вперед я не люблю загадывать. Все само образуется, Всего предусмотреть все одно нельзя. Довлеет злоба дня. Все течет, дважды нельзя войти в одну и ту же воду: диалектика! Вчерашний друг завтра может стать злейшим врагом, почему? Обстоятельства изменились! Я любил Бухарина, но он первый пошел мутить воду. Злостный клеветник Лейба, позорник, квинтэссенция подлости, сама подлость, клевету сеял — от своей расплаты не ушел! Сколько демонического высокомерия, презирал всех нас, трудяг и тружеников, отвратительное презрение к простому человеку, труженику, на Политбюро надменничал, французские романы читал, дурак, осел, схоласт и догматик! Туда ему и дорога. А как я любил Жданова, нежно любил Андрея, души в нем не чаял! Проверенный, надежный человек. Любил как сына, да и детей, Якова, запутавшегося в бабьих юбках, я так не любил, как Жданова, и он меня любил, я это знал, чувствовал, но он вообразил себя моим наследником, зазнался, на себя одеяло энергично и просто нахально тянул, ладился быть главным идеологом партии и чуть ли не единственным! темна натура человека, быстро входит во вкус, не находит утоления, удержу нет, аппетит во время еды растет, по себе это знаю, вынужден, как это ни прискорбно, огорчить, указать его место, приложить, унять, *ты мне не нравишься*! Вот потому-то в этом сложном политическом вопросе товарищу Сталину пришлось поддержать товарища Лысенко, а не товарища Жданова, как нельзя кстати тогда Лысенко подвернулся, из тьмы вынырнул, не твое собачье дело, что беспартийный! вас забыли спросить, кого поддерживать товарищу Сталину, да и вообще, что значит беспартийный? Жданов не понимал противоречивости текущего момента, пришлось объяснить, морда сделалась грязно серой, потом приобрела мертвенно восковой оттенок, мученическое выражение, рухнул на колени, *может чем-нибудь я вас обидел, товарищ Сталин*? Отвернулось от тебя мое сердце, противен ты мне, видеть не могу, шея толстая, противная, как у жабы, нажрал хобот, не зря говорят в нашем народе, *ждановку нагулял*! Бог шельму метит, свинья свиньей! психанул я тогда, сверзился в горлобесие, *встань, не люблю трусов, пошутил, иди и на глаза не показывайся,* да ничего такого не сказал, так, для педагогики указал на дверь, вот что значит сильно действующее слово с побочным, нужным, сильным эффектом, разве я виноват, что не люблю больше этого человека, не меня, себя ты, дурак, обидел; заболел, занемог товарищ Жданов, в одночасье скопытился, сердечный приступ, врачи со страху ошибочный диагноз поставили, совсем залечили, Егоров в штаны наделал и неквалифицированно мазнул, а считался све-

тилом, кстати, выдвиженец Кузнецова, права Тимашук оказалась, вскрытие подтвердило ее диагноз, врачи, даже светила могут ошибаться, лучше к ним вообще не обращаться; кондратий тут как тут, умер наш дорогой товарищ Жданов, вовремя умер, как все хорошо, славно получилось, поразительное стечение обстоятельств, товарищ Сталин крепко дружен со случаем! Я не виноват, что он умер! Злое мутное чувство против Жданова до сих пор не прошло.

Видит Бог, я не хотел Ленинградского дела, причем тут русский национализм, увлеклись после победы, само время патриотствовало, удержаться трудно, улицы переименовали, Невский проспект вновь стал Невским, вернули дорогое сердцам старое название, ничего дурного в этом нет, даже можно приветствовать, а я неосторожно обронил, не учел прожигающую сердца, гипнотизирующую силу моего слова, «так начиналась зиновьевская оппозиция», слово не воробей, началось, поехало, нет, не поощрял, но не мешал, пусть немного поиграют, порезвятся, как если бы меня не было, пусть учатся, а получилось все наславу, знай наших, моя школа, Егор, Егор, вся надежда на тебя, ничего, что татарин, пусть, пусть, башковит, умная, светлая башка, сильный администратор, твердая рука, смекалист, дело Кузнецова энергично провернул, учинил расправу с большим размахом, под корень рубил, моя школа, нельзя не согласиться, не тянет Кузнецов на генсека, политически незрел, мелко плавает, а какое-то время приключилось быть всеобщим любимчиком и надеждой, молод, легок, пластичен, подобран, завидно-обворожительные манеры, весь такой из себя, умная, располагающая наружность, ему шла военная форма, смерть бабам, хорошая выправка, смотрелся простым, скромным тружеником, я его даже любил, на него рассчитывал, способный, люблю способных, самобытных людей, хотел над ним поработать, хотелось переделать человека, на поверку оказался черт знает чем, оказалось тяжело с ним иметь дело, всегда с кислой мордой, непереносим в больших дозах, амбициозен, самолюбивый кусака, зазнался, зазнался! распускался, смотрит на тебя холодным, пронзительным, ястребиным взглядом, прожевать тебя и выплюнуть готов, умничает, занозист, сноб, не уважаю таких, мастер пустого говорения, мастер плетения пустых красивых словес, одно верхоглядство, не чувствует России, не чувствует ее душу, плоть, сорняк, ограниченный националист, идея *Третьего Рима* отнюдь не национальная идея, а наднациональная, опять же, и это отнюдь не случайно, протеже грамотея Жданова, все они, ленинградцы, являлись выдвиженцами Жданова, друг за друга держатся, нацелены на первое место, урвать кусок на уме, грудь вперед, грудь колесом, к пирогу лезут, а у Кузнецова этот галстук цвета вырви глаз! если вкуса нет, не пяль на себя яркое, носи френч, по правде говоря, сердце екнуло, когда услышал, что амбициозно и упрямо размечтались ленинградцы русскую столицу в Ленинграде учредить, ишь чего, голубчики, задумали;

Москве противопоставить Питер, а это чревато не только неприятностями, коленцами, вывихами в будущем, это представляет прямую угрозу территориальной целостности, чревато распадом СССР, гибелью России и всех завоеваний революции! А, на первый взгляд, вроде бы совсем пустяковая, невинная затея, Москва столица СССР, а, значит, в Питере русская столица, логично! А на самом деле это дьявольский ход, зри в корень: создается еще один центр власти, это осиное гнездо с молодыми реформаторами энергично противопоставляет себя Москве, ленинградские молодчики готовы далеко пойти, у ленинградцев неприятный, резкий выговор, сухой, отрывистый, лающий, как у Гитлера, можно подумать, что не было героической обороны Ленинграда, а все четыре года город находился под немецкой оккупацией, заразился интонациями немецкой речи; они готовы развалить СССР, бесовский, преступный замысел! Кругом измена зреет, Жданов всегда мечтал сесть на мое место, а вместе с ним раскатала нос эта пошлая обуржуазившийся свора, бесчисленные Кузнецовы, Вознесенские, вся эта обюрократившийся партийная и советская верхушка, этот, как его? нечистоплотный хапуга Попков! Зачем Попкову 12 костюмов, посмешище какое-то, хапает, рвач, удержу нет, остановиться не может, вот такие компрометируют саму идею социализма, перерожденцы, нутро мещанское, буржуазное. А Попкова избрала себе в руководители славная ленинградская партийная организация! Но город в целом не надо обижать, самое время внести успокоение в умы, почтим Ахматову членством в Союзе писателей, вернем Ленинграду великую поэтессу, зря старушка пострадала, никому она не нужна, у нее самолюбий сейчас же прибавится, такая популярность! Ленинградцы в диком восторге, для них это огромное счастье, хороший подарок обиженному, амбициозному, всегда всем недовольному городу: Ахматова с лихвой перевесила зарвавшихся националистов Кузнецова, Вознесенского, Попкова вместе взятых. Всплыло ахматовское, *чужих мужей вернейшая подруга и многих безутешная вдова. Но близится конец моей гордыни!* Права, никто не вечен, бобок, неотвратим роковой час! Мафусаил, убаюкивающий образ, согласно Библии, жил 969 лет, немного не дотянул до тысячи, хорошо в Библии об Аврааме сказано, *умер, насыщенный днями,* китаец Ли Чуант-янь жил 253 года, а достоверно, как дважды два, европейский рекорд — 186 лет, так жил венгр Золтан Петраж, в горных селениях Кавказа многие доживают до 150, но там другая, особая жизнь, спокойная, без нашей пустой, утомительной суеты, пища простая, грубая, мамалыга, сулугуни, овощи, фрукты, зелень, по праздникам — барашек, а то! естественно, на то он и праздник, в Грузии все пастухи до 100 лет живут, горы, чистый воздух. Говорят, век людской сокращается. Все люди смертны, Сократ смертен, ну еще пятнадцать лет, ну двадцать. Мы жестоко пострадали от войны, второй такой войны нам не выдержать. Очень даже

возможно, что я один на этой земле живу страстной, напряженной думой о спасении и сохранении завоеваний Октября. Оставить великое дело не на кого! Живешь в вечном страхе, того гляди тебя, как куропатку, подстрелят или там эти, врачи, залечат на х.й, так-то и выходит, увы и ах, *товарищ Сталин великий гений, товарищ Сталин великий вождь, а товарищу Сталину не с кем бутылку коньяка распить,* в каждой шутке есть зерно правды: одинок я и обречен на холодное, глубокое одиночество, бирюком живу.

Мысль циклилась, снова вернулась к Лепину, к его азартному письму, в котором честный Лепин сполна излил наболевшую душу. Ищу человека! Днем с огнем! И вот товарищ Сталин осознал, что на самом деле ему хотелось бы по душам поговорить с этим Лепиным, поработать над ним. Нравится мне этот человек! Блажь, товарищ Сталин лирически, меланхолически расслабился, все сделалось вдруг необязательным, возможным, странным, а что если — искушение! — двинуть Лепина к Поскребышеву. Пусть работает у Поскребышева, дело найдется, мог бы курировать госбезопасность, давно пора создать такой сектор, руки не доходили. А то, что еврей, не помеха, был бы человек честный, открытый. Товарищ Сталин не антисемит, как думают некоторые, а профессионал, трезвый политик. На Лепина вполне можно положиться. И живет Лепин хорошими думами; а если немного увлекающийся мечтатель, беспокойный ум, не страшно и даже хорошо. С Дороном они отлично сработаются. На съезде его введем в ЦК, сначала в кандидаты, а почему бы и нет? Тут Сталин вовсе расчувствовался, теплая минута, сердце размягчилось, размагнитилось, размяк совершенно, впал в неподдельную мечтательность, загуляло воображение, вышло из-под контроля, зашалило, бывает, ему стало грезиться, вот он взял да и разрешил Вилле Свичинскому и вообще всем желающим евреям отъезд в Израиль, сердце не камень, подобрел товарищ Сталин, пусть едут, раз хотят, а что тут такого? лучше сейчас, при мне. Интересная картинка возникла и явилась его подслеповатому взору, он увидел еврейские толпы, очереди в ОВИР; бледные тени, размытые, неясные, необязательные, пропадающие контуры; дурной сон! видение неразборчиво и сразу пропало, но он успел разглядеть, сердце зашлось, потрясен, оскорблен! Нет, дорогой мой отец нового русского сионизма, дорогой Вилля, так у нас дело с тобой не пойдет, четвертную получишь, покачаешь яйца белому медведю.

С Израилем мы жестоко просчитались, величайшая глупость, какую только можно представить, фундаментальный ляп, пришлось проглотить обиду, затаить в душе хамство, ничто так не унижает и не оскорбляет, как ясное сознание собственного промаха, собственной глупости, товарищ Сталин простаком оказался, а ход обратно не возьмешь! Над нами смеется весь мир, Америка злопыхательствует, ликуют жидовствующие янки, да эта жопа Молотов во всем виноват, (против

Молотова зрело раздражение); водолей, умник, считает себя докой в международных делах, МАПАМ, МАПАМ, болтал вздор, говорил тут, что МАПАМ и Джойнт глубоко страстно любят товарища Сталина, верят в него, в глазах евреев то и дело загорается свет преклонения и обожания, когда только слышат имя товарища Сталина; головой ручался этот мерзавец, что Израиль «на веки вечные» будет «неотъемлемой частью революционного лагеря, возглавляемого СССР», намерен твердо идти в орбите нашей политики. Кретин! Вот и полетел с министров! Еще спрашивает, чем я тебе не угодил? Если бы не наша глупая политика на Ближнем востоке, вредоносная, преступная для России, не было бы на карте такого государства, как Израиль. Америка, особенно Англия были категорически против. А мы голоснули: за! Идиоты.

Вот она упущенная возможность!

Спохватились да поздно: поезд ушел, набрал скорость. Израиль с безоглядной легкостью изменил нам, сделался главным обидчиком, добра не помнит. Тут как тут эта отвратительная ябеда выскользнула, совсем некстати, явная липа, откуда-то вынырнуло и поспело письмо академика Минца, предлагается насильственное переселение евреев в их Еврейскую автономную область, там нам будет лучше, способнее, там у нас будет новая родина, обрезания, кошерное, синагога, не в Коктебель нас, так природой похожей на Израиль, а туда, подальше от Москвы и значимых политических центров, на край света, куда Макар телят гонял! край родимый, ваша область, сами выбрали себе место, ну и живите. Мутна природа письма Минца, подлая, подколодная мулька, коллективное письмо, сколько раз говорил, чтобы никаких коллективных писем не было, и Дорон подписал, от Дорона не ожидал, туда же, товарищ Сталин переселите нас в Еврейскую автономную область, холоймас, в Биробиджан нас всех, но кроме меня, спасите нас от черносотенцев, патриотов, от русских националистов, от погромов, от гнева народного, русского, беспощадного! Сами просят! Биробиджан — остроумнейшая шутка, никто не неволит, сами рвутся в Биробиджан!

Сталин стоял, устремил напряженный взор в глубокое весенние небо, пылающее ярчайшей голубизной, и не видел его: поглощен черными мыслями.

Молодежные антисоветские организации, как грибы, отовсюду лезут, самозарождение. *Истинные ленинцы!* Они, значит, истинные, а мы, люди старшего поколения, большевики, прошедшие подполье, получается, не истинные? Так выходит! Представляете, какой ужас! Сталин в 37-м совершил контрреволюционный переворот! У них украли революцию, товарищ Сталин украл, слышали и не раз весь этот троцкистский визг и блеф, надоело. Они, истинные ленинцы, спасают революцию! И вот результат, созрело террористическое подполье во главе со Слуцким и Гершуни: *Союз борьбы за дело революции*! Это непримири-

мые смертники! Гершуни — обезумевший главарь террора, фанатик, Нет, нет, далеко не безобидные разговоры о ползучем термидоре, о завещании Ленина, благоглупости о партмаксимуме, эти утвердились в терроре, ведут подготовку к физической расправе над вождями партии и правительства. Сталин подошел к столу, еще раз внимательно просмотрел всю пачку фотографий «истинных ленинцев» (в фас и в профиль), напряженно вглядывался в озлобленные лица Слуцкого, Гершуни; какие у них уши! убедительные, преогромные лопухи, наверняка безумно музыкальны, мочки приросшие; волчата, злобно смотрят в объектив, оскал, яблоко падает недалеко от яблони, вражата, мстители, озлобленные дети репрессированных родителей; а это уже пошла группа Кузьмы, Бахтырев он же, бурные гении, «Молодая Россия», и у них был серьезный, хорошо закамуфлированный подпольный террористический центр, вот они, голубчики: Стороженко, это рыцарь плаща и кинжала с ярко выраженным идефиксом, Красин, Карелин, его отец влиятельным человеком был, правая рука Ягоды, закадычный друг Агранова, вхож в авангардистские литературные салоны 20-х годов, организатор похорон Маяковского, *самого талантливого поэта нашей эпохи*, друг Бриков; бессовестная трусливая сволочь: мы, мол, лишь метущаяся, заплутавшаяся юность, у нас лишь разговоры о самосовершенствовании, медитации, Рамакришна, Индия духа, у нас Витя Красин запросто, без сучка и задоринки, астрал, мы не от мира сего, лишь на свой пуп смотрим, свой язык глотали; эх, сукины дети! да вы прикрываетесь индийскими философиями, косите под оболтусов с вывихнутыми мозгами. Знаем, ваш пароль: *творог тверже тверди!* Непротивление злу насилием, не убий, вегетарианство, а как же Стороженко, а Красин? *раскольниковская старушка, кассир*? университетский кассир? А кассира убить можно? Кто вынашивал преступные замыслы, собирался сделать американского посла? Кто собирался развязать третью мировую войну? кто лелеял мечту о перманентной революции? Враг хитер, коварен, он действует тихой сапой, замутит воду, на словах отрицает террористические намерения, на деле повсюду идет подготовка террора,

Еще упорнее, серьезнее подполье Белкина — Тарасова, несметная силища, связи по всей стране, пятерки, не выловишь, Москва, Воронеж, х.й догонишь! подразделение в Воронеже, все заражено неуемной энергией, везде и всюду пятерки, а на первом месте террор, пускаются во все тяжкие. Боже, какие уши у Мазуса! почему у всех такие уши? Тайный знак? И у девиц! А у Ратновского, это черт знает что! нечисть! нечисть! скверна!

Мерзкие, паскудные лопухи Бориса Ратновского ужалили его прямо в сердце. Что-то противоприродное, Бог шельму метит! Раньше я не замечал эти страшные, отвратительные уши, с годами мой глаз становится острее, у Радека такие же были, ну и подавно у клеветника Лей-

бы! У всех, у всех, даже у девиц! гадюшник, из одного змеиного, троцкистского яйца все вылупились, ядом дышат, змеиная единосущность, бесовское полчище, террористы, Нечего миндальничать: пристрелить, как бешеных собак! Гидра троцкизма подняла голову, неискоренима, страна окутана тайной сетью, злыми пятерками, а ожиревший Абакумов слеп, на уме одни бабы, ворюга, позорник! беззубую резолюцию наложил: «*способны только на болтовню. Серьезных террористических намерений у них не было*», мол, пшик, балбесы, один треп, В госбезопасности просто неблагополучно. Абакумов, обленился, утратил революционную бдительность, работает спустя рукава, благодушно настроен, совсем мышей не ловит! Да какой дурак сам признается в террористических намерениях? Они не враги себе! Дураков у нас нет, Ягода, Ежов, Берия, Меркулов, Абакумов — на таком ответственном месте больше пяти лет нельзя человека держать! Развращается. Засиделся Абакумов! Насквозь его вижу: считает, что товарищ Сталин стал болезненно подозрительным, у товарища Сталина мания преследования, болен товарищ Сталин, впал в безумие. И Власик, пьяная морда, мозги пропил, ходит как недоенный, как малахольная сомнамбула, перманентное похмелье, языком еле ворочает, убаюкивает меня, как маленького ребенка, как дитя, как несмышленыша, словно я в детство впал, отдохните после трудного дня, товарищ Сталин, спокойной ночи, спите спокойно, нашелся сладкий утешитель, а в глаза не смотрит, насуплен, изменился Власик! Лишь с Егором можно еще иметь дело. Поручим ему отчетный доклад на съезде. А этот, как его? Нет, не Булгаков, «Дни Турбиных», Хмелев на сцене МХАТа незабываем, можно запросто влюбится в его усики, хотел бы я иметь такого друга, этот тип людей совсем исчез из жизни, нынешние мелкотравчатое поколение забыло, что такое честь! офицерская честь! Куда делись рыцарственность и в мыслях и в делах? Да, Булгарин. Не люблю, когда замечают, что я стал частенько забываю фамилии, никогда не напомнят, не всегда это правильно, товарищ Сталин не может помнить все, вот и приключилось, товарищ Сталин совсем и напрочь запамятовал, что давно пора провести съезд партии, устав требует, получилось безобразие пренеприличнейшее, никто не напомнил! Абакумов сводку принес, оказывается большой плач в народе, оказывается одно из характерных антисоветских высказываний, *почему нет съезда партии?* Почему? Почему? По кочану! Забыл товарищ Сталин о съезде! Вот почему! Нарушение непререкаемых устоев партийной этики. Молотов, Ворошилов, Микоян затаились, воды в рот набрали.

Стервятники! Они ждут моей смерти!

Не дождетесь! Вообще-то должен был напомнить Шкирятов, обязан по чину и должности, его прямая обязанность, комиссия партийного контроля; это же наша совесть, совесть партии! Гнать в шею! А с кем работать? С другой стороны, если серьезно вдуматься, если глубже

копнуть, может есть крепкий и провиденциальный смысл в том, что товарищ Сталин забыл про съезд? слишком много последнее время пью, пейте меньше товарищ Сталин и о съезде будете помнить. Не то, потерял мысль, да, хочу задать вопрос, зачем съезд? Никому этот съезд не нужен, говорильня, партия себя изжила, когда-то была нужна, прогрессивна, я сам назвал ее *орденом меченосцев*, а нынче партия стала обузой, да, таков объективный ход истории: партия превратилась в реакционную силу, в питомник и рассадник троцкизма всех марок.

Марксизм не догма, а руководство к действию! У новой, смелой, революционной идеи будет долгий инкубационный период, но дело идет к тому, еще не подошло, но об этом до поры до времени не следует вслух говорить во избежание недоразумений и опасных, вредных кривотолков, лишь привнесешь сумятицу, смуту и смятение в горячие ортодоксальные комсомольские мозги начетчиков. На съезде из устава изымем пост генсека, тихо и без шума, не афишируя. Эврика! Первый осторожный шаг к умалению партии. Постепенно центр власти из Политбюро перенесем в государственные структуры. Это понимают Егор, Лаврентий. Умницы. Почему-то свежая, прогрессивная идея покоробила Хрущева, интересно, какая муха его укусила, пошел урезонивать, щедро сыпал и манипулировал аргументами, товарищ Сталин оставьте за собой пост генсека! Что за этим угодливым рвением стоит? Вот и Жданов жалел свою вотчину, лукавил, предлагал обрушиться на «Новый мир», а не на Ленинградские журналы. Оно и понятно. Все они ждут моей смерти, Так и поручим Хрущеву доклад о структурных изменениях в уставе! Отличная мысль! Партия не простит Хрущеву этот доклад! Увы, а мне придется сидеть, галиматью слушать. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Да, зачем этой неугомонной своре, истинным ленинцам, террористам, Гершуни, Ратновскому, Красину съезд? А именно от них товарищ Сталин узнал о съезде, о том, что грубо попран и нарушен устав великой партии Ленина!

Сверкнула мысль:

«Ах вот оно что, *еврейские уши*! Лишь бы гадить. Всюду лезут».

Эти *истинные ленинцы* — дети репрессированных, евреи или с прожидью! Симптоматично, первым намечено сделать Маленкова. Почему, скажите на милость, именно Маленкова? Еврейская, корыстная логика: Маленков хотя и татарин, но русский патриот, раз патриот, значит антисемит, вот с него начнем. Они бредят двадцатыми годами, романтикой Октября, вечный истовый авангард, космополитизм, апофеоз беспочвенности, ненависть к России, тяга к мировой еврейской закулисе троцкизма, к троцкистскому безумию, к троцкизму без берегов.

У Эренбурга проскользнуло, он проговаривается, страшное саморазоблачение! открывает свое подсознание, вот она истина искусства, откровение, художественная правда взяла верх над хитростью, себя не пожалел Эренбург:

— Учитель, разве евреи не такие же люди, как мы?

Нет, отвечает Хулио Хуренито, евреи абсолютно другие! у них другая природа! Хулио Хуренито, истинный провокатор, его воля направлена на разрушение буржуазной цивилизации, в основном, так выходит — России, Хулио Хуренито замаскированный под мексиканца еврей, даже супереврей, квинтэссенция мирового еврейства! его духа! его истины!

Хорошее самочувствие в последние годы было редким гостем его жизни, мучили запоры, головные боли, бессонница угнетала, пытка, страшная пытка, потом запоры, головные боли, постоянный шум в голове, звон в ушах, в левом стихийно, самозабвенно сверчок звенит, старается, досаждает, к сверчку привык, не замечаю. Тут вся эта гадость, включая ё.анного сверчка, схлынула и разом ушла, голова сделалась ясной, даже зрение вроде улучшилось. Как замечательно небо! Как прекрасен Божий мир! Его схватило всепоглощающее вдохновение, внутри сердца радостно воссияло солнце, новое, родившееся, он прозрел сверкающую голубизну бесшумного, благородного, майского неба, улыбнулся, неожиданно заметив соловья, спокойно сидящего на ветке, мала птица, невзрачна, даже уменьшается в размере, когда на нее смотришь, соловей явно желал, чтобы его внимательно выслушали и выдал трель, крепко, со вкусом и блеском запузырил: песнь любви! Сталин ощутил дуновение благодати, все озарилось новым смыслом, узрел будущее, как в хорошем, цейссовском бинокле, вновь выплыла та же картина, но на этот раз это не размытые, необязательные тени, а могучая галлюцинация, во главе с Виллей Свичинским бурно цветущая очередь в ОВИР! У всех уши! Не верит глазам. Еще вчера они убедительно пели, били себя в грудь, так удивительно и неподдельно искренне утверждали, что они русские, любят Россию и товарища Сталина, а смотри, смотри, какая очередь! конца нет, собрали манатки, едут, стоят в очередях, еще вчера заверяли, мы такие же русские, как и вы, любим Пушкина, русскую музыку, русский фольклор, убеждали и убедили, а тут все до одного дружно, хором рванули, шутка ли, сорвались с места, эпидемия, кошмар, Тысяча тысяч заявлений! тьма! летят, неистовые, оголтелые перелетные птицы, без оглядки, рвут стрелой, тикают, тикают, паника, рви когти, пока не поздно, вся синагога, весь Израиль улетает, это уж, извините, форменное безобразие, кошмар! вот вам и разлюбимый Пушкин, вот вам и такие же русские! годы дали мне страшный дар ясновидения, ясно вижу безумную, художественную, ритуальную, жестикулирующую очередь в ОВИР, миллионные еврейские толпы, словно с цепи сорвались, валом валят, масштаб, дух захватывает, еврейские бурные сны, еврейская мифология, обезумевшее стадо, все, как один сдвинулись с насиженных мест, бегут из московских квартир, апокалипсис, трубный глас, в Израиль! в Израиль! завертелось, во всей красе горячка исхода, проклинают, поносят Россию, клянут со вкусом и страстью, еврейская бесовщина, вопли в сатанинском исступлении: ксено-

фобия, антисемитизм! антисемитизм! Он испытал шок. Проницательность обострена страхами за великое дело Ленина («за мое дело!»), разом спали бельма, мешающие воспринимать Истину, его сердцу открылась неожиданная страшная тайна еврейства, внутренним взором увидел ярчайший свет; минута озарения, зарница полного и абсолютного знания, момент Истины: за спиной каждого еврея стоит темный, черный двойник и нашептывает в их еврейские музыкальные уши с приросшими мочками отвратительные, поганые слова, отсюда их злопамятность, двуличие и эта надменная, торжествующая пакостная улыбка, все это как бы некая собирательная, коллективная, надличная, плотная тень, которая воплощает и персонифицирует все то, о чем и подумать страшно, что сами евреи решительно отказываются признать относительно самих себя, но именно в этом зерно и суть тайной природы еврея, оборотни, перевертыши, у-у!, ядовитое племя, злокачественное, отсюда темная вечная еврейская экспансия, наглая, беспардонная агрессия, заговор сквозь века, человеконенавистническая, сверхчеловеческая активность, скользкие, как налимы, не уловишь, везде лезут, лезут, еврейские мясистые губы, круговая порука, все это густо, круто замешано на предательской, бешеной, патологической ненависти к России, ко всему русскому, включая православие, церковь, это очень и очень глубоко, вечная, имманентная воля к разрушению, к измене, воля к предательству, пора вникнуть в безумную догадку Гитлера, смело восстановить историческую справедливость, Адик гениален, разгадал тайну, закрытую за семью печатями, постиг метафизическую природу еврея, хабад! проник в тайны еврейской психики: они являют собою проекцию вовне их специфического, больного, катастрофического опыта, их бытия. Этот иероглиф определяет их сознание и самосознание. Они все психически больны, психически искалечены, неизлечимы, уроды, следовала бы их изолировать, они не имеют права влиять на здоровую часть человечества, на нас, русских!

Перед старческими глазами проплыли видения из будущего (ясновидение — страшен дар, лучше его не иметь!).

Раскусил, просек и постиг вас, ядовитое, аспидное племя!

Подумать только, надо же, у всех членов Политбюро в женах еврейки. У Молотова — Жемчужина, чертова кукла, Мойра, нет, забывать, путать слова стал, мымра, бессовестная, наглая, активная еврейка, Эсфирь, деятельница, одержима еврейством, товарищ Сталин, отдайте нам Крым! раскатали нос, губа не дура, Крым, видите ли, им отдай, наш, русский, оборона Севастополя! стой! шалишь! И не мечтайте, этого удовольствия вам не доставлю; она свое получила — загудела; это вместо Крыма! вместо укропа! у больного Андреева жена еврейка, у Кагановича, ему сам Бог велел иметь вездесущих, пронырливых еврейских родственников, у Ворошилова не то Эсфирь, не то Юдифь, Рюмин клянется, что и Берия с прожидью, наполовину еврей. А моей бесстыдно и порнографически

размалеванной дурехе подсунули Морозова, выпалила, вся в слезах, любовь! канючила, жить без него не могу, высечь как сидорову козу хотелось, взять и морду расквасить дуре, любовь зла, полюбишь и козла, угораздило, любовь кромсает и гложет, теперь развелась, еврейские родственнички со всех сторон лезли и лезут, ощущаю дурное влияние еврейских родственников, сколько родственничков, это даже как-то противоестественно, весь Израиль, докучают, расчетливы, всем нужна квартира в Москве! Даже у аккуратиста Поскребышева жена еврейка, это у верного, как собака, бескорыстного, кроткого Поскребышева! заладил, бубнит себе под нас, *состарился наш вождь*! И этот мнит себя человеком, разрешает себе думать, что товарищ Сталин помрачился умом! жди и от Поскребышева подлянки. Не могу взять в толк, кто нашим ответственным товарищам так ловко, хитро в кровать евреек подсунул?

Нас уверяют, «Протоколы сионских мудрецов» не классический продукт иудейской психоидеологии, их безумия, а подделка, давно и окончательно разоблаченная фальшивка, есть неопровержимые доказательства, наука! есть решение суда в Берне, идиоты, да разве вопрос о подлинности документа на суде должен решаться? Пусть лучше объяснят людям и мне, как подделка могла оказаться пророчеством? У всех наших руководящих товарищей в родственниках евреи! У Маленкова. Даже у меня! На наших глазах осуществляется злокозненный, лиходейский план! зачем Ленин, великий Ленин, в своей библиотечке фальшивку держал, читал, вчитывался, изучал? сдается мне, не дурак писал «Протоколы», ой, не дурак, знал это подлое семя, хотел бы я так ясно видеть будущее, как автор «Протоколов».

Выплыла гадкая, пошлая картинка, брр! лежат в кровати эдакие жирные, потные наглые жидовки, нудят, исступленно шепчут мужу на ухо: *отпусти мой народ!*

Сталина аж передернуло.

Погибла Россия! Мымра, Мойра, спасу нет, в оговорке есть резон: Судьба стучится в дверь.

Давление повысилось, пульсирует кровь в висках, вижу, вижу кривляющиеся, отвратительные, оглушительные очереди! Вот когда возник и обнажился новый, неожиданный сюжет, всплыло ошеломляющее предательство, товарищ Сталин, отпустите нас, наши сердца все одно не с вами, а там, на Святой земле!

Истина — ужасна: глаза товарища Сталина выпрыгнули из орбит, как у испуганного нильского крокодила; прозрел грозный, необратимый смысл надвигающейся катастрофы, ему стало не по себе, кровь шумно, сильно загремела в висках, давление подскочило, земля исчезает из-под ног, рушится мир, во рту пересохло, в глазах стало темнеть, ощутил тошноту; погружение в одурь, ощутил свою беспомощность перед властно наплывающим, грозным, неумолимым будущим: перед

очередями в ОВИР, растерзан и распят фантастическим видением: России поздний час, губительный сквозняк, туга! Эти очереди, оскорбляющие, как громкая, хлесткая, безобразная пощечина, являли собою не бледные, плоские тени, это была мощная реальность, объемная, она встала пред подслеповатыми глазами и обдала его холодным пламенем жути. Грядет гибель всему, погибло дело Ленина, погибло мое дело!

Стоял он дум великих полн.

Душевный подъем и экстаз достигли высшей точки, завершились неожиданно, полным упадком сил, приступ дурноты, позыв рвоты, состояние плачевное, наплыла, сгущалась тьма, он машинально схватился за спинку стула, стоящего рядом, сделал несколько шальных, неуверенных шагов, нелепо плюхнулся в кресло, темнеет сознание, полное затмение, сжалась челюсть смерти, уронил голову, съехал с кресла. Отошло, полегчало. Общая оглушенность. После экстаза наступает депрессия, сопровождающаяся расстройством желудка, затем жди запора. Где-то там, под черепом, продолжало бухать, густой, пульсирующий, ухающий звук, еще пронзительнее и назойливее сверчок заработал в левом ухе. Так в одночасье и окочуриться можно. Ничего. Как-нибудь. Очухался. К надменной касте эскулапов не намерен обращаться, попадешь в их черные руки — конец! гипнотизируют тебя, запугивают, угнетают. Не выношу. Врачей не выношу! А распоясавшегося Виноградова мнительно боюсь, дуновение ада, откровенный монстр! Нагл, бесцеремонно возникает, всегда все знает, ошибки быть не может: наука! Считает, что у товарища Сталина в мозгу произошли опасные и необратимые деформации. У него тяжелый взгляд убийцы, ад в глазах, подходит к тебе, как палач к очередной несчастной жертве, сколько в этом взоре подавляющей вашу волю, беспардонной, все сокрушающей самоуверенности! Безапелляционные, пророческие интонации гремящего голоса — ранит, устрашает. Да, если бы Жданов к вам, сволочам, не обратился, до сих бы жил!

На мою могилу нанесут сор, но ветер истории разнесет весь хлам, на какое-то время имя мое потеряет магическую силу, но не исчезнет в глубокой пропасти забвения, вновь просияет в веках, в славянстве просияет! В глубинах духа великой России спеет возмущение против беспардонного, откровенного предательства евреев, против их свинского, наступательного блефа.

Со всей серьезностью и давно пора составить политическое завещание, пусть мудрость моя простирается и на будущие века. Потомки скажут: он имел совершенное всевидящее око, был всегда прав!

Если не хотим сверзиться в адскую пропасть, вот основные болевые точки; это лишь пунктир, лишь тезисы стратегического порядка.

Решительно чураться авантюризма во внешней политике, никаких революционных войн, никаких перманентных революций. Изыскать благовидный предлог для прекращения войны в Корее. Опять забыл,

немедленно отозвать из Северной Кореи военных советников, хватит и того, что наши классные асы, школа Громова и Коккинаки, прикрывают Пхеньян

Партия — рассадник троцкизма всех марок, ее следует держать в узде, центр власти перенести в Совет министров. Никакого переосмысливания прошлого, не пересматривать процессы 30-х годов! Никаких амнистий политзаключенным! Прощеный враг другом не станет. Весь этот сброд, эта скверна — ядовиты, опасны. Они, освобожденные из лагерей, отравят нашу жизнь, наши мозги. Реабилитация? Да такого слова не должно быть в нашем уголовно-процессуальном кодексе!

Быть на чеку; главная опасность — евреи: злокачественная популяция, дерзкое, изворотливое инфернальное племя, портящее жизнь всем народам, витальные силы его омерзительны и необоримы, это раковая опухоль, выделяющая и распространяющая вездесущие метастазы зла!

Наконец, не допускать двух центров власти, энергично и всеми средствами пресекать образование второй столицы!

Он знал и своим многоопытным, старческим умом понимал, что не должно чрезмерно распускать пронзительное ясновидение, что во вспышках сверхсознания и молниеносных прозрениях немало шелухи, прелести, дряни, нужна осторожность, не спеши, изгони из души хаос, небрежение, нужно иметь власть даже над пророческими галлюцинациями, не поддаваться, может подгулять сверхчувственная интуиция. Тому учит опыт его долгой жизни! Товарищ Сталин все-таки славно дружит с Историей, а потому и с Истиной! Всегда на посту. Ныне и присно! Легко оказаться жертвой собственного пророческого дара, подозрительности, страхов, зачем так уж пугаться наваждения, еврейских очередей в ОВИР, будем относиться с подозрительностью, придирчивостью и здоровым скептицизмом к гениальным прозрениям, мало ли чего померещится после сытного обеда с горячительными напитками, возможно, все это лишь химерическая халтура, ложь; а о безумии экстаза и моих видениях — молчок, никому ни слова, решат, что старик из ума совсем выжил, как король Лир на старости лет, буду скрытным, осмотрительным и точным, как леопард. Лаврентий в одном абсолютно прав, пусть они делают бомбу! Ловок Лаврентий, как бес ловок, такие люди нужны партии, блестящий администратор, находка, но авторитета в партии у него нет, прошлое его неприглядно, что правда, то правда, не любят его; два грузина в Политбюро, не слишком ли? не любят и боятся, и он это понимает, знает, как бес, умен, А Капица хорошо копнул, написал хорошее письмо, мы вовремя ориентировали страну на собственный потенциал, на собственный гений, оправдала себя борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед лукавым, коварным, агрессивным Западом! Обскачем США с бомбой, первыми выйдем космос. Капицу пришлось слегка одернуть, приземлить и в то же время оградить от обиженного Лаврентия;

смягчил гонения, да и особых гонений не было; Вообще-то Капица не прав, изнасиловал меня своими письмами, зазнался, хотел стать во главе Спецкомитета по атомной бомбе, как Оппенгеймер, но здесь нужны и профессиональная режиссура, зверя прыть, крутая, сильная рука, и дерзость, и бережное отношение к истинному таланту, Лаврентий на месте, сильный прагматик, быстро и надлежащим образом сумел создать оранжерейные условия для работы наших замечательных физиков, в его уделе и советской власти вроде бы нет, хе-хе! гигантская страна за парты уселась, учатся, а здесь, сигнализируют мне, кружков по истории партии нет, биографию товарища Сталина физики не штудируют, цветет свободомыслие, пинг-понг, кофе, шуры-муры, антисоветские анекдоты травят, Арцимовича пришлось одернуть, на ковер вызвать, придержи, сука позорная, язык, потерял совесть; так и надо: у Берии быстро, без бесконечных согласований и безо всякой бюрократической волокиты принимаются нужные, своевременные, целесообразные решения. Все правильно, за это и люблю Лаврентия. Даешь бомбу! Наконец-то веселая весть: *скоро*! Сколько в атомном проекте евреев, куда ни плюнь, угодишь в еврея, все яркие таланты, сливки интеллектуального еврейства, незаменимые, все гении, Ландау, утрем нос Америке, на мази водородная бомба! Мигдал, Альтшулер, Глузман, Зельдович, Иоффе, цвет еврейства! Как много их! Почему так много евреев? Не знаю что и думать! Компанеец, Мандельштам, Померанчук, Харитон, Цукерман, сколько вас? Еврейские фамилии почему-то сами запоминаются, засоряют мозги, хлам. Большой шалун Лаврентий, анекдотами сыплет, рискует, свежий, озорной анекдот, евреи придумали, *кто будет создавать Сталину бомбу в антимире? Антисемиты!* с Берией не соскучишься, всегда искрометно весел, заражает весельем, затейник, проказник, умеет тяжелые думы развеять, развеселить, за это и люблю, озорник, бабник, каких свет не видывал, любит это дело, ой как любит! Почему все же так много евреев? Как же их много, легион! Дивизия! Так надо, умница Лаврентий, большая умница: усердно, не из-под палки, самоотверженно, вдохновенно работают, подметки рвут, вкалывают, выкладываются, азарт и бешеный энтузиазм царит в корпусах, а энтузиазм горы сдвигает, великие творит чудеса! Ни один волос не упадет с вашей головы, евреи! *Во мху я по колено*! так говаривал Пушкин, анекдот самого дурного, грязного толка, не люблю пошляков. Никаких переселений! Заслон поставим. Стой! Не балуй! Кругом! Шагом марш! Всегда следует ориентироваться на жизнь, на то, что диктует целесообразность и объективная необходимость. А значит — сперва бомба!

Вот оно, за хвост поймал, Соломоново решение!

А завещание в завал и на потом: История нас мудрее, *революция победила, потому что она не могла не победить*. На дворе большой праздник, мой праздник, товарищ Сталин знаменосец ленинских идей и творец генеральной линии, Леонид Леонов предлагает летоисчисление

начать со дня рождения товарища Сталина, Не так уж все плохо и трагично. Все ладно будет. Нет причин для паники. А завтрашний день сам о себе позаботится! Слушай, Израиль! ты нам нужен, нам, русским!

Товарищ Сталин соскочил в смех, не узнал своего голоса, чужой, сиплый, что-то маразматически-старческое.

Трудно поднялся, через не могу, суставы болят, колени, простуда, отложение солей, немеет левая рука, на нее не обопрешься, старость — не радость, одолевают немощи; на ватных ногах прошаркал к столу. Он уже знал, что на выборах в Америке победят республиканцы, победит Эйзенхауэр, Даллес неприятная фигура, поджигатель войны №1, умен, хитер, достойный противник, Черчилль тоже шишку дрочит, от своей расплаты не уйдет, а с Эйзенхауэром мы справимся, одной левой; так: вернем Жукова, сильный, ядовитый ход! красиво, эффектно, ошеломляюще смотрится: маршал Жуков против генерала Эйзенхауэра. Жуков — символ победы! Отлично, складно получается! Записал на календаре: «Поскребышеву: назначить Жукова в правительственную комиссию в Польшу, выступление Жукова опубликовать в Правде. Начать подготовку к съезду партии. Маленков — отчетный доклад. Хрущев — структурные изменения в уставе. Ввести в ЦК Кагановича, Мехлиса, Митина, Ванникова, подработать вопрос о введении в ЦК в качестве кандидатов — Лепина, Райзнера». Пусть не говорят, что товарищ Сталин антисемит! Еще раз пробежал нелицеприятное письмо Лепина, хотелось старческим, многоопытным умом вникнуть во все сокровенные тайны пронзительного, волнующего документа, хотелось разгадать, что питало беспокойство Лепина и подтолкнуло его на безрассудную писанину, кто этот человек, сочинивший закрученные, уверенные словеса; «у нас чем-то схожи почерки»! Сталин почувствовал почти интимную, почти мистическую связь с Лепиным. Мой талисман!

IX. Казалось бы, механизм отлажен, власть абсолютна — чего еще? Ан осечка! Загвоздка, инициатива снизу, описка, бюрократическое недоразумение; представляете, и у Сталина не все получается.

В такое нельзя поверить, но это факт: наш мудрый и великий вождь не знал, что Лепина уже целиком заглотила и прожевала безличная махина террора, да и сам Абакумов, министр ГБ, этого знать не знал, ведать не ведал, Лепина сначала с треском (и это отнюдь не воля Сталина, инициатива, ликующая сила нашей жизни, шла снизу) вышибли из партии, а затем, вскоре, ордер на арест подписал какой-то мелкий прокурор Каганович (не Лазарь, а его жалкий родственник), Лепин тихо кукарекал на Малой Лубянке, следствие было на редкость легким: дело пустячное, его вело Московское ГБ, Абакумов-то другое знал и твердо помнил, что надо спокойно ждать решения высшей инстанции: пись-

мо у Сталина, значит, пока Лепина нельзя брать за жопу, жди соответствующей резолюции.

Следствие у Лепина закончено, подписана 206-я, дело автоматом по хорошо накатанной колее попадает на Особое совещание: как серпом по яйцам! Абакумов дрогнул, хватается за голову, ё. твою мать совсем! как тут не лишиться нравственного здоровья, так необходимого на этой ответственной, беспокойной, опасной должности, прокол, злая шутка, вокруг нас рать! *и в темный лес ягненка поволок*! Рюмин, продувная бестия, вперед забежит, заскочит, прорвется к Сталину, контактирует напрямую, сигнализирует, темный интриган, каких мало, горю, как швед под Полтавой, теперь не исправишь. Товарищ Сталин, горячо обожаемый вождь, дал ясную, мудрую, потрясающе простую директиву, себя зарекомендовавшую, завет на века веков! дверь Лубянки должна открываться в одну сторону! И это себя оправдало: система не дает сбоев, мы не ошибаемся, мудр, мудр товарищ Сталин, у МГБ нет и не может быть ошибок, описок.. Абакумову остается уповать на случай, может пронесет нелегкая, не буду вида подавать, что что-то случилось чрезвычайное и из ряда вон. Держи себя в руках.

Попробуем оценить ситуацию, абсурд какой-то, вот вам и *мастер власти*! вот вам и *хозяин!* выходит, даже такой человек, как Сталин, тиран, равных не было в истории человечества, не может приблизить к себе человека, которого заочно полюбил!

X. Против воли Сталина наш Лепин загудел в лагерь, где повстречал свою большую любовь — уборщицу подсобного хозяйства

Волей судеб, игры случая, неурядиц и прямой несогласованности на уровне Сталина и Абакумова, волей свински ко всему равнодушного ГУЛАГа, Лепина в конце концов наладили в соответствии с заведенным там чином в Каргопольлаг, и он угодил к нам на нары (может и здесь везение, еще неизвестно, где потеряешь, где найдешь, а то пристегнули бы его, раба Божьего, к делу врачей, как Дорона: прокурору по спецделам, курирующему Лубянку, досталось на следствии, выбивали показания и выбили, а нам, прошедшим через его руки, почему-то этой суки не жаль).

1. Наш-то пряник

В ту пору никто не подозревал, что Лепин может творить чудеса, время его еще не настало, еще в отдаленной перспективе только маячило. Судьба потрафляла и потрафила Лепину, не поверите, сходу назначен нормировщиком на подсобном хозяйстве (а Кузьма, ах ты Господи! всю дорогу на общих, первая шахтерская, гонял в шахте вагонет-

ку, мускулы, пердячий пар), подсобное хозяйство — отличное место, благословленное, нам бы такое, правильно говорят, говорили древние римляне, счастье не х.й, в руки не возьмешь, сидит себе в тепле, в свое удовольствие попердывает, горя мало, геморрой его не е.ет, везет одному сорту людей, баловень и избранник, и сам господин Случай спошествует, подмахивает, вмешивается, откуда-то заявляются чудесные стечения обстоятельств, ведь на этом самом подсобном хозяйстве, достоверно известно, зэки пряники перебирают, получается, наш-то **пряник** всем пряникам пряник и пряники перебирает, если быть педантично точным, даже не перебирает, а нормирует это славное, нужное дело, а плели, что во всех лагерях петух старательно работал, старался, склевывал задницу; вообще-то чтобы быть нормировщиком нужны специфические способности, чернильные, приноровиться, химичить надо уметь, бесстрашие, уметь быть бесстрастным, твердым, хоть на пятаки руби, осанка важна, Лепин расцвел у нас, всегда чему-то там про себя улыбается, что у него на уме, никто не знает, можно подумать, что этот человек не от мира сего, в небесах витает, но это была бы ошибка, он всецело здесь и на земле, не прост, неукротимый, зверский педант, не человек, а прямо лютый зверь, такой нормировщик не клад для работяги, а сущее горе, да чего ты, трам-бам-бам — в ухо, горло, нос, имей совесть, поставь мне шестой разряд, дай человеку заработать; а сухой, имеющий недюжинные способности к науке чисел и к арифмометру, Лепин, аспид безжалостный, с зеленоватым, болезненным, геморроидальным цветом лица, эдакий х.й соси, читай газету, прокурором будешь к лету, где у людей совесть, у него х.й вырос, не сердце, а кусок льдины, самоуверенным, невозмутимым, чванливый голосом, тот еще заряд высокомерия, в этом голосе присутствует *в снятом виде,* как сказал бы Гегель, работа многих еврейских поколений, насекомит вас, уничтожает, а ведь такой же зэк, как и ты, работяга, цедит эдакое словцо, не словцо, а дрын, пусть, мол, тебе, быдло русское, ленивое, отребье рода человеческого, пьянь, противен ты мне, мастер впишет, что ты не пять ящиков перебрал, а десять, мне это все равно, это не мое дело, хоть сто, а работа твоя пятого разряда, сам, милый, знаешь лучше меня, все! гуляй! такие слова, правильные, может говорить лишь истовый враг простого человека, работяги, враг демократии.

2. Леда и лебедь

Так вот оказывается все не так просто, нам придется коснуться одного деликатного, можно сказать, интимного момента, пришло время начать разговор о странностях любви, этот заумный сухарь, гегельянец, ледышка вместо сердца, оказывается способен к бурным чувствам: у нас, в Каргопольлаге, неожиданно для самого себя напарывается на

шикарные женские груди, откровенный колдовской знак сексуальности, и этот знак переворачивает его душу, это его Беатриче, объект подсознательных грез, потенциальная возлюбленная, к которой подсознательно стремится его душа; и вот законсервированное до состояния анабиоза семя, которое все годы благополучно покоилось в мошонке гегельянца, вдруг оживает, вскипает, рвется ввысь, неукротимый порыв, неукротимая, всесокрушающая низменно-похотливая чувственность, грозный, могущественный кошмар — его рыбий глаз судака впервые просветлел, загорелся внутренним светом: он, беззащитный, великую любовь повстречал здесь, сумасшедшую любовь, испепеляющую, умопомрачительную; он, беззащитный, даже в свои тридцать лет, охвачен роковым безумием. И — свихнулся, мозги напрочь вывихнуты, колдовство, «солнечный удар» (Бунин). Какой таз! какие груди, полна пазуха соблазнов, они шлют мощные позывные, жутковатая, полонящая, сатанинская женственность, мужская особь на эти позывные отвечает жадным, напряженным созерцанием, раздевающим, глаз не оторвать, липнут сами, соблазн на соблазне, вы невольно соскальзываете, скатываетесь в порнуху и в достоевщинку, словом, если выразиться культурненько, у юной зэчки были прекрасные голубые глаза (русская национальная красота — лакомые угодья абсолютно невыносимы для изголодавшегося, замученного, раздевающего, порнографического глаза зэка, страшна чара! а что есть реальность? глаз создает, творит реальность, а данное в ощущении, актуально видимое это не что иное как волевой образ, конструируемый сознанием — «мир, как воля и представление»)! она — простая уборщица при подсобном хозяйстве, где пряники, она — юная зэчка; вообще-то сначала героиня слегка игнорировала заумного гегельянца, очкарика и полумерка, хотя сама имела пытливый философский ум, ее, голубку, замели с 4-о курса философского факультета МГУ (за стихи: «К родине»; может и не она писала, может, за недоносительство сгребли, при всех случаях: *не нужно этих басен*), должно было прострелить душу «избирательное сродство» (Гете), не получалось прострела, не лежало сердце, черноземному, капризному женскому сердцу не прикажешь, такой мерещится залупа конская, дура-девка заглядывалась на ребят покрепче, на наших великолепных лагерных неандертальцев, первых красюков ОЛПа, не подозревала по своей девичьей темноте и неопытности о жизненных потенциях Лепина, после насмешек и шуток простодушно продемонстрировал (а что ему оставалось делать? и еврейство обязывало!) отменное хозяйство, le pin (ле пин, Лепин) моржовый, было чем похвастаться, жизнестойкий экземпляр, масштабы библейские, воплощение таинственной энергии и неиссякаемой жизненной силы, можно и царя кое-чем смешить до слез, ретив кентавр, хоть куды! потягается с несравненным сексуальным геркулесом Рокотовым, а Ирка пребывала в секундном безмолвии, цепкое, изум-

ленное созерцание, острота женского высокохудожественного восприятия, преобразующего действительность, впилась, замешательство, в конец растерялась, впечатлена и загнана в ужас (за эту секунду она о мужчине больше уразумела, чем за всю оставшуюся жизнь) и — безоглядное бегство.

Забудем всякие там пустые пересуды, на самом деле душа у педантичного нормировщика (педантизм — видимость, форма самозащиты) была мягкая, нежная, любящая, готов за нее срок досиживать и всю жизнь плясать под ее дудку, на руках носить (иносказание, разумеется, гипербола: здорова баба! я те дам! есть за что подержаться, роскошногрудость вдохновляет), лелеять, голубить, верти, как твоей душеньке угодно, а она, глупая, этого ничего и не разумела. Атмосфера и декорации как-то разом переменились, в жизни такое частенько случается, нежная, истинная, глубокая женская душа вообще чутка, чувствительна, восприимчива, ко всякого рода грубым вожделениям мужика, головка у девушки начала интересно, волнительно туманится, неожиданно для самой себя она увлекается, заигрывается, ну, представьте на минуту (я вижу мыслимым взором рельефно, вижу эту сцену, словно заглядываю в замочную скважину, соглядай, как в детстве, стыдно, страшно, жутко стыдно, гляжу во все глаза, нет сил глаза оторвать), они сидят даже не рядом, а друг против друга и на достаточно приличном, платоническом расстоянии друг от друга, вполне пристойная картина, чинно сидят, словно не от мира сего, никаких вольностей, малых обжимов, никаких робких и осторожных поползновений в духе лукавого парадокса Зенона, Ахиллес и черепаха, никаких лукавых попыток подобраться к ее необъятным прелестям, редчайшая ситуация для лагеря, у нас любовь творится на ходу, как у какаду, в полете; она курит папиросу за папиросой, дымит, как паровоз, он поспешно, надрывно, жадно докуривал за нею, помада-то, догадываетесь! обильно остается на мундштуке папиросы, измазан сильно мундштук помадой, сам собою конструируется, встает, выпирает бесспорный фрейдистский символ, акцент мы делаем, примечайте, не надо недоразумений, на перепачканном непристойной, дешевой помадой мундштуке, как эту картинку с выставки увидел бы Фрейд? да, как пить дать, руками бы всплеснул, замахал, возопил, а что я говорил! а что я писал! а вы не верили в панэротизм и коварные неврозы! стал бы утверждать, и в данном случае не промазал, что эта счастливая парочка, баран да ярочка, зэк и зэчка, хотя и сидят друг от друга на добром расстоянии, но по существу это «одна плоть», во всю творят непотребство, оральный секс, а что касается Ирки, то она все это вполне сознает, не глупа, безошибочно ловит шестым чувством, воспетым в пронзительных стихах Гумилевым, когда у мужика растут, распускаются крылья для яростного полета, зверски маячит тайный уд, она заражается этим неукротимым желанием, волны безумия, волна за

волной, откликается бурным резонансом; а кровь не укротишь, Эрос прошиб Ирку, глубины души пробудились для таинства, она уже рада женскому гамбиту, идет на него, готова подвернуть, подмахнуть, вступила в силу физиология, полной грудью глубоко, учащенно ловит воздух, исторгает вздохи, как жаба, папиросу за папиросой бросает своему окрыленному герою, того гляди и пачка папирос кончится.

Кончилась!

Свершилось! И Лепин влетел в дикий экстаз, глаза закатил, как восторженная, безумная курица, одни белки сверкают, странным, пугающим, инфернальным внутренним светом светятся, языком чмокает, присвистывает, хрип и храп, храп и хрип, он буквально вне себя, вне своего тела и восхищен до третьего неба, прорыв, плерома, испытывает при этом жгучее, нечеловеческое наслаждение, мистический оргазм, а юная зэчка все глубже залетает в опасную, деструктивную мистику, ее уже нельзя назвать чистой девой, в народе есть такое словечко, как полудева (Розанов назвал бы их занятие онанизмом, прибавил бы, что медовый месяц с Донькой Кулаковой честнее, в данном случае был бы не справедлив, да и к чему вся эта честность, откровенность, обнаженность, распоясался совсем, возмутительно, шокирующе откровенен Розанов, в другой раз разоткровенничался Розанов в письме Голлербаху, исповедуется, как не поверить, мол, когда творит, обязательно расстегнет штаны, возбудит елду, за нее держится, корень жизни, источник энергии, взлеты, парения, лучше пишется, когда держишься, гениальнее получается, имеет место сублимация половой энергии в интеллектуальную, мысли так сами и на пустом месте рождаются, как блохи прыгают, успевай, лови, записывай, одна быстрее и гениальнее другой. Попробуйте!), представляете, вообразите же! у девки от душевного перенапряжения, *а по улице все конница идет,* струя радости пронизывает каждую клетку тела, в ипостасях женского организма творится нечто неладное — лопнула целка, ворота нахально разворочены!

Об этом в своем месте, не забудем.

Сначала о том, что приключилось на подсобном хозяйстве на другой день. Пришли бригады, Ирка заявилась в кабинет, пол мыть совсем уж собралась, а Лепин невменяем: в сомнамбулическом самозабвении выхватил у Ирки половую тряпку, закатил штанишки, рванулся мыть пол, рыцарь. Казалось бы, кому какое дело. Не совсем так, потому что это не по чину, не положено. Зэки оставили свои рабочие места, где они перебирали пряники, сгрудились вокруг обезумевшего нормировщика, глаза пялят. Накладка: застопорилось, встало производство. План заваливается, Никто не работает: смех.ечки сплошные, вообще театр! А за такое по головке не погладят. Сам собою начинается и льется анекдотический сюжет, целая преуморительная история, если бы не печальные последствия.

XI. Бойтесь любви: вовсе спятив, Лепин пошел куролесить, выкидывать коленца и, вы не поверите, так разбушевался, так взбрыкнул, что изменил ход мировой истории

Сам-то Лепин незаменим, без него Шустов, как без рук, списали с подсобного хозяйства фигуристую уборщицу, получила, как высокохудожественно выразился Шустов, по п.зде мешалкой. Общие работы корячатся Ирке, не позагораешь, упираться, рожками, все рожками, небо с овчинку, жареный петух во всю работает, клюет жареный петух, склевывает. Но это так, в густом воображении Лепина. Накатал Ирке ужасное письмо, вдохновенный псалом горя! затем заявился в кабинет Шустова. «И море, и Гомер все движется любовью», как сказал поэт, а это значит, исчерпывающая потеря здорового инстинкта самосохранения, так необыкновенно сильно развитого у евреев (5-й Ташкентский), рыцарский подвиг! приступ бурного, из ряда вон, безумия, залетел даже не в пограничную область, столь любезную философам экзистенциалистам и писателям вроде Камю, а прямо-таки в запредельную запретку, окончательно и бесповоротно расписался в собственном безумии, для него объективный мир с этими жесткими, объективными законами перестал существовать, выход в безумие, когда человека невозможно образумить простым словом, запустил шалые речи, свидетельствующие о его бесспорном и полном безрассудстве, насел, навалился на Шустова, лил в уши истерику, загипнотизировал, околдовал его, и, представляете, не поверите (впрочем, да это всем и каждому известно: рыцарю и положено по закону жанра спасать принцессу от дракона)! Шустов спасовал, сделал то, что не должен был делать, возвратил Ирку на подсобное хозяйство, где тихо, мирно, счастливо и бездумно перебирают пряники, списал незаменимого нормировщика Лепина, безумца, возмутителя спокойствия.

И с этого момента и на какое-то время Лепин становится главным действующим лицом нашего ОЛПа, если на то пошло (не будем полностью отбрасывать мистико-магический план, абстрагироваться от него, но все в меру!) — чудотворцем, у нас стряслась прямо-таки фантасмагория. Еще раз повторимся и отметим, как это ни покажется странным, для Лепина лагерь, пока его здесь не накрыла любовь, был самый счастливый и самый грандиозный творческий период жизни, сгорел человек, весь сгорел из-за Ирки Семеновой, философа в юбке, которую она носила, как и другие, поверх ватных штанов, женщины его горяченной мечты, Дульцинеи Тобосской, в рыцарском рвении, как и рыцарь Печального образа, нарушил правила игры, ищет авантюры на хобот, свихнулся да и только; и все это из-за сладкогрудой красючки, забастовал не на шутку, сорвался, высокая болезнь, мучит, физиология свое требует, сосет душу, давит, словом, маячит, до потолка, насквозь прошит

сухарь-гегельянец, абстрактный, зачерствевший в пустых, голых абстракциях, лукавый долго таился, дождался своего часа, беззастенчив, горячий шепот в ухо, дуй за природой! Прощай райская, спокойная жизнь на подсобном хозяйстве, прощай пряники, вылетел Лепин, допрыгался, погнали его, раба Божьего, на Лесозавод, общие работы, небо с овчинку, шумит, гудит родной завод, как улей, потогонная сортплощадка, где когда-то куковал Женька Васяев, лопух, недотепа, Лепин, разумеется, не таков, как Женя, да и срок-то у Лепина «детский», всего пять лет, детский, кадетский, пленный, военный, самый здоровенный, пусть детский, пусть пять лет, но и их на параше не просидишь, в дистрофии сойдешь на нет, на говно изойдешь за месяц, усердно жаренный петух поработает, последний враг цепко душу ухватит и уже не отпустит, а еще репрессивная дурь зимы и всяческие ее выкрутасы, а еще оголтелые, злые, несправедливые ветры с Северо-Ледовитого океана, воет, ревет, страшные завывания, мороз по коже, глотка прездоровая, четкая артикуляция, не может быть ошибки: уе.ууууу! — «так звучало в пространстве... неотвязная злая нота... звук ли то был?.. Если то был звук, он был несомненно звук иного какого-то мира...» — «Петербург», 1912, Андрей Белый, гениальное пророчество, о нас, о нашем лагере это! в тихую погоду видимость отличная, звук человеческого голоса на время какое-то на морозе вовсе шизофренически, нелепо, неестественно зависает, наденут на тебя деревянный бушлат, голову предусмотрительно ломиком прошибут, чтобы ты случаем не утек из лагеря; Но тут как раз умер Сталин: мистика! остается думать, да это прямо явствует, что ловкий, скользкий подлец случай на удивление и восторг благосклонен к Лепину, к божьему избраннику, рыцарю удачи и везения; вот что значит веление судьбы! он нужен истории!

1.Геркулесовы столбы

Наш-то Женька Васяев, тюха-матюха, Колупаев брат, очарованная душа, охламон, пыльным мешком из-за угла ударенный, вообще был уверен, что есть прямая мистическая связь между теми подвигами, которые выкинул Лепин и смертью Сталина, его всегда распирало от всякого рода сумасшедших, сумасбродных идей, и этот олух и остолоп, предрасположенный к мистическому, магическому восприятию событий, крутой, истовый, безнадежный, отпетый идеалист не только сам увидел апокалипсис в смерти Сталина, но и нас всех заразил своим безумием, приобщил к идее, заставил увидеть мир своими глазами (это в сущности были больные глаза), предрасположенными к тайне и магии, и у нас у всех вдребезги раскололось чувство незыблемости сего мира, незыблемости, вечности лагеря, колючей проволоки, вышек, а еще вчера казалось, что все это было, есть и будет, ныне и во веки венков, но тут вдруг, Лепин лег на курс подвигов, безграничная отвага, безум-

ство, наломал же он дров, и мы увидели вокруг себя стопроцентный апокалипсис, как бы прозрели, теперь мы его воспринимали одновременно и как князя Мышкина, идиота, и как подлинного мессию (Исаия 53, 2: «нет в Нем ни вида, ни величия»), много странного случилось на ОЛПе, пошли всяческие непонятности, началось с того, что Лепин разошелся, разбушевался, пеной выплеснулся из внутренних берегов, перешел роковую черту, набросился на начальника ОЛПа гражданина Кошелева, погнал волну, а мы, прослышав обо всем таком, от удивления с верхних нар попадали, вот ведь до каких номеров и Геркулесовых столбов может довести любовь и толкнуть хотя и на благородные, но, по существу, на безумные глупости. А если к этому мы прибавим, что женский пол очень неблагодарен, не ценит Донкихотов; не ценят наших стараний и подвигов, а ведь для них, для них мы выкладываемся, из кожи лезем вон, творится всемирная история, все для них! а эта неблагодарная Ирка опять свое, да так раздраженно, несправедливо, так обидно: — Да пошел ты, идиот несчастный!

2. Пена дней

Тут, на общих, Лепину бы и крышка, кранты, полный п.здец, поработал бы жареный петух, ан — нет, все, закончилось наше, зэчье, удивление ничем, в рубашке родился Лепин, не поверите, загнулся, сыграл в ящик не он, Лепин, кому это предписано суровыми, неоспоримыми законами лагеря, кому БУР корячился, а Великий Ус, гром средь ясного неба (знаем, ведомо, слышали, все люди смертны! все когда-то там будем), завершилась, закруглилась грандиозная революционная эпоха, и это все произошло сразу же, моргнуть глазом не успели — и одновременно с событиями на нашем необыкновенном, диковинном ОЛПе! Что на это можно сказать? Первая мысль, банальная, которая сама лезет в голову, напрашивается, была какая-то мистико-магическая связь между Лепиным, перебирающим на подсобном хозяйстве пряники (точнее: нормирующим этот сложный, ответственный процесс), маленьким, подслеповатым евреем, головку которого оккупировала роскошногрудая Ирка (нет, нет! так просто из головы Ирку не выбросишь), и Сталиным, ей-ей, да что сие все это значит? вопрос вопросов! трудно уловить, найти другой смысл событий, которые творятся с такой энергией на наших глазах, кроме этого буквального, очевидного, банального! И в то же время символичного, очень символичного! От Лейбница салют вам! Пламенный Лейбниц, величайший ум всех времен и народов, что-то такое интересное писал о «предустановленной гармонии» и о «синхронном совпадении», весьма муторная теория, нам она недоступна; это вроде получается, нет никаких закономерностей, одни синхронные совпадения, если мир устроен по Лейбницу, нет причинной или там магической связи, одни пресловутые совпадения, да как же так? Спускаясь с небес заумной, умозрительной

философии на грешную на землю, скажем, отметим, напомним, да вы наверняка забыли, где вам помнить, а то и вовсе не знали, сразу после смерти великого вождя нас, зэков, амнистией огрели (ЖОПА — ждущий общей политической амнистии), на наши головы она рухнула, накрыла нас, ее тогда называли Ворошиловской, указ об амнистии подписал Ворошилов; под амнистию попал и ею раздавлен Лепин. Амнистия и ее посулы разрушили ощущение вечности лагеря, трещина в скале, лихорадило нас, муторно на душе, забрезжила, прозвездилась надежда, мы на грани нервных срывов, нервы натянуты, порой начинается их дикая пляска, как в поэме Маяковского «Облако в штанах», пена дней!

Сталин умер, глянь, чудеса, врачей-отравителей выпустили, сам Берия выпустил, документ появился за его подписью, читаем, своим глазам не верим, такого в природе лагерей не было! прежние простые аксиомы утратили свою очевидность, бесспорность, силу, смолкли, стушевались, смутились, измена сначала прорастала робко и неуверенно, с оглядкой, но вот она захватила нас, цветет пышным, махровым цветом, разброд и шатания, мы противны сами себе, змея предательства вползла в наши сердца. А дальше пошло, поехало, началась порча, коррозия лагеря, наш крепкий ОЛП дал трещину. Оговоримся сразу же, не все просто. Для кого она, амнистия, долгожданная улыбка фортуны, счастливый билет лотереи, счастье привалило, а для нашего Лепина сущее поражение и горе, горе горькое: шутка ли, а если и шутка, то очень злая, представляете, ведь Ирка осталась на беспросветные годы в лагере, погоди, не спеши, посиди в лагере с нами, красючка, пострадай, пострадай еще, в зэчьей робе походи, Корнейко не раз в сердцах говаривал, искренен был, мне не нужно, чтобы ты работал, мне нужно чтобы ты мучился, в лагерной песне, душераздирающей, песня песней! поется, «зарастут ваши п.зды бурьянами», хана, к этому приблизительно времени в нашем лагере оформилось среди юных, прекрасных зэчек, интереснейшее, дерзкое, дух захватывает, феминистское движение, их лозунг: *вольняшкам не давать*! и тут начинаются, если будет позволительно переиначить и перефразировать классику, *страдания молодого Лепина*, вроде у него все в порядке, вольняшка, завтра выскочит за зону, отвалит от нас, а как же Ирка? любит ее сильнее жизни и до полного самозабвения, до полного беспамятства, не амнистия, а злой жребий выпал, беда настоящая, моление о чаше, не жалкое, мелкотемье, а трагедия, неистовые мучения, необъяснимо откуда боль, непонятно, что болит, распят одуревающей остротой чувства, читали Шекспира, «Ромео и Джульетта»? еще перечитайте, если плохо помните!

3. Бойтесь любви настоящей

Выдал я волнительную сагу о Лепине, про то, как он ударился в крутое, абсурдное отказничество, не пожелал выходить на свободу,

многие считают, такого быть не может, вранье, говорят, вранье на вранье, потому что не может быть никогда! все мы знаем, что зэк только и мечтают о воле, вертится подлец на нарах, скорбит душа, кошки ее безжалостно скребут, нетерпение, считает, очень получается в разгоряченном, зацикленном, тусклом, смурном сознании, зима — лето, зима — лето, вот и времени бремя избыто, *вот окончится срок приговора, я с проклятой тайгой распрощусь*, чепуха остается, мучаются, мучаются, Эйнштейн летит очертя голову на сверхскоростном самолете в Токио, невыносима тирания однообразных дней, когда другие, вот счастливчики! в рубашке, падлы, родились! освобождаются, выскакивают из лагеря, нервотрепка, лихорадит, а тебе сидеть и сидеть, зависть мучит, гложет, может, ты никогда не выскочишь на волю, не лучшие времена в лагере, а когда лучшие? тоска грызет, когтит, царапает, какие нужны нервы, какое терпение, терпения нет! Шутка слишком затянулась, за что мы здесь? стоны и вздохи на нарах,

в Москву! в Москву!

прежние твердые, нерушимые догмы лагеря перестали как бы бытийствовать, рассыпались на глазах, как мумия, вынутая из саркофага, утратили былую объективность, стушевались, смолкли, вот когда подспудно началась фундаментальная переориентация сознания, идеологическая ссученность, кардинальный разрыв с идеями лагеря, со всем тем, чем жила 58-я эти годы, смена вех, измена самим себе, вчерашние единомышленники уже не ждут войны, прекратили ждать, одновременно, как по команде. Самое пора ловко слямзить, приголубить и приспособить к случаю блестящую метафору Андроникова, сказать, что в это паршивое, искариотившееся, бурнопарашное время, параш, хоть топор вешай, весь лагерь «был как отсиженная нога», почитайте письма Л. Гумилева к Э. Герштейн, до чрезвычайности характерные письма, полны нетерпения, постыдной истерики; диагноз хворобы — нервное недомогание, приспичило. У Лепина все шиворот навыворот. Итак, для кого амнистия, счастье великое, долгожданное, а для кого, для Лепина, удар негожей судьбы с разбега в пах, звезданула я те дам, коленки подогнулись, обида страшная. Эрос, великий бог любви, великий бог деталей, учинил непотребный, оскорбительный шутовской хоровод и неприличный карнавал, Бахтин и конфуз сплошной ротой в ногу шагают, закидончики у нас, все идет не так, бойтесь любви, настоящей! бойтесь ее шквальной, ураганной мощи! крыша поехала, слетела, утрачено чувство реальности, естественное чувство самосохранения, безобразие и карнавальное неприличие сплошное, которым мы оскорблены, она нас унижает: мы, остающиеся в лагере, видим в этом одно карнавальное сумасбродство и непотребство, уродство, шухер, фокусы и гнусные художества Лепина, они на нас плохо действуют, угнетают, раздражают, выбивают из колеи, места себе не находим, обида ужасная, на

судьбу-подлянку обижаемся, на Бога ропщем, как же так, ему, юродивому, чокнутому, фортуна во все лопатки давит, светит, во всю светит, а он! Ексель-моксель! Слов нет! Контуженный! Идиот! А старший надзиратель гражданин Корнейко — землитель, троглодит, образина, мурло, в плечах косая сажень, искусник и умелец, спуска никому не дает, да с нами и нельзя иначе, чуть слабина, мы начинаем наглеть, ой как наглеем, хамски! трагедия свободы, где шумок, а там, глядишь, настоящий, подлинный, с вакханалией кровавой бунт, — отбивший могучие кулачища о буйных, упрямых, неугомонных, несгибаемых, пышно упорных, настырных зэков, похоть рукоприкладства, икру мечет, с зычными, громовыми, патетическими завываниями рыщет по ОЛПу, громы симфонии Бетховена, глотка лужена, натренирована:

— Где этот ё.аный Лепин?

А его, прямо слово, идиота, дернуло играть в лагере в прятки, нет его нигде, хоть тресни, отсутствие всякого присутствия, не всякого, Лепина нет, не могут найти на нашем комендантским ОЛПе, а он заховался в уборной, таится, даже не очень таится, а просто так стоит в углу, особой психологии незаметно, глупость одна; в уборной замершие океаны мочи, простые, внятные, элементарные очевидности зэчьих зимних усилий, да иначе и быть не может, всегда так; но тут и новые благоухания. Да разве можно на ОЛПе спрятаться, да еще в уборной. А получается, что можно! Корнейка туда уже не раз заглядывал, смотрел во все глаза, но не заметил Лепина, и не потому, что Лепин так невзрачен, что прозрачен, а потому что тот как бы оказался под шапкой-невидимкой, бывает, бывает, смотришь на вещь, она перед глазами, а не видишь ее (С. Дали называл этот эффект «галлюцинацией навыворот»), советует народная мудрость в таком случае сказать, «черт поиграй да отдай», и вещь тут же вынырнет из небытия. Корнейка так и поступил, вмиг из небытия возник Лепин!

Стой! Попался, непутевый! и уже, изловчившись, удача богатырская, шествуют, тащит к вахте Лепина, под мышкой тащит, вот она, прыгскок, перед вами, далеко ходить не надо, уж этот нам Донкихот, в который раз!

Самая что ни на есть перед нами пограничная ситуация, экзистенциальная, только с точностью до наоборот, густо серьезно замешанная, непокорное, шебутное вредило, царица полей, пряник, одержим и неостуден, вошел в штопор, такой характер, из штопора выйти нет возможности, извивается, как рвотно-противный червяк, характер бесстрашный показывает, полуакробатический номер, эквилибристика, как щука, как полуцветной, бьется, как буйнопомешанный, верен самому себе, болтает тщедушными ногами, из хайлища злой пламень пышет, норовит укусить, издает при этом нечленораздельное, возмущенное, дурное мычание, оно перетекает в мерзкое, отвратительное волчье завывание,

мороз по коже пробирает от этого завывания, дерет, сам маленький, легкий, пушинка, меньше, поди, жалких 50 кг, несуразно, нелепо голова свисает, шалтай-болтай, что, впрочем, естественно, согласуется с вечными законами равнодушной бессмысленной природы, тяжелая голова, непропорциональная по отношению к крошечному, миниатюрному туловищу, к хилым ногам, ужасно тяжелая, головастик, человек будущего, сверхчеловек, счастливая эволюционная попытка природы, неестественно громадная голова, бедовая, непокорная, всегда мятежная, буйная, бунтующая, революционная: еврейский гений!

Вот бы нам с вами на волю, упились бы ею, срока огромные, до — ой, не знаем когда, несть конца, сидеть и сидеть, пока рак свиснет, ненавистные, проклятые американцы, сладкая жизнь, да разве они развяжут большую войну, суки позорные! А одному сорту людишек жутко везет! Не нам, обида. А как же мы? Остается облизнуться, нет ответа. Чудным звоном заливается колокольчик, звенит и становится ветром разорванный в клочки воздух. А нам мужской неуемный первичный половой признак в грызло, чтобы голова не качалась! А не надо совершать преступлений, и вы не будете сидеть в лагере. Какой ты говорок! Сейчас словишь! Очень фраернулись, остается на одно неблагодарное занятие, перечитывать, штудировать текст указа об амнистии, может между строк обнаружится какой-то намек, какая-то надежда, уметь надо читать эпохальный документ!

Под общий хор и адский, подобострастный, злой смех мастерски выброшен мудило грешный, наш позор, наша срамота (Исаия 53. 3: «и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его»), за могучие, бесспорные, архитектурно совершенные ворота ОЛПа, емкий символ великой сталинской эпохи (Бердяев просто влюблен в свободу, ее романтический, вечно бунтующий певец, утверждал примат свободы над бытием, «из Божественного Ничто, или Ungrund, рождается Божественная Троица», и «можно сказать, что свобода не создается Троицей: она коренится в Ничто, в Ungrund, она извечна, самодовлеет»; Бог всемогущ над творением, над бытием, но не над свободой, а потому не отвечает за вселенское зло; экзистенциалисты всех мастей, от Кьеркегора до Камю, носятся со свободой, как с писанной торбой, для них главное — свобода; а у наших у ворот все идет наоборот), открылись на этот раз только (и только!) для гордого аристократа духа Лепина, открылись для принудительного выдворения из лагеря, остальных амнистированных давно, спокойно выпустили, только для него вновь открыли — пшел вон, исчезни, гад ползучий! чтобы и духу твоего здесь не было, лети пархатым воробушком на волю, на свободку!

Да таким не место не только на нашем лагпункте, Афинах мира, инкубаторе разнообразных талантов, но и вообще в Каргопольлаге. Противоестественное поведение Лепина повергло в ужас все население ОЛПа,

мы не верили, упирались, не могли и помыслить, что любовь выше свободы, не помнили вдохновенные слова о любви апостола Павла — 1-е послание к Коринфянам, гл. 13, 1 — 8, весьма смутились наши души.

Головокружительный, захватывающий полет, тревожная, волнующая пауза, Лепин дерболызнулся, будь здоров! Вне врат, отталкивающее зрелище, видали виды, но такое первый раз созерцаем. До свидания — пожалуйста: отсечен от тела лагеря, извергнут в профанный мир, только его и видели, качаем бритыми головами, умом умудряемся, трансцендентируем, злобно бубним себе под нос, очистим стройные, смелые ряды фашистов! Всеохватывающее оцепенение, глаза из орбит того гляди повыскакивают, на землю посыплются, взираем, плачевен мог быть результат, если бы на копчик хрякнулся, сошло, все удачно, руку подставил, ловок, чертовски удачлив. Сколько злорадства! Сколько черной, бешеной злобы разом актуализировалось, взрыв! Тут злой хохотун с густой икотой нас, упорных, сопротивляющихся пагубе, фундаменталистских фашистов, настиг и прошиб. Я те дам!

Хохотун — опасен, часты смертельные исходы, кажется, Бог милостив, Деус харитатас, никто концы не отдал. Гоню увесистой палкой память вспять, к тем годам, напрягаю ее, перенапрягаю, потускнело прошлое, выцвело, сам, вроде, я всего этого не мог видеть, не был в тот момент на месте событий, живописал, значит, злыми, яркими красками картину, как Корнейка вышвырнул Лепина на волю; по воображению, кажется, хитрожопый арабист, мимикрирующийся под работягу, мне рассказывал, старался, размалевывал, зело возмущался, закидончики и вечные фокусы «царицы полей» (какая «царица полей»? — в газете фронтовой работал, а до газеты от ИФЛИ был ответственным за трудфронт, замучил девчонок, позорная страница его жизни, добрым словом его, педанта, садиста, никто не вспоминает, да и лагеря как следует не нюхал, пряники перебирал да штаны протирал на подсобном хозяйстве!), князя Мышкина, этого идиота, которому давно пора в Женеву, вышли далеко за пределы разумного, вызывали естественное негодование основательных, серьезных, трезвых людей, у которых мозги не вывихнуты, не покороблены, не деформированы безумной любовью к грудастой Ирке, эка его угораздило, чего он в ней нашел, морда страшнее войны, не только войны, но и Великой Октябрьской Социалистической революции, нет, милый, никогда не зарекайся, так не говори, сам крепко сядешь на крючок, любовь зла. Тайна сия велика. Таинственны, странны, загадочны извилистые глубины человеческого сердца.

Пожалуй, не от Финкельштейна узнал я эту из ряда вон отталкивающую, противоестественную сагу, мы с Финкельштейном не были живыми свидетелями гротескного, отвратительного зрелища: мы в тот день на Лесозаводе упирались. Возвратились бригады в зону — тары-бары, ля-ля-ля! ля-ля-ля! все только и блямкают об этом нескончаемом, воз-

мутительном идиоте! Скорее всего Женька Васяев рассказывал, убиенный. Сейчас проверить небылицы, параши, версии, уточнить достоверные детали, где кто стоял, а точно решить, кого не было, когда зэки столпились у вахты поглазеть на ответственное событие, никак невозможно, что тут калякать, нынче трудно восстановить в точности географию ОЛПа, расположение бараков, опять, как с хорошей, полновесной, громогласной высокохудожественной оплеухой Кольке, свидетелей нет, все до единого исчезли, кое-кто поумирал, у тех, кто еще жив, память притупилась, подзатерлась, сведения и скудны, и противоречивы.

Мыслью стараюсь окунуться с головой в то времечко, но реконструкция прошлого туго, через пень-колоду идет, головы наши не просто дырявы, лакуны, лакуны, утраты, бывает полное затмение черной луной, которая, как известно, всем, всем известно, *любит ночи тьму*, солнце памяти, премудрость Божия, Мнемозина, вообще-то она — о-го-го! — титанида, дочь Урана и Геи, это относится к архаической, седой древности, вначале Бог сотворил Урана и Гею, тогда все было лучше, в том числе и память, портится человечество, нервный народ пошел, сплошь неврастеники, предрасположенные к беспамятству, черное беспамятство рождает чудовищные, дикие версии, всевозможные измышления, вранье и подлог, в том числе и художественный подлог, вот именно, так начинается поэзия, океан-море поэзии, поэтам верить никак нельзя.

А кто, к примеру, голова идет кругом, шмотки Лепину вынес? Папа Римский? А справку об освобождении из лагеря кто выдал? Пушкин? Основная, важная, весомая бумага, при утере не возобновляется, видом на жительство не служит! Как говорится, за что купил волнующую историю, за то и продаю. Вот и получается, что разрыв с документальностью желателен, неизбежен и даже естественен. Долой документальность! Где документальность, там в сущности бредятина, подлость, а художественная правда выше пошлой, серой, скучной, бедной, недовыполненной, недовоплощенной действительности, как сказал Гете, «всё только подобие». Так пусть же правда дьявольски хитро перепутывается с поэзией и чарует нас, да здравствует возвышающий обман, всякие там красоты стиля и сумасбродные до чертиков балясы, словом, это наш нетленный эпос, упрямствуем, держимся за него, как за спасательный круг, никому не отдадим, это и есть победа художника над серостью, ущербностью, недоброкачественным похабством голых фактов, не брех пустой, а завораживающая истина, победа над пошлостью жизни, релевантная, высшая, мистическая реальность.

С этих лепинских подвигов и «пошла быть» новая (и новейшая!) история ОЛПа, стал ежедневно функционировать парламент с его крикливым разномыслием, разноголосицей и конфронтацией молодежи со старшим поколением (старики, разумеется, те, кому свыше 30 лет), выбрали на ура, раз, два, три! президента, Минаева, фигура олимпийс-

кая, предмет нашей гордости и славы. При столовой развели свиней, хлеба в столовой — завались, не съедаем, (а еще совсем вроде вчера из-за пайки, когда при раздаче нарушался великий чин, кому-нибудь по забывчивости несколько дней подряд давали середину (а не горбушку), мгновенно вспыхивали мордобойные скандалы: святая, ритуальная пайка, будь то горбушка или там середина, по весу равны, это положенные зэку 600 г, но горбушка имеет скрытые, интимные, не выраженные весом потенции и качества, она достовернее, лучше пропечена, воды в ней меньше, питательнее, пользительнее, ее внутренняя сущность гораздо богаче), коммуна, а какую нам столовую отгрохали, дворец, великолепная колоннада что у Большого театра в Москве, фронтон, квадрига, Аполлон, но это все при Сталине, когда лагерь находился в состоянии вечного становления, внутреннего честного диалога с самим собой, наша прекрасная столовая возбуждала зависть других ОЛПов, на Мостовице вообще нет сцены в столовой, к ним культбригада не появлялась, они даже не видели ни разу Веру Карташову, диву культбригады — сама грация, ажурные, изысканные вышки, на них попки, нас стерегут, охраняют, пылающая готика вышек, все стреляет вверх. На закате вышки особенно прекрасны, вавилонское смешение языков, насыщения не жди, не будет насыщения.

XII. Парадоксы свободы. После приступов безумия Лепина, после смерти Сталина, после ворошиловской (бериевской?) амнистии в лагерях стало не лучше, а хуже. Много хуже.

Но вот сменился, так сказать, стилистический ключ лагеря, началась подспудная внутренняя подготовка к безоглядному дезертирству, к измене высоким вечным идеалам лагеря, затмение в человеке его божественных принципов, святынь, пайка, святая пайка! хлеб наш насущный! затмение веры в американскую оккупацию, а мы, опираясь на вечные принципы американской демократии, въедем в Москву белокаменную на белом коне! Попросту — ослаб режим, а мы разболтались; у надзирателей руки опустились, надлежащим образом и со всей положенной строгостью не блюдут порядок, курорт, а не лагерь, надзор и оперуполномоченный, в просторечии, кум, играют с нами, зэками в развлекательные игры, волейбол, шахматы, кино каждую неделю, трофейные фильмы крутим, идиллия, трансцендентальный ветерок надежды, дыхание свободы, гуляют параши, перебор, страшное количество, половодье кривотолков и параш, перекормлены парашами, лакомимся, облизываем каждую, обсасываем, вот и параша параш, лагеря распускаются, все идем на вольные поселения, надрывная параша, значит все (все, все!) женщины будут наши, дали бы женщин, вообще отказались бы выходить из лагеря, да здесь лучше, честнее! здесь правда! северное сияние, знак свыше, перст судьбы, красота неописуемая, вглядываемся,

задрав головы, хайло разинув, наблюдаем небесное явление, астрономическое, теряемся в догадках, все это наколдовал нам Лепин, имеет ли видимое нами какую-то связь с тем, что происходит там, в Москве, в Кремле, слышим настоящий голос с Неба: — Лагеря не будет! Никто сидеть не будет! рождение новой звезды, не только звезда, а восхитительная суперзвезда, знак! таинственный, пугающий, волнующий символ на нашем небосклоне, а чем все это кончилось, нельзя нам поблажку давать, ослабление режима, дыхание свободы портит и быстро развращает зэка, ужалены наши сердца ею, мы в восторге, ура! воздух свободы! введены зачеты, за день (рабочий!) получаем три, срок летит быстрой стрелой, Финкельштейн, оглянуться не успели, стал бесконвойником, полсрока позади (читайте его: «Мы шагаем под конвоем»), *вот окончится срок приговора, я с проклятой тайгой распрощусь*, свобода! свобода — великая соперница любви, произошел такой негаданный фокус-покус, история последних дней нашего ОЛПа имеет характер поучительной притчи, познали мы на своей шкуре, что значит трагедия свободы (между прочем об этом предупреждал, звонил в колокол Достоевский, в «Бесах», читайте «Бесы», рассуждения Щеголева), обнажилась, заголилась трагедия, очень скоро на нашем благословенном ОЛПе, Афинах мира, стало не лучше, а хуже, прелюбопытнейший феномен, лагерь хороший разгон взял в деспотически абсурдную редукцию и хаос! не просто чуть хуже стало, а страшно, взбеленились мы, готовы в безумном порыве на колючую проволоку бросаться, нельзя нас оставлять без сурового, жесткого режима в лагере, без изолятора, без БУРа, смертной казни, начался наш крестный путь, мы ходу поддали, надбавили ходу, несемся вперед, образцовый ОЛП стремительно влетает в катастрофу, безумство гибельной свободы, хаос захлестывает лагерь, нажрались мы этой свободы сполна, ее кровавых и бесподобных парадоксов, подняли голову блатные, криминальные элементы, быстро криминализуется ОЛП, бунт, подарок, сюрприз свободы, *конь блед*! Авва Отче, эту чашу мимо пронеси! блатные захватили ОЛП, кончился наш рай, мы бунтуем, началось, влетели в несусветный е.истос, от всей этой криминальной, чертовой свободы, разинщины, пугачевщины, бессмысленной и беспощадной, наши души закоченели и проросли ужасом, нахлебались сполна экзистенциальной похлебки, полный произвол, разборки, кровавая патология, четвертования, убийства, а начальство чего-то ждет, не решается войска ввести, а чего ждать-то, права человека нарушить боятся, прокурор не дает санкции, все же пришлось на ОЛП войска посылать, солдатиков, автоматчиков, судный день, вынужденная мера, другого языка мы не понимаем, штурмом нас брали и взяли, сколько людей погибло, сколько крови, жанр трагедии, захвачены вихрем, зрелище без рампы, где все перемешалось, смешалось, нет исполнителя, нет зрителей, одна кровавая мясорубка, сами во всем виноваты, фатум,

за что боролись — на то и напоролись, страшно и вспоминать, жаль Женьку Васяева, хороший парень, в сущности не жил, его искренне жаль, во время бунта из интеллигенции лишь он погиб, смерть его была мгновенной, да что мы знаем о этих страшных секундах, субъективное, истинное время, ведет себя причудливо и странно, так ли мгновенно он миновал врата ужаса и попал в объятия дамы в белом, здравствуй, смертушко! нет, еще и Грибов убит, ой! и Минаев, наш бессменный президент, борода по ветру, сколько еще погибло! Вот вам и свобода! Отпустили слегка гайки, а чем кончилось! Замолкаю, все это уже подробно описано в «Бунте».

XIII. Непорочное зачатие

1.Осьмое чудо смеха

Нет, нет, об Ирке и о ее громко лопнувшей от перенапряжения целке мы не забыли, все время держим это событие в воспаленном уме: незабываемое. Вернемся к Ирке. У нее не просто лопнула целка, не просто бабах, а невероятность в масштабах нашего ОЛПа: забеременела девка (в подобных экстравагантных случаях девицу лишает девственности при родах ребенок, а у нас все не так, путаница привнесена, озадачивающая путаница), в ее организме ткется новая жизнь с признаками мужского пола, закон: при непорочном зачатии всегда рождаются мальчики, во всей природе такой порядок заведен, возьмите насекомых, тех же пчел, из неоплодотворенных яиц, аналог непорочного зачатия, вылупляется трутень (Шредингер, восклицательный знак его: «Трутень не имеет отца! Все клетки его гаплоидны»; В. К. Житомирский вообще считает пчелиный рой единым организмом, как и Метерлинк говорит о «душе улья»), можно твердо, не моргнув глазом сказать, что это типично мужской снаряд, роскошный, красавец, тридцать тысяч, не ошибся, глаз в каждой стороны головы, свирепый сперматозоидный оголтелый квант (Шредингер: «Если хотите, можно его назвать гигантски увеличившимся сперматозоидом»), единственное назначение которого (Шредингер: «единственная жизненная задача») оплодотворить царевну-девственницу, будущую пчелиную матку, в великолепном головокружительном фантастическом брачном полете (в улье, вне стремительного полета трутень не может оплодотворить царевну), силится настичь, давно обошел, опередил соперников, во время стремительного лета под давлением дыхательного механизма, так по крайней мере полагают классики пчеловодства, у счастливого избранника выпирает, вылезает это самое, оно! ох.ительный по размеру, если соизмерить с телом трутня, орган оплодотворения, непропорционально-устрашающих размеров, зачем такой большой и страшный? еще одна загадка природы, пчеловоды мучаются, не знают ответа на этот вопрос, давно бы мог

всадить, виражи, виражи, волнообразные виражи, затягивает, оттягивает момент. Все! Готово, влындил!

«Волшебный брак» (Метерлинк)! и — весь орган оплодотворения застрял, сам собою отвалился, как откушенный, остался в царице, гибель, смерть за любовь, то был безумный полет в небытие, а у людей не смерть наступает, а сон, *после соития всякая тварь угнетена*, пишет Стерн, справит мужик свое грязное мужское дело, отвалится, проваливается в объятие Морфея, тут же храпака задает, самодовольно, противно храпит противная скотина, оскорбляет нахальным храпом девичье сердце, сон, по представлениям древних, родной брат смерти; настиг, трахнул, умер, тьфу, барак желаний, радужная мечта и поговорка зэка: по.ть и умереть (глагольные, дурацкие, скучные рифмы, не уважаем такое, в лагерях поэты не ахти, даже прямо скажем, так себе, дрянь, а здорово воображают).

Итак, непорочное зачатие! Здесь, у нас, в нашем распрекрасном лагере. Это — наиболее несомненная истина в Каргопольлаге (вот почему Розанов с его культом чадородия был бы не прав, думается, он бы охотно признал свою неправоту), да! только так! здесь и теперь, в лагере и невозможное возможно! здесь чудеса плотным сплошняком идут! в лагере и не такое бывает, по одной версии ее беременность сама собой завершилась, ложной оказалась, сошла на нет, редуцировалась, все само благополучно рассосалось, отделалась легким испугом да насмешками подружек — не желают дуры верить, смешками прыскают, хи-хи да ха-ха! за бока держатся, пошло осьмое чудо смеха, так от души и беззаветно лишь в лагере смеются, челюсти до вывиха отключивают, зашкаливаются. Ой, не могу! да неужто не подженилась, да как же так? Самый подлинный, настоящий факт, упрямый что ни на есть, отнюдь не фальшак, как некоторые готовы считать, сухая документальная констатация реальных вещей, саморазвивающийся, самовоплощающийся, зреющий плод, притом не по дням, а по часам, пузо, пузо растет, уже заметно, не ветром же занесло, не ветром же надуло? Ах, что ты! Ах, брось! Так-таки никаких вольностей? Да неужто так прямо и не обжимались? Их, знамо дело, завидущих подружек, нетрудно взять в толк, и если бы вы внимали этой непролазной, нескончаемой, бессмысленной чернухе, реагировали бы так же, подобающим образом, хихоньками и хахоньками.

Щеки Ирки рдеют стыдом, что-то вякает, как распоследняя дура, вообще-то она очень даже словоохотливый, открытый человек, простая душа, даже имеет постоянную потребность поделиться женским переживаниями, интимными впечатлениями, чересчур откровенный и болтливый человек, но тут вопреки своей натуры почему-то не может поведать, как все было на самом деле. А аист прилетал, от него так просто не отделаешься, тем паче в лагере, чудный мальчик на свет явился, не то что выкидыш, не то что эмбрион, все потому, что не хотела от недомерка Лепина, увы,

не герой ее вечной, имманентной, огненной мечты, а случайная слабость, пустяковина, заразилась ненароком бешеным желанием мужика, от того случая лишь перегар в душе, да пошел ты! что я совсем дура?

Легкие роды. Нет, нет, Гришенька не вовсе скользким и бесформенным эмбрионом из нее вывалился, просто родился раньше времени, на седьмом месяце, так, с ложку чайную величиной, недоносок, мышь. Представляете, вообразите: выжил. А кто его отец? Лепин? Нет. Она оказывается сама в себе и отец и мать, партеногенез, девственное зарождение, непроницаемая тайна женского яйца, тайна жизни! мистический приблудок, так получается, может, о древе жизни нам не следует знать больше, чем отпущено, в паспорте — зловещий прочерк, точно!

Приезжали родители Ирки, забрали бессеменника, неведомо как и откуда взявшуюся зверюшку из лагеря. Версии, версии, и был, и нет, да почему нет, был, был! лагерный бессемянок, пусть то был результат колоссального недоразумения, экстремальных фокусов женского организма, но рос мальчик необыкновенной красоты, необыкновенных способностей, невероятно музыкален, прямо-таки как Моцарт, в 16 лет получил паспорт, заболело сердце от злого, жирного прочерка, постигнут его символический смысл, защемилась психика, отдало резкой болью в сердце: в грехе и аморалке зачала меня родимая матушка, без вины виноват! душит тоска зеленая, вязкая, но не долго мялся меланхолией Гришенька, чудный, славный очкарик, интенсивно работает фантазия, взбрело нечто в голову, идея, порыв к новой жизни, отчубучил, наладился, упрям, закусил удила, исчез из дому, озадорился, развил прыткость, рванул, как шальной, в Москву: ребенку нужен отец! не верит он ни в какой партеногенез и во всю эту чертову путаницу, ребенок имеет право иметь отца, это его святое право (права человека!), мать никаких натырок не давала, говорила, не распускай нюни, не бери в голову, никакой он тебе не отец, не грешила я с ним, постой, постой! погодь! но не могла вразумительно, толково объяснить, почему лагерный первенец так разительно похож на Лепина, густо и откровенно еврейский хрестоматийный облик, карикатурно грустный, ну как две капли воды, одно лицо, особенно в профиль, копна жестких, как проволока, вьющихся волос, буйный черный нимб растительности, уже залысины над высоким бледным прекрасным лбом, тут двух мнений быть не может, впечатляющее, пугающее сходство; разлетелся, словом, экспансия, нашествие, сюрприз...

2. Тушинский вор

А в Москве, представляете, открылись двери квартиры великого человека, начинает обстоятельно объяснять что и как, от волнения заикается, сходу следуют заикания, от волнения все, затем исповедь горячего юношеского сердца, а открывшая с выражением скуки постной дверь мигом охватила всю ситуацию, дьявольски догадливая, почуяла страш-

ную опасность, очень умная, находчивая, сковырнула с себя разом, как не бывало, все благородство и квелый буддизм, противоречие между животрепещущей прагматикой и веригами нравственности разрешились просто и естественно в пользу прагматики, а это самое буддийство разом корова языком слизала, есть ситуации, когда кому-то надо быть беспредельно твердым, как алмаз, такова жизнь, таковы ее суровые законы, и не подлежит она моральному суду, к том же в Москве еще этот пресловутый, подмеченный еще Булгаковым (разумеется, писателем, а не православным богословом, впавшим в характерную для русского религиозного сознания ересь), «квартирный вопрос», маска постного лица преобразилась неподдельной злобой, тут-то она и выдала робкому и застенчивому Гришеньке по 1-е число, от ворот поворот, проявила характер, оттянула, как следует, хотя не совсем по лагерному, без выразительного и необходимого к случаю матюга, срывалась в визг, убедительный, пошел вон! чтобы духа твоего здесь не было! захлебывающееся утробное кваканье, на горло брала, импровизация, но удар точен, умело врезала, будет долго помнить, дико расшипелась, распузырилась бутылкой нарзана, раскеросинилась вовсю, ну уж нет! это слишком, наглого хаменыша нельзя подпускать к благородному и самых честных правил Лепину на пушечный выстрел, нужен глаз да глаз, все будет шито-крыто, великому человеку нужен покой и чистая совесть, грех на себя беру, нашел простаков, о прописке московской размечтался? сама мистик, видала мистиков, такого мистика первый раз видит! наследник, видите ли, завелся, заявился, раскатал нос, родственничек. Никакой ты не родственник, не наследник, а самозванец, обыкновенный наглый еврейский аферист и шкодник! Лжедмитрий-второй! Тушинский вор!

Так и не пришлось Гришеньке увидеть отца, благородного Лепина, не был допущен, конечно, мог бы подловить на улице, когда тот во ФБОН чапает (трусит, любо-дорого смотреть), где будет писать свои знаменитые, бессмертные эссе. Искренний, самолюбивый, амбициозный с большим норовом мальчик (о таком сыне можно только грезить), доверчивое юношеское сердце, у него бледный вид, уязвлен, оскорблен в лучших чувствах, рана неизлечима, долго помнить будет, прощай честолюбивые воздушные замки — шагать по жизни рядом с отцом! мальчик дал безоглядного стрекача вниз по лестнице, с тех пор о нем ни вести, ни повести ныне и до веку, особая тема, волнующая, может ужасно увлечь нас в сторону от магистрального вектора сюжета. Вернемся к Ирке.

3. Теургия

Вообще-то было бы большой и непростительной ошибкой относить Ирку к безумным визионеркам, страдающим избытком болезненного воображения, напротив, она вполне трезвый, нормальный человек, нормальная истовая баба, не предрасположена к сексуальному визионер-

ству и сексуальной мистике, тот неожиданный, жуткий выход в астрал, если брать его в чистом виде, вне наваждений и воспоминаний, был единичным таинственным случаем в ее нормальной жизни, был исключением, но (начинаются — **но**) для нее это самое интенсивное, сверхэротическое, непостижное уму переживание не прошло даром, бесследно и незаметно, она обожглась и злокозненный ожог уверенно продолжал ее тревожить, угнетать, когтить, язвить, поражена раскаленной стрелой лукавого, мучить всю жизнь, невразумительный и внятный ожог; при плохом женском самочувствии нечто возникало и продолжало свое бытие совсем вне ее, помимо ее воли, заболевала, то-то и ужасно, страшно, мучительно: ожог, канальство сатанинское, бесовский ошпар, она распускается, размагничивается, сдается небытию! Влияло, притягивало, наполняло горячие грезы, и все это следует уже на первой стадии назвать яркой галлюцинацией: вновь и вновь Лепин являлся явственно, она видит вновь, как наяву, его ополоумевшее лицо, эти страшные куриные сине-молочные белки глаз, она становилась сама не своя, душу захватывал мерзкий неуемный греховный пламень саднит и лютой тигрой терзает чресла, помрачает рассудок, полный паралич воли, она оказывается вся в кипящей и неистовой смоле похоти, все дальнейшее уже происходит вне ее головы, вне сознания, вне чресл, на серьезном, солидном расстоянии появляется, восхищается из небытия нечто обманчивое, неясное, размытое, противоречивое, сомнительное, это нечто все больше проясняется, туман как бы рассеивается, обнаруживается и нарастает бесспорность и достоверность, это — мундштук папиросы, густо и царапающе неприлично замазанный помадой, она осторожно, опасливо зыркает на него, отводит глаза, в галлюцинации происходят алхимические трансформации, теургия, теургия на всех парах, обретается структура, окурок начинает действовать как обезволивающий магнит, перед которым душа ее беззащитна, исподволь нарастает истома: в этот окурок восхищается ее личность и сливается с ним, она непостижимым образом покидает свое бренное женское тело, которое осталось распростерто, растерзано, бездыханно на кровати, сужается, уменьшается в размере на глазах, маленькая кукла, она не связана с этой куклой, начинается головокружение, гаснет, уплывает сознание, самоощущение, тяга, тянет к нисхождению, новое тело начинает жить, пульсировать, имманентная пульсация, она шалеет, соскальзывает и падает, свободное падение, вечное грехопадение, ускорение, квадрат ускорения, в мутную пучину бездны, начинает ощущать себя мундштуком папиросы (Рассел находчиво и остроумно возражал кому-то, что боль в пальце отнюдь не доказывает существования камня, о который вы споткнулись, но не доказывает существование и пальца: болит, и еще как, криком кричишь, отрезанная нога), она вся и целиком в окочуре, перетекла, превратилась в мундштук, шла колдовская — о которой читали мы в волнующих детских волшеб-

ных сказках, не верили, что такое случается, она исходит в окурок, исхождение — жесткая обстоятельная объективизация иллюзии, становление (редукция?), генезис, динамично манифестируется новое бытие, новый властный феномен, манифестируется новая материальная скорлупа, внешнее одеяние, агрессивная предметность, при этом ее личность испытывает дикое наслаждение; неизвестно сколько времени это продолжается, она вне времени, вне субъективного времени, а когда выходила из транса, слезала с грез, очухивалась, отбой, все назад! трезвела, приобретала способность к тихому, трезвому самонаблюдению и зрелому, трезвому рассуждению, сама уже не верила, как на такое она пустилась, решилась, разве то было с ней, этого не могло быть! отвергала здравым смыслом, в то же время не знала, как отделаться от солепсистского безумия, боялась его, не хотела быть и оставаться чинариком, замазанным дешевой помадой, позорным, грубым символом, без напряжения прочитывающимся, отчетливо и внятно, как некий мощный обрубок, мощный мужской торс без рук, его ужасные прерогативы, вот голова (головка — так обычно она именуется; блатные частенько эту часть причинного места татуируют, рисунок естественен, прост, сам собою напрашивается: глаза, нос, рот, вдохновенные бывают татуировки, затейливые, высокого художественного уровня, этот изобразительный жанр не исследован искусствоведами, можно было бы выделить две школы, одна сугубо символическая, тяготеющая к условности, другая — реалистическая), итак — головка, лиловая, бесовско-квазиврубелевская тональность, пурпурно-серая блоковская гамма колеров, обрубок чудовищной силы, чудовищной власти над ее душой, дьявольский, созданный исключительно для блуда, непрерывного, вечного блуда, повергающий в ужас ее робкую, нежную, растерянную душу, так можно и остаться надменным обрубком, навсегда потерять свое женское тело, окончательно там материализоваться, душа переселяется на вечное жительство в обрубок, в обрезок (квинтэссенция ее глубочайшего проникновения в тайны бытия, в тайну творения из ничего, жемчужина смелого эссе, что есть вещь?

где причина и корень вещей?

что есть материя? — так, пучок, пук! мы пук, мы пук, мы пук цветов сорвали, пучок сил, но эти силы можно заговорить, если вы обладаете тайным знанием, это умели в прошлом маги и чародеи, перед нами колоритное, смелое эссе, выражаю восторг, из чинарика, измазанного помадой, ее интуиция формировала новую философию, новую онтологическую концепцию, обилие юрких и бесстрашных мыслей, загадок, вопросов, не имеющих легкого ответа, ум за разум у нас при чтении заскакивает, не зря грудастая Ирка пошла на философский факультет!), не выйти из эротической авантюры, начиналось паническое бегство в разные стороны от самой себя, от пучины вечной погибели, в голове неразбериха, дрянь и шальная круговерть. Как отделаться от

прилипшего дьявольского жуткого наваждения, скрыться, заныкаться, вот и стала рожать девок, на время уходило наваждение, рожала, не простаивала, восемь девок родила, за что хвала ей, молодец, от наваждения так и не отделалась, с наваждением можно жизнь прожить и не тужить, медленно текущая какая-то там патология, эка диво?

XIV. Еще парадокс: воля оказалась для Кузьмы страшнее лагеря

После этого длинного отступления, в котором мы видим и прояснение и оправдание главной линии повествования, хотим шарахнуть: нет и нет, Кузьма, пусть в лагерях полно чудес, включая и непорочное зачатие, все, все в лагерях было, но положа руку на сердце, если честно, лагерь не место широких дружб, здесь иначе, здесь иначе, как у Джека Лондона, ни один закон ни божий, ни человеческий не действует севернее какой-то там е.аной широты, здесь свои, иные, очень хлесткие заповеди: падающего подтолкни! умри сегодня, а я умру завтра! у.би ближнего, а то однажды он у.бет тебя дважды!

Шаламов прав, лагерный опыт связан с унижениями и поражениями, с раздраем твоей личности, сплошная оголтелая редукция, деградация, не всякий опыт полезно приумножать, надломиться запросто можно, рухнуть — полетишь, набирая ускорение, лиха беда начало, в черную дыру! в черную жуткую психическую пропасть! Лагерь — сплошной буек, игра в буек! слышали о такой игре? трам-бам-бам! в туза тебя, молоденького паренька, со вкусом жарят легко ранимого охламона Женьку Васяева, всю дорогу от вахты до Лесозавода метелили просто так, лупили все, кому не лень, распалялись, охваченные темным чувством, душу отводили, умри сука! умри сегодня, а я умру завтра! выкладываются старатели, ну потому что из стиля сильно выламывался, выбивают пустое, ленивое, прекраснодушное тюремное самосознание, нелеп, иконный лик, инстинктивно и конвульсивно искал пятый угол, сбили с ног, сыграл, рухнул, добили бы, его ангел хранитель материализовался в виде начальника конвоя — только что прочитавшим молитву: *шаг вправо, шаг влево считается побегом, конвой стреляет без предупреждения*! спас! а бедный, бледный, как смерть, после восьми месяцев следственной тюрьмы, шалавый юноша долго ощущал в недрах души это злое, сокрушающее, холодное семя, семя лагеря, издавал беззвучный крик, сломлен, иссякла былая и всякая там психосоматическая энергия, другим стал, станешь! какая там бескомпромиссность, осталась сплошное рефлекторное, физиологическое цепляние за жизнь, в душе труха, такой братский страстный пистон поставил ему лагерь, сплошной компромисс и унизительный компромат, какая **тельняшка**? не блефуй, не забывай свои протоколы допросов, на папке надпись: Хранить вечно! а под каждой страницей твоя подпись, «**протокол доп-**

роса написан с моих слов и прочитан мною», взбодрит Кононов, вспомни ночные допросы, допросы с пристрастием и на Лубянке, и в Лефортовской тюрьме, прогнул тебя Кононов, однозначно, одной левой прогнул, редукция на полном ходу и никаких **танцующих походок**, когда вертухай ведет тебя утром с допроса, какофония по всему фронту. забыть все это потребность есть, быстрее, как можно быстрее, к сожалению, глубоко засело, не изглаживаться из памяти, не должно изглаживаться, это твой главный духовный багаж!

А вот Москва, ее в молитвенном, иступленном восторге видели все эти годы, сладчайшие грезы, лунатика-зэка на верхних нарах забирало: одурение, изматывающие, изнуряющие грезы, *волюшка воля* — вот что не по плечу оказалось герою, кишка тонка, воля быстро и крепко подковала, ущемление, защемление, задала воля пфеферу, палку хорошую бросила, увы, сорвался ты, сломался, воли ты не сдюжил, не двужилен вовсе оказался, разве только из-за неожиданно выскользнувшего, вмешавшегося, неисповедимого и темного случая ты, Кузьма, не дотянул до сорока лет, покатился под гору, выбракован, сыграл, как говорится, в ящик, в гробу лежишь, не дрыгаешься, всех безмерно удивляешь? Ой как ошибочно, злобно, плохо тебя, Кузьма, комиссовали! Может, и злостности никакой не было, не **«русское, еврейское, чекистское хамство»**, а равнодушие, система действовала, толстовское ОНО, безличная махина или там, как угодно, сверхличное начало. Неприятно поражает, угнетает, что-то дорогое, важное, ценное опровергает твоя ранняя смерть, деревянный бушлат — иронический комментарий к твоей жизни, как романтической поэме, как танцу среди мечей, неприятно тем, что твоя жизнь видится неслучайной, необыкновенно цельной («хоть пиши с меня роман»), завершенной, закругленной, внутренне законченной, прибавить, приплюсовать нечего, нет будущего, как в жизни Пушкина.

XV. Модус вивенди: tous les hommes degénie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des пьяницы, qui boivent en zapoï...*

Опять же не обойтись мне без помощи костылей, сугубо гностических сентенций Бердяева: «Гений-творец никогда не отвечает требованиям «мира», никогда не исполняет заказов «мира», он не подходит ни к каким «мирским» категориям». Вновь и вновь объясняя необъяснимое себе и другим, интерпретируя, разгадывая, прокламируя Кузьму, его выспреннюю, давящую, ригорическую ориентацию на чутье и наитие, на интуицию, на максимум, на пупок, на вдохновение, на экстаз, на гениальность («И меж детей ничтожных мира,/ Быть может, всех ничтожней он./ *Но*

* Все прогрессивные и гениальные русские люди были, есть и будут картежниками и пьяницами, которые пьют запоем (Ф.Достоевский, «Бесы»)

лишь божественный глагол/ До слуха чуткого коснется» и т. д.), да, к этому рискованному гностическому, рóмантическому, декадентскому уклону (декаданс, как образ жизни, модус вивенди — широкий спектр лжи) надо приплюсовать свободную линию поведения, безудержное мушкетерство, трын-трава, неутолимая жажда благоговейного общения, врастания в чужие души, шутили, «Кузьма размножается спорами», «творог тверже тверди», легко и бездумно жил (так казалось со стороны), «гимн жизни» (Ницше), поиск порою безответственных ситуаций, «все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения», баловство, ухарство, и не вздумай! будь человеком! слезал по ржавой, гнилой, коварной трубе с 4-ого этажа, удивил всю Европу, нужны крепкие нервы, чтобы на такое смотреть, мог запросто сверзиться, жуть брала, обуяны ужасом, онемели: самовлюбленно и совершенно самозабвенно верил в свое великолепное имя — Кузьма! Это больше, чем имя! это — символ! верил в притаившееся на каждом шагу чудо, самовнушение, с ним ничего не может случиться! окорябался весь, кураж, рискованная игра, чего-чего, а тореодорства, высшего мушкетерства в Кузьме хоть отбавляй, море по колено, риск и пижонство, пьянь дурацкая, лужа по уши, бедовое шоу, показуха, игра, и все это, как образ жизни, **мир — контроль нашей поэтической силы** — «О времени», тут почему-то вспоминается милая картина Маковского «Любители соловьев», Кузьма очаровывался ею, обращал на нее наши равнодушные, усталые глаза; банальное распятие, банальная пригвожденность, свинцовое похмелье, от него не уйти, схватит, не отпускает, потеря первоначальной интуиции, пьяные выбросы разрушительной энергии, всем тошно, противно. Небу тошно, Моцарт, *«гуляка праздный»*, с ярким, неумолимым деструктивным комплексом Сальери — опасным, мутные эмоции, душевная опустошенность, жди окончательной темной деградации, агония, есенинщина, кузьмовщинка, тяжкий недуг и характерное явление русской жизни, выплескивающейся из берегов, вызывают не столько энтузиазм и дикое изумление, сколько провоцируют раздражение, «злые мысли» — Бухарин о есенинщине; быстро нарастающая, прогрессирующая тенденция; любил повторять: **противоречив, как жизнь**, шпага, честь, душу за други своя, щедро, самозабвенно, самоотверженно подставить другу плечо — душа распахнута для жизни, счастье, озорной тореадор, смелее в бой! это все с одной стороны, бесспорно, важной, главной, самой подлинной, а с другой, согласимся, тяжко вздохнем, нехотя и через не хочу признаем: особенно и преимущественно в последние годы жизни, основное расположение и предрасположение к выпивке, освежающей душу, наследственная, кармическая тяга к бутылке, к родимой — дух схвачен в плен алкоголем, дурная несвобода, редукция, вгонял в смущение сердца верующих и любящих его, наличествовали и преобладали удручающие, тягостные, зловещие срывы, становящиеся оплотом деструктивного разобщения,

понижение уровня (ну и деньки! не все, что совершал, делал, говорил Кузьма, будет благословенно, вообще-то такое отношение к канонизации характерно во всяком случае для православия: тонкое наблюдение Федотова, св. Сергий по указанию митрополита Алексея закрыл храмы в Нижнем Новгороде, политический конфликт Москвы с новгородским князем, об этом сообщает летопись, но молчит житие св. Сергия, написанное Епифанием), что не по его, что наперекосяк — сдернут, не заржавел предохранитель браунинга, в темном загуле беспробудном потерян контроль над собой, пароксизм бешеной злобы, неукрощенная, авангардистская кривда-зубочистка (самообольщение: у него — абсолютный слух на пошлость и неправду, словно он один имеет особые полномочия свыше, всякая пошлость ему не по сердцу, на него не потрафишь, непримиримая, вечная борьба с разнузданным демоном пошлости) неадекватная, чересчур и слишком неадекватная, а потому приходится говорить, сознаться, удручающая, неправедная, несправедливая, безмерно грубая, варварская («варварскими методами боролся с варварством» — и справедливость оборачивается нёправдой) мгновенная реакция на все, что не по душе, получай на чай, не позавидуешь тем, кто словит, молния, стремительная, как у белого медведя, как сорвавшаяся с цепи шальная стихия, от избытка сердца, непосредственная, насквозь капризная, поэтическая натура, не знающая угрызений совести, словно ты ничему и никому неподсуден, глаза бы не смотрели, хорош гусь! а сам всегда и во всех обстоятельствах являешься высшим судом, не оступайся,

по зубам от тебя ничего не стоило словить, бывало угостит непослушной, гуляющей рукой, тихостью, кротостью не баловал, кое-кто огребал, всякое бывало, распускал Кузьма руки (ты пишешь, опять это из «Агараки»: «... **похвалюсь — пес тыкался мне в колени**», не только пес, было время мы все тыкались тебе в колени, в плену у тебя, заводилы, были, уловил ты нас в свои сети, а теперь тебе на хватает психического здоровья, прогнулся, дурной совсем, стал ты обузой для окружающих, а не красным солнышком, трудный случай, тяжелый, таки стихийное бедствие, непредсказуем ты стал, не то к сердцу прижмешь, не то в морду дашь, и мы тебя боимся, прошлого не вернешь, все бесполезно, как презерватив штопать, не хотим схлопотать, избегаем, готовы в отчаянии крикнуть: «оставь нас, гордый человек»!).

XVI. Вознесение до мифа

Следует честно признать и твердо уразуметь, что водить ручкой по бумаге, дуть в затейливые, прихотливые подобы, изобретать метафоры и всякого рода близнецов словечек...

(природа богато, хоть куда, одарила Кузьму, а ведь сказано: кому много дано, с того много и спросится, завидные, выигрышные способности, невероятные, если позволительно так выразиться, сверхспособности,

мастер импровизаций, умел выдумывать, изобретать художественные штучки, *совершенство сверхформ*, совершенное сверхподобие, настолько совершенно, что порою не вполне доходчиво в силу известной абстракции, разряженности, эллипсисов, да и сам ты, Кузьма, иногда не понимал, забывал смысл написанного, не говоря о несчастных твоих поклонницах, задыхающихся в безвоздушном пространстве эллипсисов и неизвестно откуда взятых цитат: «И спасибо за то, что так любезно удержался от цитирования. Почти не над чем было голову ломать» (видимо, из письма Лены Диксон, заокеанской, «звезды вечерней»); его находки на уровне лучших метафор Олеши, всяких там *синих груш, цыганских девочек ростом с веник, мальчиков, запутавшихся в соплях*!)

... — отнюдь не мушкетерское занятие, да и не занятие настоящего человека, избранника Божья, *и не в этом Кузьма!* почерк у него ужасный, развинченный, юродивый — натуральные, речистые каракули; Зощенко вообще считал, что писательство не мужское занятие («Голубая книга»), это мнение о литераторах поддержали бы Чехов, Т. Манн; чтимый мною Парамонов (всегда с удовольствием его слушаю) смело прет еще дальше, готов декларировать культуроборческий, луддистский тезис, мол, все несчастья России проистекают из-за греховного, романтического преклонения перед литературой, из-за хороших книг, из-за всех этих бесчисленных Толстых, Достоевских, Пушкиных все наши неудачи, поражения, катастрофы; стишки, отраженную жизнь, фикцию, мы любим больше, чем самою жизнь. Не верим, не хотим верить, вредная поповская выдумка!

Я твердил, то и дело звал на подмогу Бердяева, повторял, всерьез доказывал, все так и должно быть, что от гения (т.е. от Кузьмы) и не должно ничего остаться, таков закон природы, неумолимый, неотвратимый рок; а теперь хочу попротиворечить себе: проза Кузьмы очень хороша и принадлежит к лучшим литературным образцам той эпохи, а главное, о ней без преувеличения можно сказать, что она написана абсолютно свободным, внутренне расконвоированным человеком. Осторожно вверну на этот раз не Бердяева, а себя, не потому, что так уж горячо люблю себя (острота Маяковского, «себе, горячо любимому», вспомним!), а потому что подслушано, удачно было сказано, лучше, метче не скажешь, не большая беда и повторить; в повести «Кухня» («Континент», 1998, №95), Эдик Бирон, вообще-то персонаж из «Бунта», говорит о кузьмовской «Белой уточке»: *«совершенно шедевральная штучка, вкус и энергия, точное, мускулистое слово, без изъяна, фактически это поэма, лучшее, что есть в современной русской литературе смекалистая своя морфология, свой синтаксис, новое, нужное слово, ничего не скажешь»*.

Что осталось от прозы шестидесятников? Кое-что. Не бедны. Шукшин, возьмем, рассмотрим Шукшина, ну — рассказы («Срезал» и др.) великолепны, зависть берет, но таких, что зависть берет, за сердце хва-

тают, не больше десятка, остальное мог бы и не писать, жаль, что так много сил кино отдал, Трифонов, Искандер, Солженицын, «Иван Денисович», начало ГУЛАГа, опять-таки остального лучше бы не было, перебор, скука, несравненный Веня Ерофеев с «Петушками», у Венечки не велико наследство, соизмеримо с Кузьмой, а классик, еще какой!

Наверняка, что-то стоящее забыли, не страшно, простится, мы же не фундаментальное исследование по истории литературы этого периода пишем, а так, взгляд и нечто, краткий курс, создаем фон для прославления Кузьмы, вознесения до мифа; итак, закругляя эскизный, плывущий сказ о Кузьме, со спокойным сердцем хочу утверждать, что его опусы на уровне лучших литературных образцов шестидесятников, состоялся Кузьма, как писатель, еще как состоялся, к гордому списку, приведенному выше, смело добавлю Кузьму.

XVII. Держите меня!

О себе скажу, откровенно, честно, как на духу, если кто и влиял на меня, на мое виденье лагеря (у Кузьмы я улавливал первородство нового виденья, антишаламовского), на мою стилистическую манеру, так это Кузьма, рискнуть так писать в те годы, как Кузьма, нужно колоссальное мужество, вящее, особое чувство языка, особый дар, умение продегустировать и воскресить слово, вот — «Агараки»: **«В паре они стояли скульптурно. В поцелуйной позе»** (об осликах). Как хорошо! фактурка! Какая дивная мощь пластической выразительности слова, заковыристость сочетается с точным попаданием в цель. Спазмы телячьего восторга. Держите меня, а то я скажу, что «Белая уточка», «На семь метров», «Агараки» стоят всей прозы шестидесятников!

Испытываем смешанные чувства, вчитываясь, вгрызаясь в предсмертную записку Кузьмы (она определила ложный след — самоубийство); поди уже вдыхал бесконечность, мутилось сознание, сделана неверной рукой: **«Жене же моей отказываю мою кровать, не лучшую, со всем принадлежащим убранством».** Кому именно? Гедде Шор, Элен Диксон, Полине, Маше Столяровой? Почему не лучшую? У него всего одна кровать! Как тут быть? Хоружий, глубокий комментатор Джойса, признал: «Писатели — ужасные люди».

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

***

Ампутировал прошлое и в инвалидной коляске,
громыхая, несусь в туче пыли средь белых камней.
Стало нечем дышать, напрочь душу отбило от тряски.
Неба синий наждак обдирает всю кожу на мне.

В раскаленные диски сливаются острые спицы,
словно пену, взбивая из воздуха солнечный свет.
Обгоняя мой хрип, вниз под гору летит колесница.
Я прикручен ремнями, и пыль заметает мой след.

Картинки с выставки.

Подвал искусств. На отсыревших стенках
полотнища прилеплены вплотную.
Переливаясь грязью всех оттенков,
из рам стекают масляные струи.

За столиком в чалме из никотина
сидит художник, в пустоту гундося,
и водит важным взглядам по картинам
и рюмкой с теплой водкой на подносе.

Григорий МАРК — родился в Петербурге, в настоящее время живёт в США. Его первая публикация появилась в 1987 г. в "Континенте". Выпустил три книги стихов ("Гравёр", Effect Publishing, New York, 1991; "Среди Вещей и Голосов", Hermitage Publishers, New Jersey, 1995 и "Оглядываясь Вперед", Фонд Русской Поэзии, Петербург, 1999) и книгу прозы "Имеющий Быть", Росспринт, 1996. Печатался в журналах "Время и мы" (США), "Грани" (Германия), "Дружба Народов", "Звезда", "Знамя", "Континент", "Новый Журнал" (США), "Новый Мир", и др.
Переводы стихов Г. Марка на английский публиковались в "Glas" (United Kingdom), "Word" (USA), "Modern Poetry In Translations" (United Kingdom).

Вокруг снуют безлицые мужчины.
Под коркою нейлоновых сорочек
тела гудят, как гибкие машины,
в них мертвая энергия клокочет.

А двигатели внутренних сгораний,
работая на скверном алкоголе,
их языки приводят в состоянье
вращенья непрерывного. Глаголы,
со скрежетом цепляясь друг за друга
позвякивая жеванным металлом,
передают движение по кругу...
И серным дымом тянет из подвала.

***

Купола из трущоб проросли.
Урожаем небесным восходит
золотой виноградник Господен
на помойках российской земли.

ИСКУССТВО ОДНОБОКОГО ПЛАЧА

1. Писк в ночи

Стояла глухая декабрьская ночь.

Неловко утверждать такое в разгаре жаркого июня, когда перед окном дачного домика покачиваются цветущие водосборы, а разомлевшая от солнца кошка, свесившись с подоконника, дразнит их лапкой. И все же: была декабрьская ночь. А если она в самом деле страдала глухотой, ей повезло.

Звук был нестерпим. Надрывная жалоба младенца сочеталась в нем со зловещим упорством автомата. Будто не живое маленькое существо, а какое-то механическое устройство вдруг ощутило свою покинутость во Вселенной. Закрутилось верещащее колесико, завопило, наполняя окружающую темень безнадежными паническими позывными:

— Пиу! Пиу! Пиу! Пиу!

Монотонность абсолютная. Равномерность безукоризненная. Паузы выверены до мельчайших долей секунды. Китайская пытка.

Голову под подушку? Черта с два! Такого ничем не заглушишь.

А завтра на службу. Вставать в половине седьмого.

Чего ради я это затеяла?

— Бедный малыш! — мама пытается говорить тихо, но стена, разделяющая нас, чуть толще картона, а голосина у мамы зычный. — Может, все-таки пустим его на диван?

— Не выдумывай! И не ори — Шурку разбудишь.

— По-твоему, она спит? Под это?

— Тем меньше причин усугублять ее положение!

Здорово сказано. И мысль недурна. То есть была бы недурна, если бы мое положение еще можно было усугубить.

Отец, и тот пытается щадить меня. Ужасающий симптом. Да и сам факт, что мне безропотно позволили совершить эту глупость, более чем красноречив. Я-то всего-навсего сболтнула:

Ирина ВАСЮЧЕНКО — родилась в 1946 году в Харькове. Окончила МГУ, русское отделение филологического факультета. Начинала как критик в середине 70-х гг., в конце 80-х занялась литературным переводом с французского. Автор повестей «Лягушка в молоке» (под псевдонимом *Н.Юченко;* «Дружба народов»,1997, № 10) и «Автопортрет со зверем» («Континент», 1998, № 96). Живет в Москве.

— Вот возьму и куплю собаку! Большую. Свирепую. Тогда вы хоть перестанете меня пилить, что таскаюсь по окрестностям одна.

И надо же: трех дней не прошло, как в доме будто сама собой зародилась брошюрка в помощь начинающему собаководу, живописующая достоинства разных пород. Полистав ее, я выбрала боксера. Не то чтобы они мне нравились. Но я привыкла считать их чуть ли не самыми грозными представителями собачьего племени. При моей нынешней маниакальной склонности к одиноким шатаниям это — свойство решающее. Само-то я теперь ничего не боюсь, но для того, чтобы успокоить родительские страхи, нужно водить с собой по меньшей мере бешеного носорога.

Он обошелся мне в восемьдесят рублей. Положим, не слишком элитный, но породистый, клубный щенок. При окладе сто тридцать цена внушительная. Пусть. По существу-то мне все безразлично.

За щенком мы отправились ветреным ледяным вечером на одну из тех тошнотворных окраин, при виде которых трудно избежать мысли, что в мире, верно, мало найдется городов уродливее, мрачнее Москвы. Составить мне компанию вызвалась неблизкая приятельница университетских времен, миниатюрная, с нежным непроницаемым личиком куклы и пластикой хищного зверька. Я так и не поняла, с чего она за мной увязалась. Чуждый разум, жестковатая кунья душа, неужели даже она меня жалеет? Стало быть, так заметно? Экая мерзость. Впрочем, плевать.

Никогда прежде не видела боксеров вблизи, в комнате. Псица-мамаша с непривычки показалась мне настоящим чудовищем: складчатая, лупоглазая, громко сопящая. Щенки толклись вокруг нее, висли на сосках, попискивали, срываясь, все одинаковые и потому неинтересные, но сама она потрясала воображение. Низенькая грязная комнатка в коммунальной квартире, где это чудо извращенной природы обитало вместе со своим пьяным хозяином, его женой, застывшей у двери с видом статуи Терпения, и их малолетним, но уже украшенным синяками боевым отпрыском, тоже была зрелищем не совсем обычным. В поселке моего детства такие фигуры попадались сплошь и рядом, но то было давно, я успела отвыкнуть...

— Вы сами-то откуда будете? Условия у вас есть?

— Двухкомнатная квартира. В городке, километров двадцать от Москвы.

— Вот, значится, увозите невесть куда, и кто там вас знает, как оно еще... Я в плохие условия щенка не отдам, не смотрите, что люди мы необразованные, я про это так считаю, что ответственность иметь надо, потому как собака, она тоже чувства чувствует, только что сказать не может.

— Да, я понимаю, — мне уже хочется уйти, провались он в тартарары вместе со своими боксерятами. Нахальная физиономия мужика гримасничает передо мной, скалит редкие серые зубы, обдает жарким духом перегара. А я устала. После полубессонной ночи и бесконечного пустого дня на службе голова свинцовая, все как в тумане, в дурном

сне. Что он там бормочет? Чего ему нужно? В клубе сказали, что щенки продаются, но он, похоже, не спешит с ними расстаться.

— Я вобче-то вникУть должен, кому отдаю, вы хотите обижайтесь, хотите нет, у меня насчет этого строго. А то вы, может, жестоко обращаться станете, человека сразу не поймешь, его сперва распознать надо, дело это такое, что я и в гости потом еще не раз к вам съезжу, на двадцать ваших кил?метров не посмотрю! Проверить надо, а ежели что не так, лучше вам бы на свет не родиться, человек я прямой...

— Пять! — мяукнул тихонький, но твердый голосок. Валентина. Я забыла о ней, черт, что у меня с головой?

— Вы это в каком же, извиняюсь, смысле?

— Пять рублей накинем. Ни копейки больше. Забираем щенка и до свиданья. Не обессудьте, нам недосуг.

И говорок вдруг простонародный. А, ну да, она же сибирячка, из рабочей семьи, хотя при взгляде на нее этого не скажешь — годы, проведенные в университете, превратили Валю не только в специалиста по романо-германским языкам, но и в модную, холеную столичную штучку. Однако ее присутствие оказалось небесполезно: мужик опешил, мнет в ладони деньги, еще бубнит что-то, но я уже запихиваю в сумку толстого, как поросенок в миниатюре, рыжего псеныша, взглядом благодарю Валентину, словесно — хозяев, и мы спасаемся бегством, хлопком двери перекрыв поток собаколюбивого хмельного красноречия. Победили. За что боролись...

— Пиу! Пиу! Пиу!

Ввинчиваясь в барабанные перепонки, остренько протыкая измочаленный мозг, эти сиротские вопли сведут меня с ума еще до рассвета. Положим, мне до него и дела нет: надо успеть на электричку задолго до того, как забрезжит его тусклая полумертвая серость. Хорошо, если удастся хоть в вагоне подремать: за последнее время я научилась не на шутку ценить эти тридцать минут шаткого полусна. А потом, вывалившись вместе с толпой на платформу, спешить, жмурясь, не оглядываясь, к метро и вдруг услышать за спиной густой ласкающий баритон:

— Гегенюбер! О славный Гегенюбер, приветствую тебя!

Да. Он имеет подлость подстерегать меня на вокзале, заговаривать весело, как добрый старый дружище, окликать давнишним прозвищем, когда-то смешным...

...Мы сидели на лесной опушке, на поваленном дереве. Я помогала ему переводить немецкий текст. Технический — он учится в заочном машиностроительном. Надрывно, через силу. Клялся, что как только эта пытка кончится, станет предпочитать американской фантастике и водке, нужным при таких перегрузках, «чтобы расслабиться», русскую поэзию и серьезные занятия живописью. Тогда и начнется наша настоящая жизнь, а пока надо потерпеть, прорвемся...

— Ого, какое богатое слово! Неужели это — предлог?

— Ну да. Это значит...

— Нет! Ни за что! Это существительное! Всем существительным существительное! Оно должно означать что-то потрясающее и невероятное, самое потрясающее и самое... тебя! Оно тебя означает, не больше и не меньше!

Старая шутка оскорбительно пошла, фальшива, как вся эта затянувшаяся, едва ли не садистская игра. У него уже есть невеста. Получение диплома по времени как раз совпадет с новым браком — двойной залог обещанного обновления, которого все равно не будет, теперь-то знаю, все это жалкая трепотня... День нашего развода назначен, близок, и я ничего так не хочу, как покончить с этим. Только бы скорее, только бы никогда больше не видеть его и не слышать! Станет хоть немножко легче.

Не станет. Нет смысла обманывать себя. Не я, но что-то во мне малодушно радуется даже этим его утренним беспардонным появлениям. И похоже, это «что-то» — единственное, что осталось во мне живого. Раз за разом я мысленно приканчиваю его, превращаю в «ничто», яростно втаптывая в хлюпающее снежное месиво тротуаров, а оно все оживает, еще недавно береженое, а теперь изуродованное и пр?клятое...

Мутный луч заоконного фонаря пробивается сквозь щель между занавесками, пересекает кусок стены, угол книжного шкафа и заканчивается на потолке. Вот расплывается, корчится, тает. «Какой некрасивой ты становишься, когда плачешь»...

Он это видел, да. Видел то, чего ни мама, ни сестра... Но редкостного сего зрелища не одобрил.

Слезы стекают на подушку и там впитываются, образуя холодные влажные пятна. Кто выдумал, будто это приносит облегчение?

Или другим все-таки помогает? «Ты и плачешь не как огорченная женщина, а как полководец, проигравший сражение». Да не сражение. Полководцу не пристало хныкать из-за таких частностей. Я проиграла все.

— Ну расскажи, что у тебя нового? Я по тебе дико скучаю, неужели так трудно понять? Где твое великодушие? Ты же у нас рыцарь без страха и упрека, ты должна быть великодушной.

— Сама у себя я не рыцарь, а начинающий собаковод. Послезавтра еду за боксеренком.

— А, заводишь собаку? Это что, вроде замены? Как ты легко соглашаешься, что меня нет и не будет! А я тогда, в сентябре, когда летели из Сухуми, знаешь, загадал: «Если мы никогда больше не сойдемся, пусть самолет разобьется к такой-то матери!» Ну, Гегенюбер, башмаков же еще не износил! Не покупай своего дурацкого боксера, можешь считать меня суеверным, но мне кажется, если ты этого сейчас не сделаешь, кто знает...

— До свиданья.

Прощай, ты, ничтожество. Тебя нет, потому что тебя и не было. Нашу великую любовь мне даже похоронить не с кем. И вспомнить ее, кроме меня, будет некому. Ты умеешь только играть. Не вполне понимая, во что. А хорошо умеешь, на этом я и погорела. Но твои таланты тебе изменили: сейчас ты играешь не только жестоко, но и бездарно. От этого, если хочешь знать, еще во сто раз больнее... нет, надо встать, не то доблестный рыцарь, он же незадачливый военачальник задохнется в собственных соплях. Нос уже вконец запух и воздуха не пропускает. Глотка тоже полупридушена. Стоя продышаться легче. Это уже опыт: сколько их было, таких ночей, разве что без щенячьего аккомпанемента! Днем еще туда-сюда, а стоит лечь и потушить свет, и картины прошлого, яркие, как сны в детстве, и болезненные, как аборт без анестезии, наплывают сумбурной неотвязной чередой.

...Поток лихорадочных слов, от внезапности непонятных. Отчаянно расширенные зрачки полузнакомого парня, которого про себя определяла, задорно насторожившись, как «опасного противника». Безоговорочная капитуляция до объявления войны:

— Ты мой последний шанс...

— Подожди, перестань, ты что, ты же меня совсем не знаешь...

Взрыв смеха за ближними кустами. Будто зрительный зал потешается над нашей комедией. Но нет, никто нас не слышит. Это Римма с Натулей под руководством Катышева шашлыки готовят, а он на вольном воздухе развлекает их политическими анекдотами.

Я уже сижу на влажной после дождя траве. Этот сумасшедший еще и на колени вздумал броситься, нельзя же... Положим, и мне бы не след так с перепугу плюхаться в болото, вот, извольте, джинсы на заду промокли... Ничего-ничего! Сейчас ты попробуешь дать волю рукам, весь этот фейерверк объяснится простейшим образом, тут уж я тебе покажу «последний шанс»! А он, похоже, и не помнит, что у него есть руки — вдруг замер и онемел, точно перед богиней. И я в смятении отвожу глаза, разжимаю ладонь, на ней крошечный масленок, раздавленный. Ну да, я ж наклонилась сорвать гриб, тут он и заговорил, надо же, как стиснула... забыла...

И понеслось. Преображенные недели. Месяцы. Годы. Нежная, смешная легкость всего, что было трудно. Все лучшее, что есть в дружбе и страсти. Можно пройти над жизнью, как по радуге, — только и надо, что не разнимать рук...

Наши лесные костры, бесконечные разговоры, пьянящее любование собой и друг другом, наши пирушки вдвоем в убогих привокзальных пельменных и в приятельском кругу, где было так сладко встречаться глазами — мимо всего и всех. Так взирают избранники судьбы, знающие нечто, прочим недоступное...

И другие, позднейшие кадры. Как потом, понемногу, едва уловимо, ответный взгляд становился уклончивым, тон — небрежным, остроты и за-

мечания делались погрубей, а я знай уговаривала себя, что это бред, он просто вымотался, нет, не только он, мы оба... надо отдохнуть, вот и все... я постыдно мнительна, так и норовлю сотворить из мухи слона, недуг врожденный, от отца, что же я делаю, этому нельзя давать волю... Да и он, стоило мне вспылить, поначалу пугался, душил в объятиях, уверяя, что пошутил, вообще не говорил такого, да если бы и ляпнул, как можно принять подобную чушь всерьез, он меня не узнает, нет, быть не может, я тоже шучу, он отказывается верить, неужто я хоть на минуту могла допустить...

— Пиу! Пиу! Пиу!

Пожалуй, кстати, что эта скотинка орет. Только бы родители не услышали, как я выбираюсь из-под одеяла, напяливаю халат, шаркаю к окну. Хорошенькое будет дело, если мама догадается, что я не сплю, заглянет в комнату и, включив свет, увидит мою распухшую красную рожу! Покойная бабушка сказала бы: «Не оскорбляй образа и подобия Божия...» Довольно того, что наперекор моей в узком кругу легендарной выдержке все, кому не лень, преблагополучно сообразили, что мне паршиво, куда паршивее, чем должно быть еще не старой, не обремененной потомством, самостоятельной даме, по собственной инициативе уходящей от мужа, который, положим, и «милашка», и «умница», но «выпивает». Так выглядит со стороны наша мировая катастрофа.

Мои немногочисленные подруги, те еще осведомлены о его неверности. Тут он сам постарался. То одна, то другая является ко мне в смущении, исполненная пылкого, ненужного сочувствия, за которым однако же — они хорошие, но человек слаб, — сквозит удовольствие женской победы: «Я сомневалась, стоит ли... но между нами не должно быть умолчаний... твой Скачков, он приходил... правда, под хмельком, может, поэтому... говорил, что давно чувствует ко мне... ну, красиво выразиться он всегда умел, ты-то знаешь, такой льстец, противно слушать... никогда бы не подумала, что тебя можно променять на кого бы то ни было... и как вообразить, что я соглашусь... нет, я уверена, он и теперь любит только тебя, не даром же мы все так завидовали вашему роману... ох, прости, я дура, что об этом сейчас, но все так неожиданно... Да, о тебе он тоже говорил... свинство, конечно... ну, сказал, что ему с тобой стало трудно, нет «страшно», он так выразился... «женщина не должна все понимать, видеть тебя насквозь, это даже противоестественно, тут ведь главное, чтобы было кому по головке погладить, когда надо, а это тягостно, это перебор...» Нет, не подумай, все очень почтительно... и каждому же ясно: стоит тебе захотеть, он никуда не денется... иногда ведь приходится за мужчину бороться, даже при твоей гордости...»

Первую — последующие были уже не страшны — такую исповедь я выслушала в метро, на платформе «Лермонтовская». Поезда грохотали, заглушая речь собеседницы, да и она запиналась, все спрашивала, не зря ли, не хватит ли.

— Нет-нет, не беспокойся. Я тебе благодарна. Что? Бороться? Нет, это исключено.

Мешали стены. И пол. Первые утратили былую вертикальность, второй стал не вполне горизонтален. Я все пыталась вправить их на место. Это почему-то казалось важным.

— Совестно передо мной? Тебе? С какой стати? Это же хорошо, это истина воссияла, надо радоваться... Что? Врал? Спьяну? Возможно. Меня это больше не касается. Это касается тебя. Если все же не врал и тебе это не совсем безразлично, действуй.

— С ума сошла? И потерять тебя?

— Только на время. Мне, правда, придется на какой-то срок лечь на дно, ты мне это простишь, а потом мы все уладим...

Ничего мы не уладим. Если так, они прекрасно обойдутся без меня. Но сейчас надо, чтобы Аська мне поверила... и чтобы эти чертовы буквы на стене перестали прыгать перед глазами.

У нее черная полоса. Научные планы рухнули. Их можно осуществить, только оставшись в Москве — проблема талантливых провинциалов, принужденных, поблистав в университете, возвращаться в свой Клин, Льгов, Йошкар-Олу, где их знания никому не нужны. Анастасия, литературовед милостью Божьей, в родном городе обречена, ни на шаг не отступая от школьной программы, у черной доски долдонить зевающим подросткам про то, как Пушкин несмотря на свою ограниченность, порожденную незнакомством с марксистско-ленинскими идеями, кое-что все же «ярко отобразил», Лермонтов «гневно обличил», а Толстой «страстно провозглашал». Не хочешь? Иди расставлять запятые и выправлять падежи в документах какого-нибудь НИИ сельхозмашиностроения! Я-то и здесь угодила в подобную дыру, мне поделом, никогда не делала ставки на науку, хотя, как начинаю догадываться, зря. Но для Аси это крах, хуже и вообразить трудно. А тут еще любовник сбежал. Женатый был, вернулся в семейственное лоно. Виктор знал об ее несчастьях больше, чем ему полагалось. Знал по моей вине. Роман, не говоря уж о шансе закрепиться в Москве, сейчас был бы для нее не спасением. Вот он и бросил потешный спасательный круг. Из картона. Это непоправимо. Куда непоправимее, чем обычная измена.

— Ладно, я дерьмо! — ораторствовал он потом, во хмелю настроившись наступательно. — Но не воображай, что твои друзья лучше! Все такие же, ты одна другая, твое дело безнадежно, и я тебе это докажу. Всегда они между нами стояли, даже в лучшие времена вечно приходилось помнить, что они тоже есть, тоже имеют на тебя какие-то права... Меня, значит, в отставку? Недостаточно чист? Ну, так их у тебя тоже не будет, я уж позабочусь!

— Не выйдет! — фыркнула я тогда.

Еще как вышло. Никого не люблю. То есть вижусь, болтаю по телефону, письма, если надо, строчу. Притворяюсь. Небось, по всей округе молоко

киснет от моей вымученной приветливости. Мне не то что дружить, а и собаку заводить противопоказано. Даже месячный щен, если в его башке есть хоть капля мозгов, вправе воротить от меня нос. Душа являет собой пейзаж после битвы, место безобразное, смрадное и пустое. Что они плетут про гордость и чистоту? Я состою из сплошной боли. Она берет начало где-то в грудине, и так прихватывает, что уже не понять, насколько она душевная, насколько — физическая. Если удастся заснуть, очнувшись, я первой почувствую ее, спросонок притихшую, но многообещающую: «Что это со мной? Что случилось? Ах да, все пропало...»

И с подобными мыслями ты надеешься продышаться? Ха! Как старушка-гинекологичка говорила пациентке, мечтавшей родить, но плохо выполнявшей врачебные предписания: «Нет, душечка, так мы с вами не забеременеем!» Сколько женщин жаждет того, от чего я так упорно отбояривалась! Он тоже не слишком стремился к отцовству, но главное, я не хотела. Между нами не нашлось бы места третьему. Я не могла позволить нашему союзу превратиться, хотя бы отчасти, в средство — он должен был оставаться высшей ценностью, абсолютной самоцелью...

Да уймись ты, жалкая идиотка! Хоть пять минут не думать все об одном ты способна? Вот так, просто отвернуть край занавески, смотреть за окно и слушать застенное верещанье несчастного щенка. Снег, безлюдье, ночь, улица, фонарь, градирня.., да, кажется, мама говорила, что это корявое сооружение называется градирней. За ней, дальше, бетонные строения — там территория завода. Не повезло с видом из окна: ежедневное созерцание такого уродства само по себе может довести до умоисступления.

На этом самом месте я тогда тоже смотрела на градирню. В летний полдень наш индустриальный ландшафт выглядел еще гаже, но факт сей значил для меня не больше, чем если бы все это располагалось в Новой Зеландии. Он стоял рядом, и я, не поворачивая головы, знала, что огромные серые глаза сквозь стекла очков глядят на меня, как в первые дни, со счастливым страхом:

— Шурка, ведьма, ты не представляешь... а ей-Богу, жалко, что даже ты никогда не сможешь понять, до какой степени... Скоро три года как тебя заполучил, а до сих пор поверить не могу... В одной старой пьесе герой, супермен этакий, хорохорится: «Ты не была бы мне, дескать, так дорога, не будь мне честь дороже...»

— Сид, — усмехаюсь я. При ярких гуманитарных наклонностях мой возлюбленный по образованию технарь, я в таких материях разбираюсь лучше, это одна из граней моего колдовского обаяния.

— Бестолочь твой Сид. А вот я теперь про это все знаю. Нет никакой чести! Ничего нет, ничто не важно — только ты. Для тебя я способен на все. И ты со мной можешь сделать все, что захочешь. А уж при-

кончить — это вообще пара пустяков. Достаточно просто уйти! — голос звучит странно, дерзко и печально. — А признайся, лестно иметь над смертным такую абсолютную власть?

Увы, я не замолвила ни словечка в защиту корнелевского героя, хоть сама никогда его бестолочью не считала. И не попыталась восстановить исконные права Творца всего сущего, столь размашисто отчуждаемые в мою пользу. Куда там! Это было не просто лестно — упоительно. Чему же ты теперь удивляешься, ума палата? Выяснилось, что до Вседержителя ты-таки не дотягиваешь, а чести, хвать-похвать, нету. Ведь сами же упразднили, не так ли? По обоюдной договоренности.

Я тоже виновата. Может статься, больше, чем он. Он ведет себя отвратительно, я с виду — сама добродетель, я как будто вправе презирать его, и все же... Где-то там, в глубине, куда словам не добраться, моя благородная позитура чуть ли не хуже его ерничества.

Но как я ненавижу эту подхихикивающую мелкую егозливость ума и души, столь распространенную на Руси, да пожалуй, и простительную там, где ни душе, ни уму нет свободы! С детства не выношу, чуть ли не больше прямого злодейства. Именно ерничеством обернулась артистичность, доставлявшая мне в свое время столько радости. Он представал передо мной в разных обличьях от простодушного ковбоя, по самую макушку переполненного преданностью своей леди, которая если и впала в мезальянс, то уж, разрази его гром, никогда об этом не пожалеет, до изощренного аристократа духа, усталого скептика, явлением моей особы спасенного от обрушения в черную бездну отчаяния.

Неуклюжая грация влюбленного медведя, утонченный журавлиный балет, блаженный оскал укрощенного тигра — мелкий клерк посредственной наружности с банальной репутацией способного тридцатилетнего мальчика, рискующего спиться, блистательно демонстрировал все это — другому, еще помельче, клерку в юбке, большеголовой малорослой растяпе, изумляющей коллег по работе житейской бестолковостью и обилием бесполезных познаний. Да какая разница, кем мы казались другим? Мы, королевские особы, путешествующие по этому плебейскому миру инкогнито... С неописуемым азартом я подыгрывала импровизациям партнера. И с тайным смирением вздыхала о том, что он в любви Моцарт, я же всего лишь Сальери.

Не то чтобы мы без конца миловались и ворковали, отнюдь нет. Но каждый шаг, слово, оброненное в шутку или всерьез, в трезвости и во хмелю, чудилось, несли отсвет божественного огня, и ничто его не пригасит — даже если случится брякнуться в лужу посреди улицы на потеху прохожим.

Поэтому впервые настоящий страх я испытала не тогда, когда Скачков загляделся вслед прохожей красотке — подумаешь! Нет, в то утро мы просто рискнули проехать на трамвае одну остановку без билета. И попались. Цифра двойного штрафа прозвучала неприятно: берясь за

сумочку, я подавила досадливый вздох. Но что с того? Финансовый ущерб будет мгновенно забыт — сейчас переглянемся, он состроит дивную гримасу удрученного шимпанзе, я томно пророню: «Какие убытки!»... И тут Скачков закричал. Вздрюченным незнакомым голосом трамвайного правозащитника он орал, что это безобразие, мы не виноваты, только что вошли, он из принципа отказывается платить... Мы были вместе четыре года, но таким я его видела — и слышала — впервые. Скандал тут же и заглох, драть глотку не стоило труда: контролер был не лыком шит. Муж раздраженно ткнул ему наши штрафные рубли, мы выскочили из трамвая... Переглядываться не хотелось. На сердце давило. Будто стряслась беда. Еще недавно такое было бы невообразимо. А теперь настала пора подумать, отчего это стало возможным.

Ошибки не было. Наше собственное, на двоих, королевство разваливалось. Я-то думала, оно неуязвимо, это же творчество, самое сладостное из всех, а мы уже мастера, и мы растем... Только по ночам меня, все еще летающую в снах, преследовал кошмар: лечу, а внизу — погоня. Смешно: где им поймать! Но преследователи неутомимы, а я теряю высоту, и нет имени ужасу, ждущему там, на земле.

Короче, наступил творческий кризис. Романтические личины выцвели. Передо мной совслужащий, уставший, что ни день, пялить потрепанное брачное оперение. Вспомнил, что он «просто мужик», а значит, в своем праве. Не Сид, а инженер, и, заметьте, не из худших. Читывали-с кое-что, кой о чем и думали-с, да сколько можно на цыпочках ходить? Захромаешь. Я ж у тебя и чихнуть не смею без оглядки на великих гуманистов прошлого! Русские бабы чего только не терпят, если, конечно, вправду любят, ты не замечала? Иная вся избитая ходит, а за своего Васю любому глотку перегрызет. А мне стоит в компании шуточку отпустить насчет красоты какого-нибудь чучмека или особенностей еврейского характера, как у тебя сразу в каждом зрачке по пистолетному дулу, будто я уже не трепач, как все, а предводитель ку-клукс-клана...

— А ты не замечал, что со мной шуточки про чучмеков не проходят? Что «трепачи, как все», пасутся в других местах?

Вот уже и слеза, гадина, выползает на правую щеку. Неважно: к собеседнику я повернута левой. Овладеваю искусством однобокого плача. Делаю успехи. Маразм.

А что у меня за голос! Твердый, тусклый, сдавленный. Несгибаемая жертва. Такую невозможно любить. Со мной тяжело. И скучно.

Зато он мягок, вальяжен. Не без приятности сознает свое превосходство. Сейчас он и сильнее, и умнее, и боль любой интенсивности властен причинять легчайшим касанием. Ему тоже не сладко, но это новое ощущение, оно щекочет...

Не надо ненависти. Ведь все кончено. Злость, она в странном родстве с надеждой. Так я еще надеюсь? На что? Где тот волшебник, что

воскресит нашу Жар-птицу, которая оказалась курицей и уже булькает, ощипанная, в кипятке?

— Смешная ты все-таки. Ведь не в пустыне живем. С народом. Думаешь, каково каждый вечер из офиса к тебе возвращаться, в другое измерение?

— А я к тебе что, из Эдема возвращаюсь?

— Ну, ты великий инопланетный Гегенюбер, а я зверь местного происхождения и скромных размеров. Так сказать, маленькая бедная белочка! Не умею блюсти в толпе возвышенное уединение. Вливаюсь в общую форму. Сперва противновато, потом ничего: люди же все-таки... А придешь к тебе — и дрожи, того гляди спросят: «Где это ты, подлец, так изгваздался?»

— Насколько я разбираюсь в белочках, они как раз опрятны. Не теснятся в хлеву, из общего корыта не хлебают. Тут больше подойдет другое тотемное животное.

— Видишь, что творится? Ты тоже раньше не была такой безжалостной. А вдруг мы ошибались, отвергнув законы конформизма? Что если они священны и мы с тобой платим за то, что их не признавали?

— От таких святынь уволь. А что платим, так мне казалось, нам это по карману.

— Тебе по карману, тебе! А я, наверное, слишком долго ехал на подножке твоего поезда, успел забыть, чего я-то хочу, куда мне на самом деле надо?

— Не знала, что владею поездом и везу недовольного пассажира на подножке. Хочешь спрыгнуть? Давай!

Если оставить в стороне маленькую белочку, это было едва ли не единственное прямое, почти без кривляний объяснение. Уже в конце, так сказать, в пятом акте. Но роль обманутой девы не для меня. Имея голову на плечах, следовало уже ко второму акту смекнуть: это человек со всячинкой, у него в запасе немало такого, чего он мне не демонстрирует и очень хорошо знает, почему. А я ничего и не ведала, ах, доверчивое созданье?

Что там, конечно же, догадывалась. Вернее, могла бы. Но было так хорошо! Так верилось в эту пресловутую власть, гроша ломаного не стоившую... Я ею не злоупотребляла, чего не было, того не было. Собственное мифическое всесилие вгоняло меня в такой благоговейный трепет, что, страшась профанации, даже не решалась нарушить очарование вульгарной бабьей просьбой: «Не пей столько!» А когда все же попыталась, пришлось убедиться, что требую слишком многого...

Ступни совсем окоченели. Дурацкая идея — торчать под форточкой в шлепанцах на босу ногу. Попробую все-таки лечь. Ну и глотка у этого боксеренка! Хоть бы охрип, что ли. Мне не жаль его. А ведь представляю, как, должно быть, ему холодно, пусто, ужасно и непонятно. Похоже, я утратила способность к состраданию.

Это пройдет. Когда-нибудь должно же... Глас рассудка. Пусть никто мне больше не говорит, что сердце, душа, интуиция важнее! Достопочтенная троица, спору нет. Да только в нынешней пиковой ситуации она всей мощью своего влияния соблазняет меня влезть в петлю. И уж безо всякого надменного вызова, о каком мечталось в юности. Просто надоело мучиться. Да что там, подыхать надоело, вот бы сразу... Но это дудки! Не поддамся. Рассудок — какой там глас, так себе, дребезжащий противный голосишко — он один поддерживает, как умеет.

Тропинка крутовата, мелкие камешки осыпаются при каждом шаге. Кто-то (или что-то?) крадется по пятам, не знаю его, но ничего страшнее на свете нет... Слева пропасть, справа каменная стена. А, те самые горы! Прошлой осенью мы здесь проезжали автобусом — на озеро Рица. Уже тогда все было кончено... когда? Когда это было? Что кончено? Ноги больше не держат. Оно приближается. Только не оглянуться: увижу — умру. Оно за спиной, сейчас схватит... Уж лучше... Шаг влево. Как я могла забыть, что летаю? Сбросить эти тряпки — и вверх, над горами... Какие откосы... облака... краски...

— Да проснись же! Так жалко тебя будить, но уже без двадцати, опаздываешь... Яичница готова, чай горячий, — мама говорит шепотом, и я, осипнув спросонок, в ответ так же глухо бормочу:

— М-м-м... Спасибо... Сейчас...

Накидываю халат, с трудом попадая в рукава. Плетусь на кухню. В «большой» родительской комнате люстра не зажжена, но кухонная лампа сквозь приоткрытую дверь слабо озаряет комнату. Диван не прибран — мама только что встала. На полу разложен ветхий, весь в мелких дырочках тюфяк. А на тюфяке в обнимку с боксеренком, одетый, спит сном праведника коварный домашний деспот — папаша.

— Коля пожалел его! — громовым шепотом восклицает мама. — Он так плакал, сердце разрывалось. А на диван нельзя, ты права, пес тогда и взрослый захочет там спать. По-моему, Коля нашел соломоново решение...

Нет, не умеет мама шептаться. В другое время отец не преминул бы проснуться и отпустить ядовитую реплику по поводу ее похвальных стараний соблюсти тишину. Но сейчас, измученный ночным концертом и умиленный собственной добротой, он продолжает мирно почивать. Сморщенная, как печеное яблоко, мордочка щенка покоится на сгибе его локтя.

2. Колебания по поводу жанра

Вернувшись вечером со службы и открыв дверь своим ключом, с порога слышу доносящийся из кухни голос Веры:

— Ужасно, что я так редко бываю дома. Когда я здесь, все время стараюсь быть с ней, не оставлять ее одну. Но пятый курс, сессия...

— Эй, привет! — кричу, спеша прервать эти излияния. На благодарность я сейчас не способна и вообще предпочитаю, чтобы они думали о моих невзгодах поменьше. Пустое это занятие.

На мой крик прежде мамы и сестрицы в прихожую выкатывается боксеренок, тотчас от избытка чувств напрудив перед моим сапогом изрядную лужу. Мое вчерашнее приобретение что было сил вертит обрубком и пытается, ликуя, подскакивать на месте. Лапы еще слабоваты, подбросить в воздух такое плотное брюшко им не удается, но это не умаляет восторгов боксеренка. Надо отдать ему должное: он до того мил, что мне даже не требуется растягивать губы в дежурном оскале — они ухмыляются сами.

— Послушай, он совершеннейшая прелесть! — Вера чмокает меня в щеку. — Купить именно боксера — это была гениальная идея! Щенки все симпатичны, но чтобы так... И смотри: его шкура ему пока великовата, это придает дополнительный шарм. А какая она бархатистая!

— Ничего удивительного, — с комической важностью изрекает мама. — Перед вами не какой-то там беспородный кабысдох, а собачий князь!

— Чем сюсюкать попусту, — прогудело из комнаты, — потрудились бы хоть имя животному придумать. У собаки должна быть кличка!

Стареет наш диктатор. Прежде он был злее, зато не изрекал самоочевидных истин с величием мудреца, делящегося с толпой перлами своей мысли.

— Как же такое назвать? — Вера театрально обхватывает голову ладонями, еще пышнее взметая дивные золотисто-пепельные кудри. — Я предлагаю: Цицерон! Скажете, не импозантно?

— Это внушает опасения, — посмеивается мама. — Как бы юноша не вырос пустобрехом!

Их оживление искусственно. Какой же тоски надо было нагнать на домочадцев, чтобы вынудить их так преувеличенно резвиться по столь мелкому поводу! Мы будто на сцене, играем средней руки водевиль... Или мне уже всякое веселье кажется ненатуральным?

— А не найдется ли имечко подлиннее? — из-за стены придирается отец. — Мелко плаваете, был ведь еще Навуходоносор!

— Тогда уж Ассаргадон! Или Артаксеркс! — нельзя пропускать первый за четыре месяца повод поболтать с ними, как ни в чем не бывало. — Забыла вас предупредить: клуб ставит условие, чтобы кличка начиналась на «А». То же касается всех его братьев и сестер — это у них неаппетитно называется «помет».

— В таком случае Ас, — благосклонно роняет отец. — Коротко и неординарно.

Вот и конец нашей непринужденной беседе. Придется возразить, а он этого не терпит:

— Глухой согласный на конце не звучит. Когда я буду звать в лесу свою собаку, все окрестные грибники разбегутся и залягут в кустах. Подумают, будто я призываю на помощь. Если человек среди чащи вопит «А!», как не предположить, что его грабят?

Мама и Вера радостно смеются: для них главное, что я худо-бедно пошутила. Отец, надувшись, разворачивает «Известия» и погружается над ними в присущие ему размышления о судьбах народов и государств. А я вспоминаю, что недавно где-то читала... как же это было?.. Да-да, вот оно: «Мы играем с соседской собакой, боксером Али...» И потом, через несколько страниц: «Мы хороним боксера Али и его хозяев...» Воспоминания о военном детстве. Дело происходит то ли в Германии, то ли в Австрии. Зеленая книжка в жестком переплете, и хорошая, кажется. Я слишком слаба в немецком языке, чтобы об этом судить. С год тому назад, когда между мной и Виктором уже начинались нелады, но я еще не желала признавать их серьезными, мне ни с того ни с сего взбрело в голову освежить свой немецкий. Злополучный немецкий, которым я так пренебрегала и в школе, и потом, в университете! Немка, что вела занятия в нашей группе и попортила мне немало крови, остолбенела бы от изумления, узнай она, что Гирник через три года после окончания курса по собственной воле открыла немецкую книжку. Унылая тень этой женщины с красными руками прачки и физиономией, на которой за последние двадцать лет не изображалось ничего, кроме верности постылому долгу, витала над моими штудиями, впрочем, скоро забытыми. Надо полагать, я безотчетно старалась чем ни попадя заслониться от того, что пришла пора осознать.

Значит, Али?

Отменное имя. Но душа не лежит...

В чем дело? Неужели в том, что «мы хороним»? Ах, так я становлюсь суеверной? Полный распад личности: мало того что размокла и отупела от тоски по субъекту, утратившему все права на уважение! Теперь, выходит, еще подвержена беспредметным страхам? Ну уж нет!

— Назовем его Али. И коротко, как папа хотел, и звать удобно. Слышишь? Ты — Али. А хорош чертовски. Однако хватит, иди, ну?

— Али! Ура! Замечательно! Сашка, ты молодец... постой, ты куда это собралась? Ведь только что вернулась, на улице хоть глаз выколи... Посидим в тепле, с Али поиграем, что еще нужно для счастья?

— Для счастья ничего, но для здорового сна рекомендуется променад. Я ненадолго.

— Я с тобой!

Вот досада: похоже, Вера всерьез полагает, что меня лучше не оставлять одну. Глубочайшее заблуждение, но разуверять не возьмусь. Обидится... Я стараюсь никого не обижать. Вести себя прилично. Это все, что мне остается.

Фонарей мало, мы идем, оскальзываясь в темноте, едва видя друг друга. Это хорошо. Можно расслабить лицевые мускулы, натруженные притворными улыбками.

— Что делается в ликбезе? Как твоя сессия?

— В общаге то же, что и всегда. Прею над книжками. Ритка шастает в поисках свежих впечатлений. Вваливается поздно ночью и с порога возвещает либо: «Вера! Народ интересен!», либо «Вера! Народ мерзок!» Далее — страстная система доказательств. Сессия кошмарна, я, как обычно, в панике, но надо думать, что и на этот раз обойдется... Шурк!

— Да?

— С тобой поговорить можно?

— А до сих пор ты что делала?

— Чирикала. А хочу поговорить.

— Валяй.

Маленькая, но революция. Доселе мою суверенность в семье, спасибо им, так чтили, что вопросов не задавали. С полгода назад, когда Вера, погруженная в романтическую меланхолию и докучные науки, почувствовала, что у нас не все в порядке, она и не подумала расспрашивать. Вместо этого сочинила в довольно динамичных, растрепанных стишках «Балладу о Гегенюбере». Там описывались приключения заколдованной красавицы по имени Гегенюбер, которая, заманив кавалера в свои объятия, убивает его ударом толстенной дубины за то, что, утомившись ласками, осмелился вздремнуть в ее присутствии. Что примерно означало: не очумела ли ты вконец со своим проклятым максимализмом? Человек так к тебе относится, а ты...

Хоть на душе было более чем кисло, вызов я приняла и за вечер состряпала «Сказанье о королевском саде», где также в рифму излагала притчу о вздорном нищем короле, по зимнему времени навравшем, будто болото перед его дворцом — прекрасный сад, из-за чего весенней порой, когда трясина раскисла, легковерный гость прежалостным образом в ней утоп. Отделка стишков была построже, чем у сестрицы, но по части обаяния мой опус явно уступал. Жанр обвинительного акта не принадлежит к разряду поэтических: мол, гляди, какая свинья твой подзащитный... Объясняться подобным манером может придти в голову только филологам, филолог — это, конечно, диагноз.., впрочем, и поныне не думаю, что способ этот по части задушевности и информативности сильно уступает традиционному: «А я ему грю... А он мне... А я...»

Ознакомившись со «Сказаньем», сестрица покрутила головой, выразив тем сомнение в моей справедливости, вслух же с похвалой отозвалась о форме этой угрюмой писанины. Вскоре я объявила домашним, что со Скачковым развожусь. Мирно, без взаимных претензий. Все окончательно, обсуждать нечего. И наступило многонедельное молчание — неестественное, истяжное «молчание о»... Будто в доме лежал

покойник, которого почему-то невозможно в подобающие сроки предать земле. Так что теперь веркин демарш меня почти обрадовал.

— Знаешь, мама надеется, что вы помиритесь. Говорит, он, дескать, чудесный парень, обожает тебя, а в тебе разбушевались отцовские фамильные демоны, но по существу ты ведь добрая и отвечаешь за себя. Это она так думает. А папа ей сказал, что «с Виктуаром покончено», но ты страдаешь, ты в опасности. Так кто прав?

— «Она страдала. Вихорь шумный, свистя, покров ее клубил»... Онто откуда может знать? Утром, уходя на работу, я говорю ему «До вечера!», вернувшись, здороваюсь, перед сном желаю спокойной ночи. И могу тебя уверить, что, исполняя этот ритуал, ни разу не зарыдала глухим басом. Тем не менее прав — он.

— Ужас... Не может быть... Совсем никакой надежды? И маму жалко. Она Скачкова любит.

— Если будете опять мыть мне кости, объясни ей, что драматизировать не стоит. Он влюбился в другую. А мне захотел напомнить, что у мужчины есть особые права. Начал надираться до рвоты, хамить и строить куры моим приятельницам. Аське голову морочил, Римме, Валентине... В общем, лодка перевернулась, и у нас у обоих появилась возможность освежиться.

Умственно выдающиеся шерифы в американских боевиках острят в подобном стиле. Но мне так проще: меньше вероятность, что разревусь.

Приостановившись посреди пустынной улицы и поймав меня за рукав, сестра пытается в темноте рассмотреть, смеюсь я или говорю серьезно.

— Версия для мамы?

— Версия. А если хочешь, и правда. Для меня все сложнее, но это ж мой род помешательства — усложнять. Думаешь, я кочевряжусь, не хочу говорить? Да я бы охотно... Могу рассказать, какой Скачков низкий негодяй, а я невинная овечка. Или, как маме кажется: я — монстр гордыни и деспотизма, а он — чувствительная душа, угодившая в жернова. Берусь состряпать из этого трагедию, слезливую драму или фарс, и нигде не погрешить против фактов. Только что мы вчетвером ломали голову, как щенка назвать. А тут надо найти имя раздору двух не самых бесхитростных людей. Он утверждает, что я никогда его не любила...

— Идиот!

— Не уверена. Может, это и правда была не любовь. Какая-то другая жажда, которую, наверно, утолить нельзя, даже хотеть этого не надо бы. Но если так, мне и любви не нужно, и вообще ничего... Мы с тобой когда-то постановили, что не подобает выворачивать душу наизнанку. А это невозможно, только и всего. Технически недостижимо. Всем, кому кажется, будто они изливают самое сокровенное, только и дано, что изложить версию...

Еще не хватало! Язык мелет сам по себе, нагло вырвался вперед, предоставляя мыслительному процессу плестись в арьергарде. Род истерики. Противно: стихия словоблудия уносит тебя, как щепку...

— Но ты могла бы бороться!

— И ты туда же. Зачем? Если бы между нами встало что-то внешнее, я бы на все пошла. На все, понимаешь? Но это же чушь, мелодраматическое беснованье. Ни от подвигов, ни от преступлений толку не будет. Нас прежних больше нет. Что я могу? Изменить прическу? Понизить уровень притязаний? Расстелиться ковриком? Скоропостижно родить? Сыграть на ревности или жалости? Мужичонко забаловал, но есть бабьи способы не дать ему уйти. Это называется удержать мужа. А на что мне муж?

Сколько мертвых слов. Я стараюсь не врать. Напрасный труд. Правда так же мертва, как самые последние враки.

— А эта другая, она существует? Кто, откуда взялась?

— Никогда ее не видела. Знаю только то, что сказал сам Скачков. Они вместе работают, и это она сделала первый шаг... воображаю, какой павлиний хвост он предварительно распустил! Видимо, хорошая девочка, да и он не так глуп, чтобы связаться с дрянью. Она на три года моложе меня. Не в пример мне длинноногая. Восторженная. Росла без отца, мечтала о мужчине старше себя, о мужском руководстве, и вот в Скачкове ей почудилась эта нравственная зрелость...

Внезапный — на нервной почве, должно быть, — смех прерывает мое повествование на полуслове. Вообразив милого, в общем-то, ее сердцу Скачкова в подобной патриархальной роли, смеяться начинает и Вера. Мы обе хохочем всласть, до слез, — наш полузабытый детский способ разделываться с бедами. С моей так не справиться, но минута хороша.

Отсмеявшись, Вера облегченно вздыхает:

— Уф! Слава Богу! На страдалицу ты не слишком похожа.

— Боюсь, что слишком. Самочувствие неописуемо гадостное. Не была наркоманкой, но подозреваю, что смахивает на ломку. Если еще не хуже.

— Ты вот что учти, — сестрица поворачивает ко мне большеглазое, вмиг посерьезневшее лицо. — Ни отступать, ни падать тебе нельзя. Некуда. У тебя за спиной я. Всю жизнь так было, и теперь так. Падая, ты сомнешь меня. Ты-то потом, может, еще и поднимешься, но меня уже не соберешь. Запомни!

Мы все — что я, что Скачков, что Вера — в ту пору изъяснялись, мыслили, чего доброго, и чувствовали сплошными метафорами. То продирались сквозь их колючие заросли, то блаженствовали под их пышной сенью — ну да, я и тут их наворочу до полного непотребства, без этого не обойтись. Что до последней вериной метафоры, это уж, слава Богу, преувеличение. Но трогательное.

На обратном пути мы уже обсуждаем ее дела — даже при самом нежном сочувствии Вера не в состоянии долго поддерживать беседу о

чем-либо другом. Сейчас я признательна ей за это. Ее юношеский запоздалый эгоизм ничуть не хуже моего преждевременного эгоизма мрачной развалины. Ведь и я, хоть исправно подаю нужные реплики, вовсе не думаю о ее печалях, с настороженностью опытного больного прислушиваясь, как там поживает моя боль в середине груди.

— Наверно, я зря отказала Вадиму. Если бы не влюбилась в Богдана, я бы так не поступила. Там все было безнадежно, а все-таки стать женой его друга казалось и тяжело, и некрасиво...

— Прежде всего скучно. Ты бы взвыла на второй месяц.

— Я рискую взвыть и сейчас. Помнишь, как я рвалась в университет, как верила, что там начнется интересная жизнь? Ну и что? Не так-то она и увлекательна, а теперь ей конец, до выпуска осталось всего ничего. Потом служба, ты лучше меня знаешь, как оно... На что теперь надеяться? Мне двадцать пятый год — и ни одного стоящего романа.

— Хватит прибедняться. За тобой вечно кто-нибудь таскался, изнывая от восторга. Это при том, что на филфаке сплошные девицы, сама Афродита осталась бы на бобах.

— Ну и я осталась! Всем моим победам грош цена. Катышев был влюблен в каждую юбку, в мою — только чуть больше, чем во все прочие. Богдан не в счет, хотя ради него я бы на все пошла. Но он-то потоптался вокруг да около запретного плода, посожалел, зачем он муж и отец, и испарился. Вадим — да, и стихи мне читал, и букеты таскал, и по вернисажам водил, а толку? Все портил: «Для меня главное семья, я полюблю ту женщину, которая родит мне детей!», «Почему ты не хочешь быть попроще?», «Время идет, с такими запросами можно вовсе замуж не выйти»... Изумительный способ вскружить девушке голову! А при всем том теперь я понимаю, что этот зануда был прав. Филфак — женский монастырь, среди твоих друзей я вечно на вторых ролях прелестного дитяти, а теперь и эти компании распались, что же меня ждет? Еще год-другой, и я — старая дева! Тебе хоть есть что вспомнить...

— Не дразни судьбу. Эти воспоминания перевариваются, как хорошая доза отравы.

— А я предпочла бы их: все лучше пустоты. Чувствовать себя одинокой стареющей женщиной, которая никому не нужна...

— Во-первых, потише в моем присутствии: я-то старше. Во-вторых, никто не принял бы тебя за одинокую стареющую. И потом, знаешь, человек, у которого есть кому десять раз в день пожаловаться на одиночество, еще не вполне Робинзон.

— Не надо играть словами, ты же прекрасно понимаешь, что это совсем другое!

Родителей мы застаем сидящими на полу. Они заняты щекотаньем щенячьего пуза. По очереди: пузо у Али не столь обширно, чтобы можно было предаваться такому наслаждению вдвоем.

3. Последний «Абдул Гамид»

В иные моменты сомневаюсь, доживу ли до весны. Силы тают: на свой третий этаж без лифта я уже не взбегаю, а плетусь с одышкой, как старуха. Простуды добивают обескураженный организм, гвоздят и гвоздят почти без перерыва. Участковая врачиха, пожимая плечами, настаивает на госпитализации, на обследовании. Я отнекиваюсь: мне-то причины происходящего понятны.

Щенок заболел чумкой. Поскольку я валялась с очередным ОРЗ, к ветеринару его таскала мама. Возвращаясь, она увлеченно пересказывала подробности приключения:

— Было ужасно скользко, дорога неровная, я все время боялась упасть и зашибить Али. А он поминутно вылезал из сумки, два раза чуть не шлепнулся на обледенелую дорожку! Но на взгорке за шоссе, где мне пришлось особенно туго, навстречу попался добрый прохожий. Увидел, как Али бунтует в сумке, да как закричит: «До чего же прелестный парень!» И помог мне одолеть склон. Кстати, ветеринар тоже находит, что Али великолепен. Он уверен, что вылечит его, мы захватили болезнь вовремя. Но в следующий раз я буду умнее и замотаю сумку веревкой. Молнию этот младенец Геракл разнес в два счета!

Замучившись, взмокнув, она тем не менее гордится неуемным «младенцем Гераклом». Его обременительные выходки забавляют ее. В доме только и разговоров, что Али изгрыз новые туфли, расколотил предпоследнюю приличную чашку, оросил упавшую на пол не дочитанную отцом газету... Все эти неприятности доставляют ей массу удовольствия.

— Ты напоминаешь безумную бабушку. У меня такое чувство, будто я одарила тебя внуком! — замечаю, слегка досадуя.

— Типун тебе на язык! — простодушно откликается мама. Серьезного бремени ей не хочется, с нее довольно. Она остро, по-детски нуждается в радости. Лишаясь ее, мама сникает, с нею — по-прежнему готова презирать усталость, бедность, вплотную подступившую дряхлость. Прежде мы со Скачковым, а иногда и Вера, умеющая вспыхивать легким внезапным остроумием, наперебой развлекали и смешили ее. Это было славное, благодарное занятие. Теперь Скачков исчез, Вера скучно забеспокоилась насчет предназначения женщины, я и подавно никуда не гожусь.

— Боже мой, Шура, когда же ты опять станешь веселой? — однажды вырвалось у мамы. Это прозвучало так горестно, что даже у меня, оглохшей к чужой печали, сердце упало. Дошло: мама не просто мне сочувствует — она сама пропадает со мной заодно, чахнет без радости, как можно зачахнуть без пищи и воды. И я не в силах ничего с этим поделать.

Зато Али смог. Мне от него никакого проку, я чувствую себя человеком, на старости лет получившим в подарок игрушку, о которой мечтал

в детстве. Но о своей ошибке не жалею: как же он кстати в нашем приунывшем доме! Ему удается развеселить даже отца. Любуясь новоявленным членом семьи, он не забывает посмеиваться с надменной снисходительностью, но не скроешь: тоже пленен. А поскольку в отличие от мамы папаша не чуждается пафоса, именно из его уст я в один из своих бессонных вечеров услышала за стеной ошеломляющую фразу:

— Наш долг сделать так, чтобы это существо было счастливым!

Стоило изводить от мала до велика всех, до кого мог добраться, чтобы, перевалив на восьмой десяток, обнаружить в боксеренке единственный объект, достойный таких стараний! Жизнь не на шутку меняется. Круглый, резвый, переполненный лаской щенок уже вытесняет меня если не с жилплощади, то из сердец. И правильно, и отлично...

— Честное слово, мне кажется, он понимает слова!

— Неужели? Ты только теперь это заметила?

— Пора давать ему побольше творога.

— А витаминная добавка? Ты не забыла ее удвоить?

В первых числах января нагрянули гости. С гигантскими пакетами снеди, с вином — из нашей прежней компании Толя Катышев был самым богатым и щедрым, ценил такое свое реноме. На этот раз повод пошиковать был особенно увесист: не только Новый год, но и новая жена. Пора нас познакомить! Анатолий и пасынка десятилетнего с собой прихватил, и женина брата.

— До чего жаль, что Верочки нет! Это полное безобразие! Сессия? Фу ты, не подумал. Мы стали преступно редко видеться, Шурка, так недолго и просочиться в канализацию!

Про канализацию — это из Стругацких. В пантеоне толиных кумиров, кроме братьев-фантастов, царят, грозно возвышаясь над всей мировой литературой, Хемингуэй, Ремарк, Ильф и Петров, Багрицкий. И Есенин, трижды Есенин! Когда Катышев, в часы досуга не чуждый литературных занятий, взялся переводить из немецкой поэзии, даже в Гейне вдруг закудрявилось нечто родимое, сережино. Невзирая на этот курьез, переводы были талантливы: повернись судьба иначе, мой гость стал бы поэтом.

Но Катышев был прорабом. Когда нас знакомили, одна язвительная девица, так называемая Натуля, мягко усмехаясь, проворковала мне на ухо:

— Есть запреты, Гирник! Насчет прораба молчи, Толика этот факт его биографии угнетает. О росте и дородстве ни слова: ему кажется, что необходимо быть и куда похудее, и метра на три повыше. Если у вас до этого дойдет (у нее самой «до этого» доходило со всеми), делай что хочешь, только не моги шаловливо ворошить его прическу — Толик полагает, что так и образуется плешь. Но главное, упаси тебя Бог упоминать о возрасте! Это его трагедия: Скачков моложе на пять лет, ты на десять, я на двенадцать, такая арифметика его просто убивает! Серьезно!

Насчет последнего позволительно усомниться: если предположить в Натуле наличие хотя бы одного принципа, то был принцип недопущения серьезности. Подлунный мир смешил ее обилием дураков и безумцев. Ко мне она благоволила, но из общего порядка вещей не исключала. Ее забавлял любой идеализм вообще и все мало-мальски похожее на целомудрие в частности. Меня она ласково презирала, а я не находила возможности, да и нужды помешать ей в этом. Иной раз даже шла на мелкие провокации: умышленно не скрыла, например, что на последнем курсе одно из влиятельных лиц факультета предлагало мне волшебный вариант распределения, надо было всего лишь обсудить детали в приватной обстановке. Я предвкушала эффектную реакцию. И не просчиталась:

— И ты... О, Гирник, нет... ха-ха-ха! Не могу! Ты отказалась, да? Предпочла просиживать жопу в вонючем ЦНИИТЭИ?! Ха-ха-ха!

Не грубый гогот шлюхи, нет — тихий, блаженный, без тени вульгарности смех, как бы то ни было, умного и веселого существа. От смеха Натуля слабела, падала на стул или диван, ее юные пышные телеса жизнеутверждающе волновались. К «предрассудкам» вроде моих она относилась, как просвещенный путешественник к воздержанности дикаря, не смеющего утолить естественную потребность из страха перед табу. Но скорбеть о людском неразумии значило бы впасть в него же. Натуля смеялась: такова была ее реакция на подавляющее большинство явлений действительности.

Окружающие в свою очередь видели в этой оригинальной толстушке нечто вроде клоунессы, но о том, что перед ними не просто общеизвестный тип честной давалки, догадывались, кажется, все. «Героиня Золя! — посмеивался Катышев. — Ги де Мопассана!» Уподобление изобличало ограниченность прорабской эрудиции — на самом деле больше всего Натуля смахивала на игривых сладострастниц Боккаччо: «А дама эта была большая шутница»... «Я и в постели шучу», — говаривала она, за что схлопотала однажды затрещину от не в меру импульсивного любовника, задетого в своей чувствительности.

Вряд ли уязвить Натулю было в его силах. Он имел дело с невозмутимым самородным философом. Эпикурейцем, киником? Так, всего понемножку. И все в ней было из каких-то разных, но далеких, нездешних времен: изобильная, не по-русски воздушная телесность, томная, ленивая плавность, блеклая голубизна и картинная выпуклость сонных очей фламандской мадонны. Вчуже жаль: увяла, не понятая никем из нервических самолюбивых петушков, которым ее щедрые милости доставались слишком легко, чтобы их ценить. Ни за кем не гоняясь, не навязываясь, она никого не отвергала, но и не удерживала. Скачков в свое время бросил ее ради меня: от нее все безнаказанно уходили к другим. Катышев, тот попользовался еще раньше. И никому

не пришло на ум, что он теряет хорошую жену, истинную хранительницу очага. Я и сама угадала это натулино призвание много позже, когда очередной хахаль, смертельно больной и смертельно же стервозный, долго умирал у нее на руках, а она, отродясь ничего этого выспреннего — особой там какой-то любви, дружбы — не признававшая, ходила за ним, как за младенцем, которому уж не вырасти. Спокойная, памятливая сестринская забота. Ни слова жалобы, ни единого истерического срыва, хвастливой ужимки. Тот же ясный лоб. Те же уютные, мягкие жесты. Та же ирония. Только глаза от усталости подернулись туманной пеленой. «В сущности, мне бы хотелось свой дом, а не эту коммуналку с тетей. Ребенка, мужа. Как ни странно, у меня бы получилось. Вот тебя, Гирник, все на какие-то волчьи тропы тянет, а по-моему, дом — это и есть рай. Уют люблю. Да что ж, ничего не поделаешь».

Что до Катышева, он и впрямь был нелепо обидчив. Стоило зазеваться, недодать внимания, как он покидал приятельский круг «по-английски», разочарованный, во всем и вся желчно изверившийся. Помню сокрушенное восклицание сестры:

— Ну вот! Опять Катышев ушел необлизанным!

Однако жизнерадостность в ту пору легко брала в нем верх, и тогда он становился отличным товарищем, вполне заслуживающим, чтобы к его причудам относились бережно. Товарищем, не более того. Но предполагалась дружба. Это предположение дружбы сильного, видавшего виды мужчины и двух поэтичных юных сестер доставляло всем троим немало удовольствия, а пить-есть не просило. Положим, вру. Это для нас не просило, ему-то хотелось большего. Особенно от Веры. Мы же притворялись, будто ничего об этом не знаем. Увы: звонкий мальчишеский смех, чуть утрированная беззаботность, мощная скульптурная голова римлянина (отсюда прозвище — «Публий Катышев»), гордо венчающая тоже атлетическую, хотя не по такой голове низкорослую фигуру, умная седина на висках могли бы, но не делали Анатолия неотразимым. Была в нем какая-то тяжкая и — чудилось — грубая душевная перекрученность, что-то безотчетно настораживающее, отчего Вера, не вовсе равнодушная к немому романтическому обожанию Публия, порой жалобно хмурила бровки, бормоча:

— Всем хорош, а... не могу. Нет, не могу!

Изначально он был для нас только приятелем Скачкова. Виктор не берег друзей: к тем, кто условно считался таковыми, он относился с живой, но поверхностной приязнью поездного попутчика. Пока в одном купе — не разлей вода, а поди потом вспомни, на какой остановке сошел. Но нам с Верой Катышев понравился, и мы помешали ему незаметно раствориться в пространстве, как обыкновенно происходило со скачковскими соратниками по службе военной и штатской, по учебе, походам, командировкам. Мы до того сроднились, что Вера даже заключила с Толей фиктивный брак: предполагалось, что это каким-то обра-

зом поможет ему решить жилищную проблему. Как впоследствии выяснилось, дело было дохлое, но та выходка осталась в памяти милой проказой. Знойный, июньской зеленью шелестящий день, окраинный ЗАГС, мы со Скачковым, в качестве свидетелей ставящие на официальной бумаженции свои подписи — в подражание булгаковским демонам мы там начертали «Панаев» и «Скабичевский», — потом легкая попойка в «Арарате», мечтательные взоры, бросаемые Катышевым на фиктивную супругу, иллюзия, что дерзостно надули государство, — мы были в том возрасте, когда такие пустяки кажутся вкусны и шипучи.

И вот наш неприкаянный Публий, наконец, обрел настоящую подругу жизни:

— Мы встретились случайно! — звеняще восклицает виновница торжества, сжимая крупной рабочей, с ярким маникюром рукой нашу единственную рюмку (остальным достались разнокалиберные стаканы). — Толя пригласил меня в гости на октябрьские праздники. Ты, хитрый, может, думал, я не приду? Ой, Шур, он не признается, а я считаю, назавтра вовсе о своем приглашении забыл! А я пришла! Потому что сразу увидела: этот мужчина для меня! Мне — подходит! Я много в жизни пережила, но не трусиха, этого нет! На поступок способна! А теперь он навсегда мой! Да, Толик? Шур, если не секрет, твоя сестра вправду только так с ним расписалась? И не жила? Из одной дружбы? Вот же люди какие бывают, счастливый ты, Толик, на друзей! И я теперь с тобой счастливая, мы же вместе дружить будем, да? Вы, ты то есть, Шур, не думай, мы заявление уже подали, свадьба через три недели. Приходи, и чтобы никаких отговорок! Толь, не видишь, у меня рюмка пуста? Почувствовал себя мужем законным, так сразу и невнимательный?

С опаской поглядываю на мальчика. Веснущатый тихий пацан. Материнские просьбы исполняет вежливо и сразу. С Али обращается бережно. Злобных рож новоявленному отчиму не корчит. Такого не каждая одиночка воспитает — она, наверное, неплохая, эта Тоня. А что мне впору лезть на стену от ее интонаций, еще не довод: на стену-то меня теперь по любому поводу тянет.

Кудряшки. Крашеная блондинка. Плотненькое, малость топорное личико. Упрямый крутенький подбородок говорит о том, что останавливание коня на скаку впечатано в генетический код. А глаза хорошие: теплые, карие. Может, ничего?..

— Сынок, спусти собачку на пол! Сколько повторять? Помнишь, как в позапрошлом году лишай подцепил? Ой, Шур, я это не к тому, чтоб намекнуть, что грязно у вас, я и в виду не имела!

— Да что тут намекать? У нас действительно пылища, хозяйки мы с мамой плохие. И вы правы: инфекции лучше остерегаться.

— Не вы, не вы, а ты! Мы же договорились! И никакой пыли я у вас не заметила! А инфекцию американцы в подъезды к советским людям подбрасывают, от них разве остережешься?

— Какие американцы? — теперь я уже испуганно кошусь на Катышева: по мне, обнаружить в любимой подобные представления хуже, чем застать соперника в ее кровати. Но Публий невозмутим, и я впервые догадываюсь, что он не считает ум важной принадлежностью женского пола.

— Ну, шпионы, наймиты ихние, они везде могут пробраться. И все про это знают, а когда Леша заразился, соседка моя, как проведала, все равно здороваться перестала. Будто мы виноваты! А то заходила, взаймы брала, я, если есть, никогда не откажу, я к ней как к подруге, а она нос воротит! Сколько злых людей на свете! Но мы о них думать не будем. Мы выпьем за нашу Шурочку, чтобы все у нее было хорошо, и здоровье, и любовь, и семья новая, крепкая, правда, Толь?

Мы сидим на кухне, теснясь вокруг крошечного столика. Дверь, ведущая в комнату родителей, по обыкновению отошла, и я слышу многозначительное кряхтение: «Э-хе-хе-хе!» — тянет папаша. Когда провожу гостей, обязательно примет вид утомленного графа — даром что на щеках седая щетина, а темя венчает целлофановый пакет, прикрывающий плешь от сквозняков, — и ба-а-асом, врастяжку осведомится:

— Александра! Что это за визгливый кастрюльтрест? С каких пор ты так неразборчива в знакомствах?

И придется давать отпор агрессору.

— Саша, пошли покурим на лестнице?

— Я же не курю.

— Ну, за компанию. Поговорим. Столько не виделись!

Учитывая ситуацию, идея сомнительна. Но Катышеву виднее. На лестничной площадке темновато, прохладно, тихо. И никто не подносит, это тоже плюс. Застолья мне давно не в кайф: с тех пор как начала через силу пить больше, чтобы Виктору меньше досталось. Хмель при этом разом утрачивает всякую прелесть. Похоже, навсегда. И пьяная беседа становится решительно неприятной. Именно то, что меня сейчас ожидает: Толя крепыш, но выдуть успел многовато. Он сразу берет быка за рога:

— У нас Скачков был. Грустный! Раньше, говорит, хоть утром на вокзале можно было тебя выследить, а теперь ты, видно, по другой ветке ездишь. Не думал, что ты такая жестокая.

— Такая простуженная. Все больше на бюллетене. Но насчет другой ветки — мысль, надо попробовать. Зачем это выслеживание? Чего ради он тянет кота за хвост? Он ведь женится, ты в курсе?

— Ну да, — неохотно признается самозванный посредник. — Лара. Она ничего, но вы с Витей — это же, Сашка, было нечто! Если даже у вас не вышло, во что верить, на что рассчитывать, ну, хоть мне сейчас? Тогда, получается, никакой надежды вообще нет? И для нас с Тоней? Ни единого шанса?

В увлечении он хватает меня за руку, хочет, жаждет внушить то — не знаю что, да и сам он не знает...

— Милый, не долго ли ты куришь?

В проеме двери — Тоня. Улыбается. Но лучше бы перестала. Если дежурный оскал всегда выглядит так, разумнее от него воздерживаться. С запозданием соображаю: выпархивает счастливая невеста на лестницу и видит своего Ромео пылко мнущим за локоток эту подозрительную, малопонятную разводку. Ничего себе! Бездарно выдавая свою виновность смущением, веду дорогих гостей обратно, за столик. Разволновавшийся Катышев щедро наполняет стаканы:

— За Шуру!

— Толь, за Шурочку мы уже пили. Забыл? Тебе, наверное, вина больше не надо. Головка кружится?

— Ничего я не забыл! А кружится — да! За Шуру, потому что это человек, за которого до утра можно пить! Вы ее не знаете, это такой... такая... Председательница оргий, вот как мы ее звали, когда, бывало... эх, скажи, ведь хорошо было, Шурка? Признайся: все равно хорошо, как бы ни кончилось! А в Судаке, на скале, нас там после молодого вина чуть волной не смыло?.. А на карьер когда ходили с шашлыками, ты еще босиком на пчелу наступила и глазом не моргнула, ну?!

— Бедной пчеле повезло мéньше.

— Нет, вы представьте: даже глазом... только потом захромала, вот какая! А на той квартире в Лосинке, помнишь, как я пел: «О ночь мечты волшебной!..»

— Нет! Пожалуйста! Не надо сейчас петь, поздно. Отец...

— Прости! Не буду! Шурка ты, Шурка... Я стихи тебе лучше почитаю, тихо, отца мы не потревожим! Блока, ты ведь его любишь, я не ошибаюсь? Она проходит между пьяными, всегда без спутников, одна...

Дыша духами и туманами, я в ужасе костенею на своей табуретке. Как его остановить? Ногой под столом лягнуть? Но ведь с него станется в простоте душевной завопить: «Ты чего пихаешься?!» Не трудно понять, как ревнивица это истолкует! А тут еще братец без речей — как его? — Сева уставился мутным взором загипнотизированного таракана. Все трое пялятся на меня, не отрываясь: попробуй тут предпринять что-нибудь!

— Ну, все! — голос Тони вибрирует от возмущения и непролитых слез, на щеках алые неровные пятна. — Вы как хотите, а мне пора! — она устремляется в прихожую, рвет пальто с вешалки, продолжая с подвывом декламировать: — Мне есть куда пойти! Я не домой, нет, я к Любе поеду, там подружки мои дорогие собрались, они звали меня, они меня ждут, и я приду! У нас праздник сегодня, мы с моими девчатами и попоем, и попляшем, и посмеемся!

Ошалевший Катышев тупо мигает маленькими воспаленными гляделками. Я встряхиваю его за плечи, шепчу:

— Не отпускай ее одну! Успокой! Скорее!

Все вываливаются вслед за Тоней в прихожую, Катышев телом заслоняет дверь, что-то бормочет. Сева вторит ему. На заднем плане мы с забытым всеми конопатым мальчишкой растерянно наблюдаем эту душещипательную сцену. Тоня, уже успевшая натянуть сапоги, наконец, позволяет братцу и жениху снять с ее плеч и кое-как пристроить обратно на крюк пальто с оборванной вешалкой.

— Пойдемте лучше в мою комнату, — лепечу я, — на кухне тесно, душно...

В комнате диванчик. Я забиваюсь в угол, пытаясь занять как можно меньше места. Недотепа Катышев, так и не взяв в толк, что, собственно, произошло, плюхается тоже. Пьян, как зюзя, того и гляди «Абдул-Гамида» затянет — это у них со Скачковым симптом предельного насыщения. Тоня.., ого, Тоня выступила на тропу войны! Пригвоздив меня взглядом, в котором добродетельное презрение порядочной женщины соединяется с неистовством вакханки, она лихо усаживается Публию Катышеву на колени:

— А что, Толь? Я жена тебе, мне ведь и так можно, да? Нам с тобой стыдиться нечего! Обними меня, милый, я позволяю, обними покрепче!

В подтверждение своего торжества она задирает ноги так, что сапоги — антрацитно-черные сверкающие «сапоги чулком» — оказываются на уровне моего носа. А тут еще — ну, так я и знала:

Абдул Гамид был парень бравый,
Ему Аллах здоровье дал!
Он мусульманские державы
В свои гаремы превращал!

Балладу о похождениях сластолюбивого турецкого султана, его кровожадного военачальника Осман-паши и прекрасной туниски Зульфары я слышу в тысячный, но сегодня, видимо, последний раз. Если, конечно, после смерти в ад не попаду: там-то уж непременно запустят... Невозможно поверить, что когда-то, поначалу, песнопение это мне казалось забавным. А оно, надобно заметить, не только малость похабное (воображаю, что скажет папа), но и предлинное. Неужели придется все его прослушать, наблюдая сей образчик модной дамской обуви у самых глаз?

Забыл Абдул и честь, и совесть,
Забыл свой сан, Коран забыл...

Но тут из груди Тони исторгается гневный вопль:

— Это еще что такое?! Следы зубов! Собака! Погрызла! Сапог! Они же новые! На той неделе сапоги куплены!

Испортила песню, умница! Происходит легкий переполох, все рассматривают пострадавший предмет, приходят к заключению, что нанесенный щенком ущерб едва заметен, и гости направляются к выходу. Тоня насилу удостаивает меня ледяного кивка. Нет худа без добра: теперь я точно не пойду на их свадьбу.

Дня через два, разбудив меня в половине седьмого — очередной бюллетень кончился, — мама с выражением юмористического ужаса шепчет:

— Посмотри в окно! Вон, торчит под фонарем! По-моему, это то чучело, которое было здесь с Катышевым!

Вглядываюсь. Так и есть, Сева! Припомнив его многозначительные липкие взгляды, понимаю, что несчастный решил взять меня в оборот. А на улице стужа.

— Мама, выйди, пожалуйста, позови этого идиота, пусть хоть стакан горячего чаю выпьет.

— Смотри! Потом не отвяжешься.

— Как-нибудь отвяжусь. Там же холодина градусов под двадцать, черт бы его побрал!

— Вообще-то ты права. В такую погоду отец приказывал слугам даже филера, дежурившего под окном, зазывать на кухню и поить чаем. «Какой, — говорил, — ни на есть, а человек». Приятно видеть в тебе его достойную внучку!

Судя по живущим в доме воспоминаниям о деде, малорослый (гены вечно сказываются, где не надо!), но мощный духом доктор Трофимов меня бы удовлетворительной внучкой не признал: филера-то угощали не за тем столом, где завтракал хозяин! И, сколь бы предосудителен ни был род его занятий, озябший топтун не имел претензий войти в семейство. В противном случае легендарный дед предоставил бы ему коченеть за воротами, сколько влезет. Я же, не располагая лишним столом, дала слабину, и пришлось расплачиваться. Сначала совместным нудным завтраком. Потом Сева вслед за мной влез в электричку, а там и проводил до ворот института, всю дорогу бормоча невразумительную жалобную чушь и пожирая мою особу жадными взорами, а потом галопом унесся в предрассветную муть, чтобы не опоздать к себе на завод, хотя — эти слова он пречувствительно проблеял, — он «там договорился, сказал им, что жизнь решается!»

Назавтра все повторилось. Потом еще. И еще. Поскольку всякий раз я просила больше не приезжать, твердила, что мне жаль, но я по уши занята и абсолютно не расположена ни к роману, ни к браку, робкий вздыхатель в дверь не звонил, а занимал пост под окном. Мороз между тем не спадал, и мама уже сама, без моих просьб звала Севу погреться.

Лишившись получасового дорожного сна, я валилась с ног еще больше обычного. По временам фигура назойливого спутника, имевшего манеру усаживаться на скамейку напротив, расплывалась перед глазами, а смысл его речей переставал доходить до сознания. И все же я терпела. Как бы Сева ни был скучен, обойтись с ним грубо не хватало решимости. Обезоруживала мысль, что в этой темной, издерганной душе, в этой оболочке безликого хлюпика может обитать нечто вроде

любви или хотя бы влюбленности, заведомо безнадежной. Как это, должно быть, тяжело! Мне всю жизнь казалось, что когда один любит, а другой нет, первый тем самым выше второго, даже если уступает во всем прочем. Из-за подобного предрассудка мне так ни разу и не удалось отвергнуть кого-нибудь с эффектной надменностью. Умозрительно меня соблазняла такая поза, но, столкнувшись с конкретным случаем, я впадала в замешательство и начинала что-то виновато бубнить. А тут надо упереть руки в боки и рявкнуть: «Посмотри на себя, ублюдок! Кто ты и кто я?! Не смей мне больше пейзаж портить!»

Немыслимо. Нет. Надо по мере возможности обеспечить щадящую развязку. Чтобы сам понял, что ошибся, я ему не пара. На четыре года старше. Неумеха. Растрепа. Вечно сонная, чудаковатая тетка... Я надеялась, что сумею помочь ему увидеть меня такой, благо подобная трактовка моего образа вполне возможна.

Скольких усилий потребовало бы вразумление Севы, удалось ли бы вежливо разжать его мертвую хватку, не знаю. Но пришло избавление. Вероятно, оно могло бы явиться и раньше, будь я повнимательнее к личности смиренного поклонника.

— Я к вам так ходить привык, прям тоска, если не смогу. А вчера было нельзя, мой черед пришел на проходной дежурить, в патруле опоздавших вылавливать.

— У вас там все по очереди обязаны друг друга вылавливать? Ну и порядки!

— Почему все? Только желающие.

— Так вы сами захотели? Зачем?

В сладких молящих глазках проступила незнакомая жесткость. Кончик языка, высунувшись, бойко облизнул и без того мокрые губы:

— Это власть, Сашенька. Приятно. Совсем по-особому себя чувствуешь. Мы ж не ко всем одинаково, тут есть подход. Кто объясняет, почему опоздал, прощенья просит, тех мы пропускаем. А уж кто гордится, просить не желает, ему неприятности будут. Все от меня зависит, с кем как поступить!

«Ах ты гнида!» Насилу удержавшись от этого не в меру чистосердечного восклицания, я в тот же день позвонила Катышеву:

— Просьба к тебе. Даже просьбища. Сева меня преследует. Под окнами стоит, ноет. Я объясняла, что нет, ни теперь, ни потом, а он видит в этом только повод усилить напор. Поговори с ним. Тоню не впутывай, она и так ко мне неважно относится, но ему скажи что хочешь. Что я вернулась к мужу, что у меня ревнивый любовник-бандит, что я больна дурной болезнью — все на твое усмотрение. Лишь бы отстал. А то у меня терпение лопнуло: если еще раз его увижу, скажу такое, что самой страшно.

— Да, конечно. Понимаю. Сделаю. Извини, что так вышло.

Что Катышев сдержит слово, сомневаться не приходилось. Но многолетнему приятельству конец. Прошлое отваливалось кусками, как штукатурка с обветшавшего строения. Моя победоносная юность. Мертвые, пыльные пласты.

4. Пестрые открытки

Это была самая длинная зима в моей жизни. Острая боль, будь она в разбитом сердце или в прогнившем зубе, имеет свойство неимоверно растягивать время. С ней трудно вытерпеть минуту, час, день. А тут — месяцы. Подобно больному человеку, который мечется под одеялом, ища позы, что принесет хоть малое облегчение, или захворавшему зверю, рыщущему в чаянии целебной травки, я цеплялась за любую возможность хоть что-то изменить. Пореже бывать дома. Меньше сидеть на службе. Лучше бы вообще не оставаться на одном месте... И тут повезло — начальство предложило съездить в Обнинск на двухнедельные курсы издательских работников. Курсы ведомственные, ведомство не бедное: обещали отдельный номер в гостинице. Я простилась с домашними, напоследок потрепала Али по толстому брюшку — уже избалованный, боксеренок теперь переворачивался на спину с кокетливым самодовольством — и пустилась в дорогу, пообещав присылать открытки.

Номер мне и вправду предоставили одноместный, по моим скромным понятиям уютный: то ли с паласом, то ли с ковровым покрытием. Вот только — девятый этаж... Окно на легкой задвижке, открыть проще простого. И глубоко внизу — надежный, твердый асфальт с наледями. Я запретила себе даже приближаться к этому окну. А когда искушение уж совсем одолевало, принималась крыть себя грязными площадными словами, каких ни раньше, ни позже в моем лексиконе не водилось. Никогда бы не поверила, что в столь примитивном средстве может быть прок. Но кажется, был.

Занятия проводились в соседнем с гостиницей здании, народу со всех концов нашей необъятной понаехало много, однако посещаемость контролировали. Я приноровилась было, отметившись при входе, усаживаться в заднем ряду и дремать, с вдумчивым видом упершись лбом в ладонь, а локтем — в крышку стола. На беду, молодая редактриса из Ленинграда облюбовала меня в подруги: садилась рядом, заговаривала, хихикала — мешала. Такая добродушная, оптимистичная. Из тех, кому «все интересно», кто не может взять в толк, как же не стремиться к знаниям. Сведения, сообщаемые лекторами, были либо всем известны, либо никому не нужны, но она прилежно внимала, вылупив глаза и вопросительно поталкивая меня в бок всякий раз, когда что-то казалось ей не совсем понятным.

Три года спустя мне, вроде бы излечившейся от старого кошмара, в ленинградской командировке, в коридоре НИИ попалась на глаза

толстощекая приветливая брюнеточка, с которой, кажется, где-то... С каким диким отвращением я шарахнулась от нее! Шарахнулась прежде, чем вспомнила, кто это, прежде, чем осознала неприличие своего жеста. Она была оттуда, из бреда и мрака той зимы, и что-то во мне темное, по-звериному стремительное ощерилось в яростном испуге, пока неповоротливое сознание растерянно мигало, силясь понять, что случилось.

Ни сном ни духом не повинная в моих ассоциациях, дама, к счастью, ничего не заметила. Через пять минут мы пили кофе в буфете и болтали, как ни в чем не бывало. Она оказалась и милее, и разумнее, чем помнилась мне по Обнинску.

В тот день я усомнилась в своем полном выздоровлении.

Около часу занятия на курсах кончались, и я отправлялась бродить по городку. Серые слежавшиеся сугробы громоздились по обочинам дорог. Темное рыхлое небо провисало, навалившись на крыши девятиэтажек. На соснах, покаркивая, дремотно ворочались черные стаи. Припомнив, что надо купить обещанную родным открытку, я высмотрела киоск «Союзпечати», подошла, глянула... Они были разложены веером: «Поздравляю!», «С днем рожденья!», «Да здравствует» то да се и даже — редкость — «Счастливого путешествия!» Розы, анютины глазки, райские птички, лилии, бабочки. Разноцветный игрушечный парусничек с прыгучими зверюшками на палубе, с пестрым вымпелом на мачте.

— Дайте мне, пожалуйста, вот эту... Нет, еще эту. И вон те три. Да, все три подряд.

Человеческая натура, припертая к стенке, подчас выкидывает странные коленца. Мне вдруг патологически остро захотелось ярких красок. Казалось, я загибаюсь оттого, что кругом все черно-белое. Хоть, разумеется, помню много таких же пасмурных зимних дней, когда в душе неистовствовали все цвета радуги... нет, вот этого не надо. Если ты начнешь хлюпать еще и на улице средь бела дня, я тебе, так тебя и разэтак, в здравом уме и твердой памяти сама окошко открою... «Любезные мои маменька, папенька и сестрица! Мне здесь нравится. Роскошные апартаменты на девятом этаже — достойный приют моей царственной лени. Занятия кончаются рано и трудности не представляют. Сказала бы, что и смысла не имеют, но они имеют его: я отдыхаю, как никогда. Живите праведно. Лелейте Али! Постараюсь написать еще, но если нет, не сердитесь: говорю же, обленилась непотребно».

С тех пор мои блуждания обрели цель. Я искала киоски «Союзпечати» и скупала открытки. Все, кроме октябрьских краснознаменных и февральских красногвоздичных — если и спятила, то не настолько, чтобы и в них найти нечто целительное. Кроме первого, нашлось еще два или три киоска. Моя открыточная коллекция росла. Набралась уже пачечка толщиной с карточную колоду. Я их потом лет пятнадцать

рассылала, прежде чем последние обнинские бабочки полетели — «С днем рождения!» — куда-нибудь в Ригу, Париж или Йошкар-Олу.

Домой я вернулась дня за три до срока формального развода. Февраль был на исходе, но морозы грянули опять, еще свирепее январских. При дыхании воздух свертывался в легких ледяными творожистыми комками, и я боялась свалиться прежде, чем все будет позади. Это была типичная псевдопроблема: официальным церемониям ни я, ни Виктор значения не придавали. Брак в свое время оформили только из уважения к скачковским «предкам», год с лишним кротко сносившим наше беззаконное сожительство. Так называемые простые люди — шофер и деревенская бабуля. Хоть шофер и был бесшабашным старым гулякой, а бабуля — одной из умнейших голов своей эпохи, разврат ученого, но непутевого сына на глазах у соседей наверняка доставлял им много неприятных минут. Впрочем, я и как невестка была не подарком — шальная девка, бесприданница и бездомовница, вечно «в штанах», на велосипеде гоняет, рожать не хочет, разве ж Витька с такой остепенится?

Мы, правда, еще и моего распределения опасались. За Можай силком загонять в те годы было уже не принято, однако в воздухе висело: могут загнать. По закону вправе. А учитывая виды, которые имела на меня влиятельная факультетская персона, опасность возрастала — черт знает, куда его поведет, обманутого в своих ожиданиях? Но уж свадьбы, само собой, не было. Я отказалась категорически, и старики не долго спорили: брачный пир сожрал бы многолетние сбережения. Причем — только их, мои-то родители ничего не сберегали, а если бы что имели, нашли бы этому более осмысленное применение. А так мы ограничились тем, что сводили в приличную кафешку наших двух свидетелей — Толю Катышева и Римму Лукину, не по возрасту монументальную и оттого слывшую «ну просто жутко!» некрасивой переводчицу-германистку. В тот вечер вольнодумный Публий все задирал ее, обзывая «партайгеноссе» за лояльность к властям предержащим. Слушать их препирательства было нудно, да и вся эпопея с бракосочетанием раздражала — не обошлись-таки без благословения Родины-матери!

Римма отбрехивалась флегматично, небольшими яркими глазками посверкивала лукаво, как человек, понимающий что-то свое. Понимала она, видимо, то, что без лояльности благосостояния не видать, а без благосостояния жить скучно. По случаю свадьбы она преподнесла нам узкогорлую хрустальную вазочку для цветов, тяжеленную, как орудие убийства.

Теперь, «когда я пишу эти строки», хотя я-то набираю их на компьютере, Римма работает в частной фирме, превратилась в импозантную матрону, и, даром что солоно приходится, о советской власти не вздыхает: с памятью у нее все в порядке. А вот Катышев, по слухам, коммунист. Да не какой-нибудь, из лютых. Готов, кабы не пошатнувшееся здоровье и остаточные элементы законности, собственноручно всех демократов

передушить. И воспетых некогда его младою лирой сестер Гирник, надо полагать, не помиловал бы: тут ведь принцип превыше всего. Нестойкой в своих державных идеалах «партайгеноссе Лукиной», хоть и целовались, помнится, у костра на бережку, тоже вряд ли вышло бы послабление, она ведь и по части арийской чистокровности подкачала... Нет, не могу смеяться. Будь она проклята, эта загадка природы, разом и плоская и бездонная, так мало касательства имеющая к борьбе классов! Плюнуть, поскорей отвернуться от харь, кровожадно вопящих на митингах: слишком тоскливо вспоминать, что не всегда они были такими. Что искра Божья сияла или, ладно, пусть не сияла, но брезжила когда-то и в них. Однако Катышева тех давних дней я помню и помнить буду: человек был не из последних. И все эти старые цветные картинки из коллекции памяти — «помнишь, в Судаке», «а помнишь, в Загорянке» — некому отослать, они останутся при нас, пока мы существуем. О чем просить судьбу? Теперь уже, наверное, об одном: никогда больше не встретиться.

Этот пассаж, настоянный на мутноватой смеси личных мотивов с гражданскими, вылупился у меня в начале июля. А на исходе августа пришло запоздалое известие. Когда я обращалась к высшим силам со своей легкомысленной просьбой, Анатолия уже два месяца как не было на земле. Это сообщение мне прислал житель Израиля, последний друг, оставшийся у «красно-коричневого» Катышева, невиннейшей души старик из тех, что не обидят и мухи, но — хоть смейся, хоть плачь — сталинист.

Смерть упраздняет гражданские мотивы. А от дружества, пусть и давнего, и полунадуманного, еще долетает слабый свет. Жил когда-то в подмосковном селе мальчишка. Его прозвали Хохотунчиком, такой был веселый. Потом он вырос. Выучился. Пробился в люди. Застолья полюбил, походы, стихи, смелые мысли, женщин. Но всего дороже ему был Хохотунчик — ребячливый дух, не покинувший взрослого, ненавидевшего зрелость. Он мечтал уберечь его любой ценой.

Не вышло. Жизнь, тяжелая и сложная, убила в нем дар беспечности. Этого он ей не простил.

Да и не могло выйти, Публий, дружище. Что такое старый Хохотунчик? Нежить, дитя-призрак с клыками пожилого упыря. Твоя голова уже седела, а он все внушал тебе шальные замыслы и сам же не давал довести их до конца. Вечно ты то жениться собирался невесть на ком, то за границу бежать, то поэму хвалился сочинить о прекрасной пиратке. Даже помню начало:

С утра перепачкан цветными камзолами
На пристани старый гранит.
Сегодня уйдут галеоны за золотом,
Господь нас храни...

Да простятся тебе твои заблуждения. А мне — та нечестивая просьба. Пора бы знать: к судьбе лучше не соваться с пожеланиями. Тебя могут услышать.

Ну, а со Скачковым мы встретились в условленное время в подобающем случаю присутственном месте. Были мы оба смутные, приморенные — он тоже, хотя его-то ждали, он-то был любим. Отделались быстро. А на улицу, в солнечную сверкающую стужу выползли, пошатываясь, словно дрова на нас возили. Скачков впал было в длинную болотистую фразу:

— Но ты ведь, я просто не сомневаюсь, ты уже пережила это, вышла из этого очищенной, просветленной, ты всегда умела...

— Не верится, — тихо призналась я. Уже не нужно было фанаберии, противоборства страстей, мнений, самолюбий. Мы — две грустные тени на том берегу заледенелого Стикса, шелестим что-то, от чего ни на небе, ни на уже ничто не зависит.

— А мне-то как не верится! — вскинулся он, еще противясь, вроде бы не желая признать наше новое потустороннее состояние. — Слушай, может... зайдем?

Он указывал на пивнушку, куда мы, бывало, прежде заглядывали. Смотрел с такой надеждой, будто там, в плохоньком кабачке, нас могло ожидать некое всеразрешающее чудо. Ему хотелось оттянуть последнее мгновенье. Мне... да, и мне. Треклятая бессмыслица.

— Хочешь обмыть событие? Сделай это за двоих, доверяю. А я пойду, извини. Обещала быть дома пораньше.

— Так ненадолго же! На десять минут. Давай, а?

— Нет. Действительно пора.

— Я тут думал недавно, — уже с вызовом. — Ничего страшного! Тридцать четыре года, жить осталось совсем немного, так какая разница?

— Ох, перестань...

Когда-нибудь, хоть в старости, если все же до нее дотяну, я так поднаторею в презрении, что, может быть, прощу этому предателю надругательство над нашим прошлым. Неужели нельзя было прийти и прямо сказать, мол, «полюбил другую, прощай, Александра»? Чистым ударом меча, фигурально выражаясь, разрубить... Так нет же: за последние месяцы истрачено столько пошлых, унизительных для обоих словес, пошли в ход дрянные кобелиные выходки, мелкие колкости, жалостные ломанья дешевого комедианта! И вот все изгажено, в душе — не рана уже, а гангрена... Простить? Никогда!

Человеку ведомо о себе и о том, что с ним будет, куда больше, чем кажется. Ведь и я подспудно знала-таки, что мы со Скачковым плохо кончим. Моя вера в наш союз оттого и была такой варварски пламенной, что тихий голос из глубины сознания шептал другое.

Заключаются ли браки на небесах, еще вопрос. Но наш там расторгли. Вместе жить на земле мы так и не научились. Только и делали, что трепались да разгуливали по облакам. Отпущенное нам время истекло, а мы, вроде сиамских близнецов, не знали, как оторваться друг от друга. Тут меч не годился, требовалась замысловатая операция. Видно, в том и было предназначение всего комплекса скачковских безобразий.

Что же мне ему прощать? Если только Аську, чуть не подхватившую похмелье в чужом невеселом пиру? Но это обошлось: у нашей пишущей братии свои способы и утешаться, и даже утилизировать как раз то, что совсем ни к чему не пригодно. Анастасия той осенью разрешилась циклом любовной лирики. Там хмельное круженье палой листвы, этакая обманчивая прелесть... Лет двадцать спустя цикл войдет в ее поэтический сборник. А малюсенький, не крупнее наперстка, бес, что прежде ехидно хмыкал во мне, стоило тем стихам попасться на глаза, отжил свое и сдох: теперь я их просто люблю.

Все ты, Скачков, сделал правильно. Обоих вызволил из ловушки. Что бессознательно, неважно — интуиция всегда была самой сильной твоей стороной. А что некрасиво и больно, не мне тебя судить. Видимо, нас нельзя было спасти сознательно, безболезненно и красиво.

Чем ты расплатился, не моего ума дело. Надеюсь, твоя пеня была полегче моей. Хотя бы благодаря длинноногой Ларе. А себя не жаль. Задним числом все эти терзания значат не больше, чем ночной плач щенка, оторванного от родимых сисек. Щенка, который давно умер от старости.

Среди наших придуманных и суеверно поддерживаемых традиций было особое воскресенье — последнее в августе. На этот случай имелся ритуал. Мы, большую часть отпущенного нам срока прожившие то у Гирников, то у Скачковых, а чаще порознь, в один и тот же условленный час запасались я съестным, он — бутылкой вина, выходили из дому и шли по лесной дороге навстречу друг другу. Между его поселком и моим городком было напрямую километров десять через бор, заросший веселым лиственным подлеском. С погодой, как правило, в этот день везло: можно было издалека разглядеть, когда появится на безлюдной дороге крошечная долгожданная фигурка. Среди зыбкой, первой желтизной тронутой зелени, в ясных предосенних лучах она двигалась легким танцующим шагом — даль такая, что, если бы не знать, не поймешь, приближается или уходит.

Теперь, когда случится вспомнить его, я больше не слышу голоса, не вижу крупных планов. Только ту милую пляшущую фигурку. Она удаляется.

5. Клочки на воде

В апреле на просеке полезли из-под снега пучки желтой спутанной травы. Просека — высоковольтная линия — резала наискось клочок соснового лесопарка, через который я, как и прочие обитатели нашего квартала, бегала по утрам на электричку, вечером обратно. Там же прогуливали собак все, кто их имел. Али, встречающий первую весну своей жизни, шалея, носился по этим на глазах множащимся кочкам, сам такой же желтый. Издали это выглядело так, словно одна из них ожила и в безумном счастье заметалась взад-вперед, перелетая через головы своих недвижных сестер.

Потом сквозь жухлые колтуны кочек проткнулись зеленые иглы. Высохли тропинки. На пруду, извилистом и длинном, будто хотел притвориться рекой, появились лодки. С того берега, от карусели и маленького смешного колеса обозрения, стала долетать туповатая музычка. Пришло лето, хотя мне оно было ни к чему.

Али тоже бодро игнорировал то обстоятельство, что не нужен мне. Он рос и резвился. Его стремление общаться со всем, что движется, не знало предела. Скоро все окрестные собаки, которых он страстно обпрыгивал и нещадно обмусоливал при встрече, стали и моими добрыми знакомыми. Я гладила их по мохнатым лбам, крутым и плоским, чесала за ушами, висячими и стоячими, рефлекторно воркуя: «Хорошая, хорошая псина!» Уже мгновенно отличала дратхара от спаниэля. Могла потолковать о судьбах собачества и признаках пород. Сообщество местных собаковлâдельцев одобряло нас: Али — как приветливого недоросля хороших кровей, меня — как милую женщину, простую в обхождении.

В ежевечерних блужданиях по тем же дорожкам, под теми же соснами было что-то одурманивающее. Я помнила наперечет — уже не головой, а ногами — все узловатые корни, выпирающие из тропинок. Знала все три помойки, на которые был горазд удирать мой питомец. Изучила укромные уголки, где можно, если повезет, скрываться от людей и зверей.

В этом смысле всего надежнее была крошечная тенистая полянка у самой воды. Али шлепался в пруд и принимался плавать, пуская пузыри и восторженно ухмыляясь, а я садилась на бережок и впадала в оцепенение. Поверхность воды подрагивала, мельтешили сонные зайчики, и однажды я поняла: не помню лица. Оно распалось на фрагменты, словно кто-то изорвал и выбросил в пруд фотографию. Клочки плыли отдельно: пара близоруких растерянных глаз, и задумчивая складка между бровей, и мужицкий широкий нос, со временем рискующий стать недвусмысленно розовым и рыхлым, и хулиганская ухмылка — не многовато ли мелких острых зубов, сэр? — и подбородок с ямочкой, который его обладатель, по собственному признанию, с детства не забывал выпячивать, чтобы физия смотрелась мужественнее...

Все детали на месте, а мозаика не складывается.

Пустое, тягостное усилие. Работенка для замороженных. Каю хотя бы награду сулили, весь мир и пару коньков в придачу, а я из чего бьюсь?

— Уберите собаку! Да что же это?! Собаку уберите!

Ну, опять Али пристает к прохожим. Мерзавец обожает их крики. Они нравятся ему больше, чем похвалы и ласки, не говоря уж о безразличии. Кажется, он принимает их за особо энергичное приглашение к игре. Заливается радостным лаем, носится кругами, не даваясь мне в руки, не внемля зову, отчего двуногое паникует и ругается еще громче. Тщетны все мои «извините, не бойтесь, это же щенок, он очень добрый, он играет» и прочие попытки проинформировать об истинном поло-

жении вещей. Тогда я бросаюсь бежать, и Али, объятый новым приступом восторга, устремляется следом. Брань несется нам в спину. Но я бегу, надо же, это уж не прежняя одышливая трусца, а приличный галоп. Еще недавно ослабевшее сердце заходилось на первых же секундах, и я после этих пробежек насилу притаскивалась домой, постыдно взмокшая. «Как мышь», — почему-то говорила мама.

Стало быть, силы возвращаются. Физические по крайней мере. Душевных не наблюдается совсем, однако источник слез высох. Надо думать, от беспардонной эксплуатации. Боль, хоть и скручивает по временам не легче прежнего, перестала пугать. Я уже все про нее знаю, в том числе главное: она пройдет. Замереть, вытерпеть — и отпустит. И повторяться это будет все реже.

Да и призраки былого, еще осаждающие меня, мельчают. Они теперь похожи не столько на разъяренных фурий, сколько на тучу слепней. А я — на понурую, притерпевшуюся к своей доле клячу.

Где он, гордый, живительный гнев, который должен бы воспылать в груди при подобной мысли? Ни искорки...

«Все ношусь со своей переехаННой душой, нашептываю ей что-то, словно помешанная, а она, может быть, давно мертва.

Почему я забываю его лицо? Почему не жажду, как положено, его рук, его поцелуев, не ревную к сопернице, не хочу отомстить? Это было бы низменно, пошло, я бы негодовала на себя и противилась. Но и того нет. Никаких признаков жизни».

Я веду дневник. Потребность в бумагомарании не отмерла, справедливо было бы считать ее каким ни на есть проявлением жизнедеятельности, но это как-то не приходит мне в голову.

Лето близится к концу. Родители, поручив нам с Верой заботы о возлюбленном существе, собираются на месяц в Одессу. Конечно, отец до последней минуты будет кочевряжиться, показывая, что «пока ничего не решил». Впрочем, надо все же допустить, что ему просто нездоровится. Еще бы: он годами почитай что не встает с дивана. Самый цветущий организм закис бы от неподвижности, а ему как-никак семьдесят четыре. Редкие поездки на юг да две-три пешие прогулки за лето — вот и все, на что он еще соглашается, всякий раз предварительно измотав маму капризами. Знает, как ей хочется вырваться, вот и куражится.

— Коля, подумай, ведь уже середина августа. Времени почти не осталось. Едем мы или нет?

— А, так тебе не терпится? Что ж! Если ты не в состоянии не докучать мне вопросами, изволь: мы никуда не едем!

Если уж брякнет такое, пиши пропало. Это очередной величавый принцип: его приговоры окончательны. Так было прошлым летом. И позапрошлым. Но на сей раз все идет благополучно. Мама, сама того не сознавая, здорово припугнула его своей дружбой с собаководами.

Всю жизнь мы избегали случайных знакомств, благо при желании таковым можно счесть любое знакомство. Потакая мужу, мама легко отказывалась от них: «Неужели ради пустой болтовни с чужими я стану огорчать близкого человека?» А тут вдруг в ее мир ввалилась целая орда посторонних. Особенно настораживает отца некто Владовский, хозяин боксерихи Оды, джентльмен от аккуратнейшей в мире плеши до подошв штиблет, безукоризненных даже в разгар весенней распутицы. Он бесценный советчик во всем, что касается рациона и воспитания Али, но главу семейства передергивает при одном его имени.

Билеты уже куплены, и мама, никогда прежде не обременявшая меня прощальными наставлениями, изменяет этому обычаю:

— Саша, хозяйка Кешки утверждает, что недели через две где-то здесь неподалеку будут делать собакам прививки от бешенства и чумы. Смотри в оба, не прозевай объявление, иначе ради этого придется таскать Али к черту на кулички.

— Угу.

— Не забудь, а то я тебя знаю! Да, и еще. Хозяйка Тэгри слышала по радио, что со следующего понедельника начнется страшная жара, градусов за тридцать. Она советует не гулять с Али в самое пекло, выходить только ближе к утру или уж вечером. И главное, не позволять ему в этот зной играть с Дэзи. Они так носятся, что недолго сердце испортить.

— В его возрасте?

— Вот именно! Владовский меня предупреждал, что сердце у боксеров слабовато, и у молодых в том числе. Правда, хозяин Дэзи считает, что это глупости, но ты его не очень-то слушай. Дэзи овчарка, они крепче, а другие породы он плохо знает, сам сказал. Да, а еще Владовский сегодня так смешно рассказывал, что Ода...

Отец темнеет лицом. Сейчас сцену закатит. И ведь знает, что Владовский лет на двадцать пять моложе мамы, что женат и бесконечно заботлив к своей утонченной, кисловато учтивой, бледной, как чахнущий без солнца цветок, Наталье Кирилловне. Даже пытался нанять маму, чтобы за деньги составляла Наташе компанию, пока он на службе. «Больше ничего не нужно, только бы она не оставалась одна, ей это тяжело, у нее больные нервы, щитовидка, знаете ли, страхи...» Мама и в мыслях не имела соглашаться, но отец все равно разозлился, увидев в предложении Владовского уловку соблазнителя. Как ни грубы его инсинуации, за ними — уверенность, что перед мамой, старой, пропахшей «Беломором», еще в начале войны раз и навсегда махнувшей рукой на свою внешность, да и всегда презиравшей дамские ухищрения показаться нежнее и моложе, стоит ей захотеть, не устоит ни один.

Перекрученная, изломавшая обоим жизнь, но никуда не денешься — любовь. Понимаю, а привыкнуть не могу. Скорее вон из дому, пока не началось. Не выношу скандалов. До дрожи, до тошноты.

— Мы со зверем на просеку, ладно?

— Подождала бы часок, тогда бы и я с тобой пошла, — мама так и не научилась распознавать приближение шторма, он опять захватит ее врасплох.

На просеке лучезарно, безлюдно, бессобачно. Зазевавшись, упускаю момент, когда и моя собака исчезает в неизвестном направлении. Придется обследовать помойки: ближнюю, что на опушке у продмага, вторую — возле узкоколейки, ведущей сквозь заросли ивняка к запретзоне, а если и там нет, отправиться вдоль берега к третьей, она у самой запруды, соединяющей наш лесок с парком культуры.

Нигде ни души. Сосняк будто вымер. Длинные предзакатные тени. Только поодаль на пригорке над прудом стоят, оживленно щебеча, три — в ярком — женщины. Они не из «наших», не с собаками, с младенцем. Вон коляска стоит на дорожке...

И тут она покатилась. Плавно разгоняясь, двинулась туда, где берег, невысокий, но почти отвесный, обрывается в воду. Все заторможено, как в кошмаре. Едет коляска, что было сил мчусь я, распространяется в тишайшем вечернем воздухе женский визг, и все это медленно, медленно, медленно.

Падение было таким же неспешным. Вверх колесами: ребенка накрыло.

Уже прыгая, вспомнила: плаваю совсем плохо. Если там выше головы, мне и кошку не спасти.

Но оказалось — по грудь. И сверток, пугающе легкий, нащупала под водой сразу. Вытащенный из-под коляски, хилый, с морщинистым, измазанным зеленкой личиком, он тоненько закричал. Мать уже тянула с берега руки, а сама вопила, не переводя дыхания:

— *А-а-а! Он умрет теперь, умрет мой с?ночка, умрет!*

Ее спутницы приняли сверху тяжелую коляску, намокшее одеяльце, подушку. Когда я кое-как выбралась по скользкому склону на сушу, мокрая и грязная, как жертва кораблекрушения, они в три голоса причитали над младенцем. Заглушая прочие звуки, мать все тянула на низких нотах свой речитатив:

— Умрет мой маленький, ой, умрет!

С ума она, что ли, сошла?

— Послушайте, его надо к врачу, скорее... Да и вам бы в поликлинику...

На меня уставилось исковерканное плачем лицо, и женщина, не меняя тона, прорыдала:

— Там платочек, вы что, не видите? Доставайте, быстро! Щас потонет!

Трясущимся, но повелительным перстом она указывала на цветной лоскут, дрейфующий по глади пруда. Я повернулась и, оставляя на иссушенной зноем тропке влажные следы, потопала к третьей помойке.

Вдогонку кричали. Кому теперь за платочком лезть? А ты и так вся в тине, чего тебе стоит?

В кои-то веки сотворила доброе дело, — желчно рассуждаю я, одной рукой таща Али из помойки, другой счищая с бюста зеленые ошметки ила и вязкую прибрежную глину. — Мальчик будет жить — в мире, как он есть, с матерью, какая досталась. Когда-нибудь ему расскажут, что он чуть было не ускользнул на прохладное дно, быстро, без мучений, весь в зеленке и младенческом забытье. Но тут подоспела какая-то баба, бух, плюх — и вот ты наш, ты с нами, сынок!

Пожалуй, до сих пор на свете не было никого, кто имел бы настолько веские основания меня проклинать.

6. Странноприимный дом

Крутится на проигрывателе уже малость затертая пластинка. Дон Филипп по-итальянски, но вполне понятно грозится уснуть одиноким сном под сводом Эскурьяла. Он не выжимает слезу, его суровая басовитая скорбь родственнее мне, чем трепетные жалобы оперных дам и девиц. Рядом Вера, задумчиво примеряет что-то перед зеркалом. Мы, кажется, болтаем, хотя испанский король заслоняет для меня тему разговора. Пока родители были здесь, я только изредка могла позволить себе такое слушать. Мама-то нет, а отец в два счета раскусил бы меня.

Им теперь славно. В поездках — знаю от мамы — он «становится прежним». То есть способен напомнить ей того, кого она когда-то полюбила. Одесса, город детства, хоть почитай никого из близких там не осталось, лечит его. Такой них дар: оставить всю боль, все застарелые обиды в одном месте и по-школьнически удрать повеселиться в другое. Не владею этим искусством. По-моему, когда хорошо, то уж хорошо везде, но если худо...

— У тебя всегда крайности, — рассудительно возражает сестра. — А вот когда ни то ни се, как у меня сейчас, холодный подвал может превратить это состояние почти в пытку, а теплый пляж — почти в счастье.

— Тогда все в порядке. Тебя ждет Варадеро...

— А мне страшно. Остаться без тебя, без мамы? Это невозможно представить. Мне даже Алишки, и того будет не хватать.

Вечно она так. Если бы сейчас пришло известие, что неведомый благодетель оставил ей в наследство дворцы и миллиарды, Вера бы, конечно, обрадовалась. Но уже через пять минут речь зашла бы о том, что быть богатой ужасно хлопотно, столько проблем, и неизвестно, не обернется ли все к худшему, ведь прежняя жизнь рушится, впереди неизвестность, козни завистников, полчища обманщиков, которые только и норовят... тебе хорошо, твое душевное равновесие не подвергается подобной встряске... Пришлось бы утешать. А если бы назавтра выяс-

нилось, что произошла ошибка и ничего этого нет, утешать пришлось бы снова, ведь такая надежда блеснула, поманила и погасла, разве не ужас, тебе проще, ты не представляешь, каково это...

— И потом, я не знаю испанского, как я буду преподавать?

— У вас там группа из десяти человек, и все в том же положении. Не говори, что ты самая бездарная.

— Мне будет легче оттого, что другие тоже сядут в калошу? А при моей застенчивости я сяду в нее первой, даже если я самая талантливая!

В сестрицыных жалобах всегда имеется зерно истины. Это мешает послать ее туда, куда следовало бы. А главное, она обезоруживающе мила. Ее поглощенность собой нетрудно терпеть: во всем этом нет ни тени злобы, зависти к другим. Только растерянность девочки из сказки, начинающей понимать, что чуда не будет. Что-то заело в волшебном механизме. А она ждала! Красивое, гордое, нежное ожидание наполняло ее жизнь год за годом. И все, глядя на нее, ждали — так сразу сложилось. Вера и ходить еще толком не умела, а близкие и дальние уже смотрели на это лучезарное дитя со сладким ощущением предопределенности счастья. С некоторых пор во всем, что говорит сестра, слышится один горестный упрек: «Где же она, любовь? Что со мной будет без нее?..» Пока считалось, будто счастье есть у меня, это помогало ей не разувериться в своих надеждах. Теперь они гаснут — вот в чем горе. Страх, сумеет ли она должным образом преподать кубинцам русский язык, лишь одна из химер, подстерегающих ее в потемках неуютного будущего.

— Перестань каркать. Кончится тем, что тебя умыкнет какой-нибудь прекрасный мулат, и станет неважно, насколько ты овладела методиками.

— Ох, нет! Прекрасный мулат означал бы скандальную высылку. С волчьим билетом на остаток жизни. Или уж брак без права на возвращение. Ты что, шутишь? Начальство, наше и кубинское, совместными усилиями обеспечит мне одно из двух: или больше не увидеть возлюбленного, или вас. Это у них называется «уронить достоинство советского специалиста» — они все делают, чтобы никому не повадно было. Как подумаю об этом...

— Подумай лучше о том, что все эти ужасы еще не произошли. Пока у тебя не волчий билет, а каникулы.

— Каникулы, да. Последние! А мы только и делаем, что выгуливаем Али. Живем, как старухи. Ты хоть к Томке ездишь, а я все дома и дома.

— Томка будет рада и тебе.

— Да ну их, этих ее гостей! Сама-то она прелесть, но ее кунсткамера меня просто убивает. В последний раз сижу у нее, вдруг вваливается тип. Вот если бы Мефистофель был каким-нибудь узбеком, не знаю, таджиком — так это он. Сам изжелта-бледный, глаза, как мрачные дотлевающие угли! На голове — берет, заломленный набок. Хорошо еще не с пером!

— А, знаю. Это Ильяс. Он смешной.

— Хороший смех! Наклонился ко мне, глаза в щели сузил и шипит: «Хочешь, я дам тебе пощечину? Ты же наверняка мазохисточка. Ты испытаешь наслаждение!» Я так возмутилась, что вскочила с места и закричала: «Только попробуй! Я тебя в окно выброшу!» И ведь сгоряча показалось, что сил хватит! А он расселся напротив, снял берет — под ним желтая лысинка, вокруг вороные кудри — и разразился речью. В духе Васисуалия Лоханкина! Что-то вроде «когда бы ты пришла в мою мансарду, которая, заметь, неподалеку, тебя бы там блаженство ожидало, а денег я бы взял совсем немного...» Тут Томка входит, чай тащит на подносе. А он ей: «Тебе пора зайти ко мне постирать. Не буду же я сам этим заниматься! Для мужчины и художника это унижение!» И что ты думаешь? Она ему кротко отвечает: «Сегодня не смогу, завтра тоже. Послезавтра». Так это убоище еще фыркнуло: «Я, дескать, ждать не люблю». Зачем Тома пускает к себе таких? Он что, ее любовник?

— По-моему, и не любовник, и не художник. Но претендует на то и на другое. Он всем встречным женщинам сообщает о своем беспощадном намерении с ними спать. А в свободное от этих угроз время картинки пишет. Очень наивные. Вроде тех красавиц, которых мы в детстве рисовали. Помнишь? Фиолетовые глаза до висков, ротик как куриная гузка и взрыв рыжих кудрей.

— Понятно. Это мазохистки его мальчиковых фантазий, — непримиримо вставляет Вера. Ей трудно быть снисходительной. Теоретически она пришла к заключению, что если не хочешь остаться старой девой, пора забыть бесплодные мечты и выбирать среди реальных мужчин. «Но стоит посмотреть на них с этой точки зрения, и прямо руки опускаются!»

— Томка Ильяса жалеет. Он хрупкое, положим, безумное, но не злое существо. Я сама для первого знакомства чуть не огрела его графином. Но быстро поняла, насколько он безобиден. С ним надо только немножко побалагурить в духе Васисуалия, и считай, приручила. «Шура, я понял твой секрет! Ты пришла бы ко мне. Но с одним условием: чтобы никто об этом не узнал. Даже ты сама!»

— А тот сутулый молодой человек с интересным лицом, кажется, библиотечный работник? Я пробовала с ним поговорить, но кроме вялых «да», «нет» ничего не добилась. Надменно презрел мои авансы! И смахивает на героя Достоевского.

— Это жених Аллы, Тимофей. Вряд ли он хотел тебя обидеть. Просто он заика. Предпочитает не раскрывать рта. Благо в присутствии невесты ничего иного не остается, она-то не умолкает.

— Ну, а белобрысый, что с Надей приходит? Такой огромный шкаф с челюстью? Тоже безобиден?

— А вот это сволочь, каких мало. Я его знаю только понаслышке. И надеюсь не узнать поближе. Убежденный фашист. «Человечество де-

лится на жертв и палачей, значит, надо быть палачом». Вот такой мыслитель. И практик такой же: стукач. Но от Нади без ума, а она лучшая томкина подруга, ее капризы закон. Считается, что Славик — надин верный монстр, а «в постели, — кричит Надя, — это симфония!». И ты же знаешь, Тома носится с идеей, что всякого, даже самого дурного человека надо встречать с любовью, тогда в нем раскроются его лучшие стороны. В Славике уже раскрылись. Он все предлагает притащить к Томке кого-нибудь из своих гэбэшных приятелей, чтобы «такая баба!» пропадала не попусту, а за деньги. Никак не возьмет в толк, почему ее не прельщают эти возможности.

— Я тоже кое-чего не понимаю. Как она может якшаться с подобной швалью? Ты не спрашивала?

— Стараюсь не вникать. Поссоримся. Кунсткамера ее, а не моя. И дом не мой, а ее. Видишь ли, это все равно хороший дом. Странноприимный. Меня там тоже встречают с любовью. И тоже без особых заслуг.

Желанья имеют обыкновение исполняться. Но зачастую в такой форме, что мечтателю трудно узнать воплощение собственной грезы. Недоуменно, а то и с отвращением взирает он на эту причуду реальности, не догадываясь о своем родстве с ней. Только теперь, годы спустя, понимаю, что открытая каждому квартира в старом доме близ Арбатской площади, где и я когда-то была желанной гостьей, — ни дать ни взять моя детская выдумка.

К нам-то никогда нельзя было прийти запросто. Это была мука мученическая. Стоило однокласснице забежать ко мне или к сестре, отец, с видимым нетерпением дождавшись ее ухода, приступал к допросу:

— Где ты подцепила эту... (далее следовало: «лохматую», «прилизанную», «писклю», «раскоряку» и т.п.)? Из какой она семьи? Не знаешь? — саркастический смешок. — Не удосужилась, значит, поинтересоваться, кого в дом приводишь? Та-ак! Интересно. Здесь только что лежала моя фуфайка. Ну, и где же она? У нее выросли ноги?

В то время я объясняла эти выходки исключительно его подлым нравом. Мама и бабушка знали правду, но молчали. Лишь много позже, уже студенткой второго курса, единственный раз рискнув прокатиться с родителями на пароходе по Оке, я стала свидетельницей кошмарного приступа болезни, названия которой нельзя было не угадать. Тут уж он не злился, и глаза стали беспомощными, отчаянно чистыми, как у оглушенного страхом ребенка...

Бред преследования — недуг, на который имеет право каждый советский человек. Вот почему я тогда не сочла и поныне не считаю покойного родителя настоящим сумасшедшим, хотя он боялся даже девчонок с челочками и косичками, забегавших к его дочерям списать задачку или выпросить «ну, маленькое, вот такусенькое!» сочинение про четвертый сон Веры Павловны. Откуда они? Куда отправятся, покинув

нашу халупу? Какому папе расскажут, где были, что видели и слышали? А дочки, дурехи, не понимают, и не объяснишь им, слишком рискованно, пусть лучше верят, что все нормально, им здесь жить...

Только после его смерти мама решилась рассказать, как на исходе тридцатых он уговаривал ее завербоваться работать на Дальний Восток: «Осмотримся, мы оба сильные, голова на плечах есть, найдется и способ пересечь океан!» Она не согласилась: «Что нам делать за границей без языка, без дома?» Не любя режима, она относилась к нему, как к скверному климату, не более. Страх был ей органически чужд. Зато на склоне лет она с откровенной досадой пожимала плечами, когда он пускался в обличения «бабенок, которым только и надо, чтобы их тискали, а кто, неважно», «способны увязаться за первым попавшимся иностранцем, покинуть Р-р-родину!» Громовый раскат «Р» подчеркивал заглавную букву: встревоженный наличием на филфаке иностранных студентов, отец тщился подобными речами внушить нам с сестрой спасительный патриотизм. Одно дело — самому в молодые годы попытаться уплыть из социалистического отечества хоть в омулевой бочке, но совсем другое — на старости лет допустить, чтобы невесть кто за здорово живешь отнял у тебя дочь.

Из-за того, что дом моего детства был настолько неприветлив, я в ту пору воображала дом своей зрелости открытым. Таким, чтобы любой желающий смело входил туда. Я не стану спрашивать, кто он и откуда — он пришел ко мне, этого довольно. Может быть, он вор? Так пусть украдет что-нибудь! Я не замечу пропажи. Лучше быть иногда обкраденной, чем всего бояться, в каждом подозревать негодяя! Самому быть вором — даже это лучше, чем носить в себе столько дрянных опасений!

Горячая была мечта. Ее раскаленную температуру помню и сегодня. Но уже годам к двадцати поняла: людей, которых мне хочется видеть у себя, на свете мало. И без своей насущной порции уединения мне не прожить. А вот Тамара Клёст, владелица той гостеприимной квартиры, — вернее, комнаты, ибо в двух других обитали довольно замкнуто ее родители и брат, — одиночества не выносила ни в каких дозах. Когда в кои-то веки рядом никого не оказывалось, она спешила включить радиоприемник. Не чтобы слушать, а чтобы чувствовать: люди здесь, неподалеку, вот — бубнят что-то над самым ухом. В горе и радости она, человек далеко не тривиального склада, бездарно твердила, что «все женщины» при таких обстоятельствах испытывают то же самое. Эта мысль ее успокаивала. Надобность быть с людьми, лучше бы, конечно, с добрыми и умными, но на худой конец с любыми, делала ее в моих глазах обидно зависимой. А она сердилась, не обнаруживая во мне столь естественной потребности — то ли я ее зачем-то скрываю, то ли непостижимо жестка сердцем.

В дружбе Тома ценила спонтанность как высоких, так и низменных порывов, умение ссориться и мириться, готовность к безоглядному излиянию и сопереживанию, рвение помощи и жаркой заботы, смета-

ющее на своем пути препоны такта, этого изобретения худосочных умов, уничтожающее дистанцию, которая от лукавого. В ее исполнении все это было очаровательно. По большей части. А когда не совсем, я в ущерб спонтанности прикусывала язык.

Мы не должны были подружиться. Но это случилось. «Какая прекрасная, строгая девочка! И как же ей тяжело! Если бы можно было хоть чем-нибудь помочь!» — не помню, кто передал мне тогда эти ее слова. Мы были с одного курса, но там, в университете, не сталкивались — каждая держалась своего круга, и в странноприимную квартиру я впервые забрела по чистой случайности. А отзыв тронул, тем сильнее, что я-то себе совсем не нравилась. Вдруг, ни с того ни с сего, такая симпатия? Спасибо... Не понимаю, но все равно — спасибо.

— Приезжай чаще! Зачем это «меру знать»? Ненавижу меру, ее выдумали, как уважение вместо любви... Чаще — это значит как можно чаще! Что значит «два дня подряд»? Хоть двадцать два! Мне лучше, когда ты здесь! И нечего на ночь глядя тащиться на электричку — вот диван, он всегда в твоем распоряжении. Да, и перестань таскать сюда дурацкую колбасу и чертов кефир! Хочешь, чтобы я подумала, что ты за постой вносишь? Обижусь! Всерьез! Ничего не надо, все есть, сколько можно повторять? Мне нравится, когда приходят, я люблю готовить и кормить, и никто не имеет права мне в этом отказывать! Брось ты свои церемонии, перестань занудствовать! Еще умной слывешь! С чего бы это? Простых вещей не понимаешь!

Азартно, в упор — живые огромные вишни. В высоту они были чуть ли не больше, чем в длину: казалось, оттого, что сердечный жар, прущий из них на собеседника, слишком обилен, ему тесно, он рвется на волю. И вся ее небольшая, резиново-тугая фигурка, рельефная на грани гротеска — песочные часы — словно бы с трудом вмещала деятельную доброту. Торопливо расточаемая, она росла, как тесто на дрожжах, пылала костром. Нечто похожее случается в сказках: идет путник по безлюдной степи, вдруг откуда ни возьмись печь с хлебами. И говорит ему печь... Да нет: там от путника требовались какие-то труды. Здесь — ничего. Ешь! Грейся! Как здорово, что ты пришел!

Так не бывает. Даже в сказках. Тому, что я — уже, прямо скажем, большая девочка — забыла об этом, нет оправдания. А я забыла. Не сразу, конечно. Однако прошел месяц-другой, и бесплатный постоялый двор, где кишели люди, из которых многих я не пустила бы к себе на порог, сделался мне необходим. Я уже проводила там дня по три в неделю. Увы, не стоило примазываться к мрачному венценосцу с его Эскурьялом. По чести, тут был бы уместнее мистер Икс — опереточный меланхолик, что все ошивался в маске у чужого огня.

Сему малопочтенному занятию я предавалась — подумать жутко — больше двух лет. Там было чудное старое кресло. Оно стояло в углу, у

окошка. Надобности держаться подальше от окон уже не было, с той напастью я справилась. Но справившись, осознала другую, едва ли не худшую. Во мне напрочь отсохло то, что коряво именуется шестым чувством. Воспринимаемый оставшимися пятью, мир стал бессмыслен в своей жесткой, тупой простоте. Я была калекой в большей степени, чем если бы мне хирургически оттяпали что-нибудь из самого необходимого. Потолок, значит, белый, сахар — сладкий, и только? Я помнила, что все иначе. Как слепой, который когда-то видел, помнила присутствие тайны, пронизывающей все. Но память тускнела, уже казалась сомнительной. Может, там был детский радужный сон, хмельное самообольщение юности, а теперь обнажилась взрослая, трезвая явь? Если так, я здесь не останусь. Это не жизнь. Готовый ад, не нуждающийся ни в чертях, ни в котлах, ни даже в «Абдул-Гамиде». Впрочем, надо выждать. Еще теплилась та слабая, однако не всегда напрасная надежда, с какой садовник всматривается в мертвый пенечек: уже гниет, да, пора корчевать, хотя... вдруг от корня полезет?

Я сторонилась своих. Тех немногих, кто мог бы угадать тайное уродство моей души. Калейдоскоп случайных физиономий, сменяющихся перед глазами, шум посторонних разговоров, мельтешенье пустопорожних страстей и мягкое кресло в уголке — единственная милость, в ту пору для меня возможная. Томка Клест, вечное ей спасибо, на время ссудила мне все это, необходимое как раз потому, что чужое. Нужное именно тем, что ненужное...

При попытке вспомнить те вечера они слипаются в один. Длинный, туманный, как бывает в начале тягомотного выздоровления. Там вечно о чем-нибудь спорили. Ничего крепче чая, как правило, не пили. Много болтали. Трезвонил телефон — отсутствующие вываливали на томкину голову груды своих исповедей. Иванов решил примкнуть к толстовцам, вот где истина, вот где откровение! — «Ну, ты на меня так уж не напирай. Толстого читала. Если он меня не убедил, тебе вряд ли удастся». Петрову кто-то сделал минет, счастливчик делится впечатлениями. — «Ладно, поняла. Небось, первую половину Москвы ты с этим уже обзвонил? Приступай ко второй, а то у меня тут каша подгорает, гости голодные... Проза, говоришь? Ну, извини...» Сидорова разводится с мужем, он проведал о ее приключениях на стороне. — «Но ты объяснила ему, что делала это, чтобы сильнее почувствовать, что он лучше всех? Не верит? Ну и дурак. Я ему скажу. Да. Вот сейчас же позвоню и скажу... Алло! Сидоров? Слушай, Сидоров, ты меня знаешь? Мне — веришь?...»

Примеряли какие-то джинсы, юбки, блузки. Менялись ими, дарили, подгоняли — вот где я на тридцатом году жизни впервые стала приглядываться, что к лицу, что не идет, от нечего делать пробуя постичь хотя бы азы искусства одеваться. Когда появлялся мужчина, тряпки быстренько запихивались в шкаф. Мужчины забредали часто. Коллеги, по-

клонники, друзья — здесь было принято обходиться со всеми одинаково: фамильярно, однако без излишеств, дабы не внушить гостю неуместную идею, будто он в борделе. Впрочем, хоть редко, а случалось — какая-нибудь из двух ближайших подруг хозяйки ускользала в соседнюю временно пустующую комнату не одна.

— Легкий флирт придает уют дому! — посмеивалась Тамара. У нее были румяные улыбчивые губы и не по-городски розовые щеки.

— Цвет сегодня настоящий, или..? — лукаво осведомлялись приятельницы. И прямодушная Тома все чаще признавалась:

— Или.

Атмосфера была терпковатая: здесь царили три достаточно пылкие женщины на пороге четвертого десятка, ищущие лучше бы верной привязанности, но на худой конец хоть забавы. Я им не мешала — мое кресло могло считаться чем-то вроде скамьи запасных. Ильяс, комический демон местного значения, и тот понимал, что я не играю — если и приставал, то невинно, дурачась:

— Я слово дал с надменных этих уст лобзание сорвать хотя бы силой! — возглашает он вдруг и обхватывает меня слабыми руками постаревшего степного мальчишки, чахнущего в холодном чужом городе, который, кажется, на глазах высасывает из его вен последний жар далекого среднеазиатского солнца.

— О, берегись, когда такую клятву, несчастный, ты осмелишься исполнить! — засим следует легкая борьба, и я, чуть запыхавшись, вывертываюсь, из чистой вредности не уступив противнику спорного «лобзания».

— А все-таки Фрейд совершенно прав, секс — средоточие всего сущего! — щебечущим голоском комментирует Алина. — Даже Сашечка Гирник не может оставаться к нему равнодушной! Ты раскраснелась, ой, как интересно! Я тебя нарисую, да? Можно?

Она достает альбом, карандаш и, щуря светлые пустоватые глаза, принимается черкать в нем что-то. Удивительное дело: если прежде судьба все посылала мне в друзья стихотворцев, то сюда, под кров странноприимной квартиры, она чаще приводит художников. Каких ни на есть, самодеятельных, но все же. Ильяс без конца малюет своих дев. У Томки Клест, если судить по висящему на стене портрету старухи, доподлинный, но чем-то мне неприятный дар. Алина — эта, правда, постоянно пребывает во власти какого-нибудь увлечения. Рисовать она принялась недавно, новое хобби не сулит добра, но если оно вытеснит фрейдизм, и то благо. Все здесь уже по горло сыты Фрейдом в аллиной интерпретации. Томка, и та, срываясь на верещанье, вопит:

— Бред! Ну ладно, если я во сне увижу огурец, это пусть, не спорю! Согласна! А если небо со звездами, тогда что? Как ты звезды истолкуешь? Или, по-твоему, выходит, каждая из них не звезда, а..?

— Каждая! Фрейдистская интерпретация универсальна, она не признает исключений. Если у тебя есть потребность в них, это говорит о комплексах... Нет, Шуру я не буду рисовать. Скучно. Черты слишком правильные. В них нет ничего, что можно было бы утрировать. Хотя в целом есть одухотворенность. Но и она как-то слишком равномерно распределяется. Да-да, посмотрите, она у нее разлита! Разлита во всем: в ручонках, ножонках, пальчонках!

Всматриваюсь в гладкое, неправдоподобно белое лицо говорящей. Хотелось бы верить, что она издевается. Приятного мало, но хоть какое-то объяснение. Чем еще оправдать такую гадость как «пальчонки»? Ну, да Алина уже обо мне забыла. Ее речь журчит ручейком, которому, похоже, наплевать, что он несет, лепестки роз или дырявые носки: важно лишь само течение. Теперь она сетует на тиранию матери и отчима, на гнусные козни, из-за которых развалился ее первый брак. Мелодично щебечет о каких-то котлетах: когда мамаша подавала их на стол, «Вове всегда доставалась самая маленькая! Это была демонстрация, она их выбирала назло! Конечно, он ушел, кто же такое выдержит?» Дальше — знаю — речь пойдет о некоем Игоре, сбежавшем из-под венца, заявив ей, что она «слишком умна», ее «преувеличенная интеллектуальность» оскорбляет в нем мужчину...

Звонок. Какие-то лощеные субъекты. Бывшие одноклассники Аллы. Один вроде бы журналист. Второй — врач. Вежливо знакомятся. С благонравным видом пьют чай. Пошучивают. Один — не то астролог, не то графолог — любезно демонстрирует дамам свои магические познания. Другой темпераментно воспроизводит на блатной фене сюжет «Слова о полку Игореве» с рефреном: «Это все из зызни, падла, из зызни!» Отвлекшись — не мыслью, а, как случается теперь нередко, просто оглохнув в туманном наплыве забытья, — упускаю момент, когда безобидное празднословие оборачивается припадком враждебности. Спеша, перебивая друг друга, гости пускаются обличать пороки современных женщин.

— Рожать! Начало и конец всей возможной женской премудрости в этом одном слове! Женщина должна рожать! Природа создала ее только для этого!

— Человечество испокон веку знало об этом, но последнее столетие извратило женскую психику, и все пошло наперекосяк, теперь расхлебываем...

— Они не рожают, потому что им позволили возомнить, будто они пригодны на что-то кроме. А поскольку они ближе к животным, в них от этого развивается самый скотский эгоизм...

— Эгоизм? — осведомляюсь я как можно нежнее. — Вы, значит, верите, что люди продолжают свой род из альтруистических соображений?

Две пары озадаченных глаз устремляются на некрупную самочку без речей, вместе с креслом задвинутую в уголок, где подобному объек-

ту самое место. Надо полагать, библейский персонаж примерно так смотрел на заговорившую ослицу. От изумления не уловив сути вопроса, проповедники прицепляются к последнему слову:

— Соображения! В этом вся беда: женщины стали позволять себе соображения!

— То есть они считают, будто это их мысли, хотя на самом-то деле всего, что они вякают, они набрались от мужчин, от наиболее глупых мужчин, которые выдумали, будто женщина тоже...

— Но послушайте! — Томка, верная миротворческим принципам, пытается воззвать к сочувствию и разуму. — Что же, вы не видите, какая вокруг жизнь? Рожать страшно, поймите! Трудно решиться вытолкнуть ребенка в эту действительность, ведь не сможешь его потом защитить! И просто мало таких мужчин, от которых родить не стыдно. Боязно подумать, на кого твой ребенок будет похож! Есть же простое чувство ответственности...

Как она, однако, терпелива! Как ласково просит этих обормотов опомниться! В такие минуты недолго принять ее за святую. А ведь вспыльчива, своенравна до чертиков. Только проявляются эти свойства почему-то не в ответ на агрессию, а на ровном месте, где и не ждешь. Но напрасно мадемуазель Клест льет примирительный елей — будто не знает, что подобные натуры от этого только наглеют! Журналист презрительно фыркает ей в лицо, у врача — любопытно бы узнать, на каких недугах он специализируется, — рот кривится в гримасе омерзения:

— Вот-вот! Знакомые доводы!

— Прелестные претензии!

— Куда как уместно!

— Ответственность, право выбора, надуманные страхи — типичное бабье кривлянье. Сколько повторять: ничего этого в женщине нет и не может быть, это дело мужчин. А ваше — проще простого: понести и родить!

— Да уж, не велика хитрость, но вы и этого не умеете! Разучились! А разговоров!..

Их прямо трясет от злобы. Ну, будь я здесь хозяйкой, гости сейчас, как любит говорить мама, «узнали бы, что чужие лестницы круты». Но Тома пододвигает им плошку с мятными пряниками, и этот радушный жест служит весьма своевременным напоминанием, что здешняя лестница мне не принадлежит. А сцепляться с ними в дискуссии — благодарю покорно. Близкий бой требует элементарного уважения к противнику... Однако хочется размазать этих молодцов по стенке. Немножко иронии, примитивной логики — против этого у них оружия нет... Гм! Какое ни на есть желание зашевелилось. Но до чего неандертальское!

Дверь с шумом распахивается. Надежда! Она, по обыкновению, не входит, а вламывается, жизнерадостно заполняя собой тесное простран-

ство комнаты. Не только распоясавшиеся женоненавистники, но даже неодушевленные предметы при ее появлении, кажется, не прочь вжаться в углы и стены.

— Привет! — беглый взгляд из-под потолка, с высоты баскетбольного роста. — Какие вы маленькие! Как вас много!

Бунтующая дочь важного министерского чина, Надя не пожелала выйти замуж за кого-нибудь из молодых папиных прихвостней, ради карьеры готовых жениться хоть на крокодилице, и, закончив университет, к ужасу семейства ведет полубезработную, бедную и вольную жизнь. Не глупа, но развязна так, что уши вянут. Однако Томка видит в манерах подруги нечто вроде празднества недосягаемой внутренней свободы, и не поздоровится тому, кто вздумает судить об этом предмете иначе. .

— Я была в Ленинграде. Погода мерзостная, и Левка надоел. Увязался! Зато он свел меня там с настоящими диссидентами. И знаете, как он меня представил? «Известная московская террористка!» Встретили с распростертыми объятьями, дураки! Знали бы, чья дочка, небось, в штаны бы наложили. «Сатрапы, мол, душат свободу, но мысль народа не знает оков...» Там один хмырь неустрашимый что-то такое на стене Петропавловки намалевал. Всю ночь корячился! Людям нечего делать! Теперь важно, чтобы Вячеслав не узнал, что в Ленинграде я была со Львом. Томка, я тебя заклинаю: не протрепись! Ты же не хочешь смертоубийства?

Эскулап с журналистом, предупредительно потеснившись, спешат освободить на диване пятачок, куда вновь прибывшая обрушивается, посредством локтей бодро расширяя жизненное пространство. Никто и не думает роптать. Да, огромная, мосластая, большеротая Надежда со своим оглушительным голосом и вульгарной повадкой, Надежда, которая в пятидесятые, допустим, годы внушала бы сожаление, как сущая страхолюдина, в семидесятых только и делает, что пронзает мужские сердца. И никаким изящным малюткам с ясными личиками, нежными ручками и миниатюрными ножками не дано тягаться с ней в этом виде спорта. Она воплощает если не единственный, то один из наиболее признанных эпохой эталонов женской привлекательности. И ох как хорошо знает об этом!

— Когда торчала у диссидентов этих питерских, с полки книгу взяла, а то они все про КГБ, скукотища же! Попался мне Лорка. Я открыла, а там...

И вдруг читает. Наизусть. Без крикливости. Без этих своих пресловутых раскованных жестов, из-за которых, случись поблизости Дон Кихот, он мог бы принять нашу террористку за ветряную мельницу. Нет, тихо, чисто, печально:

Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,

Так песок раскаленный плачет
О прохладной красе камелий...

Все мы здесь — обломки кораблекрушения. И никому нет дела, что за посудины были у других, где, об какие рифы кто разбился. Не все ли теперь равно? И какая разница, стрекотать ли об этом, как Алина, или зловеще безмолвствовать, как я?

Что-то в этом роде глухо промелькнуло в сознании, пока Надя читала «Гитару». И погасло. Мы — равны? Сестры и братья по поражению? Всерьез такой мысли я не могу допустить. Какой бы покладистой ни казалась, как бы смирно ни сидела в уголке. Если чем и оправдываю это свое паразитическое сидение, так потаенной уверенностью, что на фоне «кунсткамеры» я все же выгодно отличаюсь от прочих экспонатов.

Придет час, и хозяйка этого крошечного московского караван-сарая даст мне понять, что возможен совсем иной взгляд. Там, где все и вся мимолетно, но с охотой сливалось воедино, не телом, так душой, не в любви, так в бурной перепалке, моя обособленность смахивала на неискупимый грех предательства. У здешнего монастыря был свой устав: меня, так и не пожелавшую принять его, терпели слишком долго...

Но это потом. Пока же я, пользуясь отсутствием родителей, в свой черед заманиваю Томку в гости. Задача трудна: вне стен своей квартиры Клест насторожена, до мученья стеснительна. Однако оттаивает все же. Мы шастаем по лесам — мое излюбленное занятие, которое и ей не чуждо. Навещаем маленькие озера с водяными лилиями, грустное поле со скелетом колоколенки на горизонте. Тома, заливаясь придушенным грудным смехом, по-детски самозабвенно играет с Али. Они катаются на полянках по колкой подсохшей траве, в комнате по облезлым доскам пола, склубившись, как два щенка. А после нам можно, наконец, без помех поговорить: никто не орет, не журчит, не наседает с амурными и идеологическими претензиями. Со своей привычкой вникать в посторонние обстоятельства Тома, побродив по нашей просеке разок-другой, уже и сама начинает узнавать, кто Ода, кто Кешка. А при известии, что бездомный Рекс, терпеливейший из непротивленцев, тяпнул-таки какого-то юного садиста и был тотчас пристрелен гневным папашей, ее пушистые короткие бровки горестно вздергиваются домиком:

— Такой был хороший! Добрый! Ну, люди! Уроды! Человек вообще нелеп. Посмотри на Али: как это естественно и красиво — бежать на четырех лапах! И как глупо, неуклюже — на двух! Если бы не наша предвзятость, мы бы должны сгореть от стыда за свое убожество! И ведь мало, что безобразны, мы еще злющие!

Даже тут — «мы». Любить — всех, на всех же — негодовать... Но зато:

— Гляди, вон, дальше той кривой елки, ну, где заросль такая темная! Там должно быть толстенное дерево, все во мху, в глубоких морщинах,

искривленных сухих сучьях. Оно там есть! Я его просто вижу! Не веришь? Я бы тебя сводила показать, если бы не трусила! В дереве дупло, в дупле — он! Совсем одинокий! Еще замшелее, чем само дерево, еще древнее! Днем спит, а по ночам, при месяце, бродит в чаще на кривых лапах! Мысль свою дремучую думает! Тяжелый, громадина, а ступает так, что сучок не хрустнет!

Нам трудновато друг с другом. Но я принимаю ее всерьез — больше, чем могла ожидать. Есть в наших запинающихся прерывистых разговорах увлекательное напряжение. Чуть раздраженная, любопытствующая приязнь.

— Ты, небось, думаешь, отчего я так живу? Зачем ношусь с кем ни попадя? Почему Ильясу носки штопаю, Наде позволяю со Славиком у меня встречаться, Алке... ну, все это. А очень просто! Я нуждаюсь в людях. Но я недостаточно интересна, чтобы привлекать их к себе. Вот и забочусь! Стараюсь быть полезной. Этим я плачу за то, чтобы они оставались со мной.

Черт-те что! Почему она настолько низко себя ставит? Ведь такое чудесное созданье...

Тогда я еще не догадывалась о том, в чем теперь уверена. Кто так рассуждает, может быть хоть тридцать раз чудесным: добрым волшебником, великодушным рыцарем, святым подвижником. Все равно лучше обойти стороной его пышный замок или аскетическую келью. Любой, кто платит за твою дружбу, рано или поздно непременно решит, что купил ее.

7. Признание

У меня есть почитательница. Прелестная пожилая дама, соседка по даче, принимающая судьбу моих сочинений чуть ли не ближе к сердцу, чем я сама. Она мной недовольна:

— Зачем вы вечно пишете якобы про животных? — Требовательный взгляд через мое плечо на экран монитора. — У вас уже был «Автопортрет со зверем», я тогда смолчала, но вы опять! В вашей прозе столько... (здесь скромность требует купюры), но эти собаки все портят! Как будто вы какая-то, простите, сентиментальная особа. Получается несерьезно!

О том, что назло фундаментальным достоинствам, каковые усматривает во мне собеседница, я ничего не имею против сентиментальности и несерьезности, разумнее помалкивать. С неуклюжим кокетством пробую отшутиться:

— Я могла бы еще писать якобы про кактусы. Но в качестве любительницы кактусов я сформировалась слишком поздно. Мои похождения в этом амплуа бедноваты...

— Да вы смеетесь! — сурово обрывает знакомая.

В почитателях есть-таки что-то от тиранов. Я делаю круглые глаза, наклоняюсь к ней и жутким шепотом возвещаю:

— Но есть и философский аспект! Вспомните, ведь это слово — ЗВЕРЬ — имеет еще одно значение...

— Дочь моя, ты наконец-то опять мне нравишься! Как ты его!..

Мама сияет. Только что я повела себя крайне неприлично, это-то и пришлось ей по вкусу. Мы опять прогуливались с собакой по просеке. Хотя чинное слово «прогуливались» чем дальше, тем меньше подходит к нашим беспорядочным метаниям. Глупый пес вконец отбился от рук. Он отнимает мячики у детей! Если бы пожелали, мы могли бы скопить изрядную коллекцию мячей всевозможных размеров и цветов. Но мы не желаем. Увидев в пасти Али очередной мяч, мы кидаемся на поиски обиженного ребенка в надежде возвратить ему его собственность. Это не так-то просто: наш бандит повадился забегать довольно далеко, и куда именно, за деревьями не видно. А напуганные хозяева мячей зачастую спешат удрать оттуда, где такая страшная собака — форменный ужас здешних мест! — настигла их.

И добро бы это чудище ограничивалось только мячиками! Но нет: он уже как-то пытался изъять у старушки корзиночку с грибами. К счастью, старушка попалась храбрая: не отдала. А хуже всего, что этот дурень пристрастился к топорам. Чуть заслышит, как где-то в чаще тюкают по бревну, и со всех ног устремляется туда. Еще минута, и он поспешает навстречу гордый, ликующий, с топором в зубах. Потом изволь носиться по зарослям, разыскивая теперь уже не приунывшего пацана, а разъяренного дровосека: «Извините, пожалуйста, это не ваш топор?»

— Нелепый пес! — корит своего любимца мама. — Когда-нибудь эти топоры выйдут тебе боком!

Она не может на него сердиться. Я-то могу, еще как: хорошенько разыгравшись, Али хоть кого доведет до белого каления. Поэтому, когда затюкало совсем рядом, за ближайшим кустом, и он рванул туда, я ринулась следом, морально готовая набить из него чучело. Но когда бедный куст поневоле, с треском пропустил меня, глазам представилось зрелище, от которого аж дыхание перехватило.

Посреди полянки, расставив для удобства ноги, стоял мужик и махал топором, норовя угодить собаке по лбу. В восхищении от такой динамичной игры, Али плясал перед ним, увертываясь с веселым лаем.

— Нет! — завопила я. — Не надо! Он добрый! Он не укусит!

— Кончать буду падлу! — отозвался мужик неумолимо.

Я не успела подумать. Просто прыгнула на него, чудом не угодив под топор, и зашипела прямо в лицо, оскалясь, как злая кошка:

— А ну назад! Или я тебя...

Мужик попятился. Подумал, небось, что дамочка взбесилась. Подоспевшая мама поймала Али за ошейник, и мы ретировались куда проворнее, чем пристало победителям.

— Да ты сама кусаешься!.. — провыл вдали дровосек, присовокупив обращение, слишком общеизвестное, чтобы стоило его здесь приводить.

Когда я, сконфуженная своей нецивилизованной выходкой, и мама, ею же довольная, вместе с Али ввалились в прихожую, перед самой дверью аккуратно стояла пара кед, таких маленьких, что даже мне бы не влезть.

— Чьи это крохотные кедики? — радостно гудит мама.

А из комнаты, шаркая моими великоватыми домашними шлепанцами, уже выходит Аська Арамова, в очередной раз сбежавшая из своей родной, постылой Йошкар-Олы.

...«В ликбезе» мы не были такими уж близкими друзьями. Те, что значили для Аси не в пример больше, меня в упор не замечали. Ведь я не принадлежала к Семинару Такого-то, полугонимому и оттого еще более престижному, где цвет филфаковской мысли с приличествующими юным интеллектуалам ироническими ужимками священнодействовал, возделывая ниву высокой науки. А те, что были всех важнее для меня, даже пытались устраивать мне дипломатические представления, зачем, дескать, пятнаю свои одежды, а посредством этого и всю нашу — из трех персон состоявшую — касту избранных общением с «этой Арамовой», которая только и годится, чтобы украшать собой Семинар Такого-то, стаю мелкотравчатых карьерных волчат. О, мы ни к кому и ни к чему не примыкали! Мы отчужденно несли сквозь толпу сумрачные светильники наших душ, и пространные причудливые письма, что мы любили писать друг другу, опять же с ироническими ужимками, отдавали серебряным веком...

Все это, казалось, счастливо обретенное затем, чтобы озарять наш путь до гробовой доски, рухнуло в свой черед сначала для Анастасии, потом для меня. А дружба, вроде бы второстепенная, устояла. Еще окрепла. Не оттого ли, что, наученные разочарованиями, мы уж не взваливали на нее груза несбыточных иллюзий? Арамова молодец. Человек надежный. Не в том смысле, что-де в трудную минуту последнюю рубаху отдаст (отдаст, пожалуй, но по мне эта традиционная российская доблесть не слишком-то дорогого и стоит, вернее, не столь о многом говорит: часто она свойственна тем, кто в минуту полегче утопит тебя же в ложке воды). Нет, Аська — она как хороший остров. Рельеф сложный, климат не райский, но, когда все это изучишь, достойное существование, считай, обеспечено. Здесь скала, крутенька, но внезапных обвалов не сулит. Там — ну, если и болотце, и аспиды водятся, так вольно ж тебе соваться! Зато уж где сегодня зеленый луг, приветливый лес, земляничная поляна и все такое, там завтра не разверзнется предательский провал, змеиная трясина не захлюпает. Все без обмана.

— Приехала! Надолго?

— На неделю!

Мы не обнимаемся — обе получили суровое воспитание и к дамским поцелуйчикам не приучены. Просто смотрим друг на друга. Давно не видались. А последняя встреча была, когда...

Зато Али подскакивает так высоко, что умудряется лизнуть гостью в нос.

— А собачонка-то лядащая! — зловредно фыркает Аська, обвивая тонкой рукой мощную бугристую шею пса.

О чем она сейчас думает? Я-то не без тревоги спрашиваю себя, вправду ли рада ей.

Вроде бы ничего, рада. Не слишком. Что ж, радость мне теперь отмеряется в гомеопатических дозах. А ведь только что пришлось убедиться, что со злобой у меня все в порядке — запас достаточный, чтобы при надобности обратить в бегство гориллу с топором.

Мы закрываемся в моей комнате. С ногами забираемся на диван. Аська закуривает сигарету — знакомый плавный жест руки, длинные узкие пальцы, желтоватые то ли от никотина, то ли от монгольской примеси, благодаря которой темносерые глаза так по-восточному оттянуты к вискам. Синий чулок? Дурнушка? До какой степени люди слепы! Да если бы не эти огромные очки, тусклые мешковатые платья, густющая челка, норовящая дорасти до кончика носа... Глядя на Анастасию, так и хочется снять фильм-сказку об очередном преображении бедной чумички в принцессу, диковинный заморский цветок. Какая фактура пропадает! Впрочем, ленясь, даже как будто брезгая преображаться телесно, Арамова делает то же — в слове. Когда пишет, особенно стихи, действо происходит на бумаге, но легко обойтись и без нее. Заговорив, она словно бы раскрывает переливчатые атласные не то бабочкины крылья, не то лепестки. Вот он уже и начался, наш треп, сперва торопливый — как плотину прорвало, — но скоро поток входит в свои берега, становится неспешным, уже и паузы возникают, они тоже вкусны по-своему. Анастасия — редкостная, богоданная болтунья: ее речь сама по себе произведение искусства. Один голос чего стоит — глубокий, низкий, бесконечно интеллигентный... Я знаю людей, которые, однажды послушав аськины разглагольствования о чем придется, хоть о погоде, годами хранят эстетическое впечатление.

Познания Арамовой неистощимы, да поразит чума безмозглых мерзавцев с кафедры научного коммунизма, что, мстя за строптивость, не пустили ее в аспирантуру! Вот кто настоящий филолог! О литературе, старой и новой, ей ведомо столько, что мне и не снилось. И о последних журнальных публикациях, о том, кто в Эстонии лучше всех пишет стихи, а в Португалии — прозу, чьи переводы древнеегипетских либо австралийских лириков ближе к совершенству... В людях, особенно про-

тивоположного пола, она разбирается хуже: иные ее предпочтения просто уму непостижимы... (чья бы корова мычала!), зато уж книжки не почитывает, а в них живет, да не как-нибудь — страстно. Пушкинистка. Но Пушкина беспардонно чтут все, а вот попробуй найти здесь ценителя, скажем, дагестанских пиитов! Анастасия их тоже любит, так умно, так нежно, что, послушав ее, и профан смекнет: те, кто их знать не желает, и в «нашем всем» не смыслят ни уха, ни рыла.

Хорошо с ней. Особенно после алкиных фрейдистских изысканий, надеждиных выкриков, томкиных телефонных переговоров...

— Что поделывает птица Клест? Ладите?

— Отлично.

Это правда. Но не вся. А загвоздка именно в телефоне. Каким-то образом узнав номер, мой бывший супруг повадился названивать ей. Чисто словесные шашни под предлогом общей склонности к живописи. Виктор мечтал стать когда-нибудь художником. Напрасно: при общей одаренности как раз этого таланта он лишен. Покойница-бабушка сказала бы: «Он умеет нарисовать кошку спереди и кошку — сзади», но это все. Твердая рука, верный глазомер, безличная мазня ремесленника. У меня не хватило жестокости сказать ему об этом. Сначала потому, что верилось — такому все доступно, стоит лишь взяться всерьез: талант спит, но он вспыхнет, иначе быть не может. А в конце, когда сообразила, что мечта в скачковском душевном хозяйстве нужна, не чтобы ее осуществить, а чтобы, ею прикрывшись, не осуществлять ничего другого, говорить стало поздно — теперь это был бы мстительный прощальный удар ниже пояса.

— Ван-Гог? Он-то да, конечно... Сезанн? Может быть, хотя, по-моему, тут... Нет, насчет Гогена я тебе прямо скажу... А, ты так? Ну уж, пожалуйста, не выдумывай! Со мной и с тем, что я люблю, а что наоборот, тебе так просто не разобраться. Даже не надейся! Вот еще! Я совсем другое имела в виду... Слушай! Мне кажется, ты все время себя за что-то грызешь. Это непродуктивное состояние. Если ты в чем-то и виноват, лучше простить себе! Именно! Когда себя любишь, больше надежды, что сможешь быть добрым и к другим людям тоже! Хо-хо-хо, в остроумии тебе не откажешь!.. Нет, на той выставке не была. И не пойду, надоели... Что? Да, здесь. Хочешь поговорить? Шурк, тебя!

Терпеть их не могу, его телефонных вторжений в единственное убежище, где я спасаюсь от прошлого. Говорить не о чем — мы отговорили свое. Все еще мучительно родной, голос в трубке мелет пустое, я чем-то настолько же скучным отвечаю. А передав трубку снова Тамаре, слышу:

— Ты что с Шуркой сделал, паразит? Чего ты ей там наплел? Она аж с лица спала! Ничего такого? Врешь, небось? Ну, мужики! А то я вас не знаю! Так вот что ты, выходит, обо мне думаешь? Совсем обнаглел! Хо-хо! Кто? Коровин? Да, насчет Коровина ты прав...

«Хоть от этих наблюдений на мой счет могла бы меня избавить. Она что, дура? Или дрянь?» Я знаю, что ни то ни другое, но понять, зачем, все же не могу. И, не узнавая себя, смотрю на подругу, в известной мере даже благодетельницу глазами, каких у меня отродясь не было не только для друзей, но и для недругов. Эти слишком пылающие щеки, чересчур сочные уста, не в меру крутые бедра, туже некуда обтянутые джинсами, это утробное похохатыванье на «о», если не на «у», будто кудахтанье удовлетворенной клуши, все то плотское, полнокровно-земное в ней, чем можно было бы восхищаться, как особой щедростью природы, внушает мне в такие минуты престранное чувство. Оно бы смахивало на любопытство, но до того прозекторски холодное, что ревнивая ярость, и та, пожалуй, гуманнее.

Впрочем, стоит Томке отойти от телефона, и все возвращается на прежние места. Мы успели-таки сродниться, каждая до поры до времени прощает другой резкое несходство, с первых дней поставившее предел нашей дружбе. А звонки скоро прекратятся. Как только до меня дойдет слух о женитьбе Скачкова, я не премину сообщить новость Тамаре — и она с неприкрытой наивной досадой оборвет ученые собеседования о сравнительных красотах Бакста и Бенуа.

Только и всего. Так просто!.. Густой мужской голос, бубнящий, хоть по телефону, любезности, — этого достаточно, чтобы проблемы подруги, на которой почему-то, хо-хо, «нет лица», напрочь вылетели из разгоряченной головки. Процесс, чтобы не сказать акт кокетства, даже столь платонического, поглощает Томку без остатка... Или есть там все-таки и другое? Она дразнит меня? Хочет, чтобы я разразилась упреками, мы бы покричали, потом, хлюпая носами, обнялись и стали еще ближе друг другу, наконец-то запросто, по-бабьи? Невыносимо. Дружба в действительности так же убога и подловата, как любовь... или это я не умею?.. Чушь! Все я умею... то есть умела... да теперь что уж...

— Послушай. Мне страшно, но я должна тебе кое-что сказать.

Собеседница, только что закруглившая отменно тонкое суждение о Кушнере, причем с той особой бархатисто-превосходительной интонацией, которую она, грешным делом, себе со мной позволяет, а я, втихую морща нос, терплю, глядит на меня, как цыпленок на варана. Анастасии — страшно? Вот еще! Один раз ей-таки довелось сообщить мне пренеприятнейшее известие. Но уж больше никто не сможет добиться со мной подобного эффекта. И бесполезно сетовать, что Аська умудрилась пересказать ту историю едва ли не всем общим знакомым. Она, такая с виду строгая, неприступная, хоть и крошечная, органически не способна хранить тайны. Ни свои, ни чужие. Все выболтает, иной раз явно во вред себе! А ведь трудно найти кого-нибудь, менее похожего на вульгарную трещотку. Все потому, что арамовская беседа, ее устное творчество, как и любое другое, не внемля

житейским резонам, требует пищи. Тут — стихия. Когда-то я злилась, но это по глупости...

— Да брось! Что может быть такого, перед чем мы с тобой спасуем? Выкладывай!

— Нет, не смейся. Я сделала действительно ужасную вещь. По отношению к тебе. Мне надо все рассказать, но очень трудно.

— Да что ты могла мне сделать? Была добрее к Скачкову, чем тогда решилась признаться? Ну и ладно! Теперь это не имеет значения.

— Фу! Разумеется, нет... Впрочем, то, что произошло, не лучше... Перестань же смеяться! Всерьез прошу: приготовься узнать об очень скверном поступке. Иначе у меня не хватит смелости... Мне так нужно, чтобы ты меня простила! Шурка, постарайся простить, ладно?

— Считай, что это уже произошло.., — черт, а что, если... В прошлый раз Аська прожила у нас недели две, подолгу оставалась в комнате одна, а тетрадка...

— Я прочитала твой дневник! Сначала открыла по ошибке, а потом... Понимаешь, я за тебя испугалась. Ведь не подозревала, что такая беда, ты же не говоришь ничего, а Скачков тогда еще не... это было до.., — она мужественно встряхивает головой. — Ох, нет, что оправдываться? Все мое проклятое свинячье любопытство!

— Ты блестяще срежиссировала роковое признание: я догадалась секунд за двадцать до того, как ты сказала.

— И не сердишься? Правда?

Где-то на периферии сознания теснятся бессвязные, патетические, жалкие и безумные обрывки той муры, которой я несколько месяцев подряд заполняла свою потайную тетрадку. Ох, вот уж что не предназначалось ни для чьих глаз... Так и прятала бы получше! Скажи еще спасибо, если отец не заглядывал туда, пока ты кисла на службе! Это чтиво могло бы послужить надежным подспорьем его знаменитой мистической проницательности! Бр-р! Нет, мимо! С этим я носиться не стану.

Однако Арамова сильна. Совершить подобное преступление — это я еще понимаю. Помнится, однажды в девятом классе... Но тогда я уж молчала бы, как древняя гробница. Она — призналась. И это претворила в слово! Осталась верна своему дару, предназначению, своему проклятию.

Немножко все-таки свербит. А, ерунда! При моей-то закалке...

— Оставь, не думай об этом. Со скачковской эпопеей покончено. Кажется, в математике к бесконечно большой величине что ни прибавляй, разницы нет? Ну, так в моей биографии это была бесконечно большая бяка. Плюс-минус то или се, значения уже не имеет. Это мне должно быть неловко, что такой стилистически возмутительный документ попался на глаза столь изощренному критику как Анастасия Арамова.

И надо же! Успев совершенно успокоиться (а разве не к этому я стремилась?), моя кающаяся грешница, поганка этакая, снисходительно роняет:

— Да уж, стилистика там!..

8 . Переписка пальмы с сосной

«Я сижу на парковой скамейке. Море плещется внизу, совсем близко. Стайка потрясающих голых негритят с воплями носится по краю прибоя. Кругом все яркое, пышное, и кустище сплошь в райских громадных цветах цепляется ближайшей веткой за мои волосы, щекочет шею, одуряюще благоухает. А я едва сдерживаю слезы. Все это — не для меня. Здесь стыдно, унизительно быть одной. Эти места созданы для счастья. И влюбленные обнимаются, ни от кого не прячась. Вчера шла по пляжу, задумалась, так чуть не наступила на парочку. Это не противно, они радостны и красивы, как цветы. Сашка, мне еще нигде, никогда не было так плохо!»

Шесть торопливо исписанных блокнотных листков лежат на конторском столе. В окне напротив бетонная стена. Подняв глаза от письма, я смотрю, как февральский ветер проносит мимо нее клубы снежной пыли. Для блаженств, будь то земных или небесных, этот ландшафт никоим образом не приспособлен, и я почти слышу знакомый жалобный голосок: «Да... тебе легче...»

Вот я смеюсь, а ты, может быть, права. Нам не дано знать, кому горше: у кого суп не густ или у кого жемчуг мелок. И к тому же, хоть я для разнообразия охотно бы погрустила под твоим райским кустом, нелады с жемчугом — именно мой, а не твой случай. Я искала чего-то немыслимого — кому и блуждать в ледяной пустоте, если не мне? А ты хочешь простых радостей: семьи, где все по-доброму, детей. Тебе-то за что нет удачи?

Мы каждую неделю пишем друг другу. Вера на Кубе уже второй год. Выучила разговорный испанский, укротила буйную стаю подростков в полувоенном училище, где умственный уровень по-армейски низок, зато дисциплиной и не пахнет, а теперь обучает офицеров-артиллеристов. Тут и подавно все путем: революционные пушкари туповаты, но усердны. И вежливы, благо Вера усвоила, какой должна быть «настоящая сеньора», и старается соответствовать. Сеньора никогда не побежит, даже если автобус уходит, а следующего ждать на жаре часа полтора: ей подобает гордо плыть. Она не носит ничего тяжелее дамской сумочки — это неприлично. В любое пекло на ее потных ногах должны быть чулки, за неимением целых — с дырками (что поделаешь, товар дефицитный). В каждом движении сеньоры сквозит сознание собственной роковой неотразимости: «Здесь женщин куда меньше, чем мужиков, и

самая неказистая грымза чувствует себя бесценным сокровищем, желанным для многих. Когда смотришь на такую, начинаешь понимать, насколько эта уверенность важнее, чем красота. Об уме судить не берусь — похоже, это вообще не по моей части...»

Сестрица на себя зла: попав в непривычную обстановку, она наделала глупостей, каких любая дура избежала бы без труда. Дурам по большей части свойственно судить о вещах низменно, чего иные вещи, без сомнения, заслуживают. А Вера начала с того, что добровольно пошла работать в загородное училище, тогда как прочие члены группы с приятностью обосновались в институте в Гаване. Вере так хотелось там остаться! Но тогда Зинаида, сухопарая бледная девица с напряженной спиной и непримиримо поджатым ртом, как единственная среди них партийка, угодила бы на этот «самый трудный участок» одна-одинешенька. «Она чуть не разрыдалась, когда это услышала! Я не могла поступить иначе. Ее никто не любит, в общежитии тоже все сторонились... Зина гордая, этим она напоминает мне тебя. И она тонкий человек: когда слушает классическую музыку, по щекам текут слезы, представляешь? Конечно, характер у нее трудный. Зато ее доверие не так просто заслужить, а мне это удалось. Мы будем вместе работать и жить в одной комнате...»

«Ты спятила! Если есть хоть малейшая возможность, переиграй все! Твоя Зинаида — истеричка, расистка и хамка, чтобы понять это, достаточно полчасика светски поболтать с ней. На то есть симптомы: от тебя они ускользают, но я-то, пять лет протрубив в НИИ, такие заболевания распознаю с ходу. Болтали мы об ее поездке в Грузию, о нашей общей альма матер и о дамской одежде. Было изречено три умозаключения. Кавказ населен черными похотливыми скотами, «людей там нет!» — это раз. В университете, среди беспринципной шантрапы, способной только пить и сношаться, интеллигентному человеку не место — это два. И наконец, женщина, если она достойна этого имени и хоть капельку себя уважает, скорее умрет с голоду, чем позволит себе показаться на люди в дешевом тряпье по позапрошлогодней моде и без укладки. Последнее пациентка сообщила мне с едким торжеством, красноречиво глядя в глаза. Человек она несчастный и в отместку за это готова посыпать дустом все живое в пределах досягаемости. Никакой оплаканный Бетховен тут не поможет. С подобной соседкой тебе обеспечена маленькая коммунальная преисподняя...»

«Может, ты в чем-то и права, хоть больно свирепа. Я не раз жалела о своем решении: Зина, когда не в духе, невыносима. Но в том, что я попала сюда, есть хорошая сторона. К нам с недавних пор зачастил один человек. Ему за сорок, он москвич, занимает здесь крупную должность, отчасти или совсем военную, я толком не разобралась. Он умный, но главное, у него редкостный аппетит к радостям жизни, будь то сочный бифштекс или красивый закат. Есть особая сила в том, чтобы

дожить до таких лет и не впасть в уныние (стыд и срам, что мы так легко в него впадаем!). Энергии в нем больше, чем в десятке юнцов, а ведь он много пережил. К нам с Зинаидой он поразительно заботлив. Катает на машине, развлекает, угощает такими вкусностями, на какие у нас никогда бы денег не хватило. А стоило мне заикнуться, что в нашей комнатенке душно, он на другой же день принес огромный голубой вентилятор дивной красоты. Возможно, я излишне самонадеянна, но, по-моему, я занимаю его больше, чем Зина. Нет, не думай, я не так уж увлечена... кстати, скоро ему придется слетать в Москву. Я попрошу его передать для тебя посылочку. Уверена: мне он не откажет. Хочу, чтобы ты на него посмотрела. Это человек сложный, закрытый при всей внешней раскрепощенности, вряд ли ты что-то успеешь разглядеть. Но все же попробуй. Ты знаешь, как твое мнение для меня важно!»

«Посылку получила. Спасибо. Что до твоего приятеля... Дядюшку нашего помнишь? Тот же тип витальности, та же дубленая шкура, и вероятно, тот же род интересов. Когда ему случалось в поисках клубнички путешествовать по окрестным весям, младые нимфы тоже приходили в экстаз от его широты, щедрости и мощи. Ну, Верка же, не зевай!»

В таком с позволенья сказать конспиративном стиле я пытаюсь поделиться с сестрицей предположением, что их новый знакомец в лучшем случае блудливый кабан, в худшем — еще и сотрудник органов. Те же органы наверняка контролируют корреспонденцию, и от моего эзопова языка вреда, может статься, больше, чем пользы. Но я в испуге. Письма идут так долго, а романические отношения под знойным небом юга расцветают так быстро, что мудрено ждать толку от моих предупреждений. Ох, что за рожа! Булыжник пролетариата, подернутый департаментским жирком! Каково будет сестре, когда у нее откроются глаза?..

— Задала же я работенку своему ангелу-хранителю! — скажет потом Вера.

Ангел, однако, не подкачал. Хоть не ангельское это дело, а похоже, именно он внушил Зинаиде столь целеустремленную страсть к чиновному кабану, что тому пришлось начать с нее. А когда потом подкатился к Вере, само собой, не преуспел. Вот только Зина, видимо, чувствуя неполноценность своей победы, осатанела до того, что даже здороваться перестала. Долгие месяцы в крошечной каморке один на один с пышущей ненавистью врагиней, изматывающая работа, влажный приморский зной... А тут еще коллега-кубинец наседает «с благородными намерениями». Он ей не нравился, и Вера учтиво соврала, что в Москве ее ждет жених. Рикардо — паршивец носил столь рыцарственное имя, — посчитался за обиду: приволок узел, попросил дружбы ради подержать у себя до завтра, а сам сбегал и донес, что сеньора Гирник спекулирует, вот и сейчас у нее в комнате хранится товар... За такое

полагались высылка и пятно несмываемого позора — болтовня о последствиях экзотического романа грозила обернуться пророчеством, что, учитывая незавидные качества данного конкретного мулата, было бы особенно досадно. Однако ангел и тут не дремал. Высокий покровитель Зины, бдивший над благонадежностью советских специалистов, замял дело. Потому ли, что его пассия жила в той же комнате, а тут могли возникнуть кривотолки, или сыграла роль еще не остывшая слабость к Вере, как бы то ни было, до скандала не дошло.

«Я даже радоваться не могу. Все так нелепо и мерзко! А ведь это было настоящее чудесное избавление... «

«Ладно, порадуюсь вместо тебя. Но есть дело, которое тебе необходимо провернуть самой. Выбирайся из училища, а главное, отселись от Зинаиды. Тебе там на месте виднее: подумай, разведай, посоветуйся, на уши встань, но беги!»

«Шурка! Все получилось! Я в Гаване! И работа будет полегче. Но есть новость более важная. Я встретила... не знаю, как тебе его описать. Ты, может быть, удивишься: он некрасивый. Но когда узнаешь его поближе, надеюсь, меня поймешь. Мне с ним так, будто десять лет знакомы. Он наш брат, тоже гуманитарий, и он влюблен в меня. Кажется, я тоже. Да, это случилось. Все случилось, понимаешь? Мне сейчас только одно странно: почему это считают грехом? Это так просто, невинно. Он был тоже одинок, мы потянулись друг к другу, и нам стало хорошо. Не похоже на то, о чем когда-то мечтала, да ведь эти мечты — безумие. Они подменяют жизнь, я и так просидела в них, как в тереме, взаперти лучшие годы. Зато теперь у каждого дня появился смысл. Только плохо, что мы поздно встретились. Его вот-вот отправят в Москву. У меня к тебе просьба. До моего возвращения не бросай его там одного! Он такой потерянный... Была жена, но изменяла с каждым, даже с его друзьями. Теперь у него нет ни ее, ни их. Ты, как никто, должна это понимать. Ну, просто видься с ним иногда, пусть он тебя в кино поводит — отличный знаток кинематографа, рассказывает о нем здорово. Тебе будет интересно. Но если и скучно, и не до того, все-таки сделай это, как сделала бы ради меня».

— Здесь и встретитесь! — не терпящим возражений тоном объявила Клест. — Нечего ему ехать к тебе за город, Николая Трофимовича прежде времени пугать! Да и мне посмотреть не терпится, кому Верка досталась.

«Досталась»? Неужели это необратимо? С придирчивостью мамаши, не находящей молодца под стать своему чаду, я разглядываю странно знакомую физиономию того, кто отзывается на имя Леонид и готовится наградить мою сестру далеко не столь звучной фамилией Сермяга. Он сидит на томкином протертом задами гостей стареньком диване, прямой и плоский, в до глупости светлом, ревностно отутюженном костюме. Что не красавец, это бы ладно, но похоже, будто его вместе с брюками и пиджаком долго вываривали в убийственно едких моющих

средствах. Кубинский загар, и тот не в силах скрасить унылой белесости... Да что я, в самом деле? Нельзя так.

— Расскажите про Веру.

— Чего ты выкаешь, Гирник? Ты что, не помнишь? Он же с нами учился, на ром-герме!

Так вот почему...

— Верочка удивительная. Ей приходится нелегко. Но она прекрасно держится. И сама такая светлая... Да вы же ее знаете лучше меня.

— Ну, это не столь очевидно! — усмехается Клест.

Пропустив игривое замечание мимо ушей, Сермяга извлекает из портфеля пластинку — «Можно?» — ставит на проигрыватель... Мужской голос поет, заходясь в сладкой истоме. Бледные глаза Леонида влажнеют.

— Мучача? Что это значит? — поддразнивающе воркует Тамара.

— Девушка. Это песня о девушке с яблочной кожей. И фарфоровым сердцем...

«Все, как ты хотела. Мы познакомились, я хожу с ним по абонементу на испанские фильмы, а когда не удается, он их мне потом пересказывает на редкость толково. Я бы так не сумела. Он выглядит приличным человеком и, судя по всему, действительно тобой дорожит. В ближайшее воскресенье собирается побывать у нас дома...»

— Этот? Вера увлечена им? Она что, с дуба упала? — от возмущения басом вопрошает мама.

— Тогда уж с пальмы. Перегревшись на солнце. Да постой, он, может быть, не так уж плох...

— Достаточно неплох для Верки? Тип, испещренный мелкими цветочками? Надутый, будто явился с ревизией? Ненавидящий собак?

Отец безмолвствует, созерцая заоконную градирню. Его спина — и та исполнена сарказма. Сермяга прибыл с визитом, облачившись в костюм сливочного цвета, украшенный — где только он его раздобыл? — рисунком, напоминающим ромашки. Хотел блеснуть элегантностью? Бедный! Да будь он в драных тренировочных штанах и заношенной водолазке, ему бы это не повредило — одежду, свою и чужую, Гирники не замечают, тут нечто большее, чем принцип: это успело проникнуть в костный мозг. Но такой наряд не в добрый час победил даже нашу фамильную невнимательность. А тут еще Али кинулся обнюхивать его цветочки, пуская от радости пузыри, оставляя на щегольских брюках влажные пятна. Самообладание изменило Леониду: он задергался, забубнил, что, мол, вообще-то, по его убеждению, животному в квартире не место, «нельзя ли, пока я здесь, запереть его в ванной комнате?» Мама отозвала собаку, но Сермяга все не может успокоиться — ежится, нервно пощипывает брючки на коленях, счищая действительные или воображаемые шерстинки. Чтобы отвлечь его от этого занятия, я предлагаю:

— Пройдемся?

В мало-мальски сносную погоду мы с Верой всегда прогуливаем своих гостей. Отношения с лесом разладились, как все у меня, и мой старый друг обернулся бездушным скоплением растительности, в эту предосеннюю пору желтеющей и пыльной, но бродить по его дорожкам все же лучше, чем сидеть с Сермягой в неприбранной каморке, где за стеной язвительный свидетель прислушивается к нашим разговорам. Али мы берем с собой: таким образом хоть один участник нашей прогулки будет от нее счастлив, да с ним и безопаснее. При виде такой псины мало кому придет в голову задираться. Впрочем, был случай, когда пьяный, ищущий знакомства, желая помешать мне уйти, схватил Али поперек живота и безнаказанно держал, а мой доблестный страж только изгибался в его объятиях с ужимками кокетки, когда она притворяется, будто домогательства ее смущают. Занятия на собачьей площадке, как я и предполагала, ничего не дали: там Али выполнял, что требовалось, но едва оказавшись на воле, посылал к своему собачьему черту правила, навязанные двуногими занудами. Охранник из него никакой: замечено, что при опасности он отходит в сторону, притворяясь, будто всецело поглощен ловлей лягушки или разрыванием мышиной норы. Хотя этого тоже не умеет: о проворных мышах ему и мечтать бы не стоило, а приметив лягушку, он долго с важностью прицеливается лапой, потом хлоп! — и застывает в недоумении: где она? Ведь только что была здесь!

Все это я рассказываю Сермяге, идущему рядом по лесному подернутому травкой проселку. Тема ему скучна, да вот беда: говорить нам не о чем. С этим человеком я чувствую себя тетушкой, которую попросили немного попасти респектабельного, но чуждого ее уму и сердцу племянника. Бог свидетель, я стараюсь. Даже удалось затеплить в себе слабый огонек симпатии. Как-никак письма с Кубы стали повеселее. Но покороче: «Мне ведь теперь и Лене нужно писать, а времени мало. Только почему он так скупо, редко отвечает? Скажи ему, что сеньора рвет и мечет! Нет, я понимаю: у него трудный период, и с жильем, и с работой все неясно... А ему все равно скажи, нечего!..»

— Ты так любишь животных?

— Что? Прости, я... Каких животных?

— Всяких. Кошечек, собачек.

Тон настолько желчен, что не заметить этого трудно. Даже при моей дремотной рассеянности.

— В общем, да. Еще люблю книжечки: стишочки, повестушки, романчики. И растеньица. Елочки, фикусики, баобабики. Ты против?

— Я считаю, что человек должен любить людей. Все остальное — подмена. Ты тратишь на собачек и кошечек душевные силы, которые следовало бы использовать по-другому.

Что «тип, испещренный цветочками», посягает на право судить о том, как мне надлежит распоряжаться собственной душой, само по себе достаточно курьезно. Я что-то не припомню никого, пригодного на роль эксперта в данной области. Да и мыслишка до жалости пошла. Однако уведомить об этом обстоятельстве Сермягу значило бы поцапаться. Огорчить Веру... Нельзя. Буду кроткой, как овца.

— Не думаю. Тут нет связи. Просто среди людей мало таких, кого можно любить. Чаще приходится следить за собой, как бы пожалеть, а не возненавидеть. А звери, деревья... Зачем ты это делаешь?

Пока я мямлила, Сермяга отломил от встречного куста прут и теперь в такт шагу размахивает им, отсекая головки стойких придорожных цветов и трав.

— А, так тебе и этого сена тоже жалко?

И прут засвистал с удвоенной силой. Внезапное резкое — до мурашек в ладонях — желание вырвать и изломать орудие расправы... ух! Я насилу успела подавить его. Ничего себе! Нервы.

«На Леню злиться не стоит. Ему действительно не до писем. У него по горло забот. Например, он вынужден регулярно в сопровождении приятеля навещать бывшую жену у нее на квартире, чтобы в случае надобности было кому засвидетельствовать, что он там живет. Иначе она его выпишет, без московской прописки не станет и работы, все планы побоку, придется возвращаться в Сибирь. Ты, конечно, готова прописать его у нас, но для карьеры подмосковная прописка много хуже столичной... Кстати, к нам он приезжал. Родителям не понравился: они его находят излишне чопорным. Если начистоту, мне он тоже симпатичен меньше, чем хотелось бы. А видимся часто, он делится со мной своими проблемами. Но мы слегка раздражаем друг друга. Слишком разные. Тебя это не должно тревожить: так или сяк, все будет по-твоему. Разве что отец попробует помешать, но тогда это будет наша с мамой забота — обезвредить его. Главное, не ошиблась ли ты сама, не так в нем, как в себе. Может, зря ты принимаешь это тропическое приключенье настолько всерьез? Поразмысли там на досуге...»

Чего-то я недоговариваю. После той прогулки душа не на месте. Не нравится мне Сермяга. Кем нужно быть, чтобы перемениться к человеку за то, что посшибал головки полсотне сорняков и невзлюбил плохо обученную слюнявую псину? Ругаю себя, через силу расточаю подопечному любезные улыбки, подавляя зевоту, слушаю рассуждения, ясные, логичные, всецело посвященные собственной персоне рассуждающего. Но свист прута слышу. Перед глазами опять и опять — изувеченные ромашки на обочине и отутюженные — на брюках, злой вызов в углах бесцветных губ, слабых, упрямых... Что-то мне приоткрылось важное? Или открытие состоит в том, что я капризная неврастеничка?

А встречи все чаще. У Сермяги своего рода бзик: он не может решить, вступать ему в ряды КПСС или не надо. Мы часами бродим по улицам, обсуждая сей глубоко безразличный для меня предмет.

— Видишь ли, я неплохой специалист. Не только хорошо умею то, что делаю, но и мог бы гораздо больше. Надеюсь, ты не считаешь меня хвастуном?

— Нет. Ты дельный, это за версту видно.

— Спасибо. Но пойми, возможности такого рода требуют реализации, без нее все прокисает. Пять, от силы десять лет рутины, и обо мне можно будет сказать только то, что когда-то у меня были способности. Или не было. Это уже не будет иметь значения. Понимаешь?

— Да.

— Но допустим даже, что я решился бы ждать и терпеть. А чего ждать? Смотри: из разряда молодых специалистов я уже вышел. Если делать рывок, теперь самое время. А партбилет и через полстолетия будет так же необходим. Без него продвижение в любой области сомнительно, а когда работаешь с иностранцами — это же идеологический сектор — тут перспектив вообще нет. Тогда зачем было учиться? Чтобы состоять мальчиком на побегушках при болване-начальнике, который ни черта не смыслит, но с проклятой красной книжечкой всегда будет стоить больше, чем я со всеми своими знаниями, планами, энергией? Ты меня слушаешь?

— Да.

— И что бы ты посоветовала?

— Как я могу советовать? Эти вещи каждый решает для себя. По-моему, ты уже решил. Так действуй! Зачем зря мучиться?

— Ничего я не решил! Легко сказать — «действуй»! Противно же. Это такая клоака... Ты-то, небось, не вступишь? Не собираешься?

— Нет.

— Конечно, ты женщина, вам не обязательно... И если посмотреть на дело проще, даже циничнее, можно считать такой поступок своего рода стратегическим ходом. «Париж стоит обедни», а? Ветер какой... До костей пробирает. Тебе не холодно?

— Нет.

— А я вечно мерзну. Привыкнешь к теплу, потом изволь возвращаться в этот жуткий климат. Тоскую о Кубе, прямо сил нет!

Берет под руку, жмется зябко. Жаль его, в сущности. Права Вера: «потерянный». Но сколько может продолжаться такое безысходное, неуместно задушевное говорение все об одном: как бы и невинность соблюсти, и капитал приобрести? Да не знаю я! И он не знает. По-видимому, обкатывает на мне аргументацию, которой надеется уломать не меня, а собственную совесть. Стало быть, таковая существует. Это делает ему честь. Вот только... ветерок-то на самом деле мягок и тих. Мне мож-

но смело об этом судить: обычно именно я начинаю мерзнуть первой, когда прочим смертным еще жарко. Ладно, пусть кубинские навыки, пусть этот ласкающий зефир после Гаваны кажется ледяным бореем, а все же не слишком ли он льнет? Господи, сделай так, чтобы мне это показалось! Что я Верке скажу? Она там сидит одна, смотрит мечтательно на облака и верхушки пальм, придумывает, что бы еще утешительное, веселое, ласковое написать ему, которому здесь так холодно! Конечно, она поручила его сестре, да много ли от нее проку? Ан Сермяга, как сеньор воистину деловой, похоже, начинает подумывать, что за неимением «мучачи с яблочной кожей» приспособить можно бы и сестру...

— Я уполномочен передать тебе приглашение. В субботу у Зенина день рождения. Мы званы в какой-то особенный ресторан. Он в укромном месте, его мало кто знает, народу там немного, готовят изумительно... Зенин им гордится, как своей находкой. И настаивает, чтобы ты там была!

Настаивает? Зенин? Странно. Мне всю жизнь слишком многое казалось странным, а в последнее время я, похоже, вовсе перестала понимать, что к чему. Э, какая разница? Пойду. Если Зенин положил на меня глаз, а Сермяга готов помочь приятелю, это загвоздка, но не такая кошмарная, как то, что я предположила. С Зениным как-нибудь разберемся: он змеюка, но умница. Однако я думала, что из всех мыслимых дам его волнует только Ася, их не слишком ясные мне старинные счеты. Не далее как на прошлой неделе, когда мы столкнулись у Томки, Сергей долго язвительно инкриминировал мне какую-то глупость, когда же, наконец, выяснилось, что он перепутал меня с другой Аськиной приятельницей, пожал плечами:

— Виноват! Но дело в том, что Анастасия — явление такого масштаба, рядом с которым легко перепутать тебя с Аллой, Тамарой или кем угодно другим. Не во гнев будь сказано, эти различия в подобном соседстве несущественны!

Имея все права разозлиться, я была тронута. Ведь редкость... А при том, что эти двое расстались давно и, видимо, окончательно, редкость вдвойне. Да и вообще Зенин мне импонирует. Его экспансивность в ледяной броне вежливости, легкие точные жесты, подчеркнуто старомодная речь, даже птичья резкость голоса и высокомерные замашки вкупе создают впечатление весьма интенсивной, если не трагической внутренней жизни. Что-то там кипит в, кажется, наглухо запаянной колбе.

— Рад видеть вас, сударыня, не в интерьере жилища госпожи Клест, а, смею думать, на более подобающем фоне. Позволено ли сознаться, что дивлюсь вашей столь тесной дружбе?

— Не вижу, почему. Тамара...

— Более чем замечательная особа! Достойная всяческого восхищения! Но дух амикошонства, царящий окрест нея, как мне представляется, делает разумное общение затруднительным.

Мы сидим в знаменитом ресторане. Как профану, мне мудрено судить о его выдающихся достоинствах, однако то, что на тарелочках, вкусно. За столиком нас трое — виновник торжества по сему поводу заявил, что качество гостей предпочтительнее количества оных. Хрупкий денди мальчишеского роста с лицом ребенка и скользящим, но цепким взглядом едва ли не инквизитора, Зенин нынче еще нервнее и велеречивее обычного. Его веселость трудно разделять, такой натянутой она кажется. И напитков многовато.

— Португальский портвейн! — со страстью в голосе восклицает Сермяга. — Помнишь, мы спорили? Я тебе говорил, что портвейн может быть не пойлом, а напитком богов? Сейчас ты в этом убедишься! Ну? Что я говорил?! Нет, до дна! Первый тост за новорожденного!

— Повторим? Признайся же, вкусно? Саша, ну почему ты всегда такая сдержанная? Как на дипломатическом приеме! У нас дружеская пирушка, это лучшие минуты жизни, когда и забыть грусть, если не сейчас? Ура! Улыбнулась!

— А вот и шампанское! Бокал за прекрасную даму, удостоившую нас своей улыбки! — Зенин наливает, и прикладывается к ручке, и мы чокаемся, и он тотчас снова наполняет, теперь это маленькие коньячные рюмашки.

— Покорнейше прошу оценить этот коньяк! Такой вы едва ли когда-нибудь пробовали, мадам... Нет-нет, я буду безутешен, если ты откажешься!

Голова уже кружится. В желудке бродит адская смесь — зря я поддалась на уговоры, надо было держаться чего-нибудь одного. Рука Сермяги, хотя ей там не место, пристроилась на спинке стула у меня за спиной. Испытующий взгляд Зенина не отрывается от моего лица. Да они же меня спаивают! Нарочно! Зачем?

Щеки горят, в глазах, небось, кочуют туманы... Однако напоить «председательницу оргий», во время оно, не теряя присутствия духа, глушившую далеко не португальский портвейн, а то и «Солнцедар» наравне с такими титанами как Катышев и Скачков, этим пижонам слабо. Правда, я уж не та. Но пока я в сознании, мозг будет работать четко. Такое свойство. Сейчас мы его используем.

— Еще коньяку, сударыня?

— Нет, господа, шампанского!

Теперь не только они, но и я слежу за ними. Переглядываются. Что это значит? «Готова, можно брать голыми руками!»? Это кто же из вас такой прыткий? Зенин? Нет, — вдруг понимаю, — он так мараться не станет. У него иная корысть. В памяти всплывают его едкие замечания. Ну как же, поэтическая натура, оскорбленная грязью житейской! Он переживает период острой мизантропии. Во всех его речах превалируют общие соображения о людском ничтожестве, подкрепляемые конк-

ретными примерами. Сейчас Сережа Зенин, эстет чертов, горько облизываясь, сервирует себе еще один такой примерчик. Его так называемый друг, этот сентиментальный, добропорядочный, нежно влюбленный Леня вот-вот, как последний паскудник, потащит в койку полубесчувственную сестру своей любимой. А эта якобы недотрога, мнящая себя невесть кем, подруга самой Анастасии, пробудится завтра с похмельной тошнотой в объятиях сестрина любовника. Сколько калорийной пищи для презрения! Оно нажрется, как удав, и может впасть в спячку хоть до весны к вящей славе своего коварного обладателя...

Или все это бред?

Не исключено. Кто поручится, что у меня не может быть такого скверного бреда? Ведь папина дочка, да еще и под мухой... Кстати, сей никого из участников сцены не красящий момент моего повествования представляется удобным, чтобы заверить близких и дальних, что все лица и факты, о которых идет или еще пойдет речь, являются чистейшим вымыслом, и ежели кому померещится, будто он здесь узнает себя либо кого-то из знакомых, к этому бесовскому наваждению подобает отнестись соответственно.

— Мне пора. На последнюю электричку опоздаю.

— Останься! Наплюй на все, не разрушай компанию! Можно же и в Москве переночевать, у друзей...

— Я не могу ввалиться к Томке в первом часу.

— Ну и ладно! Поехали ко мне! А что? Раскладушка есть! — щупальца потерявшего терпение Сермяги норовят недвусмысленно обвиться, но во взоре проницательного Зенина уже явственно читается: «Сорвалось!» Разочарован? Или, как изощренный гурман, болел за обе команды разом?

К метро иду молча. Шаг почти тверд. А бокал ресторанный разбила-таки: пальцы спьяну как вареные макаронины.

Друзья провожают меня метра на полтора сзади, перебрасываясь репликами вполголоса. Не прислушиваюсь. Это уже не интересно. На прощание мы церемонно раскланиваемся. Я благодарю Зенина за приятный вечер. И Сермяге улыбаюсь. Все. Он даже не позвонит — ума хватит.

Дома меня ждет письмо из Гаваны: «Другому не сказала бы, но ты поймешь. Разлука прекрасна. Может быть, она даже лучше всего остального. Какое наслаждение — ждать, тосковать, считать дни, которые остались до встречи! В разлуке чувство очищается от бытовых мелочей, и тот, кого нет рядом, становится так чудесно близок, как никогда раньше. Только немножко боязно: а вдруг и — никогда позже?..»

Накатав многостраничное сумбурное посланье с уймой разного рода болеутоляющих экивоков и книжных параллелей, где даже, помнится, сравнивала злосчастного Сермягу с картонной невестой из «Балаган-

чика», той, что «упала ничком», а встать не может, я жду ответа с тоскливым страхом и запоздалыми сомнениями. Стоило ли ей сейчас все это рассказывать? Издали... Когда ни обнять, ни уточнить неверное слово, ни ответить на вопрос, предвидеть которого не сумела... Из глубины сердца доносится невнятный покаянный скулеж. Никуда не денешься, мой поступок отвратителен. Но я знаю Веру. Тут мы похожи: в разлуке не остываем. Наоборот! За несколько месяцев садовница нашего типа из крошечного зернышка увлечения вырастит влюбленность таких размеров, что от нее спасу не будет. Это вряд ли могло бы случиться в присутствии реального молодого человека с постной физиономией, на которую природа насилу наскребла материала, с такой же скудной душой и умом, обуянным помыслами о плюсах и минусах вступления в партию. Он бы уж не преминул взгромоздиться всей тяжестью, и не раз, на неокрепший росток. А тут — благодать, простор для творчества...

«Не расстраивайся уж слишком. Я сначала тоже огорчилась, всплакнула, но это скорее от уязвленного самолюбия. Полюбить по-настоящему я не успела. И едва ли смогла бы. Человек, которого любишь, не может казаться уродом. А меня это грызло. Я все думала: «Если будут дети, только бы в наше семейство пошли...» Небось, если бы любила, с радостью воображала бы себя окруженной выводком сермяжат мал мала меньше, с такими же неотразимыми узенькими лобиками и обворожительными остренькими подбородочками...

Обещаю тебе, что скоро утешусь. Было бы ужасно, если бы ты это от меня скрыла! Я ведь хранила бы торжественную верность, представляешь, как глупо? А теперь надеюсь в самом скором времени показать тебе пример благоразумия. За мной тут с огнем во взоре ходит один лейтенант из Киева. Рядом с нашим Леней его можно принять за самого бога Марса. Еще вчера я в третий раз пресерьезно намекнула ему, что сапоги он топчет зря. Теперь вижу, что моя суровость была преувеличенной. А ты, злодейка, уж если нанесла моему «фарфоровому сердечку» такой удар, изволь теперь его же и потешить. Тебе не трудно это сделать. Я хочу получить письмо с известием, что ты, наконец, выбросила из головы Скачкова со всеми его проспиртованными потрохами и завела любовника. Честное слово, я так обрадуюсь, что сразу забуду афронт с Леонидом. Пора, Сашка! Хватит киснуть! Тебе это не к лицу!»

Вот она — другая, мало кому известная Верочка Гирник, о существовании которой даже я забываю, так редко приходится иметь с ней дело. В обычной жизни моя сестрица для мира — образец пушистой прелести, а для близких — нытик такой, что хочется убить. Но прикрутило, и нате вам: реакция, как у боксера! Апперкот судьбы провалился. Считается, что из нас двоих я сильнейшая. А так — не умею. Завидую. Конечно, Вера храбрится, ей труднее, чем она хочет показать. Но в общем, слава Богу, обошлось.

«Только не слишком ли жестокую епитимью ты на меня накладываешь? Помилосердствуй! Может, там вокруг тебя и увиваются античные боги (боюсь, что мундир их очень портит), но здесь-то, вспомни... Неужто выбор между Пашей и Гошей более не терпит отсрочки? Или ты требуешь, чтобы я переспала с Пришельцем?»

9. Три прожектора

Когда ты, пусть и пришибленная из-за угла пыльным мешком Рока, все же молода, свободна, вроде бы не ханжа и твою твердыню осаждают трое довольно усердных претендентов, это по меньшей мере весело, не правда ли? Должно быть весело, даже если в отличие от младшей сестры ты далека от девчоночьей иллюзии, будто интрижка — лучшее лекарство от всех печалей. Впрочем, может, в этом заблуждении и есть смысл: снадобье, в которое больной верит, иногда помогает независимо от своего химического состава. Но я-то, во-первых, не верю, а к тому же...

Двое из них — Гоша, бывший университетский однокорытник, ныне же волею судеб снабженец в какой-то конторе, и безработный актер Паша — милы, если не считать неудобной привычки, звоня по телефону, объявлять: «Привет, это я!», вынуждая собеседницу или бестактно осведомиться, кто говорит, или долго ласково толковать неведомо с кем. Но есть еще Пришелец, и он зловещ. Под этим именем в нашей с Верой переписке фигурирует некто Лев Николаевич Постов, субъект лет пятидесяти с гаком, смахивающий на статую Командора. В отличие от своих конкурентов этот по телефону всегда представляется, чего мог бы не делать: его барственный, с по-мхатовски отчетливой дикцией и выработанными модуляциями голос ни с чьим не спутаешь. Коллеги по работе не скрывают зависти:

— Шура, тут без вас опять Толстой звонил! Какой интересный мужчина!

Однажды заявившись к Тамаре, Лев Николаевич остановил свой тяжелый ледяной взор на мне, о чем я бы, впрочем, не догадалась, если бы на следующий день Алина, которая его и привела, представив как друга своего отчима, не уведомила меня о негаданном успехе.

— Он просил у меня твой телефон, но с условием, что ты дашь на это разрешение. Лев Николаевич человек воспитанный. Доктор наук! Правда, его из института выставили, он теперь на пенсии по инвалидности. Загнали в психушку, признали невменяемым, хотя, по-моему, он всех нас нормальнее. И отчим так думает!

— Но почему? Что случилось? — во мне тотчас взыграло то непременное сочувствие к ближнему, пострадавшему от властей, которое возбуждал в те годы — не всегда кстати — любой пациент этого заведения.

— О, это так интересно! Он увлекся проблемой пришельцев. И убежден, что они существуют, посещают Землю регулярно; издавна, их много, американцы прекрасно осведомлены об их присутствии и, по-видимому, уже тайно вступили в контакт — от общества все скрыто, но у людей осведомленных есть данные, подтверждающие это! Если вы подружитесь, пусть сам тебе расскажет: у него гора литературы про всякие тарелки, явления гуманоидов, свидетельства очевидцев, картотеки какие-то... Но главное, знаешь, Саша, если ты ищешь работу, лучшего рекомендателя не найти. У Постова невероятные связи! Вот кто, если захочет, сможет тебе помочь! Так дать ему телефон?

— Дай.

Посмотрим правде в глаза: в первый и, на что теперь уже есть все основания надеяться, последний раз в жизни я решилась использовать женское обаяние в корыстных целях. С некоторых пор поиски работы стали моей навязчивой идеей. Я хотела сделаться сторожихой, лифтершей, дворничихой — кем угодно, лишь бы не отсиживать по восемь часов ежедневно в закрытом департаменте в качестве редактора ведомственного сборника «Проектирование». Такая дань кесарю еще была возможной, когда в оставшееся, пусть малое, время я воображала себя счастливей всех обитателей Олимпа, не говоря уж о бедных смертных. При этаком богатстве не скупятся. Но почти без остатка проводить на конторском стуле и без того тяжко контуженную жизнь значило бы вконец загубить ее.

Я все же пытаюсь ее спасти. Первый опыт — заняться литературной критикой — как будто удается. Мои статьишки и рецензюшки в двух пока что освоенных журналах идут без проблем. Что писанина может стать основным источником пропитания, мне в голову не приходит. Но главное — это гимнастика для ума, а то ведь умишко, того гляди, вконец затупится от жевания несъедобных материалов «Проектирования». Да и посиделки в странноприимном доме способствуют разглаживанию извилин не меньше, чем заживлению сердечных ран. Надо что-то менять. Пока не поздно!

Подходящего места не находилось. Как заколодило. С безнадеги чуть не нанялась художником в какой-то институт — авантюра в духе товарища Бендера, однако я была уверена, что лопну, но освою шрифты, сумею с грехом пополам малевать лозунги и новогодних зайчиков, лишь бы отстоять свое погибающее время. Ан нет: и тут меня опередил какой-то москвич, не связанный с электричкой, да и шрифтами, чего доброго, взаправду владеющий.

«Нужна протекция!» — твердят мне. У меня нет протекции. Я расспрашиваю уже чуть ли не всех встречных и поперечных. Объясняю: готова на минимальную зарплату, на любую работу, только бы время, свободное время, в нем все дело...

Говорю светски, улыбаясь, силюсь быть ненавязчивой, а все же в этом повторении одного и того же чудится что-то вроде монотонного нытья поездных нищих:

— Помогите, люди добрые, вышел из больницы, деньги украли, жена с жилплощади выписала, подайте, Христа ради...

А тут — Лев Николаевич, который может все, да к тому же занят такой сомнительной (как вообще возможно этим заниматься?), но любопытной штукой как летающие тарелки. Он хочет общения. Почему бы нет? Моя подлость в том, что я знаю заранее: ничего ему не обломится. Его надежды напрасны. Я злоупотребляю ими. А ведь имею дело с пожилым человеком. Но мне не стыдно. Не жаль Пришельца. Это субъект, пожалеть которого сумел бы разве что Господь Бог, знающий, что вопреки видимости сотворил его не из холодного ноздреватого камня. Если, конечно, это не был опытный экземпляр гомо сапиенс, все-таки выполненный в граните...

Даже при попытках изысканной любовной лести Постова тянет на каменные ассоциации:

— У вас, Саша, великолепная скульптурная посадка головы. И профиль камеи. Нет-нет, не считайте мои слова пустыми комплиментами! В вас есть тонкость и сила, сочетание драгоценное, обычно эти достоинства даются людям порознь, потому так редка истинная порода.., — вещает Пришелец до того размеренно, что кажется, будто он зачитывает все это вранье с листа бумаги, подвешенного в воздухе у меня за спиной. На самом ли деле у Льва Николаевича такое оригинальное представление о скульптурах и камеях, судить не берусь, но что он вовсе мной не пленен, факт несомненный. Влюблен Постов в себя, ровная тяжкая поступь собственных речей, похоже, доставляет ему упоение, близкое к эротическому. Меня же он выбрал и намерен постепенно, грамотно прибрать к рукам. Мы с ним квиты: у каждого насчет другого имеется план, каждый хладнокровно старается быть приятным.

— Если бы имел дело не с такой незаурядной женщиной как вы, Саша, я мог бы опасаться, что покажусь ей старым селадоном. Но вы, по-моему, выше предрассудков, подобно тому как последняя русская царица сумела презреть их, распознав в Распутине...

Что он несет?! Может быть, психиатры все-таки не ошиблись?

— В этом старце была чудовищная, сверхчеловеческая жизненная мощь. Вы, конечно, знаете, что отрава на него не подействовала? Именно поэтому! Подобную же силу я ощущаю в себе. Я даже уверен, что если бы принял мышьяк...

Бредит или все же хитрит?

Впрочем, почему бы одновременно не делать и то, и другое?

Что до его увлечения тарелками, здесь скорее всего блеф. На вопросы об этом якобы всецело поглотившем его предмете Постов отвечает

расхожими банальностями, а машинописную статью, которую он с чрезвычайно значительным видом дал мне прочесть, я узнала: этот скрытый от профанов сенсационный материал еще в начале шестидесятых был опубликован в альманахе «Мир приключений».

Так чем же он все-таки занимается?

Мы сидим в парке под тентом. С Пришельцем я встречаюсь только в людных местах, а то как бы ему не взбрело разыграть вспышку безумной страсти. Пьем нечто лимонадное, но собеседник изображает легкое опьянение. Склонясь к моему уху, он проникновенно рокочет:

— Вы любите романсы? Знаете, какой самый бесподобный? Нет? Вот, послушайте.

И он поет! Старый Командор (ах, простите, Лев Николаевич, теперь, когда и мне за пятьдесят, я понимаю, что вы были вовсе не стары; впрочем, понимание этого обстоятельства со стороны ровесниц вас, по-видимому, не волновало) поет про то, как уснул докучный супруг, «оделась туманами Сьерра Невада», про кинжал неразлучный, но главное, что пора, пора:

Прозрачные бездны эфира
Луной и звездами горят,
Открой мне вентану, Эльвира,
Минуты блаженства летят!

Раз дошло до вентаны, стало быть, по его сценарию развязка близка. И то сказать, он был терпелив. Я, впрочем, тоже. Видно, нам обоим предстоит остаться с носом.

— Что вы сказали, дорогая? (Ну вот, я уж и «дорогая»!) А, да, насчет работы! Видите ли, лучше всего вам в этом поможет аллочкин отчим.

— Простите, но мне помнится, он...

— Я вас понял. Да. Он служит именно в том ведомстве, о котором вы подумали. И заметьте: оно имеет безграничные возможности. Он подобрал бы вам работу свободную, творческую, достойную вас. Это же ни с чем не сообразно — такой женщине идти в лифтерши! Я позволил себе поговорить с ним, и он меня заверил, что ваши самые высокие запросы могут быть удовлетворены. Но, разумеется, придется продать душу дьяволу.

Так и выразился! Куда только не заведет краснобайство в каменных устах!

— Нет. Насчет этого товара у меня другие намерения.

Легко, как бы вскользь:

— Воля ваша. Не хотите ли мороженого? Что вы предпочитаете? По-моему, нет ничего лучше крем-брюле.

Итак, один из моей троицы оказался посредником по купле-продаже душ. Ладно. Вообще-то я не из тех, за кем волочатся толпы или хотя бы хвосты. Те трое тоже не знали, что нечаянно образовали хвост. Каж-

дый считал себя единственным. Ведь я такая серьезная, скромная, такая несовременная!

— Я теперь даже боюсь, — изливался перед Томкой Паша. — У Сашеньки такая глубокая натура! А я ведь непостоянный... Что если когда-нибудь?.. Ведь это ужасно! Какую травму нанесла бы ей моя измена!

Размечтался. Его измена!

Но Паша был хорош. Загляденье был Паша. Рассказывал, что когда выходил на сцену, можно было и не играть — зрители сразу смеялись. А при том пластичен, глаза бездонны и полны невыразимой — если надо, тоже комической — скорби, игра лица богата и обаятельна. Возможно, удайся ему артистическая карьера, та роковая подробность, что он дурак, ускользнула бы от внимания очарованной публики.

Этого не случилось. Яркая пашина индивидуальность была непоправимо еврейской. Такое лицо было тогдашнему театру политически противопоказано.

— Антисемитизм! — восклицал Паша, за неимением иного зрительного зала щедро демонстрируя свою выразительность уже привыкшей к его талантам томкиной «кунсткамере». — Да разве вы знаете, что это такое? Нет, умолкни! — это Ильясу, открывшему было рот, чтобы напомнить, что участь узбека в стране братства народов тоже не сахар. — Молчи, тебе говорят! Нет даже такого слова «антиузбекизм»!

Впечатлительный и тщеславный, как подобает артисту, Паша неудач не вынес: начал пить. Из этого своего порока он сделал вывод, что душа у него русская, он — шире еврейства. Пытаясь извлечь из двойной беды хоть маленький профит, он, вечно голодный и вечно жаждущий, появляясь на пороге тамариной комнаты, горестно и требовательно взывал:

— Гады! Антисемиты! Дайте рупь!

И захваченные врасплох «антисемиты», не успев сообразить, что тем самым как бы признают справедливость обвинения, лезли в свои тощие кошельки. То, что у другого было бы попрошайничеством, сходило Паше с рук, как забавная шалость. Вопреки своему бедственному положению и пьянству он умел выглядеть неизменно изящным, как и наперекор глупости — остроумным. Появиться на сцене — что-что, а это Паша умел. Вздумав приударить за мной, он приступил к делу так ловко, что сперва мне понравился. Не настолько, как воображал, но те первые несколько вечеров, ни к чему не обязывающие, отчего-то печальные, с неуловимо причудливым оттенком, с точным перебрасыванием репликами, легкими, как воланчик в бадминтоне, следует признать маленьким шедевром. Его шедевром, я-то небрежничала, халтурила: после моего грандиозного поражения любой флирт казался мелок, как альпинисту, пусть побитому и хромому, детсадовская горка. Тем не менее

я с удовольствием смотрела, как нервно и деликатно Паша плетет сети, и думала, что, если так пойдет дальше... Он даже успел съездить ко мне за город и повеселить маму — она тоже, как некогда зрители, чуть не рассмеялась, увидев на пороге эту фигуру, исполненную душераздирающего комизма.

Али, на третьем зрелом году своей жизни все так же по-щенячьи любящий всех, к Паше проникся исключительной симпатией. Исполнив обычный ритуал бурной встречи, он не отошел от гостя, а потрусил следом за ним на кухню и прочно уселся перед табуреткой, на которую Паша пристроил свой тощий зад. В восхищении пуская слюни, Али взирал такими же, как у посетителя, круглыми проникновенными очами, как тот, разглагольствуя, пьет кофе, и наконец, от избытка чувств вывалив громадный язык, принялся лизать ему руки.

— Ну-ну, приятель, — царственно обронил Паша, — не стоит так унижаться!

В это мгновение эфемерный — тем и был хорош — карточный домик пашиного успеха рухнул. Так бывает, когда певец петуха пустит: всего-то одного маленького петуха, и свершилось — ария испорчена. Пошловатой реплики хватило, чтобы сдуть романтический флер, которым этот ни за грош пропадающий лицедей облекал свою пустоту. Пашу губило самообслуживание. Ему бы сценариста, хоть наполовину такого же одаренного — он бы айсберг растопил, не то что меня!

Обошлось без объяснений: на реакцию аудитории Паша был профессионально чуток — мгновенно уловил смысл случившегося! А ведь я глазом не моргнула... Распрощались добрыми приятелями, так что когда пару дней спустя хихикающая Томка поведала мне об умилительных опасениях насчет измены, нужды прозревать уже не было. После этого я еще долго имела возможность наблюдать Пашу, который с тех пор повадился в странноприимный дом, выслушивать его жалобы, обсуждать кандидаток в невесты. Они, крайне разнообразные, от нарядных юных красоток до крепких, видавших виды трудовых баб, подобно мне, неизменно сбегали от этого ходячего миража как раз на том этапе, когда он всерьез задавался вопросом, смогут ли они составить его счастье. Не без причин не доверяя собственному вкусу, он в таких случаях завлекал новое приобретение в гости к Клест, а чуть дама за порог, с жаром требовал от присутствующих оценки.

— Тома, как тебе кажется, она меня любит? — освоившись, Паша чувствовал себя здесь уж не на подмостках, а за кулисами и становился прост, как правда. — По-моему, любит! Алла, и нечего так пожимать плечами! Ты заметила, как она на меня смотрела? Она красивая, правда, Шура? Это ведь совсем не то, что предыдущая, как ее, Лиза — я рад, что от нее отделался, ты, Тома, была совершенно права: она корова! Ужасно провинциальна!

— Павел, окстись! — Клест хваталась за голову. — Кого ты притащил? Это же младенец! Мамина кукла! Вроде той Ксаны, генеральской дочки, помнишь, весной?..

— Как ты можешь сравнивать? Ксана — там же была явная ошибка... И вообще! Почему ты всегда мне настроенье портишь? Я влюблен, и точка... Значит, ты считаешь, она не подходит? Ты уверена? Боже мой! Если бы вы знали, как мне хочется иметь свой дом, со шторами на окнах, с креслами... И торшер! Хочу торшер! Так ты говоришь, ничего не выйдет? Гм! Может, я все-таки зря Лизу упустил?

Кроме одинаковых голосов в телефонной трубке, у Паши и Гоши, снимавших где-то углы, была похожая склонность бездомных бедолаг к радостям очага. Но если Паша грезил о торшере, в уютном свете которого он, как ему казалось, будет сочинять книгу о мизансцене, универсальные принципы построения коей, открытые им, перевернут все представления о театре и позволят любому недотепе играть гениально, то мечтой Гоши были дети. Как можно больше, но на худой конец хоть бы одно дитя! Собственно, одно у него и так было, но жена ушла к другому и дочку забрала.

Об этой дочке Гоша был способен рассказывать без конца, хотя она по малолетству не могла снабжать его представительными сюжетами. Но даже безоблачная доверчивость, с какой крошка позволяла приходящему папе вытирать ей попу, наполняла Гошу блаженством и казалась достойной описания. На его месте я бы так не умилялась: попу девчонке пора было подтирать самой — ей шел пятый год, она уже к вящему отцовскому восторгу сочинила стишок про маргаритки: «Я их срывать не буду, они прекрасны так!»

От скептических замечаний я, однако, воздерживалась. До поры до времени похождения дивной малютки устраивали меня все же больше, чем идиотские препирательства о том, почему я не хочу, неужели я обременена комплексами, при моей-то красоте, или я из самолюбия считаю нужным помурыжить его подольше, но, право же, нет нужды, он и так от меня без ума, разве не видно, или, может быть, на свое несчастье он мне противен, «тогда скажи прямо, я выдержу, мы даже не поссоримся, ты еще не знаешь Георгия Тульского: я не ссорюсь с женщинами, все мои бывшие любовницы для меня дороги, я остался им другом».

— Да не противен, — втолковывала я, и унылое чувство, будто в эти моменты мой собеседник временно становится дебилом, заставляло меня подыскивать слова попроще. — И вовсе я тебя не мурыжу. Мне нужно время, чтобы понять, чего я хочу, чего нет. Как только пойму, не сомневайся: ты об этом узнаешь без проволочек. Если тебя все это тяготит, ты вправе уйти, я тоже не обижусь. Но мне наши отношения пока нравятся. Как выразилась твоя любимая поэтесса, «они прекрасны так!»

— Ясно.., — удрученный вздох. — Ты идешь от себя!

Тут я, признаться, тихо зашлась от восторга. Формулировка! В ней содержалась пленительная мысль, будто в подобном деле можно «идти от» кого-то другого. И не допущение, нет, — уверенность, что так бы и должно было быть, да вот, на беду, я сверх ожиданий оказалась своенравна...

О, мужские ожидания! Что-то во мне было такое, что порождало у противоположного пола надежды на власть, патриархальные мечты. В юности меня это бесило, потом стало забавлять, но в общем, я быстро поняла, что тут ничего не поделаешь. Так уж написано на роду: большинство моих побед — не более чем плод недоразумения. А большинство моих поклонников — не столько влюбленные, сколько мечтатели. Беспочвенные. Иначе говоря, прожектеры. Те, кто от разочарования, робости либо с устатку ищут тихой гавани в ее наиболее нудном, то бишь самом распространенном понимании. Да пошли они известно куда, эти заносчивые эмансипированные бабы! От ихних взбрыков, правда, кровь по жилам бежит быстрее, однако и рога, того гляди, быстро вырастут, и норов такой, что, пожалуй, не обломаешь. Нет, мне бы кого посмирней, попроще. Чтоб надежно. Без фокусов. Да вот хоть Саша Гирник. Чем плоха? Если присмотреться, даже и собой недурна. Мягкая, не балованная. С ней хлопот не будет!

Утрирую. Знаю. Грешница. И то, что, начав с этих выкладок, иной прожектер, бывает, доходит до приличных градусов увлечения, тоже надобно признать. А все же, господа, тоска! Мало что есть на свете скучнее, чем шашни с подобной подкладкой. Вот и Пришельцу явно помстилось, что из этой тихони, ежели ее уболтать пышными сравнениями, можно веревки вить. Паша зрел во мне покладистую торшеровладелицу — верно, потому и смирился безропотно с неудачей, что при виде нашей квартиренки смекнул, как трудно найти здесь уголок для любимого прибора. Если бы хоть тому, хоть другому пришло на ум, что на свой манер, так называемой тихой сапой, я эмансипированнее любой из трех граций странноприимного дома, а то и всех их вместе взятых, они бы близко не подошли.

Разве что Гоша?

Гоша, который перед свадьбой напрямик объявил невесте, что не изменять не может — таков уж он, но потому и от нее верности не вправе требовать. Редкая порядочность, как водится, не оцененная: вот теперь и считай дни от одного свиданья с дочкой до другого. С Гошей может получиться то, от чего я бы сейчас не отказалась — легкий роман...

А это уже мои прожекты.

— Грубая сила, напор, агрессивность — такие ужасы не по моей части, — гласит Тульский, не без труда перекрикивая оркестр в переполненном кафе. — Мои мужские претензии расположены в иной области.

Все, что касается женщины, любви — о, тут я без преувеличений мог бы утверждать, что..! Потанцуем?

— Я не умею.

К сожалению, это правда. Хотя мне поныне случается петь, запершись в ванной, и танцевать на кухне под радио, рискованно потрясая стол и круша холодильник, танцы и пение на публике для меня исключены. Элементарное сострадание к ближним велит избавить их от столь убийственных впечатлений.

— Какая досада! Ох, ну и ритм! Я просто не в силах спокойно его выносить! Ты позволишь? Я только немножко попрыгаю...

Никого не приглашая, он танцует один в топочущей толпе, вольно, самозабвенно — на черта ему партнерша? Сейчас он забыл и обо мне, и о своей конторе, где ишачит за себя и трех подчиненных, потому что те без кнута с места не сдвинутся, а ему проще все самому сделать, чем погонять, забыл о безденежье, бездомности, об отнятой дочери. А шевелюра-то уже редеет на макушке... Рано. Тяжело ему. Но в этом он никогда не признается. Да не мне — что я? Себе. У него аутотренинг: «Мне хорошо, я спокоен, я легкомысленный женолюб, шутник и танцор, у меня беспечный характер, все мне нипочем...» А когда совсем невтерпеж, перечитывает сказки Шварца: «Он добрый! И умный! Возвращает к реальности».

А ведь я поступаю нехорошо. Обижаю славного человека. Разве он виноват, что я без любви не привыкла... Эту привычку придется приобрести, только и всего. Невелика задача. Жить без любви, вот что трудно, а это — пустяк, мелкая частность. Если окажется, что при таком раскладе для меня в этом нет совсем никакого смысла, надо будет просто покончить с амурными опытами, где всегда есть опасность причинить зло или нарваться на хамство...

— Ну вот, размялся. Шурка! Ты искусительница! Такие красные губы, такие зеленые глаза, и все это — не для меня?! Сущее изуверство!

И тебе подавай яркие краски, бедняга? Не там ищешь. Перед тобой всего-навсего бездомное привиденье. Нет ему развалин, где можно бродить, заламывать руки, стеная, хохоча и просвечивая при луне, оно и отирается среди живых...

Положим, направляясь сюда, оно все же откупорило тюбик губной помады и не поленилось мазнуть. Ergo, хватит придуриваться. Не маленькая.

— А ты когда-нибудь видел, как кот обхаживает кошку?

— Что? Ты в чем меня обвиняешь?

— Значит, не видел. Они сначала лежат на траве в небрежных позах метра за три друг от друга. И даже смотрят в разные стороны! А если кот прежде времени подлезет поближе, она, милостивый государь, очень злобно шипит. Потому что нечего огрублять древний прекрасный риту-

ал! Проходит не один час, прежде чем расстояние сократится этак до метра. Тут уж они переглядываются и шаловливо катаются по земле. Все еще врозь! Потом кто-то первым срывается с места и, задрав хвост трубой, мчится, а второй догоняет. Еще часок-другой беготни и возни, все так забавно и красиво, что позавидуешь. А что делает мужчина? Мыслящее, с позволенья сказать, существо? Знай канючит: «Ну? Не пора ли к делу? Чего тянуть, время попусту тратить? Когда же, наконец?»

— Я так тебе надоел? Ужас! Но и ты войди в мое положение. Что видит кот? Нечто серенькое и полосатенькое, какое встретишь на каждом углу. А передо мной соблазн невиданный. Чего ты хочешь от истомившегося сластолюбца? Так и подмывает возопить: «Когда же?!»

— Завтра.

— Она еще издевается! Светлое коммунистическое завтра на горизонте?.. Садистка!

— Нет. Просто завтра. Если, конечно, у тебя на вечер нет других планов.

От радости его лицо резко хорошеет. Как в танце. Теперь мне деваться некуда.

Комнату Гоша снимал в Видном, из Москвы пришлось добираться добрый час. Встречая меня на платформе, он уже не выглядит таким счастливым. Похоже, смущен больше моего. Как-то жалобно, ненужно суетится.

— Хотел было купить тебе цветы...

— Не надо! — торопливо обрываю, вспомнив, как туго у Гоши с презренным металлом. — Я люблю полевые цветы, а к садовым равнодушна.

Тут бы ему и замолчать, но он, ткнув пальцем в сторону двух старушек-цветочниц, устало поникших над корзинками с привядшими под вечер астрами, ни к селу ни к городу, зато с пафосом брякает:

— Не мог заставить себя обратиться к этим жадным торгашкам! Ты не представляешь, как я их ненавижу!

Прикусить язык я успеваю. Но серую волну скуки, накатившую со дна сознания, остановить нечем. У нас нет шансов. Никогда мне не влюбиться в этого болвана. Даже слегка.

Я стерва? Допустим. Но одна знакомая дама, к примеру, признавалась, что для нее появление в мятых штанах или нечищеных штиблетах губит поклонника раз и навсегда. И девчонку из пединститута припоминаю, которая, увлекшись кем-то в студеную зимнюю пору, чуть в голос не заревела, когда избранник предстал перед ней без шапки и она обнаружила, что он плешив. И девиц, для которых даже пройтись по улице со спутником на пару сантиметров ниже себя — тяжелое испытание, я тоже знавала. Мне на такие детали в высшей степени плевать. Но попробуй поделиться со мной чем-нибудь из того золотого фонда

общих мнений, что, собственно, и цементируют общество («Дыма без огня не бывает...», «Понаехало всяких...», «Собак бить надо!», «Евреи устроиться умеют...» и т.п.), и будь уверен, что, каким бы ты ни был орлом, я в ту же минуту увижу тебя пыльным лысым недотыкомкой ростом не выше табуретки. С таким устройством зрения не романы затевать, а в скит подаваться надо. Давно подозреваю, что праведники удалялись в пустыню, чтобы там, в полном одиночестве, наконец возлюбить ближних своих!

Эх, какая славная электричка на Москву подходит к платформе! Двери открылись... и мест свободных полно...

Нет. Отступать поздно.

Утром мы наспех пьем жидкий кофе, с трудом находя, о чем говорить. Ну да, ведь наши прежние разговоры по большей части сводились — если не прямо, то косвенно — к единственной пресловутой тяжбе. Он ее выиграл, и что теперь?

Похоже, Тульский и сам начинает понимать, как мало стоила победа. Чего он добился? Ему, видно, показалось, что — любви... Думал, такая крепость уж если падет, то не иначе как по сугубо торжественной причине. Опять ввела человека в заблуждение, а ведь старалась этого избежать... Дурачок. Никакой он не Казанова, так я и думала: это все защитная окраска. Он неуклюж и застенчив, даже я — сама такая — не могла этого не заметить. Еще один грустный прожектер, мечтавший заполучить взамен упорхнувшей супруги «глубокую натуру», которая так запросто не сбежит. А что все в постель тянул, так он, видно, не знает иных способов завоевать женскую привязанность. Приуныл... Чего доброго, я и как любовница его разочаровала? Неприятно, а возможно.

А он меня?

Да нет, почему... Мне было приятно.

Смешно городить такой огород из того, что всего-навсего приятно или неприятно. Притворяться, будто мимолетное острое ощущение заслуживает стольких хлопот...

— Ты приедешь завтра?

— В лучшем случае во вторник, раньше не выйдет.

— Позвони тогда.

Раза три-четыре я еще звонила и, криво посмеиваясь над собой, пускалась в путь не столько ради пресловутого наслаждения, сколько для приличия. Можно ли бросить новоявленного любовника так сразу? Невеликодушно. Да и связь получалась необременительной, будь Гошина квартира поближе, можно было бы продолжать... Так и превращаются в толстокожих баб, которые «живут половой жизнью, потому как для здоровья полезно».

Все кончилось скорее и резче, чем я рассчитывала. Причем именно на почве здоровья. На очередном амбулаторном обследовании мне объявили:

— У вас миома! Вам срочно нужно рожать! Если еще не поздно! Скоро вы вообще не сможете иметь детей.

Возвратясь домой, я предупредила своих, что сегодня хочу погулять с БП подольше. «БП» — аббревиатура от «бедный песик» — давно стала вторым, скрытым от мира именем нашего кротчайшего зверя. («Смотри, как бы бедного песика кто-нибудь не обидел!»).

— Не забредай далеко! — привычно, без особой надежды просит мама. — Ты же знаешь, от Али толку...

Косой, из-под очков, взгляд отца насторожен. Уже заметил, что я не в своей тарелке? Ну, тут чудеса дедукции не требуются: при такой погоде на длительный променад отважится только тот, кому надо проветрить депрессию.

Предзимний лес был отменно нехорош. Середина декабря, но снега почти нет. Хмурая, темная, жестка́я пора. Даже БП, неистощимый оптимист, не носится сломя голову, не прыгает через поваленные стволы. Видно, ему пришло время остепениться.

А мне?

Но я не хочу ребенка! Что я буду с ним делать? Что отвечу, когда спросит (а мой — спросит): «Неужели все это можно вынести? И зачем? Разве жить среди этого не стыдно?»

Мама тогда наклонилась, сорвала травинку:

— Смотри, какая чудесная! Все человеческое искусство не создаст ничего настолько прекрасного. Чтобы это видеть, уже стоит жить!

Здорово у нее получилось. Никогда не забуду. Но сама-то далеко не уверена, что колосок кукушкиных слезок может перевесить людские строения и монументы с их многотонным уродством, идиотизм общепринятого, тошнотворные рожи управдомов, генсеков, кадровиков и профоргов — все то наглое, требовательное, от чего не спрячешься... И любовь, Господи, любовь, низведенную до скотской либо хозяйственной надобности... Ну, давай-ка без этого пафоса, будь он неладен. Просто — нет гарантии, что хватит сил ужиться с реальностью и удачи, чтобы отыскать для этого мало-мальски приемлемый способ. Как тут кого-то воспитывать? И кому можно от рождения навязать в наследство этот тихий, но такой яростный, не знающий примирения бунт против чуть ли не всего сущего, кроме книг, зверей и деревьев?

«Что ты ее ваяешь? Тебе — нельзя! Такими, как ты, становятся вопреки всему, а не благодаря кому-то»... Это еще Скачков говорил, ему казалось, что я не должна воспитывать Веру. Но Вере я не опасна, всего лишь сестра...

Вырастить человечка попроще, сообразуясь со срединной нормой? Противно, да и к чему? Таких без меня наплодят.

И однако...

Нет, это так, вздор: кипит наш разум возмущенный. Бесит мысль, что теперь уже не я выбираю, обстоятельства решают за меня. Искушение сделать наперекор, рвануть наперерез... Да? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь — не часть, нет, при нашей бедности именно всю! — посвятить выкармливанию, одеванию, лечению и обучению того, кого не знаю, кого еще нет, кто вполне может вырасти чужим?

О чем это я? Ребенка рожают не с ветра. Стало быть, от Гоши? Гоши, для которого родное дитя — кумир, забота о нем — высшая, святая радость?

Но с Гошей я не останусь. А случись младенец, тем более: домашних балованных идолов не выношу, от культов такого рода меня тошнит. Значит, еще одна безжалостная волчица отнимет у несчастного его заветное сокровище? Ухватит за бочок, утащит в свой неуютный колючий лесок от папы, который бы холил и нежил, три жизни, если б имел, все отдал за это, не жалея?

Такого я с ним не сделаю. Но как быть, если тем не менее...

Аборт? После того, что сегодня услышала, он также немыслим. Забеременеть сейчас значило бы получить от судьбы драгоценный ли дар или беспощадный вызов, но так или иначе, этим нельзя пренебречь... Выходит, я все еще готова принимать безмозглую случайность за нечто такое, с чем возможен диалог. Дурацкая наполеоновская бредятина, а вот ведь — неистребимая.

Стало быть, выход один. Разрыв. Как можно скорее.

«Милый Гошка, я свалилась с ангиной, так что позвонить не могу. Да и проще написать, чем сказать то, что хочу. Слушай, я ведь тебе порядком разонравилась. Ты вежлив, стараешься это скрыть, и спасибо. Но какой нам смысл притворяться? Феерия не удалась. Может, хоть дружба получится? Если уж я не обозлилась на твое охлаждение, тебе грех сердиться на мою догадливость.

Новый год на носу. Я тебе желаю счастья, веселья, здоровья и удачи».

Больше я его не видела. Утверждение, будто «Георгий Тульский на женщин не обижается», оказалось несостоятельным. Боюсь, это был всего лишь еще один элемент аутотренинга.

Если верить молве, Гоша давно за границей. Там тепло. У него неплохая работа, миловидная жена и трое детей. И наверное, больше нет нужды до полного онемения органов чувств твердить заклинанье: «Мне хорошо. Я спокоен...»

10. Срыв

Ничего у меня не выходит! Ни-че-го. Повторяю, как в анекдоте, по буквам: «Николай, Иван, Харитон, Ульяна, Яков...» Увязла, будто в трясине. Работаю все там же. Торчу вечерами у Клест. Пишу в Гавану: сестра пробудет там еще месяца полтора. Гуляю с Али. Таскаюсь по вра-

чам. На службе выпустили очередной номер никому не нужного сборника «Проектирование». Мою статью, тоже не шибко необходимую отечественной культуре, в журнал взяли. Про современную детскую литературу. Никогда бы не подумала, что при ближайшем рассмотрении даже в ней есть что-то живое. Это умиляет, как деревце, чудом проросшее в каменной трещине.

Мама остригла свои истончившиеся пегие косы, которые, сколько ее помню, бесхитростно закручивала вокруг головы, и тут вдруг оказалось, что у корней волосы уже совсем серебряные. Яркие, блестящие, они легли такой безупречной волной, так замечательно оттеняют смуглую кожу, благородную строгость черт, что я, пожалуй, и не припомню маму настолько красивой. Статной и праздничной... Такой она останется до конца, это негаданный подарок на без малого два десятка еще отпущенных лет. Мамино преображение — самое отрадное из всего, что было за последние месяцы. Эта серебряная корона сияет, как диковинный знак обновления в квартире, где все прочее бедно и старо.

— Божий одуванчик! — морщится отец. Он бы предпочел, чтобы мама выглядела поскромней.

На днях в приступе всепоглощающего презрения он велел отнести в комиссионку присланный Верой с Кубы дорогой серый костюм, который очень ему шел. И еще один, это уже от меня, домашний, теплый, куртка с отворотами — он в нем походил на роскошного польского пана. Нет уж! Пусть никто не воображает, что его можно подкупить мелкими подачками в этом доме, где нет ни повиновения, ни почтения к сединам! Он этого не наденет! Будет ходить в лохмотьях, к нашему стыду, и хоть нечего посторонним шляться сюда попусту, но если уж кто придет, пусть видят, что старик-отец запущен, как последний нищий! И на маму, которая безнравственно потакает, пусть тоже падет позор!

Чему именно потакает мама, в точности определить трудно. Да и незачем. Она не кипит от негодования, этого достаточно. Он так одинок в своей ядовитой, день ото дня вспухающей обиде! Его ни о чем не спрашивают! Не то что позволенья, как следовало бы, куда там — даже совета не просят! Я — исчадие ада. Сперва сошлась без брака с этим мерзким типом (ох, и ненавидел же он Скачкова!), потом выскочила замуж, однако детей не захотела («Проститутки, и те рожают! Прррститутки!!»), теперь развелась, и все без спросу! Ставит перед свершившимся фактом! Дочь называется! А теперь как живет?! Ни черта не понятно! И не потрудится объяснить! Взамен родительской власти ему подсовывают эти тряпки! Какой цинизм!

Только перед одним он не может устоять — это когда я приношу новый журнал со своей статьей. «Что ж, написано недурно..,» — а во взгляде торжество мальчишки, чья дворовая команда в пух разделала соперников. Ведь там фамилия, которой я никогда не меняла, — его

фамилия! В эти минуты он мне благодарен. И меня втайне веселит, что хоть такой ерундой могу потешить старого тролля. А разыгрывать покорную дочь выше моих сил. Да нам с ним и не дано обмануть друг друга.

Заглянул проездом из Гаваны и укатил в свой Киев веркин лейтенант, в письмах фигурирующий под конспиративной кличкой «Юнкер Шмидт». Разочарования не остудили сестрицыной глупой, святой жажды: опять она верит, что беззаветно любима, и уже готовится последовать за милым в те гиблые места, куда его наверняка загонят, стоит ему объявить о своей решимости связать с ней свою судьбу. Потому что в настоящее время его судьба связана с дочерью крупного гэбешника — благодаря его протекции Юнкер и в Гавану попал, но куда ему придется угодить после столь рискованного развода, ведомо одному лишь Аллаху.

Ну, и мне в придачу. Никуда его не загонят. Потому что никому он ни слова не скажет. И правильно сделает. Им с Веркой не то что в заполярном гарнизоне либо на Кушке, а и в раю не ужиться. Хотя втюрились оба не на шутку. И Юнкер — не Сермяга, кровь в его жилах прямо клокочет, душа бьется, как в падучей. Но это неотесанная, надрывно амбициозная, по-воински и по-советски (что почти одно и то же) извращенная душа: через полгода такого супружества наш папа с его тираническими закидонами покажется Вере ангелом небесным. Того, что должен представлять собой этот видный, плечистый и горячий малый в семейной жизни, сестра терпеть не станет.

К счастью, и пробовать не придется. «Так грустно: он уезжает, а у меня не осталось даже фотографии, если не считать крошечной, бледной, с какого-то старого пропуска. Мне хотелось сфотографироваться вместе. Но он терпеть этого не может...» Да улик он не хотел оставлять! Молодой, а ученый. Осторожный. А что планы строил, как вместе жить будут, каких народят детишек, так что ж, хоть помечтать... Видно, встреча с Верой была-таки для него волшебными каникулами среди глухой армейской и семейно-гэбешной неволи. Мало вокруг счастливцев, но такого несчастного парня я отродясь не видела.

Все сидел, Окуджаву слушал. Скрепя сердце (сама люблю, и ведь дефицит!):

— Подарить? На память...

— Не нужно! — отрывисто, если не грубо.

Через три часа пустопорожнего, но тяжкого, скованного — будто камни ворочали — разговора, прощаясь, уже в дверях:

— Дайте!

— Что?

— Ну, пластинку. Этого... Окуджаву. На память. Вы сами предложили!

Заграбастал медвежьим жестом и пошел. Безнадежно, по-стариковски ссутулившись. Так, будто уже решено за ближним углом застрелиться.

В странноприимном доме все по-прежнему. Разве что отпала нужда избегать встреч с надиным Славой: идейный палач исчез, прихватив дорогие старинные украшения своей возлюбленной. Не слишком удрученная Надя утверждает, что он преподнес их супруге в знак примирения. Что ж, в открытом доме моей детской мечты воры тоже предполагались. У меня были чересчур идиллические представления о них...

Алина с фрейдизма и графики переключилась на парапсихологию, что, впрочем, неважно: с тех пор как вышла за своего Тимошу, она редко забредает к Клестам.

— Сидит дома с пузом, по телефону только и говорим! — печалится Тамара. — А с Тимкой они уже скучают: ей теперь хочется, чтобы он хоть что-нибудь сказал, а ему — чтобы она хоть минутку помолчала. И характер у него, как у вредного мальчишки... Нет, я, пожалуй, все-таки не хочу замуж. Заведется в квартире какой-то хмырь, командовать начнет, гостей распугает!..

Так и будет, причем скоро. Новый хозяин дома окажется похож на Сермягу, только вместо чиновничьей на все пуговицы застегнутой окостенелости там будет вольная и, надобно признать, красивая пластика профессионального живописца. Первой (впрочем, возможно, что и последней) из распуганных буду я, нам с «хмырем» для этого даже схлестнуться не придется. Принципиально раскованный представитель богемы, при мне он слишком рассупониваться не станет, будет этак насмешливо галантен. А пожаловав на день рожденья сестрицы, мелко, но скверно нахамит ей. Она, только недавно вернувшаяся с Кубы, грустная и ранимая больше обычного, пожалуется мне. Я при случае скажу Томке, что Вера очень добра, я бы такого не спустила и наследному принцу... Глупей всего, что это будет не столько месть, сколько неуклюжая попытка подстелить соломки. Потому что курьезные фразы станут в то время наподобие сказочных жаб выскакивать из тамариных уст, и подозрительная гордость зазвучит в этих фразах: «Сеня безжалостный — такое Наде сказал, она сама не своя ушла!», «Сеня жестокий! До чего убийственных вещей Алке наговорил! Она уж тут ревела...»

А ведь вздумай этот Сеня сунуться ко мне со своей «жестокостью», я реветь не стану. Отбрею за милую душу. А как я это умею! И как я этого не люблю... Но придется. Не в пример многим Сеня, хоть дурака и валяет, неглуп — из тех, кто, в общем, знает, что творит, и реакции заслуживает адекватной. Пока он вешает на томкины влюбленные уши лапшу про то, что «Гирник не может понимать русской души, эти украинцы, они по существу тюрки, там славянского не осталось, половцы вытеснили, печенеги, у них другой менталитет» и пр., с Богом! Готова быть хоть эфиопкой. Но как бы так осторожненько предупредить, чтобы он сию безобидную эфиопку не замал... Вот ведь что подтолкнет меня начать тот разговор: боязнь ссоры. Томка не стерпит, если Сеня получит по

носу — это факт. А наша стычка с ней кончится разрывом, зная ее и себя, тут обольщаться не приходится. Сами-то посиделки мне к тому времени надоедят до изжоги, но так мало осталось привязанностей...

Расчет выйдет из рук вон плохой: некачественная прививка провоцирует хворь, от которой должна была уберечь. Что тут поднимется... На защиту тех, кого любит, Тамара Клест всегда бросалась с неистовой горячностью, без оглядки на такие сухие материи как логика и справедливость. А, видимо, никто еще не был настолько мил ее сердцу.

Многое мне предстоит услышать. Что пакости приходят в голову каждому человеку — вот именно, каждому! — просто не все так усердно копят их в себе, как я. Тошно подумать, сколько всякого дерьма во мне отложилось! Ей осточертели мои лицемерные усмешечки, да, и уже давно! Мне приспичило умереть от вежливости, ну и пожалуйста, а другие не обязаны! Если я никогда не говорю ничего подобного, не надо воображать, будто это заслуга, это, если мне угодно знать, совсем наоборот! Я же смотрю на людей свысока, исподтишка издеваюсь над ними, всех выставляю дураками, и это гораздо хуже, чем откровенно сказать, что свитер воняет...

«Сеня замерз, попросил что-нибудь теплое, ну, пор фавор, я и дала ему мамин свитер, — объясняла Вера, возмущенно сверкая глазами. — А он: «Фу, бабой разит!» — Томка, она как раз вошла, хотела, видно, смягчить, спрашивает: «Духами?» — «Если бы духами!» — И после этого надел! Чтобы, значит, двойное удовольствие: и лягнуть, и попользоваться!».

Где ей было понять, что тут не одно паскудство характера, а принцип замешан! Недаром же Сеня, романтик и патриот, разглагольствовал в кругу томкиных гостей:

— Никогда Европа не навяжет нам своего образа жизни! Русская натура этой их тотальной прилизанности не потерпит! Вспомните: у нас даже в электричках не изрезанного сиденья не найдешь! Нутро не принимает, пока гладенько!

А уж как выглядит такой жест нутряного протеста, я наблюдала не единожды. Либо вольный сын просторов небрежным, как бы бессознательным взмахом ножичка полосует сиденье по соседству с тем, которое в это время дает приют его собственной заднице, либо даже, не поленившись приподнять свою мадам Сижу, режет под ней, чтобы тотчас победно плюхнуться сверху. Вот и веркина деньрожденная атмосфера, видно, показалась гостю прилизанной: он позаботился придать ей родимую шершавость, а хозяйка взъелась, неблагодарная...

Тяжко давалась бедной сеньоре адаптация к забытым отечественным нравам. Их же примером было трусливое — то есть, увы, благоразумное — исчезновение Юнкера. На прощанье он прислал ей корявый нерифмованный стих собственного сочинения. Были там такие слова: «Мы оба наполняем все, но крест нести мне одному дано...» Вот он его и понес куда-то, свой одинокий крест. Сестра долго не согла-

шалась поверить, что он сможет отказаться от нее. И все же пришлось, причем еще до возвращения в Россию. Не забыть, как везла ее в час «пик» из аэропорта, измотанную, не по-здешнему загорелую, с дорожными сумками. В электричке давка, перебранка — как всегда, ничего особенного. Вдруг прозрачные детские глаза Веры наполняются слезами, губы начинают дрожать... — «Что с тобой?! Тебе плохо?» А она смотрит с ужасом, плачет и шепчет: «Какие злые! Я не смогу здесь жить!..» Ну да, еще утром — знойный климат, смягчающий нравы, не растерявшие жизнерадостности кубинцы, а тут — холодрыга и сведенные гримасами всех мыслимых обид рожи соплеменников...

Томкин горячечный монолог я слушала в тупом оцепенении, не пытаясь перебить, возразить, прикрикнуть: «Опомнись!» Не у нее одной — видно, у меня тоже случился срыв, что ж, каждый сходит с катушек по-своему. За нелепым скандалом вокруг свитера стояло что-то другое. Ощущение перелома, должно быть, конца прежней жизни и нашей дружбы. Тогда лучше бы проститься не так... Мне еще казалось, мы сможем вырулить, но тут:

— Конечно! Пока я вам всем варила супы, пока вы у меня тут дневали и ночевали, ели и пили, вы были довольны! А теперь, когда я встретила человека, могли бы, кажется, потрудиться отнестись к нему с любовью хотя бы из внимания к моему чувству!

Черт побери! Так говорят с приживалкой!

А впрочем... Что я могу противопоставить? Ведь супы-то она и вправду варила. И на ее диване я проспала добрую сотню ночей. Я думала, что она смотрит на это как-то иначе? Не предполагала, что будет предъявлен счет? Слишком буквально восприняла то, что говорилось когда-то?

Мои обстоятельства. Раз на свет выполз реестр благодеяний и потребовалась плата в форме всеприемлющей приживалочьей любви к жестокому Сене, я — пас. Такой валютой не располагаю. Все, что от меня еще зависит, — это прекратить потребление супов и уйти смирно, как пристало несостоятельной должнице.

Лишь теперь что-то почувствовав, Томка осеклась, забормотала растерянно:

— Ну, Саш, я ведь не только о тебе это говорю, даже в первую очередь, наверно, не о тебе, просто так уж вышло, ты как-то... подвернулась... я устала в последнее время, а народ здесь без конца толпится, Сеню это раздражает...

Сердце сжалось от бесполезной нежности. Она пыталась извиниться! При ее бешеном самолюбии это сродни подвигу. Но ничего поправить нельзя. Потому что существует всего один — абсолютно немыслимый — способ по-настоящему простить пережитое унижение: оставить все, как было. Как она выразилась? «Дневать и ночевать, есть и пить...»

— Если захочешь, приезжай теперь ты ко мне. Буду рада, честное слово. Но сюда приходить не смогу.

Я знала, это конец. Клест не умела быть гостьей — только хозяйкой. Важная примета, а я, дура, ее прозевала. Не стоит принимать от человека того, чего он почему-то так не любит брать у других. Это что-нибудь да значит...

Мне казалось, мы больше не подруги. Но годы спустя выяснилось: мы враги. Даже для того, чтобы увидеться с тяжело больной, ненадолго приехавшей Аськой, Тома не пожелала переступить мой порог:

— Не понимаю, как Шура может предлагать это после всего, что случилось между нами!

С Анастасией они дружили много лет. Иной возможности встретиться у них не было, и эта могла оказаться последней. При таких обстоятельствах зайдешь и к людоеду, если есть хоть малая надежда, что хозяин сейчас сыт. Какая должна быть неприязнь, чтобы... Да ладно, коли так, я бы охотно ушла куда-нибудь на время тамариного визита. Это тоже было предложено.

Нет: от меня она не захотела принять даже такой малости.

11. Пейзаж со зверем

...Все это случится потом, пока же я, подгоняемая напуганной мамой, уныло, как коняга, впряженная в плуг, топаю от одного врача к другому. Денег на это развлечение уходит уйма (по нашим кошелькам, конечно). Частнопрактикующие эскулапы отрабатывают свой тощий (по их меркам, имеющим не меньшее право на существование) гонорар, давая советы: «Операцию надо оттягивать, насколько возможно», «Чем скорее оперировать, тем лучше», «Необходимо сделать все, чтобы избежать хирургического вмешательства»... Советы дают и знакомые: «У меня есть телефон одного доктора, который...»

Томка беспокоится. Наводит справки. Полагая, что мне так легче, сопровождает меня, стоит милым терпеливым столбиком перед дверьми моих мучителей. Зря она это: в ожидании возможного приговора мне бы лучше быть одной. Чтобы сперва побродить со скверной новостью по улицам, освоиться, привести в порядок физиономию, если не душу, а уж после... Но Клест такой нужды не признает, а намекать ей, что деликатность для меня дороже сочувствия, рискованно. И она такая трогательная, что просто язык не повернется.

— Оперировать никогда не поздно, — скорее приятно, чем вразумительно глаголет девяностолетнее светило гинекологии, принимающее пациентов в громадной квартире близ метро «Кропоткинская». — Это, знаете, не редкость. У моей дочери была такая опухоль. Прескверная. Росла быстро, переродилась...

Как же «никогда не поздно», если «переродилась»?

Старец по-жречески импозантен и умиляет величавым равнодушием к участи своих больных. Внимая ему, нельзя не почувствовать, насколько вопрос о том, умру я через год или через полстолетия, ничтожен с точки зрения вечности. Но в главном мне уже повезло чрезвычайно: меня пользует он, олимпиец из олимпийцев, единственный в своем роде, а не кто-нибудь «из нынешних», жалких невежд...

— К тому же, дорогая моя, есть вещи и помимо медицины, которые врач обязан знать. Поэтому говорю вам: из городка, где вы, по вашим словам, обитаете, надо бежать. Вы спросите, куда? И я вам отвечу: да куда угодно! Там гигантский подземный завод, засекреченный, разумеется, но для профессионала моего ранга секреты наших оловянных солдатиков, как вам, надеюсь, понятно, существовать не могут. В этом богооставленном городишке такая радиация, что не только вы с вашим диагнозом, но и абсолютно здоровый человек имеет все основания приготовиться к худшему. Ваше счастье, что случай свел вас с врачом, имеющим возможность о сем вас предварить и видящим в этом свой прямой долг!

Не слишком поверив велеречивому профессору, я тем не менее поспешила передать его совет родителям. Мне безумно хотелось уехать. Сменить улицу, станцию, стены, крышу, а хорошо бы и кожу. Повод пришелся кстати, я живо нашла обмен — из благоустроенного, по тем временам на редкость хорошо снабжаемого городка перебраться в такую же пятиэтажку крохотного зеленого поселочка было не мудрено. Еще доплату можно бы содрать с шоферского семейства, с трудом скрывавшего радость, что нашли дураков, готовых на такой обмен.

Не решилась. Что, если наш чистенький зеленый город — и впрямь душегубка? А я, пользуясь их неведением, заставлю без того обманутых мной людей еще и раскошелиться?

— У вас здесь свежий воздух, — буркнула я, приехав осматривать новое жилище, — а там, говорят, вредно жить, загрязнения всякие...

Так — мошенническим финтом — я худо-бедно успокоила свою совесть. Будто не было понятно заранее, что осчастливленный шофер пренебрежительно отмахнется:

— Ну, это нам не привыкать! Люди мы простые, всякого навидались...

А сейчас мы вступим в область таинственных явлений, что по нынешним временам зазорно. Некогда девственная и манящая, она истоптана, заплевана — неприлична. Но обойти ее автору не удастся: былитаки странности с этим переездом.

...Однажды мы со Скачковым забрались в лес дальше обычного. И сбились с дороги. Чтобы попасть домой, следовало, по его мнению, по-

вернуть направо, по-моему же, налево. Я уступила, предвкушая, как посмеюсь над ним, когда моя правота обнаружится, и мы весело зашагали по живописной тропинке не туда. Шли долго, пока, наконец, не выбрались на опушку. Там начиналось картофельное поле, виднелись избы деревни, водокачка, три скучных дома городского типа. Прогудела электричка, значит, станция рядом. Вид этого банального пейзажа произвел ошеломительное действие: меня шибанула тревога настолько особого рода, что нельзя ни забыть это чувство, ни спутать его с каким-либо другим.

Прошли годы, прежде чем мне снова довелось увидеть ту опушку. Это случилось, когда, провернув квартирный обмен, я в сопровождении Али пустилась обследовать местность. Узнавание не было радостным. Выходит, что-то во мне еще тогда знало, что я буду здесь, в одной из тех трех пятиэтажек, жить? Когда ты одержима идеей свободы, идея предопределенности отнюдь не прельщает, а доходящая до таких подробностей — тем паче. Но тот непонятный внутренний толчок волей-неволей пришлось истолковать как предчувствие.

Снова пройдут годы, и оно подаст голос вторично. Ранним октябрьским вечером Ася Арамова потащит меня на день рождения своей московской приятельницы. Мы выйдем из метро на проспект, свернем в тихую, сквером начинающуюся улицу, и тут:

— Ах ты, черт!

— Что с тобой?

— Видишь ли... Это, конечно, дичь, но...

Выслушав мою невразумительную историю, Анастасия не без иронии полюбопытствует:

— И что же случится на этот раз?

— Понятия не имею. Раскинуть здесь свой шатер мне вряд ли позволят. Но что-то будет! Надо держать ухо востро. А то в один злосчастный день забегу к Регине, заболтаемся, тут меня на обратном пути в темном скверике и прирежут.

Прирезать не прирезали, получилось еще интереснее. Я живу теперь на этой улице. Здесь вырос человек, в ту пору еще не знакомый, которому предстояло стать моим мужем (как истую противницу брачных уз, меня угораздило выйти замуж вторично).

Куда как лестно было бы предположить в себе провидческие способности. Но мое предчувствие похоже на выжившего из ума неврастеника: вечно без толку бубнит невнятицу, к которой — многажды проверено — не стоит прислушиваться. В свой большой колокол оно бухнуло всего дважды, оба раза по одному и тому же пустяковому поводу. Разве так важно, где нам жить, обитателям стандартных ячеек, и до нас, и после столь же временно дающих приют людям чужим и случайным? Добро бы мы были владельцами фамильных поместий, где стены про-

питаны памятью поколений, обжиты духами предков! Но и поднятый на такую высоту, квартирный вопрос не представляется достаточно серьезным, чтобы возбуждать трепет прозрений. По правде говоря, меня все это скорее раздражает. Однако иметь в распоряжении загадочное происшествие, пусть даже слабо связанное с основным конфликтом и глуповатое, и умолчать о нем — какой рассказчик пойдет на это?

Последнюю неделю перед переездом я провела в не свойственных мне хлопотах о будущем уюте. Отыскала на Арбате толстую, грубее некуда зеленую ткань и пригласила мастера, чтобы обил дряхлое дырявое кресло. Отхватила в местном мебельном четыре стула — товар в ту пору редкий. Бежать за подмогой было немыслимо — упустишь! — и я добрый километр перла по жаре тяжелеющие с каждым шагом, топорщащиеся ножками и спинками, норовящие выскользнуть из вспотевших рук и брякнуться в дорожную пыль стулья. А еще пришлось выбирать какие-то занавески, кастрюльки, клеенки... «Это нужно Вере, — твердила я себе. — Легче вернуться домой, если здесь не будет такого угрюмого разора».

О том, что и сама не прочь от него избавиться, я как бы не догадывалась. Слишком привыкла думать, что от таких мелочей не завишу.

Когда мы наскоро расставили в новой квартире старую мебель и со славой добытые, еще пахнущие магазином стулья, я подошла к окну и вместо градирни увидела далекую щеточку бора, пушистую от садов деревушку, а ближе, перед самым домом, прудик среди ветел и берез. Мило. По мне — слишком игрушечно. И вдруг... Как бы сказать? Не то, конечно, а лучших слов не подберу: пространство стало одушевленным. Оно смотрело. Взгляд был неоправданно дружествен...

Выжила! Я сползла в ядовито-зеленое, заново обитое кресло и зажала рот ладонями, пытаясь заглушить счастливый смех. Но тут, опять-таки вдруг, что-то тяжеленное обрушилось сверху, с тупыми, но мощными когтями, с оглушительным сопением! «Бедный песик» подумал, что я плачу. А этого он не выносил — бросался утешать с напором, способным сокрушить и повергнуть во прах слабый организм.

Но мой не сдрейфил: ругаясь, хохоча, утирая все-таки набежавшие слезы, я выпуталась из сострадательных когтистых объятий. Высокая торжественность момента была намертво испорчена. Плевать! Он, момент, был чудесен и безо всякой торжественности.

В груде неразобранного барахла я отыскала альбом, цветные карандаши и, с детским тщанием блюдя верность натуре, срисовала заоконный пейзаж. Только на плоском зеленом бережке позволила себе домыслить рыжего веселого Али. На самом-то деле пес, утомленный своим душевным порывом, уже похрапывал на диване и болезненно дрыгался во сне — антиблошиный ошейник в те годы казался таким же мифологическим предметом, как святой Грааль.

Закончив, я вырвала альбомный лист, сложила вчетверо и затолкала в заранее надписанный конверт: «Куба, посольство СССР...» Он поныне цел, этот ностальгический, дважды — раз вдоль, раз поперек — надломленный рисунок. Бесстрастный наблюдатель сказал бы о нем только одно: его автору лучше не судить о чужих живописных талантах.

Ты уж, Скачков, не взыщи.

Не всякому воспарению стоит верить. Возомнишь, будто тебя с чего-то осенила благодать, а это просто солнышко пригрело, витамин всосался. Пожалуй, так оно и было...

Да, во избежание недоразумений это надо сказать со всей определенностью. Когда после сплошных потерь, не сумев сохранить единственное приобретение — искусство точить слезу одним глазом, начинаешь из этого черного безвременья выбираться, может примерещиться что угодно. Но и сверх меры сочувствуя своей героине, автору надобно сознаться: Шура Гирник с ее доморощенным ницшеанством российского пошиба — не тот человек, которому позволительно уповать на особую милость свыше. Если небеса не пусты, в чем она сомневается чаще, чем хотелось бы, у нее мало заслуг перед ними. Не считать же доблестью то, что не гонялась с топором за старушками. Без экспериментального подтверждения верила, что не «тварь дрожащая» и «право имеет», а то и погналась бы, чего доброго... Привычка, освоенная с возрастом, выглядеть разумной и кроткой — тоже не великое достижение. Сама-то знаешь: то, что другим кажется добротой или мудростью, чаще всего — лишь поверхностная сердобольность и глубокая усталость. А до истинного смирения тебе дальше, чем до Луны. Задень тебя за живое, и все неистовое высокомерие дней былых сразу тут как тут. Оно твой ржавый доспех, твое допотопное оружие. Только теперь сложно заставить тебя пустить его в ход.

Что ж, и на том спасибо.

С тех пор минуло два с лишним десятка лет. Из зеркала пялится толстая тетка, с которой я предпочла бы не иметь ничего общего. Потомства так и не завела, стало быть, есть риск закончить свои дни в богадельне. Мужа зовут Гаврила, это прокуренный взъерошенный субъект, хитрющий гном из книжных пещер, личным примером доказывающий, что моя житейская неприспособленность — далеко еще не предел. Друзей, не отбывших за кордон или в мир иной, почти не осталось. Богатство не подвалило, да похоже, и впредь не собирается. Витамины усваиваются все хуже, а обходятся все дороже. Доконали мигрени. В доме неистребимый кавардак. У нас две подагрические собаки и кошка — брюзга, каких мало. Все трое — в прошлом бомжи, закономерно утратившие пиетет к двуногому племени. Они меланхолично терза-

ют предметы домашнего обихода и, хоть ты тресни, не слушаются. Сантехник или домоуправ, ежели забредет в нашу берлогу, с ходу принимается причитать о тяжелых временах, «вот ведь, кто и учился, знать, непьющая семья, интеллигентная, а как бедствовать приходится...»

Я не смеюсь в лицо доброхоту. Но только потому, что намерена, подтвердив давнишнее предсказание, умереть от вежливости. А что? Не самый худший финал.

Лишь бы он наступил как можно позже. Мне нравится жить. В этом утомительном занятии поэзии больше, чем всего прочего. Она, невесомая, однажды взяла да и перевесила все неподъемно тяжкое: мама со своей травинкой оказалась-таки права. И обнаружилось это не тогда, когда отменили советскую власть, хоть я не надеялась увидеть ее конец (и не уверена, что это было настоящим концом). Даже не тогда, когда, обросший диким волосом и, словно в древнем эпосе, сопровождаемый тревожными предзнаменованиями, на горизонте возник второй муж. Нет, главное случилось, когда я подошла к своему новому окну, чтобы посмотреть, какой из него вид.

Помню, что не просила ни о чем, и знаю, что такого подарка не заслужила. Объяснению этот феномен не поддается. Могу только его констатировать с благодарностью и смущением.

А ту низинку с прудиком мы потом прозвали Грозовым Провалом. Таких фантастических гроз, что бушевали на том пятачке, в нашем умеренном климате вообще-то не бывает. Как они грохотали, особенно по ночам! Какие дивные бешеные молнии садили в пруд одна за одной! Окрестность содрогалась, вспыхивая сиреневым немыслимым светом, страшноватой красотой. Ну совсем не игрушечной.

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ — в зеркале прессы и с комментариями «Континента»

(Октябрь, ноябрь, декабрь 2000 г.)

*Обзор подготовлен Александром Годлевским**

2 ОКТЯБРЯ интервью с председателем ВГТРК Олегом Добродеевым, который был одним из создателей телекомпании НТВ, опубликовали **«Известия»**. Основные темы беседы — свобода слова, независимость СМИ, превращение журналистики в орудие мести. Особую злободневность интервью придает то обстоятельство, что сейчас ВГТРК — в контексте противостояния Гусинского с Кремлем — является основным конкурентом и главным противником НТВ и «Медиа-Моста» в сегодняшних СМИИ (значительное место в интервью также уделялось личным нынешним взаимоотношениям бывших коллег-сотрудников). Добродеев так обозначил свою позицию: «Я всегда придерживался правила: информация не должна быть политинформацией. И мои энтэвэшные коллеги не дадут соврать: за исключением двух-трех исключительных ситуаций, я не вмешивался в деятельность информационников. До какого-то момента и НТВ в целом придерживалось этой линии.» Однако впоследствии в информационной политике НТВ произошел перелом: «Года полтора назад, точнее не скажу <...> отношение к каналу как к своего рода орудию информационного искусства, а не как к утилитарному информационному орудию <...> ушло, ушло безвозвратно. Тем не менее за годы моей работы на НТВ выросло поколение людей, которые умеют в определенных ситуациях сказать начальству «нет». В прежние времена журналист себе такого позволить не мог — не только административно, но и психологически.» (Напомним, что «года полтора назад» — это середина 1999 года, когда телекомпания НТВ начала выступать с резкой критикой как некоторых шагов кремлевского руководства, так и отдельных членов президентской «Семьи»).

3 ОКТЯБРЯ исполнилось семь лет со времени событий 1993 года, закончившихся расстрелом Белого дома. Годовщина широко не отмечалась, однако пресса не обошла ее вниманием. «...среди советчиков Ельцина нашлись люди, способные осуществить сценарий провокации, главной целью которого было заставить сторонников Верховного Совета прервать вялые переговоры и приступить к уличным действиям первыми. Этого удалось добиться 3 октября — на Краснопресненской набережной и в Останкине, когда демонстрантам позволялось беспрепятственно бесчинствовать на улицах после демонстративно слабого

* «Хронику...» в предыдущем номере «Континента» также подготовил А.Годлевский.

сопротивления стражей порядка. Верховный Совет также сделал все, чтобы у президента не осталось другого выхода, кроме силового. Представление о компромиссе у Руцкого и Хазбулатова также было весьма своеобразное — похожее на ельцинское, — дает свою версию событий **«Независимая газета»**. — Семь лет спустя <...> признавать ошибки своего предшественника, преемником которого он был провозглашен, Путину не с руки — нынешний глава государства вообще пытается не касаться деятельности крестного отца своего президентства».

4 ОКТЯБРЯ пресса продолжает обсуждать причины и последствия конфликта в назначенном Москвой руководстве Чечни. **«Аргументы и факты»** одновременно предоставляют слово каждой из сторон в ответе на вопрос: в чем суть противостояния официального главы администрации Чеченской Республики Ахмада Кадырова и оппозиционного ему первого его заместителя Беслана Гантемирова, которое недавно чуть не привело к вооруженным столкновениям их сторонников.

«Конфликт не в личностях. Почему все так легко забыли, что именно Кадыров был духовным лидером Масхадова, Гелаева, Хаттаба? Несколькими годами раньше он призывал каждого чеченца убить по 150 русских, благословлял убийства, захват заложников, взрывы жилых домов. Кадыров убедил Москву, что перед ним опустят автоматы и террористы, и антитеррористы. Но этого не произошло. И будет еще хуже. Потому что Кадыров и басаевцы сами с собой бороться не будут, — говорит Беслан Гантемиров. — В первую войну, после вывода федералов «победители» расстреливали тех, кто был на стороне России. И что же теперь? Террористам снова дали время перегруппироваться, наладить международные связи. В очередной раз — это уже не преступная халатность, а измена, предательство».

Позиция Ахмада Кадырова: «Мои друзья — все, кто хочет мира в Чечне. Враги — те, кто преследует свои корыстные цели. Во всяком случае, я чеченские деньги, направленные на воссстановление республики, не воровал. Я действительно открыто призывал к войне, и об этом знает весь мир и лучше всех — президент Российской Федерации, который своим указом назначил меня главой администрации. А тот, кто хочет построить свою политику на противостоянии законной власти, снова проиграет, как проигрывал и раньше с другими главами Чечни: и с Дудаевым, и с Завгаевым, и с Кошманом. Не сумев справиться ни с хозяйственными, ни с политическими проблемами, Масхадов позволил ваххабитам втянуть Чечню в новую войну. Не осудив их вторжения в Дагестан, Масхадов тем самым предал чеченцев. Он не сделал ни одного шага, чтобы избежать этой войны. Когда она началась, ко мне приходили люди буквально из всех селений с вопросом: что делать? И я сказал: «У того кто меня слушает, кто мне верит, их оружием будет молчание. Воевать нужно только против ваххабитов-экстремистов».

Газета комментирует; что российскому руководству не следует рассматривать конфликт между А. Кадыровым и Б. Гантемировым как досадное недоразумение или малозначительный эпизод — пора сделать определенные выводы. Единоличное правление чеченскому менталитету не подходит, и в будущей политической системе Чечни не должно быть поста президента. В республике

может быть только коллегиальная власть — типа Государственного совета. Газета также пишет, что в Чечне далеко не всегда эффективны демократические процедуры западного образца. Если в равнинных районах республики выборы, особенно органов местных самоуправления, вполне уместны, то в горных районах целесообразнее пойти по пути прямого представительства от населенных пунктов и родов. И самый главный вывод **«Аргументов и фактов»**: «В условиях партизанской войны, отсутствия непосредственного боевого контакта с противником, в атмосфере недоверия или ненависти местного населения федеральные войска быстро «разлагаются» (деморализация, пьянство, мародерство)».

Война и положение в Чечне не сходят со страниц и других газет. «Все безобразия на территории Грозного происходят потому, что так и не могут изловить 10-15 бандитских лидеров. Для этого достаточно усилий нескольких десятков дееспособных оперативников из МВД и ФСБ. И не нужно вводить в Грозный многотысячную армию, поднимать в воздух самолеты и вертолеты. Может быть, я уже всем надоел, но, на мой взгляд, мы занимаемся не тем. Сейчас главное — оперативная работа по поимке бандитов в Грозном. А МВД, провалив ее, не проводит никаких спецопераций и спецмероприятий, кроме погромов, — цитирует **«Новая газета»** слова Беслана Гантемирова — Чеченская милиция — это теперь не отряд Гантемирова. Со дня ее формирования там прошли уже три серьезнейшие чистки, и в ряды чеченской милиции почему-то набраны совершенно посторонние люди, у которых душа не болит за то, что происходит на нашей земле. Вот почему сегодня так легко купить сотрудника чеченской милиции».

Пошел второй год второй чеченской войны, и есть много оснований сравнить ее с первой. Стало ясно, что победа в боях не приблизила политический успех. «Известно, например, что у военных до самого последнего момента существовало два (причем в спешке разработанных) плана. Первый — идти до Терека и на рубеже реки зазимовать. Второй — наступать в горы и доводить кампанию до победного конца <...> С сожалением приходиться констатировать, что три года, отведенные Хасавюртовским соглашением для подготовки очередного раунда вооруженного противостояния на Кавказе, не были использованы с полной отдачей. Даже небольшая война с сепаратистами и мятежниками на Кавказе потребовала напряжения практически всей имеющейся изрядно поношенной военной машины государства, — комментирует **«Независимая газета»**. — При всем этом войска выполнили поставленные им задачи — как обычно, в основном на энтузиазме и за счет эксплуатации «человеческого фактора». Крупные вооруженные формирования сепаратистов были уничтожены и рассеяны, города и деревни взяты штурмом (причем некоторые по нескольку раз). Война перешла в партизанскую и минную стадию, где враг для федеральных войск повсюду и в то же время практически неуловим. Что же дальше?».

5 ОКТЯБРЯ Госдума начала рассмотрение проекта нового закона о СМИ, представленного Министерством печати РФ. По мнению некоторых депутатов, новый законопроект мало чем отличается от того, который Дума отвергла три года назад. До сих пор действует Закон РФ «О средствах массовой информации», принятый еще в 1991 году. **«Комсомольская правда»** приводит мнение

руководителя экспертного совета Комитета Госдумы по информационной политике Михаила Федорова, считающего, что «положения предложенного законопроекта крайне запутывают действующий закон. Например, появляется новая категория «издатель», которая призвана заменить «учредителя». Поверьте на слово, новые собственники увязнут в имущественных спорах».

В тот же день в связи с обсуждением в Думе нового госбюджета на 2001 год газеты привлекают особое внимание к проблеме финансирования культуры — по «остаточному принципу». Председатель Комитета Госдумы по культуре и туризму Николай Губенко, напоминая, что «бюджет — не столько форма, сколько содержание, руководство по организации российского общества на очередной год», констатирует: «Проект бюджета на 2001 г. для культуры — убийственный не только для небольшого, тонкого слоя творческой интеллигенции, но и для самосознания всей нации, которое в огромной степени базируется на культуре. В борьбе с Госдумой за цифры бюджета правительству предстоит дать ответ на вопрос: готово ли оно в рамках так называемых прав и свобод предоставить культуре право на самоубийство? Если готово, то придется признать, что нынешнее правительство унаследовало от ельцинских правительств устойчивый элемент уверенности в безграничности народного терпения. Придется признать, что столкновение власти и самосознания нации, носителем которого является интеллигенция, неизбежно. Надеюсь, правительство сознает эту трагическую перспективу».

6 ОКТЯБРЯ в Советском районном суде Махачкалы оглашением обвинительного приговора завершился судебный процесс над корреспондентом московского бюро радио «Свобода» Андреем Бабицким. История с российским журналистом западной радиостанции, финансируемой правительством Соединенных Штатов, долгое время была в центре внимания российской и мировой общественности. Задержание Бабицкого в осажденном федеральными войсками Грозном, обмен на российских военнопленных, затем новое задержание журналиста с чужими поддельными документами в Махачкале сотрудниками МВД Дагестана — все это дало основание и нашей, и западной прессе заговорить о давлении на СМИ, зажиме свободы слова и возвращении к тоталитарному прошлому. Защиту Бабицкого осуществлял один из самых известных российских адвокатов Генри Резник. «При этом журналисту «грозила» амнистия, объявленная Государственной Думой России в связи с 55-летней годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Однако ни Бабицкого, ни его защиту не устраивал такой исход дела — защита настаивала на полной невиновности Бабицкого, заявляя, что тот был вынужден использовать поддельные документы, поскольку в тот момент его жизни угрожала реальная опасность, — комментируют **«Известия»**. — Во второй половине дня суд вынес приговор: считать Бабицкого виновным в использовании заведомо фальшивых документов и взыскать с него штраф в размере 100 минимальных окладов. Также признать журналиста амнистированным. Защита Андрея Бабицкого намерена обжаловать приговор».

«Независимая газета» приводит слова Генри Резника о том, что процесс инспирирован властями и поэтому судья испытывал большое давление. «Если это и так, — комментирует газета, — то не меньшее давление судья и прокурор могли ощутить со стороны Радио «Свобода», которое в эти дни в своем

эфире постоянно давало едва ли не унизительную оценку государственных участников процесса». Так что, к примеру, дагестанский судья Гончаров, который, по мнению Генри Резника, «блистательно провел процесс», слушателям радиостанции «Свобода» представлен просто «бесчестным человеком».

В тот же день руководитель ВГТРК Олег Добродеев подписал распоряжение о ликвидации унитарного государственного предприятия ГТК «Вести». Теперь «Вести» перестали быть самостоятельным юридическим лицом и будут существовать на тех же условиях, что и все остальные подразделения ВГТРК. **«Известия»**, впрочем, приводят мнение первого заместителя главы ВГТРК Антона Золотопольского, заверяющего, что это решение было принято Добродеевым вовсе не потому, что он захотел «приструнить слишком свободно чувствующую себя программу — о таком на РТР и речи быть не может», а просто потому, что «существование в рамках одного канала двух разных СМИ — нонсенс с точки зрения логики телепроцесса»...

9 ОКТЯБРЯ председатель ЦИКа Александр Вишняков заявил о том, что Центральная избирательная комиссия завершила подготовку доклада «О совершенствовании и развитии избирательного законодательства». Доклад предназначен для представления президенту. «Если Владимир Путин даст «добро», то в России стартует реформа всей избирательной системы. В том, что Путин заинтересован в выборах по новым правилам, уже никто не сомневается», — пишут **«Известия»**. — В случае одобрения проекта закона о партиях, их число в России, по выражению Вишнякова, сократится на порядок (сейчас их около 180). По законопроекту численность политических партий, допускаемых к выборам, «должна составлять как минимум 10 тысяч человек. Партия должна иметь отделения в большинстве регионов страны, и в каждом из них должно состоять не менее 100-200 членов. Кроме того предусмотрена «финансовая прозрачность деятельности партий» с ежегодным отчетом о расходовании средств».

В тот же день заместитель Генпрокурора РФ Василий Колмогоров заявил журналистам, что Борису Березовскому и Владимиру Гусинскому отправлены очередные вызовы на допрос. «Березовского хотят допросить в рамках «дела «Аэрофлота», которое, по словам представителя Генпрокуратуры, сейчас «выходит на качественно новый этап» — возможно через месяц будут предъявлены обвинения конкретным лицам. При этом Колмогоров подчеркнул, что Березовский уже несколько раз вызывался в прокуратуру, однако из его офиса приходил ответ, что Борис Абрамович находится в длительной служебной командировке, — сообщает **«Комсомольская правда»**. — А вот с Владимиром Гусинским следователи хотят поговорить по поводу его заявления о том, что на олигарха оказывалось давление при заключении с ним соглашения о переуступке акций холдинга «Медиа-Мост» на сумму около 773 миллиона долларов Газпрому».

10 ОКТЯБРЯ Внешэкономбанк по поручению Минфина РФ подал в суд иск к входящему в холдинг «Медиа-Мост» ЗАО «Бонум-1» о взыскании 30,8 млн. долларов. Если Внешэкономбанк выиграет процесс, то будет арестован спутник связи, через который вещают телеканалы холдинга Владимира Гусинского. «Таким образом, борьба вокруг холдинга вступает в новую фазу: государ-

ство пробует зайти на информационную империю Гусинского из космоса, — комментируют **«Известия»**. — Это уже третий иск кредиторов Гусинского к его холдингу за последний месяц. В сентябре возврата задолженности потребовал «Газпром», в начале октября — Сбербанк, в середине — Внешэкономбанк (ВЭБ) по поручению Минфина. На очереди иск непосредственно Минфина о расторжении договора доверительного управления пакетом ОВВЗ. Общая стоимость пакета, оставшегося в трасте у «Медиа-Моста», оценивается в 100-150 млн. долларов.»

В тот же день тему чеченской войны продолжает **«Комсомольская правда»** — беседой с капитаном Олегом Лапинем, начальником штаба батальона 247-го десантно-парашютного полка. Интервью интересно тем, что отражает сложившиеся в армейской среде мнения обо всем, связанном с двумя чеченскими войнами: «Война в республике продолжается далеко не первый год, а реальных положительных сдвигов мирное население не видит. Еще год назад мне говорили: почему не закончили первую войну до конца? Ведь чем больше вы здесь стоите, тем больше вам не верят». Касаясь темы грабежей, мародерства и издевательства над мирным населением, Олег Лапинь заметил: «За свой полк скажу: за десять лет таких случаев никогда не было. Командир с самого начала так поставил вопрос — «крысам» у нас не место. Но сам видел, как из сел силами МВД грузовиками вывозилось добро, выгонялись легковые машины. А ведь людям безразлично, кто это, — десант, пехота, Внутренние войска! Все мы носим пятнистую форму. Из-за этого — ненависть. Воровство нефти из республики тоже не обходится без помощи блокпостов МВД... Сколько раз Внутренние войска меняли меня на блокпостах, столько раз я пытался объяснить ребятам задачу, опасные направления, зону ответственности... Но они говорили: «Командир, не напрягайся! Все равно я буду охранять только сам себя». Если брать сегодняшний расклад, этой войне быть еще с десяток лет. И десять лет будет делиться власть, будут гибнуть люди, вороваться нефть, оружие».

13 ОКТЯБРЯ адвокаты «Медиа-Моста» передали в Генпрокуратуру РФ письмо Владимира Гусинского об отказе приехать из Тель-Авива в Москву на допрос в качестве свидетеля. «Гусинский уже имеет печальный опыт «дачи свидетельских показаний» Генпрокуратуре, — сказал нам руководитель пресс-службы холдинга Дмитрий Остальский. — И не исключает, что этот вызов — очередная ловушка: у него могут взять подписку о невыезде, а то и просто закрыть в камере следственного изолятора. Поэтому Гусинский готов давать все необходимые следствию показания, но в Израиле», — сообщает **«Комсомольская правда»**.

14 ОКТЯБРЯ «Известия» обращают внимание на то, что после встречи президента Путина с Александром Солженицыным среди губернаторов вошло в моду обращаться за советами к великому писателю. Губернатор Тюменской области Леонид Рокецкий заявил на встрече с ректорами ведущих тюменских вузов: «Мне кажется, Владимир Владимирович Путин нашел мне духовного наставника». Газета обыгрывает, естественно, комизм этой ситуации, но не обходит своим юмором и самого писателя: «Солженицын, конечно, остается художником и в области обустройства России: он сочинил некую беллетристическую

реальность, читать про которую интересно, слушать — увлекательно, но претворять которую в жизнь следует осмотрительно, а может, и вовсе не стоит».

16 ОКТЯБРЯ в гостинице «Реддисон-Славянская» состоялось подписание договора о создании закрытого акционерного общества «Телетраст», которое будет управлять 49 % акций ОРТ, находящихся в собственности Бориса Березовского. На последовавшей сразу за подписанием договора пресс-конференции Березовский назвал имена тех, кто согласился войти в ЗАО «Телетраст» в качестве соучредителей: Василий Аксенов, Наталья Геворкян, Игорь Голембиовский, Георгий Гулиа, Сергей Доренко, Тамара Замятина, Кирилл Клейменов, Отто Лацис, Юрий Любимов, Владимир Познер, Виталий Третьяков, Рустам Хамдамов, Игорь Шабдурасулов и Егор Яковлев. При этом Березовский заявил, что список неполный и в него до 1 декабря могут войти еще десять человек, которым он сделал предложения. Отказались трое: писатель Виктор Пелевин, тренер «Спартака» Олег Романцев и гендиректор НТВ Евгений Киселев. «Вчера же БАБ заявил, что сегодня придет на допрос в Генпрокуратуру, хотя В.Гусинский его от этого отговаривал: «Они тебя либо посадят, либо убьют», — завершает свою информацию **«Комсомольская правда»**.

«Независимая газета» сообщает: «Свой монолог о рождении «Телетраста» Березовский предварил словами о том, что журналисты, допущенные к управлению, «должны взять на себя политическую ответственность, которая в данном случае является эквивалентной гражданской». Кроме того, предприниматель в очередной раз предложил власти сделать своеобразный ответный шаг и также найти своих творческих избранников, которые могли бы справиться «с управлением 51% акций ОРТ».

«Березовский не сомневается в эффективной работе «Телетраста». Все решения на общем собрании акционеров ОРТ принимаются тремя четвертями голосов, — заявил он. Так что «Телетраст» в любом случае может блокировать то, что сочтет вредным для канала. В том числе и назначение той или иной кандидатуры на должность гендиректора ОРТ, — комментируют **«Известия»** — Однако источники «Известий» в окружении Бориса Березовского утверждают, что бизнесмен лукавит. По их информации, Березовский прекрасно понимает, что пока каналом руководит Константин Эрнст, ни о каком влиянии «Телетраста» на ОРТ речи быть не может. А снять Эрнста с поста гендиректора канала «Телетраст» не может».

В тот же день в Наро-Фоминском районном суде Московской области начался судебный процесс по обвинению Тамары Рохлиной в убийстве своего мужа — депутата Государственной Думы генерала Льва Рохлина. После оглашения обвинительного заключения судья Людмила Жилина объявила последующие заседания суда закрытыми, сославшись на то, что в деле имеются сведения интимного характера, а милиция не справляется с «агрессивно настроенными сторонниками Тамары Рохлиной». В дальнейшем журналистам стали известны некоторые подробности дела, способные поколебать официальную версию убийства. По словам адвоката Рохлиной Анатолия Кучерены, в день убийства, 3 июля 1998 года, на даче Рохлиных находился еще один человек, чьи показания могли бы опровергнуть ход следствия. «Это солдат по име-

ни Роман, — сообщил **«Известиям»** Анатолий Кучерена. — В течение трех месяцев, с апреля 1998 года, он охранял дачу Рохлиных. В момент убийства он был там и, конечно, мог слышать и видеть все драматические события той ночи. Интересно, что следствие о нем знало, но на допросы его не вызывало». На вопрос, почему об охраннике по имени Роман вспомнили только сейчас, адвокат пояснил, что его подзащитную запугали и поэтому она даже ему не давала об этом никакой информации. Газета также вспоминает интервью Рохлина 1996 года, в котором генерал подтвердил, что по распоряжению начальника Генштаба в Москву из 8-го корпуса, которым он раньше командовал, регулярно направляются бойцы разведбата с личным оружием для его охраны. Делалось это потому, что генерал доверял только им.

Убийство генерала Рохлина вызвало в обществе большой резонанс, поскольку существует очень распространенное мнение, что в убийстве замешана власть — из-за конфликтов генерала и депутата Госдумы с высшим военно-политическим руководством государства по вопросам реформирования армии и особенно из-за его борьбы с коррупцией в высших эшелонах генералитета. В деятельности Рохлина есть, однако, еще один крайне важный момент, который обычно обходят вниманием. Рохлин и возглавлявшееся им «Движение в поддержку армии» ставили перед собой задачи, решить которые можно было, только сделав армию самостоятельной политической силой. А в нашем государстве это — прямая угроза военного переворота, независимо от того, ставил ли Рохлин перед собой такую цель или нет. Выход армии из-под политического контроля Кремля мог бы означать крах всей нынешней системы государственной власти, поскольку отношение к ней в широких армейских кругах могло только способствовать такому краху. И не так важно, в результате какой деятельности военных это могло бы произойти — в ходе боевых действий на войне, борьбы с коррупцией или при сельхозработах на уборке урожая.

19 ОКТЯБРЯ с публикации в **«Комсомольской правде»** заявления вдовы командира «Курска» Ирины Лячиной о своем выходе из комиссии, занимающейся распределением пожертвований семьям погибших подводников, начался скандал в связи с нецелевым использованием отпущенных на это финансовых средств, в чем Лячина обвинила, в частности, губернатора Мурманской области Юрия Евдокимова.

Газеты пишут, что другие члены комиссии и руководители Мурманской области пока избегают комментариев, объясняя это необходимостью проведения тщательной проверки всех документов. «Но не учел губернатор того обстоятельства, что страна-то, в отличие от него, сразу и безоговорочно поверит вдове погибшего подводника и «копии документа» дожидаться не будет. Промахнулось и подавляющее большинство членов губернаторского фонда — они, не замечавшие голоса Лячиной, в глазах общественности отныне не отмоются никогда, — пишут **«Известия»**. — Не учли казенные «доброхоты», что убитая горем женщина станет вникать в детали дележа благотворительных сумм. А тем более возвысит голос, «неблагодарная». Однако она не промолчала. И то, что по привычке лишь угадывалось искушенными обывателями — политические и финансовые махинации вокруг «Курска», — стало очевидно всем.

Можно предположить, что нам приоткрылась лишь часть узаконенного мародерства».

22 ОКТЯБРЯ в Курской области прошли губернаторские выборы, которые ознаменовались крупным скандалом. За день до выборов, уже поздно вечером, областной суд отменил регистрацию кандидатом в губернаторы действующего губернатора Александра Руцкого. По оценкам прессы, это сделано было по указке Кремля, чтобы блокировать Руцкому, рейтинг которого в области очень высок, возможность переизбраться губернатором на второй срок. Газеты обращают внимание, что хотя одну часть президентской команды Руцкой вполне устраивает (он много сделал на парламентских выборах для победы пропрезидентского «Единства»), другая часть давно хочет от него избавиться, а среди главных врагов Руцкого называют главу президентской администрации Александра Волошина. В центре внимания, однако, — прежде всего сама примитивность, топорность кремлевских методов в этом деле, вызывающая ряд недоуменных вопросов. «Главный из них, — пишут **«Известия»**, — зачем было затевать «укрепление вертикали власти», затрачивать огромные усилия на принятие «трех президентских законов», позволяющих президенту среди прочего снимать губернаторов с должности? Тонко прописанные процедуры отстранения (только чтобы не нарушить Конституцию), разговоры о диктатуре закона — и после этого прямой диктат суду, грубое отодвигание от выборов непонравившегося губернатора». Если Кремль именно так собирается избавляться от неугодных губернаторов, «то этим можно было заниматься и без всяких законодательных новшеств. Зачем мяснику скальпель?»

«Вице-спикер Госдумы Владимир Жириновский назвал это «политической расправой». Спикер Селезнев — «принципиальным решением судебных органов». Другой думский вице-спикер — Ирина Хакамада — склонна считать: «То, что произошло на выборах губернатора Курской области, дискредитирует и сами региональные выборы, и избирательную систему в целом». Коллеги-губернаторы — от Тулеева до Титова — немало обескуражены таким поворотом событий, и осторожно советуют «лишенцу» дождаться вердикта Верховного суда, куда «пострадавший», кстати, обратился вчера с жалобой на «приговор» своего областного суда», — приводит **«Комсомольская правда»** различные отклики на это событие. И, задаваясь вопросом, за что Руцкой впал в такую немилость, продолжает: «Рискнем предположить: может за все понемножку? Может верховной власти надоело наблюдать за экстравагантными выходками курского головы, к тому же постоянно перекрашивающегося — то он хвалит коммунистов, то их клянет — вот она и решила подыскать губернии более стабильного хозяина. Правда, полпред президента в Центральном федеральном округе Полтавченко назвал вчера «голословными» утверждения Руцкого о том, что областной суд отстранил его от выборов под давлением Москвы. Только думается нам, в любом случае скандал с Руцким не красит нежным светом стены древнего Кремля».

24 ОКТЯБРЯ опубликован подготовленный Минздравом РФ государственный доклад «О состоянии здоровья населения в 1999 году». Из доклада следу-

ет, что тенденция соотношения «рождаемость — смертность» все больше выглядит в черном цвете. В 1999 году в стране родилось еще меньше детей (84 на 100 тысяч населения против 88 в 1998 году), смертность возросла (147 из каждых 10 тысяч против 136 в 1998-м). Смертность увеличилась по всем основным заболеваниям — от рака, сердечно-сосудистых заболеваний, туберкулеза и других болезней. Объясняется это обычными для нашей страны причинами: пьянство, курение, травматизм (на почве пьянства). Однако, газеты отмечают, что наряду с медицинскими факторами свою немалую роль в этом играют и факторы общественные.

«Да, главным фактором, определяющим здоровье, точнее, нездоровье нации, является социальный. Бедность, голод, неверие в будущее, недостаточность качественной медицинской помощи и лекарств. Хотя врачи и не снимают ответственности с себя, — пишут **«Известия»**, — но улучшать здоровье нации возможно, лишь одновременно изменяя подходы в государственной политике в этой области и совершенствуя систему здравоохранения».

30 ОКТЯБРЯ в России прошел День политзаключенного, который политзеки начали отмечать в советских лагерях с 1975 года. Широкие народные слои на этот день очень мало обращают внимания. Зато для демократической и коммунистической элиты он стал еще одной чертой, которая обозначила их непримиримые противоречия в оценке и нашего прошлого, и настоящего.

«30 октября на Лубянскую площадь к Соловецкому камню стали приходить москвичи и гости столицы: известные деятели науки и культуры, заместитель спикера Государственной думы Лукин, председатель Исполкома Конгресса интеллигенции С. Филатов, депутаты Государственной думы, главы конфессий России, послы стран СНГ и дальнего зарубежья. Бывший политзаключенный М. Коралов зачитал текст специального обращения общественных организаций России к соотечественникам. Председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации академик А. Яковлев рассказал собравшимся о полученном им письме Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Патриарх сообщал, что сегодня, 30 октября, в храмах Русской Православной Церкви будут вознесены заупокойные молитвы о всех жертвах лютых гонений. Такие же поминальные службы прошли в этот день в храмах других конфессий. Ждали специального послания Президента России, на которое надеялись. К сожалению, оно так и не поступило. В завершение этого траурного митинга перед микрофоном народная артистка РФ Ольга Остроумова прочла отрывок из знаменитого «Реквиема» Анны Ахматовой. И Лубянская площадь наполнилась звуками финала Шестой симфонии Чайковского. Соловецкий камень, олицетворяющий великую трагедию нашего народа, был осыпан цветами нашей памяти и скорби», — так рассказала об этом дне **«Культура»**

А вот **«Советская Россия»**: «30 октября — день памяти жертв политических репрессий. Память поклонников этой темной вехи — избирательна, коротка, но агрессивна и разрушительна. Причем скорбь и естественное желание постичь, переосмыслить трагические страницы бытия народного подменяются кликушеством, политиканством, абсолютной ложью <...> Сванидзе посвятил свое зловещее черно-синее «Зеркало» проблемной теме — очевидно, семейной: ведь он — сын одного из бывших руководителей Политиздата. Но поче-

му-то он ориентировался не на книжки, подписанные к печати предком, а на французское издание «Черная книга коммунизма» (то есть соотечественники самых кровожадных революционеров и коммунаров, в отличие от Сванидзе, допускают, что были и черные, и светлые книги). По ней «большой террор» унес 690 тысяч жизней за несколько лет. Это сопоставимо с годовыми потерями нынешней России — насильственными смертями, детской смертностью по вине медицины, вернее, ее отсутствия (а еще 60 тысяч детей числятся пропавшими без вести), отравлениями фальсифицированной водкой — 50 тысяч в год, потерями в Чечне и прочее. Про социально-демографические косвенные потери, превышающие цифры «большого террора» озвученные президентом, вопиют данные Минздрава за 1999 год. Но ничего этого «Зеркало» с палаческим садизмом не отражает. Почему? Разве такие потери — не следствие либерально-политического террора?»

31 ОКТЯБРЯ Тверской райсуд г. Москвы частично удовлетворил иск Генпрокурора РФ Владимира Устинова к телекомпании НТВ и Евгению Киселеву о защите чести, достоинства и деловой репутации. Интересы Устинова и ответчиков в суде соответственно представляли адвокаты Александр Морев и Александр Боннер. Предметом иска были комментарии Киселева в программе «Итоги» о взаимоотношениях Устинова с бывшим руководителем Управления делами президента Павлом Бородиным, о его решающей роли в назначении Устинова Генпрокурором и о том, что Владимир Устинов является «должником Бородина», поскольку получил из рук Бородина квартиру в собственность». «Несмотря на все ораторское мастерство Александра Боннера, в течении часа разъяснявшего, что Управление делами не должно было предоставлять квартиру Устинову, так как Генпрокуратура не входит в реестр организаций, сотрудники которых должны обеспечиваться жильем, судья Людмила Быковская частично удовлетворила иск Устинова, — описывают **«Известия»** ход судебного процесса. — Она отказала лишь в опровержении одной фразы — о том, что генпрокурор должен был заплатить государству налоги на квартиру».

В тот же день **«Аргументы и факты»** начали обсуждение личности президента Путина, его плюсы и минусы как политика и как человека. Газета приводит мнения самых разных авторов, приглашая к разговору всех заинтересованных лиц.

«В возрасте президента я вижу только плюсы, — говорит Игорь Бунин, гендиректор Центра политических технологий. — Путин находится в одной возрастной группе со своими зарубежными коллегами, которые недавно пришли или только приходит к власти: в ФРГ — Шредер, в Англии — Блэр, в Штатах — Гор или Буш».

«Антропологически Путин является алмазом в нашей коллекции политиков, — уверен писатель Александр Проханов. — После дряхлого Ельцина Путин выглядит как молодой бог. Но если его политика останется такой же, как при Ельцине, то его молодость не пойдет во благо России».

«48 лет — зрелый возраст, — говорит лидер СПС Борис Немцов. — Хорошо, что он энергичный, здоровый, дееспособный. А плохо то, что он только начал тянуть президентскую «лямку». И как многие начинающие политики

хочет всем понравиться. Но сделать Россию сильной и процветающей ему не удастся, если пытаться одновременно соблюдать интересы всех и каждого».

«Путин не может выделить основные проблемы, ради решения которых и стал президентом, — считает политолог Леонид Радзиховский. — В каком направлении мы будем двигаться, есть ли на это воля и какими средствами мы будем пользоваться — ничего не известно. В других развитых странах, в тех же Штатах, от того, станет президентом Буш или Гор, мало что изменится. Там все стабильно, и они будут плыть по течению. В России плыть по течению — значит плыть на дно. Он сказал, что ему нужен год, чтобы собрать хорошую команду. «Не много ли — год?» — подумал я. Но год прошел — команды нет!»

«Михаил Решетников, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, убежден, что молодой президент породил массу надежд. Эти надежды плюс потребность масс в «сильной руке» и решительность как в отношении сепаратистов, так и морального «террора» некоторых олигархов пока подпитывают кредит доверия. Даже на фоне малоощутимых рядовыми гражданами успехов в экономике. Россия всегда специфично относилась к первому лицу государства. Именно ему приписывались два качества: а) он все знает и понимает все лучше всех, и поэтому только он вправе принимать основополагающие решения; б) именно он способен любить всех одинаково и не допустит, чтобы были обиженные».

«В России конца XX века в результате переворота персональных пенсионеров («перестройки») установилось правление некомпетентных лиц предпенсионного возраста («шестидесятников»). С этой публикой Владимира Путина рознят здравый смысл и склонность думать по-русски. Что, кстати, примерно одно и то же, ведь здравый смысл — это просто «русским языком говоря», — пишет известный политтехнолог Глеб Павловский, считающий Путина «семидесятником». — Нация для «семидесятников» — суверенный, сложный, единый государствующий народ. Суверенитет России, восстановленный и десять лет кряду со дня провозглашения всеми дружно высмеиваемый, вновь признан реальностью. Время потеряно, но еще не истекло. У страны нет пока сильных и сплоченных врагов (с несколькими шайками негодяев Путин справится). А в сложных ситуациях надо просто поговорить друг с другом по-русски. Возрастной потенциал поколения определяется не столько его потребностями, сколько умением собрать вокруг себя цвет остальных поколений. Путин это умеет и поэтому кажется моложе своих лет».

1 НОЯБРЯ бывший сотрудник ФСБ Александр Литвиненко, находившийся в Москве под следствием, объявился в Лондоне со своей семьей. Пресса, комментируя его побег, отмечает, что такое могло произойти только в результате тщательно спланированной операции и не без помощи тайных покровителей. Газеты обращают внимание на одну характерную деталь: стоит только президенту Путину уехать за рубеж, как в России обязательно случается какой-нибудь громкий скандал, вызывающий широчайший резонанс на Западе. Во время недавнего визита Путина в Испанию в Москве арестовали В. Гусинского. На этот раз, когда президент был в Париже, бывший офицер ФСБ А. Литвиненко бежал в Великобританию и попросил там политического убежища. Литвиненко стал широко известен по пресс-конференции 97-го года, когда заявил, что ру-

ководство ФСБ приказало ему убить Бориса Березовского. Побег подполковника ФСБ вызвал в прессе много шума и заставил вспомнить недавнюю историю, а также сделать прогнозы на будущее развитие общества.

«Решение Александра Литвиненко оставить Россию, по его словам, связано с событиями прошлого года. Бывшего подполковника неоднократно арестовывали, и в итоге ему пришлось провести несколько месяцев в тюрьме, — пишет **«Независимая газета»**. — Александр Литвиненко <...> также рассказал, что не раз обращался в органы прокуратуры с просьбой защитить его и его семью, но никакой реакции на это не последовало. Александр Литвиненко заявил, что опасается за свою жизнь не только из-за скандала с заговором против Бориса Березовского, но и потому, что ему многое известно о взрывах домов в Москве в прошлом году».

«Представители спецслужб и Главной военной прокуратуры воздерживаются от комментариев по поводу побега Литвиненко на Запад. Не исключено, что обещание Литвиненко раскрыть тайну взрывов жилых домов в Москве может действительно заинтересовать английские власти и продлить срок его пребывания в Лондоне, — комментируют **«Аргументы и факты»**. — Однако один из высокопоставленных офицеров спецслужб в беседе с корреспондентом «АИФ» высказал сомнение в том, что такие факты у Литвиненко имеются. По его словам, бывший офицер ФСБ был отстранен от всех дел задолго до того, как в Москве прогремели взрывы. И, скорее всего, вся его информация почерпнута исключительно из частных разговоров со своими бывшими коллегами и, следовательно, не более чем слухи, гуляющие по коридорам ФСБ.» Далее газета отмечает, что побег Литвиненко, находившегося под подпиской о невыезде и лишенного общегражданского паспорта, через Украину и Турцию в Англию был возможен, только если в этом были задействованы очень влиятельные силы, что, вероятно, связано с политикой Путина, направленной на резкое ужесточение отношений с олигархами. «Российские покровители Литвиненко, чьи имена уже звучат в СМИ (называется прежде всего Борис Березовский), обладают хорошими связями на Украине и в Великобритании. Благодаря чему, собственно, и стал возможен побег», — считают **«Аргументы и факты»**.

«Известия» приводят некоторые мнения: «Он — правонарушитель», — так охарактеризовали Литвиненко высокопоставленные источники в Кремле, добавив, что еще во время его работы в ФСБ на него поступило несколько заявлений от мелких предпринимателей, у которых он вымогал деньги, фабрикуя дела. «Еще один борец за права и свободы. Обычная схема, когда человек чувствует угрозу над собой», — добавили источники в Совете безопасности».

Газеты пишут, что Литвиненко, по данным следствия, с подчиненными должен был расследовать серию терактов в Костроме, в результате которых погибло несколько местных бизнесменов. Однако вместо того, чтобы расследовать дело установленными законом способами, он подбросил взрывчатку подозреваемым для искусственного создания законных оснований для их официального задержания. После чего подозреваемых вывезли за город, били и пытали, чтобы получить необходимые признания вины.

Воспроизводя краткую хронику истории Литвиненко, **«Известия»** напоминают, что «судьба Литвиненко оказалась неразрывно связанной с судьбой оли-

гарха. Именно Литвиненко, угрожая пистолетом, задержал в дверях кабинета Березовского следственную группу МВД, которая явилась с обыском по делу об убийстве Владислава Листьева. 17 ноября 1997 года Литвиненко и ряд его сотрудников (подполковник Александр Гусык, подполковник Михаил Трепашкин и майор Андрей Понькин) провели в офисе агентства Интерфакс беспрецедентную пресс-конференцию, на которой утверждали, что помимо убийства Березовского их принуждали и к другим подобным операциям. После этого Литвиненко был арестован за превышение служебных полномочий. 26 ноября 1999 года он был оправдан военным судом, но прямо в зале суда задержан уже по «костромскому делу». Акцентируя неоднозначность событий в этой истории, газета отмечает: «Зато ясно другое: человек из спецслужб, некогда прикрывавший олигархические интересы Березовского, офицер, которого некоторые бывшие коллеги называют чуть ли не подонком, четко просчитал свои перспективы. Под Борисом Абрамовичем начала гореть земля; его эпоха кончилась — и у тех, кто в свое время поставил на него, в России больше нет шансов».

В тот же день в Москве в Политехническом музее открылась выставка «Человек и тюрьма», ставящая целью привлечь внимание общества и государственных органов к тяжелейшему положению заключенных в российских местах лишения свободы. «Как говорил Уинстон Черчилль, о степени цивилизованности страны следует судить прежде всего по ее тюрьмам. На территории нашей страны «сидит» одна восьмая часть всего тюремного населения мира. По подсчетам экспертов, каждый четвертый взрослый мужчина в России — бывший заключенный. И надо еще учитывать то, что большинство из них вышло на волю инвалидами, людьми с покалеченной психикой. ГУИН Минюста РФ уже приняли конкретные шаги по сокращению тюремного населения в стране: летом этого года число заключенных в России сократилось на 117 тыс. человек, теперь у нас на сто тысяч населения приходится 665 заключенных, — сообщает **«Независимая газета».** — Идея выставки не в том, чтобы упразднить уголовную ответственность, а в том, чтобы привлечь внимание к излишней жестокости наказаний. Представленные на выставке материалы вряд ли смогут не задеть человека за живое: на обмотанных колючей проволокой деревянных стенах расклеены пугающие своим натурализмом и жестокостью фотографии заключенных, рисунки заключенных, изображающие перенесенные ими пытки, и написанные дрожащими руками записки о помощи»

2 НОЯБРЯ Верховный Суд РФ отказал губернатору Курской области Александру Руцкому в удовлетворении его кассационной жалобы на решение областного суда, снявшего его с кандидатов на губернаторских выборах. Газеты отмечают, что перед судом у Руцкого была уверенность в выигрыше, поскольку, по его мнению, лично Путин не имел к его отстранению прямого отношения. »Но в итоге ВС поддержал курских судей, после чего Руцкой заявил, что все происходящее с ним — «это махровое нарушение российского законодательства». Теперь он не сомневается в существовании у Кремля плана по отстранению неугодных губернаторов и подозревает, что против него может быть возбуждено уголовное дело», — пишут **«Известия»**.

История с Руцким в свете политики «укрепления вертикали власти» не прошла бесследно для губернаторов. «Волна профедеральных инициатив, последовавшая за утечкой в прессу «кремлевского списка» неугодных губернаторов и публичной поркой претендента на переизбрание главы Курской области Александра Руцкого, захлестнула губернаторский корпус. По-видимому, всякий решил, что повинную голову меч не сечет. Даже самые влиятельные и критично настроенные захотели стать «людьми президента» и дружить с его полпредами. Губернатор Свердловской области Эдуард Россель, еще две недели назад выступавший против бюджетной политики федерального Центра и чрезмерных полномочий института полпредов, публично заявил, что отныне конфликта между ним и президентским посланником Петром Латышевым нет. Все предыдущие разногласия Россель списал на «недоразумения», — комментирует **«Независимая газета»**. — Апофеозом лояльности планам Кремля стало заявление губернатора Саратовской области Дмитрия Аяцкого, который довел идею централизации почти до совершенства, предложив назначать губернаторов по той же схеме, что и премьеров, — с подачи президента. Таким образом, по его словам, власть станет чище, а главное — дешевле».

3 НОЯБРЯ интервью с Борисом Березовским опубликовали **«Известия»**. Главная тема интервью, посвященного взаимоотношениям со страной и с ее руководством, вынесена в заголовок: «За 10 лет я так и не научился разбираться в людях».

«Я могу еще раз подчеркнуть: я не воюю с Путиным. Более того, я считаю саму постановку вопроса о том, чтобы воевать с президентом России, абсолютно неправильной. Даже если бы и не поддерживал — все равно не воевал бы. А вот то, что я пытаюсь найти аргументы, в том числе достаточно жесткие, по отношению к тем действиям президента, с которыми не согласен, — это абсолютно верно. С моей точки зрения, власть наша вменяема — это с одной стороны. А с другой — к сожалению — она недалекая. Я считаю, что главная ошибка, которую допустил президент и его окружение, это системная ошибка. Суть ее в том, что для очень сложных проблем президент и его окружение пытаются найти простые решения. Именно в этом смысле ограниченность власти представляет угрозу для общества. Потому что простых решений для проблем, которые стоят перед Россией, не существует».

По поводу сути своих расхождений с президентом Березовский заявил: «У меня с ним был как-то очень долгий разговор. Это было связано с пакетом законов об изменении структуры власти в России. И, в конечном счете, мы разошлись с ним в главном. Мы разошлись с ним в том, что он не верит, что Россия готова стать либеральной, свободной страной. Он не верит, что люди готовы сами взять на себя ответственность за свою жизнь. Он считал, что о людях по-прежнему должен заботиться президент или другие начальники. В то же время он говорил: «Я верю в необходимость того, чтобы Россия стала демократической. Но мы ее должны туда затолкать».

5 НОЯБРЯ в трех субъектах Российской Федерации прошли губернаторские выборы. Особое внимание было привлечено к их сопоставлению с Курской областью, где недавно перед выборами из кандидатов был исключен дей-

ствующий губернатор Александр Руцкой. Победу на выборах в Курской области одержал Александр Михайлов — коммунист, член президиума ЦК КПРФ.

«Впервые за время так называемых «демократических» выборов куряне увидели, как они должны проходить на самом деле. Увидели только потому, что главный политический дебошир вышел из игры, а остальные кандидаты отказались от выработанных ельцинским режимом грязных приемов. Да они и не могли поступить иначе, поскольку сами выступили против методов Руцкого, — комментирует **«Советская Россия»**. — Вдребезги разбили куряне последний миф Руцкого — миф о своей приверженности генерал-губернатору. Не было ее и в помине, а если что и было, то только оголтелая поддержка ставленников Руцкого, которые отчаянно трусят держать ответ за свою деятельность. Против всех в Курской области проголосовало сравнительно мало людей — всего 5,4 процента. Вспомним: на президентских выборах были участки, где против всех проголосовали более половины, на выборах губернатора Саратовской области более 19 процентов заняли протестную позицию, потому что к выборам не был допущен кандидат от КПРФ. Да и вообще постоянно растущий от выборов к выборам рейтинг кандидата «против всех» говорит о том, что люди теряют веру в саму идею честного выбора, что им уже поперек горла вся выборная ложь и чернуха. А тут — поверили, мало того, и явка была высокой».

9 НОЯБРЯ состоялось первое заседание Московского окружного военного суда по делу об убийстве журналиста «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова. Председательствует в судебном заседании полковник юстиции Владимир Сердюков, который ранее по другому делу о взрыве на Котляковском кладбище вынес оправдательный приговор обвиняемым за недоказанностью преступления. В убийстве Холодова обвиняются бывший начальник разведки Воздушно-десантных войск полковник Павел Поповских, командир отряда особого назначения ВДВ майор Владимир Морозов, его заместители майоры Александр Сорока (руководитель операций по специальному минированию) и Константин Мирзоянц, заместитель гендиректора частного охранного предприятия Александр Капунцов и бывший офицер ВДВ, уволившийся из армии в 1993 г. Константин Барковский. Холодов погиб от взрыва в редакции газеты 17 октября 1994 года.

В тот же день состоялось заседание Совета безопасности РФ под руководством Владимира Путина. Обсуждались вопросы сокращения численности силовых структур и организации военного управления ими. Отмечалось, что все силовые министерства и ведомства, которых сейчас в России двенадцать, замкнуты на президента, а Совбез не обладает собственной системой управления и связи и потому сам вряд ли может эффективно управлять всей военной организацией государства. Также рассматривались концепции современного стратегического положения России. «И, наконец, главное. Все, что позволяет считать пока Россию великой военной державой сосредоточено всего-навсего в одном ведомстве — Министерстве обороны. Остальные «достижения» ни при каких обстоятельствах не станут реальными компонентами военного величия государства. Явно непропорциональные валовому внутреннему национальному продукту государства амбиции и претензии спрута из одиннадцати сило-

вых министерств и ведомств окончательно могут добить остатки военного могущества державы, — комментирует **«Независимая газета»**. — Отдельно рассматривался и перспективный облик военной организации страны. В результате сокращений и других преобразований, вызванных финансовыми трудностями, члены Совбеза констатировали, что Россия отныне не способна вести крупномасштабную войну обычными средствами поражения. В этом случае, как уже широковещательно заявлено миру Военной доктриной, будет использован ядерный потенциал страны в ответ на агрессию из-за рубежа».

Интересно сравнить нынешнее военно-стратегическое положение России с временами холодной войны. Тогда, кроме ракетно-ядерного потенциала, Советский Союз имел под ружьем сверхмощные общевойсковые сухопутные силы ярко выраженного агрессивно-наступательного характера. Запад, даже если бы он решил идти на громадные расходы, все равно ничего адекватного для отражения советской общевойсковой агрессии создать не смог бы. Поэтому на Западе господствовала тогда стратегическая «доктрина гибкого реагирования», суть которой заключалась в том, что если бесчисленные советские танковые дивизии ринутся к берегам Рейна, стратегическая триада США нанесет ракетно-ядерный удар по советским городам. Кстати сказать, именно поэтому сколько бы в натовских штабах ни моделировали локальные военные конфликты с СССР в Европе, они всегда у них неотвратимо перерастали в новую мировую ядерную войну с глобальными гибельными последствиями для всего человечества.

Советское руководство тогда всеобщим ядерным уничтожением Западу прямо не грозило, но такая скрытая угроза тоже была одним из основных лейтмотивов советской внешнеполитической пропаганды. Запад, а особенно демократическая Европа, ставилась Кремлем перед выбором: или признать ползучую коммунистическую экспансию и не особо ей сопротивляться, или всем вместе сгореть в ядерной войне. Именно страх перед советской военной угрозой лежал в основе широчайшего антивоенного движения в Западной Европе, по своему характеру крайне агрессивного для миролюбцев. В те времена, в конце 70-х — начале 80-х, европейские газеты пестрели лозунгами типа: «Лучше быть красным, чем мертвым!», «Лучше жить на коленях, чем умереть стоя!» Тогдашнее положение Запада и истинные причины его неимоверного стремления к разрядке, к уступкам Кремлю любой ценой очень хорошо отражены, в частности, в книгах, статьях и выступлениях Владимира Буковского.

Сейчас бывшая западная «доктрина гибкого реагирования» по сути легла в основу военно-стратегической концепции нищей России, которая уже не может позволить себе иметь сухопутную армию, способную вести даже оборонительную широкомасштабную войну. Но кроме экономических причин сокращения и развала армии, есть еще и очень серьезные внутриполитические. Настроения в армии и в ГБ до последнего времени не были благоприятны для власти — и особенно для органов и войск МВД, опору этой власти образующих. Впервые за всю советскую историю с 17-го года перед Кремлем встала вполне реальная угроза военно-гэбэшного переворота, который, кстати сказать, поддержат достаточно широкие слои населения. Потому в кадровом отношении к началу первой чеченской войны армия и ГБ были близки к своему

полному уничтожению. Кремлевское руководство, разгоняя армию и ГБ, разлагая их кадры, стремилось по боевым и профессиональным качествам низвести все свои силовые структуры до эмвэдэшного уровня. Но первая чеченская наглядно продемонстрировала небоеспособность органов и войск МВД. В Кремле произошла смена приоритетов в отношении силовиков. Показательно, что по господствующему среди военных мнению, Воздушно-десантные войска от расформирования спасла только первая война в Чечне. То же самое относится к морской пехоте, спецназу ГРУ и ГБ, а также к погранвойскам, которые в нашем государстве по характеру службы, по своему мобилизационному предназначению и основной направленности боевой подготовки всегда представляли собой один сплошной спецназ.

Кремль попал в тупиковую ситуацию. Держать нормальную боеспособную армию опасно прежде всего для самого Кремля. В то же время последние события в бывших союзных среднеазиатских республиках, которые еще в 70-х годах в западной советологии именовались «исламской бомбой, подложенной в подбрюшье Советского Союза», в связи с талибами в Афганистане дают мрачную перспективу. А есть еще немалые мусульманские регионы РФ, и дальнейшее развитие событий никому не известно. Нынешняя дряблая российская «демократия» — это вовсе не жесткий, сверхцентрализованный сталинский режим, и даже не сравнительно более мягкий и либеральный брежневский. Сейчас любая более-менее широкая война, особенно на Кавказе и в Средней Азии, может привести к крупным неприятностям для всей системы нынешней российской власти.

14 НОЯБРЯ Борис Березовский сделал заявление, которое некоторые газеты расценили как угрозу президенту Путину, которому еще никто так откровенно не намекал о возможности то ли отставки, то ли свержения. Среди прочего в заявлении сказано: «Если Путин будет продолжать свою губительную для страны политику, его режим не просуществует до конца первого президентского срока».

«Губительная политика в понимании Бориса Абрамовича означает, в частности, возбуждение против него нового дела «Аэрофлота» и вообще преследование его в ответ на критику политики Путина. Наконец, утверждает олигарх, «президент отдает страну на откуп спецслужбам и чиновникам, которые душат свободу и инициативу». После чего заявляет о своем практическом решении — не возвращаться в Россию для допроса в Генпрокуратуре, назначенного следователем А.Д. Филиным на 15 ноября», — сообщают **«Известия»**. Отвечая, в частности, на вопрос, попросит ли он политического убежища на Западе, Березовский сказал, что «не исключает никакой вероятности». Что же касается его резких слов о возможности досрочного прекращения полномочий президента Путина, то он разъяснил смысл фразы так: Путин сам в какой-то момент убедится, что его потенциал не соответствует потребностям страны, и он, будучи человеком, искренне желающим России добра, добровольно уйдет, уступая место человеку, более подходящему для важной исторической миссии.

В тот же день глава «Газпром-Медиа» Альфред Кох отозвал свою подпись под мировым соглашением с «Медиа-Мостом». Это произошло в ходе заседания

Замоскворецкого суда г. Москвы, на котором соглашение должно было быть утверждено судом. Пресса обращает внимание на неожиданность такого шага «Газпром-Медиа», поскольку непосредственно перед началом судебного заседания представители обеих сторон демонстрировали полное взаимопонимание.

«Адвокаты «Медиа-Моста», — пишут **«Известия»**, — попросили суд приобщить к делу письмо Коха в Генпрокуратуру, написанное им накануне, где Кох сообщал, что мировое соглашение с Гусинским подписано 11 ноября. Судье показали параграф соглашения, гласивший, что стороны подписывают мировую без всякого давления. Но это уже не имело значения. Сделка сорвана, новые слушания назначены на 20 декабря.»

«Поскольку особого доверия обе стороны не питали друг к другу, была разработана схема, гарантирующая, что Газпром не получит полного контроля над НТВ. Для этого «Газпром-Медиа» и «Медиа-Мост» собирались передать совместно в общей сложности 25% плюс 1 акция под контроль Дойче-банка, который и должен был решить судьбу акций этого пакета, а именно: попытаться продать их. При этом особо оговаривалось, что этот пакет акций «четвертой кнопки» должен перейти в руки всемирно признанного инвестора, — подробно анализирует ситуацию **«Независимая газета»**. — Объясняя причины отзыва своей подписи под мировым соглашением, гендиректор «Газпром-медиа» сослался на необходимость привести его условия в соответствие с действующим Гражданским процессуальным кодексом. Несмотря на то, что глава медийной компании газовиков подписался под условиями мира лишь в минувшую субботу, уже вчера представители «Газпром-медиа» поспешили заявить, что это соглашение невыполнимо на практике. Однако, учитывая то, что переговоры об условиях мира велись без малого 5 месяцев, верится в это с большим трудом. В серьезность намерения государства «додавить» Гусинского, осуществление которого, заметим, снова происходит в отсутствие Путина в стране, похоже поверили даже заокеанские защитники свободы слова в России».

Для прессы не остались незамеченными произошедшие в один день события, в центре которых оказались два разных олигарха. **«Известия»** комментируют и сопоставляют: «Так или иначе, но сегодня, казалось, непримиримые медиа-враги — олигархи Березовский и Гусинский — оказались в одной лодке. Судьба плавсредства выглядит плохо: олигархов хотят явно «равно удалить» на расстояние не ближе пучины морской, причем вне пределов отечественных территориальных вод. Главный вопрос при этом — и решающий, видимо, для характеристики политического лица эпохи Владимира Путина — следующий: является ли преследование означенных персон явлением системным, как подают то сами Гусинский и Березовский? Или же новое поколение менеджеров и хозяев масс-медиа, если они не будут замешаны в вызывающих сомнения финансовых операциях и не будут обременены не погашенными ими в срок кредитами, все же смогут критиковать могучих обывателей Кремлевской Цитадели.»

В тот же день в Государственной думе проходили слушания по вопросам о концепции реформирования образования и проекту нового Трудового кодекса, который вызвал широкую волну протеста — против введения фактического бесправия работника перед работодателем. «Какова социальная политика нынешней власти, мы видим ежечасно и ежедневно: она направлена про-

тив трудового народа. Постоянный рост цен на энергоносители, продукты питания, лекарства, предметы первой необходимости, повышение квартплаты и коммунальных услуг, лишение незащищенных и малообеспеченных слоев населения — инвалидов, ветеранов, детей, учащихся и студентов — минимальных льгот — ярчайшее тому подтверждение, — пишет **«Советская Россия»**. — «Элитное» образование для избранных, для богатых или доступное образование для всех детей России? — так обострили проблему депутаты-патриоты, обсуждая предложенный проект рекомендаций парламентских слушаний. В выступлениях и принятых документах они обратили внимание на недопустимость принятия постановлений и распоряжений, противоречащих Конституции России и федеральным законам.»

15 НОЯБРЯ Борис Березовский не явился на допрос в Генпрокуратуру РФ. Накануне он распространил через СМИ заявление, что он отказывается возвращаться и давать показания в России. В связи с этим **«Советская Россия»** сообщает: «Так называемое дело «Аэрофлота» было придумано Примаковым», а теперь его реанимировал нынешний глава государства, «недовольный моей критикой его политики», подчеркнул предприниматель. Березовский утверждает, что предвыборная кампания Владимира Путина финансировалась швейцарскими фирмами, работающими с «Аэрофлотом». «Но Путин-президент без зазрения совести публично распорядился перевести меня из свидетелей в обвиняемые по делу «Аэрофлота», а позже угрожает ударить дубиной по голове только за то, что ОРТ рассказало правду о трагедии подводной лодки «Курск», а я инициировал создание негосударственного фонда помощи семьям погибших моряков,» — отметил Березовский.»

«Новое заключалось, пожалуй, в эмоциональной оценке Березовским происходящего. И в этом смысле, если еще несколько месяцев назад противостояние предпринимателя Кремлю можно было назвать политической войной в достаточной степени условно, последние заявления Березовского места для домыслов уже не оставляют. «Я допустил ошибку, — заявил предприниматель, — когда посчитал, что Путин достаточно дальновиден и силен, чтобы понимать необходимость существования в стране оппозиции и не мешать ее созданию. Действия президента с очевидностью продемонстрировали непонимание им основ демократии и слабость его аргументов», — цитирует Березовского **«Независимая газета»**. И делает вывод: «Можно согласиться с оценкой Березовского или нет, но бесспорно одно. Если Борис Абрамович ставил себе цель «сжечь все мосты», ведущие его в Россию, то ему это вполне удалось».

17 НОЯБРЯ заключено новое мировое соглашение между холдингом «Медиа-Мост» и «Газпром-Медиа» об окончательном урегулировании всех финансовых претензий. Одним из обвинений в уголовном деле против Владимира Гусинского и его холдинга были претензии прокуратуры по поводу законности получения и использования предоставленного «Газпромом» кредита. **«Общая газета»** пишет: «Генпрокуратура чувствовала себя вполне уверенно, терроризируя Гусинского и его сотрудников и обвиняя их в незаконном присвоении 5 млрд. рублей из кредита «Газпрома». Но после заключения 17 ноября

мирового соглашения между «Газпром-Медиа» и «Медиа-Мостом» предмет претензий исчез. Это очевидно всем, кроме российских прокуроров.»

В сравнении с ранее заключенным мировым соглашением условия нового договора в принципе не изменились, хотя есть некоторые нюансы, на которые пресса обращает внимание. «По словам Альфреда Коха, вчерашний документ не может считаться мировым соглашением, поскольку для заключения последнего требуется специальное постановление суда. Вчерашнее соглашение, по сути, выводит Генпрокуратуру за пределы урегулирования финансовых отношений двух компаний. И сомнительно, что правоохранители останутся довольны таким развитием ситуации, — считает **«Независимая газета»**. — Сейчас в запасе у Генпрокуратуры есть и уголовное дело против Гусинского, и возобновленное вчера дело по «Русскому видео», и «многообещающее» заявление о том, что главный игрок со стороны «Газпрома» может оказаться лицом заинтересованным. И отнюдь не исключено, что вчерашнее соглашение «Газпрома» с «Медиа-Мостом» может оказаться не последним.»

20 НОЯБРЯ председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев рассказал **«Известиям»** о ходе реформы судебной системы страны и проблемах российского правосудия. В разговоре было отмечено расширение компетенции судов, и, как одно из следствий этого, становление самостоятельной и независимой судебной ветви власти. Затрагивался вопрос о том, в чем смысл судебных реформ: «Если говорить кратко: в обеспечении реального доступа граждан к профессиональному, справедливому и оперативному правосудию. Все споры должны решаться в суде. Для этого необходимо разрешить ряд проблем. Одна из них — нагрузка на судей. Суды перегружены. Только одних гражданских дел в год сейчас более 5 миллионов, уголовных — 1 миллион 270 тысяч, дел об административных правонарушениях — 1 миллион 800 тысяч. По сравнению с 1994 годом — больше в 3 раза. А штатная численность судей осталась прежней. Лишь в этом году нам прибавили 1000 единиц федеральных судей. Но гражданин не должен от этого страдать. Поэтому мы настояли на принятии закона о мировых судьях, которые могли бы взять на себя около 60 % гражданских и 20 % уголовных дел».

В тот же день прокуратура вновь заинтересовалась «Медиа-Мостом». Гендиректор НТВ Евгений Киселев был допрошен в Генпрокуратуре в качестве потерпевшего по уголовному делу о вмешательстве в частную жизнь со стороны службы безопасности группы «Мост». Ведущему телепрограммы «Итоги» пришлось давать показания по поводу прослушивания его собственных телефонных разговоров посторонними лицами. Газеты обращают внимание, что, судя по продолжительности допроса, речь шла не только о деятельности охранных предприятий «Медиа-Моста», а грань между статусом потерпевшего и подозреваемого весьма расплывчата.

«Уголовное дело, в результате которого Евгений Киселев оказался потерпевшим от рук родственной по холдингу службы безопасности, было возбуждено еще 26 апреля 2000 года и стало своеобразной точкой отсчета финансовых и правовых злоключений «Медиа-Моста». Дело было возбуждено сразу по трем статьям Уголовного кодекса — нарушение неприкосновенности частной жизни,

тайны переписки, а также незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну. Основанием к этому послужили материалы, появившиеся в ходе расследования дела «Русского видео», в рамках которого 11 мая Генпрокуратура провела памятные руководству «Моста» обыски и выемку документов в офисах холдинга. Дальнейшее развитие событий вокруг холдинга Гусинского, и в первую очередь его финансово-политический аспект, прекрасно известно, — дает **«Независимая газета»** хронологию предшествующих событий. — Вызов Евгения Киселева на допрос в тот момент, когда первый серьезный шаг к урегулированию взаимоотношений «Моста» с его основными кредиторами уже сделан, дает повод думать, что Генпрокуратура не намерена мириться с ролью стороннего наблюдателя в этом многообещающем процессе».

В тот же день в Большом театре состоялся торжественный вечер в честь юбилея Майи Плисецкой. «Президент Путин символично вручил орден «За заслуги перед Отечеством» II степени (экс-президент Ельцин тоже награждал ее «за заслуги», но в меньшей степени и не лично), вкратце осветил биографию Плисецкой и назвал ее чем-то вроде символа Российского государства. Министр культуры М.Швыдкой, по его собственному признанию, «вклинился» со своей речью в паузу, потребовавшуюся героине вечера для переодевания. Букет, который он держал в руках, — миллион алых роз — просто не поддавался описанию. Анатолий Чубайс, выйдя на сцену, не нашел слов для того, чтобы выразить свои чувства. Но спонсорская поддержка, оказанная торжеству РАО ЕЭС, была красноречивей всяких слов, — описывает **«Культура»** неподдающееся описанию торжество. — Махина юбилейного вечера медленно, но с неотвратимостью судьбы двигалась по направлению к финалу — апофеозу. К прославляющей победу русского оружия увертюре П.Чайковского «1912 год», торжественному выходу Плисецкой под переливающимся серебряным дождем, к «Царствуй над нами» и триумфальным ударам колоколов ».

22 НОЯБРЯ состоялось первое заседание Государственного совета РФ — нового органа, созданного, по мнению многих, специально для губернаторов, чтобы компенсировать им «изгнание» из членов Совета Федерации. Газеты отмечают, что хотя президент Путин отвел Госсовету чисто консультативную роль, но губернаторы пока не заостряют вопрос о придании новому органу конституционного статуса и играют по установленным президентом правилам.

«Видимо, именно о такой игре по правилам, которую вчера продемонстрировали губернаторы на заседании Госсовета, мечтали в Кремле. Эксперимент по установлению этих самых правил начали с олигархов, но с ними у Кремля както не сложилось. Представители крупного бизнеса хоть и притихли, но не в полном составе, а те, которые предпочли не ссориться с администрацией, все-таки не слишком довольны отведенной им теперь ролью, — комментирует **«Независимая газета»**. — С губернаторами отношения первоначально развивались по тому же сценарию. Три президентских закона, конечно, прошли через Совет Федерации, но региональные лидеры при этом демонстрировали такую апатию, что дальше работать с ними могли, кажется, только те сотрудники Кремля которые имеют медицинское образование. Создание Госсовета оказалось лучшим лекарством для региональных лидеров. Губернаторское стремление быть востребованными на

федеральном политическом уровне отодвинуло на второй план и формирование нового Совета Федерации, и борьбу за бюджетные трансферты, и уж тем более желание бороться с централизацией власти».

30 НОЯБРЯ на пресс-конференции в московском музее Сахарова Елена Боннэр сообщила, что Борис Березовский выделил фонду Сахарова 3 млн. долларов. Участвовавший в пресс-конференции бывший народный депутат СССР и соратник Сахарова Юрий Рыжов заметил, что получение денег от Березовского было «репутационным риском», но тем не менее деньги взять все-таки было необходимо. В конце лета олигарх уже звонил Елене Боннэр с предложением подписать известное обращение интеллигенции с целью создания конструктивной оппозиции, но получил отказ. «Следующий звонок застал Елену Боннэр в Бостоне. Борис Березовский звонил ей из Франции на следующий день после того, как его вызвали на допрос. Спросил, надо ли ехать в Россию. Она ответила, что не видит в этом смысла. «Я всегда считала, что самому садится тюрьму не нужно. Лучше уехать». 14 ноября Борис Абрамович позвонил из Нью-Йорка и предложил встретиться, а уже через два дня приехал в Бостон. На всякий случай Боннэр пригласила на встречу президента американского фонда Сахарова Эдварда Клайна. «Мне не хотелось тет-а-тет встречаться с Березовским. В какой-то мере из-за расхожего мнения о нем. Мало ли что он потом скажет...», — описывают **«Известия»** пресс-конференцию и предысторию событий. — На вопрос, не является ли такая щедрость Березовского заслугой Путина, занесшего «дубину» над головой олигарха, Елена Георгиевна грустно улыбнулась: «Чересчур сложный ход мыслей. Я не готова быть благодарной за это Путину».

2 ДЕКАБРЯ в интервью **«Независимой газете»** президент Татарстана Ментимер Шаймиев предлагает создать альтернативу институту полпредов президента РФ в федеральных округах. «Я считаю, что институт полпредов — не единственная форма из возможных вариантов. Да, это сделано из стремления ускорить политические и экономические реформы. Но с моей точки зрения есть иная, не менее эффективная форма, причем с меньшими затратами и с меньшим раздражением для многих субъектов Федерации». Однако вся разница в подходе к решению этого вопроса между ним и Путиным по сути сводится к тому, какие кадры будут работать в новых управленческих структурах — выдвиженцы Кремля или губернаторов.

В тот же день **«Комсомольская правда»** публикует беседу с известным архитектором Эрнстом Неизвестным. Разговор коснулся его недавней встречи с президентом Путиным: «Личное ощущение у меня от него неплохое. Понравилась, во-первых, быстрота реакции — все схватывает налету, ему не надо разжевывать проблему. Во-вторых, интеллигентность. Наконец, не могла не расположить его вежливость, галантность, если хотите. И было заметно, что это не дань протоколу, это — его стиль. Я очень наблюдательный человек. И чтобы меня обмануть, надо быть по меньшей мере Качаловым. У Путина моторная, быстрая, адекватная реакция на происходящее. По сценическому типу он напоминает мне мастерового с фото революционной поры — сухощавого человека с решительным лицом и «длинной» мышцей. Знаете, как это часто бывает

у кузнецов — не оковалки накаченных бицепсов, а сильные жилистые руки. Это «мышцы резкости». Такой человек может ударить посильнее, чем Рэмбо. Именно эти люди наиболее рисковые, подвижные. Они всюду лезут первыми. Но при этом Путин — сугубый прагматик».

Разумеется, в интервью был задан вопрос об отношении скульптора к попытке Березовского создать «интеллектуальную оппозицию» власти. «Сам он со мной не говорил, поскольку достаточно умен, чтобы понять бессмысленность такой попытки. Но его люди действительно звонили. Я отказался. Человек я сугубо беспартийный и не хочу отвлекаться на политику, в которой разбираюсь слабо. Другой вопрос — нужна ли вообще оппозиция? Думаю, да. Иначе власть станет дряблой», — ответил Неизвестный.

4 ДЕКАБРЯ старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры РФ Валерий Николаев заявил, что 20 ноября глава холдинга «Медиа-Мост» Владимир Гусинский объявлен в международный розыск через Интерпол. По словам Николаева, эта крайняя мера была принята в связи с неявкой Гусинского на допрос 13 ноября. Пресс-секретарь «Медиа-Моста» Дмитрий Остальский в ответ заявил журналистам, что разыскивать Гусинского просто смешно, так как он нигде не скрывается и все его места жительства за границей хорошо известны. Он назвал розыск очередным актом устрашения.

«Уже вынесено постановление о предъявлении Гусинскому обвинения по пункту «б» части 3 статьи 159 УК России — мошенничество, совершенное в крупном размере», — сообщают **«Известия»**.

5 ДЕКАБРЯ сотрудники прокуратуры при поддержке спецподразделений провели обыск в главном офисе телеканала ОРТ. Формальным поводом для обыска и выемки финансовых документов стало уголовное дело, возбужденное в августе транспортной прокуратурой по двум статьям УК РФ — контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей. Прокуратура обвиняет ОРТ в уклонении от уплаты таможенных сборов при провозе из-за границы кинофильмов и видеокассет. Вскрывая подлинные причины, газеты отмечают, что подобная демонстрация силы со стороны государства может свидетельствовать о скорой смене негосударственного собственника телеканала.

«Борис Березовский, который по его словам контролирует 49-процентный пакет акций ведущего телеканала страны, находится в Америке. Такую ситуацию другой владелец (51% акций находится в руках государства) вполне мог счесть подходящей для торга на предмет приобретения акций. Впрочем, не исключено, — комментирует **«Независимая газета»**, — что и у самого Березовского могло возникнуть встречное желание организовать собственный капитал в нынешних исторических условиях по-иному. Скажем, совсем недавно он пожертвовал 3 млн. долл. на развитие правозащитного движения в Америке, передав их фонду Елены Боннэр, а свои акции в ОРТ вознамерился передать интеллигенции, объявив о создании управляющей компании «Телетраст». В последнее время вокруг ОРТ ходило немало слухов о возможной смене негосударственного собственника. По одному из них — на долю частного пакета акций претендовал «Газпром», по другому — «Сибнефть». В то же время,

по данным «НГ», слухи о том, что Роман Абрамович скупил у Березовского акции ОРТ, не подтверждаются. Однако не исключена возможность, при которой ОРТ в своей негосударственной части все-таки поменяет собственника».

«Мы считаем, что прокуратура действует неадекватно, ведь все фигуранты по этому делу со стороны ОРТ никогда не игнорировали вызовы на допрос», — заявил **«Известиям»** директор дирекции общественных связей ОРТ Игорь Буренков. «Руководство ОРТ не исключает, — пишет газета, — что поводом к активизации деятельности прокуратуры могли послужить интриги вокруг переговоров по продаже акций ОРТ, принадлежавших Березовскому. Основная цель обыска — «приструнить» слишком строптивых людей в дирекции телеканала. Один из участников переговоров — Роман Абрамович. Люди, близкие к Березовскому, утверждают, что «ему самому было бы приятнее продать пакет западным инвесторам». Примерная сумма сделки — 150 миллионов долларов. Между тем есть вариант, что Абрамович приобретет акции ОРТ лишь как посредник для последующей перепродажи».

В тот же день в связи с назревающим внутрипартийным кризисом в «ЯБЛОКЕ» пресса вновь привлекает внимание к давнему стремлению демократов объединится. Газеты пишут, что мечта демократов об объединении вполне может так и остаться несбыточной мечтой. Сейчас «ЯБЛОКО» находится на грани раскола после того, как глава Ярославского отделения Елена Мизулина заявила об инициативе распустить свою структуру с целью последующего слияния с «Союзом правых сил». За это Мизулина подверглась партийному порицанию и была исключена из руководящего органа «ЯБЛОКА» — Центрального совета. О том, чем может закончиться объединение «ЯБЛОКА» и СПС, а также о внутрипартийной ситуации в этих структурах **«Независимой газете»** рассказал член Центрального совета и председатель Московской организации «ЯБЛОКА» Вячеслав Игрунов. Он прокомментировал случай в Ярославской организации и некоторые перспективы. «Конечно, массовым подобное явление вряд ли станет. Но такие случаи, как в Ярославле, могут еще кое-где повториться. Чтобы понять, что происходит с партией, прежде всего нужно вернуться к тому, что такое «ЯБЛОКО». В сущности оно возникло в 1993 году, когда российское общество находилось в состоянии острого раскола. С одной стороны — демократы и реформаторы, с другой — коммунисты и консерваторы. И в 1993 году дошло до мини-гражданской войны в самом центре столицы. Если бы флаг реформаторов принадлежал только тому стану, который находился в Кремле, а знамя оппозиции принадлежало только тем, кто находился в Белом доме, Россию ждали бы дальнейшие конфликты. «ЯБЛОКО» же сказало: «Мы — реформаторы, но мы — оппозиция». В итоге поведение как реформаторов, которые сразу же накинулись на нас как на раскольников в стане демократии, так и оппозиционеров, которые видели в нас в некотором смысле конкурентов на своем поле, изменилось. «ЯБЛОКО» стало своего рода объединяющим элементом этого общества, — считает Игрунов. — Сегодня мы живем в другое время, когда никакие радикалы — ни правые, ни левые — не вызывают поддержки у населения. Изначальные функции «ЯБЛОКА» сами себя исчерпали. Сегодня «ЯБЛОКО» должно найти новую роль. Если раньше люди в зависимости от своих взглядов объединялись в «ЯБЛОКО» против либерально-пиночетовской или же олигар-

хически-криминальной моделей реформ, то на сегодняшний день, когда такой угрозы нет, остро проявились противоречия между людьми с разными политическими взглядами внутри партии. Сегодня стало ясно, что «ЯБЛОКО» неоднородно, партия поляризовалась. Естественно, поиск новых путей вызывает определенное «брожение» внутри «ЯБЛОКА». Признавая реальной угрозу непреодоления пятипроцентного барьера и схода с политической сцены, Игрунов считает, что естественным выходом из такого тупика стало бы объединение с другими демократами в лице СПС. Но главное препятствие к этому заключается в том, что, по мнению Игрунова; «ЯБЛОКО» продемонстрировало тип политического поведения, которое и дало возможность сохранить надежду, что политика может быть чистой. «И как раз эта часть людей, для которой эта функция «ЯБЛОКА» была так важна, на сегодняшний день подвергают сомнению целесообразность слияния с СПС, которое символизирует собой становление полукриминального-полурыночного общества у нас в стране. Получается, что для одних слияние с СПС — естественно, для других — невозможно. Это касается не только внутрипартийного отношения, это касается и электората».

Интересна первопричина нынешнего кризиса демократов (и всего остального политического спектра). «Широкие демократические силы» бессильны заставить даже мелких госчиновников соблюдать их собственные законы, которые давным-давно официально действуют. Единственная реальная политическая сила в нашем обществе — государственная власть в лице госаппарата. Правозащитное движение в СССР в середине 60-х началось с того, что несколько человек на Пушкинской площади в Москве открыто потребовали от сверхмощного советского государства соблюдения его собственных законов, гарантирующих права и свободы граждан. Характерно, что очень многие бывшие диссиденты-политзеки, одним из которых является Вячеслав Игрунов, сейчас усиленно делают вид, будто они об этом забыли. Положение с правами человека сейчас гораздо хуже, чем в застойные времена. Российские демократические лидеры очень не любят признавать, хотя бы косвенно, что они — генералы без армий.

В нашем безвольном обществе все общественные отношения по сути являются внешним опосредствованным выражением внутриаппаратных отношений, существующих в государственной власти. За всеми нынешними политическими отношениями демократов, в том числе и внутриорганизационными, а также моральными и идеологическими, стоят внутриаппаратные правила игры государственной власти. Просто новые политические линии президента Путина, начавшего менять правила игры внутри госаппарата, отразились на всем сложившемся при Ельцине внешнем раскладе политических сил в обществе. Еще к концу ельцинской эпохи возникли новые партии и движения («Единство», ОВР), а у старых обозначился глубокий кризис. Наиболее ярко это проявляется у демократов, которые никогда не могли между собой договорится и в лучшие времена. В коммунистическом спектре — в принципе та же картина. Про воинствующий антисемитизм, который при Ельцине считали чуть ли не самой главной опасностью для демократического государства, — будто антисемиты вот-вот ринутся на штурм Кремля — в послеельцинские времена у нас как-то сразу забыли.

Ельцина, в общем-то, полностью утраивали и суперрадикальные демократы, и непримиримая красно-коричневая оппозиция. Но Путину уже не нужна

сложившаяся при Ельцине государственная, общественно-политическая и экономическая элита. Поэтому сразу же всплыли на поверхность очень интересные вещи, которые раньше всеми силами пытались скрыть. При всех их идеологических и других различиях, у них есть одна общая черта: почти все наши партии и движения — от крайне левых до крайне правых — дутые, мифические. И, в частности, самая главная и постоянная еще с перестроечных времен причина кризиса всех наших демократических движений и заключается именно в полном и вопиющем противоречии их идей реальной жизни. Отсюда — особая ненависть к демократам у широких народных слоев, интересы которых демократы должны выражать по определению.

6 ДЕКАБРЯ следователь Московской авиатранспортной прокуратуры Георгий Цабрия, расследующий уголовное дело в отношении ОРТ, был отстранен от следствия по данному делу по личным распоряжением Генерального прокурора РФ Владимира Устинова. Генпрокурор расценил действия авиатранспортной прокуратуры как незаконные и распорядился провести служебное расследование.

«Независимая газета» анализирует возможные причины: «По-видимому, руководство решило, что чрезмерное рвение г-на Цабрия его компрометирует. Похоже, г-на Цабрия подвело желание действовать по «стандартной схеме», которая утвердилась у сотрудников правоохранительных органов, давно превративших ревизию коммерческих структур с помощью налетов в масках в дело обыденное. По свидетельству сотрудников ОРТ, группа Цабрия вполне придерживалась сложившегося сценария: проверка финансовой документации с элементами неожиданного вторжения, а также силового и психологического давления. Силовики отнеслись к ведущему телеканалу страны ровно так же, как они действовали бы в сотне других коммерческих структур. Но на сей раз они ошиблись. Видимо, указания сверху устраивать шоу не было».

«В ближайшее время генпрокурор России Владимир Устинов издаст приказ, «четко регламентирующий случаи применения «силовых методов», в том числе «спецназовцев с автоматами и в масках», органами прокуратуры, — пишут **«Известия»**. — По информации РИА «Новости», об этом он сообщил в пятницу, комментируя инцидент с проведением обыска в помещениях ОРТ сотрудниками транспортной прокуратуры. «Мы не намерены терпеть силовые методы в гражданских организациях, в таких случаях психологическое воздействие на людей не уместно», — заявил Устинов, адресуя это предупреждение также и следователям МВД».

В тот же день продолжали привлекать внимание прессы события вокруг постоянно провозглашаемых демократами намерений объединиться и создать совместный общественно-политический блок «демократов с демократами». Вице-спикеры Госдумы Ирина Хакамада и Владимир Лукин заявили, что движение к коалиции «ЯБЛОКА» и «Союза правых сил» развивается успешно и имеет перспективу на будущее их объединение. Но картину радужного будущего портят постоянные скандалы в партийных руководствах, которые резко в последнее время обострились именно из-за попыток объединения. Газеты иронизируют, что пока на самом деле развиваются лишь внутренние конф-

ликты в обеих демократических партиях. В частности, в пример приводят последнюю полемику в прессе среди высшего руководства «ЯБЛОКА» и недавний роспуск Еленой Мизулиной возглавляемой ею «яблочной» структуры.

«Этим летом произошло событие, которого долго-долго ждали все демократы: две крупные общественно-политические организации — СПС и «ЯБЛОКО» — продекларировали свое объединение в коалицию. Планы объединения хотели утрясти к декабрю, а уже с сентября партии приступили к координации своих действий на региональном и местном уровне. Впоследствии предполагалось выдвижение единого списка по федеральному и административным округам на выборах в Думу 2003 года. На высшем партийном уровне это предположение вылилось в создание объединенного политсовета фракций, — пишут **«Известия»**. — Состоявшийся в среду политсовет, после которого Лукин и Хакамада как раз и заявили об «успешной работе», по идее должен был продемонстрировать «любовь и дружбу» правых и «яблочников». Не получилось. По информации одного из членов фракции СПС, все происходит совсем не так — «ЯБЛОКО» тормозит процесс слияния под воздействием Явлинского, который «не осознает сложившуюся ситуацию». По информации источника «Известий», партии будут вынуждены слиться на более жестких условиях: «ЯБЛОКО» будет «разрезано», и большую часть его фракций просто «съест» СПС. Таковы законы политического выживания».

7 ДЕКАБРЯ в продолжение поднятого недавно в прессе Вячеславом Игруновым вопроса о возможности объединения демократов **«Независимая газета»** публикует интервью с первым заместителем руководителя фракции «ЯБЛОКО» в Госдуме Сергеем Иваненко. Он категорически не согласен с позицией Игрунова, считающего, что на идее объединения демократов можно поставить крест. Заявление Елены Мизулиной о необходимости самороспуска «ЯБЛОКА» признано неудачной попыткой привлечь повышенное внимание к необходимости объединения всех демократических сил.

«Я считаю нормальным, что в партии существуют люди с различными точками зрения. И примечательно то, что указанные вами видные члены партии фактически выступили с противоположными точками зрения по поводу коалиции с «Союзом правых сил». В одном случае речь шла о том, что необходимо как можно быстрее объединиться, в другом — что никогда, ни при каких условиях объединения не произойдет. На самом деле истина, как всегда это бывает, лежит посередине. И соответствующее решение партии на этот счет существует. В июле восьмой съезд «ЯБЛОКА» единогласно, я подчеркиваю — единогласно, принял решение о коалиции с СПС, — говорит Иваненко. — Я еще раз хочу вам сказать о позиции «ЯБЛОКА». Наша позиция состоит в том, что мы создаем коалицию из двух сильных партий. Эта коалиция действует. Она уже существует. Вопрос стоит о ее развитии, и не стоит вопроса о том, что нам нужно что-то ломать, мы абсолютно нормально, эффективно работаем. И это дает результаты. Дискуссия идет только вокруг сроков и формы коалиции. Только и всего».

В тот же день Борис Березовский заявил по телефону в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», что он намерен отозвать свои предложения по созданию компании «Телетраст» в связи с новыми арестами по делу «Аэро-

флота». Имелось в виду заключение в Лефортово бывшего первого заместителя генерального директора «Аэрофлота» Николая Глушкова. «По словам Березовского, в ближайшие два дня он примет решение о том, каковы будут его дальнейшие шаги по отношению к акциям ОРТ. Он не рассчитывает на то, что акции останутся у него, поскольку, по его словам, «хотя бы через банкротство ОРТ» государство получит эти акции», — сообщает **«Независимая газета»**.

Заявление Березовского вызвало широкий отклик прессы. Особую остроту ситуации придавало то, что среди людей, согласившихся быть соучредителями «Телетраста», были известнейшие в обществе представители политической и творческой элиты. И то, как известный олигарх с ними поступил, не могло пройти без самых разнообразных комментариев, затрагивающих истинную роль творческой интеллигенции — властителей умов — в реальной жизни.

«Трастовые интеллигенты попали в самое глупое из всех возможных положений: их просто использовали как дымовую завесу для проведения выгодной сделки. Что же до пафосных рассуждений о свободе слова, то они вновь сыграли роль идеологической крыши. И крышевали Березовского именно интеллигенты. Кто страха ради, кто общественного блага для. Разумеется, у всех были разные обстоятельства — и разные резоны; нет вопросов к людям подневольным, административно связанным с изданиями, которые Борис Абрамович финансировал, — долг платежом красен; труднее понять интеллектуальных добровольцев, вольных стрелков литературного фронта. Но даже их никто не подозревает в корысти; тут действовали совершенно иные социальные механизмы — самообманутые интеллигенты искренне закачивали свои идеалы в механизм, запущенный Березовским, — а он спокойно давил на газ, сжигая идеальную энергию, — анализируют ситуацию **«Известия»**. — Проблема в ином. В том, что интеллигенты по большей части хамят благодетелю, как бы морально дистанцируясь от него — случай с Боннэр, или добровольно вовлекаются в его игры, — трастовый случай. Между тем как единственно возможная позиция в отношениях с бизнесом — благоразумная независимость; удержаться на этой черте удается, однако, немногим. Ситуация с ОРТ особенно показательна и особенно печальна. Ни малейшего ресурса для учреждения диктатуры в современной России нет; оставим эти страшные сказки телепророкам. Но угроза для информационной открытости имеется; более того, она нарастает как снежный ком».

«Империя Березовского тает на глазах. Его «свечной заводик» при «Аэрофлоте» (фирма «Андава») накрывается медным тазом. Та же картина — с каналом ОРТ. Здесь Березовского жестко отдалили от телевизионной кормушки. Но он, конечно же, продолжал сопротивляться, для чего создал некое ЗАО «Телетраст» — компанию по управлению принадлежащими БАБу 49 процентами акций Первого канала. Как и предполагал «МК», «Телетраст» оказался очередными «Рогами и копытами». Виртуальным прикрытием из известных и уважаемых людей. Они, уважаемые и известные, грудью бросились на защиту Бориса Абрамовича, в одночасье ставшего диссидентом и борцом за свободу слова. И, конечно, согласившаяся «лечь под Березу» элитная интеллигенция рассчитывала на какой-никакой, но прикуп от свалившегося на них счастья, — в своей обычной манере язвит **«Московский комсомолец»**, не останавливаясь перед изрядной долей

прямого издевательства. — Ох уж эта гордость нации, как всегда, оказавшаяся лишь прослойкой!.. Ведь говорили же им: не связывайтесь — потом не отмоетесь. Нет, полезли. А Березовский в очередной раз их и кинул. Потому что теперь он — политэмигрант, живет в изгнании, ну и поиздержался маленько. Он заявляет, что намерен продать свои акции, чтобы не подставлять уважаемых соратников. Так уже подставил — дальше некуда! Понял, что теперь они ему не нужны, и выкинул за ненадобностью. Как использованный презерватив».

У нас официально провозглашенные мораль и демократическая идеология не соответствуют реальным общепринятым в обществе нравам и принципам, точнее — очень мало им соответствуют. Официальные идеалы нужны власти для маскировки каких-то совсем других своих интересов и внешне они существуют только для прикрытия настоящих внутренних. Ельцинской власти, для маскировки реальной «дерьмократии» высокими демократическими идеалами либеральная творческая интеллигенция была крайне необходима в виде «совести общества». Как и ее красно-коричневый русофильский оппонент. Путинский режим, оставаясь по сути тем же советским режимом, что и ельцинский, и под таким же в принципе демократическим прикрытием, ставит перед собой несколько видоизмененные цели, вводя новые правила игры. Для прикрытия этого ельцинская «совесть эпохи» уже так остро не требуется — во всяком случае, в существовавшей при Ельцине форме. Поэтому сейчас наши демократические СМИ могут легко позволить себе то, о чем раньше даже помыслить не могли без внутреннего содрогания. Кто решился бы тогда вскрыть действительную роль в обществе либеральной интеллигенции, сравнив ее с использованным презервативом?! Такое можно считать достижением все продолжающегося процесса демократизации или откатом к тоталитаризму — кому как больше нравится. Но суть всего — проводимое Путиным изменение внутриаппаратных правил игры для чиновников и всего общества.

9 ДЕКАБРЯ налоговая инспекция предъявила в арбитражный суд ряд исков о ликвидации НТВ и нескольких других компаний, входящих в холдинг «Медиа-Мост». **«Независимая газета»** пишет: «Конечно, никто не оспаривает право государства получать причитающиеся ему деньги в виде налогов. Однако данная ситуация с учетом позиции главного кредитора «МОСТа» отдает чисто механическим, формальным подходом налоговиков к проблеме весьма тонкой, чем, к слову, уже воспользовался гендиректор НТВ Евгений Киселев. По его словам, «власть впервые и явно продемонстрировала свое истинное желание: ликвидировать НТВ».

В тот же день **«Известия»** публикуют интервью с командиром израильского спецназа полковником Галем Хиршем. Во вступительной части газета отмечает, что Россия и Израиль оказались в схожей ситуации — борьба с националистами и исламскими экстремистами, для которых терроризм является основным путем достижения своих целей. Разница только в том, что Израиль умеет мстить своим врагам, совершившим наиболее тяжкие преступления. В частности, приводится пример, когда в Рамаллахе двое израильских солдат были зверски убиты толпой палестинцев. «Я могу вам сказать: у нас не только длинные руки, у нас долгая память. Часть из тех, кто принимал участие в хладнок-

ровном убийстве наших людей в Рамаллахе, уже получили свое: кара их настигла. Сразу после случившегося мы задействовали бойцов из подразделения спецопераций. Мы найдем всех, на чьих руках кровь тех солдат, — говорит **«Известиям»** полковник Хирш, отвечая на вопрос, не закрыт ли счет к убийцам. — Нет, не закрыт. Мы знаем тех, до кого пока не добрались. И у этих людей есть все основания беспокоиться вплоть до их последнего часа».

Очень высокий профессионализм израильского спецназа общепризнан во всем мире. Неотвратимость ответственности за теракты крайне важна, и длинные руки — очень хороши, особенно если к ним еще есть долгая память, хотя допустимые формы наказания за терроризм — вопрос особый. Однако существеннее то, что в интервью не говорилось о таком немаловажном факторе противодействия терроризму, как официально провозглашенный и лежащий в основе основ государственной политики Израиля принцип отказа ведения вообще каких-либо переговоров с террористами. От этого принципа на практике Израиль никогда не отступал, невзирая на любые препятствия. Благодаря чему в Израиле, с момента своего возникновения практически находящемся в состоянии войны со всеми окружающими его арабскими странами уже более полувека, до самого последнего времени было сравнительно мало терактов. А все проявления терроризма решительно пресекались и террористы преследовались и преследуются независимо от временных рамок, географических расстояний и всех других препятствий, в том числе международных дипломатических и военных. Эффективная борьба с терроризмом — вопрос выживания Израиля как государства.

Но самое главное, за пределами интервью остались вопросы различия политико-правовых систем России и Израиля и важное следствие этого — различие методов антитеррористической деятельности государств во внешне похожих ситуациях. Да и само понятие терроризма в двух государствах имеет далеко не тождественный смысл. В «молодой российской демократии» власть под терроризмом может понимать все, что угодно, в зависимости от практической целесообразности, — вплоть до оказания медиками своей чисто профессиональной помощи чеченцам или отказа граждан выполнять явно незаконные требования начальников. Самая главная проблема обеих чеченских войн даже не в самих войнах, а в существующем до сих пор в России прежнем советском режиме, основанном на попрании даже тех прав граждан, которые гарантированы официально действующими законами.

12 ДЕКАБРЯ, день Конституции, привлек внимание прессы к теме возможности и необходимости дальнейших конституционных изменений. **«Известия»** приводят мнение одного из авторов Конституции РФ 1993 г. Михаила Краснова: «По большому счету в корректировке нуждаются два крупных блока. Нужно сделать более ответственной федеральную власть и прописать более четкие разграничения полномочий центра и субъектов. Конституция очень интимная вещь, понятия «лучше-хуже» здесь неприменимы. Для Америки лучшая конституция — ее, в Великобритании вообще нет писанной Конституции, между тем страна считается матерью демократии. Заимствовать можно формулировки. Но формулировки не прибавляют и не убавляют свободы гражданам».

«Независимая газета» приводит несколько иной взгляд на конституционные проблемы Сергея Шахрая, другого автора ельцинской Конституции: «В текст действующей конституции вторгнутся с другой стороны — через Госсовет. Президиум Госсовета состоит из глав республик, губернаторов, и они не смирятся с тем, что у них теперь не осталось полномочий, все осталось в Совете Федерации. Они будут убеждать президента в необходимости наделения Госсовета функциями бундесрата. И аргумент, что мол, вы, Владимир Владимирович, работали в Германии, вам это близко и понятно, может сработать. Хотя я уверен, что губернаторы зря беспокоятся. Новая модель Совета Федерации — временное образование».

Сейчас, в связи с новой путинской политикой «укрепления вертикали власти», тема грядущих изменений ельцинской Конституции РФ вообще стала очень популярной. Причем говорят об этом по-разному. Многие видят главную опасность в том, что будут изменены конституционно гарантированные супердемократические права и свободы граждан и — как необходимое следствие этого — наступит конец демократии в России. Но им вряд ли стоит сильно волноваться. Конституционные права и свободы власть особо не беспокоят, поскольку у нас с октября 17-го начальство все равно соблюдать их никогда не собиралось, а заставить ее некому. Серьезное беспокойство начальство испытывает только тогда, когда граждане, невзирая на всевозможные запреты, начинают открыто требовать от власти соблюдения ее собственных законов.

Изменения Конституции преследуют другую цель — изменить блок распределения полномочий внутри самой государственной власти. Путин законодательно уже добился понижения фактической роли губернаторов, убрав их из Совета Федерации. Для Кремля и дальше необходимо продолжать процесс перераспределения власти внутри властного аппарата, только Путину крайне важно закрепить такие изменения правил игры на конституционном уровне. Показательно, что два автора ельцинской Конституции, прогнозируя и анализируя грядущие фундаментальные конституционные изменения, про ее «правозащитный» блок даже не упомянули.

В тот же день в Испании на своей вилле арестован глава холдинга «Медиа-Мост» Владимир Гусинский. Арест произведен испанскими властями на основании обращения Генпрокуратуры РФ в Интерпол. «Совсем незадолго до этого он прибыл на виллу из Гибралтара. Агенты национальной полиции предъявили ему ордер Интерпола о задержании и экстрадиции в Россию, выданный на основании запроса российской прокуратуры от 13 ноября. Подчеркиваю: о задержании, а не об аресте. Задержанный, как отметили полицейские в своем служебном донесении, сопротивления не оказал и был доставлен в полицейский комиссариат Кадиса. На вилле остались мать, жена и двое детей Гусинского, — сообщают **«Известия»**. — Ни президент, ни премьер никак не прокомментировали сообщения на этот счет. Высказался лишь находящийся в Палермо секретарь Совета безопасности Сергей Иванов, пообещавший, что российский МИД «в самое ближайшее время представит испанской стороне факт объявления Гусинского в розыск». А находящийся вместе с Ивановым в Италии генпрокурор Устинов выразил уверенность, что Испания выдаст Гусинского России».

«Независимая газета» информирует: «Испанские власти пока не разделяют сложившегося на Западе мнения о том, что Владимир Гусинский — жертва политическая (о своем несогласии с задержанием медиа-магната уже заявили в Белом доме). Следователь российской прокуратуры Валерий Николаев официально проинформировал испанские правоохранительные органы, что Гусинский обвиняется в мошенничестве, и испанские власти после изучения соответствующих материалов должны будут вынести решение, отдавать Гусинского родине или нет».

«Итак, российская Фемида должна представить испанским властям убедительные доказательства вины главы «Медиа-Моста» Владимира Гусинского. Судя по предъявленным ему претензиям (мошенничество в особо крупных размерах) и настроениям в прокуратуре, если испанцы все же решат препроводить Гусинского на родину, то здесь его ждут неприветливые стены Бутырского СИЗО и бесконечные тяжбы за изменение жесткой меры пресечения», — пишет **«Комсомольская правда»**.

По европейским международно-правовым нормам Испания обязана выдать Гусинского России только в случае, если в испанском суде будет подтверждено, что дело Гусинского не носит характера политического преследования. Комментируя арест владельца НТВ, пресса тесно связывает с ним предъявленные недавно иски налоговых органов в московский арбитражный суд и пишет про международную составляющую этих вроде бы чисто экономических исков, вытекающих из хозяйственной деятельности фирм холдинга.

«Ложки и матрешки для иностранцев — уже архаика. На экспорт ныне производят судебные тяжбы. Иск налоговой инспекции № 3 г. Москвы в арбитражный суд о ликвидации компании НТВ и других компаний, входящих в «Медиа-Мост» — это на экспорт. Конкретно — для испанцев, для тамошней прокуратуры. Убедились? Никакой политики. Сплошной «отрицательный баланс». Выходит и хронику одного года жизни холдинга «Медиа-Мост» надо писать «на экспорт». Для испанского короля и премьера. Для судьи Гарсона. Для иностранных коллег-журналистов. Для всех, кто верит президенту Путину, который ситуацию вокруг холдинга определяет лишь как «хозяйственный спор между двумя субъектами», — пишет **«Общая газета»**. — Кстати — справка для не местных. Субъекты — это «Медиа-Мост» вместе с телекомпанией НТВ (основной владелец — Владимир Гусинский) и газовый монополист «Газпром», главный акционер медийного холдинга. В пору бурного, докризисного развития НТВ (начало 1998 года) «Газпром» поддержал «Медиа-Мост» гарантиями под крупные кредиты на сумму более чем в 400 млн. долларов, выданные холдингу иностранным банком. Летом 1999 года компания НТВ, которая в 1996 году поддержала президента Ельцина на выборах (за что и получила отдельную частоту), неожиданно выступила с критикой ельцинской «Семьи», впоследствии — с критикой его преемника Путина, в частности по чеченскому вопросу. «Успокоить» телекомпанию было поручено ее государственному акционеру».

Далее газета приводит краткую хронологию тяжбы государства с «Медиа-Мостом», завершающуюся призывом автора статьи: «Уважаемый испанский король! Уважаемые заграничные коллеги! Если вы по-прежнему считаете, что в споре «Медиа-Моста» и его главного акционера «Газпрома» отсутствует

политическая и силовая составляющая — значит, я тоже писала эту хронику впустую».

По мнению прессы, политическая жизнь у нас становится все скучнее и скучнее, но из-за Гусинского и НТВ один политический скандал все-таки разгорается. «Известно, что очень важной целью нынешней президентской команды является создание единого общенационального информационного пространства. Где государству никто не должен мешать. В этом русле уже работают две телекомпании: государственная РТР и полугосударственная ОРТ. Но явно выбиваются на общем фоне влиятельный канал НТВ и «семейный» ТВ-6. По нашим сведениям, высшие чиновники из ближайшего окружения В. Путина очень не хотели бы, чтобы некоторые средства массовой информации, и прежде всего НТВ, омрачали своими комментариями годовщину прихода президента в Кремль — 31 декабря», — пишут **«Аргументы и факты»**.

«Идет спор о «Свободе слова», а на чистоту, по делу о монопольном праве господина Гусинского влиять на души россиян, формировать общественное сознание в стране. Не дело гражданину Израиля определять, какое правительство, какой президент, какая «свобода слова» нужны России. Сами разберемся, — заявляет **«Советская Россия»**. — Это скрытый призыв свергнуть президента, посмевшего затронуть права отщепенцев на неприкасаемость и антиобщественный произвол в духовной (информационной) сфере.»

13 ДЕКАБРЯ Генпрокуратурой РФ было объявлено о прекращении уголовного дела по фактам злоупотреблений в ходе реконструкции Московского Кремля, более известного как дело «Мабетекс». Дело прекращено за отсутствием состава преступления. Заместитель начальника Управления по расследованию особо важных дел Руслан Тамаев сообщил, что принято также постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Бориса Ельцина и членов его семьи. «В отношении Бориса Ельцина, Наины Ельциной, Татьяны Дьяченко, а также Елены Окуловой вынесено отдельное постановление об отказе в возбуждении против них уголовного дела. Наина Ельцина, Татьяна Дьяченко и Елена Окулова были допрошены в рамках расследования, а необходимости в допросе первого российского президента не было», — заявил следователь. «Между тем он подтвердил, что карточки «Евро-Кард», выписанные в швейцарском банке «Эль-Готардо» на членов семьи Бориса Ельцина, использовались, — прокомментировали **«Известия»**. — Тем бесславно закончилось одно из самых громких дел в новейшей истории российской прокуратуры».

В тот же день появилось обращение к президенту Путину лидеров думских фракций СПС и «ЯБЛОКО» по поводу ареста Гусинского в Испании. «Григорий Явлинский, Борис Немцов, Ирина Хакамада и Владимир Лукин призвали президента срочно вмешаться в ситуацию и «навести порядок в Генпрокуратуре». В обращении повторяется не раз высказывавшаяся правыми мысль, что арест Гусинского связан с желанием власти поставить под контроль «непослушные средства массовой информации», — пишут **«Известия»**.

14 ДЕКАБРЯ президент РФ своим указом помиловал американца Эдмунда Поупа, приговоренного Мосгорсудом к 20 годам лишения свободы за шпионаж.

Освобожденный Поуп сразу же с женой вылетел спецрейсом во Франкфурт. Судьба гражданина США привлекала немалый интерес общества в ходе судебного процесса. Законность приговора за шпионаж вызывает у многих большие сомнения. За помилование ранее высказывался и председатель президентской комиссии по помилованию писатель Анатолий Приставкин. «Помилование Поупа фактически является актом доброй воли стороны по отношению к США, которые сами особой гуманностью не отличаются. В частности, в США уже второй десяток лет в тюрьме сидит гораздо более больной, чем Поуп, шпион — бывший аналитик военно-морской разведки США Джорж Поллард, работавший на израильскую разведку. Израиль неоднократно ратовал за его освобождение, но Штаты не идут на уступки, — комментируют **«Известия»**. — По словам главного консультанта Службы внешней разведки России генерал-лейтенанта Владимира Кирпиченко, вопрос обмена Эдмонда Поупа на кого-либо из арестованных в США российских агентов, например Олриджа Эймса, не обсуждался».

Анатолий Приставкин пишет в **«Общей газете»**: «К нашему суду вообще и к суду над Поупом у меня отношение довольно критическое. Впрочем, для процедуры помилования это никакого значения не имело. Но выяснилось вдруг, что за судьбу американца переживают многие и многие люди, которые при встречах на улице выражали удовлетворение помилованием осужденного, они же задавали множество вопросов. Спрашивали, например, почему мы так быстро это решили, и не было ли тут нарушения закона, и не было ли на то указания свыше, какого-нибудь, скажем, «звонка со Старой площади» или даже — тут мне подмигивали — некоей договоренности с самим Владимиром Владимировичем?! Я отвечал, что не было. Не было. Не было».

Помилование американца в день вступления в законную силу обвинительного приговора вызвало недоуменные вопросы и высветило проблему. По широко распространенному мнению помилование возможно только по отбытии половины срока наказания. «Оказывается, правило, по которому прошение о помиловании заключенный может подавать только после отбывания половины срока, — своего рода миф, в плену которого оказались многие судьи, адвокаты и журналисты. Не говоря уже о заключенных и их родных, — пишет **«Общая газета»**. — Как сказал «ОГ» известный правозащитник Валерий Борщев, это всего-навсего исторически сложившаяся практика, не отраженная ни в каких официальных документах. Итак, вопрос разрешился таким образом: поскольку неписаная традиция не есть закон, подавать прошение можно после вступления приговора в законную силу при условии, что в нем не ставится вопрос о несогласии осужденного с приговором. С одной стороны, это «известие» прибавит работы комиссии по помилованию. Но с другой — даст надежду на освобождение тем осужденным, которые отбывают наказание по всей строгости закона за кражу двух вилков капусты с совхозного поля».

Нельзя не добавить, что газета не только рассеяла один старый миф, но и сама поспособствовала укоренению некоторых других, тоже не новых. Один из них — возможность подачи прошения о помиловании только при условии, что в нем не оспаривается правильность приговора. Никаким законом такое условие для помилования не предусмотрено, и в газете какая-либо ссылка на такой закон отсутствует, хотя правоохранительное начальство обычно требует признания вины

для возможности помилования. Даже если такой закон и существует, он не подлежит применению, как противоречащий части 3 ст.50 Конституции РФ, гарантирующей без всяких оговоренных условий каждому осужденному «право просить о помиловании или смягчении наказания». Эта тема очень остро стояла в диссидентские времена перед некоторыми политзеками. Особенно в 87-м году, когда перестроечная власть начала освобождать диссидентов только при наличии письменного покаяния с отказом впредь от той своей общественной деятельности, за которую люди и оказались в заключении.

19 ДЕКАБРЯ в центре Москвы совершено покушение на вице-премьера правительства г. Москвы Иосифа Орджоникидзе. В 9 часов 20 минут утра при большом скоплении людей двое неизвестных расстреляли из автоматического оружия бронированный служебный автомобиль «Ниссан-Максима», в котором находился вице-премьер и его водитель. Орджоникидзе получил два серьезных ранения, его водитель скончался на месте. «Мнение оперативников, которые начали работать на месте преступления, таково — покушение явно заказное. Киллеры прекрасно знали маршруты Орджоникидзе, — пишет **«Российская газета».** — Мэр Москвы Юрий Лужков так прокомментировал случившееся: «Покушение совершено криминальной группой, которая не согласна с теми решениями, которые принимает ведомство вице-премьера».

«Комсомольская правда» высказывает мнение, что киллеры не ставили целью убивать Орджоникидзе: «В том, что это покушение заказное, сомнений нет, — сказал нам после осмотра места преступления один из криминалистов. — Работали профессионалы: все предусмотрели, действовали нагло и четко, ушли незамеченными. Думаю, если б перед ними стояла задача убивать вице-премьера, они бы ее выполнили, на контрольный выстрел нужны секунды. Эта же операция скорее похожа на акцию устрашения, на последнюю «черную метку» бандитов».

Пресса пытается разбираться в причинах случившегося. «В каких сферах приложения вице-премьерских сил следует искать источники этого преступления? Строго говоря, он мог ждать выстрелов с любого направления, учитывая количество и качество зон его должностной ответственности. Возглавляемый Орджоникидзе Департамент внешних связей курирует наиболее криминализированные секторы городского бизнеса — игорный и гостиничный. Здесь крутятся огромные, не всегда прозрачные деньги, — анализирует ситуацию **«Общая газета»!** — Управлять такими денежными потоками, безусловно, чрезвычайно рискованно, даже имея бронированный джип. Реконструкция и строительство крупных гостиниц — тоже в ведении Орджоникидзе. «Балчуг», «Метрополь», «Националь», «Палас-отель», «Олимпик-Пента» — вот далеко не полный список объектов внимания не только его департамента, но и проигравших многомиллионные тендеры строительных компаний. Кроме того, Департамент внешних связей отвечает за валютный фонд столицы и привлечение иностранных инвестиций под крупные городские проекты» !

В тот же день пресса вновь поднимает тему выживания отечественного кинематографа. После бурных дебатов при недавнем слиянии Госкино и Министерства культуры страсти вроде бы улеглись. Но практики с «Мосфильма» бьют тревогу и продолжают привлекать внимание к тому, что проекты

теоретиков из Минкульта вместо расцвета могут привести к исчезновению крупнейшей киностудии Европы с лица земли. Министерство культуры предлагает акционирование студий (то есть передаче их в частные руки) с частичным огосударствлением проката фильмов. Деятели «Мосфильма» считают, что все должно быть как раз наоборот: в кинопрокат инвесторы сейчас и так вкладывают значительные финансовые средства из-за его высокой прибыльности. А вот в кинопроизводстве частных инвестиций почти не видно: никто не вложит деньги без уверенности, что их можно хотя бы вернуть.

«Известия» приводят по этому поводу мнения деятелей культуры. Пока самое ценное по рыночной стоимости, что есть у кинематографа — это право пользования земельными участками, на которых киностудии расположены. «Если кино вернуть деньги в принципе неспособно — что тут может привлечь частного инвестора? Только земля! — считает противник акционирования режиссер Карен Шахназаров. — Здесь на «Мосфильме» можно такой микрорайон отгрохать! И уже много было лукавых предложений. Но тогда через два года «Мосфильм» прекратит существование. Даже если поначалу кто-то и вложится в фильмы, придет пора деньги возвращать, а их не будет. И тогда пойдет речь об имуществе. А если исчезнет «Мосфильм» — кино в стране снимать будет негде. Это я как практик говорю».

20 ДЕКАБРЯ — в День работника органов безопасности директор ФСБ Николай Патрушев дал интервью **«Комсомольской правде»**: «Мы не отказались от своего прошлого, честно сказали: «История Лубянки уходящего века — это наша история, какой бы горькой и трагической она ни была». Все то в ней, что работает на благо российской государственности, служит интересам развития и процветания России, ее национальной безопасности, должно быть сохранено и приумножено».

На вопрос о том, не означает ли приход в высшие эшелоны власти бывших чекистов «угрозы демократии», директор ФСБ ответил так: «Этот тезис, охотно подхваченный в некоторых СМИ, является, на мой взгляд, попытками «демонизировать» пришедших во властные структуры бывших сотрудников СВР и ФСБ. Цель понятна — создать образ некой «темной силы», отстаивающей не общенациональные, а свои узкокорпоративные интересы, и тем самым ослабить ресурс доверия народа к новому руководству страны. Появление на Старой площади, в Кремле людей, прошедших школу руководящей работы в структурах национальной безопасности, — жизненная необходимость влить «свежую кровь» в управленческий корпус России, стремление задействовать потенциал ответственных и организованных людей, сохранивших, несмотря ни на что, «дух государственного служения». Это современно мыслящие, образованные люди. Не безвольные идеалисты, а жесткие прагматики, понимающие логику развития международных и внутриполитических событий, вызревающих противоречий и угроз. При этом они хорошо понимают невозможность возврата к старому, необходимость развития страны на основе разумного соединения либеральных и традиционных ценностей».

Разговор затронул широкий круг стоящих перед ФСБ проблем — от «контртеррористической операции» в Чечне до борьбы со шпионажем. «Современ-

ный терроризм — сложное социально-политическое явление, Чечня — лишь одна из узловых точек на его карте, — сказал Патрушев. — Там проверяют на прочность способность нашего народа защитить себя. Сломаемся, уйдем с Кавказа — начнется необратимый процесс развала страны. Проявленная в 1999 году государственная воля — впервые за последнее время — залог того, что этого не произойдет». Коснулся Патрушев и истории с Поупом: «Органы ФСБ были нацелены на защиту нашего научно-технического потенциала, уникальных прорывных технологий и разработок, без которых невозможно возрождение страны. И здесь дело Эдмонда Поупа, бывшего кадрового офицера военно-морской разведки США, является знаковым. В мутной воде иностранным разведчикам-бизнесменам было весьма комфортно. За копейки можно было приобрести ноу-хау, которые создавались трудом тысяч людей. На деле Поупа Россия показала, что это время закончилось. Руководство страны дало знать международному сообществу, что оно защищает свои национальные интересы жестко и принципиально. А решение президента о помиловании Поупа, само время его принятия, является проявлением доброй воли».

22 ДЕКАБРЯ судья Верховного суда Испании Бальтазар Гарсон принял решение выпустить главу холдинга «Медиа-Мост» Владимира Гусинского из тюрьмы под залог в 5,5 миллионов долларов. Газеты пишут, что решению предшествовал запрос суда в испанское МВД: смогут ли сотрудники полиции контролировать Гусинского в случае его освобождения. Ответ испанской полиции был положительным, что сыграло определенную роль в решении освободить Гусинского под залог.

«По словам пресс-секретаря «Медиа-Моста» Дмитрия Остальского, решение об освобождении под залог не стало для Гусинского неожиданным. Еще несколько дней назад в испанской прессе появились утечки о том, что судья согласился изменить российскому арестанту меру пресечения. В российской прокуратуре на освобождение Гусинского отреагировали внешне спокойно. Пресс-секретарь Генпрокуратуры Леонид Трошин заявил, что Гусинский вряд ли решится скрыться от испанского правосудия, потому что его тогда будут разыскивать власти уже двух государств, — комментируют ситуацию **«Известия»**. — Тем временем главный прокурор по особо важным делам Эдуардо Фунгаримио уже подал протест на постановление судьи Гарсона. По его мнению, освобождение Гусинского является проявлением нелояльности к испанскому правительству, которое еще не ознакомилось с присланной из Москвы документацией для выдачи медиа-магната.»

В тот же день состоялась очередная встреча президента Путина с олигархами. Газеты отмечают, что для капитанов российского бизнеса это была встреча несбывшихся надежд.

«Вчерашняя встреча российских предпринимателей с Владимиром Путиным получилась не совсем такой, какой ее хотели видеть представители бизнеса, изначально выступившие ее инициаторами, поводом вокруг этого послужили события вокруг главы «Медиа-Моста» Владимира Гусинского. Однако, почти сразу же стало понятно, что успокаивать напуганных олигархов власть не намерена. И, чтобы общаться с Путиным, российским бизнесменам пришлось

присоединиться к деловой делегации, сопровождающей президента Украины Леонида Кучму, который прибыл в Москву для обсуждения газовых взаимоотношений Москвы и Киева. Тогда же стало понятно, что тема беседы будет не столько политической, сколько экономической, — описывает встречу **«Независимая газета»**. — Даже после этого предприниматели не оставляли надежды побеседовать с Путиным о правилах игры для бизнеса вообще и для Гусинского в частности. Готовясь к этому разговору, члены Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) даже встречались с генеральным прокурором Владимиром Устиновым, посвятившим их в подробности своего отношения к медиа-магнату. А глава РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс даже пообещал, что при встрече с Путиным он постарается предостеречь президента от очередных политических ошибок. Однако сдержать свое слово Чубайс, по всей видимости, не решился. По крайней мере публично».

26 ДЕКАБРЯ Тверской межмуниципальный суд г.Москвы, удовлетворив жалобу адвокатов Владимира Гусинского на действия Генпрокуратуры РФ, признал неправомерным постановление о возбуждении уголовного дела по факту мошенничества. Именно по этому обвинению Гусинский был арестован в Испании и дожидается решения вопроса об экстрадиции в Россию. Газеты отмечают, что определение суда неизбежно должно повлиять на решение властей Испании о выдаче Гусинского, раз российская прокуратура даже в российском суде не смогла доказать законность возбуждения уголовного дела, по которому Гусинский был объявлен в международный розыск через Интерпол.

Уголовное дело было возбуждено Генпрокуратурой РФ 17 сентября по заявлению «Газпрома», где говорилось, что медиа-магнат получил кредит в 300 млн. долларов под залог акций, которые якобы были обесценены путем вывода активов «Медиа-Моста» в оффшорные зоны. 13 ноября по этому делу Генпрокуратура заочно предъявила Гусинскому обвинение и объявила его в розыск. Суд счел, что уголовное дело возбуждено незаконно, а уголовное преследование главы медиа-холдинга должно быть прекращено. Участвующий в судебном рассмотрении представитель Генпрокуратуры Александр Горбунов заявил, что решение суда незаконно и обязательно будет опротестовано.

«Прокуратура не представила ни одного документа, доказывающего то, что Гусинский совершил преступление. В итоге суд согласился с доводами защиты о том, что все взаимоотношения «Медиа-Моста» с «Газпромом» лежат в области гражданско-правовых отношений, — цитируют **«Известия»** адвоката «Медиа-Моста» Юрия Баграева. — Даже если вышестоящая инстанция и отменит определение Тверского суда, специалисты в Мадриде поймут, что в невиновности Гусинского уверены не только его адвокаты, но и суд. А это уже означает, что не все так гладко в уголовном деле, как пытается представить Генпрокуратура».

В тот же день президент России Владимир Путин подписал федеральные конституционные законы «О государственном гербе РФ», «О государственном флаге РФ» и «О государственном гимне РФ». В качестве гимна была утверждена музыка гимна бывшего СССР. Во время обсуждения законопроектов о новой российской государственной символике в Госдуме, Совете Федерации и в сред-

ствах массовой информации были выдвинуты многочисленные и очень серьезные возражения против окончательного утверждения некоторой госсимволики бывшего Советского Союза в качестве официальных государственных символов Российской Федерации. Говорили даже, что утверждение старого советского гимна вызовет недовольство широких народных слоев и приведет к массовым бунтам. Но ничего не произошло. У народа есть гораздо более весомые для него причины для недовольства, чем символы старого советского государства.

Газеты обсуждают обращение к Путину российской интеллектуальной демократической элиты с письмом протеста. «А пишет она о том, что идея возвратить музыку советского гимна вызывает у них отвращение и протест. Не больше и не меньше. Судя по духу письма — письма злобного, желчного, — его авторы без «отвращения» не могут даже вспоминать свое советское прошлое — так тяжело, душно, униженно, нищенски им жилось в те времена. Мне это злобное, исступленное топтание прошлого напомнило часто показываемые в фильмах и пьесах сцены жалоб женщин определенной профессии, которые с отвращением говорят о своей работе и своих клиентах, но своего дела не бросают, — пишет автор **«Советской России»**. — Господа протестующие, ну кто вам не давал быть честными, принципиальными и последовательными? Отказались бы в советские времена от званий «заслуженных» и «народных», которые вам присваивала так ненавистная вам власть. Не насильно же вам их втискивали. Те же Васильев, Максимова, Плисецкая отказались бы и от званий, и от Ленинских премий. Вон Александр Зиновьев ничего не получал от той власти, а попросту уехал в эмиграцию. Поступил честно. А вы?»

Пользуясь случаем, пресса в связи со старой-новой госсимволикой обсуждает личные качества президента, с которым страна вступает в новое тысячелетие, и делает прогнозы. «В целом это — курс на восстановление традиционного для России контроля авторитарной независимой от народа власти над обществом. Новая государственная символика, соединившая российско-имперские и советские символы, вполне адекватно отразила суть этого курса. Путинская Россия объявляет себя исторической преемницей двух империй, третьей ипостасью Великой России. Это направление развития — совершенно естественно. По воле случая человек, очевидно не имеющий никаких «особенных» личных идей, становится носителем громадной президентской власти, ограниченной хаосом и беспорядком, унаследованными от прошедшей революционной эпохи. Что делать этому человеку? Ясно, что наводить порядок. Во-первых, этого хочет и просит весь народ, уставший от пережитой революции. Во-вторых, идея порядка прекрасно компенсирует отсутствие других идей, наведение порядка легко заменяет другую работу. Но что такое — порядок?» — спрашивает **«Общая газета»**. — Образы порядка у разных людей и разных народов — разные, сформированные историей этих наций и биографией этих людей. Что для американцев — порядок (суд над президентом за невинные сексуальные шалости, изнурительная тяжба из-за нескольких сотен избирательных бюллетеней), то для нас — сумасшествие. Наш образ порядка дан нашей историей — теми двумя империями, у которых Путин позаимствовал символику и инвариантные элементы которых он стремится воссоздать в третий раз».

28 ДЕКАБРЯ беседу с Еленой Мизулиной, ушедшей с руководящих постов движения «ЯБЛОКО», публикует **«Независимая газета»**. Разговор был продолжением развиваемой газетой темы объединения демократов и их кризиса. Мизулина видит необходимость создания в новых условиях новой единой партии, а свое недавнее решение о выходе из руководства «ЯБЛОКА» объясняет желанием никого не подставить и не нанести ущерб делу объединения.

«Мои решения об уходе с постов председателя региональной партии «ЯБЛОКО» и координационного совета СПС связаны со следующими факторами. У России сегодня появилась реальная перспектива формирования государственной и прежде всего президентской власти. А демократическое государство в такой ситуации может оставаться таковым только при условии, что рядом с сильной президентской властью будут сильные парламентские партии. И совершенно очевидно, что сегодняшняя историческая ситуация в России диктует необходимость создания вместо партий, основывающихся на авторитете своих лидеров, новый тип партий — парламентские партии демократического типа, опирающиеся на авторитет граждан, на авторитет программы и реальные дела. Именно поэтому, когда в июне этого года лидеры «ЯБЛОКА» и СПС предложили пойти на объединение в единую политическую организацию, я не только поддержала эту идею, но и попыталась реализовать ее в Ярославле. Состоявшаяся 23 декабря очередная дискуссия на эту тему с лидером «ЯБЛОКА» Григорием Явлинским показала, что мы принципиально расходимся относительно стратегии партийного строительства. После этой дискуссии мне стало совершенно очевидно, что мое дальнейшее пребывание на посту председателя Ярославской партии «ЯБЛОКА» и на посту председателя координационного совета ярославского СПС ставит под удар и судьбу объединения. Потому что невольно в это идейное противостояние с Григорием Алексеевичем втягивается и Ярославская партия «ЯБЛОКА», и СПС, и судьба объединения».

Первопричина всех кризисов российских демократов любых цветов и оттенков состоит, однако, в том, что в обществе, неспособном заставить власть соблюдать даже те права и свободы граждан, которые гарантированы давно уже официально действующими законами этой власти, любое так называемое демократическое политическое движение всегда подстерегает опасность оказаться всего лишь внешним камуфляжным прикрытием царящего в государстве произвола властей. Демократы позволяют им делать вид, что в стране существует демократия, тогда как в беззаконном обществе ее по определению быть не может. Как уйти из этой опасной зоны, каким реальными действиями партия, именующая себя демократической, может в этих условиях действительно проявить себя соответственно своим лозунгам и декларациям, — проблема особая и очень сложная. Но из развернувшейся вокруг ситуации в «ЯБЛОКЕ» дискуссии никак не видно, чтобы какая-либо из конфликтующих сторон серьезно отдавала себе отчет в этой проблеме.

Лариса ПИЯШЕВА

«ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ НЕ БЫЛО И В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НЕ ПРЕДВИДИТСЯ...»

На страницах нашей новой рубрики, начатой в позапрошлом номере «Континента», читатель найдет на этот раз беседу Главного редактора «Континента» Игоря Виноградова с известным российским экономистом, доктором экономических наук, экспертом Совета Федерации и членом редколлегии журнала Ларисой Пияшевой. Незадолго до этой беседы в редакции Лариса Пияшева выступала вместе с Игорем Виноградовым и членом редколлегии «Континента» Андреем Зубовым на встрече редакции «Континента» с преподавателями, сотрудниками и студентами Российского Государственного Гуманитарного Университета, проходившей в рамках организованной Университетом большой историософской конференции, которая была посвящена современной России и с материалами которой мы обстоятельно познакомим наших читателей в следующих номерах журнала. Выступление Ларисы Пияшевой на этой конференции дало, однако, мысль попросить ее еще и о специальном интервью для «Континента», чтобы она подробнее осветила темы, затронутые ею в этом выступлении, — настолько оно по духу и характеру своему отвечало замыслу этой новой нашей рубрики, в которой мы обещали постоянно знакомить наших читателей с тем, как смотрят на итоги и перспективы, с которыми мир и Россия вступают в XXI век, выдающиеся представители российской и мировой культуры — писатели, политические деятели, музыканты, социологи, публицисты и т.д. А поскольку российская экономика, являющаяся областью профессиональных занятий Ларисы Пияшевой, на рубеже веков переживает как бы некий промежуточный (к тому же двойной) рубеж своей новейшей истории (15 лет с начала перестроечных реформ, почти 10 — гайдаровских), Игорь Виноградов попросил нашу гостью поделиться своими соображениями о процессах, происходивших в российской экономике именно в эти последние пятнадцать лет. И хотя бы тезисно, но все же попытаться набросать некую общую и цельную картину ее вчерашнего и сегодняшнего дня, проанализировать и оценить ее структуру, ее состояние и ее перспективы. Лариса Ивановна согласилась ответить на все его вопросы и именно под этим общим углом зрения и начала свой обзор — сначала горбачевского периода, а затем и последующих этапов становления той экономической системы, с которой наша страна подошла к 2001 году.

Весь период реформирования российской экономики четко делится на 2 этапа — горбачевский этап перестройки и этап, который принято называть этапом либерально-демократической реформы. Если ретроспективно окинуть взглядом все происшедшее за это время, то первый этап я оценила бы как маленькое российское экономическое чудо. Второй — как крах этого чуда.

Все, что связано с горбачевскими реформами, называлось словом «Перестройка». Это была последняя попытка в рамках социалистической идеологии,

социалистической системы, социалистической парадигмы осуществить изменения — и изменения достаточно радикальные — экономических и хозяйственных механизмов страны таким образом, чтобы с помощью этих изменений обеспечить развитие и экономический рост. Необходимость этих перемен была связана с очень значительным и все усиливавшимся технологическим и экономическим отставанием СССР от стран Западной Европы и США — и прежде всего с намерением Запада начать новый тур перевооружения, а также с выходом на мировой рынок восточных «тигров», существенно опережавших СССР по темпам развития. Чтобы угнаться за Западом и Востоком, России требовались новые технологии и дополнительные ресурсы. Связаны эти перемены были также с тем, что общее изменение отношений в мире, в какой-то вселенской ментальности, что ли, требовало большей открытости страны. Существовать дальше в условиях закрытых границ, железного занавеса и спецхрановских подвалов объективно стало невозможно. Информационная революция взламывала границы, нужно было выходить в мир. Все эти причины и обусловили необходимость перестройки хозяйственной системы и демократизации общественной жизни.

Первый этап Перестройки в области экономики был связан с именем Аганбегяна. Его реформа называлась «Ускорение». Смысл этой программы заключался в том, чтобы провести очередную масштабную мобилизацию средств в отрасли машиностроения, обеспечить там дополнительное производство и с помощью развития этой отрасли в течение трех лет добиться общего экономического роста по формуле 3% — 4% — 5 % годовых. Полученные же средства планировалось направить прежде всего на перевооружение (потому что машиностроение в советской экономике — это была отрасль ВПК и речь шла о том, чтобы привлечь дополнительные деньги в первую очередь именно в эту отрасль). А позднее, когда машиностроение «ускорится» и там установятся высокие темпы роста, можно будет (как это всегда и предусматривалось в социалистической теории с ее пресловутыми «группой А» и «группой Б») направить немного средств и в группу Б, то есть на производство товаров народного потребления.

Видимо, можно признать эту программу утопичной изначально, потому что в нашей социалистической экономике и так все средства были задействованы, так или иначе мобилизовывались и использовались в большинстве своем в отраслях ВПК. Это и была собственно социалистическая экономика — военная, где все остальное считалось периферийным и несущественным. Очень скоро стало ясно, что дополнительная мобилизация х средств ВПК истощает всю остальную экономику в еще большей степени и что это неизбежно повлечет за собою падение уровня жизни.

А за счет чего эту мобилизацию планировалось производить?

За счет перераспределения средств через бюджет. Ни у кого ведь никаких свободных денег и ресурсов не было. Мы уже забыли об этом, но тогда никто ничего самостоятельно не инвестировал, никто ничего самостоятельно не производил — вся экономика была государственной, и все распределялось и перераспределялось через государственный бюджет. Вот тогда-то у Горбачева и возникла идея обеспечить дополнительное развитие за счет вовлечения в

экономическую жизнь частной инициативы людей. И ключевым словом стало слово «кооперация».

Это должна была быть группа Б в основном?

Да , прежде всего это сфера услуг, торговли и производство товаров группы Б, которое должно было обеспечить дополнительный приток ресурсов в экономику. По замыслу реформаторов, кооперативный сектор должен был начать развиваться — саморазвиваться — по законам рыночной экономики. Маленькие кооперативы, малые предприятия, семейные предприятия которые очень легко было создавать (никто не препятствовал, никакие чиновники не мешали), должны были стать клеточками первоначального накопления капитала и обеспечивать рабочими местами и доходами занятых там людей.

А как должен был осуществлялся приток средств государству от малого бизнеса — через налоги?

Да, через налоги. Но тогда налоги не играли такой гипертрофированной роли, как сейчас. К тому же тогда не было НДС, который потом ввели. Изначально на кооперативы и малые предприятия большой налоговой нагрузки не возлагалось. Наоборот, речь о том и шла, чтобы при очень низких налогах и при очень простой процедуре создания таких предприятий обеспечить им возможность развития. И все мы стали свидетелями начала маленького экономического чуда. Но это было единственное с 1917 года экономическое чудо в России, исключая НЭП (хотя НЭП был возрождением того, что тогда еще не ушло, а здесь имело место создание, начало того, чего в стране не было в течение долгих десятилетий). Как на дрожжах стали расти в огромном количестве кооперативы, семейные предприятия, начала развиваться всяческая индивидуальная трудовая деятельность. В этот процесс создания маленьких ячеек начального накопления включилось множество людей, которые стали мобилизовывать сбережения — свои, своих родственников, семейные капиталы. И смысл всего этого, по горбачевской программе, заключался в том, чтобы создать условия для развития частного сектора, который будет формироваться рядом и параллельно с государственным.

Большим шагом в формировании нового российского бизнеса стало создание смешанных предприятий с иностранным участием. Это была начальная форма привлечения иностранного капитала.

Социализм Горбачева заключался в том, что он не хотел поступиться государственным сектором. Но либерализм Горбачева заключался в том, что он дал жизнь частному сектору, тем самым на корню перечеркнув всю социалистическую идеологию, в которой ликвидация частной собственности на средства производства являлась главнейшим признаком строительства социализма

На мой взгляд, экономически такой вариант развития и в то время был менее эффективен, нежели вариант либерализации всей хозяйственной системы и предоставления экономических свобод для всех — с приватизацией государственного сектора. Но мне представлялось тогда, что конкуренция нарождающегося частного сектора с государственным в результате приведет к тому, что государственный сектор поглотит частный, не даст ему свободно развиваться и богатеть и так или иначе все равно начнет вытягивать оттуда средства и ресурсы. Однако это была лишь версия наиболее вероятного, как

мне казалось тогда, развития событий. А между тем в результате того, как они стали развиваться на самом деле, действительно возникала перспектива быстрого экономического развития страны.

Во-первых, потому, что развитие частного сектора с частной собственностью и формирование частного капитала происходило в ситуации, когда осуществлялся не вывоз капитала из страны, а ввоз, привлечение средств отовсюду, откуда их только могли привлечь частные лица. К тому же и государство на этом этапе не мешало, не препятствовало развитию этого сектора, так что в результате очень быстро началось интенсивное развитие сферы услуг и сектора, ввозившего и производящего товары широкого потребления, и вовлекалось сюда все большее количество людских и материальных ресурсов. Начиная где-то с 1987 года эта модель уже была определена. Но тогда казалось, что Горбачев делает слишком мало, хотелось большего — настоящих реформ, которые будут идти не малыми шагами в условиях «социализма с человеческим лицом», а большими шагами в условиях свободной демократической системы.

Во-вторых, на Горбачева работала тогда команда Явлинского, программа которого «500 дней» определяла сроки формирования условий для экономического прорыва. При всех недостатках это была либеральная программа, ставившая задачу перехода к частной собственности на средства производства и к свободным ценам во всех секторах экономики.

Горбачевские реформы прервались по двум причинам.

Одна — политическая: появление сил, которые просто не захотели идти на более радикальные преобразования, стремились вернуть страну назад и не открывать железного занавеса (это все те, чьи надежды пытался осуществить ГКЧП).

Вторая причина — это противоречия в сознании самого Горбачева, который не додумал до конца ту реформу, которую он начал, потому что формирование частного сектора предполагало его мощное целенаправленное развитие и поддержку и быстрое перераспределение туда ресурсов из государственного сектора. А это уже был бы не социализм в принятом в СССР смысле этого слова. Здесь Горбачев должен был сделать выбор: либо мы продолжаем строить социализм, только немножко либерализовав экономическую жизнь и дав людям немножечко экономической свободы...

Печь пирожки?

Ну да, именно так. ...Либо мы прекращаем вековую игру под названием «социализм» и начинаем жить нормальной жизнью. Нужно было делать выбор.

И в 1990-1991 году, к моменту путча, Горбачев этот выбор уже сделал — не в пользу либеральных реформ. Это был выбор в пользу смешанного варианта — при сохранении социалистической хозяйственной системы как основы народного хозяйства. Выбор заключался в том, что Горбачев не решился пойти дальше. Он не послушался Маргарет Тэтчер и тех западных специалистов, которые говорили о необходимости проведения в СССР либеральной реформы — большой, настоящей, с приватизацией собственности, с независимой банковской системой, с негосударственной денежной системой. Но на такой вариант реформы — по всем параметрам хозяйства — Горбачев не пошел, хотя он знал о возможности этого варианта. Но — сознательно от него отказался. Он решил, что мы пойдем своим — *третьим* — путем.

Горбачев сделал колоссальные преобразования в области внешней политики: он открыл границы, он прекратил «холодную войну». Знаменем реформ он сделал слово «демократия», и, с моей точки зрения, это был единственный по-настоящему демократический правитель за всю историю существования России, готовый идти на достаточно радикальные преобразования и качественно менять устои жизни.

Еще одно достоинство Горбачева, которое я вижу теперь, — в его концепции реформ социальная сторона занимала столь большое место, что отчасти он потому и не шел на более радикальные преобразования, опасаясь, что в результате приватизации собственности начнется массовая безработица, люди окажутся не у дел, что слишком большая перетряска приведет к слишком ощутимым социальным потрясениям. Не случайно так постоянно звучало тогда это слово — «социальное»: «социальная демократия», «социальная экономика» и т.д. И в горбачевской концепции реформ это не было демагогией. Это потом на протяжении десятилетия социальная составляющая приняла функцию чисто идеологическую и демагогическую.

Однако все это никак не могло избавить его от исторической необходимости сделать тот окончательный и принципиальный выбор, который задал бы все-таки некое однозначное стержневое направление развитию страны — либо социалистическое, либо либерально-демократическое. А вскоре политическая ситуация из-за этого его топтания на месте и вообще вышла из-под его контроля, и с началом путча проблема окончательного выбора встала перед страной уже независимо от того, как намеревался решить ее Горбачев.

Ситуация была такова: победа ГКЧП и старой коммунистической гвардии означала бы ликвидацию того, что Горбачев сделал до этого момента в области экономических свобод, а поражение путчистов, поднявшихся от имени и во имя социализма, — окончательную дискредитацию социалистической идеи и начало тех либеральных демократических реформ, к которым страна на интеллектуальном уровне готовилась, начиная уже с 1985 года, когда общество начало осмысливать потребности и возможные направления дальнейшего развития экономики, политики и государственной системы (новомировские дискуссии 1987 года, книга «Иного не дано» и т.д.)...

Итак, с Горбачевым все более или менее понятно. Но я все-таки хочу уточнить некоторые вещи. Вот Вы назвали период горбачевских экономических реформ в России «маленьким экономическим чудом». Но уместен ли здесь такой термин, если, как помнится, «чудо» это не дало сколько-нибудь серьезных результатов, которые население ощутило бы непосредственно? Если это было «чудо», то как объяснить отсутствие товаров на магазинных полках, талоны на еду и курево? Было ведь полное впечатление, что рынок товаров не увеличивается, а скудеет, и к концу 1991 года эта кризисная ситуация достигла апогея

Да, существует такой миф, что в конце горбачевской эры продовольствия в стране уже не было вообще и люди вот-вот должны были умереть с голоду и перейти ко всеобщей карточной системе. Но ведь потом, едва выпустили цены, сразу же, буквально через два дня, как по мановению волшебной палочки, товары появились! Как вы понимаете, ниоткуда товары за два дня появиться не могли. Они появились из запасников. И это понятно. Ведь на протяжении

нескольких месяцев (если не всего последнего года) общество будоражили бесконечные слухи — что предстоит выпускание цен, что вот-вот начнется приватизация, радикальная реформа собственности, что дадут возможность торговать по свободным ценам и т.д. Было бы наивно предполагать, что на это никак не реагировали те, кто «сидел» на товарах и на их распределении. Тогда ведь появлялась время от времени даже и определенная информация (заметьте, не слухи, а достоверные сведения) о том, что склады забиты продукцией, что ее «придерживают» до того момента, когда решится вопрос с ценами. Никто больше не хотел продавать по низким государственным ценам. Все ждали ценовой реформы. И так как на последнем этапе горбачевских реформ Павлов уже начал повышать цены (но все равно они еще не были рыночными, свободными), то все, кто мог, просто «держали» товары. Именно этим и объясняется отсутствие их на прилавках. Вспомните — ведь одновременно с этим расцветал «черный», то есть свободный рынок, на котором по свободным рыночным ценам, называемым тогда спекулятивными, все уже можно было купить. То есть я хочу сказать, что в результате горбачевских реформ товаров отнюдь не убавилось — вероятнее всего, даже прибавилось....

А есть на этот счет какие-нибудь цифры? Реально выход продукции увеличился или нет?

Реально произошло перераспределение продуктов в частный сектор, где можно было по коммерческим ценам покупать те товары, которые уже постоянно присутствовали в этом сéкторе на прилавках . В то время, когда в государственных магазинах прилавки пустовали, в частных магазинах (на аренде, конечно, но по социалистическим критериям все же в частных) по более высоким ценам можно было купить буквально все. То есть начало происходить перетекание товаров из государственной системы торговли в коммерческую.

Но ведь тем самым создавались определенные проблемы для населения, поскольку это было реальное повышение цен

Конечно, без всякого сомнения.

И это, вероятно, было результатом той самой половинчатой позиции Горбачева, о которой Вы говорили? С одной стороны, цены полностью не отпускались из-за социальных опасений, но, с другой стороны, хотя Горбачев держал рычаги управления экономикой, в том числе и частной, в своих руках, провозглашавшаяся им в качестве приоритетной «социальная составляющая» все равно, значит, не очень-то срабатывала? Выходит, Горбачев действительно запутался в каких-то противоречиях

Тут существуют объективные противоречия. Это не только Горбачев запутался. Просто смешанная экономика в том виде, в каком она представлялась Горбачеву и его идеологам выходом из создавшейся ситуации, нежизнеспособна в принципе: она не дает роста, она не обеспечивает возможность преодоления кризиса, она обеспечивает лишь перераспределение внутри системы. И такие горбачевские идеи экономической свободы, как самофинансирование, самоокупаемость и прочие «само», как хозяйственная самостоятельность государственных социалистических предприятий и т.п., в государственном секторе не могли дать ничего кроме разворовывания, кроме использования предоставленной свободы для удовлетворения личных потребностей тех, кто «сидел» на

собственности, на деньгах, на средствах производства, на ресурсах. Едва у госпредприятий появилась возможность реализовывать что-то и открывать кооперативы в рамках предприятия, как сразу же эта экономическая свобода стала обеспечивать отток ресурсов из основных производств и перелив их в частные производства. А так как подобная система отработана не была, то частное производство давало возможность изымать из хозяйственного механизма средства уже для личного потребления тех, кто раньше не мог этого делать.

Так и создавались состояния?

Совершенно правильно. Директор предприятия, который получил для себя режим работы в условиях самофинансирования, самоокупаемости, хозяйственной свободы и право и возможность организовывать кооперативы, стал создавать вокруг своего предприятия большое количество кооперативов, направлять туда ресурсы, через кооперативы реализовать товары по коммерческим ценам, а выручку использовать для собственного обогащения. Так начали накапливаться личные состояния. И во многом это было неизбежно, так как средства, вырученные от коммерческой продажи продукта, показанного как плановый продукт государственного предприятия (выпускаемый по государственной же цене), просто невозможно было легализовать — они неизбежно должны были уходить в «тень». Если бы это была нормальная рыночная экономика, если бы эти предприятия просто объявили частными, отдав их, предположим, советам директоров, экономическое развитие происходило бы более адекватно. Если бы предприятия отдали в частные руки, владельцы делали бы все от них зависящее, чтобы максимально выжимать из своих предприятий все, что они могут дать, и зарабатывать деньги не только для того, чтобы лично обогащаться, но прежде всего для того, чтобы поддерживать и развивать производство, успешное существование которого становилось условием их собственного успешного существования. Для директора госпредприятия, которое не было его собственностью, ситуация была совсем иная — ему надо было гнать план, дополнительный доход он получал только от коммерческих дочерних кооперативов и мог использовать его только для себя и для своих подручных, но никак не для развития своего основного предприятия. Частные же владельцы вкладывали бы средства, искали возможность провести модернизацию, сбросить балласт, выпускать продукцию, которая будет пользоваться спросом. Экономический механизм заработал бы. Но вместо всего этого в результате горбачевской реформы были созданы все условия для того, чтобы государственная номенклатура могла обогащаться за счет коммерциализированного сектора, который формировался вокруг предприятий. И получалось так, что предприятия начинали работать хуже — у них стало не хватать сырья и денег на выплату заработной платы, хотя те же самые люди, которые числились на предприятиях, работали в кооперативах и через кооперативы получали свои заработки. Начальство же получало очень большие доходы и сколачивало свой капитал.

А вывоз капитала был в то время? Это не при Горбачеве началось?

Вывоза капитала как массового явления тогда еще не было. Еще не были отработаны каналы, не было системы коммерческих банков, через которые это все осуществляется. Но на индивидуальной основе вывоз капитала, конечно, существовал. Директор, который хорошо украл, мог часть своих денег положить

на зарубежный счет. Это был еще не собственно вывоз, а способ накопления капитала, который формировался в западных банках — потенциально для развития производства, конечно, но разве лишь в некоем неопределенном будущем.

Перейдем теперь к следующему этапу

1991 год... У меня нет никакой уверенности в том, что вся эта операция по приведению Ельцина к власти и по устранению Горбачева не была спланирована. Что все эти танки, с которых выступал Ельцин, все эти митинги не были акциями определенной части спецслужб и политического истеблишмента — очень грамотно исполненными акциями, потому что вызывали живейшее сочувствие и участие той огромной части людей, которые ждали демократических преобразований в стране и хотели жить в условиях и экономической, и политической свободы. И эта часть общества и посадила Ельцина на президентское место именно для того, чтобы он продолжал экономические реформы. А вот каков был замысел высшего эшелона власти, который разрабатывал эту конструкцию, я сказать не могу.

Объявлено было, что Ельцин пришел для того, чтобы провести либерально-демократическую реформу. И команда Гайдара была привлечена во власть тоже для того, чтобы осуществить эту либерально-демократическую реформу, о которой писали лучшие умы России, о которой многие десятилетия мечталось и диссидентам, и правозащитникам, и всем людям, болеющим за то, чтобы Россия перестала быть страной диктатуры, перестала быть тоталитарной, перестала быть социалистической страной, перестала быть неправовой антидемократической страной и т. д. 1991 год стал годом всех этих надежд и очень больших перспектив, когда по нравственной логике сложившейся исторической ситуации должна была начаться действительно великая либерально-демократическая революция, призванная ликвидировать горбачевские сомнения и половинчатость и вывести страну к нормальным условиям жизни в демократическом, правовом, свободном государстве со свободным обществом и рыночной экономикой. Вот для чего была приглашена команда Гайдара — по крайней мере, так было объявлено обществу.

Гайдар, его сторонники и его последователи не раз говорили о том, что они осуществляли либерально-демократическую реформу, но не смогли осуществить ее в полной мере и так, как этого хотели, потому, что им помешали. Мешал хасбулатовский парламент, который препятствовал либерально-демократическим реформам; мешали коммунисты, которые консолидировали свои силы и формировали оппозицию, мешали демократически настроенные экономисты типа Пияшевой, которые говорили о том, что нужно проводить действительно радикальную реформу собственности, проводить ее быстро и отдавать собственность как можно большему количеству людей. Вообще мешали все — и общество, и власть...

Но, уже теперь прочитав документы, программы, ознакомившись с замыслами гайдаровских реформаторов и сравнив все это с тем, что реально делалось, я совершенно отчетливо понимаю, что в правительстве Гайдара ни о какой либерально-демократической реформе и речи не шло. Речь шла о качественно других вещах — о том, чтобы произвести и сделать легитимным разгосударствление собственности и передать эту собственность высшей номенклатуре —

то есть самим себе. Это и было объективным смыслом реформ. Да и не только объективным. Это соответствовало изначальному замыслу: Гайдар в своей книге «Государство и эволюция» совершенно однозначно заявил, что задача заключалась в том, чтобы обменять собственность на власть: члены правительства отдают собственность номенклатуре в обмен на власть. То есть они получают власть, а номенклатура — собственность.

Но они ведь и так имели власть. Они же — правительство

Они не имели поддержки номенклатуры. И им нужно было провести какую-то реформу — ту грандиозную и колоссальную, которую ждали от них люди. Потому что если бы они ничего не делали, а просто занялись сразу прямым, открытым и откровенным номенклатурным переделом, очень возможно, что граждане (тогда еще демократически настроенные) попросту смели бы гайдаровское правительство вместе с Ельциным и революционные изменения, возможно, пошли бы дальше: пришло бы новое правительство, которое занялось бы реформами. Поэтому нужно было осуществить искусную имитацию, имитировать реформы, сделать вид, что это демократические реформы, и убедить основную часть общества, что правительство Гайдара проводит такие реформы, в результате которых людей ждут блага в будущем. И вот на это было потрачено очень много сил.

Еще раз вспомним. Реформа собственности. Это не был переход от государственной собственности на средства производства к частной. Это не была демократическая реформа, в результате которой основная часть населения превратилась бы в собственников. Низшие слои так и не превратились в собственников своих крошечных кафе, магазинчиков и киосков, на базе которых стал бы формироваться средний класс. Те, кто побогаче, поактивнее, пообразованнее и ближе к производству, не стали собственниками своих предприятий (сначала малых или средних, выпускающих товары и услуги, которых прежде не было). Крупная государственная собственность, пройдя стадию передачи в акционерную собственность, не перешла в статус частного капитала. Ничего этого сделано не было.

В 1992 году с введением гайдаровских налогов был положен конец горбачевским кооперативам и индивидуальной хозяйственной деятельности. К уже существовавшему налогу на прибыль прибавились НДС и еще целый ряд налогов, в результате чего возникли условия, в которых никакой малый бизнес выжить попросту не мог. На гайдаровских налогах буйным цветом расцвело явление, которое тогда называлось рэкетом. Выглядело это следующим образом. Если восемьдесят процентов своих доходов кооператор должен был отдать в виде налогов, а к нему приходил бандит и говорил: «Ты будешь платить сорок процентов, из них половину государству, половину мне», — то кооператор, естественно, соглашался.

А как это мог сделать бандит?

Так формировалась коррумпированность системы. Истоком ее был сговор бандитов с налоговыми и правоохранительными структурами. При их согласия и попустительстве рэкетиры становились теневыми сборщиками налогов. Именно с этого момента началось активное формирование теневого бюджета, параллельного государственному. На начальной стадии это все было очень разобще-

но, происходили схватки и между самими криминальными структурами, и внутри их, между криминальными структурами и правоохранительными органами, между теми и другими и налоговыми органами. Потом все это потихонечку стало приходить в «норму», сращиваться, обретать форму отлаженного механизма перераспределения части средств помимо государственного бюджета в теневой бюджет. Этот бюджет был уже смешанным, это был бюджет и криминальных, и властных структур, и фактически управлялся он уже людьми президента Ельцина.

Может быть, правильнее называть этот теневой бюджет не бюджетом, потому что бюджет — это все-таки некая официальная схема расходов и доходов? А это, скорее всего, просто карман...

Нет, я не случайно называю это термином «президентский бюджет» и чуть позже разъясню, почему. Но как ни называй, наполнение этого кармана обеспечивала в очень большой степени именно налоговая система. Мелкое и среднее производство могло существовать теперь только благодаря покровительству криминальных структур, которые постепенно перестали быть таковыми и превратились в официальные «крыши», на верхушке которых уже стояли органы ФСБ, МВД и т.д. Все теневые финансовые потоки уже были контролируемыми, все отдельные рэкетиры из системы были выкинуты. Сложился единый организованный криминально-коррумпированный механизм по формированию второго бюджета или, если хотите, кармана для третьих целей. Эти третьи цели — те цели, которые не имели отношения к прямому бюджету. Бюджет — это то, что берут у общества для неких общих целей — таких, как охрана границ, здравоохранение, социальные расходы, частичная поддержка производства и предпринимательства в особых отраслях вроде освоения космоса и т.п. Третьи же цели — это избирательные кампании, поддержание власти президента, оплата всякого рода президентского бизнеса, пиар и прочее подобное же...

Вернемся, однако, опять к Гайдару, чтобы подвести некоторые итоги. Итак, давайте обозначим те главные шаги, которые он предпринял. Как их оценить?

Первый шаг, сделанный Гайдаром: 2 января 1992 года были выпущены цены. Если говорить о реформе как таковой, то выпускание цен — это как выпускание птички из клетки. Денег для этого не нужно, подготовки особой — тоже. Наполнить магазины товарами, как я уже говорила, ничего не стоило. Реформа, таким образом, не требовала никаких затрат, все это было уже прописано и подготовлено задолго до Гайдара.

Но результатом этого стало немедленное и невероятное повышение цен

Никакого невероятного повышения цен результатом этого не должно было быть, потому что цена, скажем, на колбасу, в государственном магазине при таком выпускании цен не могла превышать цены на колбасу на колхозном рынке. Предельная цена на все основные продовольственные товары определялась бы ценами колхозных рынков. В том случае, если бы команда Гайдара не предпринимала больше никаких шагов, все развивалось бы по этой схеме. Простая экономическая задачка: существуют цены колхозного рынка на продовольственные товары, цены теневого рынка на промтовары — и существуют государственные цены на товары, которых нет. Вопрос: на сколько повысятся цены в государственных магазинах в случае выпускания цен? Мой ответ на этот вопрос был и остается таким: государственные цены не могут быть выше

рыночных, потому что если на рынке мясо стоит 6 руб. килограмм, а в магазине 1 руб. 80 коп., но на рынке оно есть с 8 утра до 6 вечера, а в магазине оно есть в течение получаса, а потом уходит под прилавок, то если в магазине мясо будет стоить тоже 6 рублей, оно будет тухнуть. Потому что на рынке за те же деньги можно купить мясо гораздо лучшего качества.

Таким образом, то бешеное, фантастическое повышение цен — на 2 600 %, если не ошибаюсь, — которое мы имели при Гайдаре, связано было вовсе не с самой по себе либерализацией цен, а с тем, что эта либерализация проводилась, во-первых, для государственных предприятий, тогда как свободные цены предназначены для предприятий частных, работающих в конкурентной среде. Во-вторых, либерализация была частичной, а в-третьих, вслед за с либерализацией цен правительство почти сразу же начало наводнять рынок деньгами. То есть началась денежная и кредитная эмиссия. Так сложились три момента, которые определили гайдаровскую инфляцию — частичная либерализация цен, отсутствие частной собственности и денежная эмиссия.

Для того чтобы прекратить галопирующий рост цен, Гайдар стал проводить дефляционную финансовую политику — изъятие денег из обращения: их печатали (одной рукой — Геращенко) и изымали (другой рукой — Гайдар) одновременно. Геращенко лавал кредиты предприятиям для осуществления ими хозяйственной деятельности, а Гайдар с помощью роста налогов, сокращения бюджетных расходов, дорогого кредита, попыток ограничения роста зарплаты и пр. изымал деньги из обращения. За счет инфляционной составляющей росли цены, а за счет дефляционной — усливался спад, экономика стала опускаться в большой экономический кризис — предприятиям не хватало денег для нормального воспроизводства, покупки оборудования, выплаты зарплат. И в результате проведенной таким образом ценовой либерализации, связанного с ней резкого роста цен, инфляции и дефляции были ликвидированы и все частные сбережения граждан, которые никто не индексировал. А заодно полностью обесценились и оборотные фонды всех предприятий.

На что цены были отпущены, а на что — нет?

Были отпущены цены на продовольствие, промтовары и частично на сырьевые ресурсы. Не были опущены тогда — и не отпущены до сих пор — цены на энергоносители, на средства производства, на недвижимость, на землю и на транспортные тарифы. То есть все базовые цены остались социалистическими. В результате эта ценовая реформа принесла частичное высвобождение цен, но она не имела никакого отношения к тому, что именуется «свободными ценами» во всех мировых учебниках по экономике. При Гайдаре свободных цен не было, при Черномырдине свободных цен не было, нет их и при Путине. Земля вообще не является объектом купли-продажи. Все перечисленные базовые ценности продаются и покупаются только частично, только под контролем, но не являются объектами свободной, открытой купли и продажи. Поэтому ценовая реформа Гайдара может быть охарактеризована не как переход к свободным рыночным ценам — конкурентным ценам, ценам спроса и предложения, а как социалистическая реформа по повышению цен до предела возможностей спроса. Это было просто очень сильное повышение цен без определения границы. Если раньше повышали цены на 20%, на 40%, теперь их повысили на-

столько, насколько захотят сами товаропроизводители, имея в виду, что они повысят цены до цен спроса, после чего начнут работать спросовые ограничители и, таким образом, цена станет равновесной. Но для того, чтобы она стала равновесной, и нужно было, чтобы выпустили базовые цены, заложенные в стоимость любого товара. Базовые цены тоже должны определяться отношениями спроса и предложения и быть такими же рыночными ценами, как и на все остальное. Тогда бы и остальные цены стали рыночными, тогда бы граждане могли голосовать за производство тех или иных товаров своими кошельками. Но этого не произошло. А если цены на энергоносители назначались и контролировались государством, ни о каких свободных ценах уже и речи идти не могло, ценообразующий механизм не работал и по отношению к базовым ценам могло происходить только повышение.

Нехватка денег — результат дефляционной политики Гайдара — вызвала спад производства. При этом надо сказать, что спад производства был запланированным шагом в стратегии реформ. Все так называемые *прогрессивные* экономисты, включая Шмелева, Гайдара, шведа Ослунда, Джеффри Сакса и др., исходили из того, что России не нужна ее экономическая база, что ее надо демонтировать — и действовали по схеме: до основания разрушим, а потом построим. Строить же будем по программе Джефри Сакса (а действовал Гайдар по этой программе) экономику сектора Б — экономику потребительских товаров и услуг; экономику, которая будет ориентироваться не на военное производство, а на гражданское, экономику, сходную с той, которая существует на Западе. Но надо при этом отметить, что по программе Сакса это строительство планировалось осуществлять на протяжении жизни одного-двух поколений. То есть на формирование инфраструктуры, которая соответствовала бы современной западной, ушло бы лет пятьдесят. А провести финансовую стабилизацию надо было в течение двух лет, и смысл ее (в концепции и в программе Гайдара) заключался в том, чтобы изъять из обращения лишние деньги и, по возможности, не печатать новых, сбалансировать бюджет, ликвидировать бюджетный дефицит.

Но, как показала практика, ни о какой финансовой стабилизации реально ни у Гайдара, ни у Черномырдина, ни в последующий период речи не шло. То, что делалось с финансами страны, можно назвать целенаправленной и умышленной финансовой дестабилизацией, посредством которой формировался механизм демонтажа или ликвидации российской экономики и российской промышленности. И наступил момент, когда более 50 % всех предприятий стали убыточными. Это немыслимая ситуация ни для какой экономики, бюджет ни одной страны мира не выдержит экономики, в которой убыточно каждое второе предприятие. О каком социальном развитии может идти речь в стране, где все должны работать на то, чтобы поддерживать на плаву убыточные, паразитирующие предприятия?! А так как вовремя не было принято закона о банкротстве, не отработана сама процедура банкротства (существовали всякого рода псевдопрограммы: взаимозачетов, списания долгов, реструктуризации долгов и т.д.), правительству (по какой причине, не хочу даже обсуждать) было выгодно держать экономику в таком вот состоянии полураспада. И создание вот этих условий и называлось либерально-демократической реформой!

А приватизация?

Приватизация собственности — это передача собственности в частные руки. Отдал собственность обществу — и оно само разберется, кто будет собственником, потому что, попав в частные руки, собственность продается и покупается и автоматически переходит из рук плохих хозяев в руки хороших, из рук случайных людей в руки тех, кто готов на базе этой собственности создавать то или иное производство.

Приватизация началась у нас через год после начала «либерально-демократической реформы». В 1992 году Гайдар говорил: к приватизации надо подготовиться, проводить ее нужно планомерно, не торопясь и осознанно, никаких скоропалительных шагов быть здесь не должно. Эта осторожность диктовалась самой логикой задуманной приватизации. А логика эта заключалась в том, чтобы не передать собственность народу, а найти способы разделить ее между нужными людьми. К тому же в результате решений, которые были приняты, часть собственности вообще была выведена из-под приватизации.

Приватизация должна была запустить процесс становления нормальной экономической системы. Это у нас был призван сделать ваучер. Чубайс, которому выпала судьба осуществить ваучерную приватизацию, был категорически против этой самой ваучерной приватизации и проводил ее в ущерб собственной концепции. Чубайс считал, что собственность надо продавать через аукционы. Ни Гайдар, ни Чубайс не хотели никакой ваучерной приватизации, но поскольку кроме них существовала Дума, существовал Закон о собственности, где прописана процедура, в соответствии с которой каждый человек должен был получить свою долю собственности, они были вынуждены со всем этим считаться, будучи не в силах отменить законодательство. Но они могли внести коррективы — и внесли их. Смысл их поправок свелся к организации дела таким образом, чтобы собственность не попала к гражданам. Ваучер стал формой имитации участия граждан в приватизации.

На деле это выглядело так. Людям раздали бумажки и объявили, что они чего-то стоят. Сто процентов государственной собственности оценили, разделили на число жителей России, получили по 10 тысяч на нос, написали в ваучере: «10 000 рублей», — и каждому раздали. Но, как я уже говорила, из этих ста процентов половину вывели сразу, сказав, что приватизация второй половины общенародной собственности будет потом (Чубайс назвал эту часть «Наш золотой запас», что в прямом и буквальном смысле действительно оказалось его и их золотым запасом). Таким образом, ваучер сразу же «похудел» до 5 тысяч рублей. Далее. В каждом приватизируемом предприятии акции разделили следующим образом: 50% в виде контрольного пакета акций сохраняется за государством, а 50% распределяется. Таким образом, ваучер реально стоил уже две с половиной тысячи рублей. Дальше. 5 % собственности передавались директорату предприятий — вычитаем из реальной стоимости ваучера и эту сумму. Затем часть акций (не голосующих) передавалась членам трудового коллектива — и только часть должна была поступать в открытую продажу. Но если бы хотя бы эту долю собственности передали гражданам, они все-таки получили бы хоть что-то: меняешь ваучер на акцию предприятия и — худобедно — но свою тысячу в год ты получишь.

Однако все было сделано по-другому. Чубайсом была создана сеть посреднических компаний для сбора ваучеров у населения — организованы чековые инвестиционные фонды (ЧИФы), куда граждане должны были внести свои ваучеры. По отношению к населению это была система чистой фальсификации — либо воровства, либо шарлатанства. Ни один чековый инвестиционный фонд не организовался сам: они все получили на это лицензию в ведомстве Чубайса. Дальше гражданам в результате очень широкой государственной рекламы предложили принести свои ваучеры в эти ЧИФы, причем было сказано, что сами граждане акциями распоряжаться не должны. За них это сделают специалисты ЧИФов, которые будут собирать ваучеры, участвовать в торгах, определять, акции каких предприятий покупать, и покупать эти акции. Предполагалось, что принеся свой ваучер в ЧИФ, ты можешь быть уверен, что владелец чекового инвестиционного фонда приобретет на него акции и эти акции будут храниться в фонде, а ты будешь регулярно получать свои дивиденды.

Но как только ваучеры поступили в чековые инвестиционные фонды, хозяева фондов сформировали пакеты ваучеров и пакетами — в нарушение всех законов — стали продавать их директорам предприятий, которые хотели получить эту долю собственности целиком. Директора предприятий за счет средств своих предприятий, за счет государственной казны и т.д. скупали эти пакеты ваучеров и на них выкупали акции собственных предприятий. Сами ЧИФы, обязанные хранить ваучеры, обменивать их на акции или, на худой конец, хотя бы отдать полученные деньги законным владельцам, естественно, этого не сделали и очень скоро были закрыты. Так закончилась эта чисто мошенническая кампания.

Конечно, каждый гражданин теоретически имел право участвовать в приватизации любого предприятия. Ему говорилось, что во время торгов он может купить на ваучер акцию. Однако все торги были закрытыми, никаких граждан туда и близко не подпускали, туда не пускали даже крупных держателей ваучеров, если они представляли лагерь конкурентов. Потому что дальше распределение собственности шло по своим законам, и посторонним там нечего было делать. В результате такой операции граждане оказались выпихнутыми из процесса приватизации собственности, а официально им было объявлено, что они просто неправильно распорядились своими ваучерами и добровольно утратили свои шансы стать собственниками.

Как показала практика, хотя большинство ЧИФов были уничтожены и имена их владельцев никто уже не помнит, часть этих людей остались на этом рынке и создали на их базе новые акционерные финансовые компании — МММ, Чару, Тибет и проч. Фактически все они стали порождением схемы ваучерной приватизации. Но потом, когда они развернули свою деятельность в масштабах, превышающих всякие представления власти о допустимом, их решено было убрать с рынка. И они были убраны — совершенно насильственно, полностью были дискредитированы. Мавроди тогда арестовывали как мошенника...

Но ведь в основе, в самом начале образования этих компаний, родившихся из ЧИФов, там и было мошенничество, разве не так?

Мошенничество было с ваучером. А Мавроди, что очень интересно, ни у кого ничего не забирал. На этой базе он развил свою финансовую империю таким образом, что отдавал людям.

Так откуда же у него деньги — не от ЧИФа?

Те, кто отдал ваучеры Мавроди, их не потеряли. Он выплачивал проценты, а потом, когда стал привлекать деньги, стал выплачивать настолько большие проценты по привлеченным деньгам, что те, кто играл в это до его ареста, получали очень большие доходы. Все говорили, что это халявные деньги. Но здесь все зависит от того, как на это посмотреть. Ведь и государственный банк привлекает деньги, обещая и выплачивая вкладчикам проценты — только маленькие. Мавроди тоже привлекал деньги и давал проценты — только очень большие. За счет чего возникали такие проценты? Утверждают: за счет привлечения других денег. Но существует же и другая правда — что привлеченные деньги он мгновенно реализовывал в акции предприятий. То есть он на эти деньги скупал собственность (благо, законом это не запрещалось), а так как это было очень выгодно и он был одним из немногих, кто участвовал в этих приватизационных играх (у него везде были свои люди), то покупка и продажа этих акций приносила ему большие доходы, позволявшие ему выплачивать людям вот эти баснословные проценты по привлеченным деньгам и продолжать наращивать свою силу. На эти деньги, что доподлинно известно, Мавроди не покупал себе домов в Испании, дворцов и самолетов. Доподлинно известно, что эти деньги он тратил на приобретение акций — в стране шла приватизация. Покупка акций — это инвестиция в то предприятие, акции которого ты покупаешь. Экономический смысл происходившего заключался в следующем: Мавроди собирал сбережения населения и полученные деньги инвестировал в российскую экономику. Вся вина его заключалась в том, что компания была слишком популярной, выросла до слишком крупных масштабов и стала конкурировать с государственной финансовой системой, потому что даже директора предприятий и министры стали отдавать туда деньги предприятий или корпоративные деньги с целью получить проценты лично для себя.

С финансовой пирамидой МММ покончил В.С.Черномырдин, когда Мавроди приобрел акции Газпрома. И доподлинно известно, что когда компания уже была разгромлена, офисы МММ были очищены, деньги, которые Мавроди собрал (говорят, что он украл — но он ничего не украл!), забрала у него власть. В этой ситуации Мавроди был объявлен жуликом, потому что он прекратил выплачивать людям деньги. Но чтобы он вернул деньги, ему надо было дать такую возможность. Предположим, дальнейшую деятельность этой «пирамиды» могли бы запретить, но для этого совсем не надо было арестовывать Мавроди и громить его офисы. Анатолий Стреляный был свидетелем того, как громили офис МММ. Известен ведь и такой факт, что Мавроди предложил Черномырдину выкупить акции Газпрома. Он хотел получить деньги и рассчитаться со своими вкладчиками. Но позволь правительство ему это сделать, не получилось бы образа всенационального жулика.

Криминальная игра с ваучерами, затем игра с ЧИФами, потом финансовые пирамиды, на которые собирались все эти деньги, — все это нужно было «повесить» на кого-нибудь. Нужно было найти козлов отпущения. Ими и стали те несколько человек, которые раскрутили свои пирамиды по полной программе. Пирамида МММ, безусловно, должна была прекратить свое существование, иначе бы она включила в себя всю финансовую систему страны. Но она должна была

и могла вполне нормально, естественно трансформироваться, понемногу начав сокращаться, снижая проценты по вкладам и т. д. Так что эту форму экономической деятельности я аферой назвать не могу. Афера была с ваучерами. Афера была с ЧИФами. А МММ не была аферой, это была финансовая пирамида — в том смысле, что она все больше и больше втягивала новых привлеченных средств, но Мавроди не обваливал свою пирамиду, он искал и находил способы привлечения дополнительных денег. Вина ли, беда ли его в этом или его финансовый гений? Это не мне судить. Но аферы тут не было никакой. Афера возникла после того, как, ликвидировав все финансовые пирамиды, ту же самую схему стали использовать для печатания государственных денег под названием ГКО. Вот это была уже чистая финансовая афера.

Идеологической подоплекой и экономическим обоснованием финансовой игры с ГКО была необходимость перехода от финансирования бюджетного дефицита через кредиты Центробанка к финансированию его же через привлеченные средства за счет ценных бумаг. Игра с ценными бумагами тоже строилась на том, что их покупателям обещали большие проценты. И само по себе это не заключало в себе ничего недозволенного или мошеннического — об этом свидетельствует опыт большинства западных стран, где бюджетный дефицит тоже финансируется через привлечение средств населения, через государственные ценные бумаги. Так что и у нас переход на эту систему был экономически оправдан, и в 1994 году, когда это все только раскручивалось, большой угрозы в такой программе действительно не виделось. Масштаб бумаг ГКО был сравнительно небольшим, и в течение первого года все было вполне пристойно.

Но уже в бюджете 1995 года была записана операция под названием «стратегический маневр», которую я тоже определила бы как аферу. Эта операция заключалась в том, чтобы через массированный выброс ГКО в обращение привлечь огромное количество денег якобы для покрытия бюджетного дефицита, а в действительности для проведения избирательной кампании и приведения президента Ельцина на второй срок. Это был сговор между банкирами и властью.

«Стратегический маневр» заключался в следующем: в 1995 году ГКО печатается больше, в 1996 году — очень много, и продаются бумаги под любой процент; в 1996 году Ельцину обеспечивается победа на выборах, в 1997 году выпуск ГКО сокращается, а к 1998 году все приводится к первоначальному состоянию, к состоянию 1994 года — то есть только на покрытие бюджетного дефицита. Но в результате полился поток дармовых денег, которыми можно было набивать собственные карманы, создавая бешеные состояния, по сравнению с которыми состояние Мавроди не стоит даже упоминания. И когда поняли, что с помощью этого механизма, не согласовывая с населением, можно собирать деньги со всей страны — с каждого предприятия, имеющего счет в банке, с каждого человека, имеющего сбережения, — остановить этот механизм стало уже невозможно.

Были избраны семь уполномоченных банков, которые покупали эти ГКО за счет тех денег, которые приносили частные лица (полагая, что будут иметь свои 3%, и не подозревая, что их вкладам грозит превращение в ноль), и тех денег, которые поступали в банк в результате всех проводимых банком операций и расчетов.

Наряду с этим была проведена, с моей точки зрения, абсолютно противозаконная авантюрная акция, обязывающая страховые компании, пенсионный и все другие фонды держать часть своего уставного капитала в бумагах ГКО. Таким образом, деньги фактически забирали у предприятий, у населения и у всех фондов.

Для чего?

Если всю собранную в 1996 году сумму принять за 100%, то на покрытие бюджетного дефицита ушло 30 %, а 70 % заново привлеченных средств были использованы для избирательной кампании Ельцина и для формирования частных капиталов лиц, участвовавших в этой афере. А участвовали в ней: № 1— Центробанк, № 2 — Сбербанк, № 3 — коммерческие банки плюс некоторые частные лица. В результате этой операции Ельцина действительно на трон посадили, его рейтинг с 6 % подняли на положенную высоту — купили, оплатили, сделали, нарисовали (везде по-разному), то есть деньги частично и в самом деле израсходовали на выборную кампанию, но большая их часть была вывезена из страны (это был один из каналов, по которым шел отток капитала). В 1997 году пора было остановиться. Но вместо того, чтобы прекратить игру, ее продолжили — уже с тем, чтобы поступления шли только в собственные карманы устроителей. На этих процентах очень сильно нажились люди из Центрального банка, из Сбербанка, частично из коммерческих банков и частные лица — в основном из правительства (список их в Прокуратуре есть, но Прокуратура его не оглашает). Если верить прессе, частные лица действовали по следующей схеме: член правительства на несколько месяцев выходит в отставку, как частное лицо берет многомиллиардный кредит в одном из банков (ему, разумеется, охотно этот кредит дают), покупает ГКО, получает по ним проценты — а тогда проценты по ГКО были бешеные, 250-290 % годовых, — возвращает в банк кредит, а на 190 — 200 % с суммы, которую он брал, покупает акции —Газпрома ли, РАО ЕЭС, в данном случае неважно. Таким образом обесточивалась вся экономика. Немногие «частные лица», как пылесос, собирали деньги отовсюду, из этих же денег они выплачивали проценты по долгам. И в какой-то момент, когда в бюджете физически не было денег на то, чтобы выплатить очередной долг, они все это обрушили. Они устроили дефолт, тем самым «кинув» всю страну, все население — всех тех, кто думал, что имеет накопления, не зная, что в действительности происходит со сбережениями. Впрочем, люди не знали этого, потому что не хотели знать, хотя об этом многие писали, многие говорили, многие предупреждали. Я сама в 1995 году каждую неделю целый час говорила об этом по радио «Вокс».

Та же схема была с Евробондами, которые осуществлял и очень рекламировал Лившиц, — с той лишь разницей, что внутренние долги просто «кинули», а внешние, которые размещались под акции предприятий, были обеспечены реальной собственностью в России. Кто-то набил бы карманы, а стране пришлось бы расплачиваться реальными богатствами — предприятиями, нефтяными скважинами, территориями. Развитие схемы Евробондов, если бы оно продолжалось несколько лет и набирало обороты, привело бы к тому, что все, что здесь можно заложить, было бы заложено.

Дефолт не был следствием кризиса. Просто организаторы финансовой пирамиды ГКО в определенный момент обрушили ее и отказались выплачи-

вать долги — и внутренние, населению страны, и внешние. Вся операция по раскручиванию и обрушиванию этой пирамиды была санкционирована людьми из МВФ, и заявление 17 августа 1998 года было сделано при прямом согласии МВФ. Но когда произошел дефолт, и Запад, и МВФ поставили большой вопросительный знак: никто не ожидал, что власть откажется выплачивать иностранные долги. Правда, расследование, которое велось Прокуратурой и комиссией Совета Федерации, выявило (этот факт подтвержден документально), что западные держатели ГКО и Евробондов были заранее предупреждены о предстоящем падении, и все, кому это было нужно, заранее сбросили акции. То же самое касалось части уполномоченных банкиров в России. Они просто нажились на этих акциях, вовремя избавились от них, а людям не выплатили ничего.

Таков в общих чертах механизм организованной командой Гайдара аферы государственного масштаба — аферы, экономически обоснованной и идеологически поддержанной прессой. И когда меня спрашивают: кто жулик — Мавроди или организаторы финансовой пирамиды ГКО, я отвечаю, что, наверное, и Мавроди где-нибудь сжульничал, наверное, что-нибудь потратил и на себя... Но, полагаю, нелепо даже упоминать эти его грехи рядом с грехами наших реформаторов, организовавших пирамиду ГКО...

То, о чем вы рассказали, рисует недавнюю историю России в совершенно непривычном, наверное, для некоторых наших читателей свете. Ведь многим казалось и сейчас кажется, что имели место просто определенные ошибки, пусть даже крупные, — но не более. Недаром до сих пор вполне благополучно существует и даже пользуется какой-то поддержкой избирателей партия «правых», которые опять готовы продолжать гайдаровские реформы. Что это — полная невменяемость или просто откровенная наглость? Ведь получается страшная вещь: приходится признать, что руководство страной захватила банда аферистов, которые элементарно ограбили страну. Получается, что вся система приватизации — это и есть не что иное, как совершенно отчетливое ограбление ими населения в свою собственную пользу. ..

Но перед тем, как мы перейдем к следующему, послегайдаровскому периоду, я хотел бы задать все-таки несколько уточняющих вопросов именно по его реформам. Чуть подробнее — в чем был смысл накачивания рынка деньгами в момент либерализации цен? Зачем проводилась дефляционная политика — понятно: надо было как-то добиваться хотя бы относительной финансовой стабильности. Но зачем нужна была денежная эмиссия?

Смысл денежной эмиссии состоял в том, чтобы ликвидировать сбережения. И у Гайдара, и у Шмелева, и у всех других экономистов его команды было убеждение, что существует денежный навес — избыток денежной массы. Они считали, что для стабилизации лишние деньги необходимо ликвидировать. А лишние деньги — это накопления населения; следовательно, нужно было ликвидировать эти накопления. Деньги можно было конфисковать — просто списать. Но это, как вы понимаете, непопулярная мера. Однако существовал и другой путь: деньги можно было обесценить с помощью денежной эмиссии. Если цены выросли на 2 600 %, на столько же уменьшилась покупательная способность населения. В 1990 году 30 тысяч рублей на книжке — это было состояние (6 тысяч стоила «Волга»): на эти деньги человек мог учить и лечить своих детей,

отдыхать в течение многих лет, обеспечить себе безбедную старость и похороны. И те же 30 тысяч после проведенной либерализации — это была куртка, газовая плита и два платья. В конечном счете, эти 30 тысяч превратились в три рубля, на которые можно было купить батон колбасы. То есть через механизм денежной эмиссии у людей отняли их накопления. Отсюда и инфляция.

А в чем был корыстный смысл этой акции?

Я думаю, что когда это все только запускалось, здесь не было прямого корыстного смысла. Здесь была, что называется, научная ошибка. Все с ума сходили по этим деньгам у населения. Всем казалось, что денежный навес — это то, что делает систему финансов разбалансированной.

Стало быть, намерения провести какую-то либеральную реформу у того же Гайдара все же были?

Один раз я читала у Гайдара: надо выровнять стартовые условия для всех тех, кто будет участвовать в приватизации. Вот он, корыстный интерес, — забрать у людей те деньги, с помощью которых они могли бы участвовать в приватизации. Потом дать каждому по ваучеру, потом эти ваучеры забрать и таким образом лишить население всякой возможности участвовать в приватизации. Это и есть «равные» условия для всех. Кроме, разумеется тех, кто на этом сумел нагреть руки.

Значит, формально целью была ликвидация разбалансировки, но реальный смысл заключался в том, чтобы не дать населению стать собственниками? А если бы реформаторы провели приватизацию по аукционам?

Если бы в рамках той денежной массы, которая была, то есть по тем ценам, которые реально существовали на рынке собственности, они провели аукционы по всей стране, по всей этой собственности (то есть если бы правильно была проведена либеральная реформа) и продавали бы ее в частные руки, в этом случае реформа состоялась бы. Почему? Вот представьте: 2 января или там 2 марта объявляется: в эти полгода будет проходить приватизация, все будет продаваться — все предприятия, все магазины, все рестораны. Социально это нереально, потому что вся страна, выставленная на аукцион, — это уже из области дурного сна. Но экономический смысл в аукционах был бы — при условии, если бы это была массовая приватизация и если бы стартовые условия действительно были равны. И тогда Елисеевский магазин стоил бы, скажем, 100 денежных единиц, а магазинчик в Перово стоил бы 10 единиц. Елисеевский купил бы кто-нибудь из богатой номенклатуры, но магазинчик в Перово — может быть, даже директор этого магазинчика.

А был ли какой-либо реальный и корыстный смысл в либерализации цен?

Нет. Это было чистое непонимание экономических механизмов — того, что такое свободные цены и как они работают. Команда Гайдара совершенно искренне считала, что можно провести частичную либерализацию, а через несколько месяцев провести второй тур, потом третий, чтобы постепенно выпустить все цены. Но как только они выпустили часть цен, они попались в капкан, который сами же расставили. Не проводя приватизации, они не могли дальше выпускать цены.

Почему?

Приватизация — это частная собственность, которая и продается, и покупается. Это свободные цены на всю недвижимость, на весь основной капи-

тал, на здания и помещения. Такие цены образуются, только когда все это продается и покупается, когда это обретает статус частной собственности. Отсрочив приватизацию на год, команда Гайдара уже не смогла больше выпускать цены на недвижимость. Не проводя земельной реформы, то есть не пуская в оборот землю, нельзя было проводить дальнейшей ценовой либерализации. А земля не продается и не покупается. Средства производства не продаются и не покупаются.

И так до сих пор

Разумеется. Поэтому 2 января 1992 года, когда была проведена частичная либерализация цен и отсрочена приватизация, реформа остановилась. Не продажа либо передача в частные руки государственной собственности, не отказ от ликвидации государства как собственника, а передача всяческими способами этой собственности в руки номенклатуры, в корпоративно-государственную смешанную форму (разгосударствленную, но и государственную одновременно) — вот в чем был смысл гайдаровской реформы.

Вернемся теперь к теме двух бюджетов, которую Вы затронули как раз в связи с приватизацией. Приватизация была первым источником формирования теневого бюджета. Но вторым, очевидно, стало налоговое бремя на предпринимателей?

Совершенно верно. Линия налогов имеет две составляющих. Для того, чтобы продолжать жить в условиях смешанной экономики, в условиях, когда большинство предприятий убыточны, когда собственность не работает как частная и не дает соответствующих доходов, нужен большой бюджет, нужно много денег. Деньги можно взять с помощью налогов — это официальная часть, которая собирается у общества в бюджет для того, чтобы через бюджет поддерживать жизнедеятельность общества и обеспечивать экономическое и хозяйственное воспроизводство, одновременно обеспечивая социальную часть. Логика такая: чем больше налоги — тем больше денег в бюджете, тем больше средств для поддержания воспроизводства.

Теперь мы будем говорить о бюджете. Если бы бюджет был тем, что нам представляют, и все налоги, которые существуют, поступали бы в этот бюджет, через него можно было бы действительно решать все вопросы и проводить экономические реформы. Декларированной частью бюджетной реформы была ликвидация бюджетного дефицита и ликвидация инфляции. Это была положительная цель — как строительство коммунизма, светлого будущего: сбалансированный бюджет и отсутствие инфляции, что соответствует либеральным принципам в экономике. Но если посмотреть ежегодные цифры инфляции, мы увидим, что каждый раз реальная инфляция намного превышала запланированную: то есть денег выпускали намного больше, чем планировалось. Посмотрев на размер бюджетного дефицита, мы убедимся, что декларация о том, что бюджет должен быть сбалансированным, в течение всего десятилетия оставалась чистой декларацией. Ни разу бюджет не был сбалансированным, более того — бюджетный дефицит все рос и рос. Если же мы посмотрим третий показатель — динамику роста внутреннего и внешнего долга, мы увидим, во-первых, что она намного опережает рост бюджетного дефицита, а, во-вторых, что она просто чудовищно огромна. С объявленных горбачевских примерно

сорока миллиардов долларов внешний долг за это десятилетие дорос до ста пятидесяти миллиардов долларов. Плюс еще примерно такой же внутренний долг государства.

В результате этой так называемой бюджетной реформы произошло следующее: государственные финансы разделились на две составляющие. Вначале — на большую составляющую государственного бюджета и государственных финансов, открытых и легальных, и небольшую теневую составляющую, которую я называю президентским бюджетом. А начиная с 1995 года — на все большую часть президентского бюджета и все меньшую часть бюджета общественного. Финансовая система стала двухканальной: один канал обслуживал официальную общественную жизнь, а второй обслуживал то, что я называю третьими целями — война в Чечне, финансирование генералитета, избирательные кампании, личные самолеты глав администрации, виллы за рубежом, личные счета. Все это составляло нелегальную закрытую часть системы государственных финансов. Все, что касается Думы, Совета Федерации, обсуждения в прессе, касается только верхней — открытой — финансовой системы страны. Пропорции сейчас примерно таковы: одна треть — общественные финансы, две трети — «президентский бюджет».

Предприятия, существующие сейчас в России, — все до единого — априори существуют в режиме ухода от налогов. Ни одно предприятие в такой системе налогов выжить не может. Официально общий совокупный налог со всеми социальными отчислениями составляет от 80 до 100 % доходов. При этом часть предприятий уходит от налогов, но выплачивает их в какой-то доле, и эта доля поступает в бюджет по налоговым каналам. А теневая часть налогов, которая не выплачивается, не остается в чистом виде у налогоплательщиков (у налого-не-плательщиков), эта «отмытая» часть делится между теми, кто позволяет либо сам участвует в «отмыве». При этом общая сумма, затрачиваемая предприятием на налоги, значительно ниже официальной суммы налогов.

Существуют легальные и нелегальные формы освобождения от налогов. Каждое предприятие имеет «крышу». И это уже не рэкетирская крыша, как это было в горбачевские времена. Каждая «крыша», в свою очередь, имеет «крышу» в ФСБ. Соответственно нелегальные налоги делятся между этими двумя «крышами». И содержать систему таких налогов сверхвыгодно той системе, которая у нас возникла. Все экономисты пишут о том, что налоги не должны превышать 30 %. Для развития страны нужны официальные налоги в 30 %, и тогда ни «крыш», ни ФСБ, ни налоговой полиции — ничего этого не будет. У нас же идет конкуренция между двумя чашами весов — либо развитие страны, либо наполнение «президентского бюджета». А для последнего налоги должны быть 80 % и повышаться из года в год. И бюджетные программы каждого следующего правительства и каждого следующего года, если их смотреть в динамике, предполагают повышение и введение все новых и новых налогов (мы говорим про все десять лет — пока до Путина).

Самая большая налоговая конфискация должна была произойти в результате реализации программы Кириенко. Там также была программа, которая называлась «Сокращение государственных расходов». Надо заметить, что из года в год власть объявляла о том, что нужно сокращать государственные расходы,

надо сокращать государственный бюджет, а одновременно с этим та же власть наращивала налоговый пресс, чтобы брать как можно больше денег. И получалось так: денег у населения нужно брать как можно больше, а государственные расходы сокращать. Сокращение государственных расходов — это сокращение расходов на науку, на здравоохранение, на образование, на содержание солдат. Из года в год декларировалось, что социальные расходы сокращаться не будут, а будут сокращаться управленческие расходы. Из года в год социальные расходы сокращались, а управленческие росли. В результате программы сокращения государственных расходов означали сокращение расходов на общество. А параллельно вводились все новые и новые налоги, гербовые сборы и проч. — не буду перечислять их, не было разве что налогов за сбор грибов и за содержание в доме тараканов . И такая налоговая вакханалия развивалась с 1991 года, с гайдаровского НДС, на протяжении всего десятилетия. При этом каждый раз декларировалось, что нужно поощрять производителей, поэтому надо сокращать налоги на производителей и увеличивать налоги на граждан. Частично это проводилось. Но на самом деле это тоже была идеологическая фальшивка, потому что если бы действительно хотели снизить налоги на производителей, их надо было сокращать до уровня 30-40 %.

Итак, как мы говорили, часть налогов поступает в государственный бюджет, который сокращается из года в год, расходы которого сокращаются, и граждане из этого бюджета получают все меньше и меньше. А идеология этого — опять рыночная, опять либеральная. В этом деле фигура номер один — Немцов. Он с этого начинал. Это жилищно-коммунальная реформа. Суть ее в следующем: люди платят налоги и получают из бюджета дотацию на оплату жилья; власть же решает сделать так, чтобы они платили за все сами, но налогов при этом никто не сокращает, зарплату никто не повышает и не индексирует. Получается двойной налог. То же самое с медициной — платная медицина. То же самое с образованием — платное образование. Это у них называется либеральным. Как на Западе. Они только упускают из виду, что на Западе, во-первых, нормальные налоги на производителей, во-вторых, нормальные зарплаты и, в-третьих, на Западе структура финансовой системы устроена таким образом, что граждане имеют возможность из своих доходов учиться, лечиться, отдыхать, оплачивать свои дома и т.д. Там люди получают то, что производят, и у них не существует «президентского бюджета», который на две трети — если не на три четверти — сжирает то, что производит вся страна.

У нас налоги увеличивают, а то, что поступает из бюджета, сокращают. Деньги, которые собирают и которые не поступают в официальный бюджет, идут в теневой. На эти деньги живет высший российский класс, который получил собственность и государственные финансы. Параллельно с приватизацией собственности, которая была не приватизацией, а передачей собственности номенклатуре, произошла приватизация государственных финансов — то есть передача финансовых ресурсов той же номенклатуре. Номенклатура получила и собственность, и деньги, и власть — за счет того, что у населения забрали право на собственность. То есть либеральная реформа в результате лишила 90 % населения возможности быть собственниками, а финансовая реформа лишила основную часть общества возможности распоряжаться деньгами, кото-

рые люди сами зарабатывают. Им не оставляют денег для инвестиций — их забирают, им не оставляют денег для развития. А развитие и инвестиции не осуществляются, потому что эти деньги вместо того, чтобы идти на развитие и на инвестирование, через президентский бюджет поступают на третьи цели. Теперь я называю их имперскими.

Это мы говорили о втором источнике наполнения президентского бюджета — о налогах и теневом их уходе. Первым была приватизационная система и ГКО. Третий — совершенно официальный и легальный источник теневого бюджета — освобождение от налогов *своих* людей. Кто получает бюджетные послабления, освобождения, реструктуризации и прочие льготы? — Газпром, РАО ЕЭС, то есть власть имущие. Система строится следующим образом: хозяин отрасли — обязательно член правительства, и чем выше отрасль, тем более высокое положение занимает ее хозяин. Вот Черномырдин, глава Газпрома, — он был премьер-министром страны. Таким образом, основные послабления, дотации, льготы имеют те, кто эти льготы сам распределяет. А налоговое освобождение — это бешеные деньги.

Газпром не работает под криминальной «крышей», он работает под собственной «крышей» правительства. И работает он таким образом, что у него совокупный налог составляет нужные 40 %. Данных статических нет, но когда мы говорим о вывозе капитала, то вывезенный капитал — это капитал не официального бюджета и не предприятий, которые работают открыто. Его осуществляют те, кто работает в теневом секторе. Я не могу сказать, какая доля вывезенных нефти и газа является нелегальной, но я точно знаю, что часть нефти продается нелегально — в том смысле, что эти деньги не поступают в бюджет и оседают на счетах, которые являются корпоративными. Это не личные счета. Вот когда Черномырдину говорят, что он 4 миллиарда своровал, а потом говорят: 1 миллиард, — здесь один миллиард на личном счете, а три — на корпоративном. Корпоративный счет и есть счет президентского бюджета.

Есть бизнес, который контролируют коммунисты. У них то же самое — и за границей, и здесь существуют корпоративные счета, и коммунисты из корпоративных денег содержат КПРФ, Зюганова с его самолетами и путешествиями. Деление между демократами и коммунистами во власти сейчас абсолютно условно. Сейчас деление другое: кто какой собственностью владеет и кто из нее что получает.

Так что «президентский бюджет» формируется за счет теневого бизнеса.

Наркотики — тоже теневой бизнес...

Вероятно, и они дают какую-то часть в этот бюджет, иначе бы наркобизнес просто не существовал.

Дело Березовского было — быть казначеем этого бюджета при Ельцине. Березовский формировал этот бюджет, распоряжался этими деньгами.

Ведь у нас существует сектор президентского бизнеса — со своими экономическими свободами, своей конкуренцией. И существует сектор легального — гражданского — бизнеса. Гражданский бизнес частично питает президентский и должен обеспечивать «социалкой» всех граждан. Президентский налогов не платит, деньги, получаемые от предпринимательства, образуются на ножницах цен, на налоговых освобождениях, на списании долгов, на невозвра-

щении кредитов (под кого-нибудь из премьер-министров берутся бюджетные кредиты, осваиваются и не возвращаются, списываясь на внутренний долг. Это означает, что премьер-министр деньги освоил — построил виллу или завод открыл, а долг возвращать придется налогоплательщикам). Существующий институт внутреннего долга — это тоже одна из форм наполнения президентского бюджета. Получается двойное налогообложение: из бюджета берутся деньги, которые взяты у налогоплательщиков, деньги осваиваются и записываются на налогоплательщиков еще раз. Таким образом, народу приходится вторично оплачивать то, что освоили наши премьеры, вице-премьеры, министры и чубайсовские собственники, так называемые эффективные инвесторы. Всю убыточность предприятий этих собственников списывают на внутренний долг. Внутренний долг растет, растет и внешний. Берутся и осваиваются кредиты. Кредиты, которые берутся в МВФ под реформы, не идут ни на развитие страны, ни в экономику, ни на инвестирование. Эти кредиты идут на содержание, поддержание и упрочение власти и на формирование собственности бизнеса власти. Власть эти деньги проедает, частично вкладывает в свои производства, а на общество записывается внешний долг — 140 миллиардов долларов...

Понятно, что государство заинтересовано в том, чтобы быть «крышей» для крупных налогоплательщиков, и в организации больших финансовых потоков, текущих прямо в президентский бюджет. Понятно, что в том же самом заинтересованы владельцы крупных предприятий и целых отраслей. А как в этом отношении обстоит дело со средним и мелким бизнесом? Как ему удается выживать? За счет чего? Существует ли по-прежнему позволяющая уходить от налогов система криминальных крыш? И насколько ситуация вообще благоприятна для развития нашей отечественной промышленности?

До дефолта 1998 года малый и средний бизнес существовал в том полутеневом режиме, о котором я уже говорила. Все, кто выжил на этом рынке, выжили не в результате конкуренции, а в результате бандитского раздела сфер влияния и взаимоотношений с властью и налоговой полицией. Выжившие приспособились к условиям полулегального существования, смысл которого заключался в том, что минимально возможная часть доходов показывалась и перечислялась по налоговым каналам, а остальная часть доходов из-под налогообложения уводилась. Это позволяло малому бизнесу сводить концы с концами. Никаких серьезных накоплений капиталов для развития среднего и малого бизнеса не осуществлялось, потому что даже если в результате производственной деятельности такой капитал возникал, его нельзя было показывать. Инвестирование в строительство коттеджей происходило, но сразу становилось достоянием налоговых органов, и деньги, которые зарабатывались в этом секторе, приходилось так или иначе укрывать. Невозможность легализовать доходы, естественно, становилась фактором, который сдерживал развитие предпринимательства. Так продолжалось до дефолта. Затем ситуация изменилась.

С 1991 по 1998 годы при формировании государственной экономической политики так или иначе, в той или другой форме и степени, но все-таки постоянно учитывались программы, разработанные при участии Гайдара, Чубайса, института Гайдара и всей этой команды. Август 1998 стал переломным

моментом. Он определил конец гайдаровских либеральных реформ и периода трансформации экономики в сторону рынка. Начиная с августа 1998 года, в России произошел переход власти в руки спецслужб.

Первой парой были Примаков и Маслюков. КПРФ к этому времени приготовила весь пакет законов, программ, постановлений, в соответствии с которыми могла начинать осуществляться реставрация социализма. Это называлось усилением роли государства для наведения порядка, обозначалось как введение планового начала в хозяйственную жизнь, установление контроля над ценами, составление долгосрочных программ развития и т.д. Неважно, какие это были документы, важно, что они были изготовлены в Думе и Совете Федерации и частично приняты соответствующими постановлениями. Премьером же стал Примаков — человек из спецслужб, которому, судя по всему, были даны определенные директивы, что и как следует делать.

Вначале, правда, это все казалось незаметным. Многим очень понравилась стабильность, которую намеревался установить Примаков. Но после августа 1998 года в России произошли перемены, которые вряд ли можно назвать стихийными. Прежде всего прекратили свое существование т.н. «уполномоченные банки», которые составляли основу системы коммерческих банков, деливших финансовую власть с Центробанком и игравших на политической сцене роль банков-олигархов. Власть оказалась перед выбором: или поддержать в соответствии с формулой об усилении экономической роли государства в хозяйственной жизни страны коммерческие банки, с помощью которых она на протяжении последних лет перекачивала деньги из сферы общественного производства и потребления в «президентский бюджет». Или разорить в соответствии с либеральной формулой о банкротстве неконкурентноспособных. Власть выбрала второе. Она ничего не сделала для того, чтобы обеспечить проплату долгов населению через эти банки и чтобы сохранить их статус и их положение на рынке. Были ликвидированы практически все крупнейшие банки — СБС-Агро (Смоленский), Мост (Гусинский), Менатеп (Ходарковский), Инкомбанк (Виноградов), Онэксим-банк (Потанин, Прохоров и т.д.) и др., которые играли вместе с Центральным банком — фактически с властью — в ГКО и на этом обогатились, ибо участие банков в воровстве национальных ресурсов и финансовых средств через пирамиду ГКО было оплачено теми огромными доходами, которые они имели по установленным процентам. Теперь же их убрали с политической сцены как олигархов, претендующих на политическую власть, и одновременно как банкиров. Кроме этого была ликвидирована большая сеть средних и мелких коммерческих банков. В результате выжило лишь незначительное количество банков — как правило, хорошо контролируемых властью и Центробанком. Ручных банков. Лояльных банков. Среди них — Альфа-банк (Авен), Внешторгбанк (Тулин), Банк Москвы (Бородин) и др. Часть из них вовремя слили свои ценные бумаги, другие (Банк Москвы) были поддержаны властью.

Таким образом коммерческая часть банковской деятельности фактически была ликвидирована. Это первое. Подчеркну, впрочем, что я просто констатирую факт и не берусь ответить, случилось ли эта ликвидация одних и поддержка других стихийно или по предварительному сценарию. Но ведь очевидно

вместе с тем, что правительство Примакова вполне могло поставить задачу сохранить коммерческую систему банков как необходимый элемент рыночной экономики. И тогда должны были бы последовать определенные действия, которых, однако, так и не последовало. Но могла быть поставлена и цель частично ликвидировать, а частично ослабить эту систему, не объявляя ни причин, побудивших к этому, ни того, что это делается целенаправленно. И то, что реально произошло, вполне укладывается именно в этот сценарий.

Второе. Сразу же после августа 1998 года в производственной сфере и в сфере услуг начались массовые банкротства и вымывание с рынка среднего и мелкого предпринимательства. В результате дефолта практически все коммерческие структуры (а они все работали в основном в долларе) были выкинуты с рынка после того, как доллар с 6 поднялся за несколько приемов до 24 рублей. И владельцы мелких и средних фирм, как и выкинутые на улицу банковские работники — т.е. нарождающийся «средний класс» — пополнили рынок труда, оказавшись без работы, без сбережений и без перспектив восстановиться и продолжить свое существование на предпринимательском поприще.

Правительство Примакова могло поставить перед собою задачу на ближайший год — восстановить этот сектор, помочь ему. Коль скоро на всех углах кричали о растущей роли государства в нашей смешанной экономике, о том, что государство должно вмешиваться, помогать, регулировать, планировать, стимулировать и т.д., тут ведь ему, казалось бы, и карты в руки: помочь ограбленным властью людям сохраниться на рынке и выйти из кризиса — пусть с потерями, но все-таки с перспективой выживания. Однако и этого сделано не было.

А чем государство могло помочь?

Существует множество видов государственной помощи: льготными кредитами, радикальным снятием налогового бремени, реструктуризацией либо списанием долгов и так далее. В руках у власти сосредоточено много инструментов, ни один из которых я вообще-то, в принципе, не поддерживаю, потому что считаю, что такое регулирование сродни регулированию гаишника у светофора: светофор исправно работает, а потом появляется гаишник, который начинает вносить собственные коррективы, и в результате десятиминутная «пробка» превращается в часовую. Но в критической ситуации дефолта, когда большое количество высоко стоящих во власти людей скопили на ГКО свои бешеные состояния, а едва нарождающийся средний класс был практически ликвидирован, такие меры были бы оправданны. И это было бы сделано, если бы в этой ситуации к власти пришли не спецслужбы со своими определенными целями и задачами, а реформаторы, заинтересованные в экономическом развитии страны и в преодолении кризиса — причем кризиса, искусственно созданного руками самой же власти, в результате чего произошло кардинальное перераспределение средств. Ведь собственность и финансы тех, кого выкинули с рынка, были кем-то получены, кто-то на этом очень хорошо обогатился. Средний класс был ликвидирован, а высший класс еще приумножил свое благосостояние, хотя существовали возможности (и, по крайней мере, могли быть проявлены хоть какие-то намерения и попытки в этом направлении) с помощью государства, а также посредством кредитов МВФ, которые тогда все еще нам давали, поддержать российское предпринимател-

ство — не монопольное, не олигархическое, а мелкое и среднее. Но этого тоже сделано не было.

Таковы первые два прямых последствия организованного дефолта — ликвидация части коммерческой системы банков, централизация финансов в Центробанке, подконтрольность всех уцелевших банков центральному и ликвидация большей части малого российского бизнеса (как писали тогда, выжило примерно 20-30 %). Что это такое? Несомненно: централизация в руках властей собственности, власти и капитала.

Следующий постдефолтовский этап был связан с пробой Степашина на роль премьера и кандидата в преемники Ельцина. Опять спецслужбы. Но Степашин по каким-то причинам не подошел — то ли оказался слишком мягким, то ли не понял задач, перед ним поставленных. В результате перестановок он оказался во главе Счетной палаты — органа, который по своему статусу должен был контролировать расходование государственных финансовых средств. Основной функцией Счетной палаты был контроль за деятельностью Центробанка и Министерства финансов. Кармоков, возглавлявший Счетную палату с первого дня создания и до этого момента, худо-бедно, но осуществлял эту деятельность, постоянно направлял соответствующие «дела» в Думу, в Совет Федерации, в Прокуратуру, доводил информацию о нецелевом использовании бюджетных средств до общественности, а его заместитель Болдырев периодически ее озвучивал. Обвиняя Кармокова в заигрывании с коммунистами,, власть всячески блокировала прохождение этих дел. Но тем не менее работа по выявлению злоупотреблений в финансовой сфере все же и все те финансовые злоупотребления, которые осуществлялись через Центральный банк и Министерство финансов, отслеживались. Документы эти были, Кармоков их представлял. С заменой Кармокова на Степашина поток разоблачительных дел практически прекратился. Это означает, что спецслужбы взяли в свои руки контрольный институт, который, по функциям своим, должен был отслеживать «президентский бюджет», траты на третьи нужды и т.д.

После того, как попробовали Степашина на премьера и отказали ему в этой роли, был избран человек уже чисто из КГБ — молодой, активный, со стопроцентно кагэбэшной карьерой — Владимир Путин. Таким образом спецслужбы получили президентскую власть и объявили в качестве главного направления реформ первого года укрепление вертикали государственной власти. Здесь нужно сразу сказать, что уже и в результате гайдаровского реформирования экономики, собственности и власти мы оказались в смешанной системе не только экономической, но и собственно системной. Это означает, что во главе страны оказались разгосударствленные, коммерциализированные, занятые предпринимательством правительство и власть. Та власть, которая существует у нас сейчас, декларативно выступает только от имени государства. Но фактически она несет в себе одновременно две функции — с одной стороны, государственную, а с другой, все наши государственные мужи заняты той или иной формой бизнеса. Военные торгуют оружием, практически все министры экономического блока, все вице-премьеры имеют свои экономические вотчины, где занимаются накоплением своего капитала. И это не потому, что они плохие. Просто таков системный принцип российской смешанной экономики

переходного периода. Сама реформа была направлена на обеспечение симбиоза власти и бизнеса, и именно поэтому и произошло объединение государственной функции и коммерческой функции власти.

Заявление об укреплении вертикали государственной власти можно и должно было прочитать поэтому как заявление об укреплении власти разгосударствленной, коммерциализированной, имеющей свой частный коммерческий интерес. Отсюда ясно, почему Путину потребовалось ослаблять Совет Федерации (что было сделано в первую голову), создавать Конституционный совет и убирать из власти наиболее активных губернаторов. Потому что Совет Федерации — это конкурирующая структура власти, напрямую зависящая от избирателей и несущая ответственность на местах за экономическое и социальное положение в своих регионах. Поэтому необходимо было ослабить губернаторов как власть, отправить их подальше из Москвы и назначить представителей, подконтрольных и центральной власти, и — частично — самим губернаторам. И реформа Совета Федерации, на мой взгляд, — ослабление этой ветви власти. Это первая особенность заявленной реформы власти.

Второе — это создание в Государственной Думе партии «Единство», которая обозначает себя как правительственная. Это партия, в основном состоящая из номенклатурных людей, в большинстве своем либо имеющих прямое отношение к спецслужбам, либо военных. Таким путем власть фактически установила свой контроль над законодательством.

Сделать подконтрольной Думу, ослабить Совет Федерации — вот первые два действия произведенной политической реформы. Третье же действие связано с захватом СМИ. Финансовые потоки подконтрольны, накопление промышленного капитала тоже подконтрольно, законодательная власть — ручная, исполнительная власть — прежняя и своя; подчинение СМИ естественно является следующим логическим шагом в этой цепочке. И история с НТВ — это наступление на свободу в этой сфере, потому что на свободу финансового капитала и промышленного капитала уже наступили.

Обратимся, наконец, и к Посланию президента, где сказано, что в первый год проведено все перечисленное (только все названо с положительным знаком) и укрепилась власть (что они в действительности и сделали — укрепили свою собственную власть). А дальше в этом Послании содержатся два пункта, прямым текстом говорящие, что, во-первых, время революций, реформ и радикальных изменений и преобразований закончено Это означает, что власть официально объявила окончание либерально-демократической реформы, начавшейся в 1991 и закончившейся в день, когда было объявлено Послание.

Окончание реформы, которой на самом деле и не было

Да, настоящей либеральной реформы в России не было. Но тем не менее был исторический этап, который назывался этапом реформирования системы. Теперь же власть официально заявила, что система реформирована и нужно сохранять ее status quo. И это означает, что как не было в России настоящей либеральной реформы, так в обозримом будущем ее и не предвидится. В результате мы и сегодня имеем ту смешанную экономику, которая возникла на гайдаровском реформировании и которая, по моему разумению, настолько нежизнеспособна, что никаких возможностей для экономического роста, для развития

страны, для преодоления хозяйственного и финансового кризиса у нас сегодня не существует. И все попытки, которые на протяжении ближайших лет будут делаться властью для поддержания этой ситуации в состоянии status quo, все действия правительства в этих условиях реальных успехов не принесут. Так что власть вынуждена будет делать следующие шаги лишь в сторону реставрации административной системы управления экономической жизнью.

Это вопреки тому, что написано в президентском Послании о либерализации?..

В отличие от Отто Лациса или Андрея Илларионова, которые назвали этот текст замечательным, я ничего нового там не увидела и не услышала, потому что все гайдаровские программы на уровне слов тоже были либеральными. Либеральная фразеология всегда присутствовала в официальной политике в полном объеме, и намерения проводить либерально-демократические реформы на протяжении последних лет объявлялись во всех программах. Так что с этой точки зрения Послание не несет в себе никакого нового элемента. Просто либеральная фразеология играет уже в чистом виде роль камуфляжной присказки — вроде той, что была прежде, когда везде и всюду говорилось, что мы строим коммунизм. И считаю я так потому, что Путин сам заявил о том, что не следует трогать собственность, не надо осуществлять ее передел. А это значит, что власть намеревается сохранять status quo с помощью тех собственников, которые уже есть. Но всем известно, что в рыночной экономике движущим фактором, источником развития и роста является именно постоянное перераспределение собственности — банкротство одних, переход собственности в другие руки, ликвидация предприятий, уход одних предприятий с рынка, появление там других, слияние предприятий, разделение крупных на более мелкие и т.д. и т.п. Движение собственности — это и есть показатель рыночной экономики.

Таким образом, оба заявления — о том, что реформы завершены, и о том, что движение собственности прекращается и мы начинаем жить в условиях стабильности, — и говорят о том, что, по логике экономической жизни, власть будет вынуждена предпринимать дальнейшие шаги по усилению административного элемента в хозяйственной жизни. И в конце концов она вынуждена будет прийти к тем основам экономической жизни, которые сформировались в результате длительного и мучительного процесса строительства социализма, когда на протяжении долгих десятилетий осуществлялся отбор средств и способов управления, форм существования экономической системы, которая обеспечивала бы каждому его маленькую долю, некоторую стабильность в обществе и воспроизводство — пусть на невысоком уровне, но все-таки воспроизводство — и экономический рост. Основной мой тезис и заключается в том, что в той системе собственности, в той системе экономических отношений, которые возникли, и в той правовой базе, которая была создана под реформирование, для обеспечения хозяйственного и экономического роста потребуется усиление административных мер. Таков мой прогноз.

Значит, если говорить о чисто экономической схеме, все это выразится в том, что будет происходить еще большее сращение государственной власти с крупными монополиями?

Да. Знакомый социалистический способ — когда были ВПК, АПК, когда все было по комплексам и когда была централизованно управляемая милитаризованная экономика, при которой ресурсы всего общества направлялись на создание военной индустрии, обеспечивавшей рабочими местами и заработной платой все население страны. Определят ли спецслужбы, что у нас опять военная индустрия, и новый виток перевооружения и участие в гонке вооружения опять станут основным направлением деятельности страны (и тогда средства, которые сейчас растекаются по всем каналам и утекают за границу, будут принудительно мобилизованы, конфискованы и направлены на военное строительство), либо эту мобилизационную функцию будут выполнять какие-то гражданские отрасли, я сказать не берусь. Не знаю, что будут стимулировать и формировать власти — группу А или группу Б, но, учитывая их ведомственную принадлежность, есть основания предположить, что это будет военная индустрия. Туда будут направляться ресурсы, там будут создаваться рабочие места. Естественно, цены будут фиксированными (никаких свободных цен на торговлю оружием в условиях смешанной российской экономики быть не может), так же как фиксированы цены на энергоносители, на сырье...Власти могут называть это свободными ценами, имея в виду, что кому-то разрешат делать надбавки к ценам, повышать их при торговле на западном рынке. Таким образом будет формироваться система, которая через некоторое время будет иметь самое отдаленное отношение к тому, что в учебниках по экономике называется «системой свободных цен»...

И наконец, государственные финансы. Откуда эта власть будет брать деньги? Та власть получала деньги через ГКО, через каналы внебюджетных фондов, всякого рода манипулирование бюджетными деньгами и через внешние займы...

Нефть?

Естественно. Неучтенная продажа нефти (неучтенная — для общественных финансов и для общественного бюджета) — один из источников наполнения «бюджета президентского». Ну, а другие? Поэтому возникает вопрос, откуда еще власть будет брать деньги на новом этапе. В этом году проблема решалась так: бюджет был принят таким образом, что вся дополнительная часть доходов, которая должна была возникнуть в результате благоприятной экономической конъюнктуры и высоких цен на нефть, должна была поступить в «президентский бюджет», в распоряжение власти. Так как еще не совсем ослабленный Парламент и Дума подняли по этому поводу шум и потребовали распределить эту часть денег, власть была вынуждена в этой ситуации пойти на публичное обсуждение, на что будут потрачены умышленно не учтенные в бюджете деньги.

Таков был бюджет 2001 года. В президентском Послании Путин напрямую сказал, что бюджет нужно разделить на две части. Теперь официально будут приниматься два бюджета: один — тот, через который будут распределяться средства на финансирование обычных бюджетных статей расходов, и другой — тот, который будет обеспечиваться за счет благоприятной экономической конъюнктуры и дополнительных источников, и распоряжаться которым будет правительство без контроля Государственной Думы. Думе будет предложено принимать или не принимать тот бюджет, который ей будет предоставляться, а второй станет легальной формой наполнения «президентского бюджета», че-

рез который, как заявляет власть, будет осуществляться развитие страны, будут проводиться разного рода программы развития.

Таким образом, происходит новое административное распределение бюджетных средств на две части: одна — для общества, вторая — для власти. И «президентский бюджет», который до сих пор был нелегальным, сохраняя в прежнем объеме нелегальные формы своего пополнения, еще берет на себя и легальную часть денег, которыми будет распоряжаться по собственному разумению. На что пойдут эти деньги? Оптимист, верящий декларациям власти, повторит: на развитие страны, стимулирование экономического роста и поддержку предпринимательства. Я же скажу: на содержание государственного коммерциализированного сектора экономики, получающего наиболее высокие прибыли для достижения тех целей, которые будет ставить перед собой власть. Выскажу предположение, что это будут имперские цели.

Таким образом, бюджет из криминально-президентского перейдет в государственно-имперский.

Криминально-государственно-имперский?

Не знаю. Не поручусь за то, что он останется криминальным. Почему я и говорю, что движение будет происходить в сторону централизации финансовых и всех остальных потоков, потому что спецслужбы не заинтересованы в криминальном добывании денег. Они хотят получать их легально, как получали их в период социализма, когда все средства были государственными, когда государство полностью контролировало каждый рубль, зарабатываемый в СССР, и само распоряжалось и разделяло средства по своему разумению: на группу А — много, на группу Б — чуть-чуть; властным структурам — больше, населению — по минимуму. Социалистическая логика ведет к тому, чтобы доля средств, полностью контролируемая государством, становилась больше, а доля средств, контролируемая общественностью и тратящаяся на общественные нужды, — меньше. Так что свободными цены останутся только на социальную сферу — образование, медицинское обслуживание и т.п.

Приходится признать, что жизнь развивается по сценарию, который Вы прописали еще два или три года назад, когда Вы говорили о неизбежности возвращения России к каким-то формам тоталитаризма. Вы даже говорили тогда, помнится, что в России может произойти что-то вроде заговора молодых генералов, которым надоела псевдокапиталистическая вакханалия и у которых происходящая в стране криминализация вызывает сопротивление; что среди военных и представителей спецслужб — людей, которые напрямую не завязаны в коммерциализации, а патриотические чувства которых задеты тем, что страна унижена и отодвинута назад, — может произойти сговор, и эти люди начнут забирать в руки власть и пытаться повернуть страну, уже учитывая все, что мы прошли. Может ли начаться «ползучая реставрация», которую они проведут как своего рода спецоперацию?

Конечно. И начнут ее именно как борьбу с коррупцией, с криминалом.

У вас нет ощущения, что именно это и происходит?

Пока еще нет. Пока что они просто берут власть.

Но если ситуация определяется тем, что к власти пришли спецслужбы и, перепробовав многое, остановились на Путине, то ради чего они пришли? Ка-

кую цель поставили изначально? Ведь Путина считают все-таки человеком ельцинской семьи, а семья эта откровенно криминализована. Видимо, на пост президента выдвигали человека, который должен был бы продолжить ту же линию, укрепить те же позиции

Нет, — человека, который гарантировано сохранит своим предшественникам жизнь, свободу и украденное, но одновременно человека, который будет проводить линию, которую я называю имперской.

Значит, был какой-то нажим на ельцинскую семью со стороны каких-то других сил?

Я думаю, что вообще не симпатиями Ельцина определялся выбор именно Путина. Он был выбран спецслужбами как наиболее подходящая фигура — молодой разведчик, полностью управляемый...

Значит, существует все-таки какой-то теневой кабинет?

Вне всякого сомнения. И существует стратегия — какая, сказать не могу. Точно знаю, что это не либеральная стратегия и не интеграция в Европу и Америку, не открытие страны для мира и не ориентация на принципы, по которым богател Запад. Но могу предположить, что это тот самобытный вариант удовлетворения имперских амбиций, который характеризуется такими словами, как «национальная гордость», «величие», «интересы России». И здесь очень четко просматривается апелляция к народу, к толпе. Пенсионерам повышается пенсия, а интеллигенция, которая еще что-то может говорить, ставится в условия выбора: хочешь быть богат и на месте, иди в услужение; нет — или уезжай, или замолкай. И та провокация, которая сейчас происходит с НТВ (а это именно провокация), показывает, что власть начинает игнорировать, обесценивать ту часть населения, которая называется интеллигенцией. Она опять превратится в прослойку, три четверти ее будут служить режиму и восхвалять власть, а оставшейся части дадут возможность уехать или просто перекроют воздух. К тому же, как мы знаем, при всех наших системах голос интеллигенции никак не воспринимается народом, он уходит в никуда. Как никто не слушал диссидентов, так и сегодня ситуация та же.

Итак, с одной стороны — совершается попытка играть на народ («Мы с народом решили, что нам нужен этот гимн и этот флаг» — кстати, восстановление символики и было одним из знаковых шагов в сторону реставрации). С другой, — полное игнорирование интеллигенции. Это коммунисты боялись слова, боялись недовольства народа, потому так и возились с диссидентами, досконально выясняя, кто и что сказал. За прошедший период и страх слова, и страх народного возмущения совершенно пропал у власть имущих. Они дали возможность выговариваться всем, кому угодно, и все годы не снимали «Кукол» или «Итогов», показывая, что им это безразлично. По принципу: «А Васька слушает — да ест». Прямые разоблачения, доказательства коррупции, если не обращать на них внимания, оказались ровно ничего не значащими. И еще в одном они убедились: люди, прошедшие всю историю лагерей, физического уничтожения, всю сталинскую мясорубку, всю брежневскую борьбу с инакомыслием, не знают ничего более важного, чем чисто физическое выживание. Что русский народ абсолютно управляем и более важных целей, чем наличие работы и еды для детей, для него не существует. Так что власть хорошо знает, что ей не грозят

ни народные бунты, ни слово, ни демократическое движение. Последнее они разложили и уничтожили в зародыше. Едва оно стало формироваться, как туда немедленно были направлены люди из тех же самых спецслужб, которые его разделяли, растворяли, компрометировали и дискредитировали.

Кстати, колоссальную роль в ликвидации демократического движения сыграли опять же «Выбор России», Гайдар и вся его команда. Было общенациональное демократическое движение «Демократическая Россия», потом появился «Выбор России», и туда перешли все люди, ждавшие реформ и желавшие быть поближе к власти. «Демроссия» стала тощей и незначительной, ее лидеров тоже стали не пускать, дискредитировать и компрометировать. Некоторых сильных людей типа о. Глеба Якунина или С.Ковалева взяли во власть, вышибив таким образом из потенциальных народных трибунов. В результате лидеры становились все мельче и мельче, а сама «Демроссия» стала делиться на еще более мелкие группы, в конце концов объединившиеся в «Союз правых сил», который превратился в конформистский отряд власти спецслужб. Эту функцию «правые» теперь и несут. Они очень хотят оставаться во власти и работают на эту власть. Против чего-то они, конечно, протестуют, создавая видимость оппозиции. Но на самом деле осколок демократического движения, который институциализирован в «Союзе правых сил», к демократическому движению уже не имеет никакого отношения...

Лариса Ивановна, позвольте в заключение попросить Вас представить себе такую абсолютно виртуальную ситуацию: что-то произошло, исчезло нынешнее правительство, не осталось никаких спецслужб, а Вас поставили премьер-министром, обеспечив полную юридическую и экономическую поддержку. Что бы вы сделали?

Думаю, что кто бы ни пришел сегодня к власти, из той ситуации, в которой оказалась Россия к началу нового столетия, положительного выхода нет. И все же, если бы такая задача передо мной встала, я предложила бы следующее: максимальный 30% налог на доходы, полное отстранение чиновничества от бизнеса (никаких разрешений — регистрация заявительным путем, через сберкассу), полная свобода купли-продажи собственности по рыночным ценам — на открытом рынке, как семечки продают; юридическая ликвидация всех монопольных финансово-промышленных образований и законодательно закрепленный запрет на участие государственных чиновников и членов их семей в предпринимательстве, как и запрещение для них владеть крупной собственностью (если ты государев человек, живи на государственную зарплату, и никаких коммерческих доходов!). Но все это — фактически революционные, системные изменения. К тому же это была бы новая реформа в гораздо худших условиях, чем она была возможна в 1992 году. Не говоря уж о том, что и вообще весь этот сценарий — чистая виртуальность. Поэтому обнадеживающих перспектив у страны на ближайшее десятилетие, с моей точки зрения, скорее всего просто не существует...

Игорь ВИНОГРАДОВ

ПАРАДОКС МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА, или Попытка исторической апологии последнего Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советского Союза*

1.

Феномен Михаила Горбачева принадлежит, несомненно, к числу исторических парадоксов. Причем — самых ярких, самых разительных в XX веке.

Горбачев пришел к власти в тот момент, когда многими и давно предсказанная обреченность Советского Союза на поражение в экономическом, а соответственно и в «холодном» (но совсем не обязательно «горячем») военном противостоянии Западу уже перестала быть всего лишь общим историческим прогнозом, хотя бы и на 100% верным. Она превратилась в непосредственную историческую актуальность.

Правда, даже большинству российских диссидентов, как признавались они потом, советский коммунистический режим еще и в начале 80-х годов виделся по-прежнему незыблемым, чуть ли не вечным. А уж о населении СССР и говорить нечего. Да, людям приходилось все туже затягивать пояса в ситуации не только вечного безденежья, но и катастрофически нараставшего тотального дефицита продуктов и товаров. Однако догадаться, что при всех сверхвозможностях мобилизационной социалистической экономики состояние дел и в военно-промышленном комплексе тоже становится все более безотрадным — тем более, увидеть в этом закономерное следствие общего загнивания системы, исчерпав-

Игорь ВИНОГРАДОВ — родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг «Проблемы содержания и формы литературного произведения» (1958), «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» (1962), «В ответе у времени» (1964), «Искусство, истина, реализм» (1974), «По живому следу. Духовные искания русской классики» (1986) и многих статей по проблемам эстетики, классической и современной русской культуры. С 1992 года — главный редактор «Континента». Живет в Москве.

* Расширенный журнальный вариант статьи, первоначально написанной для книги, посвященной 70-летию М.С.Горбачева («Многая лета... Михаилу Горбачеву — 70», М., 2001).

шей себя, — обыденному сознанию было не под силу. Слишком крепко была за годы советской власти вбита в наш советский менталитет горькая уверенность, что уж чего-чего, а чтобы танки и ракеты были у нас самые лучшие, дорогое наше миролюбивое государство непременно — за наш же счет — добьется.

Однако то, что реально стояло за все растущей нехваткой мяса, зерна, обуви и одежды и каким было действительное соотношение сил и конкурентных возможностей на мировой арене «холодной войны», очень хорошо представляли себе секретные и полусекретные аналитические центры соответствующих государственных служб. Так что и до Горбачева вождям нашим закрывать глаза на ситуацию было уже нелегко и они вряд ли могли тешить себя иллюзией, что на их век статуса «сверхдержавы» еще хватит. И что если потоп и начнется, то только после них. Увы, потоп грозил начаться уже не сегодня-завтра, увлекая за собою в бездну и их тоже. И им оставалось, я думаю, только молиться всем богам неба и земли, чтобы Запад не догадался, наконец, предпринять какие-то практические шаги, которые превратили бы теоретически неизбежную, но пока еще не реализованную перспективу грядущего поражения СССР в «холодной войне» в ближайшую реальность наступающего дня..

Но после того, как Рональд Рейган обнародовал свою знаменитую программу «звездных войн», означавшую новый колоссальный виток гонки вооружений, для советской экономики уже совершенно неподъемный, отпала и эта жалкая надежда. И сколько ни пытались мы сопротивляться американскому вызову, как ни усиливались столкнуть Рейгана с его платформы и как при этом ни блефовали (в том числе поначалу и Горбачев), американский президент был тверд и неуступчив. Видимо, он хорошо почувствовал глобальную значимость сложившейся ситуации как возможного поворотного момента истории.

И это во многом и решило дело. Руководству СССР пришлось-таки смириться с тем, чего ему долго и категорически не хотелось делать, но к чему вынуждала теперь абсолютная неспособность и без того уже надорванной социалистической экономики выдержать предложенную грандиозную гонку звездных вооружений. Стало ясно, что придется, во-первых, как-то выходить из той прямой конфронтации, которая лежала в основе стратегии холодной войны, основанной на паритетной равновеликости угроз, — теперь, с потерей возможностей для сохранения такого паритета, она просто утрачивала уже всякий смысл. И стало ясно, что придется, во-вторых, искать какие-то новые — кардинально новые — исторические пути для дальнейшего развития и самой нашей страны, что-то делать внутри самой нашей системы, дошедшей, как говорится, «до ручки». Иначе уже в самом недалеком будущем СССР ожидала незавидная перспектива превратиться в окончательного аутсайдера мирового процесса, неспособного обеспечить даже и свою собственную, не говоря уж о всем *соцлагере,* национальную безопасность.

Но как было ко всем этим задачам подступиться, какие пути искать?

Вот это-то и выпало решать Горбачеву, который очутился, таким образом, в очень сложном и далеко не свободном положении.

С одной стороны, ему просто некуда было деваться — он был обязан, был в ы н у ж д е н действовать. А такая ситуация психологически всегда ма-

лоприятна, и, я думаю, он дорого дал бы, если бы ему была дарована хоть малейшая возможность как-то отодвинуть американский вызов и хотя бы еще несколько лет ничего существенного не предпринимать. Но такой возможности предоставлено ему не было, и вот почему в известном смысле Рейгана тоже можно назвать Отцом нашей Перестройки.

Однако, с другой стороны, решать, что именно делать в стране и со страной в рамках сложившихся реальных условий, которые приобрели характер неотвратимого исторического запроса, выпало все-таки именно Горбачеву. Никакой Рейган за него этого сделать не мог, и то пространство и с т о р и ч е с к о й с в о б о д ы, которое оставляла для принятия каких-то решений сложившаяся катастрофическая ситуация, предстояло осваивать ему и только ему. А здесь, как нетрудно понять, он мог выбрать очень разные пути. В том числе — и очень далекие от какого-либо поворота в сторону свободы и демократии. Во всяком случае — в политической сфере.

Однако, как мы знаем, он выбрал именно тот путь, который выбрал, — путь падения Берлинской стены, путь Перестройки. А это значит, что тем самым все-таки именно он, а не кто-то другой, положил начало и всей той содержательно совершенно новой исторической эпохе в жизни нашей страны и всего мира, в которой мы сегодня живем. Потому что первый — и уже необратимый — толчок к рождению и развертыванию этого нового ее содержания был задан именно Перестройкой.

Но если это так и если в большом историческом масштабе суть этой новой эпохи состоит, несомненно, ***в решительном крушении социализма в нашей стране и в странах распавшегося соцлагеря,*** то из этого, в свою очередь, неотвратимо следует, что, стало быть, ***именно Горбачев,*** а не кто-то другой, и ***положил начало этому краху социализма, вызвавшему столь значимые, поистине эпохальные сдвиги и перемены во всем мире.***

В этом и состоит парадокс Михаила Горбачева — парадокс, давно уже зафиксированный и обозначенный аналитиками самых разных школ и направлений, но, кажется, в своей глубинной сути так еще до конца и не уясненный. Между тем уже сама его разительность, даже причудливость ставят нас перед целым рядом достаточно любопытных вопросов, имеющих далеко не локально-исторический характер. И потому есть смысл еще раз всмотреться в этот парадокс. И как можно внимательнее.

2.

Сам по себе, в своем конкретном историческом содержании, парадокс Михаила Горбачева давно уже, повторяю, обозначен и вполне очевиден.

Действительно — разве нам так уж трудно ответить на вопрос о том, хотел ли сам Горбачев, чтобы с социализмом было, наконец, покончено?

Да ни в малейшей мере. Мы прекрасно знаем, что так называемую Перестройку, приведшую в конечном итоге к краху социалистической системы, начал человек, искренне преданный идее социализма, убежденный в коренных исторических преимуществах социалистической системы и свято веривший в то, что затеянная им Перестройка именно и приведет к ее расцвету и укрепле-

нию. Так что история действительно продемонстрировала на его примере — и в который уже раз! — свою поразительную способность добиваться даже самых эпохально значимых своих результатов самыми, на первый взгляд, не подходящими для этого, неожиданными и даже парадоксальными средствами. Чтобы похоронить советский социализм и покончить с социалистическим лагерем, она выбрала человека, ни сном ни духом не только о том не помышлявшего, но, напротив, всем сердцем жаждавшего противоположного!

Мало того, — оглядываясь сегодня назад, нельзя не признать, что Горбачев достиг этих парадоксальных для самого себя результатов способом, который из всех возможных был едва ли не самым быстрым и эффективным. То есть, другими словами, наиболее для нашего «реального социализма» разрушительным. Ибо этот социалист и марксист, этот искренне стремившийся к процветанию и укреплению своей социалистической страны Генеральный секретарь ее Коммунистической партии, этот верховный жрец ее «руководящей и направляющей силы» сразу же сделал то главное, что не только никак не могло укрепить советскую социалистическую систему, но, напротив, должно было положить начало именно стремительному и необратимому процессу ее тотального изнутри разложения. И, в конце концов, развалить ее до основания.

В самом деле: Горбачев начал, как все помнят, свои реформы с того, что провозгласил г л а с н о с т ь. И — наряду с начатками рыночной экономики (вполне, впрочем, допустимыми даже и в общих рамках господствовавшей социалистической экономической системы) — даровал стране г л а в н е й ш у ю из п о л и т и ч е с к и х с в о б о д — с в о б о д у с л о в а. Однако чем же еще и мог обернуться для СССР этот дар, если не сокрушительным ударом именно по самой главной, стержневой конструкции всего социалистического устройства нашей советской «Трои»? Ведь основана-то эта конструкция была как раз на тотальной н е с в о б о д е советского общества — на всех тех государственных, психологических и социальных ее формах, в какие только можно было втиснуть ту или другую область жизнедеятельности общества.

На, как сказал бы Достоевский, «чуде, тайне и авторитете» невиданной в мире Партии, почти мистическое всемогущество каждого Слова и Дела которой приводило в трепет и лихорадочное движение миллионы.

И на выстроенном ею всеохватном механизме административно-командного управления каждой клеточкой общественного организма, будь то производство или распределение хлеба и обуви, количество метров жилья на живую душу или регламентация того, что можно, а чего нельзя слушать, видеть или читать советскому человеку.

На жестокой дисциплине безусловного подчинения «социалистическому образу жизни», за нарушение которого даже в лучшем случае грозил по меньшей мере тотальный общественный остракизм.

И на куда более страшном прямом насилии карательных и тайных служб, проникавших своими щупальцами во все поры общества и неукоснительно давивших любую попытку сколько-нибудь серьезного противодействия установленному регламенту.

На немоте и страхе перед этим железным молохом подавления любого инакомыслия, не говоря уж об инакоповедении.

И на множестве других таких же форм несвободы, которые в совокупном своем сцеплении как раз и составляли стержневой остов всего советского общественного организма — от экономики до идеологии, от права до быта.

Свобода слова, выпущенная Горбачевым на свободу, и в самом деле просто не могла, таким образом, не сломать именно сам этот совершенно ей чуждый, совершенно антиприродный ей х р е б е т советского социализма. Что она и сделала, сорвав с системы покровы лжи, разоблачив ее страшные и постыдные тайны, обнажив ее экономическую несостоятельность и развеяв ее сакраментальные исторические мифы. Более разрушительного орудия для советского «реального социализма» поистине не могло бы, наверное, нафантазировать никакое воображение! И это настолько очевидно, что сегодня, когда очевидность эта уже для всех, кажется, стала очевиднее очевидного, наивный внеисторичный разум встает просто втупик перед вопросом о том, как же Горбачев и его коллеги не разглядели такую простую, казалось бы, вещь. Как пошли они на то, что должно было просто смести социализм — и их вместе с ним? Как не сообразили, что свобода для социализма пострашнее атомной бомбы? А вот нате-же! Именно сам верховный правитель и жрец советской социалистической Трои и оказался тем данайцем, что принес ей самый страшный для нее дар...

3.

Но это сегодня мы все такие умные.

Почему Горбачев это сделал?

Да потому, что и он, и его ближайшие сподвижники были ***шестидесятниками*** — людьми той оттепельной хрущевской эпохи, которая их создала и выпестовала. А эпоха эта совсем не случайно срослась в нашей исторической памяти с именем, которое было намертво прикреплено позднее к идеологии шестидесятничества Пражской весной — ***социализм с человеческим лицом.***

Конечно, в более широком смысле ***шестидесятники*** — это вообще все то поколение (очень разного возрастного спектра), которому пришлось так или иначе отвечать на острейшие вопросы своей эпохи, приоткрывшей завесу над нашим прошлым и ослабившей контроль над мозгами. И в этом поколении отнюдь не все, задумываясь, к примеру, о природе советской власти, о Сталине и сталинском социализме или о том, какие жизненные и духовные ориентиры способны удовлетворить главные, глубинные запросы личности, искали решение этих проблем на мировоззренческих путях, обнимаемых формулой ***социализм с человеческим лицом.*** Не говоря уж о тех, кто не просто шкурно, но и по убеждению держался за старое, немало было уже и в те годы даже и таких шестидесятников, кто вообще не верил ни в какой социализм, а видел спасение страны лишь в возвращении на общемировую дорогу либеральной экономики и так называемой «буржуазной демократии». Другие пока еще очень исподтишка, но поговаривали и о монархии, третьих и тогда уже сильно занимали не столько политические, сколько личностно-религиозные искания. Короче, спектр и вопрошаний, и ответов на «проклятые вопросы» социального и

личностного бытия, вызванные к жизни новой эпохой, уже и тогда был достаточно широк.

И все же, повторяю, совсем не случайно термин «шестидесятничество» в своем содержательном наполнении так прочно сросся в нашем восприятии именно с идеологией «социализма с человеческим лицом». Что ни говори, а шестидесятников, исповедовавших эту социалистическую религию, было подавляющее большинство. И именно она, эта религия, и составляла поэтому г л а в н у ю, т и п о л о г и ч е с к у ю суть шестидесятничества — эта, при всех частных расхождениях, общая и святая вера большей части поколения 60-х гг. в то, что ***истинный*** социализм без полной демократии невозможен, что только тогда, когда он обручен с реальной свободой всякой личности, он обретает действительно ***человеческое лицо,*** становится свободным содружеством свободных людей, совместно и свободно управляющих всем своим материальным и духовным достоянием.

Конечно, и шестидесятники, исповедовавшие религию *человеческого социализма*, тоже были разными. Даже очень разными. Одних шестидесятническая их судьба в 68 г. привела на Красную площадь, другие, используя приоткрывшиеся цензурные щели, пытались донести до общества свою шестидесятническую социалистическую правду через страницы легальной печати, третьи отправляли свои прозрения на Запад, четвертые вели вдохновенные политические и мировоззренческие дискуссии главным образом на своих шестидесятнических кухнях, вырабатывая свою и своего окружения внутреннюю экзистенциальную позицию...

Но были в этой генерации *шестидесятников-социалистов с человеческим лицом* (охватывавшей, повторяю, очень широкий возрастной круг) и те, кто или уже осваивал лабиринты власти или впервые устремлялся туда, избрав для себя путь прямой партийно-комсомольской или государственной служебной карьеры. Разумеется, основную массу даже и молодых, не говоря уж о заслуженных волонтерах власти, даже и в тогдашнее оттепельное время (и уж тем более потом, в так называемое застойное) составляли те, кто никакого отношения к социализму с человеческим лицом не имел — как, скорее всего, не имел никакого отношения и вообще к каким-либо мировоззренческим устремлениям, заменяя их чисто карьерными. Но ведь и вообще в поколении, формировавшемся в шестидесятые годы, процент тех, кого мы действительно вправе относить к и д е й н ы м шестидесятникам, был вовсе не так уж велик. И уж совсем мал он был, естественно, в карьерной группе.

Но он все-таки был, и Михаил Горбачев, несомненно, входил в этот круг людей.

Я не был знаком с ним в те годы, когда, как и он, учился в Московском Университете, хотя мы бегали по одним и тем же коридорам и он окончил свой юрфак всего лишь на два года позже, чем я свой филологический. Но я знал многих своих и его однокашников с гуманитарных факультетов, тоже избравших позднее путь во власть. Например, — Лена Карпинского, сделавшего в свое время немалую партийно-комсомольскую карьеру, вершиной которой стал пост второго секретаря ЦК ВЛКСМ. Или комсомольского секретаря юрфака Анатолия Лукьянова, одного из ближайших в будущем соратников Горбачева, так постыдно его впоследствии предавшего. Но и тогда, в университете, и многие годы

позже они не случайно были вместе, и я хорошо помню дух и настроения тех студенческих университетских кругов, из которых они вышли.

Понятно, что путешествие во власть не могло не отразиться на их духовном складе и нравственно-психологическом облике. И отнюдь не в лучшую сторону, — по крайней мере, в сравнении со многими из тех, кто избрал в те же шестидесятые годы иные пути. И я, хорошо помня Лена Карпинского— аспиранта МГУ, хорошо помню и то, как всего через несколько лет секретарь ЦК ВЛКСМ Лен Карпинский выдворял нас с Александром Лебедевым из редколлегии журнала «Молодая гвардия», в которую за полгода до того мы вошли с надеждой превратить журнал в одну из легальных трибун шестидесятничества. И почти искренне убеждал нас в том, что Всеволод Анисимович Кочетов, главный редактор знаменитого в те годы сталинистского «Октября», вовсе не такой уж консерватор и сталинист.

Тем сильнее, конечно, должна была сказаться на Михаиле Горбачеве его еще куда более головокружительная дорога наверх, где он был и Брежневым обласкан, и Андроповым и Черненко привечен. Недаром, наблюдая за ним все перестроечные годы, так часто приходилось распознавать и в его политических действиях, и в его поведении и обращении с людьми (с тем же Сахаровым, например) столь знакомые нам всем родовые черты и приметы вознесшей его и хорошо, естественно, при этом его обкатавшей (и ободравшей) партийной номенклатурной среды. Даже если многое отнести к защитной маске, скрывавшей глубинное ядро личности, все равно долгое ношение подобного рода масок, тем более номенклатурных, не проходит без следа — они обладают способностью прирастать к лицам и накрепко прорастать в них.

И все же я совершенно убежден, что **определяющим** для формирования у Горбачева его **собственного** общественно-политического мировоззрения, душой и разумом выработанного, оказалось все-таки именно то, что сформировало и большинство шестидесятников, — XX съезд и еврокоммунизм Грамши и Тольятти, «Новый мир» Твардовского и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, Гомулка и Пражская весна. Я убежден в этом потому, что позже, когда у Горбачева появились возможности для реализации действительно собственной, личностно органичной для него системы общественно-политических ценностей, он и повел себя именно как типичный, я бы сказал даже — **закоренелый** шестидесятник. Ибо то, что сделал Горбачев вместе со своей командой, в здравом уме и памяти мог сделать только социалист, искренне и убежденно исповедовавший и сердцем своим, и своим умом именно ту религию *социализма с человеческим лицом*, которая во главу угла ставила ценности демократии и свободы и которая и была как раз самой сутью шестидесятничества.

4.

Здесь нет возможности — да и необходимости — сколько-нибудь обстоятельно задерживаться на том, как и почему шестидесятые годы столь горячо уверовали в эту религию. Поэтому отмечу только главное.

Во-первых, то, что это была не абстрактная, а очень живая вера, и эту живую душу сообщала ей прежде всего неотразимая человеческая притягатель-

ность тех высоких нравственных идеалов братства, равенства и свободы, реализовать которые обещал социализм и на демагогической эксплуатации которых всегда и строил свое реальное существование.

А потому, во-вторых, ее питало и столь же живое, требовательное чувство того острого стыда за эту демагогию, за кровавое расхождение между провозглашенными идеалами и кошмаром сталинской социалистической казармы, от которого после разоблачений XX съезда уже не мог быть свободен ни один социалист, считавший себя *порядочным* человеком.

Это были, несомненно, два главных и очень мощных нравственных источника, которые питали собою живую энергию шестидесятнической веры в социализм с человеческим лицом. И именно поэтому ей и нельзя никак отказать в очень большой — и очень понятной — соблазнительности для всякого нормального человеческого сердца, верующего в эти высокие социально-нравственные ценности.

Но тут никак нельзя обойти, однако, и третий важный компонент этой социалистической религии, без которого она просто не могла бы существовать. Я имею в виду тоже очень характерную для шестидесятников и унаследованную ими (в русле социалистической традиции) еще от эпохи Просвещения простодушную материалистическую веру в то, что естественная природа человека не заключает в себе, как выразился бы Кант, никакого *радикального зла*. Что она — в основе своей — добра и прекрасна и стоит только дать ей действительно *человеческие* возможности для своей социальной реализации, как и само общество преобразится. Это простодушие внерелигиозного просветительского гуманизма тоже было, таким образом, в каком-то смысле очень нравственным и благородным. Но от этого оно никак не переставало быть простодушием. И именно эта-то составляющая шестидесятнической религии более всего и придавала ей утопический характер, поскольку вся вера в реальную возможность *человеческого социализма* как раз на этом просветительском уповании и держалась.

Ради справедливости следует отметить, впрочем, что строй мышления, заданный этой давней парадигмой просветительского внерелигиозного гуманизма, отличал в те годы отнюдь не одних только *социалистов с человеческим лицом*. Он и вообще был очень типичен для эпохи, с молоком матери впитывавшей в себя на протяжении многих десятилетий опиум марксизма и всю ту отраву, какую только можно было извлечь из всех трех обработанных им пресловутых его «источников». Характерна эта просветительская вера была в том числе и для многих других форм инакомыслия оттепельной и послеоттепельной поры, для советского диссидентства самого широкого политического спектра — вплоть до правозащитников и политических борцов с режимом, довольствовавшихся достаточно расплывчатыми политическими идеалами. Программы их могли быть очень разными, у иных их вообще не было, но всех их вела за собою, в сущности, одна и та же иллюзия — чаще, впрочем, подсознательная, толком не отрефлексированная. Это была общая вера оппозиционной общественности 60-х гг. в то, что стоит только свернуть шею чудовищному политическому режиму советской *Империи лжи* и дать людям демократические свободы — и освободившееся

общество не только само разберется, как устроить свою жизнь, но, несомненно, и устроит ее по лучшим образцам современной демократической цивилизации...

Что ж, — в течение последних пятнадцати лет многие могли, как мы знаем, проверить эту фантазию. И как раз благодаря Михаилу Горбачеву, которому история предоставила возможность не только потеоретизировать, но и реально попробовать претворить в жизнь свой проект выведения страны из состояния конфронтации с Западом путем придания социализму нового демократического импульса — проект, во многом и замешанный как раз на этой общешестидесятнической прекраснодушной вере. И надо отдать Отцу Перестройки должное — он действительно сумел запустить этот проект в жизнь, проявив при этом и немалую твердость, и политическую гибкость, и незаурядное политическое мастерство закулисного партийного маневрирования, ибо косная инерция старой номенклатуры возводила на его пути столько самых разных и очень прочных преград, что преодолеть их и в самом деле было нелегко. И все-таки он сумел даровать, как и планировал, насельникам унаследованной им социалистической казармы Свободу и Гласность — даровать в надежде и уверенности, что разбуженная народная инициатива и радостная самодеятельная активность освободившихся масс, получивших в руки чудодейственные орудия выборности, контроля и свободы обсуждения всего на свете, вдохнут новую жизнь в разваливающуюся социалистическую конструкцию, оживят и преобразят ее. И выправившаяся страна действительно вступит, наконец, на тот единственно правильный путь, который был предначертан Истории великим учением Маркса-Энгельса-Ленина...

Приходится ли удивляться, что в итоге и с этим проектом случилось то, что всегда происходит с подобными фантазиями, когда их пытаются претворить в жизнь? История нанесла-таки не только по советскому «реальному социализму», но и по самой этой утопии — последней в XX веке социалистической утопии — свой неотвратимый и сокрушительный удар. Потому что социализма с человеческим лицом в нашем несовершенном мире не бывает и быть не может. А кто думает иначе, пусть назовет хотя бы один исторический пример, хотя бы отдаленно, но все же подтверждающий реальную возможность появления такого феномена. Социал-демократические коррекции в общей системе либеральной экономики — да, они реальны и вполне могут соответствовать *человеческой* системе отсчета. Но командная плановая социалистическая экономика, отторгающая индивидуальную экономическую свободу, — и...современная секулярная демократия?..

Здесь возникает, правда, очень любопытный вопрос о том, можно ли считать провал социалистического проекта Перестройки окончательным и достаточно убедительным для современного мира приговором социалистической идее в целом. И на этот вопрос уже не так просто ответить, хотя логика истории и настаивает как будто бы на том, что ее приговор социализму — окончательный и обжалованию не подлежит. Но логика — это одно, а реальная история — другое.

Никакого иного социализма, кроме *нравственного*, не должно и не может быть, — говорит один из героев «Ракового корпуса» Солженицына. И мы знаем, что ***такой*** социализм ***возможен***. Мы знаем это из Евангелия, из апостольских «Деяний», в которых рассказано о жизни первых христианских общин, где «все было общее» и где возможность этого «всего общего» обуславливала нравственная

высота общинников-единоверцев, добровольно и свободно соединивших имущество ради жизни в чистом братстве и в общей любви к Христу и вере в него.

Но, зная это, мы знаем и то, что на подобный уровень нравственной высоты и внутренней свободы своих граждан — уровень, которым одним только и обеспечиваются смысл, оправдание и жизнеспособность общинного социального устройства, — не может даже в далеком приближении всерьез рассчитывать ни одно реальное общество не только современного, но и будущего земного мира.

Однако, с другой стороны, и заданный этими ранне-христианскими образцами нравственный идеал человеческого общежития (который, в сущности, и лежит в основе социалистической идеи) тоже никогда не потеряет своей притягательности для людей — именно как высший нравственный образец свободного человеческого общества. Да, в полноте своей он никогда не может быть в современном секулярном мире достигнут. И все же лишь он способен задавать то направление, в русле которого только и может происходить реальное нравственное очеловечивание и усовершенствование существующих социально-государственных структур.

Действительно — в чем же еще и состоит, к примеру, смысл всех тех социал-демократических корректировок современного капитализма, о которых только что шла речь и которые постоянно предпринимаются во всех развитых странах мира, если не в том, чтобы сделать социально-гражданскую структуру современного общества более созвучной принципам социальной справедливости и солидарности, а не классовой разобщенности и напряжения, более адекватной началам человеческого братства, любви, взаимопомощи и милосердия, а не вражды, ненависти, равнодушия и жестокости? Все это и есть ведь не что иное, как посильное, по мере возможности, внесение в реальную жизнь современного секулярного общества тех или других элементов христианско-социалистического общественного идеала — элементов, которые общество уже (или еще) способно с охотою и свободно принять. И можно предположить, что эти попытки никогда не прекратятся, поскольку никогда не утратит для людей своей значимости этот высший социально-нравственный идеал человеческого общежития в свободной любви, братстве и духовном единении.

Но по этой же причине можно столь же уверенно предположить, что никогда — или, во всяком случае, очень еще долго — не прекратятся и совсем иные попытки реализации этого высшего идеала. Ведь не только прекраснодушных мечтателей и неизлечимых слепцов, ничему не способных у жизни и истории научиться, но и разного масштаба пройдох, прекрасно понимающих, какой вполне жизненный профит можно извлечь из ловкой эксплуатации идеальных приманок такого рода, всегда в мире найдется предостаточно. И поэтому столь же легко допустить, что и за попытками снова и снова заставить социалистическую утопию так или иначе поработать в истории дело тоже, вероятно, не станет. Наша полумаргинальная-полупрохиндейская КПРФ тоже ведь рассчитывает сыграть именно в эту игру.

И все же если говорить об итоговом смысле и последствиях для общественного сознания нашей эпохи лишь той конкретной попытки претворения в жизнь перестроечной социалистической утопии, которую предпринял Миха-

ил Горбачев, то итоги и последствия эти совершенно как раз однозначны. По крайней мере для России и по крайней мере применительно к ближайшему обозримому ее будущему. Во всяком случае Ленин, этот самый главный для тогдашнего Горбачева (да и для всех нас тогдашних) пророк отечественного социализма, сформулировал бы их очень просто, воспользовавшись для этого знаменитой своей матрицей: итоговым результатом горбачевской Перестройки, сказал бы он, стал, несомненно, ***безусловный и полный крах демократических иллюзий в российском социализме 90-х гг. XX века.***

И был бы прав.

Но вот этот-то результат и ставит нас перед вопросом, от которого нам никуда не уйти, коль скоро мы пытаемся разобраться в парадоксе Горбачева. Как же все-таки оценить историческую значимость и масштаб фигуры этого Генсека и социалиста, который обрек на смерть свою партию и положил начало краху российского социализма тем, что подарил своей стране свободу?

5.

Уверен, найдется немало людей, которые скажут: конечно, по объективным результатам. И саркастически припечатают эти объективные результаты знаменитым афоризмом другого нашего, на этот раз современного вождя и учителя: «Хотели, как лучше, а получилось как всегда». Понятно, что в буквальном смысле «как всегда» не очень здесь подходит, поскольку попыток перестроек социализма никогда не было, горбачевская — первая. Но зато в главном, подразумеваемом, то есть «как всегда *хуже*», — годится вроде бы безусловно.

Действительно — кто посмеет отрицать, что резонов и для куда более жестких вердиктов наша современная российская действительность дает более чем достаточно? Увы, вожделенный «социализм с человеческим лицом» обернулся, в конце концов, хищническим номенклатурно-олигархическим капитализмом с таким откровенным бандитским оскалом, что никакой парадный демократический его госмундир уже не в силах замаскировать полное отсутствие какой-либо правовой для него узды. Да и чем другим, кроме способности именно к такой и только к такой трансформации, могла ответить на вызов свободы страна, абсолютно не подготовленная к тому, чтобы конструктивно и плодотворно овладеть этим даром? Семьдесят лет существования в концлагерном режиме коммунистического тоталитаризма не могли пройти бесследно — к моменту, когда родное отечество наше внезапно получило столь неожиданный для него и, в общем-то, вполне вроде бы благодетельный дар, в стране не было уже не только никаких политических, социальных, правовых и прочих общественных механизмов и инструментов, способных быстро и энергично освоить свободу и актуализировать ее потенции на благо обществу, но и никаких внутренних сил и социально-психологических возможностей и условий для того, чтобы такие механизмы жизнеспособной демократии создать.

Ни сколько-нибудь развитых традиций гражданской активности и самоорганизации общества.

Ни просто даже понимания и вкуса к демократии у большинства населения, привыкшего ожидать всяких изменений только сверху и утратившего уже

всякую живую историческую память о том, как демократия возникает и что для этого требуется.

Ни сколько-нибудь влиятельной и сильной демократической интеллигенции, лучшее политическое детище которой — знаменитая Межрегиональная группа — не случайно так быстро и бесследно сгинула в пучине поглотившего ее агрессивно-послушного большинства.

Ни национально-ответственной политической элиты, уже во времена застойно-парадного коммунистического энтузиазма окончательно превратившейся в матерую банду циничных хозяев жизни, не веривших не только в ту идеологию, которую сами же остервенело скармливали своему народу, но и вообще ни в бога, ни черта — ни во что, кроме собственной жадной утробы.

Что же удивляться, что дарованную свободу раньше и быстрее всех и принялась запрягать в свои лихие сани именно эта утробная, эгоистическая, шкурная стихия жизни, ненасытная энергия которой как раз и взмывает ведь с особой и страшной силой именно в смутные, расшатанные, переходные времена истории? Особенно если в обществе — в результате крушения всех бывших привычных кумиров — образуется к тому же еще и всеобъемлющий духовный вакуум, окончательно это общество обессиливающий, рождающий в нем чувство потерянности и страха...

Вот мы и получили к исходу всех этих пятнадцати лет, протекших с начала горбачевской Перестройки, то, что получили.

Страну, где первой заботой Президента, избранного отчаявшимся и обнищавшим народом, становится выстраивание очередной военно-бюрократической спецвертикали власти и благодетельствование новой России старым советским гимном на лишь чуть измененные старые же советские слова все того же сталинского нашего гимнотворца.

Страну, где во главе насквозь коррумпированной и вчистую проворовавшейся чиновничьей госструктуры совершенно естественно и закономерно может оказаться деятель, известный в товарищеской среде под ласковой кличкой «Миша—два процента».

Страну, где одним Генпрокурором вполне может оказаться блюститель закона, предпочитающий развлекаться по вечерам в подпольном криминальном борделе, а другой будет получать от властей, за которыми он призван надзирать, полумиллионнодолларовые квартирные подарки.

Страну, где армия будет катастрофически терять и свою кровь, и честь, и моральный дух, и просто воинское свое ремесло в бессмысленной, бездарной и жестокой войне не столько против вооруженных бандитов, сколько против обезумевшего от ужаса и озлобленного местного населения.

Страну, где чудовищные налоги либо душат отечественное предпринимательство, либо заставляют его платить дань в теневые финансовые карманы государственно-номенклатурной мафии.

Страну, где свободе слова, чтобы существовать и быть услышанной, сплошь и рядом приходится рассчитывать только на корыстную в этом заинтересованность очередного опального олигарха, обойденного в очередном переделе собственности.

Страну, где население целыми регионами может вымерзать и беспомощно вопить у парадных подъездов своих начальников, но никак не в состоянии самоорганизоваться и скинуть их, наконец, вообще, воспользовавшись для этого имеющимися в его распоряжении законными демократическими средствами, а творческая интеллигенция тем временем будет бесконечно тусоваться и пировать на очередных презентациях, юбилеях и всякого рода премиальных торжествах, призванных засвидетельствовать расцвет новой демократической российской культуры...

Да, все это, увы, так, все это правда. И тем не менее стоит задать себе такой вопрос: а кто из тех, кто клянет — и справедливо — сегодняшний строй, готов был бы действительно вернуться в прежние, догорбачевские времена? Так ли уж поспешили бы туда, не говоря уж о молодых, даже и те нынешние престарелые борцы за возвращение в социализм, те несчастные пенсионеры из все тающего и тающего электората все более и более маргинальной КПРФ, которые кричат об этой своей ностальгии по прошлому на всех перекрестках?

Как ни тяжка нынешняя реальность, как ни плохо реализуются те демократические свободы, которыми мы располагаем, они все-таки есть, и они все-таки обеспечивают нам определенное пространство исторического действия и гражданской ответственности. То поле **исторической свободы**, которое при всех трудностях его сегодняшнего освоения, при всех препятствиях, расставленных на нем беззаконием, коррупцией, бандитизмом, нравственным распадом элиты, беспомощной пассивностью основной массы населения и прочими мрачными реалиями сегодняшнего дня, — это поле все-таки существует, хотя и возделывается нами очень медленно. Во всяком случае — и это главное! — его все-таки вполне достаточно для того, чтобы каждый из нас мог и просто даже обязан был сказать себе, что сегодня от нас тоже кое-что уже зависит. И даже очень немало — несравнимо, неизмеримо больше, чем это было всего каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад. А потому нечего и ныть, что кто-то чего-то нам недодал — пора, наконец, быть честными перед собой и дать себе труд всерьез разобраться в том, что мы сами можем сделать, чтобы стало лучше в стране, в которой мы живем. И дать себе труд — делать это.

Конечно, дать себе труд разобраться в том, что ты должен делать, и дать себе труд делать это, — труд очень нелегкий. Куда труднее любого самого трудного труда, который тебя *заставляют* делать. Но ведь это, в сущности, единственно достойный человека труд — труд человека, обладающего свободой, а не запертого в душной и закрытой от всего мира тюрьме, где он ничего — во всяком случае легально — не может предпринять, чтобы изменить ее порядки. В нашем сегодняшнем мире — чудовищном, искореженном, расхищенном, социально и национально распадшемся, но все-таки обладающем измерением свободы, — человек, как бы ни была тяжела его жизнь, способен, может и обязан чувствовать себя поэтому человеком, от которого самого очень во многом как раз и зависит, будет ли у него действительно человеческое лицо. Потому что человеческое лицо просто не может быть человеческим, если оно не становится ***лицом человеческой свободы***. Лицом существа, созданного по образу и подобию Божию и тем полнее реализующего свое богоподобие, чем большей

внутренней свободой оно в своем самосозидании по этому образу и подобию овладевает и чем большей свободы для своего общества добивается — для такого же самосозидательного его движения к более справедливому, более нравственному, более человечному устройству. Ведь все социальные болезни свободы могут быть излечены только свободой же. И для лечения вывихов и пороков демократии тоже, увы, нет поэтому другого лекарства, кроме самой демократии...

Наш мир не закрывает перед человеком возможностей такого самолечения и не лишает его этих лекарств. Поэтому в нем есть открытость, есть перспектива, в нем пусть тяжко, но отнюдь не душно и не безысходно. А это ситуация все-таки куда более д о с т о й н а я человека, чем та, в которой мы жили до Горбачева. И, значит, в этом с а м о м г л а в н о м д л я ч е л о в е к а измерении наша российская действительность изменилась все-таки не в худшую, а в лучшую сторону. И произошло это только благодаря тому необратимому процессу постепенного привыкания нашей страны к свободе, начало которому положил именно Горбачев.

Конечно, подводя итоги эпохе Горбачева, нельзя забыть ни Вильнюс, ни Тбилиси, ни вырубленные уникальные виноградники, ни бездарное, губительное и для престижа, и для духовного самочувствия страны и ее армии осуществление политически верных решений о выводе войск из Афганистана и Восточной Германии, ни Форос, ни бессмысленную амбициозную тягомотину так называемого «огаревского» процесса, ни десятки таких же и менее значительных просчетов и ошибок, тоже сыгравших свою роковую роль в развале Союза. Все это будущие летописцы тоже запишут, конечно, на исторический счет Горбачева. И это будет только справедливо.

Но и тот куда более, чем до него, свободный, куда более обращенный к нашему человеческому достоинству и к нашей гражданской ответственности мир, в котором мы сегодня живем, — это тоже итог его деятельности. Может быть, один из немногих позитивных, но зато — главный. И если он так важен для нас сегодня, что возвращаться в догорбачевское зазеркалье мы при всех наших сегодняшних тяготах тем не менее не хотим, значит право на историческую апологию Михаил Горбачев все-таки заслужил. Сколь бы критичной она ни была и каких бы оговорок ни требовала.

6.

Но ведь тут История просто использовала для своих целей его историческую невменяемость! — возразит, может быть, какой-нибудь читатель, взвешивая те аргументы, что были только что были ему предложены в обоснование безусловного, на мой взгляд, права Михаила Горбачева на историческую апологию. Пусть даже, может сказать он, то измерение исторической свободы, в котором существует ныне страна в результате горбачевских реформ, действительно ее высочайшее и драгоценнейшее обретение. Но где же с о б с т в е н н а я, сознательная роль господина Горбачева в достижении этих исторических результатов? Ведь с в о ю-т о игру он как раз проиграл, потому что никакого «социализма с человеческим лицом» не построил, хотя хотел именно этого! И, значит, лишь благодаря его исторической слепоте, пусть и объяснимой, лишь

благодаря тому, что утопическая аберрация его исторического зрения не позволила ему разглядеть, к чему приведет дарованная Советскому Союзу свобода, мы и получили сегодня тот более свободный мир, в котором живем. Будь иначе, покажи Горбачеву какой-нибудь Нострадамус, что свобода эта разрушит перестроечный социализм и на его развалинах возникнет то самое капиталистическое безобразие, которое и в дурном сне не могло, наверное, присниться нашему реформатору как итог его деятельности, — разве он решился бы на такой самоубийственный для социализма эксперимент? Так велика ли честь быть слепым орудием Истории и можно ли такую роль ставить ему в заслугу?

Не будем, однако, спешить. Даже если приложить к историческим результатам деятельности Михаила Горбачева оценочную шкалу такого типа, все равно итог будет для Горбачева совсем не безнадежным. И понять это очень важно. Важно не просто для того — и даже, в конце концов, вообще не для того, чтобы непременно воздать по справедливости лично Горбачеву. Это сделают и без нас — охотников, уверен, найдется достаточно. Но парадокс Горбачева выводит нас к некоторым историческим урокам куда более общего и глубокого плана, и лишний раз отдать себе в них полный и ясный отчет будет, право же, совсем нелишне. Особенно учитывая своеобразие нынешнего исторического времени России.

Итак, — проиграл ли Михаил Горбачев свою историческую игру?

Это зависит от того, что считать с в о е й игрой Михаила Горбачева. И как оценивать с т а в к и в этой игре.

Проиграл ли Дон Кихот свой поход в мир за торжество в нем добра, чести и справедливости?

Если считать главным в этом походе сражения Дон Кихота с ветряными мельницами и прочими химерами его воображения, представлявшимися ему чудовищами зла и насилия, то, конечно, — да, проиграл.

Но если стоять на том, что главное здесь — не ветряные мельницы, а сокровенные идеалы, которые он защищал в сражениях с этими химерами, и поразительное мужество, самоотверженность, которыми он засвидетельствовал свою истинную верность этим идеалам, то все начинает выглядеть совсем по-другому. Тогда становится понятно, что при всей комичности этого безумного рыцаря мир совсем не случайно обрел в нем еще один великий образ и подтверждение абсолютной первозначности добра, чести, любви, милосердия и справедливости. И оттого стал в чем-то не хуже, а лучше. Причем именно ***благодаря, а не вопреки тому, к чему стремился сам Рыцарь Печального Образа.*** Потому что человечество никогда не сделало бы его символом и олицетворением всех этих абсолютных ценностей, если бы подлинно с в о и м и для него были не они, а химеры его разума, помраченного какими-то неподвластными ему внешними воздействиями.

Если считать, что подлинно с в о е й в исторической «игре» Михаила Горбачева была именно химера социализма, внедренная в его сознание с пеленок, и г л а в н о й ставкой в этой игре была ставка на то, чтобы в результате выиграл именно с о ц и а л и з м, то, конечно, да — ***эту*** игру он проиграл.

Но согласимся, что подлинно с в о и м, личностно сокровенным и определяющим становится для всякого человека только — или прежде всего — то, что он сам же и выносил в себе всем трудом своей жизни, сделав это выношенное, обретенное в диалоге со своим временем таким своим достоянием и убеждением, за которое готов стоять и которое готов утверждать всей своей жизнью.

Но если это так, то тогда и в случае с Горбачевым все тоже начинает выглядеть существенно иначе. Тогда придется признать, что экзистенциально определяющим для Горбачева, первично акцентным, подлинно с в о и м стало как раз то, что он выработал в себе именно как человек 60-х годов, прошедший через свою эпоху и впитавший в себя ее главную веру, которую и сделал своей, личной. А суть этой веры, ее глубинное ядро, состояло не столько в том, что человеческое лицо свободы должен обрести именно с о ц и а л и з м, сколько и прежде всего в том, что только тогда, когда социализм обретет именно с в о б о д н о е ч е л о в е ч е с к о е л и ц о, люди и смогут сказать ему свое «да».

Я убежден в верности этого своего тезиса вовсе не потому, что таково наиболее убедительное *предположение* и самая вероятная *версия* горбачевского политического мировоззрения, адекватная времени, которое его сформировало. Я убежден в этом прежде всего потому, что именно такова сама р е а л ь н о с т ь происходившего и происшедшего. И этому есть неопровержимое и решающее подтверждение.

Какое?

А вот какое.

Вряд ли кто-нибудь из помнящих восьмидесятые годы усомнится в том, что даже и тогда, когда стало уже невооруженным глазом видно, как дарованная Горбачевым свобода не укрепляет, а скорее рушит советский «реальный социализм», Горбачев вполне мог еще положить этому конец и пожертвовать свободой ради сохранения социализма. Если уж именно социализм был ему так **первично** дорог. Возможностями для этого — и достаточно большими — он располагал тогда безусловно.

Н о о н э т о г о н е с д е л а л.

Не сделал, хотя, думаю, соблазнов к тому было немало. Я даже не уверен, что в какие-то моменты Горбачев им не поддавался. И даже, судя по всему, делал уже какие-то шаги назад.

Н о в с е - т а к и д о т о й ч е р т ы, з а к о т о р о й в о з в р а т к п р о ш л о м у с т а л б ы у ж е н е о с т а н о в и м, о н э т и ш а г и т а к и н е с д е л а л. Все-таки предпочел, чтобы история страны продолжала развиваться в пространстве свободы, хотя бы это и привело к совсем иным результатам, чем те, на которые первоначально были рассчитаны его реформы. А это значит, что именно **свобода** и была, стало быть, для него той **первой и высочайшей ценностью**, без которой никакое общественное устройство не могло быть в его глазах достойным человека.

Но если это так — а это так, — то тогда получается, что **г л а в н у ю** и действительно **с в о ю** историческую игру Михаил Горбачев не проиграл, а в ы и г р а л. Ибо, в конечном итоге, он дал стране именно то, что было и для него самого главным, своим, первичным. То есть то, что он прежде всего и хотел,

жаждал как раз стране дать — возможность свободного ее развития. Пусть в параметрах не той общественной конструкции, как это ему виделось поначалу. Пусть по дороге он много наломал дров, сражаясь с ветряными мельницами своих миражей. И пусть не раз и не два за своих истинных друзей и сподвижников он принимал баранов из партийно-номенклатурного клана, которых тут же устремлялся освобождать и приближать к себе. Все равно глубинная, центральная вера, упрямо толкавшая его вперед, заставлявшая идти ради нее и на компромиссы, и на лавирование, и наверняка даже на какие-то сделки с совестью, но требовавшая от него и готовности к серьезному историческому риску, и всего того мужества, твердости, упорства и честности, на какие только он был способен, — все равно эта вера вывезла его, поставила на главную, магистральную его дорогу в истории и провела по ней.

И это и есть ответ на вопрос о том, в каком качестве Горбачев оказался нужен истории.

Использовала ли она его историческую близорукость, не давшую ему (как и многим другим) предвидеть, к каким разрушительным для социализма последствиям приведет попытка привить ему свободу?

Безусловно. И в этом своем качестве он действительно оказался в какой-то мере незрячим ее орудием.

Но ведь в том-то и дело, что эту объективную историческую свою миссию «незрячего» могильщика социализма он выполнил именно и только потому, что духовно был вполне з р я ч и м как раз политиком. То есть политиком, не просто в м е н я е м ы м в отношении тех исходных ценностей, которые определяли его путь, но и верно их увидевшим, не ошибившимся в их выборе. И потому и направившим страну на действительно благотворный для нее путь главным своим решением и замыслом — дать ей свободу.

Итак, парадокс социалиста Михаила Горбачева, разрушившего, сам того не желая, социализм, состоит, следовательно, еще и в том, что в глубинной своей основе парадокс этот вовсе и не был парадоксом. Потому что в конечном итоге Михаил Горбачев получил то, чего не хотел, лишь потому, что сделал то, чего как раз хотел больше и прежде всего, к чему сознательно и целеустремленно стремился как к главной своей цели.

7.

Но если это так, то, значит, и в сравнении Горбачева с Дон Кихотом не столь уж много литературы, как это может показаться на первый взгляд. И куда больше достаточно серьезной типологической общности, заставляющей еще раз вспомнить о некоторых историософских непреложностях.

«Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», — говорит у Гете Мефистофель.

Действительно, — история знает и такие парадоксы. Но не стоит забывать, что формула эта принадлежит представителю ведомства лукавого и коварного. А потому и не следует принимать ее саморекламную вывеску и ее обнадеживающий категоризм за чистую монету. Ведь если о Гитлере и сотнях и тысячах других таких же или менее крупных, но столь же очевидных исторических гит-

леров всех эпох и народов и можно сказать, что они, стремясь ко злу, «вечно совершали благо», то разве лишь в том единственном смысле, что энергия зла в истории всегда вызывает и соответствующее сопротивление. И, побежденная энергией блага, именно добро, таким образом, и имеет своим конечным результатом. Так бывает, правда, далеко не всегда, но все же бывает.

Однако никогда такие позитивные результаты не проистекают и не могут проистекать непосредственно из самой энергии зла. Их действительным, живым источником может быть только энергия прямого противодействия злу, энергия добра, и пусть нечистые духи истории не морочат нам голову лукавыми софизмами, утверждающими обратное.

Вот почему парадокс Мефистофеля, заверяющий нас, что зло **всегда** имеет своим результатом благо, ни масштабно, ни по смыслу своему никак не может быть контрастно равновесен другому, обратному историческому парадоксу, утверждающему, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад.

Да, и такое тоже бывает нередко.

Но, во-первых, бывает и по-другому, ибо если бы **в с е** добрые намерения заводили в ад, гитлерам не приходилось бы прибегать к цианистому калию.

А во-вторых, даже когда вследствие того или другого серьезного просчета исторического деятеля, движимого самыми добрыми намерениями, перспектива ада действительно открывается вдруг в какой-то момент ему самому или его верным приверженцам, все-таки остаются еще надежда и возможность както свернуть с роковой дороги. Они остаются, поскольку изначальны и первичны здесь именно добрые намерения.

Вот почему, какой бы положительный сдвиг в истории мы ни констатировали, мы непременно обнаруживаем у его истоков стимул именно б л а г о г о замысла и толчок именно б л а г о й воли. И именно поэтому же неопровержимой непреложностью истории является то, что действительными ее двигателями по дороге добра никогда не бывают и не могут быть те, кого ведут за собою демоны лжи, зла или безобразия. Но всегда и неизменно — лишь те, кого так или иначе, пусть даже в одном только каком-то деле, вдохновляют Истина, Добро и Красота. И кто остается верен их диктату, как бы ни сбивали его с дороги попутные иллюзии, миражи или обманы истории и собственная человеческая слабость.

Да, даже и самые положительные результаты деятельности таких героев истории достаточно далеки всегда от тех, которые ими задумывались, которых они хотели добиться.

Но разве в истории бывает иначе? Разве кто-нибудь может похвастаться, что добился своего один к одному, что избежал ошибок и химер, что разум его всегда оставался ясным и трезвым? Уж о чем — о чем, а о неизбежных искажениях и ограниченности нашего аналитического и прогностического зрения, как и о своих поправках к нашим расчетам, история всегда позаботится. Потому-то участи Дон Кихота, которому всегда приходится иметь дело с неизбежными и не зависящими от него химерами своего несовершенного разума и воображения, не удалось избежать еще ни одному, даже самому прозорливому, самому удачливому и самому светлому герою истории.

Но зато история и выбирает на роли своих героев только тех, кто способен выступить хотя бы в одном только деле, ей нужном, именно Дон Кихотом — *тем* Дон Кихотом, суть которого составляет рыцарственная верность добру и служение ему. Потому и памятников, которые история потом не свергает, удостаиваются от человечества только Дон Кихоты, но никак не Мефистофели. По той же самой причине, по которой, как сказано опять же у Гете, *лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой.*

Михаил Горбачев принадлежит, несомненно, к историческим деятелям именно этого ряда. К Дон Кихотам, а не к Мефистофелям. Сколько бы претензий, в том числе и справедливых, мы к нему ни предъявляли, как бы половинчат, непоследователен и даже податлив на мефистофельские соблазны в иные очень ответственные моменты своего правления он ни был и как бы ни раздражала нас в таких ситуациях его нестойкость перед напором окружавшего его агрессивно-послушного большинства, не говоря уж о менее значительных чисто человеческих его слабостях, — все равно в сердцевинной основе своей Горбачев был, конечно, очередным Дон Кихотом истории. Я бы сказал — типичным Дон Кихотом шестидесятничества. Как своими социалистическими химерами, так и своей верой в свободу. Недаром и в чисто личностном психологическом облике последнего генсека так рельефно проступают типичные черты этой шестидесятнической дон-кихотской природы — и так и не вытравленная, при всей привычке к политиканскому актерству, способность к движениям искренним и даже простодушным, и неумение совсем уж бессовестно лгать и отпихивать от себя преданных ему людей, и повышенная вера в убеждение словом, питавшая его неуемную говорливость, и многое другое. С этой точки зрения и не такая уж характерная для номенклатурных дам щепетильность Раисы Максимовны, всегда отдававшей любые, самые драгоценные подарки от официальных и неофициальных лиц, сделанные ее мужу и даже лично ей, в государственную казну, очень органично вписывается в этот психологический реестр. Похоже, что к рукам Горбачевых вообще ничего или очень мало чего прилипало — в противоположность тому, как, похоже, прилипало не только к рукам многочисленных членов огромной так называемой ельцинской «семьи», в жалких и постыдных заложниках которой оказался, в конце концов, когда-то вроде бы тоже демократический и ненавидевший всякую коррупционную повязанность первый президент России.

Снова и снова: конечно же, Горбачев вовсе не представляет собою тип исторического Дон Кихота в его сколько-нибудь, так сказать, чистом виде. В чистом виде духовные и психологические типы человечества встречаются только в великих художественных образах-символах, предназначенных быть идеалом или предостережением, точкой отсчета и оценочной мерой. В конце концов, и Борис Ельцин даже и на финише своего правления тоже не являл собою совсем уж чистый тип самодурного пахана порожденной им олигархически-номенклатурной мафии. Придушив многое и доведя страну до почти полного разорения своей псевдолиберальной экономикой, он ведь все же так и не решился лишить ее достояния, оставленного ей Горбачевым, — свободы. И за это одно, полагаю, многое — хоть и не все, конечно — ему простится.

Но тем более эта точка отсчета приложима, следовательно, к Дон Кихоту шестидесятничества Михаилу Горбачеву, давшему начало тому великому и необратимому процессу привыкания страны к свободе, который один только, в сущности, и оставляет сегодня надежду на то, что даже из постельцинского беспредела мы все-таки сможем выбраться. Эта надежда вряд ли была бы у нас сегодня, если бы пятнадцать лет назад последний Генеральный секретарь КПСС не начал забивать осиновый кол свободы в вампирическую глотку собственной партии, еще не понимая, что он делает, и думая ее этой чудодейственной процедурой оживить и напитать. И если бы он поспешил поскорее вытащить этот кол обратно, как только понял, что лечение идет и ей, и уже вконец обескровленному ею социалистическому общественному организму не на пользу, а лишь во вред.

Но он сумел понять и признать, что раз свобода оказывается для какого-то общественного организма разрушительной, то виновата в этом не свобода, а организм, в котором, стало быть, что-то кардинально не в порядке. И что лучше уж предоставить свободе и дальше делать свое историческое дело, чем ставить ей искусственные преграды в надежде спасти то, что без нее все равно не имеет смысла.

Дополнительным подтверждением тому, что он думал именно так, — а следовательно и дополнительным аргументом в пользу его права на историческую апологию — может в какой-то мере служить, несомненно, и его сегодняшняя роль в политической и общественной жизни страны. Плохо ли, хорошо ли она ему удается, но она всецело ориентирована, конечно же, очевидным его желанием продолжить именно главное историческое свое дело и потрудиться ради этого над дальнейшим формированием в России подлинно жизнеспособного и ответственного за судьбу страны гражданского общества, самодеятельно независимого от государственных структур и не предназначенного быть всего лишь электоратным полем для конкурентного соревнования наших партийных и псевдопартийных клановых образований, рвущихся к власти.

В самом деле — что может быть сегодня важнее этого? Ведь в любой демократической стране современного мира именно развитое гражданское общество и есть как раз та главная общественная институция, которая обеспечивает демократическим свободам их действительное, а не формальное бытие в жизни нации. И если оно, это гражданское общество, не родится и не окрепнет в нашей стране, то как сможем мы, россияне, доказать, наконец, и себе и другим, что смысл нашего исторического существования вовсе не в том, чтобы служить для мира, по слову Чаадаева, всего лишь неким страшным предостерегающим уроком? Как докажем мы себе и другим, что можем и готовы быть не «пробелом в нравственном миропорядке», не кошмаром, позором и бедой современного мира, но тоже вполне способны построить на материальном фундаменте общемировой современной цивилизации свое собственное нормальное, современное, свободное, демократическое общество и государство?

Чтобы расстаться, наконец, и с нынешней позорной нашей славой, и с устрашающей бедностью подавляющего большинства россиян, населяющих огромную и едва ли не самую богатую по своим природным рессурсам страну

в мире, у нас нет другого пути, кроме действительного овладения теми демократическими свободами, начало которым положил в нашей стране Михаил Горбачев. И это вовсе не означает, что тем самым нам придется забыть о своей национальной самобытности, как пугают нас разного рода политические проходимцы, прикидывающиеся российскими патриотами. Напротив, — грош цена будет всей нашей демократии и всему нашему рыночному либерализму, если на их основе не будут построены общество и государство, обладающие той подлинной национальной идентичностью, которая опирается всегда и прежде всего на богатство созданной народом культуры, на духовные и нравственные традиции национального бытия, выработанные многовековым опытом национальной истории. А этого нам, россиянам, ни у кого занимать не надо. Ни великой самобытной культуры, ни великой национальной традиции духовных и нравственных приоритетов в отношении к собственнному общественному жизнеустроению, ни многовекового трагического опыта нашей истории, выстрадавшей эти приоритеты. Важно только, чтобы всем этим нашим собственным, нашим самобытным и драгоценно-уникальным национальным достоянием мы не противостояли самолюбиво и заносчиво остальному миру, а были открыты к творческому общению со всеми иными народами и культурами. И тогда, может быть, мы, наконец, и возведем на нашей многострадальной земле тот хорошо обустроенный, свободный, богатый, безопасный и по-настоящему родной и дорогой каждому россиянину собственный его российский Дом, в котором захочется и радостно будет бывать и нашим соседям по планете. Ибо они найдут в нем и весь естественный для сегодняшнего цивилизованного мира материальный и правовой порядок жизни, и притягательное своеобразие и очарование духа, культуры и нравственного уклада великого и самобытного национального бытия.

Это ведь и есть самая главная наша сегодняшняя национальная задача. А значит — и наша единственно возможная сегодня н а ц и о н а л ь н а я и д е я. Т а и д е я, которая действительно отвечает самым неотложным, насущнейшим потребностям нашего реального исторического существования. Но вовсе не тем неоимперским мифам новой воинственной державности и химерам псевдоправославного ее освящения во имя агрессивно-псевдонациональной *особенности* нашего пути, которыми разного рода крупные и мелкие, политические и идеологические, а нередко даже и якобы церковные мефистофели пытаются задурить сегодня голову России.

Объемная работа Елены и Евгения Пастернаков, посвященная переписке Бориса Пастернака с его первым издателем на Западе, охватывает период с 1956 по 1960 гг. и естественным образом — хронологически и логически — подразделяется на две части. Сегодня мы печатаем первую часть этой работы, повествующую об истории издания «Доктора Живаго» в Италии, а затем и в других европейских странах. Вторая часть работы, которую мы предполагаем опубликовать в следующем номере журнала, посвящена переписке Бориса Пастернака и его итальянского корреспондента, касающейся Нобелевских перипетий и напряженных взаимоотношений между Пастернаком и его доверенными лицами за рубежом. Предлагаемый читателю материал содержит многие документы, ранее не опубликованные.

Елена и Евгений ПАСТЕРНАКИ

ПЕРЕПИСКА ПАСТЕРНАКА С ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

Предисловие

О последних годах жизни Бориса Пастернака существует огромная литература. Сенсационные газетные сообщения, критические статьи и разборы, публикации писем Пастернака читателям, писавшим ему со всего мира, интервью которые он давал иностранным корреспондентам, и пр.

Сохранились воспоминания о его повседневной жизни, заметки посещавших его, медицинские отчеты врачей, наконец, документы архива ЦК КПСС, рисующие картину преследования Пастернака. При этом в тени оставалась, пожалуй, самая существенная линия, определявшая его поведение и отношение к событиям. Это переписка с теми, кто непосредственно открыл Пастернаку путь ко всемирной известности, — с издателями «Доктора Живаго», автобиографического очерка «Люди и положения» и поздних стихотворений.

Елена ПАСТЕРНАК — родилась в 1936 г. в Москве. Окончила классическое отделение филологического факультета МГУ. Автор работ о жизни и творчестве Б.Л. Пастернака. Принимала участие в подготовке текстов и комментариев при издании переписки и собраний сочинений писателя. Жена Евгения Пастернака, сына Б.Л.Пастернака. Живет в Москве.

Евгений ПАСТЕРНАК — родился в 1923 г. в Москве. Военный инженер-механик, служил в армии с 1942 по 1954 год. Затем преподавал теорию автоматического управления. Кандидат технических наук. Автор биографии Б.Л.Пастернака. Живет в Москве.

В январе 1992 года в «Новом мире» был опубликован русский перевод переписки Пастернака с Жаклин де Пруайяр, его поверенной за границей. Через два года появилась публикация этого материала во Франции, дополненная письмами Пастернака к переводчице «Доктора Живаго» Элен Замойской. По-русски переписка с Замойской была опубликована в «Знамени» (1997. №1).

Открытые и частично напечатанные у нас документы из архивов ЦК КПСС и КГБ позволили увидеть механизм политического сыска и давления, оказываемого на автора «Доктора Живаго» и окружавших его людей с целью заставить писателя поступать против своей воли. В этих же документах попадаются следы активного воздействия коммунистической партии Италии на первого издателя «Доктора Живаго» Джанджакомо Фельтринелли, который был членом этой партии и материально ее поддерживал. Обзор этих документов был напечатан в 1998 году, в «Континенте» №95.

Предлагаемая переписка Пастернака и Фельтринелли служит логическим стержнем событий, связанных с первым изданием «Доктора Живаго» на Западе, и рисует подвижническую борьбу, которую вел Пастернак для того, чтобы сделать роман достоянием читателей. Эти письма проливают свет на роль издателя, который проявил выдержку и смелость, чтобы устоять перед давлением и издать роман в том виде, как того хотел автор. С другой стороны, желание Фельтринелли стать единственным распорядителем всего, что Пастернак написал в прошлом и собирался написать в будущем, вызывало печальные сложности в отношениях с самим Пастернаком и его alter ego за границей Жаклин де Пруайяр.

Письма свидетельствуют о неуклонном стремлении Пастернака к тому, чтобы «Доктор Живаго» был напечатан как можно скорее. В этом автор видел свой долг и ради этого готов был на любые жертвы. И это удалось, роман был прочитан и снискал Пастернаку благодарную любовь читателей во всем мире. Русские издания проникали в Россию и вместе с машинописными, зачитанными до дыр копиями формировали новое поколение, не желавшее впредь мириться с неправдой ни в жизни, ни в литературе. Позднее эти читатели стали диссидентами.

Мы подготовили эту переписку еще в 1993 году по просьбе Карло Фельтринелли, сына и наследника издателя, который предоставил нам копии писем Пастернака. Он предполагал написать книгу о своем отце и об издании им «Доктора Живаго». Теперь эта книга написана, и представленные здесь материалы частично вошли в нее (Carlo Feltrinelli. Senior service. Milano. 1999). Настало время опубликовать переписку Пастернака с Фельтринелли по-русски, сопроводив ее попутными документами и сведениями, которые позволят читателям лучше понять детали побуждений и поступков Бориса Пастернака в трагической обстановке последних лет его жизни.

* * *

Отношения Фельтринелли и Пастернака завязались весной 1956 года, но с самого начала стало понятно, что пользоваться обыкновенной почтой нельзя, поскольку она перлюстрировалась и не пропускала деловых писем. И Фельтринелли наладил переписку через работавших в Москве итальянских журна-

листов Д'Анджело и Гарритано. С конца 1958 года их заменили немецкие журналисты Г.Руге и Х.Шеве. Но оказии не всегда работали бесперебойно. Некоторые письма опаздывали на месяцы; иногда возникала необходимость остановить посланное ранее, и корреспонденция застревала у третьих лиц; иной раз посылалось не все письмо полностью, и его продолжение опаздывало на полгода, что вносило путаницу в нормальный ход переписки. Это надо все время иметь в виду, читая предлагаемую работу.

Летом 1956 года будущее рисовалось им обоим достаточно неопределенно. Фельтринелли не знал, какое произведение он собирается публиковать. Пастернак предчувствовал, с какими трудностями для него лично будут сопряжены отношения с иностранным издателем. Но ни тот, ни другой не могли предполагать охвата и глубины произошедшего в действительности.

В начале следующего, 1957 года Пастернак в разговорах с Жаклин де Пруайяр мечтал объединить в ее руках причитающиеся за роман деньги, чтобы создать некоторый специальный фонд, средства которого могли бы пойти, когда настанет время, на помощь обездоленным и на реставрацию разрушенных церквей. Сегодня эти цели представляются вполне понятными и не вызывают удивления, но надо представить себе, как это выглядело в 1956 году, когда только еще начали возвращаться из лагерей и ссылок невинно осужденные, которых сторонились, как зачумленных, и старались не замечать в обществе, основные устои которого оставались неизменными. А думать о восстановлении церквей или даже посещать их казалось бессмысленным пережитком и опасным юродством.

В мечтах о будущем, которое снимет все запреты и ограничения, Пастернак строил планы широкой помощи людям, писавшим ему со всего света. Не представляя себе той западни, в которой он находился в это время, Пастернак писал 30 марта 1959 года Жаклин де Пруайяр:

«Если когда-нибудь мое положение и окружающие обстоятельства станут более нормальными и я доживу до этого, я приведу в порядок гору писем, которыми набиты все мои ящики, как на почте. Там много просьб о материальной помощи от разных людей со всего мира. Я передам их вам, на ваше усмотрение. Но это время еще так далеко-далеко! И мы с вами, не правда ли, выработаем какой-нибудь обширный план широкой благотворительности?» («Новый мир». 1992, №1 С. 160).

Пока же Пастернак отказывался от участия в делах и даже от финансовых отчетов из-за границы не столько из сдержанности и душевного благородства, сколько в силу постоянного сознания опасности, нежелания дать пищу обвинениям в предательстве, в том, что он, дескать, позарился на западные гонорары. Он все время ощущал себя, как рыба на крючке, который врезался все глубже от каждого движения.

Чувство колдовского плена, из которого он не мог вырваться ни для того, чтобы получить присужденную ему премию, ни, чтобы воспользоваться возможностью путешествий, встреч, знакомств и богатства, становится в это время особенно невыносимым. Отстаивая перед Жаклин де Пруайяр свое желание отдать все, что будет им создано, в распоряжение Фельтринелли, «полностью продаться в рабство», он писал: «Что вы знаете о рабстве?! Если бы я мог

решать, я согласился бы зависеть от Фельтринелли в тысячу раз больше, только бы не быть вечным рабом Н.Хрущева!» («Новый мир».1992. №1. С.184).

В этих словах всплывает таинственная перекличка с сюжетом «Повести» 1929 года, где герой вставного эпизода Игрек Третий по своему желанию становится собственностью человека, который, купив его на аукционе и оценив его творческие возможности, получает полную власть над его жизнью и смертью. В этом странном намерении героем руководит уверенность в том, что рабская зависимость обернется безграничной внутренней свободой творчества, защитит автора от необходимости заниматься реализацией плодов своей деятельности. В противоположность подобному подчинению человеку, который с выгодой использует эти плоды и поощряет их творца, Пастернак оказался в крепостном рабстве системы, которая стремилась к полной гибели его творческих способностей, лишая возможности работать, заинтересованная лишь в его духовном и нравственном закабалении.

Пастернака в это время мучило чувство незначительности сделанного им в жизни, — половина отпущенного ему времени ушла на переводы. Освободившись от пожизненного замысла и написав роман «Доктор Живаго», он позволил себе, наконец, отдаться новым художественным намерениям. Пастернак широко делился своими мыслями о пьесе, которую начал писать летом 1959 года. Она посвящалась судьбе крепостного крестьянина, талантливого актера, учившегося в Париже и на каждом шагу наталкивающегося на унизительные свидетельства своего рабского состояния. Пьеса сначала должна была называться «Благовещенье», развитие действия приурочивалось в ней к последним годам перед освобождением крестьян в России в 1861 году. Потом с расширением замысла и охвата времени, это драматическое произведение получило название «Слепая красавица», символизирующее исторический образ России.

Работу над пьесой подгоняла надежда на будущее, в котором возможно свободно строить и осуществлять далекие планы. Но этой надежде не дано было сбыться, как не дано было завершить работу над пьесой. Пастернак скончался 30 мая 1960 года.

* * *

В семейном архиве Пастернака сохранилось 13 писем Фельтринелли, которые мы предлагаем вниманию читателей вместе с приложенными к ним договорами и другими материалами. Из 8 писем Пастернака к Фельтринелли 5 были подарены адресатом в 1964 (?) году Центральному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. У себя Фельтринелли оставил заверенные нотариусом копии. Отрывки из этих писем в русском переводе были опубликованы в «Советской культуре» 10 февраля 1990. В архиве Фельтринелли осталось три письма Пастернака. Еще три письма к издателю сохранились у Жаклин де Пруайяр. Они были посланы ей Пастернаком на одобрение, и два из них вскоре задержаны по просьбе Ольги Ивинской, которая активно участвовала в переписке с Фельтринелли. С любезного разрешения Жаклин де Пруайяр мы включили их в публикацию, добавив также выдержки из писем Пастернака к ней и Элен Пельтье-Замойской, освещающие сложные обстоятельства взаи-

моотношений автора и его первого издателя. Мы позволили себе также включить письма Пастернака к переводчику «Доктора Живаго» Пьетро Цветеремичу, частично вошедшие в публикацию Валерио Рива в газете «Corriere della Sera». 14 января 1987. p.4. «Cultura», дополнив их письмом, копию которого Цветеремич сам передал нам в 1990 году. Использованы также сохранившиеся в семейном архиве материалы переписки Пастернака с Серджо Д'Анджело, его публикация в «The Sunday Telegraf» 7 мая 1961 и два письма, копии которых мы получили от Карло Фельтринелли и от самого Д'Анджело.

* * *

Весна 1956 года, последовавшая за «секретным докладом» Хрущева с развенчанием «культа личности» Сталина и вскрытия тайны страшных репрессий прошлого, была особым временем в советской истории. Общество, еще не воспрявшее после смерти Сталина, оказалось в полной растерянности. В страну стали приезжать различные делегации из-за границы. Возникали новые издательские предположения. Пробуждение инициативы всколыхнуло литературную общественную жизнь. Веяние новых возможностей коснулось и Бориса Пастернака, который только что окончил роман «Доктор Живаго». Рукопись, перепечатанная в некотором количестве экземпляров, широко давалась на прочтение и была предложена двум ведущим журналам «Новый мир» и «Знамя», но они не торопились с ответом.

Пастернак отчетливо понимал, что время напечатания романа еще не пришло. «Относясь к совершенно иному, не злободневному миру, — писал он 12 мая 1956 года Зельме Руофф, — он все же касается многого реального, наболевшего с совсем непринятых точек зрения» (Собр.соч. Т.5. С.544-545). Ясно сознавая, что означает подозрительная задержка с ответом от «Нового мира», он предложил свой роман также в альманах «Литературная Москва» и, несмотря на то, что редакторов смущала «неприемлемость» рукописи, писал К.Паустовскому, что теперь именно «неприемлемое и надо печатать. Все приемлемое давно написано и напечатано». Но в то же время он высказывал опасение, «что рукопись во время весеннего наплыва делегаций, когда она ходила по рукам, куда-нибудь увезена без моего ведома.<...> Тогда мне смерть, а впрочем, может быть, это неосновательные страхи» (12 июля 1956. Т.5.С.547). В этих словах слышится намек на недавнюю передачу рукописи издательскому эмиссару Фельтринелли, сотруднику радиокомитета в Москве молодому итальянскому коммунисту Серджо Д'Анджело.

В числе различных делегаций, которые посетили той весной Переделкино, была группа польских писателей во главе с Зиновием Федецким, который также получил от Пастернака рукопись его романа, чтобы опубликовать его в Варшаве. Чешское издательство «Свет Советов» предполагало издать двухтомник сочинений Пастернака, тот предложил стихи и «Доктора Живаго».

В издательстве «Художественной литературы» той весной был подписан с Пастернаком договор на сборник стихотворений, первый после 1945 года. В качестве предисловия к нему было предложено написать короткий автобиографический очерк. Редакцию смущало, что сборник заканчивали евангельские стихи из романа. Для «прикрытия», чтобы представить современный этап творче-

ства более оптимистическим и актуальным, требовался новый стихотворный цикл о природе.

О своем приходе к Пастернаку весной 1956 года Серджо Д'Анджело вспоминал в 1961 году:

«Я был тогда активным членом коммунистической партии Италии. В мои обязанности входила также роль литературного агента и «разведчика талантов» для Фельтринелли, богатого и молодого коммунистического издателя в Милане, которого я должен был извещать об интересных явлениях в советской прозе и поэзии.

Одним из моих первых сообщений было известие, услышанное мной по московскому радио: «Скоро будет опубликован «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Это роман, написанный в форме дневника, охватывающий первые три четверти века и оканчивающийся Второй мировой войной». Я передал это главному редактору у Фельтринелли, тоже убежденному и правоверному коммунисту, который просил меня как можно скорее получить рукопись романа.

Итак, как-то утром я поехал на электричке в подмосковный поселок Переделкино, где жил Пастернак. В моей поездке не было ничего тайного. Напротив, я взял с собой в высшей степени уважаемого человека, который впоследствии сделал хорошую политическую карьеру в советской системе.

Когда я объяснил причину своего прихода и обрисовал возможности издания романа за границей, Пастернак, казалось, был удивлен и со всей осторожностью обдумывал это предложение в течение почти всего нашего разговора. Ясно было, что он никогда раньше не представлял себе возможности затевать дела непосредственно с иностранным издателем. Однако, наконец, он дал себя убедить и вручил мне то, что я просил: машинописный экземпляр рукописи.

В тот момент никто из нас не представлял себе, сколько славы и сколько страданий принесет этот поступок. Хотя Пастернак, который лучше, чем кто-либо другой, знал подлинный смысл романа и четко предвидел реакцию советских властей, доверил мне свои опасения. Провожая меня до ворот, он признался, что не думает, что «Живаго» может быть когда-нибудь издан в Советском Союзе. «Вы пригласили меня взглянуть в лицо собственной казни».

Через несколько дней я отвез рукопись в Берлин. И снова в этой поездке не было ничего ни тайного, ни драматического: насколько я понимал, мне нечего было скрывать. В действительности у меня были другие дела, из-за которых я ехал в Берлин, а не из-за рукописи «Живаго», которую я мог переправить разными способами. Из Берлина я позвонил Фельтринелли, который сам прилетел в Берлин, чтобы получить рукопись». («The Sunday Telegrapf» may 7, 1961: «Pasternak's dollars from «Zhivago»).

Д'Анджело здесь не назвал имя человека, который сопровождал его в Переделкино. Из его интервью Э.Лозанскому в №95 «Континента» мы узнали, что это был Владлен Владимирский. Их общий друг Лолий Замойский, тоже сотрудник Комитета по радиовещанию, вспоминает, что не смог поехать тогда в Переделкино с Д'Анджело, потому что дежурил на работе, и что именно он предложил взять с собой Владимирского, «переводчика-стилиста», помощником которого в вещании на Италию был Д'Анджело. Замойский пишет о «возбужденных» по возвращении друзьях с «объемистой папкой» в руках и рисует устроен-

ную «по всем правилам конспирации» встречу Д'Анджело с Фельтринелли на станции берлинского метро. Как писал нам в 1990 году переводчик «Доктора Живаго» Пьетро Цветеремич, в Берлин тогда поехал Фельтринелли, а не кто-нибудь другой, просто потому что он был единственным в издательстве, кто говорил по-немецки. Неправдоподобно выглядят у Замойского также переговоры Пастернака с Д'Анджело о необходимости получить «добро Главлита» на публикацию в Италии и его удивление по поводу «смелости» Пастернака, который решил «не гонять туда-сюда» рукопись и людей, а вместо этого просто отдать ее итальянцу, чтобы они переводили ее скорее «себе на здоровье». Сомнения в достоверности изложения вызывает не столько лихость журналистского стиля этой большой статьи ((Л.Замойский. Итальянская одиссея «Доктора Живаго». Italia. №23/24. Декабрь 1995. С.3.), сколько полнейшая каша из всех событий, которые касаются непосредственно Пастернака, Нобелевской премии, изданий и пр.

Рассказ Д'Анджело о том, что в передаче рукописи не было ничего от нелегальной контрабанды, более соответствует действительности хотя бы потому, что сам факт был известен достаточно широкому кругу людей и, следовательно, высоким организациям. К тому же Пастернак неоднократно повторял, что рукопись романа была передана им открыто, с ведома официальных лиц и при их участии. «Хоть это и не соответствует нашим нравам, я не вижу в этой передаче ничего противозаконного», — писал он 30 декабря 1956 года сотруднику издательства Галлимара Брису Парену (Дружба народов. 1998, №8. С. 201). Так же, без всяких затруднений, осенью 1956 года была увезена аналогичная рукопись Элен Пельтье для английского издания, а в феврале 1957 — для французского — Жаклин де Пруайяр. Причиной тому, что власти не препятствовали факту передачи рукописи Фельтринелли и некоторое время никак не реагировали на это, была некоторая неопределенность, непрочность прежних устоев, сместившихся после речи Хрущева на XX съезде, а кроме того, несомненно, сказалась партийная принадлежность итальянского издателя и его сотрудников.

В дополнение к рассказу Д'Анджело мы можем теперь добавить, что его сообщение о выходе романа Пастернака в Москве «распалило» сотрудников — («sbragioni»), как писал редактор издательства Фельтринелли Валерио Рива. Сам Фельтринелли не представлял себе, кто такой Пастернак, но Рива и Цветеремич сумели заинтересовать его этим именем. В большой подборке писем и документов, опубликованных под названием «La vera storia del dottor Zivago» в газете «Corierre della Serra» 14 gennaio 1987, Рива привел свое письмо к Цветеремичу от 26 апреля 1956 года, где рассказал о разговоре с Фельтринелли. Валерио Рива просил Цветеремича заказать книгу Пастернака через большой магазин «Rinascita» в Риме и прочесть ее сразу же, как только она выйдет. «Я думаю, что ее следует перевести», — заканчивал он свою просьбу.

«Дорогой Рива, твоя новость по поводу романа Пастернака — дело безотлагательное, — отвечал ему 29 апреля Цветеремич. Этот роман уже был объявлен публикацией нескольких стихотворений из него в журнале «Знамя» 1954. Возможно, ты знаешь об этом, ибо эта новость обошла тогда всю Италию. Но далее в советской печати ничего об этом не сообщалось. Но совершенно точно, что роман еще не вышел (я бы знал об этом).<...> Сообщенная тобой новость (кстати, кто рассказал тебе об этом?) очень удивила меня».

После этого Д'Анджело было дано поручение пойти к Пастернаку, и неожиданно для него самого он сразу же получил рукопись. Вернувшись из Берлина, Фельтринелли быстро вызвал Цветеремича в Милан, чтобы тот ознакомился с рукописью. «Не опубликовать такой роман, — отвечал он вскоре, — значит совершить преступление против культуры». Фельтринелли известил Пастернака о намерении издавать роман и послал ему договор:

Фельтринелли — Пастернаку

Милан, 13 июня 1956.

Дорогой господин Пастернак,

мы благодарим вас за предоставление нам вашего романа «Доктор Живаго».

Первый простой просмотр показал с очевидностью высокие литературные достоинства вашего произведения, рисующего живую картину советской действительности.

Мы хотим еще раз выразить вам признательность за то, что доверили нашему издательству первую в Европе публикацию истории Доктора Живаго и заботу о его издании в других странах с уступкой авторских прав другим издателям.

Мы вам предлагаем свои условия, чтобы уладить вопросы авторского права, как для итальянского издания, так и для изданий на других языках.

За итальянское издание мы можем вам предложить самые высокие в Италии ставки в 15%. Поскольку требования установленной продажной цены, как и стоимость издательских расходов, достаточно высоки у нас в стране, к тому же и плата за перевод тоже отражается на стоимости издания, мы лишены возможности поднять эту процентную ставку.

Что касается прав иностранных изданий, то мы предлагаем, как это принято, платить вам 50 % от того, что мы получим. Предназначенные Вам суммы Вы можете или держать на специальном счете у нас, на случай путешествия или покупок в Европе, или же они могут быть переправлены в Государственный банк СССР.

Таковы самые существенные пункты договора, который мы прилагаем сейчас в двух копиях и просим, если вам будет угодно, вернуть его нам со своей подписью в случае вашего согласия.

С лучшими чувствами

Джанджакомо Фельтринелли

* * *

Приложенный к письму договор состоял из восьми пунктов.

Пункт 1 гласил: «Владелец передает Издателю, который принимает на себя и своих доверенных право печатать и продавать на свои средства и под свою ответственность, в любых размерах перевод на итальянский язык его произведения «Доктор Живаго».

Пункт 3 определял, что «Издатель опубликует первое издание не позже, чем через два года после настоящего соглашения. В случае неиздания в этот срок настоящий договор расторгается полностью».

Пункты 2,5,6,7 предлагали обычное процентное распределение выплат от выпущенных экземпляров и тому подобное. Но пункт 4 создавал необычную

ситуацию, поскольку советский автор был подчинен особым законам своей страны в вопросах издания своего произведения и нравственно и на практике был лишен возможности нормального общения со своим издателем за границей. К тому же произведение публиковалось впервые не на языке оригинала, не на том, на котором оно написано, а в переводе на иностранный. Пункт 4 предусматривал, что «прибыль за частичный или полный перевод произведения на иностранный язык будет разделена поровну между Автором и Издателем». Это означало, что единственным лицом, которое получало право вести переговоры в общих интересах об уступке прав за границей, был издатель, а владелец в своих действиях оказывался полностью связан заключенным контрактом.

Как понимать «перевод на иностранный язык»? Для автора это — всякий другой, кроме русского, на котором написано произведение, а русский язык — язык оригинала. В разговоре Пастернака с Д'Анджело не было ни слова о мировых правах. Речь шла об издании итальянского перевода. Но уже в своем первом письме Фельтринелли благодарит за передачу ему заботы об изданиях в других странах и продаже авторских прав на них. Отсрочка, а затем отказ от русского издания в Москве имели неожиданные последствия для всех, включая и Фельтринелли, и итальянский перевод, который он должен был опубликовать по договору до середины 1958 года, появился 23 ноября 1957 года и стал таким образом первым изданием, а Фельтринелли автоматически приобретал права издания «Доктора Живаго» во всем мире.

Пункт 8 договора предписывал: «Издатель, помимо книжной публикации, имеет исключительное право использования произведения в любой печатной форме и передает Автору половину всех поступлений или процентных выплат, полученных за это». В этом пункте не оговорено использование произведения в аудио-визуальной сфере и, в частности, в кино, но с декабря 1957 года Фельтринелли в переписке с другими издателями предъявляет свои права, как если бы он их получил официально по договору.

Пастернак ответил сразу по получении. Прежде, чем посылать согласие на издание, он показал свой ответ Фельтринелли и договор нам: (моему брату Леониду было тогда восемнадцать лет, мне — 33) и получил от нас полное одобрение, хотя мы оба несомненно могли оценить опасные последствия этого поступка. Но, видя горячую готовность отца пойти на любые лишения, чтобы опубликовать «Доктора Живаго», и сочувствуя ему, мы согласны были на все. Конечно, тогда у нас еще была надежда на публикацию в «Новом мире», хотя задержка с ответом и понимание недопустимой еще в России свободы, с которой написан роман и которой он дышал, могли бы заставить нас сомневаться в этом. Отец поблагодарил нас за поддержку, сказав, что он очень надеялся на наше понимание. Предвидя возможные в будущем осложнения и искажения, он оставил себе собственноручную копию своего письма к Фельтринелли, чего обычно никогда не делал. Эта копия была представлена на юбилейной выставке в Музее Изобразительных искусств в 1990 году, и текст письма в переводе с французского вошел в каталог выставки «Мир Пастернака». Текст оригинала, хранящегося в Центре современной документации, опубликован также по-русски в «Советской культуре» 10 февраля 1990.

Москва, 30 июня 1956

Господину
Издателю Джанджакомо Фельтринелли
Милан. Via Fatabenefratelli 15

Милостивый государь,

Ваши предложения превосходны, я с удовольствием подписываю договор. При том, что мне небезразличен мой заработок, мы здесь живем в условиях совсем не похожих на ваши. Это не моя заслуга, что денежная сторона дела для меня незначительна или вторична. Во всяком случае сохраните все, что мне причитается, под своей защитой, я это полностью поручаю вам и не будем об этом говорить до тех пор, пока я не приеду к вам или сам не вернусь к этому вопросу.

Тем больше моя радость, что роман появится у вас и его будут читать. Если его публикация, обещанная здесь несколькими журналами, задержится, и ваше издание ее опередит, ситуация станет для меня трагически сложной. Но это вас не касается.

От всей души желаю успеха переводу и печатанию романа. Мысли рождаются не для того, чтобы их прятали или заглушали в себе, но чтобы быть сообщенными другим.

Обеспечьте работе хороший перевод. Господин профессор Логатто хвалил и рекомендовал мне для этого поэта и переводчика Рипеллино в Риме.

Примите мои лучшие чувства.

Б.Пастернак.

P.S. Будьте добры известить меня телеграммой о получении письма.

* * *

В этом письме уже заложен весь будущий ход событий: невозможность получить деньги, трагизм ситуации, при которой советские журналы отказываются от публикации «Доктора Живаго», а Фельтринелли их опережает, готовность на жертвы, горячее нетерпение увидеть роман напечатанным, чтобы его могли прочесть, ответственное отношение к переводу. Пастернак назвал имя Анджело Мария Рипеллино, который переводил его стихи, начиная с 1945 года. Пастернак получил от него в подарок составленную им Антологию русской поэзии. Рипеллино в это время работал над переводом стихотворного сборника Пастернака и в письмах спрашивал у автора объяснение непонятных ему мест. Роман переводить, как нам рассказывали, он отказался. Через год, когда Рипеллино в августе 1957 года приезжал в Москву, они с Пастернаком виделись в Переделкине.

Слова Пастернака о том, что деньги в советской России не имеют реального значения, служат объяснением незаинтересованности Пастернака в гонораре. Действительно, Пастернак в своей личной жизни обходился минимумом, что видно из аскетической обстановки его комнаты и прохлоты в одежде, он отказывал себе в каких-либо развлечениях и путешествиях, не нуждался в отдыхе и

не видел удовольствия в том, чтобы тратить деньги. Дача, на которой он жил круглый год и которой ему потом тыкали в глаза как признаком благополучия, была собственностью Союза писателей, и он регулярно платил за ее аренду, машина появилась по настоянию жены только в самые последние годы, причем сам он по-прежнему предпочитал пользоваться электричкой.

Он достаточно много зарабатывал, окупая переводами в течение десяти лет свою работу над романом, при том, что с 1945 года был лишен возможности издавать свои оригинальные произведения. Он всю жизнь денежно поддерживал свою первую жену, а также вдову расстрелянного друга Нину Табидзе, сосланных дочь и сестру Марины Цветаевой и многих других. С 1947 года, времени знакомства с Ольгой Ивинской, он взял на себя и содержание ее и ее семьи.

Здесь снова можно вспомнить раннюю «Повесть» Пастернака 1929 года, где его герой мечтает о получении богатства, чтобы иметь возможность раздать его женщинам. Пастернак сам многие годы своей жизни провел, еле сводя концы с концами. Это никогда не мучило его, он с юности умел видеть в бедности нравственную и художественную красоту и укрепился в своих взглядах в 1930-е годы, когда благополучие писателей рядом с арестами друзей, горем потерь и окружающей бедностью стало откровенно аморальным.

Резкий конец либеральным веяниям «оттепели» был положен событиями в Венгрии. Жестокое подавление восстания в Будапеште советская интеллигенция встретила общественным одобрением. Подписи в газетах должны были показать полное единомыслие страны, в которой невозможны настроения, подобные венгерским. Все возвращалось к привычным жестким формам. Еще в сентябре редколлегия журнала «Новый мир» отказалась от публикации «Доктора Живаго» и в большом письме к Пастернаку обосновала свои претензии. Основной виной автора объявлялось непонимание роли Октябрьской революции и участия в ней интеллигенции.

Судя по недавно открытым документам ЦК КПСС, подобная реакция не была инициативой редколлегии журнала. Сын издателя Карло Фельтринелли в своей книге об отце «Senior Service» (Milano 1999) опубликовал письмо министра Госбезопасности И.Серова, извещавшего Отдел Культуры ЦК о том, что через С.Д'Анджело была передана Фельтринелли рукопись неизданного романа, а также о том, что задержан очерк Пастернака «Люди и положения», по почте посланный во Францию Д.Г.Резникову. Цитаты из письма Пастернака к Резникову от 9 августа 1956 года передают, что писатель имел четкое представление о нереальности публикации романа в России и понимал, что появление его за границей принесет автору тяжелые испытания. Донесение КГБ с грифом «Совершенно секретно» не вошло в подборку документов ЦК, изданную во Франции (Gallimard, 1994). О нем упоминает составитель книги Е.Орехова в своем предисловии к публикации некоторых из этих документов в «Континенте» №93. Через неделю мнение ЦК о «Докторе Живаго» было составлено: «Роман Б.Пастернака является злостной клеветой на нашу революцию и на всю нашу жизнь. Это не только порочное, но и антисоветское произведение, которое безусловно не может быть допущено к печати» (С.189).

Сразу после отказа «Нового мира» начались попытки заставить Фельтринелли вернуть рукопись «Доктора Живаго». Узнав о событиях в Москве от

приехавшего в Милан И.Эренбурга, Валерио Рива 8 октября 1956 г. послал телеграмму в Рим Пьетро Цветеремичу с просьбой о немедленной встрече:

«Дорогой Цветеремич, я имел разговор с Эренбургом чрезвычайной важности. Вопрос очень щекотливый, касающийся Пастернака. Пожалуйста, назначь встречу: лучше всего в Милане, Риме или Флоренции. Телеграфируй. Спасибо, до свидания» («Corierre della Sera» 1987).

В конце октября двум членам коммунистической партии Италии, П.Секкия и П.Роботи, отдыхавшим в санатории ЦК КПСС, в Барвихе, было дано поручение получить назад рукопись романа.

Встревоженный этим, Фельтринелли позаботился о сохранности рукописи, которая была в Риме у Цветеремича, и 31 октября 1956 года было послано письмо с просьбой срочно прислать машинописный экземпляр на русском для дополнительного копирования.

«Дорогой Цветеремич, нам необходимо получить обратно рукопись Пастернака (мы ее тебе вскоре вернем). Я прошу тебя отправить мне рукопись, как только получишь это письмо, ты сможешь работать с уже сделанными фотокопиями, а потом — с теми, которые мы сделаем. Кроме того я жду твоего заключения о романе с кратким его содержанием и сердечно тебя приветствую. Луиджи Диемоз» («Corriere della Sera». 1987).

В Москве между тем вставал вопрос об издании сборника стихов Пастернака в Гослитиздате. Новый стихотворный цикл, написанный для последнего раздела, включал уже 21 стихотворение. В январе 1957 года его корректура была подписана к печати. Выход книги в свет ожидался в ближайшие месяцы. Но постепенно накапливавшееся недовольство по поводу готовившегося издания «Доктора Живаго» в Милане и неудачи с Фельтринелли, который оказался не так послушен, как предполагали в Москве, вылились в откровенный шантаж властей по отношению к Пастернаку. Его хотели заставить выступить против своего издателя.

Эти отношения отразились, в частности, в статье «Поэзия и чувство современности» Корнелия Зелинского («Литературная газета» 6 января 1957).

Фельтринелли тем временем снова претерпевал давление со стороны коммунистической партии Италии. Приезжавший в январе 1957 года в Москву Луиджи Лонго взялся заставить издателя вернуть рукопись «Доктора Живаго» и отказаться от публикации. Лонго было обещано, что Пастернака принудят написать Фельтринелли письмо соответствующего содержания.

С этой целью в Гослитиздате 7 января 1957 года был заключен договор на издание «Доктора Живаго», что позволяло редакции диктовать автору свои условия. Редактор издательства должен был подготовить текст романа для публикации. Руководство этой работой было поручено главному редактору Гослитиздата А.И.Пузикову. «Высокое начальство» дало санкцию на заключение договора с условием заставить Пастернака подписать составленное от его имени письмо к Фельтринелли, чтобы тот остановил издание романа и вернул рукопись для внесения нужных изменений. В своих воспоминаниях Пузиков приводит текст телеграммы в Милан, приготовленный в издательстве для подписи Пастернаку:

«Италия, Милан, Фельтринелли.

Продолжаю работу над романом Доктор Живаго, который готовится к изданию Гослитиздатом. Будут дополнения и изменения. В связи с этим прошу направить рукопись романа в Гослитиздат по адресу: Москва, Ново-Басманная, 19. Для перевода вышлю корректуру романа = Борис Пастернак».

Пастернак отказался это подписать.

Через месяц после заключения договора он, посылая свой собственный текст телеграммы на апробацию Пузикову, четко высказывал понимание фальшивых целей этой игры и объяснял свое «послушание» добрыми отношениями давно знакомых людей, сложившимися между ним и главным редактором.

Пастернак — Пузикову

7 февраля 1957.

<...> Может быть, важно было, чтобы дать телеграмму уговорили меня Вы лично, а не кто-нибудь другой и чтобы она была при Вашем участии? Мне это именно только и дорого, то есть личная нота моих с Вами отношений, а больше ничего. И тогда, если хотите, текст телеграммы я прилагаю к письму и отдаю Вам в руки для любого использования, для отправки по адресу или уничтожения, если эта телеграмма какое бы то ни было приобретение для Вас.

<...> Телеграмму я должен был составить серьезно, с определенными сроками, а не в виде просьбы «навеки», потому что хотя она и дается коммунисту издателю, но при этом человеку реальному и деловому, и надо показать, что и просят его о деле.

Я прошу о полугодовой отсрочке, в течение которой может выйти советское издание, но спорить о сроках не имеет смысла, так как все это неосуществимо — противоречивое намерение (издание «Живаго» в Гослитиздате) и телеграмма только исключительная формальность. Мой ломаный и забытый итальянский язык как раз и подходит к телеграфным сокращениям и может быть понят получателем только в телеграмме.

Если Вы ее пожелаете отправить, мне кажется, не надо давать ее на отредактирование нашим переводчикам с итальянского, но оставьте у себя копию.

Извините, что утомил вас длинным письмом. Мне жалко, что разница во взглядах делает невозможным для Вас почувствовать, как я Вас люблю и уважаю.

Ваш Б.Пастернак

Телеграмма:

Издателю Джанджакомо Фельтринелли
улица Фатебенефрателли, Милан

В соответствии с просьбой Гослитиздата, Москва, Ново-Басманная 19, прошу задержать итальянское издание романа Доктор Живаго на полгода, до первого сентября 1957 года и выхода романа в советском издании: ответ направить телеграфно в Гослитиздат =

= Пастернак.

Телеграмма была отправлена 13 февраля 1957 года.

Накануне того дня, когда Пастернак писал Пузикову и посылал ему текст телеграммы, 6 февраля, он имел возможность сообщить Фельтринелли письмом о подлинном смысле происходящего. Дело в том, что в этот день отправлялась в Париж его новая знакомая, молодая французская славистка Жаклин де Пруайяр. Она приезжала в Москву на несколько месяцев на стажировку в Университете и успела завоевать любовь и доверие Пастернака. Он дал ей прочесть полученный из «Нового мира», уже не нужный им машинописный экземпляр «Доктора Живаго». Она предложила Пастернаку свою помощь в переводе и издании романа по-французски. Уезжая в Париж, Жаклин де Пруайяр увозила просмотренный и выверенный автором текст «Доктора Живаго». В отличие от неправленого экземпляра Фельтринелли, который годился только для перевода, — этот предназначался для русского издания. Передача сопровождалась просьбой не только перевести роман на французский язык но и, что главное, обеспечить публикацию русского текста. Находившемуся перед угрозой редакторского искажения текста Пастернаку было в высшей степени важно русское издание, которое закрепило бы правильный текст. Жаклин де Пруайяр также была подарена рукопись автобиографического очерка, написанного в качестве предисловия к шедшему в Гослитиздате сборнику стихов, со всеми правами на его перевод и издание.

Пастернак написал Жаклин де Пруайяр доверенность на ведение его литературных дел за границей: «Я наделяю ее полным своим доверием во всех литературных делах, касающихся меня и уполномачиваю ее переводить и издавать мои работы, руководить их печатанием и получать все права и все авторские гонорары».

Кроме того она везла небольшую записку французскому издателю Гастону Галлимару, где Пастернак удостоверял ее как «свою представительницу во всех литературных, юридических и денежных вопросах», которые могут возникнуть между издательством и автором. В заключение он писал: «Я даю ей полные права и обязываю замещать меня за границей в неограниченных пределах вплоть до забвения моего собственного существования».

Из письма к Фельтринелли, посланного с Жаклин де Пруайяр, становились ясны причины, вызвавшие слова о «забвении» самого существования автора. (Письмо публиковалось в отрывках в «Советской культуре» 10 февраля 1990).

Пастернак — Фельтринелли

Москва, 6 февраля 1957.

Милостивый государь,

В нашем государственном издательстве настаивают, чтобы я послал вам телеграмму с просьбой задержать итальянское издание моего романа вплоть до его появления в отредактированном виде в этом издательстве. Я предложил бы вам предельный срок, к примеру, в шесть месяцев. Подчинитесь этой отсрочке, если это не противоречит вашим планам, и дайте телеграмму в ответ не мне, а по адресу издательства: Москва. Новая Басманная 18. Гослитиздат.

Но если, вопреки моему постоянному желанию, чтобы ваша публикация была строго верна авторскому тексту рукописи, я узнаю, что в итальянском переводе вы захотите последовать редакторским изменениям, которые естественно причиняют мне боль неизбежной угрозой искажений текста, мне будет гораздо тяжелее.

Еще один вопрос: я сам отяготил вас заботами по пункту 4 договора и обязал вас заниматься переводами на другие языки. Недавно у меня появились новые близкие друзья во Франции, которые согласны работать вместе со мной и связаны с лучшими издательствами, такими как например, Галлимар и Фаскель. Я готов обеспечить вам любое вознаграждение дополнительно ко 2-й статье договора, если вы уступите дело французского издания группе французских переводчиков, о которых вам напишет госпожа Жаклин де Пруайяр, моя представительница в литературных делах в Париже, по инициативе которой создалась эта группа. Если вы не хотите освободиться от контроля за изданием романа во Франции, по крайней мере переговорите с М-м де Пруайяр, М-ль Элен Пельтье, г-дами Мишелем Окутюрье и Мартинесом как с переводчиками, в которых вы нуждаетесь в соответствии со статьей 4. Договоритесь с ними. Я прошу вас исполнить это как мое настоятельное желание. И простите меня, что так вас затрудняю.

Ваш Б.Пастернак.

Известия из Москвы резко изменили всю ситуацию с изданием в Милане. Речь об отсрочке и о готовящемся французском издании Фельтринелли понял как необходимость скорейшей публикации. Работа над переводом пошла ускоренным темпом. И если раньше по договору Фельтринелли имел два года для перевода и издания, то теперь Пастернак ставил ему определенную дату: осень 1957 года. Надо было срочно поспеть к этому сроку. Получив письмо Пастернака, Фельтринелли 28 февраля 1957 писал Цветеремичу:

«Дорогой Цветеремич, я пишу тебе для того, чтобы сообщить, что в течение трех месяцев необходимо окончить работу над романом. В сентябре выходит русское издание, и для того, чтобы наш договор оставался действенным, то есть чтобы была возможна продажа права публикации, следует обеспечить начало продажи книги ко 2 сентября. Джанджакомо Фельтринелли» («Corriere della Sera» 1987).

В письме Пастернака рукою Фельтринелли отмечено темное для него место об «искажении его текста», об угрозе чужого вмешательства в текст Пастернака и опасности, связанной с публикацией подлинного авторского текста романа.

Фельтринелли не встретился, как просил его Пастернак, с группой французских переводчиков, о его намерении выпустить роман осенью они узнали из письма французского журналиста Жана Невеля, сына русского поэта Вячеслава Иванова. Дмитрий Вячеславович недавно вернулся из Москвы в Рим и писал сотруднику издательства Галлимара Брису Парену 29 марта 1957:

«У меня было только что короткое свидание с Джанджакомо Фельтринелли. Перевод романа готовится. При этом очевидно, что Фельтринелли не хочет, чтобы итальянский перевод опережал оригинальное издание в СССР.

На него оказывается сильное давление, с тем чтобы задержать издание, и мое впечатление, что он не намерен этому противостоять.

С другой стороны, он считает, что итальянский перевод появится с опозданием на месяц после публикации романа в СССР и что, если отсрочка будет соблюдена, он получит в соответствии с международной конвенцией — содержание которой мне совершенно неизвестно — право требовать для своего издательства копирайт за границей».

Через полтора месяца, убедившись, что работа над переводом пошла быстрее, Фельтринелли ответил Пастернаку:

Фельтринелли — Пастернаку

Милан, 22 марта 1957.

Милостивый государь,

несколько недель тому назад я получил известия, что ваш роман «История Доктора Живаго» будет опубликован в Москве в будущем сентябре. Позвольте мне сказать вам, как это меня обрадовало.

Итальянский перевод идет полным ходом и после известия о близком издании в Москве я постарался убедить своего переводчика, чтобы перевод был закончен как можно раньше.

Примите, милостивый государь, самые дружественные мои приветствия.

Джанджакомо Фельтринелли

Пастернак в это время тяжело заболел, и его положили в больницу. Через месяц, когда мучительные боли в колене стали по временам отпускать его, он, с трудом водя карандашом, писал Серджо Д'Анджело, стараясь разъяснить ситуацию с редактируемым в Гослитиздате текстом.

В своей статье в Sunday Telegraph (7 may 1961) Д'Анджело вспоминал о приходе к нему О.В.Ивинской, которая была обеспокоена решительным сопротивлением Пастернака тем изменениям, которые вносили в текст романа редакторы Гослитиздата, и, боясь последствий, просила передать свою просьбу к Фельтринелли, чтобы тот допустил эту переработку и в своем итальянском издании. Она брала на себя «задачу согласовать это с Пастернаком и властями». Это объясняет то, с какой настойчивостью из письма в письмо в переписке с Фельтринелли и Д'Анджело возникает просьба Пастернака, чтобы итальянское издание делалось строго по тексту переданной им первоначальной рукописи.

Пастернак — Д'Анджело

16 апреля 1957.

Дорогой Д'Анджело!

Как жаль, что мы с Вами не встретились, пока я был здоров! Теперь я надолго залег в Кремлевскую больницу со страшными болями в правой ноге и не представляю себе сейчас, когда и как я выздоровею.

Телеграмма о задержании выпуска романа по-итальянски до 1 сентября 1957 года была послана Фельтринелли из Гослитиздата с моего ведома. Срок

его выпуска к 1-му сентября 1957 года был, при отправке телеграммы, мне действительно обещан.

Что касается просьбы об отступлении итальянского перевода от первоначального русского текста рукописи, с которой делается перевод, я никогда Фельтринелли не просил ни о чем подобном и мысль о расхождении итальянского перевода, сделанного с точного подлинника, с той его формой, в которой он будет отредактирован в русском издании, никогда меня не останавливала и не пугала.

Эти предполагаемые изменения буду производить и вносить в русский текст не я, а специальный редактор, которому издательство поручило сгладить углы романа, неприемлемые для советского издания. Я еще не видел результатов его работы и теперь, лежа в больнице с заболеванием, пока что нестерпимо мучительным и которому я не вижу конца, наверное, не скоро увижу.

В стадии, в какой сейчас нахожусь я — и физически, и мои мысли и состояние дел со здешним изданием романа — мне кажется, издателю Фельтринелли не надо заходить в его любезностях так далеко, как он, по-видимому, готов, и ограничиться отсрочкой напечатания романа по-итальянски до 1 сентября этого года.

Вида, в какой будет превращен роман, чтобы стать приемлемым для печати, я себе пока не представляю, и его невозможно предугадать. Кроме неопределенности, заключенной в этих предположениях самих по себе, дело страшно и на неопределенно долгий срок осложнилось моей болезнью. Неужели Фельтринелли поставит себя в зависимость от таких, пока не поддающихся определению, условий.

Мне трудно (физически больно) писать, — простите меня. Надеюсь, что из моих слов Вы извлечете что-нибудь полезное для Вашего решения. Будьте здоровы, благодарю Вас за внимание.

Ваш Б.Пастернак

§

В тот же день, тревожась из-за задержки изданий и невыплаты гонораров, Пастернак запрашивал главного редактора А.И.Пузикова. Тот отвечал ему 22 апреля:

«Книгу стихов отпечатаем в мае, а за ней приналяжем на «Живаго». Г.И.Владыкин <директор издательства> согласен, чтобы Вашего доктора лечил (редактировал) Старостин. Через две недели займусь вплотную романом. Советую <...> думать о здоровье и не встречаться с людьми, которые могут Вас волновать. У Вас один ответ: Госиздат роман издает. Работаю, переделываю, дополняю. Сейчас болен. Поправлюсь — продолжу работу. Срок — сентябрь.

Я глубоко верю в благополучное завершение всех наших начинаний»,- заканчивал он свое письмо.

Тем временем работа над итальянским переводом быстро продвигалась вперед, 9 мая Пьетро Цветеремич писал Фельтринелли:

«Дорогой Фельтринелли, я хочу информировать тебя о том, как идет работа над романом Пастернака. Перевод уже набран и напечатан до 546 страницы. Недостает еще около 200 страниц текста и стихов. Это тебя должно убедить, что условия договора соблюдаются. Я думаю, что если работа будет идти в том же темпе, перевод будет завершен в течение месяца. Это непосильный труд,

так как текст безумно сложен, и наибольшая сложность заключается в красоте его формы (часто это поэзия в прозе), а это обязывает переводчика к некоторой изворотливости.

Пьетро Цветеремич».
(«Corriere della Sera». 1987)

Уверившись в успехе задуманного, Фельтринелли послал подробное письмо в Гослитиздат. Возможно, ему помогало «заключение», написанное тем же Цветеремичем:

Фельтринелли — в Гослитиздат

Милан, 10 июня 1957

Дорогие Товарищи,

этим письмом мы хотим подтвердить вам, что мы издадим роман Пастернака «История Доктора Живаго» не раньше, чем в сентябре, когда выйдет советское издание.

Теперь мы имеем возможность оценить рукопись и находим, что роман имеет очень высокие художественные достоинства, что приближает Автора к великим русским писателям XIX века, и находим в этой прозе сходство с Пушкиным. Пастернак замечательно показывает нам Россию, ее природу и душу, исторические события, которые передаются ясным и точным изображением персонажей, вещей и фактов в духе реализма в лучшем смысле слова, реализма, который становится не тенденцией, а искусством.

Размышления главного героя и других персонажей романа о своей собственной судьбе и судьбах своей родины ведутся на таком уровне, который подымает их над политическим содержанием, тем более что соображения и суждения о событиях предполагают одобрение или неодобрение читателя. В этом можно усмотреть спорный характер произведения Пастернака. Но нам представляется, что эти утверждения имеют в книге относительное значение и теперь, после XX съезда, разоблачения определенных фактов нас более не беспокоят и не удивляют.

С другой стороны западный читатель впервые найдет в книге высокий художественный и поэтический голос, озабоченный поисками пути, ведущими от Октябрьской революции к перспективам новой эпохи в русской истории, когда социализм становится естественной жизнью общества. И то, что этот голос в глазах западного читателя принадлежит человеку, не вовлеченному в активную политическую деятельность, придает его словам большую искренность и веру, и читатель не сможет не оценить изображенную вне рамок идеологического ригоризма волнующую картину событий и истории русского народа, утверждение их значительности и положительных перспектив развития. Для западного читателя очевидно убеждение, что пройденный путь ведет вашу страну вперед и что с окончанием истории капитализма начался новый период.

Мы изложили вам наше объективное и согласованное суждение о содержании романа Пастернака, из чего мы заключаем, что соображения в пользу его публикации намного перекрывают спорные. И к такому представлению мы приходим не только в издательских интересах, но принимая во внимание нашу политическую позицию, которую вы хорошо знаете. К тому же моменты издательского и политического суждения для нас неотделимы.

Мы сочли нужным выразить вам свою точку зрения, поскольку в прошлом у вас имелись какие-то небольшие недоразумения по поводу сюжета романа Пастернака и опасения насчет того, что его публикации мы намереваемся придать скандальный смысл, что нам совершенно несвойственно.

Примите, дорогие Товарищи, наши сердечные приветствия.

Джанджакомо Фельтринелли.

Через неделю, 18 июня 1956 г., от Цветеремича было получено известие об окончании работы над переводом:

«Дорогой Фельтринелли, я закончил перевод «Доктора Живаго», включая стихотворную часть, и на днях пришлю тебе второй экземпляр, предварительно передав его Галло, как это уже было сделано с текстом до 546 страницы. Стихи я отошлю Сократе для окончательной доработки, вам же я посылаю свой первый вариант, чтобы вы с ним ознакомились. Таким образом, тяжкая, но благодатная работа над этим переводом подходит к концу. Как видишь, я соблюдаю правила договора: в течение июня ты получишь от меня все. Я должен буду написать Пастернаку, чтобы спросить о возникших у меня сомнениях, так как в некоторых местах нашего экземпляра рукописи пропущены какие-то слова. У вас есть адрес? И как вообще это делается?

Пьетро Цветеремич».
(«Corriere della Sera». 1987)

Вскоре от Пастернака пришло письмо:

Пастернак — Фельтринелли

Москва, 20 июня 1957

Милостивый государь,

Я был болен больше трех месяцев и находился сначала дома, потом в больнице, а сейчас в санатории под Москвой.

Еще раз благодарю вас за согласие на отсрочку, которую требовало Государственное издательство (Гослитиздат). И это именно все, что я от вас хотел. Большее было бы лишним.

Если вещь не появится у вас по-итальянски 1 сентября в том виде, который соответствует первоначальной русской рукописи, это в высшей степени заденет и огорчит меня.

Задержка итальянского издания создаст препятствие для появления других иностранных переводов (например, во Франции, Англии, Чехословакии и других местах), осуществление которых я поручил вам и поставил в зависимость от вас.

Роман никогда не появится у нас. Лишения и беды, которые, возможно, меня ожидают, если появятся заграничные издания и не будет аналогичного советского — это не наше дело, ни мое, ни ваше.

Нам важно только, чтобы работа, не взирая на это, увидела свет, — помогите мне в этом.

Примите выражение моих лучших чувств.

Б.Пастернак

(Письмо с неверной датой и с купюрами было опубликовано в «Советской культуре» 10 февраля 1990).

Фельтринелли все еще не понимал, что именно он издает, и в этом письме отметил чертой по полю то место, где Пастернак откровенно пишет ему о нереальности публикации романа в Москве и несчастиях, которые он готов перенести, ради издания его за границей. Только что он посылал советским товарищам уверения в дружбе и взаимодействии, как вдруг оказалось, что издание романа сопряжено с трудностями отнюдь не коммерческого плана. Он умел преодолеть соперничество конкурирующих издательств и всячески затягивал подписание соглашений, усложняя договорную процедуру елико возможно, но реакция Москвы на итальянское издание романа, все еще была ему неясна.

Что значила для Пастернака публикация романа, еще более подробно было объяснено им в записке, написанной по-русски и посланной Цветеремичу:

Пастернак — Цветеремичу

25 июня 1957

Дорогой Цветеремич!

Сердечный привет! Спасибо Вам за все заботы и хлопоты обо мне. Если у Вас будет случай, раздобудьте, пожалуйста, мартовской номер французского журнала «Esprit». Там есть статья обо мне и переводы. Я ведь ничего этого не вижу, не получаю и не знаю ничего из того, что имеет отношение ко мне. Было предположение во франц<узском> издательстве Gallimard об издании «Доктора Живаго» во французском переводе. Наверное переводчики и переводчицы M-lle Hилйне Peltier, M-me Jacqueline de Proyart de Baillescourt, M.Aucouturier ? др. списались с Фельтринелли об этом, как и представители англ<ийской> фирмы Collins. Я хотел бы, чтобы они знали, что не надо задерживать выпуска книг из-за того, какие это может иметь последствия для меня. Я писал роман для того, чтобы он был издан и прочитан и это остается единственным моим желанием. Еще раз всего лучшего. Я выздоравливаю и, может быть, скоро увижу Вас.

Ваш Б.Пастернак

Записка написана карандашом и носит следы поспешности. В начале страницы наполовину оторвано обращение к Цветеремичу. Вероятно, это ответ на известие об окончании перевода и предполагаемом скором приезде Цветеремича в Москву. Пастернак хотел познакомить итальянского переводчика с французскими, предлагая ему посмотреть переводы стихов, сделанные Мишелем Окутюрье в журнале «Esprit», которых он сам еще не видал, но о красоте которых мог судить из отзывов других и личного знакомства с переводчиком. Пастернак не получал никаких известий из Франции, ничего не знал об издательских намерениях Галлимара. Он надеялся, что Цветеремич сможет ему обо всем этом рассказать при встрече.

А в Москве, в Гослитиздате, несмотря на весенние обещания, так и не начинали печатать сборник стихотворений, требуя изменений в тексте автобиографического очерка. Писалась дополнительная глава об отношении Пас-

тернака к революции, выкидывались места, посвященные Марине Цветаевой, Андрею Белому, Маяковскому. Предисловие, подписанное к печати в январе 1957 года, в июле стало казаться непозволительным по смелости. Его текст, полученный еще в феврале, Жаклин де Пруайяр по просьбе Галлимара начала переводить для издания, так как на него не было никаких договорных ограничений, а издание «Доктора Живаго» было предметом затягивающихся переговоров с Фельтринелли.

А.И.Пузиков вспоминал о своих летних приходах к Пастернаку в Переделкино вместе со Старостиным, с которым они срочно редактировали роман, желая «совершенствовать произведение, довести до издания». «Обнадеживало и то, — пишет Пузиков, — что Борис Леонидович шел навстречу, соглашался с некоторыми нашими замечаниями». (Ново-Басманная, 19. М.,1990.С.489). В семье Старостина сохранился машинописный экземпляр романа, первые главы которого носят исправления и редакторские дополнения, не столько сглаживающие политические углы, сколько «раскрашивающие» и расширяющие описания и диалоги. Но удивительно то, что Пузиков, старый советский редактор, после стольких лет занятий литературой так и не научился отличать имитацию от подлинного искусства и, несмотря на слова Пастернака в письме к нему о том, что он радуется всякому препятствию в этой работе, которая ведется для того, чтобы «исказить и скрыть главное существо» его мыслей, до конца жизни верил в возможность «улучшения» романа и искренность автора, соглашавшегося из вежливости с теми нелепостями, которые ему высказывались.

Тем временем две главы из романа и несколько стихотворений в переводе Анны Каменской и Северина Поллака были опубликованы в новом польском журнале «Opinie». Это были две встречи Живаго со Стрельниковым, первая — в штабном вагоне и последняя — в Варыкине.

Реакция на это не заставила себя ждать. В ЦК КПСС по требованию М.А.-Суслова и П.Н.Поспелова в начале августа были составлены «объяснительные записки» по поводу печатания романа в Италии. Рассчитывали на возможность редактуры романа в Гослитиздате и согласие Фельтринелли ждать поправок автора до сентября. Луиджи Лонго была послана рецензия «Нового мира» с тем, чтобы он со своей стороны принял меры.

Пастернак 13 августа 1957 года получил вызов на заседание секретариата Союза писателей. Только что вернувшийся из санатория, со все еще болевшей ногой, он отказался придти, сославшись на нездоровье. Вместо него поехали для объяснений О.В.Ивинская, А.В.Старостин и А.И.Пузиков, который вспоминал потом, что сообщение Старостина об окончании работы над редактированием романа в Гослитиздате и готовности его издать «было встречено в штыки. В ход пошла известная формула — «черного кобеля не отмоешь добела». Сама идея доработки романа была сочтена абсурдной. Совещание на том и закончилось, и <они>, как побитые, ушли, поняв, что дальнейшая дорога к изданию «Доктора Живаго» закрыта».

Напуганная перед тем разговором с Поликарповым, а потом А.А.Сурковым, бывшим тогда первым секретарем Союза писателей, О.В.Ивинская снова обратилась за помощью к Серджо Д'Анджело. Он вспоминал об этой встрече в «Sunday Telegraph» (may 7, 1961):

«Вскоре Ивинская снова явилась ко мне на дом и на этот раз в слезах: власти предъявили Пастернаку ультиматум: послать телеграмму Фельтринелли со словами, что он не доволен романом и требует возвращения рукописи, иначе его ждут серьезные последствия.

Пастернак отказался пойти на эту уловку, и она (Ивинская — *ред.*) не может с ним сладить. Она просила употребить мое влияние, чтобы убедить его. Так что моя вторая встреча с писателем была труднее первой <...>. Он был возмущен тем, к чему мы его склоняли, и обрушил на нас с Ольгой свое негодование».

Д'Анджело рисует вспышку гнева, вырвавшуюся в ответ на их уговоры у обычно мягкого и доброжелательного Пастернака. В этих воспоминаниях производит сильное впечатление яркая картина откровенного насилия над совестью и достоинством «опекаемого» человека, которая в глазах обоих доброжелателей оправдывалась желанием спасти его от последствий его «строптивости». Тем не менее их «благотворительная миссия», как назвал ее Пастернак, удалась. Верх взяло доброе расположение к участникам и, главным образом, слова Д'Анджело, сказавшего, что «Фельтринелли не придаст никакого значения телеграмме и не станет ничего плохого думать о Пастернаке, если тот пошлет ее».

Пастернак описал события последних недель в письме к Нине Табидзе 21 августа 1957 года:

«Здесь было несколько очень странных дней. Что-то случилось касательно меня в сферах мне недоступных. Видимо Хрущеву показали выборку всего самого неприемлемого из романа. Кроме того (помимо того, что я отдал рукопись за границу), случилось несколько обстоятельств, воспринятых тут с большим раздражением. Тольятти предложил Фельтринелли вернуть рукопись и отказаться от издания романа. Тот ответил, что скорее выйдет из партии, чем порвет со мной, и действительно так и поступил. Было еще несколько неизвестных осложнений, увеличивших шум.

Как всегда, первые удары приняла на себя О.В. Ее вызывали в ЦК и потом к Суркову. Потом устроили секретное расширенное заседание секретариата президиума ССП по моему поводу, на котором я должен был присутствовать и не поехал, заседание характера 37 года, с разъяренными воплями о том, что это явление беспримерное, и требованиями расправы, и на котором присутствовала О.Вс. и Ан<атолий> Вас. Ст<аростин>, пришедшие в ужас от речей и атмосферы (которым не дали говорить), и на котором Сурков читал вслух (с чувством и очень хорошо, говорят) целые главы из поэмы <«Высокая болезнь»>.

На другой день О.В. устроила мне разговор с Поликарповым в ЦК. Вот какое письмо я отправил ему через нее еще раньше, с утра.

«Люди нравственно разборчивые никогда не бывают довольны собой, о многом сожалеют, во многом раскаиваются. Единственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, это роман. Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях. Может быть, ошибка, что я не утаил его от других. Уверяю Вас, я бы его скрыл, если бы он был написан слабее. Но он-то оказался сильнее моих мечтаний, сила же дается свыше, и, таким образом, дальнейшая судьба его не в моей воле. Вмешиваться в нее я не буду. Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое».

Поликарпов сказал, что он сожалеет, что прочел такое письмо и просил О.В. разорвать его на его глазах.

Потом с Поликарповым говорил я, а вчера, на другой день после этого разговора, разговаривал с Сурковым. Говорить было очень легко. Со мной говорили очень серьезно и сурово, но и вежливо и с большим уважением, совершенно не касаясь существа, то есть моего права видеть и думать так, как мне представляется, и ничего не оспаривая, а только просили, чтобы я помог предотвратить появление книги, то есть передоверить переговоры с Фельтринелли Гослитиздату и отправить просьбу о возвращении рукописи для переработки».

Пастернак писал Нине Табидзе, как раз в тот день, когда им была подписана требуемая телеграмма к Фельтринелли.

«Италия. Милан Via Fatebenefratelli. 15.

В процессе дальнейшей работы над рукописью романа «Доктор Живаго» я пришел к глубокому убеждению, что написанное мною нельзя считать законченным произведением. Находящийся у вас экземпляр рукописи этого романа рассматриваю, как нуждающийся в серьезном совершенствовании предварительный вариант будущего произведения. Издание книги в таком виде считаю невозможным. Это противоречило бы моему правилу издавать только вполне законченные сочинения. Соблаговолите распорядиться о возвращении по моему московскому адресу возможно кратчайшие сроки рукописи романа, крайне необходимой мне для работы.=

= Пастернак.
21 августа 1957».

В августе 1957 года в рамках проходившего в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов к Пастернаку в Переделкино в составе небольшой группы сотрудников журнала «Contemporaneo» приезжал итальянский славист Витторио Страда, недавно опубликовавший статью о поэзии Пастернака. Оказалось, что Пастернак читал эту статью и предложил Страде познакомиться с недавно оконченным им автобиографическим очерком. Через неделю, перед возвращением в Италию Страда на взятой в Союзе писателей машине отвез ее в Переделкино, при этом Пастернак попросил Страду сразу после приезда передать Фельтринелли, чтобы он не слушался телеграммы. «Я хочу, — сказал он, — чтобы роман был издан в Италии точно по тексту имеющейся у него рукописи». Пастернак также рассказывал Страде, что недавно его вызывал к себе Сурков и под угрозами он вынужден был подписать телеграмму, чтобы остановить итальянское издание. (Vittorio Strada. Incontro con Pasternak. Istituto Suor Orsola Benicasa. Napoli 1990. P.55-59.)

Вызовы Ивинской к Поликарпову продолжались, и 30 августа 1957 года Пастернак высказал ему свои соображения по поводу издания романа за границей с позиции сознающего свою правду человека и рассчитывая на здравое понимание:

«Телеграммы, которые в предложенном мне виде я подписал, вызывают мое сожаление не только потому, что я это сделал нехотя и скрепя сердце, но

и оттого, что шум, которого желают избежать и которого появление романа нисколько бы не вызвало, подымется только теперь в результате запретительных мер. <...>

Не только в Польше и других странах отрывки станут известны повсюду без моих усилий... Есть только один путь к успокоению: успокоиться самим и оставить в покое меня и эту тему».

Он решительно отказался вслед за телеграммой слать «разгневанное письмо» издателям, которые, несмотря ни на что, продолжали готовить издания романа. Он писал, что даже в страшные 1940-е годы, «при силе Сталина», он не соглашался писать подобные письма англичанам и чехам, издававшим его, и вину за это видел в политике, которая закрыла для него возможности издаваться на родине.

«В чем-то (не со мной, конечно, что я, я малая песчинка) у нас перемудрили, — заканчивал он письмо. — Где тонко, там и рвется. Я рад быть, по поговорке, этой ниткой или одной из этих ниток, но я живой человек и, естественно мне страшно того, что Вы мне готовите. Тогда Бог Вам судья. Все в Вашей воле, нет ничего в наших законах, что бы я мог ее неограниченности противопоставить». (РГАЛИ).

Со слов очевидцев Карло Фельтринелли записал, в каком возбуждении вернулись итальянские коммунисты с фестиваля в Москве. Яростно размахивая фальшивым письмом Пастернака, они требовали немедленной остановки публикации «Доктора Живаго». «Я получил взбучку», — передавал Фельтринелли свой разговор с партийными функционерами.

В середине сентября в составе официальной делегации, приглашенной Союзом писателей, приехал в Москву Пьетро Цветеремич. Сразу по приезде с ним завели разговор о нежелательности итальянского издания «Доктора Живаго» и рекомендовали ему отказаться от перевода. Кто-то из сотрудников ВОКСа передал ему напечатанный на машинке текст, датированный 19 сентября 1957 года, якобы от Пастернака. Составленное от лица, впервые узнавшего о Цветеремиче, и написанное казенным языком, письмо повторяло слова составленных в ЦК телеграмм и с головой выдавало фальшивку. Валерио Рива опубликовал его по-итальянски в своей подборке в газете «Carriere della Sera»:

«Уважаемый синьор Цветеремич, мне стало известно, что Вы один из переводчиков моего романа «Доктор Живаго» на итальянский язык. В процессе заключительной работы над рукописью романа я пришел к глубокому убеждению, что написанное мною нельзя считать законченным произведением. Находящийся у вас экземпляр рукописи я рассматриваю как начальный и нуждающийся в серьезном совершенствовании предварительный вариант будущего произведения. Издание книги в таком виде считаю невозможным. Это противоречило бы моему правилу издавать только вполне законченные произведения. Придя к этому заключению, я послал синьору Фельтринелли телеграмму, в которой просил остановить работу над переводом романа. К моему удивлению, синьор Фельтринелли не ответил мне, проявив таким образом неуважение ко мне как автору. Кроме того, на днях мне стало известно, что синьор Фельтринелли распространил фотокопии рукописи романа в издательства в разные страны. Полагаю, что Вы в состоянии понять, насколько мне не

хотелось бы, чтобы неоконченное произведение вышло в свет. С глубоким уважением.

Борис Л.Пастернак».

Получив эту бумагу, Цветеремич сразу поехал в Переделкино. Пастернак рассказал ему о событиях последнего месяца и фальшивых телеграммах, посланных вопреки его воле. Были выяснены также некоторые непонятные для переводчика места в тексте романа. Цветеремич вернулся в Рим в конце сентября и переслал маленькую записочку от Пастернака:

Пастернак — Фельтринелли

Милостивый государь, я шлю вам свою горячую благодарность за ваши трогательные заботы. Простите мне ту несправедливость, которую навлекла на вас и, может случиться, еще навлечет моя горестная судьба. Пусть хранит вас наше далекое будущее, вера в которое помогает мне жить.

Б.П.

Через несколько дней Цветеремич отчитывался перед Фельтринелли о своей поездке в Москву:

Рим, 5 октября 1957.

Дорогой Фельтринелли, я не написал тебе сразу письма, как хотел, потому что после нашего телефонного разговора, это не показалось мне таким неотложным делом, неотложной казалась мне подготовка объяснений к роману. Я посылаю их отдельно.

В Москве вокруг книги складывается скверная ситуация. Там готовится крупный скандал. Публикацию рассматривают как «удар по революции». Это, конечно, совершенно бесчестный ход. Тем более что я был абсолютно уверен, что книга должна выйти в СССР. Я видел договор Пастернака с Гослитиздатом, заключенный 7 января 1957 года и кроме того письмо к Пастернаку одного писателя о намерении опубликовать отрывки из романа в каком-то журнале. Я познакомился с редактором издательства, которому было поручено пересмотреть роман. Мне кажется, что члены ЦК КПСС Поспелов и другие склоняются к тому, чтобы его опубликовать. Все изменилось под давлением Союза писателей, который в этом случае оказался более принципиальным, чем партия, и связал всем руки. Сейчас один юрист из ЦК занимается вопросами запрещения передачи права публикации за границу (то есть тебе), но я не думаю, что он сможет это сделать законным образом. И вот через него заставили Пастернака послать ту известную тебе телеграмму и принуждают писать другую ложь и письма (вроде того, которое мне предъявили в ВОКСе в Москве).

Пастернак просит тебя не обращать на это внимания и ждет не дождется времени, когда выйдет книга. Это несмотря на то, что ему угрожают разоблачениями и лишили заказанных ранее работ. Пастернак просит тебя не разглашать того, что по вашему с ним договору ему полагается определенная сумма. Соглашение — да, пожалуйста, но ничего конкретного о гонорарах. Это может самым непредвиденным образом отягчить его положение. Его спасение в том, чтобы считали, что он ничего не получает.

Пастернак для собственной безопасности и большей ясности предлагает, чтобы роману было предпослано следующее объяснение от издательства:

«Эта книга была окончена более трех лет назад. Советское радио и журнал «Знамя» (№4, 1954) объявили о ее скорой публикации. В советской печати появлялись и другие подобные заявления. В связи с этим, понимая значительность Автора, наше издательство позаботилось обеспечить себе право на публикацию, зная, что на советские книги не распространяется Международная конвенция по авторским правам и произведение может быть произвольно переведено и недобросовестно напечатано любым издательством. Мы получили у Автора экземпляр рукописи, который был благосклонно оценен нашими консультантами. Одновременно мы стали переводить книгу, считая, что это принесет славу не только автору, но всей литературе, к которой он принадлежит. В связи с подготовкой итальянской публикации наше издательство вступило в переписку с советским». (Здесь выделить их просьбу о задержке издания и т.д.). «В конце лета, когда роман был уже в работе и ничто ни в нашей переписке с советским издательством, ни в советской печати не предвещало, что могут возникнуть трудности с публикацией, мы получили телеграмму от автора...» (Может быть, привести ее текст). «Такую же телеграмму и письмо получил и переводчик книги. Если бы мы даже могли согласиться с Автором в том, что это незаконченное произведение требует переработки, то и тогда мы уже не имели возможности остановить издание — как по техническим причинам, так и потому, что в соответствии с нашим соглашением права на это произведение были уже переданы в другие европейские страны и другие издательства. Но мы убеждены, что книга в том виде, в каком мы ее публикуем, никак не может считаться незавершенной, она представляет собой произведение исключительной ценности, и в этой уверенности мы ее напечатали и представляем итальянским читателям.

Возникает мысль, что жалобы и неуверенность Автора могли в большой мере быть обусловлены отношением к его произведению некоторых представителей советской литературы, связанных своими догматическими и идеологическими установками на политическую роль искусства».

(«Corriere della Sera»).

* * *

В 1990 году Цветеремич писал нам, что именно это путешествие в Москву толкнуло его «к окончательному решению, уже годами назревавшему, уйти из компартии». «Я убедился тогда, что в СССР никакой социализм не существует, а просто азиатский теократический деспотизм, что социализм вообще утопия».

Не получая никакого ответа от Фельтринелли и понимая, что «Доктор Живаго» вот-вот выйдет в свет, Сурков, в качестве крайнего средства воздействия, вычеркнул чье-то имя из группы командированных в Италию на литературный конгресс и, вписав свое, поехал в Милан. С тем же текстом телеграммы в руках, в качестве доброго друга Пастернака, обеспокоенного судьбой его «нуждающегося в совершенствовании» и «недоработанного» произведения, он пришел на улицу Андегари. Фельтринелли проявил непреклонную твердость, решительно отказавшись остановить издание и вернуть рукопись. Он сказал,

что хорошо знает, каким способом добываются подобные письма, и не желает ничего слушать. Разъяренный неудачей Сурков предупредил, что несговорчивость издателя будет роковой для автора.

На устроенной вскоре пресс-конференции Фельтринелли рассказал об этом визите, о перепугавшихся сотрудниках, которые слышали, как кричал на него Сурков. Говорил, что не видит в романе ничего неоконченного, что мешало бы его изданию, и не понимает, почему его итальянская публикация мешает русскому издательству напечатать тот текст, который оно считает окончательным. Сказал, что специально для этого издания он обновил оборудование типографии и не согласен нести убытки.

Одновременно предпринимались попытки остановить издания в Англии и Франции через торговых представителей В.А.Каменского и В.П.Дашкевича. Оба получили известия о невозможности издательств расторгнуть договорные отношения, заключенные с Фельтринелли.

В архиве Галлимара сохранилась телеграмма за подписью Пастернака, датированная 8 октября 1957 года, в которой требовалось возвращение переданных им из Милана «без ведома и согласия» автора «фотокопий рукописи предварительного варианта неоконченного романа «Доктор Живаго». Слова этой телеграммы звучали для Галлимара подозрительным абсурдом, потому что текст романа он получил не от Фельтринелли, а от самого Пастернака, приславшего его через Жаклин де Пруайяр и сопроводившего его личным письмом, и никаких фотокопий он не видел.

Аналогичный текст от лица автора о нежелании издавать «нуждающийся в серьезном совершенствовании предварительный вариант будущего произведения» был послан Коллинзу в Англию.

Сохранились также другие, более распространенные машинописные варианты обращений к обоим издателям, на одном из них красным карандашом почерком измученного человека Пастернак надписал: «Текст письма составлен в ЦК, угрожали жизнью» (РГАЛИ).

Вскоре в Москву пришла телеграмма от Галлимара, который, хорошо вошел во вкус игры: он не может вернуть фотокопии рукописи, потому что они принадлежат Фельтринелли, указаниям которого он будет следовать и дальше, связанный с ним юридически.

Сохранился также перевод английского письма от директора издательства Коллинза, сделанный рукой Пастернака. Оно датировано 6 ноября 1957 года и было послано на адрес Союза писателей. В нем Коллинз подтверждал получение телеграммы, но писал, что не может остановить далеко зашедшие дела с изданием романа. К тому же издать его они обязаны по контракту, который окупится только продажей книги. Он предлагал Пастернаку написать предисловие, в котором он мог бы выразить свое отношение к роману.

«Мне едва ли надо добавлять, — заканчивал письмо Коллинз, — что как литературное произведение «Доктор Живаго», по нашему, едва ли нуждается в отделке, и наша величайшая задача будет состоять в том, чтобы воспроизвести его по-английски в достойном переводе. Как переводчик с таким большим опытом и мастерством вы сами, я знаю, согласитесь с тем, как трудна наша задача» (РГАЛИ).

Поблагодарив Галлимара за телеграмму «с хитро составленным текстом», Пастернак предупреждал своих издателей, чтобы они не верили его русским телеграммам. Если он захочет что-то сообщить или спросить, он воспользуется своим плохим французским или английским языком.

Фельтринелли послал ответ по адресу Союза писателей, сопроводив текст полученной им телеграммы достаточно резкими возражениями Суркову и стоящим за его спиной:

Фельтринелли — Пастернаку

Господину Б.Л.Пастернаку
Союз советских писателей
Ул. Воровского, 52. Москва

Милан 10 октября 1957

Дорогой господин Пастернак,

Я получил Вашу телеграмму следующего содержания, также, как и Ваше письмо: «В процессе дальнейшей работы над рукописью романа «Доктор Живаго» я пришел к глубокому убеждению, что написанное мною нельзя считать законченным произведением. Находящийся у вас экземпляр рукописи этого романа рассматриваю, как нуждающийся в серьезном совершенствовании предварительный вариант будущего произведения. Издание книги в таком виде считаю невозможным. Это противоречило бы моему правилу издавать только вполне законченные сочинения. Соблаговолите распорядиться о возвращении по моему московскому адресу возможно кратчайшие сроки рукописи романа, крайне необходимой мне для работы.= Пастернак».

Я спешу выразить Вам свое удивление и сообщить следующее:

1) Мы не видим в тексте, который находится у нас, ничего, что вызывает Ваши упреки, когда говорится о «незаконченной работе», «начальном варианте, требующем серьезного совершенствования».

2) Мы с Вами заключили соглашение, по которому Вы уступаете нам право публикации своей книги. Это соглашение было заключено в то время, когда Вы подписали договор с Гослитиздатом на публикацию романа по-русски. В нем не было ничего, что налагало бы условия напечатания книги за границей дополнительно к напечатанию его в Советском Союзе.

3) В соответствии с Вашей телеграммой, отправленной в начале этого года, где Вы просили нас задержать издание в ожидании книги в Советском Союзе, мы охотно предоставили Вам отсрочку в публикации за границей. Но теперь, когда стало очевидно, что советские издательства вовсе не намерены печатать Вашу книгу, мы не видим более оснований в продлении отсрочки;

4) Чтобы не создавать в западных литературных кругах напряженности, вызванной Вашей достаточно нелепой телеграммой и разными разговорами, имевшими место в Москве между иностранными представителями и советскими литературными и политическими кругами, мы позволим себе посоветовать Вам оставить все попытки помешать скорому выходу книги, что не остановит публикацию, но придаст этому событию тон политического скандала, которого мы никогда не добивались и на который не рассчитывали. Во всяком случае, бла-

годаря деятельности Союза писателей и Вашей в Италии и в Англии, мы снимаем с себя ответственность за тот резонанс, который вызовет публикация романа как следствие недостатка такта у некоторых Ваших распорядителей.

Джанджакомо Фельтринелли

Копия этого письма дошла до адресата с полуторамесячным опозданием. После неудачи Суркова Пастернака вынудили вновь подписывать составляемые в ЦК очередные обращения к издателям. Одновременно ему удалось передать через Д'Анджело, чтобы Фельтринелли ни в коем случае не принимал их за чистую монету и никак не реагировал на них. Сохранившиеся черновые заметки Пастернака для разговора, возможно, О.Ивинской с Д'Анджело, датированы 22 октября 1957 года. В них вылилось возмущение организованной ЦК и «основанной на неслыханном издевательстве» перепиской: «принуждают угрозами смерти и ареста и заставляют изображать мое «недовольство», как бы ни во что не вмешиваясь. «Можно ли участвовать в такой подлой двойственности и насмешке над душой, совестью и жизнью человека, всем всем самым святым!» — восклицал Пастернак. Он просил Д'Анджело передать Фельтринелли, чтобы на эту переписку тот «совершенно не отвечал ни слова и ее абсолютно игнорировал» и чтобы он «позаботился, как бы эта фиктивная игра <его волей> никого не запутала, чтобы нигде на нее не обращали внимания и чтобы везде книги вышли как можно скорее»(РГАЛИ).

В архиве Фельтринелли сохранился также машинописный текст по-русски следующего содержания, датированный 23 октября 1957:

«Г-н Фельтринелли, я удивлен тем, что до сих пор не получил от Вас ответа на мою телеграмму. Я просил, чтобы мне как можно скорее была возвращена рукопись романа, поскольку я пришел к убеждению в необходимости переделки и дальнейшего улучшения. Я полагаю, что ни один издатель, уважающий литературу и собственное доброе имя, не откажется вернуть автору его рукопись, которую тот считает лишь черновым вариантом. Отсутствие Вашего ответа заставляет меня думать, что Вы, презрев прямые указания автора и четко выраженную волю, все равно решили опубликовать роман. Я не знаю, дают ли Вам ваши законы такое право. Речь идет не о формальном праве, потому что как в моей телеграмме от 13 февраля 1957 года, так и в последующем письме мной без всяких околичностей было выражено решение не публиковать роман в его черновом варианте. Корректность требует выполнять просьбу автора. Ни я, ни любой другой писатель в моей стране никогда бы не согласился на публикацию своего произведения против воли автора. Это было бы грубым и неприкрытым нарушением прав, которые автор имеет на свое произведение, нарушением его воли и свободы распоряжаться тем, что вышло из-под его пера. Требование вернуть рукопись романа распространяется также и на те английские и французские издательства, которые получили копию рукописи.

Борис Пастернак».

Получив копию письма Фельтринелли в Союз писателей и узнав, что он устоял против шантажа и угроз и что роман выйдет в самое ближайшее время, Пастернак писал ему:

2 ноября 1957. Москва

Я не могу найти слов, достаточных, чтобы высказать вам мою благодарность. Будущее нас вознаградит, вас и меня за перенесенные нами гадкие унижения. О, как я счастлив, что ни вы, ни Галлимар, ни Коллинз не дали себя обмануть этими идиотскими и грубыми воззваниями, снабженными моими подписями (!), подписями почти ложными и поддельными, поскольку они были у меня вырваны обманом и насилием. Можно ли заходить так далеко в своей бесстыдной надменности, чтобы возмущаться вашим «давлением» на мою «литературную свободу» и, применяя ко мне именно то самое давление, — не замечать этого! И весь этот вандализм под видом заботы обо мне, во имя святых прав художника! Но вскоре появятся Живаго итальянские, Живаго французские, английские и немецкие — и в один прекрасный день, может быть, и географически удаленные, но Живаго русские!! И этого так много, что будь что будет, и была не была!

Не беспокойтесь по моему поводу о деньгах! Отложим денежные вопросы (они для меня не существуют) на то время, когда установится более мягкий и более человечный порядок, когда в XX веке можно будет снова переписываться друг с другом, путешествовать. Я вам безгранично доверяю и уверен, что вы сохраните то, что предназначаете мне.Лишь в том случае, если к несчастью, меня полностью лишат заработка и отрежут все средства к существованию (это в исключительном случае и ничего нельзя предвидеть) — тогда ладно, я найду способы известить вас об этом и воспользоваться вашим предложением через Серджо, который в соответствии со своим именем настоящий ангел и тратит все свое время и всего себя на это скучное дело.

Примите мои лучшие пожелания.

Весь ваш

Б.Пастернак

«Доктор Живаго» вышел в свет 23 ноября 1957 года. В ответ на вопрос корреспондента газеты «Nuova Stampa» о том, чем Фельтринелли руководствовался, считая посланные ему телеграммы подложными и не соответствующими авторской воле, издатель сослался на слова Пастернака из его первого письма: «Мысли рождаются не для того, чтобы их таили или заглушали в себе, но чтобы быть сказанными». Судьба высказанных в романе мыслей, — добавил он, — важнее автору, чем его собственная судьба».

В своем письме Пастернак упоминает Серджо Д'Анджело, который предложил свою помощь в нелегальной перевозке гонорара. Очевидная опасность этого предприятия отталкивала Пастернака. Он не хотел торопиться с заграничными деньгами, хотя к этому времени начинало остро чувствоваться, как издание романа в Италии сказывается на его здешних публикациях. Весенние денежные затруднения были покрыты авансом за стихотворный сборник, осенью были выплачены деньги за перевод «Марии Стюарт» Шиллера. Но тираж уже набранного в типографии сборника был остановлен, обещанное переиздание «Фауста» не выполнено, журнал «Новый мир», собиравшийся опубликовать автобиографический

очерк «Люди и положения» и новые стихи, отказался от своего намерения. В таком положении нельзя было просто отмахнуться от предложений Д'Анджело.

Следующее письмо к Фельтринелли было послано с уезжавшим в Италию Д'Анджело. В своей статье в «Sunday Times» он вспоминал об этом свидании:

«В последний раз я пришел повидаться с Пастернаком на Рождество. Он дал мне письмо для передачи Фельтринелли и попросил его тут же прочесть.

Я был поражен, прочитав в письме указание, чтобы мне была выдана «половина или больше» дохода от издания «Доктора Живаго». Я предположил, что это шутка и сказал, что согласился бы на это, если бы мы с ним вместе написали роман, и попросил вычеркнуть это место, чтобы Фельтринелли не подумал, что я выпросил эти деньги. Но Пастернак был непреклонен.

«Ни вы, ни Ольга не заставите меня переменить свое решение», — сказал он. Тогда я написал большими буквами «Нет» против этого, неприемлемого для меня места. «Глупый вы человек, — сказал Пастернак, — но вы продолжаете мне нравиться».

Д'Анджело относит это свидание к Рождеству, но письмо Пастернака к Фельтринелли датировано 25 ноября, и его последний абзац, посвященный просьбе Пастернака о вознаграждении Д'Анджело за его неустанную помощь, действительно перечеркнут чужой рукой, написавшей по полю: «NO».

Пастернак — Фельтринелли

25 ноября 1957. Москва.

Милостивый государь,

вчера я, наконец, получил ваш дорогой ответ, датированный 10 октября, который блуждал неизвестно где более полутора месяцев. Не имея возможности вдаваться в подробности, я тороплюсь поблагодарить вас от всего сердца за то, что все счастливо пришло к хорошему концу, благодаря вашей чуткой предусмотрительности, с которой вы входили во все ответвления этого необычного дела. Я вам безмерно обязан.

Я далек от бесстыдной глупости приравнивать себя к голосу самой истины, но имею смелость надеяться, что разделяю склонность и чаяния всех, кто деятельной и благодарной любовью любит свою родину, жизнь, истину и красоту. Поэтому, сделав мне безмерно много добра, вы послужили достижению прекрасной и истинной цели.

Я страдал и стыдился того, что создал себе имя такой малостью, как несколько разнородных стихотворений, что современная поэзия вообще (и моя также) отрывочна, обрывается на полуслове и далека от полноты в такое великое и ответственное время, требующее ясного зрения и договаривания своих мыслей до конца. Именно в подробной прозе, стоившей долгой и трудной работы, возможно было положить конец этому тягостному и постыдному положению и тем открыть новую главу в своем призвании, новый период своей жизни, бесконечно запоздалый, но пришедший в конце концов. Судите сами, насколько я вам благодарен за помощь!

У меня к вам большая просьба. Ничто из происшедшего не могло осуществиться без участия С.Д'А., который был в этом нашим неустанным ангелом-

хранителем. Хотя помощь столь высокого уровня не может быть денежно оценена, доставьте мне большую радость, вознаградите его, когда он вернется к вам, за безграничные траты времени и сил вот каким образом. Удержите из суммы, которую вы считаете нужным сохранить для меня на будущее, значительную часть в пользу С.Д'А., такую, какую вы сочтете нужной, *и удвойте ее.*

Прощайте надолго, дорогой, дорогой зачинатель моей новой счастливой судьбы (несмотря на пугающие последствия)!

Весь ваш Б.Пастернак

О благодеяниях Д'Анджело нам не удалось узнать, кроме нескольких упоминаний в книге О.Ивинской о встречах с ним. Конечно, Пастернак был благодарен ему за передачу рукописи романа Фельтринелли, но, как мы уже говорили, такую же рукопись увезла Элен Пельтье и вскоре Жаклин де Пруайяр. Французское и английские издания были не менее значительны для Пастернака, чем итальянское, если не более. Д'Анджело осуществлял почтовую связь с Фельтринелли, и несомненно его спокойная уверенность, что Фельтринелли не остановит издания и не послушается телеграммы с требованием возвращения рукописи, психологически поддержала Пастернака в нужный момент. Но вероятнее, что здесь имелась в виду помощь и поддержка Ольге Всеволодовне Ивинской, которая, страшась непреклонности противостояния Пастернака, склоняла его к компромиссам. И именно здесь мы скорее всего найдем причину благожелательного отношения Пастернака к Д'Анджело. К тому же, вернувшись к предыдущему письму, надо вспомнить о предложенной Д'Анджело помощи в нелегальной пересылке денег, нужда в которых начинала ощущаться все острее.

Но все-таки рассказ Д'Анджело о желании Пастернака передать ему половину («half or ever more») всех доходов не находит подтверждения в приведенном письме. Д'Анджело сильно преувеличивал сумму, о которой шла речь. Подчеркнутое Пастернаком выражение «удвойте» («doublez-la») не значит половину гонорара. Красивый жест бескорыстия, расположивший к нему Пастернака, не помешал ему, однако, в 1964 году, уже после смерти Пастернака, потребовать у Фельтринелли судом половину гонорара за «Доктора Живаго», предъявив фотокопию поддельного письма Пастернака, якобы подписанного им за две недели до смерти.

Узнав о выходе романа в Милане, в ЦК решили устроить для Пастернака пресс-конференцию в помещении ВОКСа. По мысли устроителей он должен был выразить свое возмущение публикацией «неоконченного» произведения, но Пастернак решительно отказался. Снова были пущены в ход обещания восстановить заработки, издать сборник стихов и перевод «Фауста», и легковерной О.Ивинской опять удалось его уговорить. Встреча Пастернака с несколькими иностранными журналистами произошла 17 декабря 1957 года в Переделкине на даче. Она была отражена в западной прессе, но никаких разоблачений от Пастернака не последовало. Отсутствие советского издания он объяснял некоторым несоответствием духа своего романа «официальной линии советской литературы», которое было признано критикой, не знакомой с полным текстом «Доктора Живаго» и сделавшей свои «ошибочные выводы»

по специально подобранным выборкам. Скрепя сердце, он вынужден был признать подлинными свои подписи под телеграммами, но, — добавлял он, — невыполнение его просьбы «отнюдь не трагедия», и он не собирается оспаривать текст, напечатанный по рукописи.

В письме к Фельтринелли от 25 ноября робко проглядывает мечта Пастернака увидеть «Доктора Живаго» по-русски. Он неоднократно писал об этом Жаклин де Пруайяр. Теперь на Рождественские каникулы в Москву приехала Элен Пельтье и привезла Пастернаку известие о предполагаемом выходе русского Живаго в издательстве Мутона в Голландии. Издательство завоевало себе известность переизданием старых книг и никаким образом не было связано с русской эмиграцией. Последнее обстоятельство было особенно важно, чтобы не поставить Пастернака под угрозу дополнительных политических обвинений. Пастернак с радостью и волнением отнесся к этому проекту. Он писал Жаклин де Пруайяр 7 января 1958 года:

«Не упускайте этой возможности, хватайтесь за нее немедленно. Убедите Ф<ельтрине>лли: 1) чтобы он сам не сносился ни с кем из русских издателей за границей, чтобы он воздержался и не дублировал ваших усилий. 2) Чтобы он согласился стать подставным лицом в будущих объяснениях по поводу загадки, каким образом подлинный текст (романа) попал в русское издательство. Пусть он позволит представить все дело таким образом, будто его рукопись была сфотографирована и распространена среди разных издателей и переводчиков и в конце концов он уже не мог помешать, чтобы был опубликован оригинальный текст неизвестно из какого источника. <...>

Если удастся издать русскую книжку в Голландии раньше, чем выйдут переводы романа и это не будет противоречить правам иностранных издателей и их отношениям с Ф<ельтринелли>, пусть она выйдет чем раньше, тем лучше. Тут нечего тянуть, изо всех сил торопите это дело».

Не одобряя предположения Мутона издать полное собрание сочинений, Пастернак, резко настроенный против своих старых вещей, хотел публикации только двух книг: «Доктора Живаго» и сборника избранных стихотворений с автобиографическим очерком в виде предисловия к нему.

В один конверт к Жаклин де Пруайяр было вложено письмо к Фельтринелли с просьбой не мешать его желанию передать заботы о русском издании романа его доверенной. Он не видит в этом ущемления прав Фельтринелли, при том, что тот может поставить на книге свой копирайт, а если это умаляет его доходы, то пусть он возместит их за счет процентной выплаты автору.

Посылать или не посылать это обращение в Милан, должна была решить Жаклин де Пруайяр, в зависимости от того, нужна ли ей будет поддержка Фельтринелли в осуществлении задуманного издания. Она его не послала и оставила у себя, считая, что в нем недостаточно четко определены ее юридические права как доверенного лица. Просьба к Фельтринелли вступала в противоречие с условиями его договора, и возникал источник будущих трений между первым издателем Пастернака и его поверенной.

К концу 1958 года адвокатами Фельтринелли была выработана окончательная трактовка четвертого пункта договора по поводу «иностранного издания» романа. Было установлено, что первое итальянское издание рассматрива-

ется как оригинальное, а русское — как иностранное, права на которое тоже получал Фельтринелли. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в ноябре 1957 года сразу по выходе итальянского издания. Галлимару была передана копия письма Фельтринелли в Париж директору книжного магазина Д.Масколо:

Милан, 28 ноября 1957.

Дорогой господин Масколо; дорогой друг,

Я вас предупреждаю, что может возникнуть определенный интерес со стороны различных русских организаций за границей к тому, чтобы получить экземпляр оригинального текста рукописи Пастернака. Также и с другой стороны, со стороны радиостанций, которые транслируют русские программы, могут поступить к вам просьбы, чтобы вы дали разрешение на передачу русского текста по радио.

Я не хочу давать никакого разрешения на публикацию оригинального текста «Доктора Живаго» (к тому же уступка исключена из договора), и я прошу вас получше позаботиться о том, чтобы исключить какую-либо пропажу фотокопии рукописи.

Я поручаю вам объявить, что буду преследовать всякое нарушение копирайта. Я прошу помощи издательства Галлимара, чтобы соглашения о копирайте тщательно соблюдались.

Дружески.

Джанджакомо Фельтринелли

С любезного разрешения Жаклин де Пруайяр приведем также письмо Пастернака к Фельтринелли от 12 января 1958 года.

Пастернак — Фельтринелли

Москва. 12 января 1958.

Милостивый государь,

я не знаю, когда мне представится другая возможность, чтобы высказать вам огромную признательность за тот ослепительный блеск вашего участия, объектом и очевидцем которого я оказался. Я восхищен осторожностью данных вами интервью, вашим бережным отношением ко мне, которое я ощутил в оформлении книги, которую мне преподнес немецкий журналист, великолепным переводом, который повсюду превозносят до небес. Радостная удача романа, быстрая распродажа тиражей, все это, по большей части, сделано вашими руками, и я низко склоняюсь перед вашей любезностью, вашими талантами и вашей счастливой звездой.

Если я тоже, в свою очередь, был вам в чем-то полезен, хочу попросить вас, — исполните это желание.

Ваши издания так баснословно расходятся, что мне можно было бы пожелать увидеть свою работу напечатанной в том виде, как она была написана, в оригинале. Иными словами, не мешайте мне отдать это деликатное дело (сопряженное, может быть, с обстоятельствами, гибельными для меня, как впрочем, и вся живаговская фантасмагория), в заботливые руки моего большого друга Жаклин де Пруайяр в Париже.

После того, как она обсудит с вами сопутствующие делу вопросы, она выберет, по-видимому, для осуществления публикации издательство Мутон в Гааге, как наиболее приемлемое с политической точки зрения. Я не вижу, в чем это может нанести ущерб или противоречить вашим интересам, если каждый поступающий в продажу экземпляр русского издания будет нести под заглавием обозначение ваших прав на все иностранные переводы, то есть самое широкое объявление вашего копирайта.

Если все-таки моя просьба ущемляет ваши собственные намерения, тем не менее, прошу вас, уступите мне, возместив свои убытки за счет статьи 2 договора. Уменьшите проценты, которые вы мне назначили до той цифры, которую сочтете нужной, но не мешайте мне дать право выпустить от моего имени и пользоваться материальными выгодами во всех литературных начинаниях, касающихся русского текста моих работ, мадам де Пруайяр и не стесняйте ее в этой деятельности.

Я причисляю вас к самым лучшим своим друзьям, долга по отношению к которым мне никогда не исчерпать. Такова же и еще более неоценима мадам де Пруайяр. Я не хочу, чтобы мои друзья ссорились друг с другом. Прошу вас, уладьте с нею все, что необходимо.

Не пишите мне. Не подымайте денежных вопросов. Придерживайтесь прежнего образа действий в отношении меня и по-прежнему храните молчание. Горячо и преданно обнимаю Д'Анджело. Все его знакомые шлют ему самый нежный привет.

Передайте мое восхищение, поздравления и безграничную благодарность дорогому Цветеремичу, который показал себя магом и волшебником, добившимся победы в своей работе.

Весь ваш Б.Пастернак

Пастернак впервые увидел итальянское издание романа лишь недавно, через полтора месяца после выхода в свет. Ему подарил книгу корреспондент газеты «Die Zeit» Хайнц Шеве, друг Фельтринелли и его жены. Это была первая встреча с человеком, который взял на себя обязанности уехавшего Д'Анджело как связного Фельтринелли.

Пастернак писал Жаклин де Пруайяр 7 января 1958:

«Мне показали итальянскую книжку. Она оформлена, по-моему, со вкусом и благородно. Они правы, не деля текст на две книги, на два тома, как сделано в рукописи, и давая сквозную нумерацию глав, как в целом, неделимом произведении. Последуйте их примеру. Но печатать отчество в заглавии (Boris *Leonidovitch* Pasternak) неуместно, надо просто Boris Pasternak».

В ЦК намеревались организовать критику романа в коммунистической прессе. Луи Арагон получил для публикации в «Lettres Francaises» отзыв редколлегии «Нового мира». Уже упоминались действия советских торговых представителей в Англии и Франции, вскоре были посланы Сурков в Париж к Галлимару, а Федор Панферов — в Лондон. Панферов проходил курс лечения в госпитале в Оксфорде и завязал знакомство с сестрой Пастернака Лидией Слейтер, запугивая ее тяжелыми последствиями, которые будет иметь для ее

брата публикация романа у Коллинза. Но поездки высокопоставленных писателей, «обеспокоенных судьбой своего друга», не имели никакого результата. Издательства не могли и не хотели прерывать юридические отношения с Фельтринелли и отсылали посредников к нему.

Было пущено в ход Всесоюзное общество «Международная книга» — мощная советская организация изданий и монопольной книготорговли за границей. Оно предполагало возбудить против Галлимара судебный процесс, опираясь на телеграммы Пастернака и интервью 17 декабря. Для этого им понадобилось новое письмо Пастернака к Галлимару, в котором, кроме требования вернуть рукопись и остановить издание, автор должен был утвердить посредничество «Международной книги» в ведении его дел. Пастернак категорически отказался подписать присланный ему проект письма, сославшись на полученный более месяца назад ответ от Галлимара.

Судебный процесс не был возбужден, но угрозы «Международной книги» сказались на планах издательства Мутона в Голландии. Намерения голландцев натолкнулись также на сопротивление Фельтринелли, который не хотел торопиться с русским изданием. Весной 1958 года он вступил в переговоры с Мутоном. Мутон перенес свой интерес на публикацию стихотворного сборника с автобиографическим предисловием, текст которого и права издания были у Жаклин де Пруайяр. Опасаясь, что Фельтринелли вмешается и нарушит планы издания и этого сборника, Пастернак 8 июля 1958 года писал Жаклин де Пруайяр:

«Я косвенным путем узнал (лучше сказать, я подозреваю), что Фельтринелли вмешается в ваши планы, касающиеся баранов <Moutons>, которые я так хотел сохранить для вас! Неужели моя мечта о том, что удивительное счастье и удача, которые вы мне принесли, окупятся материально и возместят ваши труды в течение целого года, — эта моя мечта никогда не осуществиться из-за Фельтринелли? Жить в полном неведении о том, что тебе дорого, и не иметь возможности что-либо сделать и изменить! Извлеките, по крайней мере, пользу из того, что единственно необходимые рукописи для бараньей книги, биография и сверенная подборка стихов, есть только у вас и ни у кого больше! Дайте знать Фельтринелли, чтобы он придерживался ваших материалов, советовался с вами и слушался вас, иначе издание будет испорчено».

Стихотворный сборник с автобиографическим предисловием и новыми стихами, составленный в Гослитиздате и набранный в типографии, так и не был издан в Москве. Издательские корректуры с авторской правкой и строгим отбором стихотворений были переданы Жаклин де Пруайяр. Она послала его в Гаагу для набора. Но в конце июля 1958 года Фельтринелли, услышав об этом, предъявил свои претензии, — при том, что очерк вышел у Галлимара в июне 1958 года в анонимном переводе Жаклин де Пруайяр, несколько предварив французское издание «Доктора Живаго».

Тем временем на Пастернака обрушился поток восторженных писем читателей, завязывались дружеские связи и переписка с самыми известными именами Европы. Возникли первые разговоры о выдвижении его на Нобелевскую премию.

Английское издание романа появилось в августе, вскоре в том же переводе было напечатано американское — в издательстве Pantheon Books. Полной

неожиданностью для всех было появление русского издания «Доктора Живаго» у Мутона в августе 1958 года. Узнав об этом в последний момент, Фельтринелли прилетел в Гаагу и на титульном листе заставил отпечатать свой гриф: «Г.Фельтринелли — Милан». Он остановил издание, всего удалось отпечатать немногим более 500 экземпляров. Около 300 из них было разослано Фельтринелли по разным издательствам для закрепления копирайта. Текст этого издания пестрит опечатками, смысловыми ошибками и пропусками, он набирался по фотокопии невычитанной машинописи, полученной Фельтринелли. Все произошло именно так, как предполагал Пастернак еще в самом начале 1957 года. Узнав о его выходе, он 17 сентября 1958 года поделился своей радостью с Жаклин де Пруайяр: «Прошел слух, что роман вышел в оригинале, продается и читается. Как это произошло? Правда ли это? Тогда, даже приглашая вас на мое будущее четвертование, я не могу найти слов, чтобы высказать вам свою благодарность и радость».

Тогда же он писал ей о том, что ему сообщили, что роман получил премию Банкарелло и просил разузнать об этом. Но Жаклин де Пруайяр ничего не могла сказать ни об издании в Гааге, ни о премии Банкарелло, оба эти события были для нее полной неожиданностью. Как мы узнали недавно, эта премия «книгопродавцев», как называет ее Фельтринелли в письме к Пастернаку, предполагает распространение изданий «Доктора Живаго» в больницах, детских общественных заведениях и пр.

«Пиратское» издание русского текста сделало все-таки свое благое дело. Нобелевский комитет смог приобрести эту книгу и тем самым получил возможность выставить кандидатуру Пастернака на обсуждение. Ситуация, при которой существовали только переводы романа, а оригинал оставался неизданным, была благополучно разрешена.

Выход «Доктора Живаго» на основных европейских языках сопровождался огромным успехом. Роман обсуждался в газетах и журналах. Пастернака завалили письмами, при том что печатные отклики в прессе доходили в Переделкино очень выборочно и нерегулярно. Пастернак считал своим долгом отвечать на все письма, которые глубоко волновали его, отлученного от читателя на родине. Возникали дружеские отношения с некоторыми корреспондентами, восстанавливались прерванные связи со старой русской эмиграцией. Основная масса писем посылалась по почте, часть из них пропадала или задерживалась. Переписка с Фельтринелли шла через находившегося в Москве корреспондента «Unita» Джузеппе Гарритано. Посланные весной 1958 года с его женой Мирелой письма и рукописи новых стихов задержались на полгода. Пастернак запрашивал Д'Анджело о их судьбе и передавал просьбу Ивинской о присылке печатных отзывов на выход романа. Д'Анджело ответил 29 сентября 1958 года:

«Борис Леонидович, здравствуйте! Я очень рад, больше всего, что наконец имею возможность прямо написать Вам и выразить мои чувства благодарности, привязанности и восхищения. Еще до получения Вашей открытки я послал все письма и материалы, которые мне передала жена нашего друга. Надеюсь, что мне удалось удовлетворить как следует просьбу О.В., особенно что касается отзывов о Д.Ж. Фельтринелли, с которым я говорил по этому поводу в Милане, сделал фотокопию всей находящейся у него коллекции».

Свое сообщение о задержавшихся письмах он сопровождал просьбой получить у Ильи Эренбурга неопубликованную автобиографию И.Бабеля для издающегося у Фельтринелли собрания. Одновременно было получено письмо от Фельтринелли:

Фельтринелли — Пастернаку

Милан, 5 сентября 1958.

Дорогой друг, прежде всего позвольте мне пожать вам руку с чувством живой дружбы и признательности. У меня время от времени были косвенные известия о состоянии вашего здоровья, иногда благополучные, а иногда доставлявшие мне беспокойство. Я надеюсь, и последние известия это подтверждают, что вы вполне оправились от ваших весенних недомоганий и прошу вас также и от имени бесчисленного количества друзей, которые у вас есть повсюду, беречь свое здоровье и ничем не рисковать.

Хочу сказать вам несколько слов об успехе Доктора Живаго. В цифрах: мы продали в Италии почти 30.000 экземпляров — огромное количество для итальянского рынка, которое очень редко достигается даже самыми известными авторами. Но за этими цифрами кроется куда более глубокое значение. Мы знаем случаи, когда детвора на уроках в школе страницу за страницей читали, передавая друг другу Доктора Живаго. У нас есть свидетельства десятков людей, которые писали мне, благодаря за то, что я опубликовал эту вещь. Куда бы я ни отправился, мне говорят о Докторе Живаго, самой теперь любимой книге в Италии.

Я процитирую вам несколько строк, которые мне прислал Кассола, итальянский писатель:

«Я только что кончил читать Доктора Живаго. Ни одна современная книга не вызывала у меня такого энтузиазма, понимания, интеллектуального удовольствия, не вызывала у меня ощущение такого подъема и величия, как эта».

Доктор Живаго появился уже по-французски, и теперь выйдет в Англии, Америке, Германии, Голландии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Израиле и Мексике. В Швеции большой интерес к Доктору Живаго проявляется в кругах Шведской академии.

В Италии Доктор Живаго получил литературную премию книгопродавцев, что подтверждает литературное совершенство и достигнутый им успех в продаже. Я посылаю вам также самые существенные журналы, обзоры, появившиеся в итальянской прессе и некоторые, полученные мною из-за границы.

В настоящее время мы готовим издание вашего автобиографического очерка к будущему ноябрю, и я хотел бы попросить вас, дорогой друг, поручить кому-нибудь из ваших московских знакомых найти фотографии материалов, включенных в список, который я прилагаю. Нам хотелось бы проиллюстрировать книгу фотографиями людей, произведений, репродукциями журналов, которые упомянуты в очерке. (Я посылаю вам также экземпляр тетрадей Чехова, которые мы издали в прошлом году — чтобы показать, как очерк будет оформлен).

Сможете ли вы заинтересовать кого-либо, чтобы найти необходимые нам иллюстрации? Может быть, они найдутся среди ваших бумаг? Я надеюсь не

слишком затруднить вас этими просьбами (у нас очень мало времени, надо их достать возможно скорее).

Спасибо вам за Доктора Живаго, за все, чему он нас научил. В эти времена обесценивания человеческих ценностей, когда человеческие существа приравниваются к роботам, когда большая часть людей стремится лишь к тому, чтобы уйти от самих себя и решить проблемы своего «я», торопясь и убивая то, что еще остается от их человеческой чувствительности, «Живаго» оказался уроком, который нельзя забыть. И каждый раз, когда я не буду знать, куда идти, я смогу вернуться к «Живаго» и получить от него величайший урок жизни. «Живаго» всегда поможет мне найти простые и глубокие ценности жизни в тот момент, когда они будут казаться мне окончательно потерянными.

С чувством глубокой и нежной дружбы

ваш *Джанджакомо Фельтринелли.*

Кроме бандероли с газетными вырезками к письму был приложен список желаемых иллюстративных материалов для Автобиографического очерка: портреты художников, поэтов, обложки журналов и прочее. Пастернак разметил список, выделив нужные с его точки зрения вещи и зачеркнув ненужные. Пастернак на самом деле не очень хотел иллюстрированного издания очерка, о чем он писал сестре в Англию, где Коллинз тоже просил у сестер аналогичные материалы. Однако след его намерений относительно Фельтринелли сохранился в желании послать ему рисунок своего отца художника Л.О.Пастернака, изображающий скульптора князя Паоло Трубецкого, который лепит своих племянников. В автобиографическом очерке Пастернак писал о Паоло Трубецком, преподававшем, как и его отец, в Училище живописи, ваяния и зодчества: «Ему предоставили новую мастерскую с верхним светом, пристроив ее снаружи к стене нашего дома и захватив пристройкой окно нашей кухни». Из этого окна и был сделан рисунок. На его обороте Пастернак написал карандашом по-французски:

Для Дж.Фельтринелли

набросок на обратной стороне листа — это князь П.Трубецкой за работой над скульптурной группой двух своих племянников, маленьких князей Трубецких (один из них — будущий знаменитый филолог Николай Трубецкой, скончавшийся в Вене ...) Это страница одного из бесчисленных альбомов моего отца, полных мгновенных зарисовок. Рисунок не фиксирован и может стереться. Я посылаю этот лист, как подарок вам, моему дорогому другу. Князь лепил своих племянников действительно в той самой мастерской, которая была выстроена против окна нашей кухни, как я это описал в Автобиографии.

Б.П. 19 октября 1958».

Рисунок и записка остались не отосланными, потому что через четыре дня начались события, заставившие забыть многое, а не только этот сюжет.

«ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЧЕЧНЕ, ОЧЕНЬ НУЖНО КОМУ-ТО»

Разговор с беженкой

В конце января редакция получила от нашей постоянной читательницы И.А. Александровой письмо с приложенным к нему текстом. И.А. писала:

«В 85-ом году в одной из московских больниц я познакомилась с красавицей-чеченкой Айной Тагировой. Кандидат исторических наук, Айна преподавала историю и английский язык в Грозненском пединституте. Мы часто перезванивались, обменивались письмами, гостили друг у друга. Я была представлена всей многочисленной родне Айны. Но начались события 94-го года, и наша связь прервалась. Она возобновилась, когда все немного поутихло и семья Тагировых вернулась в Грозный.

В страшные дни 99-го, когда Грозный был превращен в Хиросиму, связь наша, конечно, снова оборвалась, и еще месяц назад я ничего не знала о своей грозненской знакомой. И вдруг неделю назад — звонок. Так в моем доме появилась Малика Хашумова, недавно приехавшая в Москву родственница Айны. Я попросила разрешения записать нашу беседу на диктофон. И вот, ничего не присочиняя и не добавляя, лишь слегка сгладив естественные стилевые шероховатости живой речи, я предлагаю этот текст вашему вниманию.

Инна Александрова.
23 января 2001г.»

Познакомившись с текстом этой расшифрованной магнитофонной записи, мы решили, что рассказ грозненской беженки непременно должен услышать и наш читатель. Информация о том, что происходит в Чечне, и вообще крайне обрывочна и скупа, а уж о живых свидетельствах со стороны тех мирных жителей, которые своей собственной судьбой расплачиваются за все безумие этой войны, и говорить не приходится.

Редакция «Континента»

Я сразу же, естественно, начала с вопроса об Айне — что с ней?

— Айна в Грозном, — ответила Малика. — Живет в общежитии вместе с сыном: пединститут дал им комнатку. Их-то жилье полностью разбомблено. Работает: в институте (теперь он называется университетом) иногда идут какие-то занятия...

Дальше наш разговор протекал так:

Я. И все это время они оставались в городе?!

МАЛИКА. Нет, когда во вторую войну бомбили Грозный, Айна с сыном уезжали. Попали в Сочи. Сняли там какой-то курятник, устроились продавцами. А как по телевизору объявили, что можно возвращаться, — сразу же вернулись. Айна сказала: «Все, хватит. Будь что будет. Больше никуда отсюда не уйдем. Тут и умрем...»

Я. Как же они живут там?!

МАЛИКА. Живут как-то... В комнатке ничего нет. Они с сыном притащили откуда-то ящики — на них и спят, и кормятся. А ведь Айна — доцент, кандидат наук. Если бы вы видели ее сейчас!.. Сын сидит дома, никуда не выходит: работы все равно нет, а схватить могут запросто — и русские, и чеченцы. Да и стреляют в их районе постоянно. Знаете, в Москве бродячие собаки живут лучше, чем в Грозном люди. Поймите, город стал совершенно непригоден для житья. После первой войны было много разбомбленных домов, но большинство все-таки уцелело. А теперь Грозный — это груды бетона, камней, кирпича. Нет ни воды, ни света, ни тепла. Газ на улице — в факеле.

Я. Как это — в факеле?

МАЛИКА. Ну, факелы горят все время. Газ идет по большим магистральным трубам, а от этих труб жители сами — кто как может — отводят трубы поменьше, подсоединяют к газовым плитам — у кого они остались. Так кипятят воду, готовят еду. Воду берут или в реке — везут на самодельных тележках, или доставляют из сел — если есть, на чем. Помыться, постирать — огромная проблема. В туалет ходят где и как попало. Грязь и антисанитария кошмарные.

Обогреваются буржуйками. Но дров нет. Ломают все, что есть деревянного. А ехать в лес невозможно — убьют, или на мине подорвешься. В квартирах, даже в тех, что сохранились, живут только те, кому совсем некуда деться. Все, кто может, живут на земле: так легче и еду приготовить, и помыться и сходить по своим надобностям.

Я. Но ведь это ужасно...

МАЛИКА. Ужасно, вы правы... Не знаю, можно ли будет когда-нибудь восстановить город. На это нужны миллиарды рублей, сотни тысяч рабочих. А где возьмут то и другое? Но самое страшное, что здания продолжают взрывать и теперь. Напротив нашего дома была большая пятиэтажка. Недавно ее взорвали. Сказали, что оттуда стреляли снайперы. Только мы этих снайперов не видели...

Я. А вы-то сами, как вы живете?

МАЛИКА. До войны жили хорошо, имели в Грозном собственный дом — не в самом центре, ближе к окраине. Но район хороший, зеленый. Теперь от него ничего не осталось... В доме было все — и туалет, и ванна и газовое отопление. При доме — сад, небольшой огород. Мне тридцать два года, я последняя из сестер — пятая, а еще у нас есть брат Рустам — самый младший. Еще до войны я окончила Грозненское медучилище, в то время одно из лучших на всем Северном Кавказе. Получила профессию фельдшера. Старшие-то давно вышли замуж, отделились, а мы с братишкой жили с родителями. Отец простой рабочий, мама тоже, но вырастили, подняли нас, шестерых...

Я. А где сейчас ваши родители? Живы?

МАЛИКА. Их нет больше... Конечно, война — это огромное общее горе. Но для каждого из нас — оно и свое, личное. Эта беда постигла нас еще в 95-м. Тогда наш дом не пострадал. Но мы припрятали золотые вещи (когда-то с мамой покупали их в Москве) и на время бомбежек уехали в родовое село. А

летом мама решила съездить в город посмотреть, как там дом. Она уже возвращалась обратно, когда стали стрелять. Два самолета летели низко-низко, кружили прямо над автобусом. А дорога открытая, безлесная, только кусты вдоль обочины... Автобус остановился. Пассажиры бросились в эти кусты. Самолеты покрутились и улетели. Люди вернулись в автобус и поехали дальше. И тут опять, откуда ни возьмись, эти два самолета. Начался новый обстрел. Автобус встал — попали в мотор. Пассажиры погибли все до одного, в живых остался только водитель — отделался ранением. Он-то потом и рассказал о налете. И еще там были люди — неподалеку на склоне. Они тоже видели все. Когда самолеты улетели, эти люди побежали к автобусу, стали вытаскивать убитых, искать у них документы. У мамы была справка, что такая-то и такая-то беженка из Грозного. Кто-то сказал: «Я знаю Хашумовых, — и назвал наше родовое село. — Это их женщина».

Маму привезли домой, в село. Мне показалось, что она еще теплая. Пуля вошла в лоб и вышла через затылок. Смерть наступила мгновенно. Мама всегда просила у Аллаха быстрой смерти. Вот и получила. Ей было 53 года...

Отец сделался совсем странным: плакал без конца, разговаривал сам с собой. Он был старше мамы на 24 года и очень ее любил. Через год, в 96-ом, он умер. Мы с Рустамом остались одни. Нет, сестры нас не забывали, но без родителей стало очень тяжело. Без их любви, без их совета...

Я. А потом?

МАЛИКА. Когда заключили перемирие, все начало потихоньку налаживаться. Я работала в больнице, в реанимации. Работы было много, но я свою специальность люблю, мне очень нравится медицина.

А в 97-ом меня сосватали за очень хорошего парня. Тогда-то я и познакомилась с Айной: мой муж — ее двоюродный брат. Мы с Мурадом понравились друг другу, зарегистрировались. Свадьбы — такой, какие бывали у нас до войны, — конечно, не было, но в узком кругу отметили. Мурад был старше меня на пять лет, успел окончить нефтяной институт, но работал в банке — и служащим, и инкассатором. Свадьбу сыграли весной, в марте, а беда случилась в конце июля.

Мурад на своем «Жигуленке» после работы ехал домой, в село. Рядом сидел его племянник — подросток, мальчик совсем. И вдруг навстречу — «Джип». Как все произошло, мы так и не узнали. Никто ведь не разбирался... Знаю только, что за рулем был чеченец. «Джип» так врезался в «Жигуленка», что «Жигуленок» развернуло — как будто он ехал обратно, в Грозный. У племянника были поломаны ребра, а основной удар пришелся на Мурада. Его подобрали, отвезли в ближайшую больницу. Он жил еще три часа...

Так я осталась вдовой. Беременная на четвертом месяце... Магомедик родился в январе 98-го. Мальчик растет умный, хороший, он один сейчас — моя радость и смысл жизни.

В 98-ом женился и брат, взял хорошую девушку, Луизу. Через год появился их первенец. Пожил пять дней и умер. В страшных условиях зачат, в страшных условиях родился... А недавно у них, уже здесь, в Москве, родилась дочка. Хорошая девочка, назвали Айной. А мы так боялись: вдруг Луизу не возьмут в

роддом— живем-то мы здесь без прописки, с одной регистрацией. Но повезло: врачи не отказали в помощи.

Я. Неужели могли отказать?! Как же?..

МАЛИКА. Да вот так... Я же вижу, вы не об этом спросить хотели, только стесняетесь. Другие-то прямо спрашивают, почему мы приехали именно в Москву. А мы ведь и не в Москву даже ехали — в Вильнюс. Рустаму обещали там хорошую работу. Думали: в Москву только проездом. А тут оказалось: нужны загранпаспорта, еще какие-то документы. Где же их взять?! Возвращаться в Грозный, домой? Нельзя. Да и дома нет — во время второй войны начисто разбомбили. Все сгорело, остался один фундамент. Рустам говорит: «Я бы сам, своими руками все восстановил, если бы дали возможность». Но ведь не дают. Продолжают стрелять, взрывать. И в сарае у дома, где мы последнее время жили, и прямо возле двора, — везде могут убить. Стреляют-то без конца. Кто, в кого, зачем — никто не знает. А брату уже двадцать пять лет. В любой момент могут прицепиться: переодетый боевик. Уже несколько раз так и было, но Аллах помог: отпускали. Рустам один у нас кормилец. Нас сейчас, кроме него, четверо — Луиза, я и двое малышей. Что делать? Вот откопали спрятанные золотые вещи, продали ... На эти деньги и приехали.

Я. А как вы в Москве устроились?

МАЛИКА. Сначала-то мы не очень и огорчились, что не попали в Литву. Надеялись, что найдем работу и здесь, снимем жилье, прокормимся как-нибудь. Не думайте, мы ни на кого не рассчитывали, ни на чью шею садиться не собирались. Понимаете, Рустам очень хороший автомеханик. С детства у него золотые руки. Любую машину разберет и соберет по винтику. Я —фельдшер. Люди говорили: в Москве можно достать работу и деньги неплохие заработать. А оказалось...

Я. И вы до сих пор без работы?

МАЛИКА. Практически да. Куда бы мы ни обращались за эти несколько месяцев, нигде не берут. Причина одна: как узнают, что чеченцы, даже разговаривать никто не хочет. Правда, один грузин взял Рустама на два месяца автомехаником, но предупредил, что собирается продавать свою мастерскую. А я, сколько ни ходила по больницам и поликлиникам, — везде вежливый ответ: без прописки взять не можем. Куда идти? Что делать?

Я. А где вы живете?

МАЛИКА. Когда приехали в Москву, с вокзала нас забрал к себе единственный здесь знакомый — Ваха. Он сам с четырьмя детьми и женой живет в однокомнатной квартире. Снимает. Работает где-то. Но все — на птичьих правах. Нас устроить на работу он, конечно, не может. Прожили у него месяц. День и ночь я сидела на телефоне — искала жилье. И деньги еще были, но как скажешь, что из Грозного, — никто и говорить не хочет, бросают трубку. Как будто мы — прокаженные.

Я. И как же вы теперь?

МАЛИКА. Ой, я не сказала еще? Нашлись все-таки русские люди, которые сказали, что жалеют чеченцев, сдали нам комнату в коммуналке. Комната боль-

шая, двадцать метров. Еще одна старушка в квартире живет. Есть же на свете добрые люди, хоть злых и больше. И нам Бог послал таких добрых людей! Представляете, хозяева сказали, что будут брать с нас только квартплату! День и ночь буду молить за них Аллаха.

Я. Но что вы будете делать, когда деньги кончатся? Разве для беженцев не существует никаких центров занятости? Благотворительных организаций?

МАЛИКА. Была я в какой-то благотворительной организации — чеченской. Дали две пары белой осенней обуви и... иди. А я ведь не денег пришла просить. Работу. Чтобы хоть какое-то время продержаться, пока у нас дома немного стихнет и можно будет вернуться. Только никому мы здесь не нужны. До богатых и знатных чеченцев не дотянуться, не достучаться. А бедные, вроде Вахи, ничем помочь не могут. Себя как-нибудь прокормить бы.

Я. Вы уж не сердитесь на русских. Люди глухи к чужому горю, в основном, не от черствости, а по недомыслию. Тем более, что недоверие к чеченцам сегодня всячески подогревается сверху.

МАЛИКА. Сейчас, когда нас не хотят видеть в Москве и вообще везде в России, я русских понимаю. Не осуждаю. Но, скажите, что делать мне и тысячам таких, как я, если жить у себя дома стало невозможно? Могут или не могут русские это понять, или уж совсем в упор нас не видят? Ненависть, кругом одна ненависть... Но это же не мы пришли на русскую землю, не мы стали разорять ее. Все получилось совсем наоборот. Понимаете, я не хочу выставлять чеченцев невинными овечками. Сволочи — и еще какие — есть в каждой народности. И у нас их достаточно. Но валить все, что происходит в Чечне, только на чеченцев — неправильно и очень опасно: это скрывает настоящую правду. А главное, такая политика не способствует успокоению обстановки. Наоборот, все закручивается в еще более тугой узел.

А к русским как к нации ненависти у нас нет и никогда не было. Мы же жили, учились, работали вместе с русскими. Женились. Ведь в Грозном было очень много русских. Если бы была ненависть, разве бы русские селились на наших землях? Но вот появилась какая-то нечистая сила в лице наших и ваших политиков, лидеров, и все встало на дыбы. Разве не сволочи те, кто стравил друг с другом наши народы? А теперь у тех чеченцев, у кого кто-то погиб, есть, конечно, обида, есть боль. И у русских, потерявших в Чечне своих близких, те же чувства. А чеченские старухи очень жалеют солдатиков, которых прислали убивать нас...

Нет, все, что сотворили наши лидеры, сволочи-политики и высокие военные, используя наши тейповые разногласия, сделано обдуманно, целенаправленно. Конечно, были свары, но мы ж не воевали. Имели землю, скот. Держали по пять-десять коров. Трудились. Кормили себя и других. Были деньги. Да, за хорошими вещами мы приезжали в Москву, потому что только здесь и можно было что-то достать. До войны мы с мамой тоже приезжали в Москву за хорошими вещами. Но мы же не обворовывали москвичей. Зарабатывали собственным трудом и деньги не пропивали. Горожане работали на предприятиях, имели подспорье в селах. Дома строили крепкие, из камня. Мы все делали сами. Москвичи ведь не пасли наши стада...

Я. СМИ постоянно говорят о мирном населении, которое по ночам превращается в боевиков, о минах...

МАЛИКА. Знаю, знаю. Я здесь, в Москве, по телевизору — старенький хозяйский у нас есть — иногда слышу: «мины-ловушки, что ставят чеченцы»... Да какого черта чеченцам на своих же полях ставить эти мины-ловушки, если подрываются на них прежде всего сами же чеченцы?! Нет, кто ставит — тут думать надо... Или где-то на базаре взрывают мирных теток. Зачем чеченцам взрывать своих же теток? Какой смысл? Да, у нас есть тейповая вражда, но чтобы просто так взрывать своих же — это уж не по нашим правилам, это уж извините.

А когда я слышу: «чеченские боевики, чеченские боевики», так просто зло берет. Ведь в боевиках чеченцев и четверти нет. Знаете, кто там? Уголовники всех национальностей. Это началось еще при Дудаеве. Мы тогда четко заметили, что стали появляться бандиты со всего Советского Союза и даже со всего мира. Им нужно было скрыться от чего-то, от кого-то, вот и явились в Чечню. Конечно, возглавляют это отребье известные всем чеченцы. Хотя тот же Хаттаб — не чеченец. Чеченцев в боевиках осталось совсем немного. А валят-то все на нашу нацию. Конечно, это понятно: война-то идет на нашей земле.

Знаете, силой в боевики никто никого не загонял. Кто хотел, тот шел. И Мурад, мой покойный муж, и мой брат Рустам не хотели и не стали боевиками. Хорошо, наш Рустам с детства приспособлен к машинам. А что делать тем, кто ничего не умеет, у кого нет никакой квалификации? Ведь молодым парням абсолютно нет работы. И в боевики зачастую идут только из-за того, что нет работы. Вот за деньги и идут хоть к черту на рога...

Я. А военные — как они относятся к мирному населению?

МАЛИКА. По-разному относятся. Военных, которые сейчас в Чечне, я бы разделила на две половины. Одно дело — солдатики-срочники. Хилые, тощие, запуганные. Все они — дети бедных родителей, богатые в России своих отмазывают. Эти мальчики очень сочувствуют нам, простым людям. Всегда предупреждают, если есть какая опасность, никогда не хамят, не ругаются, не насильничают. Они еще не научились нас ненавидеть и смотрят на нас как на людей. И нам их очень жалко, потому что их прислали погибать неизвестно за что. А смерть — она тут, рядом... Эти ребята все время под смертью ходят. Их наши бабушки очень жалеют, если есть чем, подкармливают, умыться дают.

А вот контрактники — почти все сволочи. Все пьют, очень многие колются. К нашим чеченским ребятам пристают все время: достаньте зелье. А если наши откажут — избивают до полусмерти. И внешне они — сытые, здоровенные. И деньги у них всегда есть. Все — взяточники. Когда мы уезжали из Грозного, эти морды останавливали нас через каждые пятьсот метров. И водитель микроавтобуса, что нас вез, каждому совал деньги. Не дашь — ни за что не пропустят дальше. Будешь стоять хоть сто лет.

Контрактники очень обижают срочников. Просто об этих ребят, как об половую тряпку, ноги вытирают. А еще омоновцы и армейские очень враждуют между собой, устраивают страшные перестрелки. Это и понятно: пьют много, а в руках оружие. Потом, конечно, сваливают все на боевиков. И еще одно могу сказать: военные — не эти мальчики-первогодки, а другие — все ненавидят нас.

Прошедшим летом около нашего разбитого дома остановился БТР. Я была во дворе и вдруг вижу: идут двое. Сразу определила: контрактники. Подошли, стали спрашивать, не прячем ли боевиков. Я сказала, что нет у нас никого, кроме своей семьи. Тогда один из них с такой ненавистью посмотрел на меня и говорит: «Ну, что, так твою мать, раздолбали мы ваши хоромы на...». И столько злобы, столько ненависти было в его словах. Повернулись и пошли...

Скажите, чем мы, семья Хашумовых, провинились перед этими контрактниками? За что они так нас? И какую реакцию может породить такая ненависть?!

Я. И чеченцы терпят такое отношение?

МАЛИКА. Хотите спросить, стреляют ли мирные жители в солдат? Лично я этого не видела. Зато видела, как ехала по дороге машина, а навстречу двигался танк. На глазах людей этот танк раздавил машину. А там оказались женщина и трое детей. Поймите, я не смогу и не буду осуждать родственников этой женщины, если они начнут стрелять в первого попавшегося солдата. Зверство рождает зверство.

А зверство повсюду, нигде — ни на улице, ни дома — нельзя ни на минуту отключиться, не думать, что вот сейчас тебя могут убить. Это страшное, изнуряющее состояние. В таком состоянии немыслимо жить, а уж если около тебя малые дети — совсем невозможно. Кто стреляет, где стреляют — непонятно. Люди говорят, что чаще стреляют федералы. Им платят за каждую перестрелку. И платят хорошо. Так люди говорят. Я повторяю.

Главное, никто не понимает, как, откуда попадает в город оружие. Ведь через каждые несколько километров блокпосты. Везде все проверяют. Как же боевики провозят в город оружие? Для людей это загадка.

Я. А как, по-вашему, все это вышло, с чего началось? Вы ведь знаете обо всем не из газет...

МАЛИКА. Мы, очевидцы, тоже не знаем всего. Отвечу, как понимаю. Из Москвы, только из Москвы — ведь он не жил у нас и жена у него русская — явился на нашу голову Дудаев. У нас нефть — много, хорошая. Так специалисты говорят. В любом огороде прокопай вглубь двадцать метров — фонтан забьет. Власти, еще советские, очень наживались на этой нефти. Один гнал составы с нефтью в одну сторону, другой — в другую. Люди все это знали, видели. Простым жителям, конечно, ничего не доставалось. А потом пришел Дудаев и сказал: «Наши деньги оседают в московских карманах. И большие деньги. Мы от этого ничего не имеем. А народ, имеющий такую нефть и не пьющий, должен жить хорошо. Надо добиваться отделения. Тогда все деньги от нефти пойдут в наш, чечённский, карман. Люди станут жить нормально». Так сказал Дудаев, и люди ему поверили. А потом он сказал, что на деньги от нефти надо прежде всего купить оружие, потому что без своей армии государство существовать не может. Молодые, совсем молодые ребята снова ему поверили, пошли за ним. А его убили. Кто и по чьему заказу убил — разное говорят. Только тысячи, что пошли за ним, остались в дураках. Без работы, без средств к существованию. А семьи надо кормить... Вот и подались в бандиты, тем более, что бандитов к тому времени понаехало в Чечню со всего мира... И в прошлом хорошие, нормальные парни стали превращаться в разбойников. Погибали тысячами. А

все из-за того, что один дурак сказал: «Давайте защищать свою родину». От кого? От чего? Разве нельзя было все без войны решить? Так что не оправдываю, не оправдываю я наших лидеров. Все они — сволочи. И люди теперь уже никому не верят. Разве можно верить человеку, если сегодня он говорит одно, а завтра — другое? Все врут, изворачиваются...

А еще — ваххабиты. Неужели я, нормальная тридцатилетняя чеченка, надену паранджу?! Да пусть они застрелятся! Я верю в Аллаха, молюсь ему, но всякую дурость исполнять — это уж извините. Кто, откуда спустил на нашу голову этих фанатиков — тоже неизвестно. Не было никогда у нас ваххабитов. Все это опять стало кому-то очень нужно.

Знаете, что люди говорят? Кто-то, кто сидит очень высоко, отрабатывает на нас, как нужно вести войны. Ставят эксперимент... Так уж пусть бы лучше всех нас совсем уничтожили, чем так мучить и издеваться. Все равно сотнями, тысячами погибаем. Взяли бы уж да всех враз и прихлопнули! А сделать это не так уж трудно. Был бы приказ... Так люди говорят.

Можно, наверное, всех нас согнать обратно в Чечню, запереть и не выпускать, но при этом вывести войска. Не знаю. По-моему, это и невозможно, и ненормально. Хорошо, земля у нас есть, нефть есть, работать умеем, но продавать-то, что произведем, кому-то нужно. А ведь там, где торговля, там и движение. Я не политик. Я — фельдшер. Но засадить народ в резервацию — это что? Такая новая гуманитарная миссия? Отгородить чеченцев от всего Кавказа физически невозможно. Как же можно отгородить нас, допустим, от ингушей?!

Конечно, у нашего народа, как и у других, есть дурные, вредные черты, привычки — кровная месть, не очень деликатное отношение к женщинам, ссоры между кланами. Но надо было помогать нам искоренить эти недостатки, а не идти на нас войной. Люди-то наши хотят только одного: чтобы не стреляли, не убивали, не унижали. Земля у нас благодатная: палку воткни — будет расти. За нефть можно многое купить. Значит, если бы мы могли спокойно пахать-сеять, добывать нефть, то смогли бы и себя прокормить, и землю обустроить. Правильно я говорю? Значит, народу нужно не мешать — тогда он возродится, будет жить, как все люди, ни у кого не путаясь под ногами. Но не дают, не дают нам покоя...

Марина АПТЕКМАН

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КАББАЛА И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО ОККУЛЬТИЗМА: ВЕЛИКОЕ ТАЙНОЕ УЧЕНИЕ ИЛИ УСПЕШНОЕ ШАРЛАТАНСТВО?*

Эти тексты не обращены к простым смертным... Гностическая апперцепция рассчитана на элиту... Ибо, говоря словами Библии, незачем метать жемчуг перед свиньями.

Камаль Жумблатт, из интервью газете «Ле Жур»[1]

Твои ... манифесты не ясны и не прозрачны. Это утробное урчанье, а прикидывается речью. Сколько народу разбирало эту речь, столько раз находили в ней что хотели... Поэтому тысячи дураков поверят в ваш план, их вера будет крепче меди... Никто не слушал Земмельвайса, когда тот говорил врачам дезинфицировать руки перед тем, как браться за рожениц. Он говорил неинтересно. Люди охотнее верят в лосьоны против лысины. Люди инстинктивно чувствуют, что в таком лосьоне сочетаются взаимоисключающие реальности, что в нем отсутствует логика и отсутствует честность. Но так как им говорили, что Бог загадочен и неизъясним, нелогичность — это именно то качество, которое, по их мнению, приличествует Богу. Нелогичное для них означает — близкое чуду. Вы придумали лосьон против лысин. Мне не нравится, это плохая игрушка[2].

Умберто Эко. «Маятник Фуко».

Роль эзотерической философии, мистики и оккультизма в русской культуре в последнее время все больше привлекает внимание исследователей-литерату-

Марина АПТЕКМАН родилась в Санкт-Петербурге. С 1990 по 1996 гг. жила в Израиле. В 1995 году получила диплом бакалавра Иерусалимского Университета по специальностям Английская Литература / Русская Литература. Одновременно занималась историей иудаизма в Иерусалимском отделении Института Гартмана (США). Автор книги стихов «Ангелы на проводах» (Иерусалим, 1994). Стихи публиковались в литературных журналах и альманахах Москвы, Иерусалима, Бостона. В настоящее время аспирантка кафедры славянских языков Браунского Университета (Провиденс, США).

* Автор выражает признательность всем, благодаря кому эта статья была написана и смогла появиться на свет. Особая благодарность профессору Роберту Матиезену и профессору Александру Левитскому, чья бескорыстная помощь поддержала меня в самые трудные моменты работы над статьей, Борису Кердимуну за разрешение воспользоваться архивными материалами из его коллекции, а также за его готовность всегда поделиться своими обширнейшими знаниями по истории русского оккультизма. Особое спасибо представителю "Континента" в США Марине Адамович, с помощью которой эта статья, я надеюсь, найдет своего читателя в России.

[1] Эко, У. «Маятник Фуко». С-Пб., Симпозиум, 1999, с. 623

[2] Там же, с. 640—641

роведов. Однако если история спиритуализма в России или мистическая доктрина Елены Блаватской уже достаточно исследованы, Каббала и ее роль в русской культурной истории изучены еще недостаточно. Американские ученые, за небольшим исключением, этой темой серьезно не занимаются. В России же, наоборот, наблюдается повышенный к ней интерес, но интерес этот почти всегда спекулятивный, политический и часто связан с антисемитизмом. Примером такого подхода может служить книга Владимира Острецова, где автор доказывает, что «своей отравой мертвого символизма и примитивной чувственности Каббала вошла в сердца юношей XVIII века и повлияла на развитие всего дальнейшего устройства России»[3]. Острецов утверждает, что в поисках магических тайн масонские писатели Херасков и Лопухин обратились к черной магии древних сионистов, называющих себя великой Белой Расой, цель которой — завоевание всего мира и которая в конце концов и привела Россию «к революции, развалу и масонскому правлению Ельцина и Чубайса». Острецов пытается доказать, что каббалисты считали себя великой тайной расой, обладающей могучим тайным учением, и связывает этот факт с «известным всему миру желанием евреев обладать мировым господством». Для Острецова Каббала приравнивается к магии, причем к негативной — черной магии. Однако, несмотря на то, что среди европейских каббалистических текстов действительно можно встретить и те, что посвящены магии букв и цифр (например, «Шимушей Техилим» — «Применение псалмов в магических целях»), в литературе классической Каббалы, говоря словами известного ученого Гершома Шолема, эти тексты «играли совершенно подчиненную роль. То, что действительно заслуживает названия Каббалы, имеет очень отдаленное отношение к магическим методам». В то же время И.Лопухин, яркий деятель новиковского масонства конца XVIII столетия в своей книге «Внутренняя церковь» прямо говорит, что Каббала учит человека свету божьему, а самая нижняя жатва злобному духу Антихристову суть упражняющиеся в гнусной ворожбе и гаданиях, алхимии и колдовстве»[4]. Развивая свои идеи, Острецов достаточно цитирует оригинальные — как он утверждает — каббалистические тексты, которые прямо говорят о превосходстве Белой Расы над всеми другими. Проблема в том, что текст, который цитирует Острецов, появился лет на сто позже возникновения кружка Новикова и на тысячу лет позже подлинных классических текстов еврейской Каббалы. Более того, написан он не евреем, но французом — мистиком и оккультистом начала XIX века, взявшим псевдоним Елифас Леви.

В своей статье я хотела бы рассказать об одной из самых удачных, на мой взгляд, подделок — фантастической Каббале, истории ее развития, начиная с XVI века до начала века XX, и особенно о том влиянии, которое фантастическая — или, как еще говорят, магическая — Каббала имела в культурной среде русского Серебряного века, так как именно каббалистические материалы этой эпохи и сыграли, на мой взгляд, наиглавнейшую роль в создании современного российского мифа о тайном магическом учении евреев.

---

[3] Острецов В. «Масонство, культура и русская история». М., Штрихтон, 1999, с.201.

[4] Лопухин И. «Масонские труды». М., Алетейа, 1997.

Слово «Каббала» происходит от ивритского слова, в переводе означающего «традиция». Каббала — еврейская эзотерическая философия, которая сложилась в III–IV вв. новой эры и была развита в XII–XV вв. в Испании и Палестине. Главная идея Каббалы — это идея, что Бог есть по сути ни что иное как сгусток бесконечного света (на иврите *зохар*). Идея эта питает главную теорию Каббалы — теорию создания мира через свет. Согласно появившейся в Испании в середине XII столетия книге «Зохар», Бог создал мир потоком своей собственной энергии, льющейся на землю в виде бесконечного Божьего света. Свет этот доходил до земли постепенно — не как единый поток, а скорее как цепочка световых импульсов. Каждый новый день творения в Каббале рассматривается как ступенька, как отдельный импульс (на иврите *сфира*), а сам источник света — Всевышний — как сфира полноты или, как называет ее еврейский средневековый мистик Исаак Лурия, *плерома*, т.е. сам Бог. Согласно этой теории, первым существом, возникшим из потока света, был Адам Кадмон — «предвечный человек». Библейская история о падении Адама интерпретируется в «Зохаре» аллегорически. «Зохар» говорит, что до падения Адам не был человеком в земном понимании этого слова и выглядел как стеклянный сосуд, наполненный Божьим светом. В момент падения сосуд разбился, и кусочки его разлетелись по всему миру — подобно осколкам троллева зеркала в сказке Андерсена. С этого момента мир сфирот разделился на две части: на верхний и нижний (прямое отражение верхнего, но с обратным знаком). Сфирот нижнего мира, мира зла, на иврите называются *клиппот*, что значит *скорлупки*, *шелуха*. Главная задача каббалистического учения — через молитву и праведную жизнь вернуть душу мистика в ее небесную обитель, в цельность первозданного человеческого образа, то есть собрать в своей душе как можно больше потерянных осколков, хранящих Божий свет первозданного сосуда.

Каббала утверждает, что молитва чрезвычайно важна для мистической практики, потому что Божий свет *Зохар* всегда демонстрирует себя в нашем мире через Божье слово — знаменитый *Логос*, широко известный благодаря первым строкам Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Согласно мистике Каббалы, в процессе создания мира Бог называл имена предметов и эти абстрактные названия стали реальными предметами в нашем мире. Каждой из двадцати двух букв еврейского алфавита соответствует число. Эти-то буквы и числа и являются магической силой, сотворившей мир. Более ранний, чем «Зохар», каббалистический манускрипт середины VII столетия «Сефер Ецира» утверждает, что сама Тора есть по сути развернутая аллегория имени Бога. Мир сфирот, — говорит одна из глав этой книги, — это сокрытый мир языка, через который Бог обозначил сам себя. Процесс жизни в Боге может истолковываться как процесс речи. Используя слова одного из главнейших специалистов по истории Каббалы израильского философа и историка Гершома Шолема, «в своей совокупности числа и буквы представляют собой таинственные силы, посредством которых Бог сотворил все сущее. Бог начертал их, вытесал их, поменял местами и посредством их создал всё творение и всё, чему быть сотворенному»[5].

[5] Sholem, Gersshom. «Kabbalah», N-Y., 1969, p. 167 (перевод цитат в данной работе принадлежит автору статьи, за исключением случаев, отмеченных звездочкой).

Для десятков последующих поколений «Сефер Ецира» послужила источником лингвистического мистицизма, известного под названием *практическая Каббала*. Согласно ей, переставляя и меняя буквы в Торе, человек интерпретирует священную книгу, находит в ней новые смыслы и — как следствие — понимает Тору все больше и все больше приближается к Богу. Однако даже в «Сефер Ецира» главная роль отводится все же не лингвистическим перестановкам, а моральному образу жизни (на иврите *тиккун*, что значит *восстановление*, цель которого собрать в себе все кусочки потерянного Божьего света). В позднейшей еврейской Каббале мотив тиккун становится центральным. В еврейской философской среде Каббала рассматривается как моральная и этическая философия, цель которой — упрочение связи между Богом, человеком и миром[6].

В эпоху позднего средневековья и ренессанса, когда интерес к астрологии, магии и алхимии достигает наибольшей высоты, Каббала мало-помалу становится необычайно популярной в христианском мире. Учение о создании реальности через язык, безусловно, не могло не заинтересовать европейских алхимиков и вызывателей духов. В конце XV столетия граф Пико делла Мирандола написал книгу «Conclussions Cabbalisticae», где впервые обратил внимание на каббалистические учения. Пико был католиком, однако имел хороших друзей-евреев и, как утверждают ученые, неплохо знал иврит. Однако из оригинальной Каббалы Пико и вслед за ним маги и алхимики Возрождения взяли лишь те места, где говорилось о создании мира через язык. В своей версии Каббалы они поставили эту малую часть в центр учения и развили в теорию, которая утверждала, что, манипулируя еврейскими буквами, можно в конце концов найти именно то слово, посредством которого Бог создал некий предмет, и тем самым этот предмет создать. Роль букв как орудия мистического создания реальности — вот что больше всего привлекало в Каббале мыслителей ренессанса. Подобное отношение ясно видно в цитате из книги ученика Пико Иоганна Рейхлина:

Ради той надобности от ангелов посланы нам буквы, для нас, смертных, изумительные и невиданные, ничто на привычно употребляемом нами языке не значащие, однако, в глубинах нашего разума пробуждающие таинство великое и высочайший восторг[7].

Так как этот тип Каббалы использовался для магических целей, в позднейшей исторической критике он получил название «фантастическая Каббала». В фантастической версии Каббалы абстрактные концепции сфирот и клиппот были заменены на практических ангелов и демонов. Имя Бога (на иврите *шемхамефораш*), по каббалистической философии состоящее из семидесяти двух букв и позволяющее достичь мистических высот, превратилось в семьдесят два имени ангелов и демонов. Вот как описывает их Рейхлин:

Злых и добрых духов бесконечное число: настоящие их имена знает только Бог. Много таких имен мы встречаем в Священном Писании, другие имена названы у древних еврейских мудрецов. Все способы открыть имена злых и добрых духов названы нам каббалистами посредством магического вычисления. Вычисление исходит от имени Божьего, имеющего особую силу. Если нужно найти имя

[6] Там же, с. 211

[7] Reichlin, Johathanes. «De Arte Cabbalistica», London, 1957, p. 96

ангела, то подыскивают его буквы в графе «добрые» и берут их из рубрики, соотносящейся с планетой этого ангела; если же нужен демон, надо обратиться к графе «злые». В конце же надо прибавить каждому духу имя Бога — эль — что значит «сила», а если отнять его от имени, дух свою силу потеряет Каждой букве в имени соответствует число. Так Ахмиель — очень могучий дух, потому что его число есть семь, умноженное на священную семерку, итого сорок девять[8].

Маги и алхимики называли Каббалу «великим тайным учением». Однако это «тайное» учение широко пропагандировалось в десятках книг и рукописей, самой известной из которых можно считать произведение XVI века «Ключики Соломона». Книгу эту приписывают царю Соломону, который, согласно распространенным в среде оккультистов верованиям, обладал великими магическими знаниями. К сожалению, ни один древний еврейский текст магических способностей Соломона не подтверждает. Иосиф Флавий упоминает некое «Завещание Соломона», с помощью которого его друг Елизар изгнал бесов в присутствии императора Веспасиана, но не датирует эту книгу. А если учесть, что эпоху, в которую жил Флавий (I — II вв. н.э.), с полным правом можно назвать эпохой зарождения еврейского гностицизма и первых идей Каббалы, возможно, что книга появилась именно в это время. Более того, текст Флавия в целом столь насыщен неверной информацией, что доверять ему довольно трудно.

Частое упоминание о тайных способностях Соломона появится гораздо позже — и не в еврейской, а в арабской литературе, в первую очередь в «1001 ночи». В эпоху раннего Возрождения этот свод сказок был чрезвычайно популярен в Европе — и особенно в Италии, у которой были наиболее тесные связи с Востоком. Примечательно, что «Ключики Соломона» появились именно в этот период — то есть где-то в конце XV века. Перевод этой книги с иврита на латынь приписывается некоему раввину Абогназару, однако оригинал древнееврейского текста утерян и непонятно, существовал ли когда-либо. Главным аргументом за то, что никакого оригинала на иврите не было вообще, выступает сам текст книги. Поздние исследователи предполагают, что имя Абогназар суть извращенная форма еврейского имени Абен Езра. Однако совершенно очевидно, что сам Абогназар должен был неплохо знать древнееврейский. Текст же «Ключиков» утверждает прямо противоположное. Большинство «заклинаний» в книге, хоть и написаны еврейскими буквами, являются бессмыслицей, абракадаброй, соединяющей в себе алхимические символы, астрологические знаки, имена демонов и несуществующие псевдоивритские слова. Идея «Ключиков» состоит в том, чтобы научить всех желающих с помощью всего вышеперечисленного делать магические амулеты и пентакли. Один из приводимых книге пентаклей, например,

позволяет обрести потерянную привязанность любимой особы. Служит путеводителем к потерянным или украденным предметам, охраняет при длительном морском путешествии и излечивает от водянки[9].

Такое, мягко скажем, «легкомысленное» обращение с ивритом наводит на мысль, что автор текста скорее всего не был раввином и неизвестно, был ли евреем. Более того, само имя Абогназар ближе вовсе не к еврейскому Абен

[8] Там же, с. 74

[9] «The Little Keys of Solomon the King», Boston/London, 1994, p. 37

Езра, а, скорее, к гностическим или магическим именам демонов, например, к гностическому имени демона Аббаказар.

«Ключики Соломона» и подобная им литература успешно сделали свое дело — к концу XVI века Каббала уже стойко ассоциировалась с черной магией, но никак не с этической философией.

В Россию первые знания о Каббале пришли скорее всего через масонство, и первое, с чем познакомились здесь русские масоны, — именно магическая сторона учения. А.Пыпин, один из крупнейших дореволюционных исследователей русского масонства XVIII в., в своих книгах упоминает немецкого пастора Розу, который в 1760-х годах посетил Россию и, выступая в ложе «Счастливого Согласия», утверждал, что знает «магическое Hominum factio , алхимическое приготовление золота и тайные каббалистические формулы». Русский масон середины XVIII в. И.Елагин, в свою очередь, говорит о некоем Станиславе Ели, от которого получил книгу Германа Фиклада «Cabala Mysticae Naturae», откуда узнал, что

Каббала суть естественная философия, посвященная познанию души, астралов, небесных духов, стихий, а более всего познанию света Божьего. Великое учение в Каббале составляют буквы и слоги, ибо в буквах живут духи и в каждой букве — начало духа[10].

Однако уже в 80-е годы XVIII в. русское масонство проявляет все меньший интерес к фантастической Каббале. В это время русские масоны знакомятся с трудами богемского мистика Якова Бёме. Г. Шолем говорит о Бёме нижеследующее:

нам остается только гадать, каким образом бедный сапожник из богемского городка Герлиц смог угадать или понять так точно основные идеи каббалистического мистицизма[11].

В мистических произведениях Бёме образы Адама Кадмона и воссоздания целостности духа являются центральными, в то время как магической практике Каббалы автор почти не придает значения. Под влиянием Бёме образ Адама Кадмона становится центральным и в русской масонской символике 80-х годов XVIII в. Масонские идеи моральной Каббалы (особенно идея создания мира через свет и аллегорическая история падения Адама) широко пропагандировались в масонских речах и публикациях того времени, например, в речах видных масонов С. Гамалеи и И. Шварца. В речи, произнесенной на открытии ложи Девкалиона, С. Гамалея говорит, что «человек должен быть жилищем, наполненным светом Божьим» и что главное несчастье человека состоит в том, что он «отдалился от Бога, от источника света и пошел за ложными огнями. Ум в таком человеке подобен искре, погребенной в пепле»[12]. Издававшийся московским масонским просветителем Н. Новиковым журнал «Утренний свет» описывает, как произошло «постепенное отдаление человека от света духа Божьего, который создал вселенную и был концом и началом»[13].

Однако, несмотря на просветительскую деятельность новиковского масонства, в широком людском сознании Каббала продолжала ассоциироваться в

[10] Цитата взята из неопубликованного рукописного источника. Частный архив Бориса Кердимуна, Нью-Йорк.

[11] Шолем Г. «Основные течения в еврейской мистике». Библиотека Алия, Иерусалим.

первую очередь с числовой и буквенной магией. Еще больше усилила эту тенденцию эпоха романтизма, известная своим интересом ко всему магическому и волшебному. Так, Владимир Одоевский в «Русских ночах» говорит о каббалистических знаниях в первую очередь как о знаниях магических, а один из героев пушкинской «Пиковой дамы» спрашивает своего знакомого: «Как! У тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у нее ее кабалистики?». И в эту эпоху, как и в начале XVIII в. столетия, все свои знания о Каббале европейские и русские романтики черпали из пересказов все тех же магических книг XVI и XVII вв., откуда получали каббалистические знания алхимики ренессанса.

Эра модернизма заново возродила интерес ко всему мистическому и оккультному, затихший было в середине XIX столетия. Французский символизм принес, используя слова американского филолога Бернис Розенталь, «Возрождение и популяризацию магии, алхимии и Каббалы»[14]. Возрождение Каббалы в Европе во многом обязано католическому священнику, взявшему еврейский псевдоним Елифас Леви. Леви не только перевел на французский подлинные книги Агриппы и Рейхлина по магической Каббале, но и написал несколько десятков собственных книг по этой же теме — более «научных» и «современных» по сравнению с «устаревшими» книгами XXVI века. Французский интерес к «научной» Каббале быстро перенесся в Россию, где, как говорит Розенталь, «оккультизм был интегральной частью предреволюционной культуры, которой заинтересовались и художники, и писатели и политические деятели».

Модернисты и особенно символисты вернулись к идее о магической созидательной власти слова. А.Рембо в своем знаменитом сонете о власти звуков одним из первых модернистов выдвинул идею, что звуки имеют цвета и могут определять человеческие эмоции. Р.Тименчик подметил, что идеи Рембо откликаются в стихотворении Н.Гумилева «На Венере, ах на Венере», где, согласно поэту, *нету слов обидных и властных*, так как все говорят *языком из одних только гласных*[15]. Можно даже утверждать, что Гумилев, который был членом масонской ложи и интересовался каббалистической символикой, использовал идею о том, что мир Бога — это мир звуков, а не слов и что именно этот мир потеряли люди после падения Адама: *ао и уо — о древнем рае золотое воспоминанье.* С Гумилевым перекликается Ф.Сологуб, который говорит в одном из стихотворений: «Родился бы я на Мадагаскаре, / Говорил бы наречием, где много а, / слагал бы стихи о любовном пожаре, / о нагих красавицах на острове Самоа»[16]. Очевид-

---

[12] Лекции С.Гамалеи в ложе «Девкалион». Цитата взята из неопубликованного рукописного источника. Частный архив Бориса Кардимуна. Нью-Йорк.

[13] Пыпин А.Н. «Масонство в России». М, Век, 1997, с.59.

[14] Rosenthal B. «The Occult in Russian and Soviet culture». Cornell University Press, Ithaca, 1997, p. 2

[15] Цитата взята из лекции Р.Тименчика на кафедре сравнительной литературы в Иерусалимском университете в 1994-95 гг.

[16] Shimid U. «A Simbolist Under Soviet Rule: Sologub's Late Poetry», Slavic and East European Journal, 43, part 4, p. 636-639.

но, что остров, где в языке много гласных, для Соллогуба — аллегория утраченного рая.

За символистами последовали футуристы, которые провозгласили, что искусство не описывает, но создает. Можно вспомнить слова А.Крученыха «художник волен выражаться собственным языком, ибо творец индивидуален»[17]. В 1919 году Шкловский прямо сравнивает заумный язык с заклинанием, «которое кажется нам, непосвященным, бессмысленным набором звуков, а на самом деле несет магическую созидательную силу»[18]. Интерес ко всему магическому принес и интерес ко всему забытому, старому и таинственному. Литературно-артистический журнал «Весы» в 1905 году печатает эссе Г.Мейринка, где автор утверждает, что

странные, непонятного происхождения вещи, пергаменты, испещренные таинственными знаками, растрепанные рукописи, редчайшие инкунабулы, мрачные толстые гримуары в переплетах из слоновой кожи — они как магнитом притягивают взгляд, устанавливая тайную связь с неведомыми человеку глубинами его собственного Я[19].

О распространении интереса к оккультным наукам в России уже много говорилось, в том числе и об интересе к Леви. В начале века на русский язык были переведены практически все книги Леви. Этот автор упоминается и В. Брюсовым и Вяч.Ивановым. Ахматова вспоминает, что Гумилев, приезжая гостить в ее имение, часто привозил книги Леви с собой. Л.Гортунг утверждает, что «Гумилев много читал Елифаса Леви и даже пытался испробовать на себе его каббалистические рекомендации»[20]. Говоря о Леви, критики доказывают, что идеи своих книг он черпал из собственных переводов авторов фантастической Каббалы XVI–XVII вв. Однако мало кто задерживал внимание на том факте, что идеи о магической символической власти языка далеко не так сильны и развиты в магической литературе XVI века, как в работах Леви. В «Ключиках Соломона» речь идет не столько об аллегорической власти языка, сколько о власти магических имен: демонов, ангелов и Бога. Идея языкового магического символизма получает полное развитие именно в книгах Леви. Такое ощущение, что все названное у Леви *древним тайным знанием* на самом деле создано им самим. Это предположение подтверждается и тем фактом, что Леви довольно близко знал французских поэтов-символистов и даже дружил с Бодлером. Более того, в конце жизни Леви написал стихотворение «Correspondances», идеи которого очень тесно переплетаются с идеями одноименного стихотворения Бодлера, написанного несколько позже и ставшего программным для литературной теории символизма. Очевидно, можно утверждать, что идеи Леви развивались параллельно идеям французского символизма, вырастали из теории символизма и, в свою очередь, подпитывали ее. Леви действительно переводил старинные книги Каббалы, но его переводы — увы — мало соответствуют

[17] Крученых А. «Пощечина общественному вкусу». В «Утопии», М., 1999

[18] Шкловский В. «Гамбургский счет», 1991. С.179

[19] Весы, 1905, вып. 4, с.41

[20] Гортунг, Л. «Неизвестный портрет Гумилева: из воспоминаний». М., 1996, с.59

подлиннику, уже и так порядком отошедшему от оригинальной философско-мистической Каббалы. Леви изменял эти книги соответственно своей литературно-философской идеологии, параллельной философии символистов; и, следовательно, можно утверждать, что к началу серебряного века не только оккультизм повлиял на символистскую литературу, как уже давно было замечено критиками, но и сама эта литература повлияла на оккультизм.

Именно эта созвучность символизма и теории Леви привела к редкой популярности последнего в России начала XX века. Для русского серебряного века Каббала связывалась в первую очередь с магией. Интерес к магической силе Каббалы и особенно к каббалистическому вызыванию духов отразился в десятках произведений того времени. Яркий пример подобной связи виден в «Огненном ангеле» Брюсова:

Все демоны могут вступить в общение с людьми для вызывания демона необходимо знать его имя, характер и заклинание. Многие демоны, беседуя с людьми, сообщали свои имена, например, Асмодель, Амбриель, Муриель, Зуриель, Ганаель. Но, по мнению исследователей, их можно вычислить и искусственно: из букв еврейских, соответствующих числам небесных знаков Знак образуется из шести корней и пишется древнееврейскими буквами. Заклинания, которые суть главный элемент в вызывании, составлены магами по взаимному соглашению с демонами, все же это подкреплено властью божественных имен, а сила заклинания состоит в магическом значении букв и чисел[21].

Подобную каббалистическую осведомленность мы можем заметить и у других поэтов того времени. О. Делла-вос-Кордовская рассказывает в своих воспоминаниях, что Гумилев, бывший большим поклонником Леви и лично знавщий его ученика мага Папюса,

однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вызвать дьявола. Для этого надо было читать каббалистические книги, ничего не есть, а потом выпить какой-то напиток. Все товарищи скоро бросили эту затею, один Н.С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру[22].

Интерес Гумилева к книгам Леви и Папюса подробно проанализирован в работе Н.Богомолова «Гумилев и оккультизм». Однако Богомолов не акцентирует ту роль, которую знакомство с псевдо-каббалистическими изысканиями Леви и его учеников могло сыграть в литературном творчестве самого Гумилева. Как пример влияния на творчество поэта оккультных теорий символизма и особенно теософии Блаватской Богомолов приводит стихотворение «Слово» — акмеистический манифест Гумилева. Можно спорить, однако, что связь слова и числа, равно как и их противопоставление как высшего и низшего уровней магического символизма, приведенные ниже, отражают основные идеи каббалистической теории Леви о магическом символизме языка.

---

[21] Брюсов В. «Огненный Ангел». М., 1995, с.317

[22] Богомолов Н. В кн.: «Русская литература начала XX века и оккультизм». М,, НЛО, 1999, с. 125

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

В связи с этим необходимо привести и упоминаемую Богомоловым параллель между образом орла у Гумилева и орлом как символом евангелиста Иоанна, так как именно Евангелие от Иоанна вводит в христианскую символику образ Слова-Логоса, центральный для интерпретации христианской фантастической Каббалы.

Однако, несмотря на ту роль, которую сыграл Леви в становлении каббалистической символики русского серебряного века, прямое влияние на русскую богему начала столетия оказал не Леви, умерший в конце XIX в., а его ученики: некий Филипп и особенно Жерар Енкосс, известный под псевдонимом Папюс.

В этой работе мы уже упоминали Папюса, однако личность этого человека и его роль в истории русского оккультизма заслуживают особого анализа. Папюс был врачом, занимался животным магнетизмом, учился у Леви, а в 1888 году стал основателем Каббалистического ордена Розы и Креста. В 1907 году по совету Филиппа, который был в то время близок к царице, Папюс приехал в Россию с лекциями. Интерес русского общества к мистике ввел его в очень высокие круги, и как друг Филиппа он был принят при дворе.

В своих воспоминаниях французский дипломат М.Палеолог рассказывает забавную и весьма магическую историю о том, что напуганный революцией 1905 года Николай Второй стал расспрашивать Папюса о будущем России. В ответ Папюс проделал некие манипуляции с картами Таро и предрек Николаю смерть от рук революционеров. Однако в конце сеанса предсказатель успокоил царя, заверив, что только что создал каббалистическое заклинание, которое до самой смерти своего создателя будет препятствовать русской революции. Неожиданным для Палеолога стал тот факт, что Папюс действительно умер незадолго до Февральской революции — причем довольно молодым. Сам же Папюс через несколько дней после возвращения в Париж в частном разговоре охарактеризовал историю с заклинанием следующим образом: «Эти люди сумасшедшие. Они верят в любую мистическую ерунду. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что эта страна обречена»[23].

Папюс дважды посещал Россию, оба раза выступал с лекциями в Москве и Петербурге и был главным вдохновителем организации в столице Мистического Ордена Мартинистов, который в отличие от Ордена Мартинистов Н.Новикова, созданного на сто с лишним лет раньше, был не масонским, а оккультным. История этого ордена подробно описана в недавно вышедшей книге А.Серкова «История русского масонства: 1845—1945». За десятилетие с 1907 по 1917 практически все книги Папюса были переведены на русский

[23] Палеолог, Морис. «Воспоминания». Париж, 1925, с. 103

язык, и каждый новый перевод встречал хвалебные рецензии в литературных журналах. Например, «Весы» ответили на перевод «Каббалы» рецензией, автор которой назвал книгу Папюса «необходимой для любого вступившего на запутанную тропу древних тайных учений»[24]. Однако критические нотки прорывались даже в самых хвалебных отзывах. К примеру, в тех же «Весах» автор рецензии на перевод «Первоначальных сведений по оккультизму» заметил, что «книга грешит поверхностным отношением к предмету, даже каким-то французским легкомыслием», хотя критик тут же добавил, что «для истинного искателя не так важно, что Папюс спутал одну масонскую ложу с другой».

Однако ни рецензенты, ни широкая публика не подозревали, что Папюс грешит не только мелкой путаницей с ложами, он просто-напросто единолично придумал свое «тайное древнее учение», причем в полном соответствии с новейшими философскими теориями. Яркой иллюстрацией к этому утверждению служит теория Белой Расы, упоминающаяся Папюсом практически во всех его книгах по магии и Каббале. Согласно Папюсу, в мировой истории сменилось четыре основных периода цивилизации и существовало четыре расы — и Белой Расе как наивысшей стало доступно великое каббалистическое знание. Ведь именно Белая Раса несет в себе свет истинной мудрости, которая позволит ей владеть миром. По теории Папюса, среди тех, кто был у истоков Белой Расы, стоят Зороастр, Моисей и Будда. Очевидно, что подобного утверждения нет и быть не могло в оригинальной еврейской Каббале. Зороастр наряду с Орфеем и Гермесом Трисмегистом часто упоминается как носитель тайного магического учения — как в фантастической Каббале, так и в общих герметических теориях эпохи Возрождения. Однако даже в христианской фантастической Каббале ни Гермес, ни Зороастр, ни Орфей не названы представителями «особой» Белой Расы. Подобные мысли скорее видны в популярнейших в начале XX века философских теориях Фридриха Ницше.

Папюс, как уже говорилось выше, широко выступал с лекциями. Но главным проповедником его идей в России стал не он сам, а рижанин Григорий Оттонович Мёбес, писавший под псевдонимом ГОМ и бывший одним из самых активных деятелей мартинистской ложи, основанной Папюсом в Петербурге. В 1911—1912 годах Мёбес прочел в Петербурге лекционный «Курс энциклопедии оккультизма», который практически во всем следует теории Папюса. Лекции эти пользовались очень большой популярностью, о чем свидетельствуют десятки воспоминаний и отзывов, многие из которых засвидетельствованы в уже упомянутой книге Серкова, а также в работах Н.Богомолова по истории русского оккультизма начала века.

В своем курсе Мёбес соединяет в единое целое Каббалу и карты Таро и строит лекции в соответствии с магическими каббалистическими «малыми арканами Таро». Каждой лекции соответствует один «аркан», которому, в свою очередь, согласно Папюсу и Мёбесу, соответствуют магическая каббалистическая сфира, определенная характеристика человека и астрологический знак. Увы — из лекций очевидно, что ни одного из подлинников Каббалы Мёбес скорей всего не читал и его представление об оригинальном каббалистическом учении более чем

[24] Весы, 1907, вып. 3, с. 41

поверхностно. Например, описывая историю Каббалы, Мёбес составляет «Каббалистический Кодекс западной школы», в который входят у него следующие книги.

Уже рассмотренная выше «Сефер Ецира», которую Мёбес приписывает Аврааму, хотя уже существовавшая в начале XX века датировка доказывает, что текст появился никак не раньше III в. н.э. Описание этой книги у Мёбеса дается следующим весьма туманным образом: «Сефер Ецира» — книга, содержащая взаимоотношения трех первичных причинностей, семи вторичных причинностей и зодиакального мира внешней реальности, спаенные унитарным миросозерцанием»[25].

Дальше в списке стоит «Зохар». Мёбес «омолаживает» его на триста лет и утверждает, что книга появилась в 1559 году. Эта ошибка объясняется довольно легко: именно в середине XVI века выходят основные книги фантастической Каббалы ренессанса, и, очевидно, Мёбес в своем понимании Каббалы как магии объединяет философскую и магическую Каббалу в одно целое. Подтверждение этому можно найти и в том, что Мёбес доказывает, что «Зохар» был создан в Италии, а не в Испании. Причина такого переноса очевидна. Во-первых, именно Италия — колыбель культуры ренессанса — стала и колыбелью алхимических и магических штудий. Во-вторых, если исходить из даты 1559 г., то написать подобный труд мог кто угодно, только не еврей: дело в том, что к этому времени евреев в Испании практически не осталось, так как более чем за полвека до этого они были высланы по приказу короля. Более того, в начале XX века существовала теория, приписывающая авторство «Зохара» итальянскому каббалисту Аврааму Абулафии. То была одна из немногих известных фигур в еврейской Каббале, кого интересовала именно буквенная и числовая сторона учения. Абулафия имел друзей среди нееврейских философов, и, возможно, именно он повлиял на каббалистические взгляды Пико делла Мирандолы. Не исключено, что именно эта теория привлекла Мёбеса. Однако при внимательном прочтении философской доктрины «Зохара» очевидно, что взгляды и теории Абулафии имеют к этой книге минимальное отношение. Возможная вера Мёбеса в авторство Абулафии и в связь создателя «Зохара» с такими авторами фантастической Каббалы, как Пико делла Мирандола, только подчеркивает поверхностность взглядов Мёбеса на «Зохар» или даже открытое незнакомство с этим текстом.

Дальше в приводимом Мёбесом списке каббалистических книг стоит Библия, описываемая почему-то как «свод основных тезисов Теогонии, Андрогонии и магической Космогонии и часть Истории Цепной передачи Предания Белой Расы», а также Талмуд (здесь очевидно влияние «Протоколов Сионских мудрецов» и антисемитской литературы начала века, называющей Талмуд «книгой еврейской философии, задача которой — изменение мирового порядка»).

Завершают список «Ключики Соломона». Мёбес называет эту книгу «практическим продолжением теории «Зохара». Согласно Мёбесу, все книги, приведенные выше, «позволяют адепту скреплять свои волевые импульсы формулами, связывающими его с Великой цепью Носителей и Хранителей Каббалы Белой Расы»[26]. Можно поспорить, что именно эти и им подобные утверждения и привели в конце концов к теории, популярной среди современных нам «патри-

[25] ГОМ. «Курс Энциклопедии Оккультизма». С-Пб., 1912, с. 117

[26] Там же. С-Пб., 1912., с. 118

отических движений» России, — теории, утверждающей, что сионисты считают себя Белой Расой и хотят завоевать мир. Однако интересно, что Мёбес совсем не склонен «принимать» в члены Белой Расы евреев. У него носителями каббалистического учения являются Зороастр, Кришна, Орфей и Гермес. И хотя ГОМ и говорит, что Каббала идет от Авраама и Моисея, он тут же сообщает, что сами евреи тайным знанием не обладают, так как Моисей был вынужден скрывать тайны магии от своего народа, ибо «типичные, как мы знаем, отрицательные особенности еврейского народа вынудили Моисея к крайней строгости и ограниченной деятельности пентаграмматической воли каждой личности»[27].

Очевидно, что большинство знаний Мёбес почерпнул из Мартинистских связей ордена Папюса. Формулировки, используемые Мёбесом, зачастую носят не мистический, но псевдо-масонский характер. Таково, например, определение Бога как *Великого Архитектона Природы*. Большинство древнееврейских слов в лекциях извращено, и ошибки повторяют ошибки Папюса: например, слово нефеш (на иврите *душа*), т.е. человеческие страсти, которые противостоят в еврейской мистике мистическому духу человека (на иврите *нашама*), у обоих — и Папюса, и Мёбеса — переводится как «разум». Но не только каббалистические или языковые, но даже и просто оккультные или масонские знания Мёбеса практически всегда поверхностны. Фразы его длинны и запутанны. Автор использует десятки псевдонаучных терминов. Однако масонские определения часто перепутаны и порой не имеют с масонством ничего общего, в то время как напрямую повторяют подобные ошибки в книгах Папюса. Очевидно, что каббалистическая теория Белой Расы, как и вся идея каббалистических арканов Таро, — поверхностная подделка, рассчитанная на публику, которая за туманом псевдонаучных фраз не разглядит отсутствия сути.

С той поры, как в России начал возрождаться интерес к оккультизму, прошло всего лишь сто лет, но сегодня мы стали свидетелями нового широкого интереса к оккультизму, магии и Каббале. И снова, как сто лет назад, большинство заинтересованных получают знания о философии Каббалы из трудов Папюса и подобных ему. Увы, именно книги и лекции Папюса и Мёбеса сформировали тот образ Каббалы, который признавался петербургской богемой столетней давности и который доминирует в умах русских критиков и поныне. Каббала Папюса и Леви — не более чем дешевая подделка, но эта подделка создала образ, без которого невозможно понимание литературы и культурной жизни начала прошлого столетия и которая для большинства умров оказалась столь привлекательной, что вытеснила оригинал.

Среди хасидских преданий есть история о трех студентах, решивших изучать Каббалу. Один из них стал великим мудрецом, философом и мистиком, известным честным и порядочным образом жизни. Другой сошел с ума. А третий — ничего не понял. К сожалению, моя статья — это история о том, как именно тот, кто ничего не понял, доказал другим, что ему-то и открыта правда.

Думается, наступило время вспомнить старую хасидскую историю и вернуться к оригиналу или обратиться к тем, кто действительно понял простую мораль еврейского мистицизма.

---

[27] Там же. С-Пб., 1912, с. 158

Марк ПЕРАХ

РАЗУМНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ИЛИ СЛЕПАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Схватка двух мировоззрений

В течение нескольких последних лет книга американского профессора Майкла Дж. Бэхэ под названием «Черный Ящик Дарвина»[1], с подзаголовком «Биохимический Вызов Эволюционной Теории», является предметом оживленной дискуссии. Рассматривая данные современной биохимии, Бэхэ утверждает, что они несовместимы как с эволюционной теорией Дарвина, так и с ее современными модификациями, часто именуемыми неодарвинизмом.

Взгляды Бэхэ были с энтузиазмом подхвачены противниками материалистического объяснения происхождения вселенной — и, в частности, самопроизвольного возникновения жизни. Необычно сильный эффект книги Бэхэ может быть объяснен ее обильным научным материалом, который, по мнению сторонников Бэхэ, поставляет неопровержимое рациональное (научное) доказательство невозможности спонтанного происхождения жизни, так что последнее может быть объяснено только сверхъестественным актом божественного творения.

Марк ПЕРАХ — родился в Киеве в 1925 году. По образованию — физик и инженер. Многие годы работал в различных институтах и университетах бывшего СССР, опубликовал около 250 статей и ряд книг по проблемам физики и электрохимии. С 1978 года живет в США, где занимал должности исследователя вряде научных лабораторий, а с 1985 года — профессора физики Калифорнийского университета. Занимаясь помимо научной работы журналистикой и литературной деятельностью, был в 70-е годы внештатным корреспондентом и комментатором радио «Свобода» в Мюнхене и опубликовал в различных журналах несколько десятков статей на социологические, литературные и политические темы. За первый свой роман обвинен в антисоветской пропаганде и отправлен в сибирский лагерь, где провел 7 лет. Рассказы М. Пераха печатались в ряде американских журналов (на английском языке). В 1986 году в США вышел его роман «Поезд в Проволочной Клетке», переизданный в 1989 году.

[1] Michael J. Behe, Darwin's Black Box, Simon and Schuster, 1996

Насколько велик резонанс книги Бэхэ, можно, в частности, видеть из потока рецензий на нее, как в печати, так и в интернете. Только на одном Вебсайте (www.amazon.com) появилось уже около трехсот рецензий на книгу Бэхэ, и поступление их пока не прекращается. Другой пример необычно сильного впечатления от книги Бэхэ можно видеть также в объемистом сборнике статей[2], озаглавленном «Просто Сотворение». Цель этого сборника — привести всевозможные доказательства в пользу так называемой теории *разумного замысла* (английский термин — Intelligent design). Теория *разумного замысла* призвана заменить *слепую* веру в божественное сотворение мира вообще и жизни в частности *рациональными доказательствами* божественного творения. Эта теория, получившая в последние годы немалое распространение, утверждает, что концепция божественного творения может быть основана на эмпирических данных, тем самым придавая ей статус, уравнивающий ее с наукой.

Почти каждая статья этого сборника содержит ссылки на книгу Бэхэ, как предположительно революционный шаг на пути к полному утверждению теории разумного замысла — а с тем и к искоренению дарвинизма вместе с материалистическим мировоззрением вообще.

В конце книги Бэхэ читателю предлагаются отзывы ряда видных сторонников теории разумного замысла, высоко оценивающих вклад Бэхэ в усилия, направленные к полной победе этой теории. Вот, например, что пишет Давид Берлинский, видный американский математик, известный, как противник дарвинизма: «Майк Бэхэ приводит всеохватывающие доказательства против дарвинизма на биохимическом уровне. Никто не сделал ничего подобного до сих пор. Это аргумент большой оригинальности, элегантности и интеллектуальной мощи».

Сходное мнение о книге Бэхэ высказывано и в книге американского математика и философа Вильяма Дембского «Заключение о Замысле»[3]. Один из лидеров движения в пользу теории разумного замысла, профессор законоведения Филипп Джонсон в нескольких книгах (например, в книге под названием «Побеждая дарвинизм раскрытием умов»[4]) оценивает книгу Бэхэ в столь же восторженной форме.

Естественно, если такие утверждения верны, мы имеем дело с революционным сдвигом в биологической науке, имеющим далеко идущие философские и мировоззренческие последствия. Поэтому аргументы Бэхэ заслуживают детального и внимательного анализа.

Бэхэ — профессиональный биохимик, и его книга демонстрирует его широкие познания в его области. Однако в его стремлении предложить уничтожающую критику теории эволюции Бэхэ многократно выходит за рамки биохимии, обсуждая математические и философские вопросы.

Как и многие из его единомышленников, Бэхэ использует, в частности, аргументы, основанные на вычислении вероятности. В результате таких вычис-

---

[2] Mere Creation, coll. Edited by W. Dembski, InterVarsity Press, 1988

[3] W. Dembski, The Design Inference, Cambridge University Press, 1998.

[4] Ph. Johnson, Defeating Darwinism by Opening Minds, InterVarsity Press, 1997.

лений обычно приводятся исключительно малые величины вероятности самопроизвольного зарождения сложных молекул — например, белков. Малые вероятности приводятся противниками самозарождения жизни как убедительное доказательство, что самопроизвольное возникновение биологических структур было практически невозможно. С другой стороны, некоторые (пока немногочисленные) противники теории самозарождения жизни соглашаются, что малые вероятности сами по себе не служат аргументом против самозарождения биологических структур. Например, влиятельный сторонник теории разумного замысла, уже упомянутый математик В. Дембский, хорошо разбирающийся в проблемах вероятностей, неоднократно указывает, что малые вероятности сами по себе ничего не доказывают. Поэтому Дембский предлагает более детальный критерий для различения между событиями, обусловленными разумным замыслом, и событиями, обязанными слепому случаю. Мы обсудим идею Дембского в последующих разделах этой статьи.

1. Бэхэ вычисляет вероятности

На стр. 93-97 своей книги Бэхэ вычисляет вероятность случайного образования — из набора исходных химических составляющих — сложного белка, именуемого «Тканевым Плазмогенным Активатором» (ТПА) и участвующего в процессе свертывания крови. На основе вычислений, приводящих к чрезвычайно малой величине вероятности самопроизвольного возникновения молекулы ТПА (порядка единицы деленной на десять в восемнадцатой степени) Бэхэ утверждает, что такое самопроизвольное событие невероятно и потому ПТА мог возникнуть только в результате сверхъестественного акта творения. Чтобы подчеркнуть, насколько мала указанная вероятность, Бэхэ пишет: «Если бы в лотерее... шанс выигрыша был одна десятая в восемнадцатой степени, и если бы ежегодно в лотерее участвовали по миллиону человек, потребовалось бы в среднем одна тысяча миллиардов лет прежде, чем кто бы то ни было (а не только определенное лицо) выиграл в лотерее».

Это утверждение Бэхэ дефектно с нескольких точек зрения. Разберем некоторые из этих дефектов.

Прежде всего, пример Бэхэ основан на искаженном истолковании самого понятия вероятности. Один из важных атрибутов вероятности состоит в том, что эта величина отражает уровень незнания ситуации. Рассмотрим простой пример. Предположим, мы знаем, что в некотором ящике содержатся шары разного цвета, но мы не знаем, ни какие цвета присутствуют, ни каково соотношение между шарами разного цвета. Нам предлагают оценить вероятность, что первый шар, наугад вынутый из ящика, окажется красным. Поскольку мы знаем, что в принципе существуют семь основных цветов радуги плюс белый и черный, разумно оценить упомянутую вероятность, как 1/9. Предположим, однако, что нам известно, что в ящике имеются только красные и зеленые шары, хотя мы все еще не знаем, в каком соотношении. В этом случае мы оцениваем вероятность случайного выбора красного шара как 1/2. Наконец, предположим, мы знаем, что в ящике имеются 99 красных и только один зеленый шар. В этом случае мы оценим вероятность случайного выбора красного шара как

0,99 (или 99%). Во всех трех случаях, объективный шанс выбора красного шара был один и тот же, 99%. Однако, вследствие недостаточного знания ситуации, в двух из приведенных трех ситуаций, рассчитанная вероятность была намного меньше объективной, но неизвестной вероятности. Подобным образом, ничтожно малые вероятности, рассчитанные, скажем, для случайного возникновения сложной белковой молекулы, в значительной мере объясняются крайней скудостью информации о процессе возможного возникновения такой молекулы. Поэтому уже само число — одна десятая в восемнадцатой степени, приводимое Бэхэ, не может рассматриваться, как серьезно обоснованное.

Другой дефект рассуждения Бэхэ состоит в том, что он искусственно подобрал количественные данные для его примера с лотереей, тем самым резко уменьшив шанс выигрыша *хотя бы одного билета*. С одной стороны, он оценивает вероятность выигрыша *конкретного* билета как десять в степени минус восемнадцать. Это означает, что в такой воображаемой лотерее могут быть проданы десять в восемнадцатой степени билетов, каждый с равным шансом выиграть. С другой стороны, он предполагает, что число участников лотереи — это всего один миллион (десять в шестой степени), то есть число *проданных* билетов в *квадриллион* раз меньше, чем число *возможных* билетов. Естественно, что при таком предположении, шанс выигрыша хотя бы одного билета уменьшается в квадриллион раз. Тем самым пример Бэхэ становится совершенно бессмысленным в применении к обычной лотерее, где обычно почти все билеты проданы.

Однако главный дефект в рассуждении Бэхэ состоит в неявном предположении, что события, чья рассчитанная вероятность чрезвычайно мала, практически не происходят. Это утверждение, нередко приводимое противниками самозарождения жизни, абсурдно. Если рассчитанная вероятность некоего события S равна 1/ N, это означает, что при расчете вероятности предполагалось, что были *равно возможны* N различных событий, одно из коих было событие S. Если событие S не произошло, то не из-за его очень малой вероятности, а просто потому, что некое другое событие, T, *чья вероятность была столь же мала*, как и для S, произошло взамен. Существенно здесь то, что вероятности всех предположительно возможных альтернативных событий одинаково малы. Если принять утверждение Бэхэ, что события, чья вероятность исчезающе мала, практически не происходят, то пришлось бы заключить, что ни одно из предположительно возможных N событий не может произойти, ибо все они имеют ту же самую крайне малую вероятность. Абсурдность такого вывода очевидна.

Как указывалось ранее, малые рассчитанные вероятности событий часто обязаны просто недостатку информации о реальной ситуации. Это в большой мере относится к примеру с ТПА. Если бы имелась значительно более полная информация об условиях, определяющих возможное спонтанное возникновение молекулы ТПА (скорее всего не сразу, а через серию промежуточных этапов), то рассчитанная вероятность такого спонтанного возникновения оказалась бы на много порядков выше рассчитанной Бэхэ. Однако, даже если вероятность, рассчитанная Бэхэ, действительно столь мала, это всего лишь означает, что имеются десять в восемнадцатой степени *равновозможных* комбинаций из атомных группировок, входящих в ПТА, из которых *какая-то одна комбинация*

должна была обязательно образоваться. Нет никаких оснований утверждать, что комбинация, фактически образовавшаяся спонтанно, *не могла* оказаться ТПА. Поэтому крайне малые вероятности самопроизвольного возникновения молекулы ТПА, рассчитанные Бэхэ, верны они или нет, никаким образом не означают невозможности такого образования и никоим образом не доказывают тезис Бэхэ.

Основной тезис Бэхэ, однако, состоит в утверждении, что биохимические системы *неупрощаемо сложны*, а потому должны были быть созданы сразу в готовом виде, и, следовательно, не могут быть результатом самопроизвольных естественных процессов. Далее мы рассмотрим подробно идею *неупрощаемой сложности*. Пока что отметим, что, согласно идее Бэхэ, чем система сложнее, тем менее вероятно ее самопроизвольное возникновение. Для того чтобы построить мост от *неупрощаемой сложности* к *разумному замыслу,* Бэхэ было необходимо допустить, что вероятность возникновения биохимических структур в результате стихийного, никем не управляемого процесса крайне мала.

2. Разумный замысел согласно Бэхэ

Концепция разумного замысла как источника структуры вселенной вообще и существующих форм жизни, в частности, обсуждается по крайней мере со времен Вильяма Пэли (W. Paley, 1743-1805), предложившего в свое время знаменитый пример разумного «часовщика». Представим, что мы нашли в поле часы. Никому не придет в голову предположение, что эти часы возникли сами по себе, в результате цепи случайных взаимодействий молекул. Очевидно, что часы возникли в результате разумного замысла, автором которого был часовщик. Вселенная намного сложнее, чем часы. Биологические системы также намного сложнее, чем часы. Очевидно, утверждал Пэли, что вселенная и, в частности, жизнь не могли бы существовать, если бы их не создал «часовщик» с неизмеримо более мощным разумом, чем создатель простых часов. В течение двухсот лет со времен диспута между сторонниками Пэли и Дарвина, множество аргументов выдвигалось и в поддержку идеи Пэли, и против нее, так и не приведя к общепринятому мнению по этому вопросу.

Вклад Бэхэ в дискуссию состоит в рассмотрении чрезвычайно сложных биохимических систем (так называемых белковых «машин») и в утверждении, что сложность этих белковых машин *неупрощаема,* и потому указывает на разумный замысел.

В книге Бэхэ имеется множество описаний этих удивительных, необыкновенно сложных белковых машин. Среди них — механизм свертывания крови; система белков, делающая возможным движение бактерий; устройство человеческого глаза, и другие. Все эти системы выглядят настоящим чудом. Прекрасные описания всех этих поразительно сложных взаимодействий внутри клеток, между десятками различных белковых молекул, каждая из которых выполняет специализированную функцию (хотя роль многих из этих белков не выяснена), делает чтение этих частей книги Бэхэ захватывающим.

Чтобы проложить путь к утверждению о *разумном замысле*, ответственном за возникновение биохимических машин, Бэхэ, как уже сказано, утверждает,

что их сложность *неупрощаема.* Этот термин означает, что *удаление хотя бы одного белка из сложной цепи взаимодействий между ними остановит деятельность всей «машины».* Например, отсутствие хотя бы одного из десятков белков, участвующих в механизме сворачивания крови, приведет либо к невозможности сворачивания, так что организм истечет кровью, либо, наоборот, к полному сворачиванию всей крови в организме, и, следовательно, также к смерти.

Исходя из этого утверждения, Бэхэ далее утверждает, что предполагаемая *неупрощаемая сложность* не могла быть результатом эволюционного процесса и потому может быть объяснена только *разумным замыслом.*

Мы обсудим все три элемента теории Бэхэ, а именно а) сложность, б) неупрощаемость, и в) отнесение их к *разумному замыслу.*

3. Сложность как фасад вероятности

К сожалению, сам Бэхэ не предлагает четко сформулированного определения *сложности.* Поэтому, если мы хотим выяснить истинный смысл *неупрощаемой сложности,* мы вынуждены искать ключ к этому понятию в описаниях тех биохимических систем, которые Бэхэ относит к обладающим *сложностью.*

Моя цель в этой статье — проанализировать аргументацию Бэхэ и его единомышленников в пользу теории разумного замысла, поскольку в настоящее время аргументы Бэхэ и его коллег рассматриваются ими как пока что наиболее сильное подтверждение этой теории.

Обсуждая концепцию *сложности,* мы можем обратиться к работам некоторых видных сторонников Бэхэ, которые приложили немалые усилия, чтобы подкрепить аргументацию Бэхэ.

В частности, рассмотрим определение сложности, данное Дембским. Прежде всего, убедимся, что ссылка на Дембского послужит закономерным дополнением к работе Бэхэ. Бэхэ написал предисловие к уже упомянутой книге Дембского «Разумный Замысел». Бэхэ пишет: «Я ожидаю, что в течение предстоящих десятилетий мы будем видеть, как область реальности, обусловленная случайностью, будет постепенно сжиматься. И на протяжении всей нашей деятельности мы будем выносить суждение о замысле и случайности, основываясь на теоретическом фундаменте, данном в работе Билла Дембского». Эта высокая оценка работ Дембского со стороны Бэхэ дает нам основание полагать, что Бэхэ полностью принимает определение *сложности,* данное Дембским. Действительно, мы не находим нигде ни единого намека на возможное расхождение мнений между Бэхэ и Дембским.

Стоит отметить, что работы Дембского оцениваются столь же высоко и другими сторонниками *разумного замысла.* Например, профессор философии Техасского университета Роб Кунс пишет в замечаниях, напечатанных в приложении к книге Дембского: «Вильям Дембский — это Исаак Ньютон информационной теории, а поскольку мы живем в Век Информации, это делает Дембского одним из наиболее важных мыслителей нашего времени».

На стр. 94 книги Дембского «Заключение о Замысле» мы находим следующее определение понятия сложности: «*Сложность* задачи Q при наличии дан-

ных R... это наилучшая доступная оценка трудности решения задачи Q при условии, что R дано».

Нетрудно заметить, что приведенное определение в лучшем случае заменяет один термин (сложность), подлежащий определению, другим термином (трудность решения), также требующим определения. Определение Дембского не предлагает никакого, даже качественного, критерия для «наилучшей доступной оценки» *трудности*, не говоря уже о количественной мере сложности, которая должна быть обязательным элементом истинно математического определения. Поскольку определение Дембского — наилучшее, пока что предложенное кем бы то ни было из пропагандистов разумного замысла, нам придется пока что удовлетвориться им при попытке выяснить истинный смысл понятия *сложности* в теории Бэхэ.

Дембский далее заключает, что высокая *сложность* системы необходимо предопределяет малую *вероятность* ее самопроизвольного возникновения. Я намереваюсь показать в последующих разделах, что определение сложности Дембским, помимо его формальной математической слабости, требует существенной модификации по существу.

Пока что отметим, что применяя определение сложности по Дембскому к биохимическим системам, описанным Бэхэ, мы видим, что на самом деле мы имеем дело с двумя различными понятиями сложности. Сложность, определенная Дембским, отражает трудность разрешения задачи. С другой стороны, сложность, подразумеваемая Бэхэ, состоит в структуре биохимической системы. Она определяется количеством компонентов системы и количеством связей и взаимодействий между этими компонентами. Указанные два понятия сложности существенно различны. Однако между этими двумя понятиями имеется и связующий элемент. Этот элемент — вероятность. Как настаивают Бэхэ и Дембский, чем сложнее структура биохимической (или, вообще говоря, любой другой) системы, тем меньше вероятность ее случайного возникновения в результате хаотических, неуправляемых событий.

Я намереваюсь аргументировать, что на самом деле более типичное соотношение между сложностью структуры системы и вероятностью ее случайного спонтанного возникновения противоположно утверждаемому Дембским и Бэхэ.

Из сказанного следует, что единственный аспект понятия сложности, определенного Дембским, который играет роль в аргументации Бэхэ, — это утверждение, что сложность системы равнозначна малой вероятности ее случайного возникновения в результате хаотических событий. Все остальные аспекты сложности, которых немало, остаются, если ограничиться определением Дембского, вне рассмотрения и потому никак не связываются с рассуждениями Бэхэ. В дальнейшем мы вернемся к рассмотрению понятия сложности с другой точки зрения, игнорированной Бэхэ и Дембским. Пока что, однако, поговорим как раз о том аспекте сложности, который лежит в основе рассуждения Бэхэ, а именно об ее вероятностном аспекте.

Прежде всего, вспомним наше обсуждение расчета вероятностей в книге Бэхэ. Служит ли малая вероятность серьезным аргументом? Нет, не служит. События, чья *рассчитанная* вероятность крайне мала, происходят каждую минуту.

Представим, что мы бросаем игральную кость, на шести гранях которой написаны буквы А, Б, В, Г, Д, и Е. Пусть кость подброшена сто раз. После каждой попытки мы записываем букву, которая оказалась на верхней грани. После ста попыток мы получаем какую-то записанную комбинацию из ста букв, в пределах которой повторяются шесть вышеперечисленных разных букв. Число возможных сто-буквенных комбинаций из шести разных букв равно шести в сотой степени. Это — огромное число, приблизительно равное 6,5 умноженному на 10 в степени 77. Какова вероятность, что какая-то *конкретная* сто-буквенная комбинация из шести разных букв окажется фактическим результатом ста бросаний кости? Эта вероятность, одинаковая для всех возможных сто-буквенных комбинаций, исчезающе мала, а именно около единицы деленной на десять в семьдесят седьмой степени. Знаменатель этой дроби на 43 порядка больше, чем число, названное Бэхэ (стр. 96) «устрашающе большим». Тем не менее, какая-то конкретная сто-буквенная комбинация фактически стала результатом элементарного процесса бросания кости, несмотря на исчезающе-малую рассчитанную вероятность этого результата. Какова бы ни была фактически выпавшая сто-буквенная комбинация, это не удивит никого, так как какая-то одна такая комбинация должна была обязательно выпасть. Любая из возможных комбинаций имела ту же самую, ничтожно малую вероятность произойти. Поэтому, когда одно из этих «невероятных» событий фактически произошло, не было причины для удивления.

К сожалению, во многих публикациях, поддерживающих теорию разумного замысла, включая книгу Бэхэ, крайне малые рассчитанные вероятности, скажем, самопроизвольного образования белковых молекул предлагаются как якобы доказывающие невозможность таких событий. Неоспоримый факт состоит, однако, в том, что события, чья рассчитанная вероятность исчезающе мала, происходят повседневно.

В отличие от Бэхэ, уже упомянутый ранее Дембский, профессиональный математик, хорошо разбирающийся в вероятностях и универсально признанный одним из главных лидеров теории разумного замысла, признает несостоятельность утверждения, что события, чья рассчитанная вероятность крайне мала, «просто не происходят». Например, на стр. 130 книги Дембского «Разумный Замысел», мы читаем: «Сложность (или невероятность) недостаточна, чтобы исключить случайность и определить замысел».

Поскольку Дембский, в отличие от Бэхэ, понимает, что малые вероятности сами по себе не доказывают замысел, он предлагает более детальный критерий, который, по его мнению, позволяет *эмпирически* обнаружить замысел. Идея Дембского была подхвачена другими сторонниками разумного замысла и провозглашена безошибочным инструментом, позволяющим обнаружить разумный замысел в биологических системах, криминалистике, шифровальном деле, судебной процедуре, медицинской диагностике и вообще везде, где требуется установить, является событие результатом целенаправленных действий, то есть замысла, или случайного сцепления обстоятельств. Поэтому мы рассмотрим сейчас идею трехступенчатого *Распознавательного Фильтра*, предложенную Дембским.

4. Распознавательный Фильтр Дембского

Дембский предлагает метод, позволяющий, по его мнению, поддержанному с энтузиазмом другими сторонниками разумного замысла, надежно отличить событие, произошедшее как результат целенаправленного акта, то есть разумного замысла, от произошедшего вследствие неуправляемого бесцельного сцепления случайностей. Так называемый *Распознавательный Фильтр* описан Дембским, во-первых, в его статье в сборнике «Просто Сотворение» (1998), затем в его весьма технической книге «Заключение о Замысле» (также 1998) и, наконец, в его более популярно написанной книге «Разумный Замысел» (1999).

Фильтр Дембского включает три ступени (по его терминологии, три «узла»). Событие, подвергаемое анализу на наличие признаков «замысла», проходит три последовательных испытания. В первом испытании (первый узел фильтра) определяется, какова *вероятность* этого события. Если оказывается, что вероятность события велика, так что оно может быть обусловлено какой-либо закономерностью, испытание прекращается и предположение о разумном замысле, как источнике этого события, исключается. Например, представим, что, двигаясь по горной дороге, мы встречаем предупредительную надпись, что на следующих трех километрах в первой половине дня часто происходят камнепады. Мы продолжаем движение, и где-то в пределах следующих трех километров лавина камней на наших глазах обрушивается на дорогу. Поскольку падение камней в этом месте происходит регулярно, вероятность такого падения во время нашего движения весьма высока. Мы относим произошедшее событие — падение камней, к существующей закономерности и не предполагаем, что кто-то сознательно причинил такое падение в момент нашего движения. Иначе говоря, мы исключаем *замысел*, как возможную причину события.

Однако если мы заключаем, что вероятность события не так велика, чтобы объяснить его какой-либо закономерностью (например, законом природы) событие подвергается испытанию во втором «узле» *Распознавательного фильтра*. На этой ступени испытания мы опять оцениваем вероятность события. Если эта вероятность не очень мала (в терминах Дембского — «промежуточная вероятность», для которой, впрочем, он не указывает конкретных численных пределов), мы предпочитаем считать событие произошедшим *случайно*, а не в результате *замысла*. Если же вероятность события очень мала (как, например, вероятность самопроизвольного возникновения сложной белковой молекулы), то событие подвергается третьему, решающему испытанию. На третьей ступени *фильтра* мы исследуем, можно ли различить в крайне мало вероятном событии какой-либо *специфический формат* (по терминологии Дембского — *pattern* или *specified complexity*). Если мы не обнаруживаем никакого *специфического формата,* то, несмотря на очень малую вероятность события, мы рассматриваем его как произошедшее случайно. Только если крайне малая вероятность события сочетается с наличием *специфического формата*, мы заключаем, что событие обусловлено актом разумного замысла.

Посмотрим, что означает термин Дембского «специфический формат». Объяснение этого термина следует, в частности, из примера, данного Бэхэ в его предисловии к книге Дембского. Бэхэ пишет: «Представим, что мы видим на столе

листочки бумаги, на которых написаны различные буквы. Если мы находим две буквы рядом одна с другой, образующие осмысленное слово из двух букв, мы не имеем оснований, увидев это слово, решить, были ли эти буквы расположены рядом одна с другой с какой-то целью. Даже если они образуют слово, вероятность, что это произошло случайно, не очень мала. С другой стороны, вероятность обнаружить некую *определенную* длинную последовательность букв, например, НДЕИРУАБФДМОЙЧРИНКЕ крайне мала (приблизительно один из миллиарда миллиардов миллиардов). Однако если мы увидим эту конкретную последовательность, расположенную на столе, мы не придадим этому значения, потому что она не *специфична* — она не соответствует никакому распознаваемому формату. Однако если мы увидим последовательность букв, образующих, например, следующий текст: «METHINKSITISLIKEAWEASEL» *(эта последовательность — английская фраза из шекспировского Гамлета),* — мы легко заключаем, что буквы были целенаправленно расставлены в указанном порядке. Эта последовательность букв не только крайне мало вероятна, она также совпадает с осмысленной английской фразой. Она является продуктом разумного замысла».

Из трех элементов *Разъяснительного Фильтра*, для нас наиболее интересна третья, решающая ступень испытания, на которой делается заключение о разумном замысле на основании сочетания крайне малой вероятности события с присущими ему чертами *специфического формата.*

Чтобы лучше уяснить смысл последнего утверждения, посмотрим, как Бэхэ объясняет эту часть теории Дембского. В предисловии к книге Дембского «Разумный Замысел» Бэхэ пишет: «Идея разумного замысла известна достаточно давно. Однако до Дембского рассуждать о том, как опознать замысел, было так же, как пытаться писать до изобретения алфавита или считать до введения арабских цифр». Несколько далее Бэхэ продолжает: «Как мы можем надежно распознать замысел? Открытие Дембского, сначала изложенное им в его научной монографии «Заключение о Замысле», а теперь разъясненное для более широкой читательской аудитории, состоит в том, что мы опознаем замысел в том, что он именует «сложностью в специфическом формате» или, эквивалентно, «малой вероятностью в специфическом формате». Иначе говоря, мы опознаем замысел в крайне маловероятных событиях, которые в то же время отвечают независимо идентифицируемому формату (спецификации)».

Просуммируем кратко подход Дембского. Как и другие сторонники теории разумного замысла, Дембский настаивает, что малая вероятность события (которую он идентифицирует со сложностью, в его определении последней) — это необходимое условие для вывода о *замысле.* Однако, в отличие от многих других пропагандистов разумного замысла, Дембский понимает, что крайне малая вероятность события (то есть высокая степень сложности в его интерпретации этого термина), сама по себе, хотя и необходима, но не достаточна для заключения о замысле. Он видит необходимое условие, которое должно сопутствовать малой вероятности для заключения о замысле, в так называемой «специфичности» сложности, или, другими словами, в ее распознаваемом «специфическом формате».

Итак, говорит Дембский, если событие а) крайне мало вероятно, и б) «специфично», это указывает на замысел. Необходимое и достаточное условие для

заключения о разумном замысле обязательно включает оба указанные компонента — малую вероятность и специфический формат.

Я намереваюсь показать в ходе дальнейшей дискуссии, что сочетание малой вероятности и специфического формата *может,* но вовсе не обязательно *должно* указывать на разумный замысел. Я намереваюсь показать, что фильтр Дембского вполне, и очень часто, может ложно предполагать замысел, в то время как на самом деле источник события — случайность.

Дембский признает, что его фильтр может производить *ложные отрицания,* то есть относить к случайности события, на самом деле обусловленные разумным замыслом. Он настаивает, однако, что его фильтр не производит «ложные подтверждения». Иными словами, Дембский утверждает, что если его фильтр указывает на наличие разумного замысла, то такое заключение вполне надежно.

Рассмотрим несколько подробнее, что на самом деле следует из идеи о комбинации малой вероятности со специфическим форматом. Продолжая пример, предложенный Бэхэ, рассмотрим следующие последовательности букв:

1. NELEPOLINEBYASHETBRATIE
2. ЭЙННАВИБЭИРО

Является любая из этих последовательностей результатом замысла или они образовались случайным образом? Обе последовательности очевидно достаточно сложны, чтобы отвечать требованию весьма малой вероятности, так что все они проходят первый и второй узлы *Разъяснительного фильтра,* исключая закономерность как причину их возникновения и делая их предметом испытания в третьем «узле», где мы должны искать возможный специфический формат. Можно считать весьма правдоподобным, что ни Бэхэ, ни Дембский не обнаружат ни в одной из этих последовательностей какого бы то ни было распознаваемого формата и потому, согласно правилам *Распознавательного Фильтра;* определят происхождение обеих строчек как результат цепи случайностей.

Между тем, обе последовательности имеют однозначно распознаваемый специфический формат. Первая последовательность — это начальные слова «Слова о Полку Игореве», написанные латинскими буквами. Вторая последовательность — это известное библейское изречение на иврите, написанное русскими буквами и переводимое как «Нет пророка в отечестве своем». Для того чтобы распознать специфический формат в первой последовательности, исследователь должен понимать старославянский язык и также быть знакомым с латинским алфавитом. Чтобы распознать специфический формат во второй последовательности, требуется, во-первых, знание иврита, и, во-вторых, русского алфавита. Поскольку Дембский вряд ли знает иврит или русский алфавит, для него обе последовательности лишены опознаваемого специфического формата. Однако, любой исследователь, знающий старославянский язык, распознает специфический формат в первой последовательности и т.д.

Этот пример показывает, что требование «специфического формата», сформулированное Дембским, требует дополнения, — по крайней мере, указания, что специфический формат должен быть распознаваем *в принципе.* Такое дополнение, однако, хоть и необходимо, но оно сделает критерий «специфического формата» *субъективным.* То, что для Ивана — распознаваемый специфи-

ческий формат, для Джона — абракадабра. Естественно, как орудие анализа, субъективный критерий всегда уступает объективному. Как практический инструмент анализа, критерий специфического формата расплывчат и не вполне надежен.

Не спасает дело и уточнение критерия добавлением условия, что формат должен быть *потенциально, в принципе* распознаваем. Действительно, посмотрим в качестве примера, на следующую последовательность букв: ЭПСЕЛЬМОПСЕЛЬ. Эта цепочка букв — строчка из стихотворения поэта А. Захаренкова, напечатанного в сборнике «Строфы Века» под редакцией Е. Евтушенко (Издательство Полифакт, Москва, 1994). Иначе говоря, эта последовательность — результат замысла. Однако если бы эта последовательность не была напечатана, то, увиденная «на столе», как в примере Бэхэ, она даже в принципе не могла бы быть опознана как имеющая специфический формат, поскольку автор сознательно написал ее, как бессмысленный набор букв.

Все выше рассмотренные примеры ошибочных заключений об отсутствии замысла относились к категории «ложных отрицаний». Однако, уже из этих примеров очевидно, что в принципе фильтр Дембского основан на *субъективном* обнаружении или пропуске *специфического формата*.

Теперь обсудим, действительно ли, как утверждает Дембский, его фильтр не допускает *ложных утверждений*, то есть надежно обнаруживает разумный замысел, когда таковой присутствует.

5. Может ли Фильтр Дембского производить ложные утверждения?

Я намереваюсь показать, что *Распознавательный Фильтр* Дембского, вопреки его утверждению, весьма подвержен ложным заключениям о наличии разумного замысла. Можно предвидеть по крайней мере две ситуации, в которых «ложное подтверждение» неизбежно, а именно: 1) случай иллюзорного специфического формата, и 2) случай неуместного специфического формата.

Чтобы пояснить концепцию иллюзорного специфического формата, рассмотрим следующий пример. Главный Кавказский хребет тянется на сотни километров. В него входят тысячи вершин разнообразной формы, перевалы, гребни, ущелья, ледники, морены и другие многообразные элементы рельефа. Формы их бесконечно многообразны и образовались частично в результате вулканической активности, частично в результате смещений земной коры, на которые наложились сложные процессы эрозии, воздействия воды, ветров и.т. д. Конкретная конфигурация того или иного элемента рельефа определилась в результате взаимодействия множества разнородных случайных факторов. Поэтому, наблюдая какую-либо конкретную вершину или долину, мы понимаем, что рассчитанная вероятность возникновения именно этой конкретной формы рельефа исключительно мала, так как она — лишь один из огромного количества возможных результатов природных процессов. Если мы применим фильтр Дембского, чтобы установить, является форма данной горы результатом разумного замысла или цепи случайностей, первые два «узла» фильтра будут немедленно пройдены, ведя нас прямо к третьему, решающему испытанию, в

котором мы должны искать распознаваемый специфический формат. Для подавляющего большинства гор мы не найдем никакого распознаваемого формата, так что происхождение всех этих форм рельефа будет оправданно отнесено к случайности.

На Кавказе есть, однако, в районе Домбая, гора, называемая Сулахат. Говорят, что это слово — женское имя на местном языке. Из долины профиль этой горы выглядит, как лежащая на спине женщина. Можно четко различить профиль головы, две груди, ноги, слегка согнутые в коленях. Контур Сулахат выглядит, как продукт усилий квалифицированного скульптора. Если применить фильтр Дембского, мы ясно видим комбинацию крайне малой вероятности (сложности) с опознаваемым специфическим форматом — контуром женского тела, что, согласно Дембскому, указывает на замысел.

Если бы, взойдя на эту вершину и аккуратно измерив «тело» Сулахат, мы обнаружили бы, что это — действительно фигура, высеченная из цельной каменной глыбы, мы имели бы все основания заключить, что видим продукт разумного замысла. На самом деле — это пример иллюзорного специфического формата. Альпинисты, восходящие на Сулахат, вскоре обнаруживают, что никакой цельной каменной глыбы в форме женского тела нет. То, что из долины выглядит головой, на самом деле — группа разрозненных скальных выступов, разделенных нередко изрядным расстоянием. Две груди на самом деле — это даже не конусообразные выступы разного размера и формы на двух различных участках гребня и т.д. Иначе говоря, предполагаемая скульптура при более близком рассмотрении оказывается некогерентной комбинацией разнородных элементов рельефа. Распознавательный Фильтр произвел ложное утверждение. Крайне малая вероятность самопроизвольного возникновения контура Сулахат неоспорима. Специфический формат очевиден (если смотреть из долины). Дембский говорит: замысел! На самом деле — иллюзия.

Приведенный пример иллюзорного формата может также служить примером субъективности *Распознавательного Фильтра*, ранее отмеченного для случаев ложного отрицания. С субъективной точки зрения наблюдателя, находящегося в долине, специфический распознаваемый формат кажется очевидным. С субъективной точки зрения альпиниста, поднявшегося на несколько сот метров по склону этой горы, в форме этой горы нет никакого распознаваемого специфического формата.

Перейдем теперь к случаю неуместного специфического формата. В этом случае специфический формат действительно присутствует, но не относится к делу и не способствует различению между слепым случаем и разумным замыслом. Этот случай связан с известной в статистике ситуацией *бессмысленной корреляции*.

Предположим, что в некоторой стране было проведено исследование частоты заболеваний туберкулезом, и в ходе этого исследования было замечено, что случаи туберкулеза встречаются реже среди тех, кто владеет золотыми часами. Для проверки этого наблюдения было начато систематическое статистическое исследование. Поскольку владельцы золотых часов более часто встречаются среди более зажиточной прослойки населения, имеют обычно доступ к хорошему питанию, и.т.д., среди владельцев золотых часов случаи туберкулеза,

в среднем, должны предположительно встречаться реже, чем среди лиц, не владеющих золотыми часами. Легко предсказать, что правильно проведенное статистическое обследование приведет к убедительному подтверждению сильной *отрицательной корреляции* между туберкулезом и владением золотыми часами. Однако, эта корреляция, статистически доказанная, бессмысленна с медицинской точки зрения, так как в действительности золотые часы сами по себе не имеют отношения к заболеваниям туберкулезом. Никакой ни статистик, ни врач не станет рекомендовать лечение туберкулеза золотыми часами. *Корреляция* в данном случае — синоним *специфического формата*, как признака неслучайного происхождения события.

Таким образом, если при применении *Распознавательного Фильтра* по Дембскому в событии малой вероятности *представляется* обнаруженным *специфический формат,* это вовсе не исключает случайного происхождения этого события и не обязательно указывает на разумный замысел. Необходимое дополнительное условие — это *уместность* специфического формата, его органическая связь с рассматриваемым событием

Особенно поучительно обратиться еще раз к излюбленному примеру сторонников разумного замысла, лотерее. Представим некую лотерею, где проданы миллион билетов, на каждом из которых напечатаны шестизначные номера, от 000000 до 999999. Выигравший номер определен заранее компьютером и напечатан на листе бумаги, который закладывается в конверт и помещается в опечатанный сейф. На одном из проданных билетов находится выигрышный номер. При покупке билета, каждый участник может сам выбрать любой билет из пачки свернутых билетов. В день розыгрыша сейф торжественно отпирается и Иван Петров узнает, что он стал богаче на миллион тугриков. Вероятность выигрыша для Ивана Петрова была один из миллиона. Никакой закон природы или какая-либо иная закономерность не могли обусловить выигрыш именно того номера, который случайно выбрал Иван Петров. Событие легко минует первые два «узла» *Распознавательного Фильтра.* На третьей стадии испытания мы обнаруживаем специфический формат — *специфический* выигравший номер был заранее определен, и на билете Ивана Петрова немедленно опознается этот *специфический формат* — шесть цифр, совпадающих с вынутыми из сейфа. По Дембскому, мы должны были бы заключить, что выигрыш Петрова — это результат разумного замысла. На самом деле, это — очевидное *ложное утверждение*, так как выигрыш был чисто случайным.

Таким образом, предполагаемый инструмент для различения между слепым случаем и замыслом, предложенный Дембским под названием *Распознавательного Фильтра*, и провозглашенный его единомышленниками революционным открытием, служащим безошибочным индикатором замысла, на самом деле ненадежен.

В свете сказанного, каким образом *Распознавательный Фильтр* Дембского, столь высоко оцененный Бэхэ, может помочь в доказательстве «неупрощаемой сложности»? Ответ представляется не очень обнадеживающим для Бэхэ и его последователей. Рассматривая все эти неимоверно сложные биохимические машины, мы не видим никаких «распознаваемых форматов», определенных

Дембским, но скорее «форматы», которые *нераспознаваемы* (поскольку у нас нет предварительного знания, позволяющего сопоставить наблюдаемые «форматы» с какими бы то ни было, независимо известными заранее).

Рассмотрев концепцию *сложности* в определении Дембского, у нас нет иного выбора, кроме как заключить, что единственная информация, которую можно извлечь из этой концепции в применении к проблеме «неупрощаемой сложности», сводится к предположению, что биохимические системы крайне мало вероятны, поскольку они очень сложны. Мы увидим далее, что даже это заключение более чем спорно. Однако даже если бы оно было верным, это не пролило бы свет на концепцию «неупрощаемой сложности» Бэхэ, будучи в лучшем случае тавтологией. Определение сложности по Дембскому не содержит ничего, что помогло бы выяснить, что делает сложность неупрощаемой. Нам придется искать ответ в другом месте. Поэтому прежде чем обсудить *неупрощаемость* как таковую, мы должны поговорить еще немного о самой *сложности* — с точки зрения, отличной от избранной Дембским.

6. Интуитивный подход к роли сложности

Несколько позднее мы вернемся к математическому определению сложности. Пока что мы рассмотрим некоторые аспекты интуитивного представления о смысле и роли *сложности* различных систем.

По мнению Бэхэ, Дембского и их единомышленников, чрезвычайная сложность биохимических «машин» (в сочетании с «неупрощаемостью») указывает на их создание неназванным *разумом*.

Является ли *сложность* действительно индикатором *разумности* в системе? Весь человеческий опыт указывает на нечто противоположное. Чем *проще* решение задачи, тем больше *разумности и изобретательности* оно требует. Вся история технологического прогресса показывает, что наилучшее решение всегда также самое простое. Вопреки определению *сложности*, предложенному Дембским, *трудность* решения проблемы обычно растет, если ищется более простое, а не более сложное решение. Далее мы дадим более строгое обоснование этого утверждения. Пока что рассмотрим некоторые примеры.

Вспомним электронные схемы, изобретенные в начале двадцатого столетия. В них использовались вакуумные лампы. Простейшая вакуумная лампа — диод, изобретенная в начале прошлого века, содержала несколько хрупких элементов, впаянных в откаченный сосуд.

Вспомним теперь первый электронный компьютер, созданный Мокли и Эвертом в сороковых годах. Это восхитительное порождение человеческого разума, с сегодняшней точки зрения, выглядит монстром. Это было огромное сооружение, включавшее тысячи вакуумных электронных ламп.

Если мы примем концепцию Бэхэ и Дембского, усовершенствования в электронике и компьютерах должны были бы идти по пути усложнения, как ламп, так и схем. Действительно, в течение ряда лет, расширение и улучшение применения электроники происходило путем усложнения, как вакуумных ламп, так и самих схем. Были разработаны вакуумные лампы с четырьмя, пятью, шестью, семью электродами. С целью выполнения вся более трудных задач, число

ламп в схемах увеличивалось. Чем больше усложнялись схемы и лампы, тем медленнее улучшались их возможности, и электроника подошла к стене, когда стоимость ее дальнейшего усовершенствования стала слишком резко возрастать, причем надежность падала по мере их усложнения. В конце сороковых годов три ученых, работавших в исследовательской лаборатории Белл, изобрели транзистор. Транзистор — это *предельно простой прибор,* неизмеримо проще вакуумной лампы. Замена вакуумных ламп транзисторами привела к чрезвычайному *упрощению* электронной технологии и сделала возможной технологическую революцию в компьютерах, в коммуникации и в автоматизации, свидетелями которой мы являемся.

Подобные примеры можно умножить.

Вспомним теперь мое утверждение, что определение сложности, данное Дембским, требует поправки. А именно, я сказал, что определение Дембского, разделяемое Бэхэ и утверждающее, что сложность эквивалентна малой вероятности, более чем спорно. Давайте поговорим об этом подробнее.

Представьте, что вы совершаете туристскую поездку в Италию и отправились на экскурсию в окрестности Рима, где вы сбились с пути. Конечно же, все знают с древнейших времен, что *все дороги ведут в Рим.* Однако вы хотели бы найти кратчайший путь туда. Перед вами множество разных дорог, все из которых ведут в Рим, но лишь одна из них — кратчайшая. Какая? Вы не знаете. Вообразим, что вы решили положиться на счастливый шанс. Вы перенумеровываете все возможные дороги, пишете их номера на клочках бумаги, перемешиваете эти бумажки в вашей шляпе и наугад вытаскиваете одну из них. Несомненно, вероятность, что наугад выбранная дорога окажется как раз желанной наикратчайшей, гораздо меньше, чем вероятность, что она окажется одной из более длинных и сложных дорог. Причина этого *просто в том, что есть только одна кратчайшая дорога, но множество более длинных дорог.* Представьте теперь, что вместо надежды на счастливый шанс, вы решаете сделать разумный выбор. Например, вы покупаете карту в ближайшем селении и находите на ней кратчайший путь в Рим. В этом случая вероятность выбора действительно кратчайшего пути близка к 100%.

Таким образом, если кто-либо, заблудившись в окрестностях города, выбрал кратчайший путь обратно в город, есть все основания полагать, что он принял *разумное решение*, выбрав дорогу «по разумному замыслу», а не случайным образом. Если же кто-то выбрал запутанную, *сложную* дорогу, это скорее указывает на *случайный* выбор.

Подобным же образом, любая механическая или биологическая система может выполнять свои функции различным образом, отличающимся уровнем сложности. Имеются гораздо больше сложных путей функционирования системы, чем простых. Действительно, любой простой путь всегда может быть усложнен добавлением ненужных ответвлений и обходных тропинок. Если машина, механическая или биохимическая, очень сложна, это скорее указывает на ее *неразумное* происхождение. Ничто не препятствует спонтанному возникновению системы сколь угодно высокой сложности в результате случайных, неуправляемых событий. Если, однако, система успешно функционирует, будучи в то же время очень простой, имеется хорошее основание полагать, что она

стала результатом *разумного замысла*. Причина такого заключения просто в том, что всегда имеются множество сложных путей достижения результата, но только один простейший.

В свете сказанного я полагаю, что утверждение Дембского и Бэхэ об эквивалентности сложности и малой вероятности должно было бы быть поставлено с головы на ноги. Чем проще система, выполняющая определенную функцию, тем меньше вероятность, что она возникла случайным образом. Чем сложнее система, тем менее вероятно ее происхождение в результате разумного замысла. Разумеется, принятие последнего утверждения означает опровержение главного тезиса Бэхэ.

Бэхэ убедительно показал, что биохимические системы крайне сложны. Эта сложность, согласно Бэхэ, — один из двух необходимых компонентов, указывающих на разумный замысел (второй компонент — неупрощаемость). Почему сложность сама по себе должна рассматриваться как индикатор разумного замысла, остается секретом Бэхэ и его единомышленников.

Поскольку Бэхэ рассматривает сложность совместно с неупрощаемостью, перейдем теперь к обсуждению обоих компонентов теории Бэхэ в их совокупности.

7. Что означает неупрощаемость?

Обсуждение концепции неупрощаемой сложности должно включать две стороны. Одна сторона — это вопрос о том, действительно ли, если биохимические «машины», описанные Бэхэ, являются *неупрощаемо сложными*, то это указывает на разумный замысел. Вторая сторона — это выяснение вопроса, действительно ли указанные системы не просто сложны, а *неупрощаемо сложны*.

Вводя концепцию неупрощаемой сложности, Бэхэ не дал определения этого понятия, ограничившись описанием ряда систем, которые, по его мнению, неупрощаемо сложны. Отсутствие определения означает отсутствие критерия, позволяющего установить, является ли система действительно неупрощаемо сложной, или только кажется таковой.

Давайте попробуем заполнить лакуну в работе Бэхэ, обсудив определение неупрощаемой сложности.

Существует весьма строгое и универсальное определение неупрощаемой сложности, о котором Бэхэ, по-видимому, не знал, и которое на самом деле обозначает нечто, весьма отличное от его концепции. Это определение дано в *алгоритмической теории вероятностей (АТВ)*, разработанной в шестидесятых годах. Ее главными создателями были американский математик Р. Соломонофф, русский математик академик А.Н. Колмогоров и американский математик Г. Дж. Хаитин. АТВ — это строгая математическая теория, использующая элементы математической статистики, теории информации и компьютерной науки.

Определение неупрощаемой сложности, данное в АТВ, будучи математически строгим, в то же время имеет весьма общий характер и применимо к любым системам, независимо от их природы. Оно основано на концепции *хаотичности (неупорядоченности)*.

Представляется легче всего объяснить *неупрощаемую сложность* согласно АТВ, используя математический пример и компьютерную аналогию, хотя этот конкретный пример не ограничивает применимости обсуждаемой концепции к любым системам, включая биохимические системы, описанные Бэхэ.

Рассмотрим следующую последовательность: 01 01 01 01 01 01 01..... и.т.д. Очевидно, что эта последовательность строго упорядочена. Она образована многократным повторением нуля и единицы. Размер этой последовательности может быть сколь угодно велик, например миллиард *бит*. Как можно запрограммировать компьютер, чтобы он воспроизвел эту последовательность? Очевидно, нет необходимости вводить в компьютер все цифры этой последовательности. Достаточно ввести в компьютер правило, определяющее структуру этой последовательности. Программа, определяющая названное правило, может быть крайне простой, сводясь к следующей инструкции: «*напечатай « 0 1» n раз*», где *n* может быть любым числом. Размер такой программы намного меньше, чем размер самой последовательности. Как бы мы ни увеличивали длину последовательности, размер программы для ее воспроизведения будет оставаться намного меньше, чем сама последовательность

Теперь вообразим следующую последовательность:

0011011000010110011110100111101000001..... и т.д.

Подобная последовательность может быть получена, например, многократным подбрасыванием монеты, записывая 0 каждый раз, когда выпадает *орел*, и 1, когда выпадает *решка*.

Рассматривая эту последовательность, мы не обнаруживаем в ней никакой упорядоченности. Эта последовательность отвечает интуитивному представлению о хаотическом наборе чисел. Как можно запрограммировать компьютер, чтобы он воспроизвел такую неупорядоченную последовательность чисел? Поскольку мы не видим никакого правила, которое бы позволило определить, какая цифра, 0 или 1, следует за любой уже известной цифрой, для воспроизведения этой цепочки цифр мы должны ввести в компьютер всю эту последовательность целиком. Иначе говоря, размер программы, воспроизводящей хаотическую, неупорядоченную последовательность, должен быть равен размеру самой последовательности. (Мы можем также обсуждать этот вопрос, используя вместо термина *программа* более общий термин *алгоритм*).

Итак, *хаотическая* последовательность не может быть закодирована с помощью программы уменьшенного размера. С другой стороны, упорядоченная последовательность может быть закодирована (по крайней мере, в принципе) с помощью программы (алгоритма) более короткой, чем сама последовательность. Следовательно, упорядоченная последовательность *упрощаема.*

В то время как приведенное рассуждение — это упрощенное изложение начальных положений АТВ, оно может помочь понять определение *неупрощаемой сложности,* данное в АТВ. Любая система, включая биохимические «машины», описанные Бэхэ, может быть представлена неким алгоритмом, или, если предпочитать компьютерную терминологию, программой, кодирующей эту систему. *Код,* в сущности, сводится к последовательности символов, которые могут быть выражены в бинарной системе, через нули и единицы. Если система не хаотична, то есть подчиняется определенному *правилу*, соответствующая

кодирующая программа (алгоритм) может быть *сжата,* то есть, сделана короче, чем размер самой системы, используя упомянутое *правило.*

Сложность системы определяется в АТВ как *минимальный размер программы (или алгоритма),* способный представить систему в бинарном коде.

Чем система сложнее, тем больше *минимальный* возможный размер программы (алгоритма), представляющей систему в бинарном коде. Если размер минимальной кодирующей программы не может быть сделан меньше, чем размер самой системы, выраженный в бинарном коде, сложность такой системы *неупрощаема.*

Легко видеть, что определение сложности в АТВ существенно отличается от предложенного Дембским. Определение Дембского, в частности, не содержит никакого указания, что делает сложность неупрощаемой. Мы увидим далее, что отношение между сложностью и вероятностью, согласно определению АТВ, обратно предложенному Дембским.

Основное определение, существенное для нашей дискуссии, может быть теперь сформулировано следующим образом: «система неупрощаемо сложна, если минимальный размер программы, способной воспроизвести систему, приблизительно равен размеру самой системы» (в бинарном коде). Наоборот, если система упорядочена, существует (по крайней мере, в принципе) правило, определяющее структуру этой системы. Используя это правило, возможно (по крайней мере, в принципе) построить программу, более короткую, чем сама система, и кодирующую эту систему (в бинарном коде).

Итак, важный вывод из изложенного состоит в том, что, *если система неупрощаемо сложна, она обязательно хаотична.*

Иначе говоря, АТВ устанавливает, что *неупрощаемая сложность — это синоним хаотичности.*

Какие бы примеры биохимических систем ни приводил Бэхэ, он не может избежать неоспоримого математического факта: если система *неупрощаемо сложна,* она обязательно хаотична (неупорядочена). Конечно, если система — результат *разумного замысла* (или даже *неразумного,* но *замысла*), она, по определению, не хаотична. Неизбежное заключение: если некая система действительно *неупрощаемо сложна,* она не может быть продуктом *замысла.*

Таким образом, если Бэхэ не хочет расстаться со столь полюбившимся ему термином *неупрощаемая сложность,* то все его рассуждение, утверждающее *неупрощаемую сложность* биохимических «машин», становится бессмысленной игрой слов.

В терминах АТВ, однако, биологические системы никогда не бывают *неупрощаемо сложны.* В самом деле, маленький желудь содержит всю программу, определяющую рост гигантского дуба. *Сложность* структуры дуба *упрощаема* до программы намного меньшего размера, заключенной в желуде.

Поскольку термин Бэхэ лишь затемняет вопрос и никакая биологическая система не является *неупрощаемо сложной* в терминах АТВ, можно было бы сказать, что Бэхэ всего лишь выбрал не очень удачный термин. Посмотрим, однако, имеет ли концепция, неудачно названная им *неупрощаемой сложностью,* какой-либо смысл, независимый от терминологии.

Рассматривая многочисленные примеры биохимических машин, столь красноречиво описанных Бэхэ, мы видим, что действительный смысл его термина

сводится к утверждению о тесной взаимозависимости всех компонентов биохимической системы, так что удаление хотя бы одного компонента полностью разрушает нормальную деятельность системы.

Поэтому нам надо обсудить, действительно ли биохимические системы устроены так, что не могут функционировать при малейшем нарушении тесной взаимосвязи всех их компонентов, и если это действительно так, указывает ли это на *разумный замысел.*

8. Максимальная простота плюс функциональность, а не неупрощаемая сложность

Используем аналогию со знаменитым «аргументом часовщика», упомянутым в начале статьи. Сторонники этого аргумента задают вопрос: если вы нашли на дороге часы, поверите ли вы, что они возникли самопроизвольно? Конечно, нет. Очевидно, что эта комбинация многих частей, согласованно выполняющих определенную функцию, может быть только результатом *разумного замысла.* Проанализируем, какая характеристика этих часов привела к заключению о *разумном замысле?* Была это *сложность* конструкции часов?

Чтобы ответить на последний вопрос, видоизменим пример. Предположим, что вы нашли два предмета. Один из них — это металлический шар идеальной сферической формы, тщательно отполированный и с идеально равномерным распределением плотности в его объеме. Второй предмет — тоже кусок металла, но неправильной геометрической формы, с шероховатой поверхностью и с неравномерно распределенной плотностью. Рациональное предположение состоит в том, что первый предмет, весьма вероятно, является результатом разумного усилия, включавшего замысел, планирование и серию действий, направленных к изготовлению этого объекта. Хотя мы можем не знать назначения этого шара, мы заключаем, что его самопроизвольное возникновение крайне мало вероятно. Второй объект, с его неправильной формой и шероховатой поверхностью, с гораздо большей вероятностью можно полагать возникшим в результате случайных, не направляемых событий. Однако первый объект крайне прост и может быть описан очень простой формулой, требующей только двух чисел — диаметра и плотности материала. Для воспроизведения этого объекта достаточна весьма короткая программа (в бинарной системе). Второй объект, с его неправильной формой, требует для его описания гораздо большей программы, содержащей множество чисел.

Этот пример показывает, что сложность сама по себе скорее указывает на последовательность неупорядоченных, ненаправленных событий, в то время как простота скорее указывает на разумный замысел. Это утверждение находится в полном согласии с определением сложности, данном в АТВ, но противоречит определению Дембского. Сложность идеального шара, в терминах АТВ, то есть сложность самой системы, как таковой, крайне мала. В то же время, вероятность ее самопроизвольного возникновения также мала, а это обратно утверждению Дембского и Бэхэ о связи между сложностью и вероятностью.

Наше заключение о часовщике было основано не на сложности часов, а на их функциональности. Часы выполняют определенную функцию, и это дало

основание для предположения о часовщике. Как бы сложна ни была структура объекта, но если он не выполняет никакой функции, мы вполне резонно можем предполагать, что он возник в результате случайных событий. Функциональность же указывает на разумный замысел.

Анализируя примеры биохимических машин, описанные Бэхэ, нетрудно заключить, что его тезис на самом деле был не о *неупрощаемой сложности*, а о *функциональности* биохимических систем.

Легко привести примеры систем, намного более простых, чем биохимические «машины», которые тем не менее вполне отвечают *истинной*, а не *объявленной* формуле Бэхэ. Представим обыкновенный стул на четырех ножках. Отпилив хотя бы одну ножку, мы сделаем стул бесполезным, ликвидировав его функциональность. В соответствии с действительным смыслом рассуждений Бэхэ, стул вполне входит в число систем, неудачно названных Бэхэ *неупрощаемо сложными*.

Если сложность сама по себе скорее указывает на случайную цепь не направляемых событий, какие черты системы служат признаками вероятного разумного замысла? Это, во-первых, простота и, во-вторых, функциональность. Таким образом определение Бэхэ скорее всего должно быть поставлено с головы на ноги и дополнено требованием функциональности.

Если мы обнаруживаем, что система выполняет определенную функцию, она *может* (но не обязательно *должна*) быть результатом *замысла*. Чем проще система, и чем лучше она выполняет требуемую функцию, тем более вероятно, что она создана в результате разумного замысла. Бэхэ не предложил никаких критериев, позволяющих оценить эффективность биохимических систем, то есть оценить, насколько эти системы близки к максимальной простоте, в то же время обеспечивая надежное выполнение их функций. Поэтому его утверждение, что биохимические системы «неупрощаемо сложны» (что должно было бы быть на самом деле сформулировано как «надежно функциональны, но максимально просты»), никак не обосновано. Сама поразительная сложность биохимических «машин» — это скорее аргумент против гипотезы об их «разумном замысле», — особенно при отсутствии доказательства, что та же функция не могла бы быть выполняема боле простыми средствами.

9. Две стороны разумного замысла

Отметим, что концепция разумного замысла имеет две стороны. Одна из них — *замысел*, а вторая — *разумность* замысла.

Для иллюстрации вообразим ситуацию, которая крайне упрощена и не претендует на реалистичность. Вообразим, что на некоторой планете, именуемой Ида (так что самоназвание ее обитателей — Идиоты), цивилизация развилась без изобретения стульев, так что даже самые важные из Идиотов, если хотели сидеть, вынуждены были садиться на землю. Вообразим далее, что идея стула возникла в умах философов Иды и правительство объявило конкурс на лучший проект стула. Допустим, что среди представленных проектов были стулья с разным числом ножек. Разумеется, все эти варианты стульев, если бы были изготовлены, были бы результатом *замысла*. Однако не все из этих замыслов заслу-

живали бы названия разумных. Стулья с одной или с двумя ножками на углах сиденья были бы непрактичны, и их замысел скорее был бы охарактеризован как неразумный. Стулья с тремя и с четырьмя ножками комбинировали бы удовлетворительный уровень комфорта и устойчивость. *Замысел* как трехногого, так и четырехногого стула мог бы рассматриваться как *разумный*. Представим, однако, что среди представленных проектов были стулья с пятью, шестью, семью и.т.д. ножками. Учитывая самоназвание жителей этой планеты, предположим, что из всех проектов был выбран стул с семью ножками. (Возможно, что в религии обитателей Иды, как и в некоторых земных религиях, числу семь придавалось мистическое значение). Предположим далее, что Иду посетил турист с планеты Крета (самоназвание ее обитателей не требует расшифровки), где все еще не существовали стулья. Он увидел на Иде восхитившее его изобретение — стулья о семи ножках. Если этот посетитель был знаком со взглядами Бэхэ и никогда не видел стульев с тремя или четырьмя ножками, он мог бы заключить, что все семь ножек необходимы и что он видит в стуле с семью ножками знаменитую «неупрощаемую сложность». Это, в свою очередь, привело бы к заключению, что стул с семью ножками — результат разумного замысла. Он мог бы и не подозревать, что на самом деле замысел этого стула был не очень разумен, а скорее был образцом *«избыточной сложности»*.

Аналогично, поскольку Бэхе не приводит никаких доказательств, что описанные им биохимические системы действительно *неупрощаемо* сложны, многие из них вполне могут оказаться *избыточно сложными* (пример экспериментально обнаруженной избыточной сложности биохимической «машины» приведен в следующем разделе). Если это так, то это может быть объяснено либо результатом последовательности хаотических не направляемых событий, либо *неразумным* замыслом. Трудно представить, что идея неразумного замысла в космическом масштабе может рассматриваться кем бы то ни было всерьез. Поэтому, при отсутствии доказательств, что сложность системы не *избыточна*, сложность скоре указывает на слепой случай, чем на разумный замысел.

Рассуждения Бэхэ не только не содержат никаких доказательств, что «неупрощаемая сложность» (в его понимании этого термина) действительно присуща биохимическим системам, они еще меньше указывают на «незаменяемость» этих систем, то есть на невозможность заменить их иными системами, выполняющими те же функции и, возможно, более эффективно.

По крайней мере две характеристики, если они присущи системе, говорят против разумного замысла. Одна из них — это *избыточная сложность*, а вторая — *отсутствие автокомпенсаторного механизма*. Обе присутствуют в биохимических системах, если принять описания Бэхэ.

10. Избыточная сложность

Как было отмечено, если система «неупрощаемо сложна» (как в смысле АТВ, так и в смысле, придаваемом этому термину Бэхэ), то в обоих случаях это, скорее всего, указывает (по двум разным причинам) на отсутствие разумного замысла. Однако это не означает, что если сложность системы *упрощаема*, то это должно указывать на замысел. Сложность, которая упрощаема (в смысле

этого термина, принятого Бэхэ) может обоснованно рассматриваться, как *избыточная,* что скорее всего также говорит против *разумного замысла.*

Заключение о возможной «избыточности» сложности биохимических систем — это не просто предположение. Имеется убедительное экспериментальное подтверждение избыточной сложности некоторых биохимических систем. Более того, некоторые из этих экспериментов продемонстрировали избыточную сложность как раз той системы свертывания крови, которую Бэхэ избрал примером предполагаемой неупрощаемой сложности. К середине девяностых годов биохимикам удалось разработать технику удаления индивидуальных генов из «генома» животных. Одним из примеров служит исследование, проведенное группой биохимиков, возглавляемой Бугге[5]. Работая с мышами, эти исследователи произвели поколение мышей, у которых был удален ген, ответственный за выработку фибриногена — белка, необходимого для свертывания крови. Естественно, мыши, лишенные фибриногена, потеряли способность к свертыванию крови и погибали от кровотечения. У другой группы мышей, исследователи удалили ген, производящий белок плазминоген, участвующий в приостановке свертывания крови и тем самым предотвращающий тромбоз (закупорку сосудов). Как и следовало ожидать, мыши, лишенные плазминогена, потеряли способность к своевременному прекращению свертывания крови и страдали от тромбоза. Однако затем исследователи скрестили обе разновидности мышей, и их потомство, лишенное *как фибриногена, так и плазминогена,* оказалось практически нормальным! Это блестящий эксперимент показал, что ансамбль белков, который согласно Бэхэ, якобы *неупрощаемо* сложен, на самом деле вовсе не весь необходим, и, следовательно, *избыточно сложен.* Как пишет известный биохимик, эксперт в биохимии свертывания крови, Р. Дулиттл[6], комментируя данные Бугге и соавторов, «Музыка и гармония могут быть достигнуты и с меньшим оркестром».

В свете сказанного, можно уверенно полагать, что поражающая сложность биохимических систем, так хорошо описанная Бэхэ, это нередко — «избыточная сложность». И если сложность избыточна, это весьма вероятно указывает на ее происхождение в результате случайных, неуправляемых событий.

11. Отсутствие автокомпенсаторных механизмов

В *разумно* сконструированных машинах всегда предусматривается наличие автокомпенсирующих механизмов. Если, вследствие непредвиденных причин, какая-то часть машины выйдет из строя, автокомпенсирующий механизм временно перенимает на себя ее функции, предотвращая остановку всей машины. Если, купив автомобиль, вы обнаружили, что его конструктор забыл предусмотреть место и крепление для запасной шины, вы вряд ли будете хвалить *разумность* такого конструктора. Сама суть идеи Бэхэ о том, что он назвал «*неупрощаемой* сложностью», предопределяет отсутствие автокомпенсирующих механизмов в биохимических «машинах». Если удаление или поврежде-

[5] *Cell,* том 87, 1996, стр. 709-719

[6] Boston Review, том 22, вып. 1, стр. 29, 1997

ние хотя бы одного белка в цепи действительно делало бы, как утверждает Бэхэ, неработоспособной всю биохимическую систему, это было бы серьезным недосмотром предполагаемого автора «замысла», чья *разумность* немедленно стала бы сомнительной. Поскольку гипотеза о «глупом» авторе замысла едва ли устраивает теоретиков «замысла», то само устройство биохимических «машин» (если поверить описанию Бэхэ) представляется аргументом против *разумного замысла.*

12. Заключение

В этой статье не обсуждались многие детали рассуждений Бэхэ и Дембского, так как главным объектом дискуссии была выбрана теория разумного замысла и, в частности, аргументы в ее пользу, основанные на том, что Бэхэ и его единомышленники называют неупрощаемой сложностью биохимических «машин».

Согласно этой концепции, крайне популярной в настоящее время среди сторонников *разумного замысла,* предполагаемая «неупрощаемая сложность» биологических клеток не могла возникнуть самопроизвольно и потому должна быть объяснена целенаправленным актом творения неназванного разума. Хотя ни Бэхэ, ни Дембский, ни иные сторонники теории «замысла» обычно не называют имя автора замысла, нет сомнений, что они имеют в виду Бога — обычно в его христианском понимании.

Просуммируем кратко основные пункты изложенной дискуссии.

1) Сам термин «неупрощаемая сложность» был безосновательно использован Бэхэ, поскольку еще до Бэхэ этот термин был строго определен математически, вкладывая в него понятие, существенно отличное от подразумеваемого Бэхэ. Если бы любая система, рассмотренная Бэхэ, действительно оказалась неупрощаемо сложной в строго-математическом понимании этого термина, это означало бы, что эта система хаотична, и, следовательно, не может быть результатом разумного замысла.

2) Неотделимый элемент концепции Бэхэ — это сложность биохимических систем как таковая. Сложность сама по себе, однако, указывает скорее на хаотическую последовательность случайных событий, а не на разумный замысел. Вероятность случайного, самопроизвольного возникновения сложной системы, выполняющей определенную функцию, гораздо больше, чем самопроизвольное возникновение системы, выполняющей ту же функцию более простым путем.

3) Биологические системы не бывают неупрощаемо сложны в строго-математическом понимании этого термина, поскольку их «программы» натурально «упрощаемы» до более коротких «программ», заключенных в семени, зерне, эмбрионе, комбинации сперматозоида с яйцом, и.т.п.

4) Не имеется никаких доказательств, что какая бы то ни было из систем, описанных Бэхэ, действительно «неупрощаема» (в том смысле, как Бэхэ понимает этот термин). В то же время, имеются экспериментальные данные об избыточной сложности некоторых белковых «машин», что опровергает концепцию Бэхэ и служит серьезным аргументом против *разумного замысла.*

5) Если какая-либо из систем, рассмотренных Бэхэ, действительно «неупрощаема» (в том смысле, как Бэхэ понимает это термин) то это означает отсутствие в ней автокомпенсаторных механизмов. Если биохимические «машины» действительно так уязвимы, как это следует из концепции Бэхэ, это указывает на недостаточную *разумность* предполагаемого замысла, то есть скорее на отсутствие такого замысла.

Таким образом, концепция Бэхэ в целом не добавляет никакого убедительного аргумента в споре между сторонниками «замысла» и слепой случайности. Восторженное принятие гипотезы Бэхэ пропагандистами «разумного замысла» может объясняться их неутолимым желанием доказать свою правоту, используя любые аргументы, особенно если последние могут быть поданы в наукообразной упаковке.

Доказали предыдущие рассуждения ошибочность предположения о существовании сверхъестественного Творца вселенной и, в частности, жизни? Разумеется, нет. Я подозреваю, что такое доказательство недостижимо, и, во всяком случае, лежит за пределами науки. Однако эта статья продемонстрировала бесплодность так называемой теории разумного замысла, которая ныне объявляется последним словом в споре между естественными науками и верой в божественного творца. Как мы видели, это последнее «достижение» сторонников разумного замысла богато голословными заявлениями, но бедно фактами и логикой. Теория разумного замысла — это теория только по названию. Что касается более частного вопроса о правильности дарвинистской теории эволюции, отрицаемой сторонниками теории разумного замысла, одними частично, другими — полностью, последняя — это научная теория, подкрепленная обширным экспериментальным материалом и логично объясняющая множество фактов. Как и всякая научная теория, она несовершенна. Утверждение или падение дарвинизма определится дальнейшим развитием научного поиска, а не нападками ее противников, основанными на идеологических предпочтениях. Предсказывать будущее любой научной теории всегда весьма рискованно. Представляется, однако, что падение дарвинизма крайне мало вероятно. Теория эволюции имеет убедительную эмпирическую и логическую основу, ставящую ее в один ряд с такими великолепными достижениями человеческого гения, как теория тяготения в физике или квантовая механика.

Нет сомнений, что спор между двумя мировоззрениями будет продолжаться. Однако этот спор на самом деле не имеет отношения к вопросу о религиозных верованиях. Хотя данные науки очевидно противоречат многим конкретным библейским историям, понимаемым буквально (например, о сотворении мира за шесть дней), наука не свидетельствует ни за, ни против веры в Божественного Творца. Поэтому, вопрос о примирении научного и религиозного мировоззрения всегда был и остается вопросом совести каждого человека.

Евгений ЕРМОЛИН

СИЮМИНУТИЦА

Поэт в постклассическом мире

«Некоторым раннехристианским мученикам, с которых живьем сдирали кожу», уподобил не так давно идеального современного поэта критик Дмитрий Бавильский*, который в последнее время много пишет о поэзии вообще. Метафора, признаться, странная. Кто требует ныне от художника такого экстраординарного подвига веры? Где те поэты и кто те палачи?

Кажется, образ понадобился Бавильскому лишь затем, чтоб сказать, что поэт призван безбоязненно обнажить собственное нутро («Это только душа бестелесна. Стихотворение, являясь выражением «внутреннего состояния», повторяя особенности и изгибы личной синдроматики пишущего, материализует его душевные состояния в осязаемые и конкретные объекты. Очертания которых фантомно повторяют контуры физического тела»).

Коли так, сие условное подобье и мало значит, и недорого, однако, стоит. Да и от самой идеи отдает слегка литературным нафталином. Сколько ее ни заостряй — всё будет пахнуть старинным, хорошо известным романтизмом.

Я кстати не уверен, что именно таким освежеванным, как на пособиях в анатомическом кабинете, должен быть сегодня поэт. Но сама экспрессия образа, которым вдохновился Дмитрий Бавильский, может быть, и неслучайна. К тому же интеллектуальный почин Бавильского возымел на меня провокативное действие. Подумалось: а и действительно, — что там происходит в конце XX века с русской поэзией? С поэзией, которую якобы никто не читает и которая, как считают самые закоренелые пессимисты, создается на языке, не имеющем будущего в XXI веке?

Присутствия современных стихов в нашей жизни действительно не заметно. Современный поэт — существо, обитающее в тени, если только он не отличился какими-то эпатажными провокациями. Но разрушены, думаю, не столько

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 году в деревне Хачела Архангельской области. Окончил факультет журналистики МГУ. Кандидат искусствоведения, преподает в Ярославском педуниверситете. Автор ряда литературно-критических и культурологических журнальных статей, книги по истории Ярославля. Постоянный автор «Континента». Живет в Ярославле.

* См. L-критика. Ежегодник Академии Русской Современной Словесности – 2000. М.,АРСС, стр. 55.

мотивации общественного интереса и чтения, сколько механизмы доступа стихов к читателю, механизмы социокультурного признания поэта. Несмотря на премии. Несмотря на конкурсы. Несмотря, наконец, на свободу слова.

Телевидение — самый мощный сегодня канал влияния — как-то плохо сочетается со стихами. Телевизионщики, очевидно, априори записали поэзию в разряд неликвидов — и думать забыли о том, что есть еще на свете поэты. Провинциальные библиотеки почти не приобретают поэтических сборников; сокращается библиотечная подписка на литературные журналы. Да и трудно по журнальным подборкам, по журнальной критике следить за тем, что делается в нашей поэзии. Это пока данность.

Но не все так мрачно. Кажется, поэтам вернет читателя Интернет. Даже краткой пробежки по русскоязычному Интернету достаточно, чтобы убедиться: стихи есть. И замечательные стихи. Именно здесь выставлена отличная коллекция современной российской поэзии, которую мне трудно сравнить по ее полноте с какой-то другой. И если пойти для начала хотя бы на страницу, адрес которой www.vavilon.ru, то можно найти там немало интересного... И если учесть, что аудитория Интернета постоянно растет, то за доступ поэзии к читателю можно быть более-менее спокойным.

Это внешние условия бытования поэзии.

А что у поэта на душе? Чем готов он поделиться с пытливым, беспокойным читателем?

Мне здесь видится образ не человека со снятой кожей, а человека, чья чувствительность к внешним воздействиям превышает все мыслимые пределы. Человека, теряющего понятие границы между собой и миром, неспособного поставить заслон изнутри наружу. Он, как *губка*, вбирает в себя мирское.

Такая уязвимость — самая большая проблема современного человека вообще. Поэт в этом отношении являет собой крайний случай популярной культурной патологии.

Не будем, конечно, априори обобщать. Ведь более чем очевидно: современная поэзия — хор солистов. Хор, в котором сливаются разные голоса именно потому, что голосов много — и каждый тянет свою песню. В поэтическом потоке нет единого вектора движения, не улавливается единое основание. Каждый поэт существует в слове наособицу. Остались в прошлом программные объединения. Если не считать заразных болезней литературной моды. Которые скоропреходящи. Не оттого ли возникает впечатление какофонии?

Не стоит, однако, смешивать разные вещи. Многоголосость — одно, а какофония — другое. Из первого не всегда вытекает второе. И наоборот, из второго — первое. Тут должны особым образом лечь исторические карты. Поэзия — сейсмограф. Если говорить о том мире, в котором мы живем, о той стране, — то по-прежнему один из лучших способов — стихами и о стихах.

С одной стороны, так или иначе уникальный вектор личной судьбы и самобытная конфигурация слов, авторские интонация и смысл приходят во взаимодействие с иным и всяким личностным опытом поэтического свершения, с традицией и современностью, с историей и вечностью. Есть в современной поэзии общие темы и есть созвучия.

С другой стороны, часто именно в совпадениях и соответствиях обнаруживается прущий из глубинных недр какофонический хаос. Он идет изнутри, из личного опыта поэта, наружу. Хаос и бред становятся универсальным способом запечатления актуального опыта.

Вероятно, в этом отношении поэты стали жертвами эпохи, которая лишена смысла и цели, эпохи, не способной объединить людей чем-то большим, чем мелкая корысть. Чем-то иным, чем этот неблагодарный, бредовый опыт.

Поэты попали в ловушку вялотекущего, расхристанного, раскоординированного времени. Проклятое прошлое кончилось, а светлое будущее не наступило. И даже внятная линейность развалилась. История закончилась, но совсем не тем, чего ждали. Не взрывом, а всхлипом...

Впрочем, я, кажется, поддаюсь популярному настроению и начинаю превращать личные домыслы и предощущения в бытийную данность. Хотел же вернуться к своему тезису: современный поэт *слишком* зависит от современной жизни. Он реализует себя на уровне сугубой, мелко взятой актуальности, замысловато претворяя в стихах азбуку повседневья. Его горизонт — это горизонт нынешней культурной сиюминутицы. Многие слишком верны своей эпохе, а эпоха — глупа и пошла. С такой не нужно бы водиться.

В жизни всё мелко. Нет трагизма. Нет даже абсурдизма. Нет утопии. Нет греха и раскаяния. Очевидно, набор таких «нет» предопределил движение столь ярко явившего себя и столь мощно прошумевшего журнальными публикациями лет десять назад москвича Тимура Кибирова от лирики 80-х — начала 90-х годов к его последним, вялым, пустоватым книжкам.

Когда-то его послание художнику-фотореалисту Семену Файбисовичу стало, по сути, манифестом поколения и казалось и матрицей духовного состояния культурного авангарда позднесоветской лепки, и энциклопедией нашей жизни в стране, которая плохо поддавалась любви и не внимала укоризнам.

...А электрички калининской тамбур
с темной пустою бутылкой в углу,
с теткой и с мастером спорта по самбо,
с солнцем, садящимся в красную мглу
в чистом кружочке, продышанном мною.
Холодно, холодно. Небо родное.
Небо какое-то, Сема, такое —
словно бы в сердце зашили иглу,

(...)

Вот она, вот. Никуда тут не деться.
Будешь, как миленький, это любить!
Будешь, как проклятый, в это глядеться,
будешь стараться согреть и согреться,
луч этот бедный поймать, сохранить!

Щелкни ж на память мне Родину эту,
всю безответную эту любовь,
музыку, музыку, музыку эту,
Зыкину эту в окошке любом!

Бестолочь, сволочь, величие это:
Ленин в Разливе,
Гагарин в ракете,
Айзенберг в очереди за вином!

(...)

В общем-то нам ничего и не надо.
В общем-то нам ничего и не надо!
В общем-то нам ничего и не надо —
только бы, Господи, запечатлеть
свет этот мертвенный над автострадой,
куст бузины за оградой детсада,
трех алкашей над речною прохладой,
белый бюстгальтер, губную помаду
и победить таким образом Смерть!

Кибиров был охотно признан (получил несколько литературных премий, в том числе Пушкинскую и Антибукера-1997) и мог стать лидером своего поэтического поколения, открыть для него какую-то иную перспективу. «...и победить таким образом Смерть!» Но этот поэт большого дара, умевший выражать дух времени, умевший даже быть голосом эпохи и волновать таинственным созвучием между его строфами и душой читателя, Ї ?тал принципиальным обывателем, ироническим мещанином, добродушным пессимистом и сибаритом.

Этот его выбор с предельной отчетливостью декларируется в стихах последних лет. Вот из самого недавнего: первое стихотворение цикла «Юбилей лирического героя»:

Ещё, как патриарх, не древен я, но всё же
в час утренний глядеть на собственную рожу
день ото дня тоскливей и тошней.
И хоть еще осталось много дней,
в два раза больше позади осталось.

И что же? Где она, блаженная усталость,
и умудрённость где? Где-где — в узде,
которой взнуздан я мирскими суетами —
тщеславьем, леностью, а паче словесами
хитросплетенными, игрою роковой
фонем бессмысленных с нагрузкой смысловой,

и *возбешеньем блудным* (друг-Хохол
такую дефиницию нашел
для страсти нежной, коей мучим я).
Всё жду чего-то. Не старей меня
был твой певец пиров и финских скал,
когда в отчайньи сумрачном писал

про лысины бессилия. А я,
плешивей становясь день ото дня,
не знаю угомону. Сорок пять.
Пора, мой друг. Но хочется опять.
Шкодлив, как кошка, и труслив, как заяц,
всё поджидаю дедушку Мазая.
А воды прибывают и шумят,
и намочить мне лапки норовят.

И вот февраль. Достать чернил, и паркер,
подаренный тобой, заправив, выпив чарку-
другую италийского вина,
писать себе с утра и до темна,
себе писать с темна и до утра:
«Пора, мой друг, действительно пора.
Успехов в личной жизни, милый мой.
Ну, будь здоров, лирический герой!
Геройствуй помаленечку, дружок,
и с Божьей помощью мы свой отбудем срок.»

Кибиров уронил поэзию в личный быт. И забылся там — в соображении, что эпоха якобы ничего другого, ничего более масштабного и значительного не выдает. Вот что делает с нами жизнь. Эх-хе.

Или вот еще: петербуржец Николай Кононов. Звезда конца 80-х — 90-х годов на мрачноватом небосклоне северной столицы. Поэт явно более камерного, чем ранний Кибиров, дара. Далекий от патетики и социальности. Создатель «акцентного стиха с чередующимися рифмами и аномальной (до 25 стоп) длиной» (М.Золотоносов), с невозможно длинными строками. Недавний чемпион симпатий критиков со своей книжкой прустианских воспоминаний о собственном детстве «Похороны кузнечика».

Он тоже систематически опрощает, омельчает и забытовляет традиционные смыслы. Вот его иронико-скептический парафраз на великую лермонтовскую тему:

На дорогу выхожу один и только этих сумерек чуть-чуть побаиваюсь,
Аты-баты, ходят звезды, заломив фуражечки так лихо по-казачьи,
Мимо дуба полусонного, и нижняя отвисла чуть губа его,
И с нее срывается зеленое дыханье, сетований полное и плачей.

Ну так крепче, туже эту портупею, ночной птичкой скрипнувшую,
Этот сыромятный поясок древесный, улыбаясь, жарче, туже застегните,
Но на это дело смотрит сумрачно набычившимся старым юношею
Месяц, словно Лермонтов, и лучше вы его не веселите. (...)

Когда-то Михаил Золотоносов заметил, что кононовская поэтика есть поэтика эпитафии всему сущему, всему, обреченному на смерть. Так-то оно

так. Но, кажется, все усилия Кононова положены на то, чтобы ослабить, смикшировать звучание темы. Откупиться от экзистенциального драматизма темы вялым, невнятным, усталым бормотанием. Блеклой отрыжкой то ли личной, то ли вычитанной в умных книжках драмы.

Кононов задвигает вечность в потемки, прячет память о смерти в немые паузы текста. Сквозь прозаизм и невнятицу у современного расслабленного поэта проступает упорное недоверие к великому и сильному. Слишком, что ли, громко она звучала. Не по ушам современного автора и его читателя...

Как будто поэт (Поэт!) обязан руководствоваться зрением и слухом текущего момента, жить по указаниям, даваемым ему из настоящего момента через пастернаковскую форточку, на волне «настоящего радио».

Современная поэзия больна абсолютизацией текущего дня и часа. Постмодернистского стиля релятивизм и постклассический абсурдистский пессимизм и метастазы этой хвори.

С релятивизмом все более-менее ясно. От него в стихах — атмосфера дурной всевременности, готовность к безболезненному, ненапряженному контакту с любым временем. Притом, что это не всегда диалог, а — чаще — имитация его. Ибо тут нет апелляции к былой серьезности, той, которая была в каждом времени своя. Был в каждом времени духовный горизонт и предел. Но не они вызывают интерес, а лишь самые внешние знаки какого-то момента. Как это назвать? Не скажу «паразитизм», но есть в подобной методе малограмотное пользование поверхностными подобьями, игра быстро схваченными параллелями. Красная кровь жизни становится синей кровью искусства — самоцельного и самодостаточного.

Когда недавно наша поэзия заскучала по XVIII веку и принялась его спешно реанимировать, то я не смог объяснить этот внезапный интерес ничем иным, кроме как таким капризно-произвольным, чисто вкусовым хотением эстета-релятивиста. Мне кажется, близок к тому в большинстве случаев творческий проект московского поэта Максима Амелина, впервые напечатанного «Гранями» в 1995 году и как-то вдруг почти сразу всеми признанного, увенчанного (1998) новомирскими и антибукеровскими лаврами (да и на самом, заметим, деле небезынтересного «для специалистов»). Переводчика Катулла. Реставратора архаических поэтик минувших эпох.

Вот, к примеру, стихотворение «Ипполиту Богдановичу, погребенному на Херсонском кладбище в Курске», одно из лучших у нашего поэта. Начинается оно как имитация эпитафии, плавно перетекая в послание коллеге-стихотворцу:

Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих,
исполненный порывом смелым,
о старом кладбище при церкви Всех святых
с Екатерининским приделом,
где памятника два замшелых одному
обнесены оградой ржавой,
искусством счастливым пленявшему Саму,
обремененную державой.

Один из двух камней — не Душеньки ли трон,
спаленной безутешным плачем? —
стихами с четырех исчертанный сторон,
доступными слепым и зрячим.
Ты в лучшем веке жил, о нежный Ипполит!
и умер в захолустье тихом,
чужд умоляющим из-под голгоф и плит
купцам трех гильдий и купчихам.
Пред смертью все равны, все у нее в долгу, —
расчетливая ростовщица
в любой удобный миг — ты знаешь, я не лгу —
за ним готова притащиться.
Блажен, кто не дожил, положенный предел
преодолением ускоря,
в стакан со Стиксовой мешать не захотел
ни капли жизненного моря.
Я приходил сюда частенько, милый прах
молитвой мысленно тревожил,
еще не ведая, как наш Господь всеблаг, —
ты мотыльком вспорхнувшим ожил.
Окомгновение на все про все с тобой
нам было — не напрасно было, —
архангел оглушил, трубя подъем-отбой:
«Здесь Богдановича могила!»

О чем стихотворение? К чему? Я не вижу здесь никакого сколько-то значительного целеполагания. Богданович, «оживший» мотыльком, — может быть, это сказано Амелиным про себя? Едва ли...

По сути, Амелин лишь непринужденно и остроумно пародирует метастиль поэзии второй половины осьмнадцатого века. Случайная игра мотивами бегло схваченного века в традиционных для конца столетия образах и формах, виртуозно перелицованных, как бы модернизированных, чуть ли не «улучшенных». Культурный спорт. И таков этот поэт почти всегда. Техника его, как правило, виртуозна, а духовный багаж, пожалуй, бедноват. Душевный отклик слаб. При чрезвычайных технических умениях он поразительно глух к прошлому и неспособен вступить в диалог ни с ним, ни с всерьез воспринятым настоящим. Это удивительный, но и характерный человеческий излом: кризис личностного присутствия в исторической мистерии. Такое ощущение, что Амелин поверил левой постмодернистской фразе о неизбежной «смерти автора» (есть же у него такие строки: «Подписанное именем моим не мной сочинено, — я — не *максим амелин*, чьи *катулла переводы, веселая наука* и *центон*, *холодные* не мной слагались *оды*, *хвостова* воскрешал не я...»; почему кстати оды — «холодные»? — холодные они только у подмастерьев или у равнодушных ремесленников, а настоящие, не сымитированные ода и гимн имеют огненную природу!).

И теперь он платит за эту доверчивость. Потому и интересен пока лишь профессиональным оценщикам.

Интереснее другой случай. Случай драматического расчета с традицией, вызванного ощущением непреодолимого разрыва с классической эпохой. Современность позиционируется как *постклассика*. (Конечно, это лишь субъективное переживание актуальной реальности. Но оно временами получает в индивидуальном опыте вид непреодолимой закономерности. Поди потом — поспорь с таким детерминизмом!)

Что есть классика? Мир абсолютных начал, мир иерархии. Мир завершенных форм. Высшие ценности. Пример и образец. Вот всё это и списывается в архив, кажется безнадежно устаревшим, отжившим свое. Собственно, постклассика — это доминирующее настроение в кругу культурного авангарда в XX веке. Оно сложилось на волне модернизма и принимало в течение века самые разные облики.

Сюжет этот богат вариациями. Настолько богат, что в него можно погрузиться с головой и там остаться. Но я попробую здесь вникнуть в него, только взяв стихи современных поэтов, в которых дается актуальный отклик на античную тему. (Иногда бывает достаточно небольшой пробы, чтобы вполне проявилось главное.)

Именно античность традиционно определялась как классический мир. Она нередко понималась и принималась как эталонное культурное и государственное время, так что всякая другая эпоха вымерялась этим отмером. (Даже Ницше в этом смысле мало что изменил; его след вообще слабо опознается в русских стихах античной темы.) В русской поэзии тема античности решалась, припомним, как в связи с культурными свершениями, государственными отправлениями и имперскими инсигниями — так и посредством личной культурной прописки поэта, с неизбежными отсылками к Стое и Эпикуру, к Анакреону и Сапфо, Горацию, Овидию и Катуллу... Поэты пытались пользоваться рецептами блаженной жизни, которые некогда предложили греческие учителя мудрости, матрицами жизнеотношения, моделями жизневосприятия римских, греческих поэтов. Их брали за основу и вышивали по ней новый узор.

Этот пестрый опыт не раз уже был осмыслен. И нам нет поэтому нужды забредать в исторических справках слишком далеко. Наш предмет все-таки — это именно современная поэзия, стихи последних лет. А эта поэзия, скажем прямо, конституирует себя, по крайней мере в античном аспекте, во взаимодействии с античным опытом прежде всего Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского. Этот их урок еще не просто памятен, он является для многих и духовной скрижалью.

У Мандельштама и Бродского именно закат античного (преимущественно римского) мира становится историко-культурным архетипом, моделирующим состояние мира в XX веке. Имперская слава, имперская жестокость, имперский человек, распинающий свою волю между страстями и долгом и распинаемый властью, — все это озвучено ими и приведено, заметим, к неизбежному концу. И это чувство подступающего конца естественно срослось со стоической программой партикулярного бытия, бытия с опорой только на себя. Такой благородный стиль еще с позднеримских времен обладает неизъяснимой привлекательностью. Именно он оказывается востребован и сегодня, как только у мыслящего современника возникает необходимость подвести некоторые

(хорошо, если предварительные) итоги судьбе державы, страны, народа и человека на пространстве Русской равнины. Не всякий раз речь идет о гибели конкретно России. Чаще и больше поэт смотрит на судьбу всего западного мира. А в принципе предполагает, что крушение Греции и Рима есть метафора общего конца, конца всего лучшего и дорогого, что было у нас в жизни.

Трагическим мироощущением Мандельштама, фатализмом и печалью Бродского нередко мечена та картина мира, которая формирует стиль жизни современной культурной элиты. Нетрудно увидеть рефлексы богатой антикианы Мандельштама и Бродского и в современной поэзии. Античность воспринимается сегодня не под знаком возрождения, а под знаком разложения. Мы не возрождаем ее, мы ее отпеваем. Мы ее хороним. И плачем на поминках.

Истлевают и кончаются античные классические смыслы. Истлевает и распадается сама классическая ткань стиха.

Иногда, как будто следом за Бродским («Письма римскому другу») современный поэт замыкается в искусственно отделенном, извлеченном из опасной вселенной и ограниченном пределами дома мире частного бытия. Так столичный житель Михаил Кукин упорно и последовательно пытается культивировать радости партикулярного существования в стороне от большого, превратного света, «на вилле», или за отсутствием таковой в квартире московского микрорайона (стихотворение «Подражание латинскому»):

Хмурый, дождливый сентябрь. В окне, словно дымом табачным,
Небо затянуто — или скрыта от неба земля?
Кризис, инфляция, цены, слякоть на оптовом рынке...
Как хорошо целый день из дому не выходить!
Пусть это слабость, безволье — я всё же хочу оставаться
В рамках, к которым привык: дружба, веселье, стихи.
Громов! Гадаев! Внемлите! Сварил я кастрюлю картошки.
Есть ещё банка опят. Водку везите с собой.

Выбор, сделанный Кукиным, банален и слишком как-то легок на фоне того духовного и исторического опыта, который нам дан. И это стихотворение, и такая творческая позиция производят впечатление инерционных, вторичных. Такое тихое, созерцательное эпикурейство. Эта декларативно страусиная позиция, этот гастрономический кураж Кукина все-таки мало похожи на пафос Бродского, герой которого стоит на пороге вечности или небытия — и готов как к тому, так и к другому.

Справедливости ради нужно сказать, что Кукин при всех своих подчеркнутых стараниях не может избавиться от того ощутительного холодка, который щекочет темя или где-то под лопаткой — и напоминает о бренности и краткости веселых забав. За «рамками, к которым привык» поэт, слишком много чудищ, гораздо более страшных и неизбежных, чем инфляция и цены, чем слякоть на рынке. Кукин их не называет, хотя о них отлично знает. Он нарочно сокращает масштаб своего поэтического ведения, чтобы сохранить в назначенных себе пределах видимость какого-то порядка. Это хорошая стратегия для маленького поэта. Для очень все-таки маленького.

Впрочем, в таком искусственном и нарочитом самоумалении, самоограничении Кукин не одинок. Ему есть на кого равняться. Взять хоть того же Кибирова середины 90-х годов, разменявшегося на сентиментальную мелочь, пустяки и почеркушки.

Все-таки эпоха наша не такова, чтобы можно было выдержать полную независимость по отношению к ней. Чтобы можно было ее как бы не замечать. Она засасывает в свою воронку и тех, кто упорствует в придуманной безмятежности, сочиненной слепоте. Современный мир, современная Россия — удачное место для испытания человека. И ему не уклониться от решающей «проверки на вшивость».

После Мандельштама и Бродского количество античных руин в русской поэзии резко увеличилось. Причем гибель Греции, гибель Рима снова и снова естественно становятся архетипом, формирующим актуальное мировосприятие, ложатся в новейший контекст.

Обратимся к стихам Виктора Сосноры, мэтра питерской словесности, поэта, прозаика и эссеиста, заявившего о себе еще в начале 60-х, получившего устойчивое признание в узком кругу, но без искусственных лакун вышедшего к читателю только в 90-е годы. Как поэт Соснора сложился на перекрестке технологического футуризма и романтического безудержа, с явными отсылками к «проклятым поэтам», к Хлебникову, Маяковскому, Цветаевой... Технологизм в асеевско-вознесенском регистре нередко мешал ему выйти к более серьезным и ответственным смыслам. Но порой случалось и такое.

Вот подходящее стихотворение Виктора Сосноры, где автор, заменив хронологизм типологией, пытается задать читателю парадигму своего культурного опыта (не как ребус, а скорей — как норму):

В этой лодке нету, Аттис, на заплыв пучины морей,
треснул Рим, и вёсла в ступе, пифы золото унесли,
плебса слезы не в новинку, и отстрел Сената хорош,
форум полон демагогов, Капитолий в масках воров,
гений хрипл, бескрыл и сомкнут, он всего лишь двоегуб,
но и две губы смеются, из металла именем медь,
нет уж светлых сковородок, тут уж гунны черных дыр,
не в новинку! не в новинку! где Двурогий? и где Бабилон?
будет цезарь с Миссолунги, и повешен вниз головой!

Эти стихи закономерно появились на свет *после Бродского*. Нобелевский лауреат подвел некую черту. С его тяжелой руки всё живое в античном мире как будто уже завершило свое существование, перешло в разряд теней, осколков и обломков. И современному поэту, хочет он того или нет, приходится с этим считаться. Он не столько сам страдает и умирает вместе с античностью, сколько сидит уже над ее холодеющим прахом и считает дорогие потери, бормочет что-то про себя, не в силах преодолеть власть роковой судьбы.

Виктором Соснорой создан в 90-х годах впечатляющий образ современности именно как окончательно руинированной, окончательно избытой и навсегда вычерпанной классической античности. Его стихи можно читать как опыт путешествия в Аид, куда давно сошли все римляне и греки; как безумную хрони-

ку одиссеева странствия в отсутствие Итаки. Начинает Соснора со смятого намека на мистерии Аттиса (обещающие — в принципе — воскресение), а заканчивает отсылкой к финалу последнего квазиимперского италийского проекта — к казни Муссолини (неопределенно ассоциированного с Миссолунги — местом смерти Байрона, пытавшегося бороться за возрождение Греции).

Стих Сосноры мозаичен, но эта мозаика состоит из разбитых, выдернутых, вырванных (иногда и с корнем) из контекста образов, каждый из которых нужен именно как обрубок, как обломок в функции вещи с корабля, потерпевшего кораблекрушение и выброшенной на берег неизвестного, дикого острова. Над каждым из этих образов, над каждой из культурных отсылок нет смысла размышлять отдельно. Важно, что все образы и реалии вырваны из своих луз и смешаны в одном потоке дисгармоничного бытия.

Ситуация культурного посмертья, деградация больших смыслов повлекла за собой и разрушение синтаксиса, смысл рождается из бессвязного бормотания и причитания, из вскриков и шепотов. Стих составлен из лохмотьев ассоциаций, из обрывков исторической ткани — и даже не сшит, а брошен так, едва организован ритмом, строфической разбивкой. Феерический смысловой хаос в этих стихах — отражение исторической катастрофы, которую фиксирует Соснора *ее* средствами. Общая тема — конченость эпохи — выражает себя смешением обрывочных смыслов и слов, вырванных из разных стилистических и исторических регистров, невнятностью ассоциативных связей, которые только еще и держат эфемерное строение стиха.

А сам Соснора в этом ракурсе — новый Арион, который не может избавиться от завораживающе-зловещих сцен катастрофы. Он по-прежнему, навсегда видит себя в эпицентре крушения, в общей куче.

Это мироощущение, которому нам нетрудно подыскать соответствия в собственном читательском опыте, выражено в программном, чуть ли не историософском стихотворении «Уходят солдаты»:

Лишь спичкой чиркну, и узоры из рта,
кубы, пирамиды, овалы.
Не тот это город, и площадь не та,
и Тибр фиолетов.

В ту полночь мы Цезаря жгли на руках,
о Цезарь! о сцены!
И клялся Антоний стоять на ногах,
и офицеры.

Мы шагом бежали в пустынный огонь,
как ящерицы с гортанью,
сандалии в коже а ноги голы,
из молний когорты.

И до Пиренеев по тысяче рек
мы в Альпы прошли, как в цветочки,
и сколько имен и племен и царей
вели на цепочке.

Триумфы, и лестниц Лондиния стен,
и Нил, и окраины Шара,
на башню всходя, и дрожала ступень
от римского шага!

Что это у нас после Мартовских ид?
лишь склоки Сенату да деньги,
мир замер в мечах, вот когорты идут
по Аппиевой дороге.

На стенах булыжных не тот виноград,
кричали и мулы в конюшнях,
что Цезарь ошибся, что Октавиан...
А мы не ошиблись.

Тот был Провиденье, Стратег и Фантом,
и пели уже музыканты,
что этот не гений, а финансист,
он — Август, морализатор.

Сбылось, и империя по нумерам.
Но все-таки шли мы в Египет,
но в мышцах не кровь, а какая-то мгла,
мы шли и погибли.

Пылал Капитолий!.. И пела труба,
и Тибр содрогнулся, и кони! ?
О боги, мы сами сожгли на руках
сивиллины книги!

Еще неизвестно, ли Риму конец.
(Вот спички не жгутся, а чиркнул!)
Не тот это голубь, и лошадь — не конь
от Августа до Августишки.

Тибр был — кровеносен в Империи Z.
Не Рим это, тот же, но всё же,
не мрамор кирпич и веревки не цепь,
и Аппий — весь в ветках.

Характерное возникает у поэта «мы». Что это за «мы»? Откуда они, в то время как Мандельштам мешается здесь с Пастернаком и Бродским — и все они переводятся в экстремальный и экстатический регистр, на язык отчаяния и истерики? Очевидно, это прежде всего рефлекс солидарности с поколением, со средой и эпохой, в духе «Стихов о неизвестном солдате» и «Высокой болезни». Более чем полвека назад Мандельштам и Пастернак — каждый по-своему

и каждый вполне провидчески — вписали себя в свое поколение, в свой историко-культурный контекст. (У одного — безжалостно жгущий огонь, выжигающий место души; у другого — музыка во льду). Соснора при подобной попытке не может найти столь же определенного образа. Солдат, чья победа обернулась поражением, воевавший за будущее — и уничтоживший книги высоких пророчеств, — может быть об этом он говорит? «...но в мышцах не кровь, а какая-то мгла, мы шли и погибли (...) О боги, мы сами сожгли на руках сивиллины книги!»

«Солдаты» Сосноры отчасти сродни «неизвестному солдату» Мандельштама. Отчасти же являют гораздо более цельный и твердый тип античного героя — человека долга — в момент его ухода, общего упадка доблести, готовности к самопожертвованию, авангардного порыва.

В последней строфе происходит переход от солидарного «мы» к одинокому сиротскому «я»:

Стальные когорты в оружье ушли,
а было их столько, а сколько?
Хожу, многошагий, они из земли
глядят, как из стёкол.

Битвы отгремели. Всё главное уже случилось. Остался только шум в артериях поэта. Все солдаты ушли, а последний выживший остался. И договорил. Это положение заставляет Соснору взять на себя новую роль, найти в себе ресурс пророка и обличителя, дать свою, самосозданную «сивиллину книгу». Вторая часть того же стихотворения тому свидетельство. Неожиданный, но тем больше впечатляющий результат!

А кто-то в ту полночь из тех, кто стоял
с зашитыми ртами,
и Доблесть, и Подвиг — оклеветал,
а трубы украли.

Двутысячелетье скатилось, как пот,
народы уже многогубы,
и столько столиц, и никто не поёт, ?
украдены трубы!

Как призрак, над крышами стран — электрон
да ядерный рупор.
Не тот это голос! Зачем я, Тритон,
взвывающий в Трубы?

Имперские раковины не гудят,
компьютерный шифр — у Кометы!
Герои и ритмы ушли в никуда,
а новых — их нету.

В Тиргартенах уж задохнутся и львы, ?
не гривы, а юбки.
Детей-полнокровок от лоботомий
не будет, Юпитер!

И Мы задохнутся от пуль через год,
и боги уйдут в подземелья.
Над каждым убитым, как нимбы (тогда!)
я каску снимаю.

Я тот, терциарий, скажу на ушко:
не думай про дом, не родитесь,
сними одеяло — вы уж в чешуе
и рудиментарны.

И ваши пророки, цари и отцы,
горячего солнца мужчины,
как псы, завертятся на «новой» Оси,
как кролики на шампурах.

И больше не будет орлят у орлов,
их яйца в вакцинах.
С березовых лун облетит ореол
без живописных оценок.

И вирус с охватывающим ртом
научит мыслителей Мира,
не хаос, конечно ж, и даже не смерть,
но будут в гармонии срывы.

Смотря из-под каски, как из-под руки,
я вижу классичные трюки:
как вновь поползут из морей пауки
и панцирные тараканы.

Ответь же, мне скажут, про этот сюжет,
Империя — головешки?
А шарику Зем?..
Я вам не скажу,
я, вам говоривший.

Не столь громогласно, гораздо более скромно и локально сходную тему выражает Бахыт Кенжеев, поэт и романист из Москвы, что называется — яркий представитель нонконформистского искусства 70-х годов, живущий с 1982 года в Канаде, лауреат Антибукера-2000:

Льет в Риме дождь, как бы твердящий: «Верь,
ни в яме не исчезнешь ты, ни в шуме
родных осин,» — но умирает зверь,
звезда, волна. И даже Бродский умер.

То жнец, то швец, то в дудочку игрец,
губа в крови, защитный плащ засален, ?
уже другой, еще живой певец
растерянно молчит среди развалин. ,

Не хочет ни смеяться он, ни выть.
Латынью пахнет в каменном тумане.
Ну что еще осталось? Все забыть
и все назвать своими именами?

Но в этот час безлюден Колизей,
лишь на стене чернеет в лунном свете
посланье от неведомых друзей:
«Мы были здесь: Сережа, Алик, Петя».

Смерть Бродского обозначает у Кенжеева последний предел умирания, после которого как-то даже странно жить поэту дальше. Как-то будто бы уже и некуда. Эон закончен.

И продолжающаяся жизнь выглядит эмпирической случайностью, которую не стоит принимать в расчет при разговоре по существу. Жизнь потеряла общий поэтический смысл, а частный, прозаический ее смысл поэту даром не нужен.

Последняя строфа переводит экзистенциальное событие в план бытового анекдота. Однако можно, разумеется, жить *после всего* и в анекдоте. Как Сережа, Алик и Петя. Можно даже путешествовать по свету и заезжать иногда в первый или третий Рим. Если Соснора — Арион, то Кенжеев — культурный турист со смутными, вторичными, третичными воспоминаниями и неострой грустью. Уже неострой.

Это состояние жизни после утраты культурной почвы когда-то (еще в 1962 году) анализировал в стихе Семен Липкин. В его замечательном стихотворении «Молдавский язык» возникала мысль о культурном регрессе — по поводу встречи с молдавским языком, «сотворенным каторжанами», когдатошним имперским простонародьем. И вдруг от вульгарной латыни Липкин переходит к раздумьям о судьбе языка русского, о судьбе высокой русской культуры.

Отгремел, отблистал Капитолий,
И не стало победных святынь,
Только ветер днестровских раздолий
Ломовую гоняет латынь.

Точно так же блатная музыка,
Со словесной порвав чистотой,
Сочиняется вольно и дико
В стане варваров за Воркутой.

За последнюю ложку баланды,
За окурок от чьих-то щедрот
Представителям каторжной банды
Политический что-то поет.

Он поет, этот новый Овидий,
Гениальный болтун-чародей,
О бессмысленном апартеиде
В резервацьи воров и блядей.

Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке.

История не кончается. Культура какая-то будет. Весь вопрос в том, какая? Драматизм ситуации выражен уже тем, что стихотворение его написано на странном новоязе, где слова связываются друг с другом вопреки законам стилистического подобия. Это уже не классический язык, это некое предвидение постклассики.

Где находит себя в этом развале сам поэт? Липкинский «новый Овидий», как и «лирический герой» Кенжеева, оказался в постклассическом мире не по своей воле. Но он не турист, а арестант. (Возможно, в 62-м году это чувствовалось острее.) Причем в мире других арестантов — фигура не только зависимая, но и рискующая жизнью и смертью. Сегодня жив, а завтра — нет. И не в культурно-историческом, а в буквально-физическом (и буквально-духовном) смысле. Липкин не ограничивается медитативным рассуждением о конце лучших времен. Он намекает на грубо-брутальный пафос нового мира, в котором таки придется жить и выжить. А может, и не удастся. Но последнее — еще не повод чувствовать себя живым мертвецом.

Липкин наружно смиряется и, кажется, довольствуется той иллюзией, что он-то сам еще самым краешком застал благословенные, классические времена. Или, по крайности, застал, видел и слышал, тех, кто знавал такие времена. Он уже почти готов сменить свою прописку в мире высокой классики.

Ах, Господь, я прочел твою книгу,
И недаром теперь мне дано
На рассвете доесть мамалыгу
И допить молодое вино.

Но все же еще только собирается в дорогу, которая приводит в мир теней, туда, где застыл недоуменным знаком вопроса Кенжеев.

Решительнее всех хоронит классику уже упомянутый мною Николай Кононов. Античное как метафора идеального у него не столько уже переживается как сколько-то актуальное, сколько окончательно квалифицируется как давно и непоправимо потерянное, отмершее, канувшее. Уже ставшее геологическими породами. Кононов — почти геолог в завершении цитированного уже выше стихотворения «На дорогу выхожу один и только этих сумерек чуть-чуть побаиваюсь...»:

Братец мой, дружок, брательник, кореш, разве мы цветем с тобой цикорием,
Разве мы проходим сладкозвучным, колющим, вечнозеленым строем
Муравьиные равнины праха и к золотоносным территориям
Близимся неотвратимо, где уже идет осада Трои?

К ночи все ахейцы спят, данайцы дремлют, овладел уже троянцами
Полусон, им губы обметал новокаин безудержной зевоты.
Вот они ложатся навзничь, смешиваясь с гнейсами, песчаниками, сланцами,
С дикой розой быстроувядающей азота.

Вязкие длинноты, отсутствие энергичного дыхания у Кононова, кажется, можно воспринимать как аналог его ночному, онирическому, призрачно-выморочному видению постклассической реальности. Еще лексический набор у него часто апеллирует пока к античности, и его пока можно употребить. (Причем только в стихах. И больше уже нигде.) Но рядом стоят на хозяйских, несомненных правах совсем другие слова. Еще рифму и ритм можно прослушать сквозь шум. Но рифма незвонкая, отмирающая (зевоты — азотом). Ритм сбивчив. От поэзии остается не так много. Синтаксически слабо скоординированная, прозаизированная, длинная фраза вяло волочится, из последних сил, оставляя мокрый след. (Но все-таки, конечно, есть в ней мелодия торжественной печали и рефлекс соучастия в общей участи, которые, слава Богу, пока не позволяют числить стихи Кононова совсем уж по ведомству геологически-музейному.)

Наверное, можно было б впасть в уныние, если бы современная «постбродская» поэзия являла себя лишь вровень с текущим днем, с его убогой злобой. Если бы поэт обнаруживал только свою слабость, податливость, готовность к капитуляции перед веяниями момента.

Но, как мы видели, есть все-таки поэты и поэты. Есть стихи и стихи. Одни претендуют на высокий трагизм (Соснора), другие пародируют идиллию. В целом, конечно, из заданной в XX веке интуициями Бродского и Мандельштама парадигмы почти никто не вышел. Но есть, есть и сегодня высокий уровень поэтического существования. Есть поэты, встающие над эпохой.

Особый подход к античной теме у известного петербургского поэта Виктора Кривулина. В его претендующем на глобальные историко-культурные обобщения стихотворении «Прометей раскованный» античный образ возникает в актуальном контексте, при попытке передать переживание реальности на рубеже тысячелетий. И поэт, фиксируя состояние распадающейся вселенной, вовсе не склонен умножать хаос. Правда, преодоление бредоносной обыденности осуществляется здесь не в духе греческого трагического фатализма и не в римско-стоицистских декорациях, а скорей в специфическом христианском ключе.

на своем на языке собачьем
то ли радуемся то ли плачем ?
кто нас, толерантных, разберет
разнесет по датам, по задачам
и по мэйлу пустит, прикрепив аттачем,
во всемирный оборот

зимний путь какой-то путин паутина
мухи высохшее тельце пародийно ?
в сущности она и есть орел,

на курящуюся печень Прометея
спущенный с небес, — и от кровей пьянея
в горних видах откровение обрел

оттащите птицу от живого человека!
пусть он полусъеденный пусть лает как собака ?
нету у него иного языка!
летом сани а зимой телега
но всегда — ущельем да по дну оврага
с немцем шубертом заместо ямщика

путь кремнистый, путь во мрак из мрака
в далеко — издалека

Здесь возникает неожиданный отзыв на формулу Бавильского о содранной коже. Не полнота высказывания, а его неизбежность, равнозначная и синонимичная неизбежности страдания, — вот ситуация актуального творчества. Прометей оказывается метафорой человека вообще, причем человека страдающего, поэта в частности. Но очевидная абсурдность хода истории (личной, общественной, национальной, всеобщей...) «во мрак из мрака» не мешает ни нашему сочувствию к протагонисту, ни нашему упорству в деле преодоления судьбы.

Чем больше внешний мир (пространство больной социальности) навязывает себя человеку, тем меньше у человека оснований поддаваться его домогательствам. Этот мир беспощаден к нам, но без нас он лишен смысла.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ

Современная проза, литературная критика, историко-культурная, философская и религиозная мысль

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА» (БСК) — постоянная рубрика нашего журнала (начиная с 78-го номера).

БСК — это помощь читателю, духовные и культурные запросы которого охватывают достаточно широкие области современного культурного процесса, но который физически не в состоянии следить за всей той обширной российской прессой, что формирует этот процесс.

БСК — это предлагаемый читателю в каждом номере журнала подробный аннотационный обзор всего, что появилось за предыдущий квартал на страницах ведущих российских газет и журналов наиболее значительного и показательного в области художественной прозы, литературной критики, историко-культурной, религиозной и философской мысли.

При отборе текстов для такого аннотирования редакция руководствуется, естественно, органичной для «Континента» системой духовных, культурных и эстетических ценностей, что находит свое отражение и в характере самих аннотаций. Однако задача БСК каждый раз прежде всего в том, чтобы дать читателю, по возможности, наиболее емкое, точное и адекватное представление о самом содержании и характере аннотируемого текста.

При всей определенности редакционных критериев, БСК ориентируется также и на предельно возможную широту при отборе материала для аннотирования. БСК не исключает из своих обзоров даже и такие тексты, которые никак не выдерживают содержательных и эстетических критериев «Континента», но, однако же, выражают и представляют в современном интеллектуальном и художественном процессе тенденции и течения, пользующиеся общественным вниманием. А тем самым — репрезентативны для нашего времени.

В разделе литературной критики БСК информирует читателя только о статьях обобщающе-проблемного характера, обращенных либо к концептуальному осмыслению современной литературной ситуации в целом, либо к анализу тех или иных значительных течений, крупных творческих судеб или даже отдельных заметных явлений в текущем литературном процессе и в недавней литературной истории, но оставляет в стороне весь остальной более частный материал отдельных рецензий, полемических выступлений и прочих локальных откликов на эмпирику текущей литературной жизни.

Таков же принцип отбора и в разделе историко-культурной, философской и религиозной мысли. Здесь аннотируются тоже лишь статьи принципиального, крупнопроблемного характера, ориентированные на обобщающее концеп-

туальное осмысление тех стержневых процессов, которые имеют определяющее значение для сегодняшних и завтрашних судеб России, ее культуры и ее интеллектуальной жизни. При этом учитываются только работы, имеющие к тому же не специфически-профессиональный, а общезначимый культурный интерес — рассчитанные не на специалистов, а на широкого читателя. Этот раздел БСК публикуется в журнале раз в полгода — в нечетных номерах.

Редакция «Континента» хотела бы надеяться, что БСК — полезный и нужный нашему читателю ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ РОССИИ, сочетающий определенность редакционных критериев с профессионально-добротной информационной надежностью и объективностью в отборе, представлении и освещении аннотируемого материала.

Обзор для этого номера готовили три автора — Евгений Ермолин, Мария Ремизова и Евгения Щеглова. У каждого автора был свой круг периодики, но случайно вышло так, что Е.Ермолин и М.Ремизова частично вторглись во «владения» друг друга и в результате читатель неожиданно получил уникальную возможность дважды прочесть о некоторых журнальных публикациях и взглянуть на одни и те же вещи глазами разных людей. Так вышло, повторяем, неумышленно. Но, может быть, подобный эксперимент стоит — в случае текстов, вызывающих споры — иногда повторять? Ждем пожеланий наших читателей.

Евгений ЕРМОЛИН
(«Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Литературная газета», «Независимая газета», «Общая газета», «Русская мысль»)

1. Художественная проза

В литературе не в последнюю очередь интересна личность. Личность писателя, личность героя. В минувшем сезоне, в конце 2000 года, наиболее масштабны персонажи **ВОСПОМИНАНИЙ**.

«Сэр» Анатолия Наймана («Октябрь», № 11, 12, 2000) — крупное мемуарное повествование, посвященное Исайе Берлину, колоритной личности, другу Анны Ахматовой. Автору довелось встречаться и общаться с Берлином, и его обширный очерк в первую очередь несет на себе печать этих свиданий и разговоров. Найман, расшифровывая магнитофонные записи, тщательно передает суждения Берлина, его оценки, а также размышляет о секрете обаяния и репутации этого человека, воссоздает хронику его жизни. Возникает на этих страницах и Ахматова, рассказывается история ее отношений с Берлином. Интересен набросок портрета философа-провокатора Ольшанского. Найман размышляет также о европейском культурном еврействе.

Одно из главных событий в журнальной прозе конца 2000 года — дебют в прозе известного литературоведа **Александра Чудакова**, **«роман-идиллия» «Ложится мгла на старые ступени»** («Знамя», №10, 11, 2000; журнальный вариант). Это романизированные мемуары. Герой Чудакова, историк Антон Стре-

моухов, вспоминает о середине двадцатого столетия, о детстве и юности, проведенных в североказахстанском городке Чебачинске. Центральным персонажем воспоминаний становится дед: яркая, колоритная личность, поражающая способностью в эпоху нивелировки и гонений на личность сохранить внутреннюю независимость. Масштаб этой фигуры определяет воля к свободному суждению и достоинство человека, знающего себе цену. Возникают в немалом числе и другие родственники, каждый со своей неповторимой судьбой, а в сумме — большой живописный семейный куст. Описана специфическая культурная среда города Чебачинска, возникшая в результате добровольного и насильственного переселения сюда из крупных культурных центров интеллигентов — русских, латышей, немцев и т.д. Здесь многое еще живет воспоминаниями досоветской эпохи, люди еще держат былую выправку, хотя жизнь и ломает их, как может. Еще помнят о мире, устроенном просто и понятно: «человек работал, соответственно получал за свой труд и мог купить себе жилье, вещь, еду без списков, талонов, карточек, очередей». А вокруг — хаос бестолкового, часто жестокого советского быта, где «законом стало то, что раньше называли беззаконием». В книге немало замечательных, рельефных деталей, примет времени, много юмористических подробностей. Роман впечатляет и способностью автора тщательно воссоздать образ жизни, погрузить читателя в обиход людей давно прошедшей эпохи.

Другое произведение, основанное, очевидно, на воспоминаниях детства и юности, — **«роман воспитания» Алексея Варламова «Купавна»** («Новый мир», №10, 11, 2000). Главный герой — Колюня, мальчик из по-советски интеллигентной, благонамеренной московской семьи. Простодушный, честный, симпатичный недотепа. Папа — цензор, мама — учительница словесности, милая бабушка, приятные дядья. Благополучное пионерское детство, клуб интернациональной дружбы, «Артек», дача под Москвой, дела семейные, юность, начало занятий литературой... Роман затянут, неоформлен, часто отдает скороговоркой и неприятен той довольно противной умильно-сюсюкающей интонацией, с которой изображается святой дурашка Колюня. Повествование строится как история совращения чистого отрока всякими бяками-закаляками. Сентименталистский наив на любителя. В этот беллетризированный чуть ли не автобиографический материал автор вкладывает идеологическую схему. Идея его состоит в том, что в старые, советские годы жизнь была чище, светлее и нравственнее. Да, конечно, где-то на самом верху водились, наверное, нехорошие люди. Но в дачной Купавне был Эдем, Купавна спасала и очищала. Семидесятые годы мифологизируются как потерянный рай, где люди жили скромно, но достойно. Детская невинность и юношеская наивность, доходящая до сугубой простоватости, интерпретируются как состояние мира в целом, а чем дальше во взрослую жизнь, тем хуже. Родственники начинают ссориться, судятся, и весь мир вообще портится. Но, пожалуй, роман все-таки интересен как принципиальная попытка худо-бедно воспеть убогий мир «застоя» — попытка, предпринятая представителем поколения, чья молодость пришлась на унылые семидесятые. Хорош рассказ о дачной любви мальчика. Полюбить ту эпоху и себя в ней — для этого нужен специфический, мазохистский склад ума. Для автора

СССР — «родная страна», а для нас... Да что там говорить! Может быть, Варламов хорошо упрятал иронию? Во всяком случае, его апология прошлого лишена простоты.

Тому же периоду посвящены и **воспоминания Николая Климонтовича «Далее везде»** («Октябрь», №11, 2000). Однако предмет здесь иной: богемно-андеграундная, диссидентско-творческая Москва. Рассказчик — завсегдатай тогдашних салонов, вхож в богемные кружки, ищет способ участия в легальном литературном процессе, приобщения к истеблишменту. В книге появляются Л.Губанов, Кропивницкие, Сапгир, Толстый, Западов, Кормер, Е.Попов, Ахмадулина, Аксенов и другие реальные люди. Подробно рассказана история альманаха «Метрополь», в который автор, однако, не попал. Главная прелесть мемуаров Климонтовича — в ярко воссозданном обиходе описываемой культурной среды. Выпукло изображен и отрефлексирован тогдашний двоящийся мир, пир во время... ну, если не чумы, то хронического простатита. Мир, в котором официоз и подполье плавно перетекали друг в друга, антисоветчики были советскими писателями, а власть, потеряв кровожадность, все-таки продолжала по инерции душить и давить всё подряд: «...этой бесовщиной полна была тогдашняя московская жизнь, душная, одновременно романтичная и циничная, маскарадная, карнавальная, такая-сякая, какой не было нигде в мире и никогда не будет...»

Сочинение **Виктора Конецкого «Последний рейс»** («Знамя», №12, 2000) — книга о последнем для автора арктическом рейсе 1986 года. В те времена книга не сложилась, теперь же писатель просмотрел накопившиеся документы и решил все эти записи обработать: «И после этого окончательно уйду со стапелей». Обычные для автора путевые записки обо всем не свете; вариант исповедальной прозы в жанре лирического путешествия. Много юмора. Книга живет, конечно, инерцией жанра, когда-то придуманного автором (а отчасти перенятого у В.Некрасова). Но пенять на это не приходится. Приятно вспомнить о раннеперестроечных временах с их неповторимыми ожиданиями и волнениями.

Сергей Юрский (**«Пробелы»**, «Октябрь», №12, 2000) вспоминает об отце, даровитом и несколько безалаберном человеке, всегда в долгах; рассказывает о поездке на родину предков, в городок Стародуб; дает социальный портрет позднесоветской актерской богемы; признается в любви к Михаилу Чехову; философствует о призвании актера. Пробелы — это жизнь, которые не успеваешь прожить, потому что проживаешь свою.

Владимир Огнев в сочинении **«Ностальгия по Грузии»** («Дружба народов», №10, 2000) вспоминает о своих писательских поездках в Грузию советских времен. На страницах **мемуаров** появляются К.Симонов, Э.Шеварднадзе, Гудиашвили, Т.Абуладзе, М.Чиаурели, Г.Данелия и другие. Огнев подробно повествует о своем сценарии «Хаджи-Мурата» и неудачных попытках снять по нему фильм.

«Корней Иванович» Татьяны Сырыщевой («Знамя», №10, 2000) — мозаические воспоминания о Чуковском. Мемуаристка работала редактором в издательстве и «вела» одну из книг писателя. Заметки весьма непритязательные.

Тут же публикуются еще одни воспоминания о Чуковском: **«Полотняный завод — Переделкино» Галины Коган**. Мелочи литераторского общения. В обоих очерках Чуковский изображен подвижником и праведником.

Поэтесса **Татьяна Бек** в **очерке «Вам в привет»** («Знамя», №12, 2000) вспоминает о детстве в писательской семье. Ужас детства. Детский фольклор. Няня сказала, что Ленин и Сталин тоже ходили в уборную и «по-большому», и «по-маленькому»!.. Первые сочиненные стихи... Первая смерть. В Бога долго не верилось... Уроки физкультуры... На празднике в наряде Снегурочки загорелась от бенгальского огня... Нездоровое сочувствие Анне Карениной... Текст фрагментирован и не очень велик.

Очередная часть **очерков изгнания Александра Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов»** («Новый мир», №11, 2000) посвящена всему тому, что мешало автору работать над «Красным колесом»: поездке в Японию и на Тайвань в 1982 году (очень свежий, любопытный очерк быта и нравов, культурных маршрутов и ментальности), поездке в Англию и получению Темплтоновской премии, нелегкой жизни в Америке, тяжбам с клеветниками, отношениям с западной общественностью и эмигрантами, беспрерывной рефлексии по поводу собственного положения в контексте эпохи и вечности.

Из прошлого и **«Фук» Асара Эппеля** («Октябрь», №12, 2000). В **рассказе** преподнесен очередной московско-пригородный сюжет — плюс к тем, что уже составили имя прозаику. Очень тщательно прописан простонародный быт. Умело воссоздана психология. Прелестное указание на место создания этого текста: Санта Маринелла.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИИ.

В большом **рассказе Александра Хургина «Возвращение желаний»** («Дружба народов», №10, 2000) скрупулезно описан обиход глубокого немощного старика. Тщательно реконструировано его сознание. Даются уводы в прошлое. Старик явно умирает. Но перед смертью он что-то такое вспоминает и в нем просыпается интерес: он желает покушать сыра. Почему? Потому, что именно с сыром связано хронологически первое воспоминание героя о собственной жизни. Дав себе в этом отчет, старик Полухин умирает. Рассказ довольно аморфный, малосодержательный, просто скучный.

А вот герой **повести Николая Байтова «Суд Париса»** («Новый мир», №10, 2000), старик-интеллигент, не приспособленный к современной жизни, попадает в более острый переплет. Случайно оказавшись в мебельном магазине, дед вовлекается в конкурентную борьбу трех коммерсантов.

В **рассказе Александра Антонова «Блохолов»** («Октябрь», №12, 2000) одиноко живет в городе странный человек. Держит в банке блох. И необычайно тонко воспринимает музыку, что указывает на его прошлое, более блестящее, чем настоящее.

В **повести Валерия Попова «Ужас победы»** («Новый мир», № 11, 2000) героя-писателя, поклоняющегося Буквам, обижают и в советские времена, и в нынешние, пытаются использовать в чужих интересах. Герой мотается между Питером и Кавказом и мужественно претерпевает всё. Попутно изображаются метамор-

фозы других персонажей, случившиеся при переходе от одной эпохи к другой. Рассказано про все это с забубенным весельем, от которого не смешно.

В **«Житейских историях» Бориса Екимова** («Новый мир», №11, 2000) описаны жители южно-российского степного края: хуторской фельдшер, который и в непогоду дойдет до дальнего села, банные риторы, труженица Акуля. Рассказано, как автор отправился на Дон, на зимний лов рыбы.

Роман Солнцев в **рассказе «Двойник с печальными глазами»** («Новый мир», №10, 2000) изобразил антисоветчика из КГБ. Во время заграничной турпоездки гебист исповедуется некому геологу, от лица которого ведется повествование. Рассказчик не верит в искренность полученных признаний, а бывший гебист в конце 80-х мстит за отвергнутую дружбу. В результате хитро заверченной интриги геолог не попадает в депутаты. Но сюжет этим не исчерпывается. Через несколько лет в порядке компенсации, уже в Мексике, все тот же гебист подкладывает в постель к геологу симпатюлю-перводчицу. Выдумка довольно искусственная.

В **романе Галины Щербаковой «Уткоместь, или Моление о Еве»** («Новый мир, №11, 2000) изображены три подруги-москвички. Три женщины в возрасте показаны в кругу своих повседневных интересов, забот о семье и карьере, отношений с родными, близкими и сослуживцами. Живописно представлена женская дружба, не без вероломства, но все-таки преданная и до гроба. Есть в романе также ущербная писательница, которая однажды возненавидела наших подруг за то, что они такие красивые и удачливые, и мечтает о мести. Месть в конце концов настигает удачливых героинь. У одной уезжает в Германию беременная дочь — причем, к сыну второй, которого не хочется видеть в зятьях. Третья не совсем удачно спасает своих сыновей от армии... Много в этой жизни хлопот, мало любви. Но мир жив все же любовью, к такому выводу, как всегда, ведет Щербакова.

Очередная подборка **рассказов Людмилы Петрушевской** («Знамя», №10, 2000) — новая серия историй о бытовом хаосе жизни, об ее иррациональности и бессмысленности, о страданиях, терзаниях и мелочных волнениях заурядных персонажей. В рассказе **«Западня»** муж героини уехал в Америку, а она осталась здесь. Жизнь сломалась, и бестолково-коварная подруга довершает этот слом. В рассказе **«Найди меня, сон»** некий профессор в пансионате влюбился в корректоршу, приударяет за ней; ей же он не по нраву, она лучше отдастся в кустах первому встречному. В рассказе **«Детский праздник»** интеллигентные родители воспитывают детей на основе полного доверия и свободы. У девочки в 16 лет рождается ребенок, а от которого из ее юных ухажеров — неясно. Живет она теперь вместе с ребенком в семье одного из этих ухажеров, и вся эта семья пребывает в некотором недоумении, пока девочка куда-то не пропадает... В рассказе **«Колыбельная птичьей родины»** близорукая Маша влюбилась в кумира курса Владика. На танцах только на него и смотрела. Но когда Владик пригласил ее потанцевать, Маша поняла, что на близкой дистанции Владик не вызывает у нее приступа счастья; мечту нужно держать на расстоянии. В рассказе **«Два бога»** старая дева, старший редактор, полуслучайно переспала с курьером, парнишкой двадцати лет. Родился сын — и как-то так со време-

нем получилось, что родители, несмотря на их полное несходство, сошлись и живут уже вместе, хотя это не избавляет их от всяких тревог. В рассказе **«Дом с фонтаном»** ставшую жертвой взрыва девушку спасают в реанимации, вокруг чего наверчено еще много всякой требухи. Сказ Петрушевской со всей полнотой фиксирует нелепую, но и полную треволнений жизнь нелепых, бестолковых, смешных и простых людей, а других людей ни у автора, ни в жизни, кажется, и нет.

Рассказы Анны Кузнецовой («Знамя», №11, 2000) — вроде бы дебют прозаика. Рассказ **«Вот и вон»** — история о вузовском преподавателе — в основном об его отношениях с женщинами. **«Она и дети»** — напротив, рассказ о вузовской преподавательнице. С мужчинами у нее не очень получается. Проза Кузнецовой многословна, переполнена подробностями, многие из которых кажутся лишними. И все-таки есть здесь попытка передать переживания экзистенциального характера: запечатлеть утекание жизни без награды и воздаяния.

Анна Яковлева в **«филологической повести» «Шуба»** («Знамя», №12, 2000) на двух страницах рассказала про еще одну преподавательницу вуза, из провинции, Веру Ваничкину, которая собралась купить шубу, а жила она бедно и трудно и шубу в итоге не купила. Такой Акакий Акакиевич женского пола. Рассказано о госпоже Ваничкиной с ироническим сочувствием.

В **рассказе Валерия Исхакова «Другая жизнь — другая история»** («Знамя», №12, 2000) распалось процветающее семейство. Муж-проректор, встретив на улице свою первую любовь, ушел от красавицы-жены... Исхаков эту незамысловатую историю усложняет, постоянно напоминая читателю про условность происходящего и про право сочинителя выдумать и героя, и его жизнь.

В **рассказе Валерия Роньшина «В летний дождливый вечер»** («Октябрь», №12, 2000) неуспевающий старшеклассник встречает в тире человека, которого зовут Федор Михайлович. Тот даже похож на Достоевского. Однако незнакомец оказывается священником на пенсии. Потом герой гуляет со взрослой девушкой, которая делится с ним чисто женскими заботами: ее берет замуж прапорщик; что ж, пускай он ею командует, главное — чтоб обеспечил безбедную жизнь.

В дебютном **рассказе** молодого **Ильи Кочергина «Алтынай»** («Новый мир», №11, 2000) герой, москвич-романтик, ищет себя в алтайской тайге, общаясь с девушкой Алтынай, путешествуя на лошадях, практикуясь в кастанедщине и пр. Если бы не этот злосчастный Кастанеда, можно было бы предположить, что перед нами текст из каких-нибудь дремучих шестидесятых. А так — ничего, актуальный перевод американской литературной моды на язык родных осин и натуральной жизни.

«Трава и листья» Галины Корниловой («Знамя», №10, 2000) — очеркового характера деревенско-дачная проза. Деревня, в которой летом обитает автор, непростая. Ее проклял когда-то Иван Грозный. Рассказано несколько забавных деревенских историй из прошлого и настоящего.

Сергей Ильин в **«Конспекте романа»** («Знамя», №11, 2000) рассказывает историю возникновения своей семьи. Это сочинение — итог историко-генеалогического расследования. Среди предков автора — революционеры, совна-

чальники, жертвы репрессий, родственники Шостаковича, физик, евреи и еще много кто. Вкратце изложены несколько живописных биографий XX века.

«Стариковские записки» Сергея Залыгина («Новый мир», №11, 2000) — заметки о старости. Любовь к России... Мы и классика... Болезни... Смерть...

ЗАГРАНИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ. Их то много, то вовсе нет. На сей раз таковых всего два.

В **повести Михаила Левитина «Еврейский Бог в Париже»** («Октябрь», №10, 2000) рассказчик-еврей везет семью в Париж в надежде, что сумеет там помириться с женой. Женщина же решительно настроена с героем расстаться. Он тянется к ней прекрасным Парижем, а она отворачивается. Затем оказывается, что «она и была — Париж, вот в чем штука, я пытался показать ей себя самою». Монолог рассказчика сбивчив, многословен, в нем мешаются житейские реалии и игра воображения.

В **рассказе Владимира Елистратова «Маду»** («Октябрь», №12, 2000) рассказчик на итальянском пляже общается с негром из Гвианы, который пытается продать собеседнику «траву ста сыновей». Зовут африканца Маду. Он ведет себя так, будто мир создан именно для него. Рассказчика это впечатляет.

РАЗНОГО РОДА ЭКСПЕРИМЕНТЫ И ЭКСКЛЮЗИВЫ.

«Случайные записки» **Фазиля Искандера «Понемногу о многом»** («Новый мир», №10, 2000) — собрание афоризмов, мыслей, случаев, фраз разной тематики и разного уровня глубины и емкости. Постоянный персонаж — внук автора, с его суждениями и вопросами.

Роман Анатолия Королева «Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе» («Дружба народов», №10, 2000; журнальный вариант) представляет собой, как поясняет автор, «тонкий, поджаристый» вариант его же романа «Охота на ясновидца», уже опубликованного отдельной книгой. Это триллер с мистическими и постмодернистскими заморочками. Герой пытается предотвратить предсказанную некогда смерть своего учителя-ясновидца. Для этого ему нужно найти и обезвредить девицу, которая безотчетно, не сознавая того, приближает смерть учителя. Поиск происходит путем мистических путешествий, в том числе погружения в книгу сказок Шарля Перро. К этому примешиваются также попытки учителя упразднить Христа и реанимировать Зевса. Всё это едва ли нужно воспринимать слишком всерьез. Как всегда у Королева, перед нами чисто игровая проза. Притом автор вкладывает в свое детище много умений, много искусности. Местами роман читается очень легко и кажется увлекательным. К сожалению, писатель, как практически всегда, не знает меры. Он купается в словах, громоздит друг на друга периоды и пассажи. Оттого продираешься сквозь текст, как через бурелом. И конструкция романа выглядит перетяжеленной, притом что некоторые вроде бы намеченные сюжетные линии разрешения не получают.

«Октябрь» завершает публикацию **романа в рассказах Григория Петрова «Родословное древо»** (№10, 2000; см. 1998, №9, 1999, №9, 2000, №4). В подстра-

ничной справке поясняется, что рассказы «объединены одной темой». Это самая неудобная для читателя манера: публиковать роман одной темы с большими временными промежутками. Кажется, основные герои Петрова связаны друг с другом каким-то родством. Но писатель отважно смешивает времена и превращает хронологию в условность. Герои бродят из одного времени в другое. На сей раз в прозе Петрова появляются также исторические лица: Чаадаев, Печерин, Иван Яковлевич Корейша, маркиз де Кюстин.

«Круги на воде» Вадима Назарова («Октябрь», №12, 2000; **«главы из романа»**) — повествование с участием Ангелов, Адама и всяких прочих мифологических персонажей. Каждый абзац в этом опусе существует как отдельная, независимая смысловая единица. Для чего нужна такая проза, неясно.

«Книга Ависаги» Юрия Волкова («Знамя», №10, 2000) — подражание библейским книгам, история времен Давида и Соломона. Жизнеописание Ависаги Сунамитянки — последней наложницы царя Давида. Автора привлекла драматичная судьба женщины в древнем мире. Повествование местами тщательно стилизовано, но чаще далеко уходит от библейского источника.

«Тонкие стекла» Елены Долгопят («Знамя», №11, 2000) — опыт **детектива**. Некий старик решил заняться расследованием убийства, в чем и преуспел. Вещь лаконичная и умная, с воссозданием ощущений старика и атмосферы провинциального городка наших дней, что, вероятно, и оправдывает ее появление в «Знамени».

Анна Матвеева в **рассказе «Младенец»** («Октябрь», №12, 2000) повествует о капризной свекрови, которая любит своего сына — и больше никого. Вот и отдала она сына ученым-генетикам, которые собираются превратить его обратно в младенца. Генетические авантюры имеют в рассказе и дальнейшее развитие. Фантастика, юмор.

В сочинении **Алексея Слаповского «Второе чтение»** («Новый мир», №10, 2000; с подзаголовком **«вместо романа»**) автор объявляет, что он отказался от мысли писать роман, поскольку все, что он хотел, уже написано М.Палей и В.Володиным, а также Ф.М.Достоевским. Да, трудна участь современного писателя, который то ли по долгу службы, то ли еще как почитывает иногда сочинения коллег-литераторов...

2. Литературная критика
(Четвертый квартал 2000 г.)

Статей **ОБЗОРНОГО ХАРАКТЕРА**, выдающихся работ в критике сезона немного. Построим обзор так: сначала расскажем о публикациях, посвященных **ПРОЗЕ**, а потом — поэзии.

Снова удивляет постоянной готовностью к обобщениям **Ольга Славникова**. В ее статье **«Я люблю тебя, империя»** («Знамя», №12, 2000) фиксируется фактор тоски по утраченной империи. Империя нужна литературе и как сюжетообразующий фактор, и как глобальный образ, способный замотивировать само присутствие положительного героя. Фантастика работает с сослагательным наклонением. В.Звягинцев, М.Успенский, А.Лазарчук эстетизируют тяжеловес-

ную пополам с абсурдом добротность, свойственную сталинскому имперскому быту. Но важней не экскурсы в прошлое, а экстраполяция в будущее (С.Лукьяненко). Славникова указывает на одно из самых читаемых изданий — роман Олега Дивова «Выбраковка». Тоталитарный Славянский Союз, сильное государство, где власть заключила союз со всеми хорошими людьми против всех плохих, где порядок обеспечивает силовая структура, «хорошее НКВД», игнорирующее права человека. Дивов провоцирует читателя, разрушая утопическую модель «хорошего тоталитаризма». Так же провоцирует читателя Андрей Столяров в романе «Жаворонок» о современном российском воплощении Орлеанской Девы... Есть и иная модель фантастики — сновидческая. Самый заметный автор свободных фантасмагорий — Дмитрий Липскеров. В романах «Сорок лет Чанчжоэ» и «Пространство Готлиба» автор, балансируя между лирикой и сатирой, ищет стереоэффект, который и есть наивная и страшная душа империи В романе Павла Крусанова «Укус ангела» империя — это ворота в потустороннее. Крусанов видит в имперской экспансии трагический художественный жест. В общем, литература тоскует по великому *на земле*. Ох, обожжется.

Никита Елисеев в статье **«»К. Р.», или Прощание с юностью»** («Новый мир», №11, 2000) пишет о жанре короткого рассказа, по случаю выхода двух огромных антологий последнего: «Жужукины дети, или притча о недостойном соседе» (составитель А. Кудрявицкий) и «Очень короткие тексты» (составитель Дмитрий Кузьмин). Статья богата суждениями о приметах жанра «К.Р.», который критик связывает с советской эпохой, а потому не усматривает здесь особых перспектив. Попутно Елисеев в этой отнюдь не краткой статье свободно и подробно самовыражается.

Алла Марченко в статье **«Китайский маскарад на русской исторической сцене»** («Новый мир», №12, 2000) размышляет о трех «вейских романах» Юлии Латыниной: «Сто полей», «Колдуны и министры», «Инсайдер». Происходящее на фантастической планете Вее страшно похоже на то, что происходит в посткоммунистической России. Вероятно, поэтому у Марченко много суждений политологического свойства, выдающих охлаждение автора к Америке. В этот контекст вписана и Латынина — с ее демонстративной «неромантичностью» и уверенностью в том, что туземцы-вейцы (сиречь дорогие россияне) все равно обставят межгалактических глобалистов (то есть поганых американцев). Впрочем, и на рассудочность самой Латыниной есть принципиальный эссеизм и импрессионизм Марченко.

Мария Ремизова тут же пишет о литературе non-fiction (**«Слишком человеческое»**: «Новый мир», №12, 2000). Автор здесь выходит как бы обнаженным, лишенным того защитного барьера, который дает ему дистанцированность, свойственная высказыванию «литературно обработанному». Как яркий пример берется сочинение Михаила Пантелеева «Все проходит» («Урал» №4, 2000). Этот дневник сравнивается с похожими текстами Л.Петрушевской. Там и тут осмысливается смерть. Сравнение затевается Ремизовой затем, чтобы показать преимущества художественного текста — более емкого, глубокого, неоднозначного. А в газетной статье **«Дневник писателя»** («Независимая газета», 29 декабря 2000)

Ремизова рассуждает о мемуарах Наума Коржавина («Дружба народов», №12, 2000) и Юрия Турчика («Континент», №105). Коржавин прослеживает метаморфозы собственного сознания — как из романтика-идеалиста, оппонирующего окружающей действительности *слева*, получается упорный критик ее же, но уже *справа*. Турчик же пишет о людях, его окружающих (родные и соседи, дом в Харькове), дает их психологические портреты. Это рассказ о погибшей интеллигенции, о гибели, которую она сама во многом себе и уготовила.

Татьяна Чернова в статье **«Читая Фридриха Горенштейна»** («Октябрь», №11, 2000) производит ряд наблюдений над прозой названного писателя. Горенштейн работает в манере зощенковского анекдота, но не обнаруживает характерного для Зощенко сочувствия своим героям. Он отстраненно, сухо, брезгливо и сурово судит своих персонажей и страну, в которой они возможны. Главный предмет исследования — бесконечный неясный мир человеческих отношений. Все произведения Горенштейна в целом представляются эпопеей. Писатель привержен жанру притчи.

В 2000 году несколько прозаических произведений стали **ПРЕДМЕТОМ ПОДРОБНОГО ОБСУЖДЕНИЯ, СПОРОВ**. Так, разные мнения вызвал роман Татьяны Толстой «Кысь». «Общая газета» (№47, 2000) дает подборку мнений. **Галина Щербакова**: эта книжка не про то, что будет, она про то, что есть. Это не роман, а памфлет-сатирка на матушку Россию. **Игорь Захаров**: такую книгу мог написать только гений. **Павел Басинский**: Толстая беспощадно эксплуатирует свой фирменный прием — псевдосказ, несобственно прямую речь. В масштабе романа это звучит монотонно, как шарманка. Вещь опоздала лет на десять. Эмоционально книга рассчитана скорей на сочувствие эмиграции с ее инерционным и почти ритуальным комплексом недоверия к России. А так забавная книжка. **Светлана Васильева**: Толстая предстает большим писателем, со своим особенным подлинным авторским голосом. Роман по-настоящему смешон. Он подтверждает существование женской прозы. **Наталья Тенякова**: перед нами просто Салтыков-Щедрин. Есть места гениальные по остроумию. Но роман кажется абсолютно безысходным. В «Литературной газете» (№47, 2000) о романе отозвалась **Алла Латынина** в статье **«А вот вам ваш духовный ренессанс»**. Толстая мастерски смешивает коктейль из антиутопии, сатиры, пародийно переосмысленных штампов научной фантастики, сдобренной изысканной языковой игрой и щедро приправленной фирменной толстовской мизантропией. Роман неглубок, но блестящ. И еще Толстая выворачивает наизнанку общее место классической антиутопии. Вместо противостояния независимой личности и подавляющего ее общества у писательницы полюбивший книги мутант учиняет террор против общества.

Букеровская премия, полученная Михаилом Шишкиным за роман «Взятие Измаила», вызвала новый ряд откликов на эту вещь. В «Литературной газете» (№50-51, 2000) **Лев Пирогов** нашел в романе много правды, это роман о жизни и смерти. Тут же **Дмитрий Бак** утверждает, что Шишкин написал роман о воспитании чувств А **Катя Марголис** в статье **«Особенно слова»** («Знамя», №12, 2000) полемизирует с **Марией Ремизовой**, критически оценившей («Новый мир», №5, 2000) роман Шишкина. Мнение Ремизовой она уравнивает с «мы-

шиной возней». Ремизова услышала в романе какофонию, а Марголис — «небывалую симфонию (...) в не имеющей себе равных оркестровке русского языка». Ремизова фиксирует усложненность, невозможность в процессе чтения запомнить, о чем шла речь прежде, а Марголис учит оппонентку перечитывать, снова и снова возвращаться к пройденному. Далее Марголис защищает Шишкина от упрека в спекуляции на чувствах читателя. Она подозревает Ремизову в том, что та, нападая на Шишкина, на самом деле атакует «запад». Наконец, Марголис дает большой отрывок из стенограммы «лекции проф. Силограма, прочитанной им в Санкт-Петербургском университете». Профессор Шишкина хвалит.

Роману Николая Кононова «Похороны кузнечика» посвящены в «Новом мире» (№11, 2000) сразу три рецензии. **Майя Кучерская** (**«Внутренности кузнечика»**) одобряет попытку автора заглянуть под поверхность тела, рассмотреть его изнанку. Предмет Кононова — тонкие переживания, и выразить их до конца убедительно не удается; нет такого языка. Перед нами зародыш с признаками будущего гения. **Валерий Шубинский** (**«Незримая граница любви»**) отметил предельную метафоричность, барочную «заверченность» фраз, чувственность, физиологичность мировосприятия. Книга — о любви к миру, пытающейся преодолеть брезгливость к нему. Отвратительное съедает любимое и любовь — но в конце концов растворяется ею. Наиболее критична **Евгения Свитнева** (**«Ганимед и Паламед»**). В разбираемом произведении ей видится надсадное и жутковатое повествование о смерти. Роман затянут. Это типичный «текст ради текста». Вымученно и избыточно возделывается одна тема. В сочетании с блестящим слогом, умением видеть и поэтизацией безобразного это привносит в прозу странный, пикантный привкус. Прямой аналог «Похоронам кузнечика» критик видит в романе Пруста «У Германтов» (смерть бабушки, образ рассказчика, лексика переводчика Н.Любимова, тема гомосексуализма). Чуть-чуть сумбурная и максимально искренняя книга.

Алексей Касымов пишет о книге Евгения Шкловского «Та страна» (**«Из жизни букв»**: «Знамя», №12, 2000). Эссеизм как качество прозы. Пересказываются не события, а ощущения. Есть мотив, который слышен с первой страницы до последней: жалость — жалкость — красота. Шкловский описывает слабость в ожидании силы, показывает убывание слабости как убывание жизни. Сплошные ссылки на жизнь неудачника, *незадачника*. А **Владимир Новиков** в своем отзыве о книге («Новый мир», №12, 2000) говорит о том, что каждый рассказ у Шкловского посвящен одной чистой эмоции и на этой эмоции построен. Сборник — каталог чувств. В традицию Юрия Казакова Шкловский привнес гиперболизированный лаконизм. Оба критика рассуждают о неудачной для литератора фамилии писателя, а также о совмещении в одном лице прозаика и критика, каковое находят возможным и даже полезным.

Галина Ермошина анализирует роман Людмилы Улицкой «Путешествие в седьмую сторону света» (**«Форма борьбы со временем — печальная попытка его уничтожения»**: «Знамя», №12, 2000). Улицкая пытается вписаться в нишу философско-бытового романа, романа-притчи. Это мастер бытописания. Улицкая стремится философски осмыслить жизнь героя путем помещения его в

потустороннюю среду, наполненную, как кажется автору, непомерным философским содержанием и высшими идеями о добре и зле, жизни и смерти. Автору пока не удается совместить историю семьи в реальном пространстве советской эпохи и изображение странствия души в подсознании, нагруженном аллегориями и религиозным опытом. Текст не развивается вглубь, тяготеет к разливу и обмелению. О том же романе пишет и **Мария Ремизова** (**«В поисках утраченных смыслов»**: «Независимая газета», 11 октября 2000). Критик находит в романе смутность авторских намерений. Концы с концами не связаны и по итогу. Много экзотических деталей, которые не стреляют. Улицкой следует не гоняться за вымученной концептуальностью, а следовать своему таланту натуралиста.

Татьяна Кравченко рассуждает о положительном герое в романе Алексея Варламова «Купавна» («Наш человек в футляре»: «Независимая газета», 1 декабря 2000). Варламов всегда был старомоден: тяжеловесный стиль, прочная сюжетная основа. А тут вдруг написал роман «бессюжетный». Позитивно изображен в романе отец мальчика Колюни, партийный цензор, человек в футляре позднесоветской эпохи. Законопослушен, уважает иерархию, привержен порядку. Это, по Варламову, способ уберечь личность от деформации. Также и бабушка Колюни пытается сохранить свой «футляр» — семью. А для самого повзрослевшего Колюни «футляром», вероятно, является литературная работа без оглядки на литературную моду.

Александр Вяльцев в яркой рецензии **«Трагическая готовность к обиде»** («Независимая газета», 22 декабря 2000) полагает, что Варламов потерпел поражение, поскольку реабилитацию «футляра» не вписал в обобщающую идею. Очевидно, писатель ценит *простую* любовь и нормальные вещи: семью, заботу о детях, походы за грибами, путешествия в глушь. Он — *традиционалист* в мировоззренческом плане. В таком ключе написана и повесть Варламова «Теплые острова в холодном море». Точно описаны Соловки. Но это не дневник путешествия. В центре — герои: мальчик; отец и друг отца. И далее Вяльцев показывает, что независимо от воли Варламова его герои выглядит слабыми и капризными. Путешествие стало для них непосильной работой. Писатель продемонстрировал неприспособленность современного человека к естественной жизни. Герои одержимы навязчивыми мыслями, всего боятся. Москвичей обуревает трагическая готовность к обиде, к несчастью на пустом месте. Им не хватает ни юмора, ни мужества. Эта мрачная серьезность свидетельствует об уязвимости и неустойчивости, что как-то странно для *традиционалистской* позиции. Герои искусственно нагнали на себя страху и сбежали с островов.

Елена Иваницкая пишет о новом романе Александра Мелихова «Нам целый мир чужбина» (**«Лишний человек нашего времени»**: «Знамя», №11, 2000). Автор романа — блестящий и коварный парадоксалист. У него всегда есть герой-идеолог и некая глобальная философско-экзистенциальная оппозиция. В данном случае — оппозиция реальности и воображения. Герою нужна только реальность, а писатель считает конститутивным признаком человека фантазию. Поэтому реальность при ближайшем рассмотрении оказывается невероятной гадостью. Герой отказывается от лучшего в себе. И терпит поражение. Далее

критик отмечает, что Мелихов создает в своих романах-экспериментах слишком «чистые» условия для утверждения той или иной мысли.

Елена Ознобкина в статье **«Город радости и счастья»** («Новый мир», №12, 2000) оценивает роман **Андрея Волоса «Хуррамабад»**. Книга — воплощенный опыт чувственной памяти о чем-то теплом и бывшем. Роман держится не сюжетом, а тонким внутренним единством темы и ощущением утерянного рая. Поэтический строй письма, в котором упакованы трагические по сути события. Русские в Таджикистане. Пришедшие в 20-е и убегающие в 90-е.

Анна Кузнецова в статье **«Песнь о моем Иване»** («Знамя», №10, 2000) пишет о романе Анатолия Азольского «Монахи». Она называет роман «героическим эпосом средневековой Советии». Это 70-е. Критик ищет здесь параллели с традиционным эпосом, рыцарским романом и пр. И находит.

Павел Басинский высоко оценивает прозу Бориса Екимова (**«Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит...»**: «Литературная газета», №50-51, 2000). Читать прозу Екимова — почти физиологическое наслаждение. Но не менее важно, что он пишет о том, что реально происходит с Россией. Такова его повесть «Пиночет» — о России-колхозе.

Евгений Ермолин в статье **«Свободные люди на рабьей земле»** («Новый мир», №11, 2000) пытается дать портрет писателя Бориса Крячко на основе его посмертной книги, вышедшей в Таллинне. Проза Крячко вырастала из житейского опыта ее автора. Крячко стоял вне строя, наособицу, категорически чурался всякой стадности. Личный опыт для писателя существенней общего. Человек живет для себя и для Бога, а не для народа. Аристократизм Крячко питался еще очевидной его англоманией. Он мог работать «чернорабочим-котельщиком», но сохранял выправку джентльмена. Крячко пытался жить без соцзаказа, без внутреннего цензора. Он избегал кривизны и лукавства, слишком сложной психологической выдумки, игры. Нельзя не увидеть в его прозе и неоспоримых примет большого душевного вклада, ясного сердечного чувства. У этого писателя редкое чувство стыда, а высокомерие сочетается с ощущением прочной связи с теми, кого писатель вроде бы презирает. Пессимизм перебивает крыло патетике, и в прозе господствует строгий, холодноватый тон с юмористическими и сатирическими перебивками. Человек оказался в пошлом и низком мире, недостойном его. Такая уж убогая страна. Хорошие люди у Крячко откуда-то помнят о чести и совести. В мерзости и окаянстве жизни, в бездне тотального поражения, в перманентной житейской неудаче герои учатся держать честь и достоинство сухими. Автор ставит их перед выбором, и они этот выбор совершают. Повесть «Битые собаки» — лучшее у Крячко. Душевная вещь; богатый простонародный сказ; подробнейшее воссоздание житейского обихода, в толще которого зарождаются бытийные вопросы. Герой повести Никифор создает собственную теодицею. Его вера — бесконфессиональная вера одинокого человека. Никифор обнаруживает задатки доморощенного мыслителя и строителя личного Беловодья. Но в итоге проект обнажает свою утопичность. Долгая печаль в пронзительном финале повести сминает сюжет. Покаяние и молитва. Плач русского Иова к таинственно и ужасно явившему себя Богу.

Татьяна Вольтская рассуждает о «Книге мертвых» Эдуарда Лимонова (**«Свидригайлов с пером и автоматом»**: «Русская мысль», 9?15 ноября 2000). Ключ к пониманию мотивов, движущих Лимоновым: детский комплекс, подростковая обида, что крутые ребята из ближайшей подворотни не берут в свою хулиганскую шайку. Читателю Лимонов пытается внушить мысль о собственной исключительности. У него в глазу осколок зеркала тролля. С видимым удовольствием автор мартиролога регистрирует знакомых, которые уже успели умереть. Удовольствие происходит из того, что сам Лимонов жив: этот факт и дает чувство превосходства. Даже удивительно, как автору удалось достичь такого гармоничного первобытного состояния: и ощущение превосходства рода над личностью, и желание избавиться от стариков, и фаллический культ, и детская свирепость и наивное невежество — все на месте. И Вольтская указывает, что сам Лимонов привел отзыв об одной из своих книг, где Бродский и героя и автора уподобил Свидригайлову.

О ПОЭЗИИ. Журнал «Октябрь» в двух номерах публикует целый трактат. Поэтесса **Лариса Березовчук** в статье **«Естественный отбор»** (№10, 12, 2000) пространно рассуждает о том, как следует упорядочивать литературный процесс, какая критика нам нужна. Тут не место личным вкусовым пристрастиям критика. Бессмысленно делить литературу на актуальную и маргинальную. Это слишком грубо. Нельзя втискивать творчество того или другого литератора в пределы какой-либо одной эстетической системы или одного поколения. Это тоже слишком грубо. Наконец, нужно брать процесс в целом, а не одну его часть. Не замыкаться Москвой и Питером. И анализировать текст, а не контекст. Далее Березовчук сообщает, что «есть место в литературной практике и оно — пока — свободно». Читатели ждут — не дождутся, когда им понятно объяснят, что делается в литературе. Критик должен стать медиатором, посредником между автором и читателем; экспертом по отношению к тексту. Дальше Березовчук предлагает и собственное объяснение происходящему в современной поэзии. Дается такая классификация: Я-ПОЭЗИЯ (речь от первого лица), КОНТЕКСТ-ПОЭЗИЯ (разрушение литературных контекстов), ФОРМА-ПОЭЗИЯ (ориентирована на новизну формальных элементов стиха и его вербальной стороны), микстовые фигуры (смешения). Двояко мыслится ныне художественное событие: как творческий отчет или как бизнес-ритуал (построение социальной структуры, использующей психологические механизмы участия и удовлетворения; тусовка). Нельзя «гильотинировать» автора, приговаривать его: «исписался». Лучше говорить: «дееспособный» автор — или «недееспособный». Продолжает Березовчук следующим соображением: в отличие от других искусств литературный труд материально незатратен, но затратен творчески, интеллектуально и психологически; отсюда поиск «собеса», стремление литераторов, не желающих превращать творчество в хобби, всякими способами финансово обеспечить собственные нужды путем борьбы за культурные поощрения. Далее автор фиксирует сдвиг в поэзии артефакта из письменной фиксации (текста) в устную форму (произнесение). Это расценивается как «самооборона» поэзии. По ассоциации рассказано о вечерах поэзии в

кафе в Кембридже, об отношениях автора с письменной и устной речью, с Интернетом, с журналами «ОМ» и «Птюч».

Борис Колымагин в статье **«Храни боеспособность языка»** («Октябрь», №12, 2000) также ставит вопрос об условиях выживания поэзии. Как испытание ее он расценивает презентации поэзии в московском клубе-кафе «Проект О.Г.И.» в Потаповском переулке.

Леонид Костюков в многословной, а временами и глубокомысленной статье **«Поэзия нового века»** («Дружба народов», №10, 2000) пишет о молодых поэтах, которые ему близки. Также он производит различные общие суждения относительно поэзии как таковой. Так, Костюков утверждает, что после Пушкина русские поэты либо претворяли в своих поэтических системах те человеческие качества, какими не обладал Пушкин, либо искали единственно достойный повод, мотивирующий письмо. Центральная фигура XX века — Мандельштам. Он фокусировал смысловые лучи и совершал смысловые путешествия с огромной скоростью. Сильно влиял на поэзию 90-х и Георгий Иванов, который фокусировал не смысл, а интонацию. Кроме того, персонифицируют вызов современным поэтам Пастернак, Тарковский, Бродский. Далее Костюков показывает, как на этот вызов отвечают Дмитрий Веденяпин, Сергей Самойленко, Виталий Пуханов, Алексей Кубрик.

Поэт-бард **Дмитрий Сухарев** сочинил **«Введение в субъективную бардистику»** («Знамя», №10, 2000). Это очень свежие и тонкие заметки о феномене авторской песни, о ведущих бардах, об истории движения, о почве, истоках и корнях. О клубах самодеятельной песни и других средах бытования авторской песни, о дилетантизме и профессионализме. Автор полагает, что сегодня авторская песня востребована обществом в высшей степени.

Статьи и рецензии портретного характера.

Александр Касымов в патетически-пиитической манере дегустирует стихи Бахыта Кенжеева (**«Гадание по огню в антракте и во время философского семинара»**: «Знамя», №11, 2000). Критик находит в них полифоничность и симфонизм. Кенжеев хочет собрать в один поток разные речки. Поэзия его — «славянотюркизм».

Элла Крылова пишет о стихах Инны Лиснянской (**«А что за гробом? — Музыка и берег»**: Знамя», №10, 2000). Критик полагает, что у Лиснянской «есть все качества для того, чтобы стать национальным поэтом: мастерская простота, соотнесенность личного переживания с общечеловеческими, актуальность и ясность мысли, точность метафор, ненарочитая благородная красота классического слога без красивостей и вычуров». Она высоко держит планку русской поэзии. Но общество глухо к поэзии.

Евгений Ермолин рассуждает о стихах Семена Липкина (**«Страдающее эхо»**: «Знамя», №11, 2000). Это неромантическая поэзия. Поэт тяготеет к объективному рассказу о событиях, чаще размышляет о жизни в целом, а не о себе. Переводы — еще одна форма отвлечения от личного. Стихи писались вопреки костоломной давильне эпохи, как вызов ей. Личное словно было отодвинуто эпохальным потрясением от гекатомбы холокоста и большого террора. Липкин

избирает роль свидетеля. Роль задает жесткие границы для самореализации. И у Липкина подчас возникает сожаление о том, как мало было уделено ему судьбы, как бедна оказалась жизнь. У него нет чувства значительности собственной жизни. Он видит себя поэтом, который не смог сказаться до конца. Его поэзия — часто поэзия перетекающих друг в друга эпических форм (легенда, поэма, историческая баллада, притча, случай из жизни). Пожалуй, лучшее из написанного Липкиным, — это поэмы, дающие социокультурный срез эпохи, где главной стала тюремно-лагерная тема страдания и неволи. Но и в поэмах Липкин вписывает себя в явленный читателю мир как свидетеля и сопереживателя или как рядового участника событий. В мире, который умеет обходиться без личности, личность все-таки находит возможность осознать себя и определить свое место. Липкин остро чувствует боль человека, попавшего в историю. Он прошел пустыней эпохи, забывшей Бога. Но, кажется, не жил без веры. Его вера — в Бога-мальчика, а не в Бога-царя. Вера в нежное и мягкое, а не в твердое и суровое. Свобода веры вне формы. Свободная религиозность, замешанная на гуманизме и практическом человеколюбии. Экуменизм Липкина безграничен. Липкину осталась чужда идея Бога-искупителя и искупления грехов многих. И потому страдание человека, по Липкину, не есть искупительное страдание. Страдание у него бессмысленно. Вот почему поэт снова и снова возвращается к Освенциму и стоит перед ним как перед глухой стеной. Его Бог участвует в страданиях человека и поддерживает его. Липкинский Христос сродни бодхисатве. Приходит как Кришна, как Будда и помогает людям в клоаке бытия. Бог загадочным образом являет себя в страданиях человека, но почему это так? Только чтоб не оставить человека одного. Отсюда некоторая подспудная грусть — и поразительные видения Бога-страстотерпца. Откровение Бога происходит в страдающем и сострадающем человеке — вот духовная основа той готовности к страданию, которая проявилась в решении 1980 года порвать с советским истеблишментом, стать изгоем. Пострадать. С этого времени острота религиозного чувства у Липкина сопутствовала смежным переживаниям: отринутости, изгнанности за правду. Гонения дали то, чего не давала пресная повседневность, — смысл и волю к жизни. Силу жить долго. Он купил на страдание жизнь. Определилось настоящее, правильное место человека в мире. Полная преданность Богу обеспечила неуязвимость. В стихах запечатлен опыт сопротивления и выживания, опыт стойкого неприятия лжи и зла. Липкин — Иван Денисович русской поэзии. Каждое слово его стиха равно самому себе: не претендуя на большее, не означает ничего меньшего, мнимого. Это поставангардная простота в духе поздних Заболоцкого и Пастернака. Влечение к простоте, наготе слова достигает края в стихах последнего десятилетия. Поэт так много раз умирал с каждым, кому сострадал, что собственная смерть уже не страшит. Не угнетает. Тем более, что она так надолго задержалась, дав время для всего, что только можно было совершить. Поздняя лирика — хроника ухода и ежедневной готовности к последнему переходу. Сегодняшние его наблюдения — из посмертья. Это пристально-суховатый ясный трезвый взгляд. Иногда почти безличная зрячесть, обращенная в сегодня и во вчера. Жизнь, так строго направленная к финалу, исполняется простоты и опре-

деляется относительно самых главных вещей. К ним относится чувство вины за преступления века, в котором пришлось жить. Зло вошло в нас. И все-таки мир жив памятью и раскаянием.

Леонид Шевченко поделился впечатлениями о поэзии Евгения Евтушенко и его книге избранного «Медленная любовь» (**«Бесхитростный»:** «Знамя», №10, 2000). Герой Евтушенко — честный, правильный, любящий человек, открытый и бесхитростный. Евтушенко до ужаса элементарен. Какая воровская простота! За кого вообще поэт держит читателя? Что бывает с писателем, когда уходит читатель? Его спасает собственная эйфория, вера в свое «миссионерство», в свое значение и неповторимость. И все же Евтушенко — Поэт. Он подкупает своей мужественностью. Мужское, первобытное начало («адамизм») преобладает надо всем. Он открывает заново Боль, Смерть, Сексуальность... Он считает себя *первым* поэтом. Критик признается, что всегда мечтал ненадолго побыть Евтушенко. Как будто мало ему быть Шевченкой...

Он же, вероятно, под псевдонимом **Л.Ш.** в том же номере пишет о рокпевице Земфире и ее песнях (**«2000: граффити, плеер и...»**). Она вышла из «андеграунда»: болезненна, практические не причесана, у нее есть мысли, мировоззрение. Она мыслит клипом, как «средний» человек конца XX века. Страх у нее прежде любви. Ее место обитания — интернациональная помойка. Молодость — пропуск в мир помоек, ночных страхов и клиповых картинок. Гибель вписана в тот же пейзаж. У Земфиры плотный текст и хороший вкус. Критику Земфира нравится. У Пугачевой — талант лицедейки, конформистки, конъюнктурщицы. А Земфира такой никогда не будет.

Алексей Машевский в статье **«Полнота высказывания»** («Новый мир», №11, 2000) делится впечатлениями о новых стихах Александра Кушнера. Ныне у него сливаются экспозиция и метафизический выход. Стихотворение настроено на масштаб жизни. Ухватившись за любую мелочь, за ниточку, поэт приводит в движение весь лирический смысловой клубок с темами жизни и смерти, любви, веры, понимания.

Ирина Роднянская в статье **«Внятная речь»** («Новый мир», №11, 2000) дает осмысление поэзии Дмитрия Быкова. Быков пишет давно, много и с такой ненатужностью, какую нельзя сымитировать. Однако обнаруживаются его проблемы — как поэта, претендующего на существенность лирического высказывания. Главная из них, шутка сказать, — при стопроцентном владении стихом и словарем дефицит мысли, не скрадываемый флером иронии. Ныне гладкость осталась, и слава Богу, но возникло сопротивление материала. Юмор, сопутствуя самопознанию, принял углубленный оборот. Высказывание — состоялось. Мелодии быковских стихов сплошь цитатны. Едва ли не сквозь каждый напев пробивается его звучащий прототип. Казалось бы, трудно представить себе более «книжную» поэзию. Казалось бы, не стихи, а какой-то палимпсест. О том, что послужило моделью, как-то не хочется думать, даже когда знакомый звук припоминается сам собой. Стихи несут в себе собственный, индивидуальный драматизм. Весь этот разномастный репертуар может ужиться и прижиться как целое лишь в сердце романтика, мыслящего слегка отлетно. Перед нами романтический поэт, чья мировая скорбь, пройдя через прокат-

ный стан бесцеремонной эпохи, превратилась в «постэсхатологическую» растерянность, а «высокая болезнь инфантилизма» предусмотрительно надела маску одиссеева хитроумия. Адреса же быковских стенаний, просьб, недоумений, укоров, подначек, протестов и попыток стоицизма — женщина, страна и Бог. Бог достаточно условный — такое место для хранения книги жалоб, — но и не вполне условный, иначе с кого был бы спрос за все, что деется; как романтическому поэту обойтись без Бога, даже если он ну совсем не верит в Него? Со страной, вчерашней, сегодняшней, — того горше и сложней. Ненависть к мертвенной имперской несвободе в стиле вамп — она в порядке вещей. И, однако, с какою нежностью вспоминаются «сумерки империи». Романтизм этот прошел изрядную «земную» выучку и тем не банален. В поэзии этой «все, выходит, всерьез». И принимаешь ее совершенно всерьез — вопреки собственному опыту стреляного воробья, вопреки ее зазывным и силовым приемам. Заходя и так и эдак, прибегая и к «истине ходячей», и к парадоксу, поэт передает свою мысль о жизни, с увлекающей чувственной энергией.

Владимир Губайловский анализирует поэму Марины Кудимовой «Утюг» (**«Старая тема»**: «Независимая газета», 20 октября 2000). Безнадежный материал: специнтернат для брошенных детей. Между автором и повествователем нет дистанции. У поэмы точное «жанровое определение» — «характеристика». Отсюда — холодноватый объективизм. Ритм частушки снижает, гасит трагический пафос, но сохраняет его под спудом. И притом — есть усилие понять «так называемого простого человека», «мальчика из специнтерната». Обеспечить соучастие и найти баланс между сарказмом и сочувствием. В поэме вырастает сюжет безответной первой любви, которую повествователь не может принять. А тема в результате оказывается некрасовской — «страдания народа».

Губайловскому принадлежит и отзыв об Александре Еременко по случаю 50-летия последнего (**«Длинный взгляд»**: «Независимая газета», 23 ноября 2000). Для Еременко характерны предельная цитатная открытость и необыкновенная органичность стиха. Ему все равно, кого цитировать; цитата обрастает новыми смыслами, чужими контекстами. Высокий штиль меняется на саркастический и обратно. Стихи Еременко далеко не обязательно зависят от слов, из которых состоят. Лексика может быть любой, метрика и синтаксис — произвольными, все может быть взято напрокат. Сам взгляд — центр его вселенной. «Длина пустого взгляда». Когда этот взгляд перестал замечать предметы — поэт замолчал.

Он же пишет о стихах Сергея Гандлевского, Михаила Кукина, Ивана Волкова, Александра Медведева и Бориса Рыжего (**«Групповой портрет»**: «Независимая газета», 2 ноября 2000). Их общие темы: оружие и война, винопитие, строительство и труд, взросление и личная история, культура и связи с ней, усталость и опустошенность. «Это портрет несуществующего российского среднего класса, несуществующей интеллектуальной элиты»... Может быть, средний класс и не существует, но отчего же и интеллектуальная элита Губайловским упразднена напрочь?

О Борисе Рыжем пространно рассуждает и **Ольга Славникова** (**«Из Свердловска с любовью»**: «Новый мир», №11, 2000). Поэт понравился публике в

качестве экзотического персонажа, такого резкого пацана, носителя блатной романтики, рифмующего «лето» и «сигареты», «говно» и «окно». Рыжий в стихах обрабатывает два мифологических пласта: блатную субкультуру и «Свердловск» (индустриальные задворки цивилизации). Но эстетика и мифология Рыжего исчерпаемы и конечны.

Мария Бондаренко пишет о книге стихов Алексея Денисова «Нежное согласное» (**«Книга рождения стиля»**: «Знамя», №10, 2000). У поэта «глуповатость» приобретает черты серьезного стилистического приема. Лирический субъект отстранен и от внешних предметов, и от себя самого, собственных чувств и эмоций. Анонимное языковое бессознательное, хаос языка в момент метаморфозы — вот настоящий «лирический герой» стихов Денисова. Критик называет стиль Денисова перспективным, что не является очевидным, если судить по приведенным в статье примерам.

Ольга Славникова продолжает свои публикации критического свойства в «Октябре». Некоторые из них могут вызвать интерес. В статье **«Король, дама, валет»** («Октябрь», №10, 2000) она пишет о современных книжных сериях. Дается их классификация.

Между тем, и критические сочинения в «Октябре» самой Славниковой, объединенные рубрикой «Терпение бумаги», стали предметом рефлексии **Александра Касымова** (**«Нетерпение бумаги»**: «Знамя», №10, 2000). Он поразился способности автора говорить старое как новое, а новое как старое. Славникова создает повесть о том, какой беллетристика русская могла стать, но не стала. И так далее. Эссеистические полеты Славниковой Касымов комментирует собственными, еще более произвольными.

К сожалению, у нас пока нет возможности в полном объеме отслеживать литературно-критические публикации в ежедневных газетах, еженедельниках и в он-лайне. Да и не каждая такая публикация заслуживает внимания. Но, например, колонка **Татьяны Бек** в «Общей газете» — явление интересное. Например, об Олеге Ермакове Бек пишет так (№48, 2000): «мощно-трагический летописец афганской темы», «нынче он известен уже «просто» как сильный экзистенциалист». В его прозе о войне Бек находит босховский документализм, «но над всей этой грязью неизбывна карта звездного неба и ощущение вечности. По Ермакову, политика слабее высшего начала. Эта проза лишена деклараций либо шаржевых заострений — она в самодвижении, которому сваями служат рефрены и словно бы стиховые строки». А в повести «Вариации» Бек увидела «класс Томаса Манна в среднерусских потемках». Тут же — заметка о Юнне Мориц. В ее стихах, по Бек, возродились поэтика трубадуров, смех средневековья, лад народной песни (колыбельная, ворожба, порча, похоронная) и едкая, вийоновской ноты, сатира. Любимое слово — чудо. Эпитеты — нежный, чистый, опять же чудный. Впрочем, нежность всегда посыпана перцем ярости.

◆

Мария РЕМИЗОВА
(«Дружба народов», «Москва», «Наш современник»)

1.Художественная проза

(Третий-четвертый квартал 2000, первый квартал 2001гг.)

Изрядная доля произведений современных авторов написана так, словно последние не имеют ни малейшего представления об окружающей их жизни, или — что еще хуже — ничего не хотят о ней знать. Во всяком случае, очевидно, что свои произведения они создают в отрыве от всякого житейского опыта, полагаясь лишь на полет собственной фантазии.

Президент Детского фонда **Альберт Лиханов** предлагает во всех смыслах предсказуемый **роман «Никто»** («Наш современник» № 7, 8, 2000). Автор прослеживает путь подростка-сироты, случайно сведшего знакомство с бандитами. Ничем хорошим для героя знакомство это не оканчивается — он становится членом шайки, доверенным лицом главаря, участником мафиозных разборок и в конце концов гибнет. Если роман чем и любопытен, это удивительными реликтами ментальных штампов: главный герой, несмотря на детдомовское детство, добрый, хороший и совершенно не испорченный мальчик; с бандитским миром его связывают узы дружбы и благородства. Классическая параллель к образу главного героя — Юрий Деточкин, поскольку основная цель лихановского сироты — обеспечить средствами родной детский дом, равно как и прочие другие. Герой и гибнет-то потому, что теряет время на рассылку сиротским учреждениям миллионов, доставшихся ему после смерти главаря. Сам же главарь, лучший друг нашего сироты, представляет собой нечто вроде осовремененного Робин Гуда, борющегося с несправедливым и жестоким миром его же оружием. Между тем автор ведет повествование, имитируя самую что ни на есть реалистическую манеру, которая немедленно вступает в неодолимое противоречие с далекими от реализма сюжетными перипетиями.

Галина Джугашвили в рассказе «Случай» («Москва» № 8, 2000) с эмоциональным надрывом повествует о том, как одинокий юноша поселил у себя в квартире лошадь, которую выкупил на последние деньги, чтобы продлить ей жизнь. Потом они с лошадью долго голодают, а юноша нравственно страдает. Потом он все-таки вынужден собственными руками сдать животное на живодерню, после чего жить ему становится незачем, он завербовывается в Чечню и там погибает. **В рассказе «Снег и пальмы»** пенсионер служит чем-то вроде мажордома при квартире, где живут содержанки богатого иностранца. При том сам пенсионер имеет роскошную дачу, а при ней — и собственную прислугу. (Похоже, автор вообще не представляет себе, чтобы люди обходились без прислуги). Дальше больше. Наш пенсионер *случайно* находит на чердаке драгоценные камни, решает все продать и уехать в Австралию... В тех литературных обстоятельствах, которые так любезно предоставил своему герою автор, гораздо логичнее было бы отправиться куда-нибудь на Марс.

Довольно объемная **повесть Марка Харитонова «Конвейер»** («Дружба народов» № 11) наполнена столь малозначительными событиями, что кажется, буд-

то автор буквально вымучивал этот текст. Обрамляя повествование нагромождением микроскопических деталей своего быта, рассказчик долго и очень скучно описывает поездку в гарантийную мастерскую по ремонту кофемолок, попутно — подробно, с цитатами — излагая содержание романа Роберта Музиля «Человек без свойств». Получается, что основная идея повести: я писатель, значит, должен что-нибудь писать. Но в таком случае не в качестве ли иллюстрации для этой мысли дан в повести образ унитаза, куда человек облегчается, спускает воду — и чисто, и на душе легко от ощущения сделанного дела?

Порой авторы помещают своих персонажей в ***заведомо экзотические условия***. Причем вопрос о неправдоподобии полностью снимается абсолютной невозможностью сличить описанное с действительно бывшим. Но, несмотря на то, что неправдоподобие этой прозы и в самом деле недоказуемо, здравый смысл почему-то вопиет об обратном.

Так, **Олег Осетинский в повести «Чудное мгновение»** (с подзаголовком **«Русская элегия»**) («Наш современник» № 11, 2000) экспонирует эпизоды из жизни композитора Глинки и поэта Пушкина. Грешно, конечно, вырывать цитаты из контекста, но сочинение, начинающееся фразой: «Глинка смеялся, бегал на четвереньках...» и претендующее опять-таки на сугубо реалистическое освещение событий, вызывает мало доверия. А дальнейший текст к тому же убеждает в невеликой творческой состоятельности автора.

Любовь Кольцова в романе с громоздким названием **«Страсть разрушения, или Жизнь потомственного дворянина, государственного преступника и первого русского анархиста Михаила Бакунина»** («Москва» № 11, 12, 2000) пишет порой совсем удивительные вещи. Во-первых, невозможно понять, что подвигло госпожу Кольцову избрать главным героем человека, к которому она не испытывает не только ни малейшей симпатии, но даже, кажется, и элементарного исследовательского интереса. Во-вторых, неясно, что толкнуло ее писать исторический *роман*, если все авторские рассуждения сводятся к переложению хорошо известных по учебникам стереотипных идейных оценок Бакунина как оппонента Маркса-Энгельса-Ленина в теории и практике революции. В третьих, автор настолько не владеет ощущением эпохи, что наполняет текст постоянными стилистическими ляпами (позволяя, например, персонажам — людям все же образованным и неплохо воспитанным — обращаться друг к другу «Леха» или «Мишка»). И, наконец, уже чисто по-женски романистка слишком сосредоточивается на эротической стороне жизни описываемого круга, так что действительно *новыми* оказываются лишь откровения о тайных интрижках Белинского и других исторических личностей.

Несколько иным способом добивается экзотики **Александр Сегень в романе «Русский ураган»** («Наш современник» № 9, 10, 2000). Автор сразу задает своему авантюрному повествованию характер фантасмагории, насыщая его беспримерным числом экстравагантных событий, сменяющих друг друга со стремительностью ускоренной кинопленки. Протагонист производит впечатление сумасшедшего, не отвечающего ни за свои поступки, ни за их последствия. Сомнительно, впрочем, чтобы этот эффект входил в намерения автора — он хотя и иронизирует над собственным персонажем, но в финале выводит его не

менее как в национальные герои. Персонаж одержим идеей возрождения русского футбола. Произвелась же она в мозгу героя после явления тому духа Льва Яшина с главной футбольной тайной на устах. И вот протагонист мотается по городам и весям России (автор предусмотрительно и милосердно снабдил его приличной суммой в долларах), скачет по постелям разных женщин и попадает во всяческие передряги, из которых выкручивается, теряя часть денег. Любопытно, что не успев толком познакомиться с дамой, он немедленно переходит к нежностям и лишь потом, на досуге, выясняет, что прелестница ему по всем параметрам не пара — то она шлюха и стерва, то воровка, то истовая сектантка, то безумная монархистка, то помешанная на деньгах бизнес-вумен. В конце концов футбольный энтузиаст оказывается в родном городке, встречает настоящую женщину, заводит семью и начинает тренировать местную команду юниоров, блистательные успехи которой не позволяют сомневаться в будущем возрождении России... Нельзя не заметить аллегорической составляющей «Русского урагана»: описывая хаос и бардак, сквозь который проносится герой, летающий из ситуации в ситуацию, как направляемый внешней силой футбольный мяч, автор безусловно проводит параллели с состоянием страны (как оно ему видится). В своем герое он с той же мерой безусловности выводит общие черты *типического* россиянина, ищущего почвы под ногами и на самом деле способного своротить горы, а заодно забить немыслимое количество голов в ворота мировой сборной.

Явственными чертами аллегории отмечена и **повесть Олега Слободчикова «Нечисть»** («Москва» № 10, 2000). Ее главное содержание — как сделаться человеком среди общего безобразия. Безобразие реализовано в тексте посредством образа болота, населенного нечистью, обнаруживающей все мыслимые и немыслимые пороки. Лишь главный герой (он полукровка — сын кикиморы и пьяного охотника) находит в себе силы вырваться из липких объятий среды и уйти к людям. Однако, поселившись в деревне, подвижник скоро обнаруживает, что нравы там ничуть не лучше. Осознав свое мессианское предназначение (автор все подает совершенно буквально), герой мастерит себе крест и уходит в лес, чтобы, достигнув личного очищения, изменить тем самым погрязший в грехах мир. Текст порой задевает какой-то безумной энергетикой, связанной, по-видимому, с проявлениями совершенно необычного в современной литературе нетронутого архаичного сознания.

Иным путем заходит в ирреальное пространство **Анатолий Королев**, давший своему **роману** неудобоваримое название **«Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе»** («Дружба народов» № 10, 2000). Герои романа существуют в четырех измерениях, выступая в качестве античных богов, современных людей, вневременных магов и персонажей других литературных произведений. Суть интриги в том, что античных богов свергла некая новая богиня, расчищавшая место для наступающего христианства. Прождав два тысячелетия, обиженные олимпийцы решают взять реванш. С этой целью следует дать узурпаторше бой в магическом пространстве путем разных манипуляций, включающих, в частности, перестановку букв в евангельском тексте и нападение волка

на Красную Шапочку. Но древние боги терпят фиаско и становятся обычными людьми в скучном современном мире. Сочинение крайне хаотично и довольно бессмысленно. Типичный продукт отечественного постмодернизма, пропитанного душком дурного вкуса.

Более искусна в этом отношении **повесть Дмитрия Стахова «История страданий бедолаги, или Семь путешествий Половинкина»** («Дружба народов» № 8, 2000). Она тоже наполнена всякими нелепыми и невозможными событиями, почти никак не связанными между собой. Однако отсутствующий сюжет заменяет сама конструкция произведения, повторяющая иронически обыгранные перипетии сказки о Синдбаде-мореходе. Игровой контекст строится на постоянном несоответствии современных реалий и духа древнего эпоса, на контрасте использованных речевых пластов и ситуативных обоснований.

Желание проповедовать, говорить о большом и неведомом часто заводит писателей в области, далекие от художественной литературы. **Юрий Самарин** возложил на себя задачу, которая ему явно не по силам. Его **рассказы-притчи** («Москва» № 9, 2000) производят впечатление скорее комическое — уж больно прямолинейно автор берется утверждать торжество православия. То под его пером душа нового русского, обернувшись воробышком, обретает просветление в Божьем храме (**«Под Иваном-воином»**). То дама-искусствовед, заблудившись в лесу, переживает видение, обнаруживающее, что прежде она руководствовалась ложными ценностями, и спасает ее лишь сострадание случайно встреченного святого старца (**«Туесок»**). То пестрая компания — чудом уцелевшие во время всемирного потопа мусульманин, протестант, католик и православный — оказывается на последнем возвышающемся над водой островке. Надо ли говорить, что окончательно спасается один православный, решившийся идти по воде аки по суху за явившимся ему Христом (**«Остров»**)?! Искусство — во всяком случае, современное — не допускает подобной наивности, выворачивая наизнанку самые лучшие намерения автора.

Бывает, что излишняя простоватость подводит авторов и менее «возвышенных» текстов. **Николай Чумаков в повести «Хозяин»** («Наш современник» № 11, 2000) заводит речь о сибирских охотниках и сибирских же волках. Основная идея «Хозяина» — и волки, и охотники достойны друг друга, а вот скверные политики, которые пытаются вмешиваться в их жизнь, достойны только презрения. Для повести несколько мелковато.

В этом отношении гораздо более симпатична безыскусная **повесть Любови Мирониxиной «Анюта»** («Москва» № 9, 2000) о деревенской девочке, которая, пройдя через тяготы быта военной деревни, тяжелый труд и лишения, пережив насилие над собой и неудачную любовь, становится отрешенной от мира юродивой. В судьбе героини, окаймленной судьбами ее родных и односельчан, можно увидеть обобщенный портрет русского крестьянства, измученного и почти уничтоженного историей XX века.

Почти антиподом безропотной Анюты выглядит непрерывно жалующийся герой **повести Алексея Варламова «Теплые острова в холодном море»** («Москва» № 11, 2000). Вместе с маленьким сыном и приятелем автор отправил этого самого героя в удивительное по красоте и покою место — на Соловецкие

острова. Не в лагерь — в отпуск. Но — нет чтоб наслаждаться выпавшей радостью! — этот городской капризуля заранее готовит себя к неприятностям, а когда они случаются, страдает от всей души. То погода не заладится, то заблудится в лесу, то устанет, то простудится. И даже когда все хорошо, герою нет покоя. Его одолевают постоянные страхи — что украдут вещи, что сломает ногу, что вовсе погибнет. Предаваясь греху уныния, персонажи между тем все время подчеркивают свою религиозность: ходят на службы и наставляют ребенка в вопросах веры. Автор при том, похоже, вовсе не дистанцируется от главного героя, не оставляя никакого шанса заподозрить себя в ином мироощущении.

Станислав Золотцев в повести «Первый выстрел» («Наш современник» № 12, 2000) делает попытку взглянуть на сельскую жизнь под совершенно противоположным углом зрения. Он описывает деревенский мир глазами мальчика, и мир этот представляется маленьким уютным раем, где царят идиллические нравы и общая гармония. Но деревенская идиллия резко нарушается вторжением выпущенного по амнистии уголовника — и как раз в тот момент, когда мальчик остается в доме один. Спасаясь от неминуемой смерти, ребенок стреляет в бандита из дедовского ружья. Этот выстрел становится первым сознательным и активным поступком маленького человека и кладет предел безоблачно-пассивному мировосприятию детства.

Довольно неожиданный для себя **рассказ «Пионер — всем пример»** написал **Виктор Астафьев** («Москва» № 1, 2001). Главный герой, лейтенант, сразу после войны оказывается в зоне (описанной, кстати, несколько ненатурально — заключенные уж как-то слишком горды и несгибаемы). Отсидев, герой становится писателем-фантастом и в конце концов заводит семью, намереваясь в будущем написать правдивый роман о пережитом. Неожиданность — в несвойственном Астафьеву религиозном пафосе, окрашивающем финал, когда герой везет свою беременную жену для благословения в храм. Благолепие этой сцены граничит с сусальностью. Куда удачнее **рассказ «Венку судят»** (там же). Начатый в фарсовой, почти фольклорной манере рассказ о сельском суде над побившем жену шофером заканчивается на драматической ноте: примирившиеся супруги от радости тут же зачинают еще одного ребенка, после чего женщина отправляется на очередной аборт.

В рассказах Владимира Цыганова «Таланиха», «Помяни мое слово» и **«Клюква»** («Москва» № 2, 2000) сельская жизнь представлена с трех разных сторон. В первом деревенские старухи под предводительством отставного офицера дают отпор городским мародерам. Во втором двум женщинам — матери и жене пропавшего на войне солдата — независимо друг от друга является тот, кого они считают давно погибшим. Видения оказываются пророческими: в финале мать получает телеграмму, что сын ее жив. В третьем рассказе старик, собирая в лесу ягоды, вспоминает прошедшую жизнь — в конце рассказа он умирает.

В **рассказах Владимира Гусева «Коты и собаки»**, **«Жалко того сома»** и **«Память»** («Москва» № 10, 2000) деревенская жизнь подана через восприятие горожанина, прибывшего ненадолго отдохнуть. Автор делится наблюдениями, приобретенными во время рыбалки и долгих прогулок на природе. В **рассказе «Две женщины»** автор противопоставляет два разных социально-психологи-

ческих типа — хваткую городскую интеллигентку и безропотную деревенскую женщину.

Герой **рассказа Михаила Волостнова «И тут оставайся, и с нами пойдем»** («Москва» № 11, 2000), ученый-физик, вернувшись из деревни, обнаруживает, что случайно увез с собой в город домового. Герой с помощью приборов пытается подвергнуть сельскую нечисть изучению, но та посрамляет рационалистическую науку и возвращается в родную деревню.

Самую убедительную картину деревни удалось создать **Евгению Носову** («Москва» № 1, 2001). В **рассказе «Тепа»** одинокая женщина привязалась к своим курам, как к детям, особенно к не умеющему за себя постоять петуху. Автору удалось избежать сентиментальности, и когда в конце концов петух гибнет, расстроенная героиня воспринимает это как неизбежное проявление закона жизни. В **рассказе «Картошка с малосольными огурцами»** описан один день бабушки и внука, самым главным событием которого становится первый самостоятельный поход ребенка в погреб. Контраст между ясным солнечным утром и холодной темнотой подземелья, между миром знакомых вещей и пугающей таинственностью неизвестного пространства создает в восприятии ребенка недоступный взрослому драматизм. Этот (отчасти комический) драматизм, в свою очередь, контрастирует с царящей вокруг гармонией, насыщая коротенький текст дополнительными смыслами.

О судьбе деревенского мальчика-башкира рассказывает **Анатолий Генатулин в автобиографической повести «Что там за холмом?»** («Дружба народов» № 8, 2000). Рано осиротевший, испытавший множество лишений, связанных отчасти с жестокосердием родственников, отчасти с бедностью довоенных колхозов, почти неграмотный герой в конце концов оказывается на стройке в Москве. Уже взрослым закончив школу, овладев чужим ему языком, он начинает писать. Повесть имеет подзаголовок «Исповедь неудачника». Так оценивает свою жизнь сам автор — даже преодоление, казалось бы, невозможных препятствий не сделало его счастливым: он чувствует себя чужим, никому не нужным и одновременно — предателем своего народа, его культуры и образа жизни.

Эту же раздвоенность испытывает герой повести **Афанасия Мамедова «Кланяйся и уходи»** («Дружба народов» № 9, 2000). Молодой художник, уроженец Баку, покинувший родину во время взрыва национализма в Азербайджане, он надеялся обрести в Москве необходимую ему культурную среду. Неудачно женился, развелся... Он живет с ощущением, что Москва его не принимает, а Баку, который он любил, навсегда остался в прошлом.

Для героя рассказа **Асара Эппеля «Пыня и юбиря»** («Дружба народов» № 11, 2000) тоже все уже в прошлом. Кажущийся бедным и одиноким старик на самом деле воротил большими деньгами — эти деньги и сейчас припрятаны у него в доме. Дряхлый герой не может самостоятельно достать их — слишком плох; просить же других боится: вдруг украдут. Но не это, как выясняется, составляет главную тайну старика. Оказывается, когда-то он совершил роковую ошибку и случайно прожил не предназначенную ему судьбу: следуя за любимой девушкой из Бессарабии в Америку, юноша перепутал пароход и на всю жизнь оказался в СССР, откуда ему было уже не выбраться.

Крым, где он в раннем детстве лечился от туберкулеза, становится недостижимой мечтой пенсионера-сибиряка из **рассказа Евгения Богданова «Следы на песке»** («Наш современник» № 12, 2000). Похоронив жену, герой отправляется к Черному морю. Но прямо из вагона его заодно с попутчиком, зачинщиком пьяного скандала, забирают на пятнадцать суток. Пенсионеру так и не придется увидеть моря: едва выйдя из заключения, он попадет под поезд.

В другой ипостаси — обыденной — выступает Крым в **рассказах Игоря Аверьяна** («Москва» № 12, 2000). Студентка с женихом-ленинградцем приезжает на каникулы домой. Жених читает Платона и Спинозу, а вот плавать не умеет. Недовольные неожиданным явлением соперника местные парни, приятели невесты, сталкивают недотепу с лодки. Пережив первый страх, студент постигает науку плавания. На инициаторов проделки он зла не держит, но обида на девушку, потакавшую жестокому эксперименту, рушит отношения влюбленных (**«Катя»**). В **рассказе «Старший инженер Петриков»** уроженец Крыма, ныне инженер-москвич, изобретает насос. Крымская фирма, обещая самые заманчивые условия, пытается переманить рационализатора к себе. Инженер бродит по родным местам, вспоминая прошлое и мечтая о будущем, но знает, что семья все равно никуда не стронется из столицы.

Рассказ Владимира Крупина «Новорусская премия» («Москва» № 10, 2000) посвящен обиде на некий вероломный банк: получая широко разрекламированную премию, повествователь обнаружил, что причитающаяся ему сумма в 200 раз меньше проведенной по бумагам. В **рассказе «Сталинская дача»** («Наш современник» № 12, 2000) повествователь — член какой-то делегации — проводит несколько дней на крымской даче отца народов. Сперва он с отвращением описывает нравы новых русских, использующих сакральное место для азартных игр и сексуальных забав, затем обрушивает на осквернённое место грозу, разразившуюся в неурочное время года.

Еще один **роман** о войне в Чечне **«Идущие в ночи»** вышел из-под пера **Александра Проханова** («Наш современник» № 1, 2, 2001). В основу романа положен реальный эпизод. Активно штурмуя Грозный, федеральные войска вынуждают боевиков идти на прорыв. А дальше противника ждет хитрая ловушка — заранее подготовленный якобы свободный коридор, о котором боевикам сообщил подкупленный «предатель», в действительности офицер разведки. Командуя взводом на самом опасном участке штурма, погибает сын начальника разведки — автора описанного хитроумного плана. Потрясенный отец идет на опасную операцию сам — и, будучи взят в заложники, тоже гибнет. Роман обнаруживает черты, типичные для соцреалистической прозы: «наши» — грубоватые, но бравые молодцы, «враги» — подонки и изуверы. Типична и ситуация «проверки на вшивость»: двое солдат — самоуверенный богатырь и задумчивый хлопец с крестом под гимнастеркой — попадают в плен. Богатырь становится предателем, а верующий юноша, не сгибаясь, принимает мученическую смерть.

Но идейная прямолинейность романа Проханова бледнеет в сравнении с последней **повестью Дины Рубиной «Воскресная месса в Толедо»** («Дружба народов» № 2, 2001). Рубина уже обращалась к подобному жанру: путевым за-

меткам, превращенным в беллетристику. Однако, если прежде интрига вытекала из проблем самой героини, то на сей раз проблемой героини стали страдания всего еврейского народа, имевшие место пять с лишним веков назад в Испании, по которой в данный момент как раз и путешествует героиня. Трудно подобрать для этой вещи иной эпитет, кроме «шовинистическая»: христианство в его католической ипостаси высмеивается и унижается, а собственное племя и его религия безмерно возвеличиваются. Тех испанцев, которые кажутся писательнице приемлемыми, она считает «анусим» («изнасилованные») — так изгнанные из Испании евреи называли оставшихся и принявших крещение соплеменников. Заодно благодаря Рубиной выясняется, что Испания и Палестина — одно и то же, а Эль Греко, Веласкес и Колумб — разумеется, евреи. И сердце Рубиной болит о том, что католики отняли рай у ее предков. Впрочем, подобный счет автор может предъявить почти всему миру — было бы желание.

2. Литературная критика

(Третий — четвертый квартал 2000, первый квартал 2001 гг.)

Рецензируя книгу рассказов Евгения Шкловского «Та страна», **Валерий Липневич** (**«Эта страна, или Мученики архетипа»**, Дружба народов, № 8, 2000), отмечает, что все персонажи Шкловского — невротики, помещенные в травмирующие их условия. Автор делает вывод, что в задачу писателя входило показать состояние современной интеллигенции, особенно ее «низшего слоя», «найти для них успокаивающую улыбку и целящее слово». Из рецензии не ясно, какое именно слово автор имеет в виду.

Статья **«Судеб скрещенье» Марины Адамович** («Дружба народов» № 9, 2000) посвящена мемуарам сразу трех человек. Пеняя Михаилу Ардову за то, что, расставшись с РПЦ, где служил десять лет, он теперь обрушивает на нее гневные тирады, автор хвалит воспоминания Марины Тарковской, сумевшей из разрозненных эпизодов воссоздать целостную картину истории знаменитой семьи, а также восхищается силой духа и мудростью Аллы Андреевой.

В статье **«Поэзия нового века»** («Дружба народов» № 10, 2000) **Леонид Костюков** утверждает, что «состоявшийся поэт совершает не открытие, а скорее закрытие некоторой зоны поэзии», иллюстрируя свою мысль многими примерами из классики. Из обещанных «новых» названы всего два поэта — Виталий Пуханов и Алексей Кубрик. В статье **«В точке миллениума»** («Дружба народов» № 2, 2001) автор рассматривает четырех поэтов. Он резонно берет под сомнение принципиальную возможность *превосходства* эмигрантской поэзии над отечественной (заявленную в предисловии к книге Александры Петровой). Книга Сергея Стратановского кажется ему слишком правильной и оттого пресной, «богоотрицание Елены Фанайовой не имеет статуса отчаяния», зато Михаил Айзенберг лучше всех.

Инна Борисова в статье **«Борис Можаев: воля к независимости»** («Дружба народов» № 10, 2000) не только прослеживает творческую биографию писателя, но приводит несколько документов, иллюстрирующих события крестьянских мятежей, легшие в основу главных произведений Можаева.

Прозаик **Алексей Варламов** в статье **«Убийство»** («Дружба народов» № 11, 2000) бросает взгляд на современную прозу и видит, что писатели самых разных направлений сходятся в интересе к эсхатологической теме. Причины такого интереса автор видит в «негативном мировоззрении» и общем кризисе позитивистской мысли.

По мнению **Ольги Славниковой**, бросившей взгляд на прозу 2000 года в статье **«Произведения лучше литературы»** («Дружба народов» № 1, 2001), главенствовали две тенденции — «культурной беллетристики» (Акунин, Болмат, Кладо) и «нового соцарта« (Войнович, Залотуха), которому автор отдает безусловное предпочтение. Из писателей, не подлежащих означенной классификации, внимание критика привлекли Анатолий Королев, Татьяна Толстая, Николай Кононов и Марина Вишневецкая. Самое изумительное в статье — ссылки автора на «законы Немзера» как основополагающую теорию литературного процесса.

Капитолина Кокшенева в статье **«Какого вы духа?»** («Москва» № 1, 2001) анализирует роман Александра Сегеня «Русский ураган». По мнению критика, это выдающееся произведение нынешней литературы, «ответ-удар» Владимиру Сорокину, отстаивающий правильную нашу (то есть самобытную) норму».

Статья **Николая Дмитриева «Я пришел и ухожу — один...»** («Москва» № 2, 2001) приурочена к юбилею Юрия Кузнецова. Автор не столько анализирует произведения поэта, сколько описывает его жизненный и творческий путь.

Николай Переяслов в статье **«Дочитавший же до конца — спасется...»** («Наш современник» № 2, 2001) рассматривает наполненную разного рода извращениями прозу Сергея Сибирцева и уподобляет автора Данте, написавшему «Ад» ради воздействия на человеческие нравы. Критик полагает, что теперь, когда мерзости российской действительности описаны в правильном ключе, пора дать читателю и надежду — переходить «Чистилищу», а там и к «Раю».

Евгения ШЕГЛОВА

(Петербургские журналы «Звезда» и «Нева»)

Четвертый квартал 2000 г.

Никуда не денешься от давно навязшего в зубах ощущения, что петербургская проза словно выбирается «из-под глыб», как будто на другой планете, а не в Петербурге-Ленинграде жили, например, Е.Шварц, Ю.Герман, В.Панова. И проза судорожно мечется — то самоповторяясь, то увлекаясь сомнительным экспериментаторством, отдающим, однако, нафталином, то впадая в безликую гладкопись.

Самое наглядное тому подтверждение — обширный (на две журнальных книжки) **роман Михаила Чулаки «Большой футбол Господень»** («Звезда», №№ 11, 12). То, что автор его — страстный атеист, сомнению не подлежит, хотя в романе действует не Бог, а некто, названный Господствующим Божеством. Но при чтении «Большого футбола» в памяти встают не Вольтер или Эразм Роттердамский, а Емельян Ярославский, комсомольский агитпроп или, например, детская книжечка 20-х под занятным заглавием «Молебен или трактор». Действующие герои — десятиклассник-херувим, объявленный истеричными веру-

ющими новым «святым», Учителем Истины, Сыном Отца и Матери Небесных и заразивший СПИДом беременную женщину, вернувшуюся из Чечни и припавшую к Нему как к Истине; его мать — лицемерная святоша; юная красотка-школьница, приведшая к вере в Него своего бывшего одноклассника; футболист, вешающий на шею крестик «на удачу»; делец-мошенник, уверовавший в Него, и т.д. Содержанию соответствует и стиль, местами поразительно напоминающий творения Е.Ярославского, местами же попросту примитивный. Надо полагать, что появление романа вызвано реакцией на повальную псевдорелигизацию населения. Проблема и впрямь актуальная. Но хотелось бы все же, чтобы ее решали при помощи мыслей, а не их отсутствия и уж, тем паче, не вульгарной трактовки сложнейших философо-религиозных проблем.

Другая внушительная петербургская публикация — **«Евангелие от Магдалины» Валерия Попова** («Нева», №№ 10, 11). Этот **роман** — повествование, весьма характерное для прозы Попова последних лет: эдакая смесь абсурдизма с алогизмом, помноженная на экзотику дальних странствий. Насыщает роман и столь любимая автором игра со словом — правда, игра, не всегда отмеченная должным вкусом. Пример — самохарактеристика героини: «я всегда была орально неустойчива». Круг героев романа для этого автора тоже вполне привычен: это полумаргиналы — бывшие уголовники, бывшие же военные, проститутка. Путешествуя по Египту, вся эта компания оказывается вовлечена одновременно и в уголовную интригу, и в некое мистическое действо. Читать роман непросто, поскольку обе линии смешиваются, а психологической подоплеки не предусматривалось изначально. Правда, все кончается хорошо: героиня-проститутка, от лица которой и ведется рассказ, находит свою любовь.

На фоне этих объемистых публикаций выигрывают небольшие **рассказы** практикующего врача-онколога **Л.Семенова-Спасского** («Нева», № 10). Автор человеколюбив и жалостлив (что редко сохраняется у онкологов). **«Квартирная хозяйка»** — история о мытарствах бездомного студента, снимающего угол у полусумасшедшей тетки, впоследствии встреченной героем в клинике для умирающих от рака. **«Доктор Ветров»** — драматичный рассказ об актрисе (отнюдь не юной «щуки», как показалось было рассказчику), по смерти пожилого мужа буквально выброшенной на улицу.

Гоар Маркосян-Каспер публикует в «Звезде» (№ 10) небезынтересный **роман «Елена»**. Это второе по счету крупное произведение молодой армянской романистки явно отмечено влиянием Джойса. История героини, врача по профессии, история ее браков и разводов сопрягается с мифом о спартанской тезке, ее путешествиях и Менелае. Только вместо Трои — вполне узнаваемый современный Таллинн, а вместо Менелая — сценарист Олев.

Нельзя не отметить **рассказ Ивана Сабило «Рай в шалаше»** («Нева», № 10) — потому хотя бы, что даже на нынешнем, почти беззвездном литературном небосклоне рассказ этот удивительно безлик. Это своеобразный эталон тусклой гладкописи. Так писали разве что старательные члены ЛИТО. Действие разворачивается в Разливе, рядом с музеем-шалашом Ленина. Супруги ссорятся из-за того, что к мужу заходит некая полуодетая девушка. Более ничего из рассказа не вычитывается... Оказывается, за плечами у автора восемь книг!

Тематический — 12-й — номер «Невы» целиком посвящен культурно-литературным связям Петербурга и США, в частности, Нью-Йорка. «Дорожные записки, сложенные в повесть» (так обозначил **И.Штемлер** жанр своего произведения **«Breakfast зимой, в пять утра»**) — история путешествия по Америке русского туриста. Этой **полудокументальной повестью** автор продолжает серию произведений из жизни «заграницы». Видимо, избранный жанр наиболее точно отвечает складу дарования этого русского Артура Хэйли, в последние годы оставившего попытки создать психологический роман типа «Универмага» или «Таксопарка».

В том же «американском» номере «Невы» — и **фантастический рассказ Евгения Любина «Что нужно человеку»** История о замораживании человеческих особей в некоем саркофаге с последующим оживлением. Герой, переживший подобную процедуру, просыпается в 3000 году, но, увы, любимую почему-то не встречает и сильно разочаровывается. По аналогии с заглавием вспоминается толстовское «Сколько же человеку земли нужно» и сами собой наплывают размышления о том, из-под каких же «глыб» выбираются нынче прозаики.

Любопытны **мемуары Михаила Ковнера «Моя коллекция»** («Нева», № 12). Посвящены они не столько фамильной страсти рассказчика собирать предметы искусства и вообще всякие любопытные штучки, сколько жизни Ленинграда 60-х — 70-х годов. Вроде бы автор повествует о предметах неживых, но кажется, что они почему-то живее иных одушевленных героев.

Сильное впечатление оставляет рубрика «Звезды» (№11), посвященная 65-летию пушкиниста Вадима Вацуро, скончавшегося в январе 2000 года. Вступительная **заметка Мариэтты Турьян «Служенье муз не терпит суеты»**, хотя и небольшая, насыщена и познавательно, и эмоционально. В «локальных сюжетах, историко-литературных уточнениях, комментариях», к которым ученый питал особое пристрастие, Турьян находит «классическую красоту» научных построений, ныне — увы — столь редкую... Оказывается, чуть ли не всю «Лермонтовскую энциклопедию» Вацуро переписал сам — и страшно гордился, что «не получил по шапке» за это! Недаром, завершая заметку, исследовательница вспоминает слова Н.Эйдельмана о С.Муравьеве-Апостоле: «И так просто, легко доказать, что Апостол не зря жил, умер недаром, дело не пропало, всходы не вымерзли. Так просто, ибо это верно. Но все же

Почто, мой друг, почто слеза катится?

Здесь же — и три неопубликованные прежде **статьи В.Вацуро**: **«Пушкинская шутка»**, **«Русский спиритуалистический сонет романтической эпохи»** и **«Ю.Н.Тынянов и А.С.Грибоедов. Из наблюдений над романом «Смерть Вазир-Мухтара»**. Аспирантка В.Вацуро О.Супронюк, публикуя заметки из дневника, вспоминает, что «в самом приближении к Вадиму Эразмовичу было что-то облагораживающее, нравственно обязывающее».

Вообще документалистика, представленная в журналах, вселяет в читателя определенный оптимизм: не оскудела петербургская культура. В рубрике **«Мемуары XX века»** («Звезда», № 11) под заглавием **«Государственный преступник»** напечатаны записки из дневника **А.Белинского**, педагога, долгое время преподававшего литературу и историю в Опочке под Псковом. Особенно впечатля-

ет рассказ о том, как к автору приходил с обыском его же бывший ученик, некогда изгнанный из школы за нерадивость, а теперь гэпэушник.

Артем Соловейчик, сын педагога и писателя Симона Соловейчика, в **очерке «Воспитание без воспитания»** («Звезда» № 12) вспоминает редкую по чуткости и бережному отношению к ребенку обстановку родного дома, где царило прежде всего уважение к личности.

А **переписка Жоржа Нива с Александром Архангельским** («Звезда», № 11) заставляет вспомнить лучшую отечественную (и зарубежную, разумеется, тоже) эпистолярную прозу — жанр, кажется, уж вовсе канувший в небытие.

Интересны две **статьи Николая Голя — «Герой»** («Нева», № 11) и **«Ошибка генерал-полицмейстера»** («Нева», № 10), посвященные петербургским генерал-губернаторам. Автор, краевед и историк, на протяжении уже нескольких журнальных номеров тщательно прослеживает историю города, воплощенную в противоречивых портретах градоначальников. «Герой» Ї?то убитый П.Каховским герой войны 1812 года, знаменитый генерал от инфантерии Михаил Милорадович. Генерал-полицмейстер — это управлявший городом с 1764 по 1777 гг. Чичерин. Портреты получаются живыми и любопытными.

В.Горчаков в **очерке «Горький вкус Цитронеллы»** («Нева», № 10) рассказывает о том, что в действительности крылось за победной реляцией времен Великой Отечественной. Речь идет о потоплении крупнейшего немецкого линкора «Тирпиц». Оказывается, потопили-то его вовсе не мы...

В «Неве» (№ 11) в совершенно, на мой взгляд, не подходящей рубрике «К двухтысячелетию христианства» опубликована **статья М.Богословского «Нерешенные проблемы христианства»**. Статья посвящена предпринятому под эгидой православия искажению учения Христа. Статья явно антицерковная, и, вероятно (хотя автор во многом прав), ее не следовало печать в юбилейной рубрике.

А вот и публикация памяти академика Лихачева. Одна из первых, она приурочена к годовщине его смерти («Нева», № 10). Выдержки из дневника и **воспоминания А.Рубашкина «Многая лета последнее лето»** содержат немало интересных наблюдений и заметок. Автору, давно и хорошо знавшему Д.Лихачева, писать было явно непросто: уж слишком горяч материал, слишком многих ныне здравствующих он касается. А покойный Дмитрий Сергеевич говорил то, что думал... Читая Рубашкина, невольно вновь вспоминаешь:

Почто, мой друг, почто слеза катится?

Художник В. Лаврентьева
Компьютерный набор и верстка С. Точкиной

ЛР № 066469
Подписано в печать 28.04.2001. Формат 60x84/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Таймс». Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 3200 экз.
Заказ № 1567

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ "ГРАНИ"!

С момента основания, в течение всей своей более чем полувековой жизни журнал помогал выжить русской литературе под коммунизмом и доносил до тысяч и тысяч российских интеллигентов в СССР великие традиции русской культуры, которые не только сохранились, но и развивались в эмиграции.

Люди, подвижничеством которых живет журнал в России в наши дни, уверены в нужности своего дела так же твердо, как и их предшественники.

Логотип ГРАНЕЙ — и сегодня знак качества высокой пробы.

В условиях, когда слишком многие российские СМИ, слывущие демократическими, открыто заигрывают с коммунистами, шовинистами, ненавистниками Запада, врагами либеральных ценностей, особенно важно, чтобы журнал, который ощущается одним из необходимых российских институтов, продолжал выходить.

Сегодня ГРАНИ издаются в России в судьбоносное для страны и такое трудное для литературных изданий время исключительно на средства зарубежных подписчиков.

Учитывая ценность журнала для будущего России, а также для русской эмиграции, которая по-прежнему живет тревогами и болью своего Отечества, мы просим и зарубежных и русских наших читателей поддержать журнал и помочь ему.

Деньги (для Америки и Австралии по USD 22.5 за номер, включая доставку авиапочтой, и для Европы и Азии USD 20) следует отправлять чеком по адресу:

PO BOX 4360 BURLINGAME,
California 94010-4360. USA

О том, по какому адресу мы должны Вам послать журналы, а также об отправке Ваших денег в США убедительно просим известить по адресу:

Россия, 127322 Москва, 322, а/я 59.
Редакция журнала ГРАНИ.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ" РЕДАКЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:

Новые стихи

Владимира Алейникова
Елены Благининой
Фаины Гримберг
Ирины Дугиной
Льва Дымарского
Владимира Лапина
Инны Лиснянской
Игоря Петрова

Новые романы, повести и рассказы

Сергея Алиханова
Сергея Бабаяна
Владимира Баранова
Алексея Домбровского
Алексея Иванникова
Юлия Кима
Бориса Козлова
Рээт Куду
Владимира Маканина
Евгения Попова
Вячеслава Пьецуха
Марии Ремизовой
Владимира Торчилина
Елены Холмогоровой

В разделах
РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ, РЕЛИГИЯ, ГНОЗИС

- Статьи и очерки **Сергея Аверинцева, Игоря Виноградова, Фаины Гримберг, Юрия Екишева, Андрея Зубова, Наума Коржавина, Елены и Евгения Пастернаков, Ирины Петровской, Лидии Польской, Григория Померанца, Леона Тайвана, Виктора Тополянского, Юрия Щеглова**

В разделах
ПРОЧТЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ, ИСКУССТВО

- Статьи и очерки **Льва Айзермана, Павла Басинского, Элиота Боренштейна, Игоря Виноградова, Евгения Ермолина, Марии Ремизовой, Виктора Яковлева**
- Беседы о современном искусстве с **Сергеем Арцыбашевым, Анатолием Васильевым, Валерием Евдокимовым, Сергеем Женовачем, Эрнстом Неизвестным, Кареном Шахназаровым, Сергеем Юрским, Генриеттой Яновской**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Спрашивайте красно-бело-синий каталог «Роспечати».
Наши подписные индексы

73218

и

71682

(годовая подписка)

Каталожная цена подписки на «Континент», самый «толстый» журнал России, намного ниже, чем на любой другой «толстый» журнал. В 2001 году она составит всего

100 руб. – годовая подписка;
50 руб. – первое полугодие.

В помещении редакции «Континента» (ул. Мясницкая, 22, 3-й этаж, офис 114) ежедневно (кроме субботы и воскресенья), с 12.00 до 15.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В Москве журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

«AD MARGINEM» – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«БИБЛИО-ГЛОБУС» – Мясницкая, 6
«ГИЛЕЯ» – Большая Садовая, 4
«ГРАФОМАН» – ул. Бахрушина, 28
Книжная лавка РГГУ «У КЕНТАВРА» – Миусская пл., 6
«ЛЕТНИЙ САД» – Большая Никитская, 46
«ЭЙДОС» – Гагаринский пер., 21

«КОНТИНЕНТ» № 107, 400 стр., подписные индексы 73218 и 71682 (годовая подписка)